

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

1999 г.

Восточная и Северная Европа в средневековье

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Г.В.ГЛАЗЫРИНА

Ответственный секретарь
кандидат исторических наук
С.Л.НИКОЛЬСКИЙ

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2001

УДК 94(4)"04/14"
ББК 63.3(5)
Д73

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 00-01-16189

Ответственный редактор серии
доктор исторических наук *Е.А. Мельникова*

Редакционная коллегия серии:
член-корреспондент РАН *Я.Н. Щапов*,
доктора исторических наук *А.В. Назаренко*, *А.В. Подосинов*, *И.С. Чичуров*,
кандидаты исторических наук *Г.В. Глазырина*,
И.Г Коновалова (ответственный секретарь),
кандидат филологических наук *В.И. Матузова*

Редактор издательства *М.А. Жданов*

Древнейшие государства Восточной Европы 1999 г.
Д73 Восточная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. Г.В. Глазырина ; Отв. секретарь С.Л. Никольский ; [Отв. ред. сер. Е.А. Мельникова]. — М. : Вост. лит., 2001. — 472 с. ил. — ISBN 5-02-018239-7 (в пер.), 1000 экз.

Настоящий том ежегодника объединяет статьи отечественных и зарубежных авторов по истории и источниковедению Восточной и Северной Европы периода средневековья. Обсуждаются проблемы, широко дискутируемые в настоящее время в международной историографии и представляющие особый интерес для изучения типологии исторических процессов, — хронология и содержание эпохи викингов, становление государственности в Северной Европе и на Руси, образование полиэтничных общностей и др. Анализируются свидетельства широкого круга древних скандинавских, русских, восточных и иных письменных памятников, исследуются данные эпиграфики, картографии, археологии и языка. В томе публикуются переводы древнеисландских памятников, ранее в России не издававшихся.

ББК 84(54)+86.35

Grizli 973

ISBN 5-02-018239-7

© Г.В.Глазырина, составление, 2001
© Российская академия наук
Издательская фирма «Восточная литература», 2001
Издательство «Наука», ежегод. «Древнейшие государства Восточной Европы» (разработка, оформление), 1978

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Издаваемый ныне том — третий, посвященный проблемам отношений Восточной и Северной Европы в эпоху викингов за почти 25-летнюю историю ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы». Каждый из предшествующих томов был не просто вкладом в соответствующую область исторической науки; каждый из них знаменовал принципиально новый этап в исследовании и общественно-политическом восприятии взаимодействия восточно- и североевропейского миров.

В 1978 г. было издано научное наследие Елены Александровны Рыдзевской (подготовлено к печати И.П.Шаскольским и М.Б.Свердловым) — единственного в довоенном Советском Союзе профессионального скандинависта-медиевиста, не допускавшегося властями к работе по специальности, но тем не менее продолжавшего свои изыскания. Эта публикация фактически явилась официальным сигналом к отказу от вульгарного антинорманнизма. Конечно, уже в предшествовавшие годы и в Москве, и в Ленинграде появились труды исторического (В.Т.Пашуто, М.Б.Свердлов), археологического (Г.Ф.Корзухина, О.И.Давидан, И.В.Дубов, А.Н.Кирпичников, Г.С.Лебедев), источниковедческого (Е.А.Мельникова) характера, в которых не только признавалось присутствие скандинавов в Восточной Европе в период образования Древнерусского государства, но и исследовалось их участие в социально-политических процессах, протекавших в восточнославянском обществе IX–X вв. Тем не менее издание трудов Е.А.Рыдзевской в серии, осуществляемой Институтом истории СССР Академии наук СССР — идеологическим оплотом исторической науки страны, — воспринималось как своего рода публичное разрешение заниматься раннесредневековой скандинаво-русской проблематикой и создавало прецедент строго научного обращения к темам, давно уже ставшим политическими.

Собрание трудов Е.А.Рыдзевской в определенном смысле отразило и замыслы инициаторов свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» (ныне — «Древнейшие источники по истории Восточной Европы») — В.Т.Пашуто и др. и тем самым предвосхитило основные направления исследований публикаторов скандинавского раздела свода. В первую очередь эта книга включила переводы

фрагментов древнескандинавских текстов, содержащих сведения по истории народов Восточной Европы. «Россика» (*Rossica*), подготавливавшаяся исследовательницей на протяжении многих лет и сопровожденная статьей выдающегося знатока исландских саг М.И.Стеблин-Каменского, явилась своего рода прообразом будущих изданий королевских и викингских саг в своде (Т.Н.Джаксон и Г.В.Глазыриной). Здесь же были представлены и неопубликованные статьи Е.А.Рыдзевской — анализ некоторых сообщений саг, проливающих свет на те или иные события древнерусской истории, — направление, уже на другом уровне и в несравненно большем масштабе продолженное и продолжаемое по сей день. Среди этих статей выделялось исследование устных преданий «варяжского» происхождения в Повести временных лет. Его ценность была отмечена сразу же по выходе книги в свет, но она не уменьшилась и ныне, в связи со все более утонченными методами анализа сведений древнескандинавских источников и особенно по мере выявления общего для Древней Руси и Скандинавии пласта устных сказаний, отражающих общую историческую память варяжских и русских дружинников. Именно эта тема является одной из центральных для нынешнего поколения издателей свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»*.

Таким образом, первое обращение ежегодника «Древнейшие государства» к «скандо-россике» перекинуло мостик между скандинавистикой 1930-х и 1970-х годов. Издание архивных материалов Е.А.Рыдзевской, с одной стороны, ввело в науку наиболее значительные результаты довоенного этапа изучения русско-скандинавских связей раннего средневековья и тем самым подвело его итоги, с другой — открыло после тридцатилетнего перерыва саму возможность объективного исследования этого круга проблем и, наконец, определило ряд важнейших исследовательских направлений. Как можно сказать теперь, по прошествии нескольких десятилетий, книга Е.А.Рыдзевской воистину была знаковой.

Скандинавская проблематика появилась в ежегоднике тринадцать лет спустя. Монография Т.Н.Джаксон «Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей» (1991) отмечала новый этап в источниковедении русско-скандинавских связей эпохи викингов. Работа была посвящена в первую очередь способам отражения действительности в королевских сагах и их важнейшем источнике — скальдической поэзии, а также разработке методов их использования для освещения истории народов Восточной Европы.

---

* См.: Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. М., 1999.

Если труды Е.А.Рыдзевской находились практически вне международной историографии времени их публикации, поскольку были написаны за тридцать лет до этого, то монография Т.Н.Джаксон отразила едва ли не самые актуальные тенденции международного саговедения: прошло всего лишь около двух десятилетий с момента «реабилитации» саг, в первую очередь королевских, как исторического источника (в этом качестве им было отказано еще в 1910-е годы в гиперкритических трудах Л.Вейбюлля). 1970–1990-е годы стали временем самого интенсивного исследования королевских саг в их отношении к истории (А.Я.Гуревич, С.Багге, Т.М.Андерсон, Дж.Байок и многие другие). Восприятие истории создателями саг, их политическая или иная тенденциозность, формы воплощения в сагах исторической реальности, проявление авторского начала — эти и подобные вопросы стали центральными в саговедении того времени (не случайно несколько международных саговедческих конференций ставили темы: «Аудитория саги», «История Норвегии в сагах» и т.п.).

В книге Т.Н.Джаксон предложен ряд принципиально новых методов источниковедческого анализа, выработанных на основании восточноевропейских сведений саг, но, как выяснилось позднее, применимых и в других случаях. Наиболее перспективным было формализованно-структурное изучение текста саги с выявлением в нем клишированных (формульных) элементов различных уровней: ситуативных (воспроизведение определенных сюжетов или их компонентов), образных (повторяемость характеристик определенных образов, например скандинавского викинга или конунга, оказавшегося на Руси), наконец, стилистических (формульность описаний, так называемые общие места). Пронизанность текстов саг стереотипами различных уровней, с одной стороны, позволила объяснить многие до того вызывавшие удивление сообщения саг, но с другой — и это было главным — стало ясно, что далеко не за всяким известием саги лежит реальный исторический факт, что вырванное из контекста не только данного произведения, но вообще древнеисландской литературной традиции отдельное сообщение не может быть адекватно интерпретировано, что историческую ценность имеют не только сведения о действительно имевших место событиях, но и сами стереотипы, поскольку в их основе лежали сложившиеся в скандинавском обществе устойчивые представления о том или ином явлении. Именно этот контекстуальный метод и лег в основу дальнейшего исследования «Россики» исландских саг.

Другим важным методическим приемом, отчетливо сформулированным в монографии, было синтезирование данных различных видов источников. Еще до публикации книги Т.Н.Джаксон для объяснения

тех или иных сведений саг нередко привлекались археологические данные. Здесь же было показано, что полноценная и адекватная интерпретация информации нарративных текстов невозможна без учета лингвистических, археологических, нумизматических и других материалов, т.е. применение принципа комплексного источниковедения является не просто желательным, но и обязательным для профессионального исследования.

Впервые в этой работе было предпринято и обобщение разнохарактерной информации королевских саг о Восточной Европе: топонимической и конкретно-исторической (о походах, торговле, политических, матримониальных связях). Впоследствии более подробно и на материале различных древнескандинавских источников, а не только королевских саг обзор сведений о Восточной Европе был представлен в коллективной работе «Древняя Русь в свете зарубежных источников» (1999 г.), а также в ряде монографий Т.Н.Джаксон.

Тем самым второе обращение к русско-скандинавской тематике в ежеднике также носило этапный характер. Оно показало, что отечественная «скандо-россика» является органической частью международной науки, а не представляет собой периферийное явление (отечественная скандинавистика заняла прочное место в мировой науке уже в 1960–1970-е годы), что отечественные и зарубежные источниковеды пользуются общими понятийным аппаратом и методическими приемами. Одновременно были определены методологические основы обращения к древнескандинавским нарративным памятникам для изучения истории Восточной Европы, которые широко применяются и ныне.

Ныне публикуется третий «русско-скандинавский» том ежегодника. Как состав рассматриваемых в нем проблем, так и состав его участников свидетельствуют о продолжении и развитии наметившихся ранее тенденций. Наиболее очевидным проявлением продолжающихся и расширяющихся интеграционных процессов в отечественной и зарубежной науке является участие в них большого числа историков, археологов и лингвистов из Скандинавских стран и Германии. Важный показатель этих процессов — очевидный приоритет одних и тех же исследовательских направлений и проблем, близость исследовательских методов, сходство оценок. Эта общность интересов, как увидит читатель, отнюдь не исключает специфики национальных исторических школ.

Другая особенность данного выпуска состоит в том, что он достаточно полно очерчивает круг проблем, и наиболее широко обсуждаемых ныне, и только входящих в сферу пристального внимания ученых. К первым принадлежит прежде всего комплекс вопросов, свя-

занных со становлением государственности в Северной Европе, чрезвычайно интенсивно исследуемых сейчас в скандинавской историографии (Л.Хедеагер, О.Хюенстранд, Т.Линдквист, Йон Видар Сигурдссон и многие другие), а также и в отечественной — в связи с типологической (а иногда и генетической) близостью этих процессов в Восточной Европе, особенно на ее северо-западе (Е.А.Мельникова, Е.Н.Носов и др.). Эти проблемы дискутируются в статьях С.Чёрнера, В.Я.Петрухина, а более конкретные вопросы — в сравнительном плане — изложены в статьях Г.В.Глазыриной, Т.М.Калининой и С.Л.Никольского.

Одним из важных аспектов этой проблемы является оценка хронологии и социального содержания эпохи викингов — периода, как было ранее принято считать, зарождения процессов образования государства, а ныне рассматриваемого как время интенсивного становления ранних государств во всех Скандинавских странах. Вместе с тем возникает и вопрос о степени репрезентативности источников, на которые вынуждены опираться исследователи этого периода. Р.Зимек ставит под сомнение наши представления об эпохе викингов и самих викингах в силу их вторичности: они сформировались под воздействием средневековых мифологизированных представлений о викингах, оказавших существенное влияние на отбор и фиксацию информации в исторических памятниках средневековья.

Вообще проблема источников — по истории и культуре самих Скандинавских стран, по истории русско-скандинавских отношений, по восприятию Скандинавии, Руси и их взаимных контактов, — специфики этих источников и возможностей их интерпретации традиционна для ежегодника и составляет едва ли не доминирующую тему сборника. Показательны широта и разнообразие рассматриваемых видов, типов и жанров источников и регионов их происхождения. Это и средневековые *mappae mundi*, отражавшие знания западноевропейских картографов о Скандинавском полуострове XI–XIII вв. (Л.С.Чекин), и сочинения восточных писателей, воплощавшие сложную контаминацию реальных сведений и легенд о народе *ар-рус* (Т.М.Калинина) и «острове русов» (И.Г.Коновалова). Использование широкого контекста позволяет предложить новые источниковедческие характеристики даже таких хорошо исследованных памятников раннего скандинавского историописания, как «История о древних норвежских королях» монаха Теодорика (А.В.Бусыгин).

Важной группой текстов, лишь недавно привлекших к себе внимание исследователей, являются рыцарские саги — переложения европейских куртуазных романов, подробный анализ поэтики которых предложен И.Г.Матюшиной.

Наконец, новые тенденции обнаруживает и обращение к такой традиционной, но не потерявшей научного интереса и далеко еще не исчерпанной теме, как «история и сага» (статья Р.Кука).

Источниковедческую группу статей дополняют, с одной стороны, переводы древнеисландских памятников, ранее не издававшихся на русском языке: пряди об исландцах (перевод Е.А.Гуревич) и комплекса древнескандинавских дорожников, описывающих пути в Рим и Святую Землю (публикация Е.А.Мельниковой), а с другой — тонкий анализ методов поэтического перевода песен «Старшей Эдды», осуществленного в 1910-х годах С.Свириденко (О.А.Смирницкая).

Третьей главной темой этого тома являются — как это и свойственно для отечественной историографии — многообразные аспекты и эпизоды русско-скандинавских связей, выявляемые на различном материале: археологическом (А.Стальсберг, И.Янссон, А.О.Амелькин), актовом (Дж.Линд), нарративном (Г.В.Глазырина, А.Д.Щеглов), лингвистическом (Ф.Б.Успенский, Г.Шрамм).

В разделе «Рецензии» дается обзор статей по истории западноевропейского средневековья, помещенных в двух юбилейных сборниках (В.И.Матузова), и критическая оценка публикации на латинском языке «Старшей Рифмованной хроники» (Е.Л.Назарова).

Таким образом, публикуемые в данном томе ежегодника исследования и материалы охватывают широкий спектр как источниковедческих, так и собственно исторических и историко-культурных вопросов развития и взаимодействия северо- и восточноевропейского миров в эпоху средневековья.

Р.Зимек (Бонн, Германия)

ВИКИНГИ: МИФ И ЭПОХА. СРЕДНЕВЕКОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭПОХИ ВИКИНГОВ*

Данная статья посвящена вопросу становления мифа о викингах и причинам его возникновения. Под мифом о викингах я подразумеваю конечный результат идеализации эпохи викингов и самих викингов, т.е. переход от крайне негативного (и с точки зрения жертв викингов, по-видимому, вполне реалистичного) представления о викингах как о пиратах, варварах, грабителях, убийцах и поджигателях, отраженного в англо-саксонских и франкских хрониках и анналах, к распространенному в XVIII и XIX вв. образу благородного воина и бесстрашного первооткрывателя и поселенца. Этот в основном позитивный образ викинга по-прежнему с нами и, в сущности, получил дальнейшее развитие в течение последних двадцати лет благодаря книгам и экспозициям, которые, как правило, представляют викингов в качестве носителей развитой культуры раннесредневековой Скандинавии.

В результате в настоящее время эпоха викингов вновь играет все более существенную роль как средство самоидентификации — и не только для шведов, норвежцев или датчан, но также для англичан, немцев, даже американцев или, что еще экзотичней, — для новозеландцев скандинавского происхождения. Ныне к наиболее очевидным формам подобного самоотождествления с эпохой викингов относится быстрый численный рост всевозможных викингских фестивалей, инсценировок и ярмарок, устраиваемых практически ежегодно. Разумеется, такое проявление народной памяти ни в коей мере не является привнесением двадцатого столетия, но, по крайней мере в Скандинавии, относится еще к XVII в. Современные истоки этой народной памяти, уходящие в Северный Ренессанс в Скандинавии XVII–XIX вв., относительно неплохо изучены в силу огромного энтузиазма, который вызывало все германское в период немецкого романтизма. Здесь

* Пер. с англ. С.Л.Никольского.

© Р. Зимек, 2001

можно сослаться на бесчисленное множество элементов — от Götiska Forbundet до германской идеологии двадцатого столетия, — но ни один из них не является предметом рассмотрения в данной работе. Превалирующий дуалистический образ «дурного» викинга в современных викингскому мифу источниках и «благородного» викинга в литературе нового времени раз за разом становился причиной споров между историками, в процессе которых обе стороны обвиняли друг друга в том, что отрицательное или же, напротив, положительное представление о викингах являются исторически ошибочными и, таким образом, относятся к мифу о викингах. Так произошло и совсем недавно в Норвегии, где опубликованное в 1996 г. исследование вновь разожгло жаркую дискуссию[1]

Вне всяких сомнений, я не вполне доволен термином «миф о викингах», поскольку он не подходит (не соответствует) моему узкому пониманию слова «миф» в том смысле, в каком оно используется историками религии. Этот термин был введен в научный оборот всего пару десятилетий назад[2]

Процесс идеализации, выраженный словосочетанием «миф о викингах», в основном охватывает конкретный исторический период — средние века, и это можно утверждать с определенной долей уверенности. Однако сам миф о викингах, по-видимому, становится осязаемой реальностью лишь в новое время, и недаром Режи Буае просто-напросто исключает из рассмотрения целый период — с XI вплоть до XVIII в. — в своей книге, где он обращается к мифу о викингах во французской литературе[3] Тем не менее именно указанный период, эта лакуна в истории изучения и информированности об эпохе викингов, представляет для меня живой интерес. Как случилось, что викинги, которых в XI в. считали злодеями, внезапно вновь объявившись в XVIII в., предстали уже в виде благородных завоевателей?

Конечно, молчание Буае вполне объяснимо, да и обращается он в основном к французской литературе. В новое время именно в период с начала XVIII до начала XIX в. возник миф о викингах, и именно с тех пор этот миф неизменно пользовался относительно высокой популярностью. В конце указанного временного отрезка никто не сделал больше для распространения мифа о викингах, чем Э.Тегнер в

---

[1] *Titlestad T.* Kampen om Nordvegen. Oslo, 1996.

[2] Ср.: *Boyer R.* Le mythe viking dans les lettres françaises. Paris, 1986; *idem.* Les Vikings. Histoire et civilisation. Paris, 1992 (на нем.: Die Wikinger. Stuttgart, 1994); *Roesdahl E.* Vikingernes Verden. København, 1987 (на англ.: The Vikings. Harmondsworth, 1992); *Eldjárn K.* The Viking Myth // The Vikings. / Robert T. Farrell. London; Chichester, 1982. P. 262–273; *Austin P.B.* Striking Vikings // Sweden Now 14/2, 1980. P. 22–25.

[3] *Boyer R.* Le mythe viking.

1825 г.[4], и, вероятно, именно он несет главную ответственность (или вину) за общую направленность искажения. Однако при всем критическом отношении к свойственной этим двум столетиям тенденции к идеализации — приведем, к примеру, «Сагу о Вёлунде» Адама Эленшлегера (1805 г.), предположительно основанную на *Völundarkviða*, или его же «Смерть ярла Хакона» (1805 г.) — следует отметить их серьезный подход к источникам, особенно к средневековой литературе. Самыми важными после издания Педером Х.Резеном в 1665 г. «Эдды» Снорри и публикации Саксона Грамматика Стефанусом в 1644–1645 гг.[5] (а теперь я не намерен втягиваться в ученый спор между Данией и Швецией XVII–XVIII вв. за доминирующую позицию в древнескандинавских исследованиях) являются наиболее ранние публикации и переводы саг (1737 г.) в Nordiska Kämpadater Эрика Юлиуса Бьёрнера (1696–1750) на исландском, шведском и латинском языках[6] Речь идет об издании целого ряда текстов саг, не в последнюю очередь имеющих отношение к означенному мифу; а подбор произведений в этой антологии сильнейшим образом повлиял на содержание мифа о викингах, а быть может, и разделил ответственность за создание самого мифа, поскольку стал источником для таких людей, как Эленшлегер, Гейер и Тегнер, которые благодаря этой публикации получили возможность ссылаться на средневековые тексты.

Я отнюдь не первый, кто обратил внимание на то, что параллельно с нашей академической картиной эпохи викингов развился миф о викингах, но я пойду еще дальше и предположу, что нам неизменно следует проводить различие между викингами — населением Скандинавии в эпоху викингов, и «викингами» — созданиями, населяющими миф о викингах. Однако вопрос в том, как относиться к этому мифу. Вышеупомянутый Режи Буае из Сорбонны привлек внимание к мифу о викингах, и в своей книге «Викинги», которая впервые была опубликована в 1992 г. и переведена на немецкий в 1994 г., призывал освободить эпоху викингов от мифов. Выражаясь его же словами, следует «информировать *natürlich*, а также разрушать легенды и уничтожать мифы»[7]

Представляется бессмысленным желание уничтожить мифы, имеющие гораздо более весомую силу, чем академическая картина эпохи викингов (и остающиеся таковыми уже многие годы). Скорее, я бы предпочел вносить там, где это необходимо, определенные корректи-

---

[4] *Tegnér E.* Frithiofs saga. Stockholm, 1825.

[5] *Resen P.H.* Edda Islandorum. Hafniae, 1665; *Stephanus Stephanius*. Saxonis Grammatici Historiae Danicae Libri XVI. Hafniae, 1644–45.

[6] *Björner E.J.* Nordiska Kämpadater. Stockholm, 1737.

[7] *Boyer R.* Les Vikings. P. 8.

вы во избежание слишком уж вопиющих ошибок в популярном представлении, а там, где такой необходимости нет, просто смириться с существованием мифа о викингах. Попытка освободить эпоху викингов от мифов неизбежно напоминает нам поиски «исторического» Иисуса, проводившиеся теологами в 40–50-х гг. нашего столетия. Или же представим себе ребенка, который разобрал заводную игрушку на части, чтобы выяснить, как она устроена: в конечном счете он сидит среди груды мелких деталек, хотя так и не нашел решения, зато первоначальный предмет утрачен (возможно, безвозвратно?). То же самое может произойти с мифом о викингах: если бы нам удалось доказать аутентичность всех текстов, тогда вряд ли что-нибудь осталось бы от мифа о викингах, не говоря уж о самой эпохе викингов, поскольку наше знание об этой эпохе проистекает преимущественно из текстов, бóльшая часть которых имеет литературный характер. Нет, я полагаю, нам придется смириться с существованием мифа о ви́кингах; и вместо того, чтобы просто пытаться бороться с ним, нам следует уяснить для себя раз и навсегда, в чем причина его появления. Здесь же, для начала, обратимся непосредственно к средним векам.

Мне бы хотелось показать, как дошедшая до наших дней средневековая исландская литература стилизовала (благодаря литературным приемам) эпоху викингов и самих «викингов» и как в результате «усвоено» это литературное изображение. Кто целеустремленно шагает к нам из исландской литературы тринадцатого столетия — дикий, устрашающий викинг англо-саксонских хроник или же героический мореплаватель и поселенец Северного Ренессанса нового времени?

ОПРЕДЕЛЕНИЯ: *ВÍKING*, *ВÍKINGR*, ЭПОХА ВИКИНГОВ

Позвольте для начала выяснить, что имеется в виду под эпохой викингов и викингами. С исторической точки зрения, эпоха викингов — это период скандинавской экспансии, начало которой (несколько упрощая) связывают с нападением на английский монастырь на о. Линдисфарн в 793 г. н.э., а конец — с битвами при Стамфорд Бридж и Гастингсе в 1066 г.

Пока все вроде бы понятно. Однако, несмотря на то что ныне эпоха викингов и сами викинги являются относительно широко известными понятиями, в области гуманитарной науки кроются трудности более существенные. Так, например, нелегко определить даже то, кем в действительности являлся викинг, поскольку немедленно возникают расхождения в зависимости от принятой историком точки зрения, как,

впрочем, не существует и общего согласия относительно происхождения этого слова.

Что касается этимологии, то даже при беглом просмотре содержания этимологических словарей[8] бросаются в глаза существующие разногласия: не вполне ясно, происходит ли слово викинг от *wog* (ON, OHG, AS), *wig* — «битва» (AS) и *wigan* — «сражаться» (AS), ср. *withan* — «делать» (OHG), или от *withen* — «ослаблять» (MHG), или же от *vig* — «бухта» (ON), не говоря уж о полудюжине других объяснений.

Однако нет общей точки зрения и в том, что в действительности представлял собой викинг. Это становится очевидным, если обратиться к научной литературе по данному вопросу, а также к большим энциклопедическим словарям. Аделунг в 1808 г. еще не использует этот термин; не встречается он и у Брокгауза в 1837 г. Зато уже в 1853 г. *Konversationslexicon* Мейера не испытывает затруднений в его употреблении и кратко характеризует викингов как «древнескандинавских морских героев, см. норманны»; в то же время из статьи, к которой нас отсылают, выясняется, что норманны или нортманны — это «германские обитатели (население) Скандинавии, преимущественно (главным образом) отважные пиратские орды, плававшие от берегов Скандинавии к берегам стран Запада и получившие прозвище норманны от немцев и французов, даны — от англичан и „восточные люди" — от ирландцев». Трудно что-либо сказать против подобного определения, хоть и следует отметить чуть ли не эйфорию в оценке викингов как «отважных пиратских орд», которая несколько озадачивает на фоне сухого в других отношениях содержания энциклопедии. Большой «Универсальный Лексикон» Цедлера 1748 г. издания поддерживает в нас способность удивляться благодаря столь же любопытному определению: «Много лет назад в полуночных странах мира представители как высших, так и низших классов были пиратами, и это пиратство считалось благородным и могущественным занятием».

Даже Гвин Джонс оценивает викингов в схожей манере, когда в «Истории викингов», доказавшей свой основополагающий характер, пишет: «То были люди Севера, население Скандинавии, и немаловажно представить их в беспристрастной перспективе. Вопреки восточным свидетельствам и изображению их собственных художников, *Northmenn*, или *Nordmanni*, являлись, не побоюсь этого эпитета, первыми и выдающимися людьми»[9]

Взгляд на викингов в «беспристрастной перспективе», отстаиваемый Гвином Джонсом, вероятно, несколько отличается от точки зре-

---

[8] *Vries Jan de.* Altnordisches Etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl. Leiden, 1977. S. 662f.

[9] *Jones G.* A History of the Vikings. London, 1968. P. 2.

ния монахов-бенедиктинцев из Восточной Англии, живших ближе к концу первого тысячелетия. Тем не менее подобные цитаты демонстрируют, что миф о викингах вышибает почву из-под ног историка. Ведь в иных отношениях в современной научной среде принято считать, что под термином «викинги» кроются две различные группы людей: с одной стороны, население Скандинавии эпохи викингов, мужчины, женщины и дети, а с другой — по всей видимости, состоявшие исключительно из мужчин корабельные команды пиратов.

Однако же за отсутствием соответствующего термина применительно к эпохе викингов широкое значение — скандинавы раннего средневековья — не наличествует в средневековых источниках. Тем не менее все словари по древней Скандинавии, даже по средневековому языку Исландии и Норвегии, предлагают две, а иногда и три основные интерпретации термина *víkingr*, и в первую очередь — «викинг», что с большей точностью может быть интерпретировано как «морской воин, некто, принимающий участие в *víking*». Данное значение может подразумевать все что угодно — от «морского героя» до «пирата», а также «грабителя».

Последнее толкование, т.е. «пират, грабитель», известно как превалирующее в континентальных источниках. За исключением некоторых отдельных случаев употребления на староанглийском и у Адама Бременского, слово *wicingas* вообще не встречается. Латинские источники, повествуя об этих морских грабителях, предпочитают говорить о «датских пиратах» или же о *Normanni*; и тут я перехожу к первоисточникам.

ВИКИНГ КАК ГРАБИТЕЛЬ ИЛИ ПИРАТ

1. Франкские источники

Гильдесгеймские и Кведлинбургские анналы под 994 г. в своей обычной сухой и сжатой манере сообщают, что сыновья герцога Генриха, а именно Генрих, Удо и Зигфрид, по приказу императора вышли на бой против викингов. Эти краткие сведения приобретают некоторую живость благодаря детальным сообщениям Титмара Мерзебургского, приведенным в его хронике (до 1018 г.). Нападение викингов затронуло Титмара самым непосредственным образом, поскольку трое упомянутых братьев были его дядьями по материнской линии. Он описывает, как 23 июня 994 г., когда он еще проходил обучение при кафедральной школе в Магдебурге, упомянутая троица выступила в морской поход против викингов. В последующем сражении дядя Удо был убит, а остальные двое попали в плен и подлежали выкупу за крупные

суммы денег. Получив часть выкупа, викинги освободили Генриха и герцога Адальгера, но оставили в качестве заложников их сыновей, дабы таким образом ускорить сбор оставшейся суммы. Зигфрид не был отпущен, поскольку не имел сыновей, и для его освобождения Зигфриду, племяннику ранее упомянутого Зигфрида, т.е. родному брату Титмара, предстояло отправиться к викингам в качестве заложника. Поскольку младший Зигфрид не получил от своего аббата разрешения на поездку, будущий хронист Титмар должен был занять его место. Однако он появился слишком поздно, так как в то время дяде Зигфриду удалось бежать из плена. Викинги были так раздосадованы его подвигом, что бросили в реку оставшихся заложников, кузенов Титмара, а также сопровождавшего их священника, предварительно отрезав им носы, уши и руки, а сами отплыли восвояси. Нет ничего удивительного в том, что Титмар Мерзебургский в своем сообщении не слишком благосклонен к викингам. Действительно, строки о проклятых пиратских ордах (Chron. IV, 24: *Execrata vero piratarum turba*) не позволяют нам усомниться в его подлинных чувствах. Позиция Титмара в целом демонстрирует нам общее содержание франкских анналов, даже если их авторы, как правило, и выбирали более сдержанные средства выражения, лучше отвечавшие этому жанру.

Германские историки становятся более беспристрастными (прозаичными) лишь в XI в. В «Деяниях епископов гамбургской церкви», завершенных в 1072 г., Адам Бременский все еще ссылается на скандинавов, уже крещенных и принадлежавших к той же гамбургско-бременской епархии, что и его хозяева, как на *Nordmannos, gentes ferocissimas* — «северных людей, самый необузданный народ».

2. Англо-саксонские источники

Традиционно более известные англо-саксонские источники дают нам картину, сходную с франкскими анналами: викингов представляют здесь в лучшем случае как *piratae*, *pagani*, *barbari*, а временами и в качестве грабителей, убийц, врагов христианского мира или же просто-напросто как дьявольское отродье.

«Деяния Альфреда» Ассера (начало XI в.) являют отличный пример тех выражений, в которых англичане говорили о викингах[10] В связи с нападением 871/2 г. он упоминает *exosae memoriae paganorum exercitus* («ненавистной памяти полчище язычников»). К этому языческому аспекту обращались неоднократно и недвусмысленно, а у Этельверда викинги прямо называются *plebs impiissima*

[10] *Page R.I.* "A most vile people": Early English Historians on The Vikings. London, 1987 (=Dorothea Coke Memorial Lecture, 1986).

(«нечестивейший народ»), что неудивительно, поскольку в это время скандинавы еще не были крещены и вели себя по отношению к англосаксам отнюдь не по-христиански.

Этельверд лично познакомился с будущим норвежским королем Олавом Трюггвасоном в 994 г., когда находился в качестве дипломата на службе у епископа Эльфхеаха Винчестерского. Его хроника, написанная вскоре после 1000 г., дает нам одну из самых выразительных характеристик викингов: *plebs spurcissima* — «мерзейшие из всех людей», *plebs immunda* — «нечестивый народ», *lues immunda* — «грязная зараза»; он называет Олава *rex foetidus*, т.е. «их зловонным королем» — довольно крепкое выражение по отношению к человеку, которого вскоре чуть не канонизировали и которого в скандинавских латинских источниках именовали *Beatus Olavus*. Тем не менее привычная терминология Этельверда — это *pagani* и *barbari*.

3. Древнескандинавские источники

Возможно, более удивительно то, что и в некоторых образцах скандинавской литературы средневекового периода мы обнаруживаем тенденции, общие с франкской и англо-саксонской литературой эпохи викингов. Как бы то ни было, в агиографической литературе (Heilagra manna sögur) слово *víkingr* имеет вполне ясное значение — «пират, грабитель» — и, таким образом, употребляется в крайне негативном смысле. Несколько примеров проиллюстрирует его употребление: так, в североевропейской компиляции Библии «Стьёрн» Давид называет Голиафа *víkingr maðr* (Stjorn 46334), что является вольным переводом *iste Philisteos incircumsisus*, а значит, здесь *víkingr*, очевидно, подразумевает «чужой, языческий», что, с точки зрения средневекового христианина, было вполне справедливо. Даже готы, напавшие на Италию, могли быть названы в североевропейском переводе «Диалогов» Григория *víkingar* [Heilag I, 225: перевод Dialogi Gregorii III, 11: *Cernobius* (епископ Пиомбино), *kom theim a bravt or clande vicinga*].

Латиноязычные исландские анналы и то не особенно доброжелательны в их оценке, хоть и исключительно немногословны и сухи даже для жанра анналов, однако подобное отношение становится менее убедительным, если мы вспомним, что они представляли собой лишь средневековую компиляцию из других иностранных источников.

Annales Regii (в перечне морских правителей викингов) под 861 г.: «(De cronica Bremensium) Sigafridus cum Halfdano fratre hoc tempore regnauit in Dacia, qui munera cesari Lodovico miserunt. Et erant alij reges qui multum eo tempore uexabant Galliam. s. de Norvegiae et Dacia.

Sigafridus. Herisus. Hiörðungr. Rodulphus et Hingvar filius Lothbraci. Qui crudelissimus omnium fuit»[11]

Помимо негативного образа викинга в агиографии во многих образцах средневековой скандинавской литературы присутствует иное, малосодержательное и вполне нейтральное изображение викингов как морских воинов, где слово *víkingr* относится к человеку, отправляющемуся в летние викингские рейды в южные чужие страны. Подобный образ превалирует в сагах об исландцах, т.е. в классических исландских родовых сагах, действие которых разворачивается по преимуществу в эпоху викингов.

ВИКИНГИ В ИСЛАНДСКИХ САГАХ

Во всем корпусе исландских саг и прядей, т.е. более кратких произведений, присутствует 144 ссылки на викингов и 39 упоминаний *víking* как состояния викингского похода. Я не стану приводить здесь все 144 примера, поскольку при знакомстве со всеми отрывками становится ясно, что во всем корпусе, рассмотренном в определенном контексте, упоминания о викингах можно распределить по четырем основным категориям, с которыми традиционно и работают.

1. Викинги как предки

Первая из упомянутых категорий, хоть и не самая многочисленная (14%), — это викинги как предки. Вполне естественно, что они встречаются во вступительных главах саг и, как правило, в связи с характеристикой героя, среди предков которого были викинги. При обращении к первым главам «Саги о Греттире», «Саги об Эгиле», «Саги о Вига-Глуме» или «Саги о Золотом Торире» чаще всего выясняется, что главный герой повествования испытывает проблемы с социальной адаптацией. В эту же категорию входят и те случаи, когда термин «викинг» используется в качестве псевдонима.

2. Викинг — герой повествования в его юные годы

Упоминания викингских походов, пришедшихся на юность героя саги, также играют функциональную роль и крайне стереотипны: в юности он был викингом, затем обратился к более почтенным занятиям, т.е., как правило, стал поселенцем и земледельцем в Исландии; на-

[11] Islandske Annaler indtil 1578 / G.Storm. Christiania, 1888. S. 98.

пример: «Первую половину своей жизни Хавард был великим викингом и очень храбрым воином, но получал по ране в каждом сражении, в котором принимал участие; он был ранен под коленную чашечку и с тех пор всегда хромал»[12] Перед нами вполне очевидное литературное клише, поскольку, судя по исландской историографии, предки исландских поселенцев потеряли свои земельные владения в Норвегии и, как следствие этого, были вынуждены перебраться в Исландию, но отнюдь не являлись удачливыми в сражении викингами. Во многих случаях сюжеты с предками-викингами и викингскими походами как занятием, свойственным герою в юности, совмещаются.

3. Víking как временное занятие

Несколько примеров демонстрируют, что викингские походы в глазах автора XIII в. не выглядят как греховные забавы молодежи, но являются вполне законным временным занятием норвежского земледельца (фермера). Такие «частично занятые» земледельцы отправлялись на одно лето или на несколько летних сезонов в викингские походы — либо за собственный счет, либо поступая на краткий период своей жизни на службу к конунгу. Даже если этот сюжет и играет определенную художественную роль в повествовании, я рассматриваю его в качестве реминисценции на самом деле имевших место в тот период событий и, таким образом, как адекватное отражение эпохи викингов в средневековой скандинавской литературе. В подобные походы могли отправляться как в летнее время[13], так и на более продолжительный срок, будучи на службе у конунга.

4. Чужеземные, иногда безымянные викинги как испытание для героя

Однако наиболее частые упоминания викингов обнаруживаются в сюжетах, повествующих об испытаниях, выпавших на долю героя. В сагах об исландцах это, как правило, испытание оружием, описанное либо в виде поединка, либо, что еще чаще, в виде морского сражения с другими викингами, происшедшего во время путешествия в чужие страны. К тому же имеется несколько отрывков, где социальная правоспособность главного героя, его качества вождя подчеркиваются благодаря демонстрации того, как он успешно избегает угрозы со сто-

[12] Hávarðr saga Ísfirðings // Vestfirðinga sögur / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1943 (ÍF. Bd. 6). S. 292.

[13] Gunnars saga Keldugnúpsfífls // Kjalnesinga saga / Jóhannes Halldórsson. Reykjavík, 1959 (ÍF. Bd. 14). S. 368: «Лето они провели в викингском походе и очень преуспели».

роны викингов. Такой скрытый акцент, по-видимому, объясняется следующим образом: в самой Исландии практически не было шанса встретиться с настоящими викингами, и авторам приходилось переносить место действия, изображая подобные встречи в морях к югу от острова. В целом описание викингов из этой категории почти исключительно негативное; их склонны изображать скорее как берсерков, которые также встречаются в этих литературных произведениях и которым отводят сходную роль испытателей героев. Из 83 упоминаний берсерков двадцать девять известны по двум отрывкам из двух разных саг (двадцать раз в одной сцене из «Саги о Греттире» и девять раз в «Саге о Вига-Глуме»); там и в четырех других сагах *berserkr* неоднократно употребляется в качестве синонима для *víkingr*: а) в поединке и т.п.; б) в морском или ином сражении; в) как избавитель от викингов.

Помимо использования викингов как явно стереотипных персонажей, авторам саг в некоторых случаях удается дать им характеристику, акцентировав внимание на их нраве: «Их рулевого звали Храппен. То был скрытный человек, могучего телосложения и неуживчивого нрава. Он был не прочь прихвастнуть, побывал во многих викингских походах и очень любил оружие и одежду»[14]. Или же авторы достигали схожего эффекта посредством описания одеяния викинга: «Мужчина поднялся на драккар и подошел к борту; на нем был темно-красный кафтан и поверх него иссиня-черный плащ, а на голове — шапка, украшенная тесьмой»[15]

В сагах об исландцах уже прослеживается определенная тенденция к романтизации и идеализации. Здесь я отсылаю к некоторым текстам[16], повествующим о летних экспедициях, в течение которых герои сражались лишь против преступников и викингов, а земледельцев и купцов отпускали с миром — надо признаться, христианский, но не особенно убедительный вариант.

Для классификации викингов в сагах об исландцах этих примеров вполне достаточно; схожая ситуация обнаруживается в историографической литературе Скандинавии — как в латиноязычной, так и в древнескандинавских версиях. В своей «Хеймскрингле» — в отличие от «Саги об Эгиле» — Снорри Стурлусон вообще избегает использовать термин *víkingr*, однако его герои все же отправляются в викингские походы. В латиноязычной «Истории о древних норвежских королях»

---

[14] Vatnsdæla saga / Einar Ólafur Sveinsson. Reykjavík, 1939 (ÍF. Bd. 8). S. 47.

[15] Svarfdæla saga // Eyfirðinga sögur / Jónas Kristjánsson. Reykjavík, 1956 (ÍF. Bd. 9). S. 136.

[16] См., например: Flóamannasaga / Finnur Jónsson. København, 1932 (SUGNL 56). S. 24.

монах Теодорик называет ранее упомянутого короля Олава Трюггвасона *beatus*, но в его молодые годы именует его *pirata*. Столь же двусмысленна характеристика Свейна Аслейфссона в гл. 105 «Саги об оркнейцах», псевдоисторического произведения об Оркнеях, где описание викинга иллюстрирует все прежде приведенные случаи: «Когда Хакон был еще молод, Свейн Аслейфссон предложил взять его на воспитание, и с этой целью он отправился на Гаисей. Как только он возмужал, Свейн стал брать его каждое лето в викингские походы, дабы он заслужил к себе уважение. Каждую зиму Свейн сидел на Гаисей, где у него было восемьдесят мужей и самый большой пиршественный зал на Оркнеях. Весной у него прибавлялось работы, потому что он сеял много зерна себе на пропитание; а потом он отплывал на Гебриды или в Ирландию и брал все, что мог, вплоть до середины лета. Он оставался дома до окончания жатвы, а затем ранней осенью отправлялся в новый викингский поход вплоть до начала зимы»[17]

Данный отрывок представляется вполне позитивным описанием, однако оркнейский ярл советует герою отказаться от викингских экспедиций (грабительских рейдов); и, когда Свейн в конце концов погибает во время разграбления Дублина, создается впечатление, что мы имеем дело со скрытым осуждением образа жизни викинга. В XIII в. в сагах об исландцах и в местной историографии викинг становится клишированным персонажем, поскольку *vîkingr* здесь, как правило, имеет значение «морской воин», но в определении викинга как противника по-прежнему присутствует отчетливо негативный оттенок. Однако викинг как предок или викинг как временное занятие главного героя подразумевают явно более позитивную оценку.

Совершенно иную картину представляет другой жанр древнескандинавской литературы, а именно гораздо менее известные и плохо изученные саги о древних временах, которые в средние века все без разбора получили известность как «лживые саги», что подразумевает полное отсутствие у них каких-либо претензий на правдивость или реалистичность.

ВИКИНГ КАК ГЕРОЙ И ВИКИНГ КАК СТЕРЖЕНЬ ОБЩЕСТВА

В нескольких сагах о древних временах картина дикой жизни викинга скандинавских *fornöld* и *söguöld* представляется естественной частью самого текста; я проигнорирую тот факт, что часть этих произведений следует характеризовать как тривиальную литературу, так как повести

[17] Orkneyinga saga / Finnbogi Guðmundsson. Reykjavík, 1965 (ÍF. Bd. 34). S. 283 f.

о сватовстве, приукрашенные вдобавок бесчисленными сражениями, морскими баталиями и поединками с драконами, без завоевательных и обогатительных походов достойны невысокой, если не негативной оценки. Следующие тексты, а именно: «Сага о Хрольве Жердинке», «Сага о Фритьофе Прекрасном», «Сага о Хальвдане, приемном сыне Брани», «Прядь о Сёрли», «Сага о Хальвдане Эйстейнссоне», «Сага о Вёлсунгах», «Сага о Рагнаре Кожаные Штаны», «Сага об Ане, Сгибающем Лук», «Прядь о Госте Норн», «Сага о Торстейне, сыне викинга» — все демонстрируют скорее восхищенное отношение к викингам, и большинство из этих саг обнаруживается уже в Kämpadater Бьёрнера.

Такого рода саги о древних временах повествуют не только о знаменитых героях прошлого, как «Сага о Вёлсунгах» или «Прядь о Сёрли», но и о персонажах чисто книжного происхождения (и от этого образы викингов становятся лишь ярче). Это может быть доказано на примере известного отрывка о том, что на свадьбе в исландском Рейкьяхоларе 29 июля 1119 г. рассказывалась сага о викинге Хрёнгвиде, конунге Олаве, разорении погребального кургана берсерка Траина и Хромунде Грипссоне. Уже из названия становится ясно, что эта сага может быть определена как викингская сага или же во множественном числе — как викингские саги. В таком случае здесь мы имеем свидетельство раннего существования такой викингской саги, что еще более заслуживает доверия, поскольку до нас не дошло ничего от этой саги или нескольких саг, хотя только на «Сагу о Хромунде Грипссоне» имеется несколько ссылок.

В собрании Бьёрнера по крайней мере «Сагу о Хальвдане, приемном сыне Брани», «Сагу о Хальвдане Эйстейнссоне», «Сагу о Фритьофе», а также «Сагу о Торстейне, сыне викинга» и «Сагу об Ане, Сгибающем Лук» можно отнести к викингским сагам, однако даже «Сага о Рагнаре Кожаные Штаны» и «Сага о Хрольве Жердинке» имеют в качестве главных персонажей героев эпохи викингов. Неудивительно, что эпоха викингов и сами викинги играют в этих сагах большую роль. Помимо простых упоминаний викингов эти саги включают в себя многочисленные элементы, позволяющие нам говорить о них как о викингских сагах. Среди них: 1) великое множество морских путешествий; 2) горизонт, протянувшийся от Британских островов до Балтики; 3) многочисленные схватки, сражения и морские баталии; 4) викингские экспедиции, погоня за добычей, включая грабежи и разорение могильных курганов; 5) морские витязи, проводящие всю свою жизнь в военных экспедициях; 6) легендарные храбрецы, не щадящие своего живота; 7) гордость за свое предназначение; 8) многочисленные группы братьев и побратимов; 9) часто сменяющиеся привязанности и альянсы.

Примеры всех этих элементов вам знакомы и слишком многочисленны, чтобы приводить их полный перечень.

Тем не менее мне хотелось бы проиллюстрировать метод «литературизации» на одном-единственном примере, а именно на так называемых «викингских законах», приведенных в трех сагах.

«Сага о Йомсвикингах», глава 7: «Таков был закон: никого не следует принимать старше пятидесяти или моложе восемнадцати лет, но все в пределах этого возраста должны считаться равными. Кровное родство не должно учитываться при решении, брать ли человека или нет. Никто и никогда не должен бежать от человека, одинаково с ним вооруженного, и всякому следует мстить за каждого члена группы как за кровного брата. Пусть не сорвется с их языка слово страха или отчаяния, как бы безнадежно ни было положение. Все, что они приобрели во время экспедиции, следует складывать у стяга, независимо от стоимости добычи, и всякий, кто не подчинится этому, должен быть изгнан. Всякое злословие запрещено, и какие бы ни были новости, они должны сообщаться единственно предводителем, но никем иным. Никому не позволено приводить женщину в их лагерь и самому отсутствовать более чем три ночи»[18]

«Сага о Хальве», глава 10, добавляет несколько деталей к схожему викингскому закону — так, например, их мечи не должны быть длиннее, чем в ярд, чтобы они вынужденно подступали ближе к своим врагам; никому не разрешается перебинтовывать раны до окончания дня и не дозволяется брать в плен женщин и детей[19] Эти викингские законы — от «Саги о Йомсвикингах» до «Саги о Хальве» — все более романтизировались в средние века. Последним шагом в данном процессе явилась «Сага об Одде Стреле», где герой эпохи викингов объединяет силы с ирландским викингом, который тем не менее оговаривает в качестве условий их совместного предприятия исполнение следующих законов (глава 9):

«Хьяльмар сказал: „Ни я, ни мое войско никогда не будем есть сырое мясо и пить кровь [...]. Я никогда не буду грабить купцов и крестьян, кроме как тогда, когда приходится совершать набег, чтобы покрыть свои нужды. Я никогда не обираю женщину, даже если мы встречаем ее с большой суммой денег. И если кто-либо из моих людей возьмет женщину против ее воли либо против ее воли приведет на корабль, тот должен лишиться жизни, все равно, богат он или беден“»[20]

---

[18] Jómsvíkinga saga efter Arn. handskriften № 291, 4° København, 1882 (= SUGNL 7).

[19] Hálfs saga ok Hálfsrekka / A. Le Roy Andrews. Halle, 1909. S. 92–93.

[20] Qrvar-Odds saga / R.C.Boer. 1892 (= ASB 2). S. 34.

Здесь идеализация эпохи викингов достигает того уровня, когда мы переходим от викинга-героя к викингу-джентльмену — точка зрения четырнадцатого столетия, несравнимо далекая от реальной эпохи викингов, но столь любимая романтиками из века девятнадцатого.

Ради краткости изложения я оставлю теперь саги и подведу итог при помощи единственной фразы, принадлежащей Иоганну Брёндстеду: «Исландские саги испытывали влияние романтических идей... об идеальном сообществе воинов». Таким образом, саги о древних временах — это жанр, в рамках которого подобная романтизация получила наибольшее развитие. Тем не менее в этих представлениях присутствуют элементы, которые уместно отнести к реальной общественной ситуации в эпоху викингов: погоня за деньгами и славой; героическая самостилизация; верность тому, кто может предложить больше. Внимательное прочтение синхронных и, как правило, враждебно настроенных источников, а именно латиноязычных анналов, показывает, что даже они не вполне свободны от проявлений восхищения перед «гнусными» викингами. Так, например, Фульдские анналы в сообщении под 884 г. об одной из битв упоминают, что в рядах нападавших викингов, или норманнов, был человек, отличавшийся ростом и красотой, никогда прежде невиданными среди франков.

Другой известный эпизод, упоминаемый норманнскими хронистами Дудо из Сен-Квентина и Гийомом из Жюмьежа в XI в., а также Бенуа в XII в., обнаруживается и в современных событию хрониках, как, например, в Бертинских анналах под 859 г. Здесь мы находим отрывочную, но не без признаков восхищения историю о Бьёрне Отважном и Гастинге, которые взяли одиннадцать тысяч марок серебра с Карла Лысого лишь за обещание покинуть Сену, но взамен решили покорить Рим. На шестидесяти кораблях они направились вдоль западного побережья Испании с заходом в Гвадалквивир, вошли в Средиземное море, разграбили Балеарские острова, захватили в Северной Африке черных рабов, которых впоследствии демонстрировали на обратном пути по всей Ирландии, а затем повернули на север и провели зиму в дельте Роны, где совершали грабительские рейды вплоть до Экс-ан-Прованс. Следующей весной, отплыв в Италию, они, по-видимому, приняли за Рим город Луну, который и захватили благодаря военной хитрости. Вновь повернув на запад, викинги неожиданно столкнулись с арабским флотом в Гибралтарском проливе, но им удалось ускользнуть в Атлантический океан, а позднее разграбить владения королевства Наварры вокруг Памплоны. Три года спустя после начала сего предприятия на Луару вернулась лишь треть кораблей, зато по самые планширы они были нагружены сокровищами и рабами. Наиболее важный аспект этого предприятия, по всей видимости,

связан с погоней за славой, что сказалось даже на франкских хронистах, которые не могли не упомянуть о неслыханной гордости этих норманнов. Однако тем самым они внесли свой вклад в растущую славу и плодившиеся вокруг викингов легенды, которые, в свою очередь, перетекли в такие произведения, как саги о древних временах.

Пусть даже стремление к славе играло вторичную роль по сравнению с жаждой обогащения, тем не менее вполне вероятно, что в эпоху викингов подобное стремление само по себе становилось стилем жизни. И доказательство тому мы находим в скальдической и эддической поэзии, как, например, в строке из эддической «Песни о Хельги Убийце Хундинга»: «С попутным ветром мы плывем против самóй смерти». Однако вправе ли мы говорить о существовании «героической эпохи» в период между 985 и 1015 гг., и особенно в годы правления Кнута Великого, как пытается это делать Ханс Кун[21]? Этот вопрос представляется, по меньшей мере, спорным.

Постараюсь кратко изложить свои выводы.

Во-первых, не только в новое время, как ранее предполагалось, но уже в средние века в Скандинавии начинает формироваться миф о викингах. И даже авторы саг имели возможность обращаться к некоему мифу, уже широко распространенному среди викингов восьмого и девятого столетий. Не всегда есть необходимость устанавливать прямые каналы, по которым истории о Хрольве Жердинке или Рагнаре Кожаные Штаны (но не о Бьёрне Отважном и Гастинге) проникали в Исландию.

Во-вторых, как видно, ни малопопулярный ныне образ жестокого и кровожадного викинга, ни образ гордого героя-пирата не являются исторической или литературной неточностью, но присутствуют уже на раннем этапе.

В-третьих, надеюсь, мне удалось показать, в какой форме средневековый исландский миф о викинге был вверен пергаменту и что степень этой мифологизации не диктовалась хронологией — скажем, сначала королевские саги, после саги о древних временах, затем саги об исландцах и так далее, — но зависела от целей и приемов, с отчетливыми различиями, обусловленными жанровой спецификой. Агиографическая литература, как и латинские анналы и хроники, демонстрирует крайне негативную картину эпохи викингов, саги об исландцах и королевские саги представляют картину нейтральную, а саги о древних временах и героическая поэзия рисуют сильно стилизованную и романтизированную картину эпохи викингов.

---

[21] *Kuhn H.* Uns ist Fahrtwind gegeben wider den Tod. Aus einer großen Zeit des Nordes // ZfdA. 1977. Bd. 106. S. 147–163.

В-четвертых, не следует упускать из виду, что саги о древних временах, вопреки их средневековому определению как «лживых саг», содержат удивительный пласт реминисценций эпохи викингов (в основном топологического свойства), что также свидетельствует о ранней идеализации эпохи викингов в современной ей литературе, и не только в скальдической и героической поэзии, но даже в рунических надписях и в латинских текстах.

В-пятых, любопытно отметить, что исландская литература с конца XII в. освободилась от влияния латиноязычных агиографических сочинений и ученых трудов и получила возможность представить собственную независимую картину, ничуть не затрагивая при этом вопроса о христианстве. Несомненным подспорьем этому являлся тот факт, что бóльшая часть эпохи викингов предшествовала христианизации Скандинавии и, таким образом, представляла собой чистое поле для идеализации и героизации предков-викингов.

Стен Чернер (Висбю, Швеция)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НА ОСТРОВЕ ГОТЛАНД В СРЕДНИЕ ВЕКА*

Остров Готланд, расположенный посреди Балтийского моря, всегда вызывал интерес окружающего мира. В средние века Висбю был, вероятно, наиболее известным и значительным шведским городом, некогда превосходя даже Стокгольм, столицу Швеции. Репутацию торгового центра Висбю заслужил благодаря своим могущественным гильдиям, а позднее — вследствие увеличившегося влияния Ганзейской лиги. Городская стена, более трех километров протяженностью, была возведена в конце XIII — начале XIV в. и ныне по своей сохранности не имеет аналогов в Северной Европе.

Прежде всего следует выделить три важные даты в раннесредневековой истории Готланда, которые имеют особое значение в связи с вопросом о происхождении и развитии государственной системы на острове.

Истоки благоприятного развития Висбю как торгового центра балтийского региона следует рассматривать на фоне Артленбургского соглашения 1161 г. Этот договор был заключен между жителями Готланда и саксонским герцогом Генрихом Львом, который по условиям соглашения был вынужден отказаться от своих претензий на концентрацию торговли в недавно основанном им городе Любеке. Взамен Висбю открыл свою гавань для купцов из Германии и других европейских стран, что послужило заметным стимулом для развития местной торговли.

Вторая дата, требующая специального рассмотрения, — это 1288 г., когда разразилась война между городом Висбю и сельскими районами Готланда.

Третья дата, 1361 г., также заслуживающая особого внимания, — это год покорения Готланда и Висбю датским королем Вальдемаром

---

* Пер. С.Л.Никольского.

© С.Чернер, 2001

Аттердагом. С тех пор сам город и остров в целом утратили прежнее относительно независимое положение в центре Балтийского моря, подпав под иностранное правление — главным образом датское, но временами шведское или северогерманское.

Немаловажно отметить, что на протяжении большей части XIII в. верховная власть над Висбю оставалась в руках Всеобщего тинга гутов. В переговорах с иностранными державами — например, при заключении соглашения с новгородским князем Ярославом — готландские купцы и иностранные торговцы, в основном немецкого происхождения, действовали сообща[1]. Немцы в Висбю имели две организации. Первая объединяла постоянное немецкое население (*Teutones in Gotlandia manentes*), в состав второй входили немецкие купцы, приезжавшие в Висбю во время торговых экспедиций и остававшиеся там на сравнительно краткий промежуток времени (*Teutones Gotlandiam frequentantes*).

Висбю также включался в понятие «Готландский берег» — термин, имевший торгово-политическое значение. Однако неизбежное соперничество между свободной крестьянской республикой в сельских районах и космополитическим, полиэтничным центром с его передовым торговым укладом вскоре привело к жестким разногласиям.

Весной 1288 г. разразилась война. Подробности конфликта нам практически неизвестны[2] Источники упоминают предводителя крестьян Петера Хардинга из Валля и магистра Ордена Меченосцев Конрада фон Херцогенштайна. Известно, что одно из крупных сражений произошло у Хёгбро (Högbro) близ Рума (Roma), а другое — у самых стен Висбю.

Однако условия мира были продиктованы не горожанами и не сельскими жителями Готланда, а шведским королем Магнусом Ладулосом. Этот правитель и прежде проявлял особый интерес к богатому острову и могущественному городу. На этот раз он воспользовался благоприятной возможностью, чтобы скорректировать слишком вольные отношения готландских общин со шведским государством.

Делегации из Висбю пришлось скрепить печатью своего рода акт повиновения, в котором они приносили извинения за то, что стена вокруг города была возведена без королевского разрешения. Более

---

[1] *Kattinger D.* Gotländische Genossenschaft. Greifswald, 1994.

В диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук на философском факультете Грейфсвальдского университета Эрнста-Морица-Арндта, до сих пор не опубликованной, но доступной в рукописном варианте, рассматриваются вопросы о возникновении, порядке и структуре немецко-готландской торговли в XII–XIII вв.

[2] *Körner S.* Das Jahr 1288 und die Quellen Strelows // Gotland Irredenta. Festschrift für Gunnar Svahnström zu seinem 75. Geburtstag / R.Bohn. Sigmaringen, 1990.

того, они были вынуждены согласиться на выплату крупной компенсации за агрессию против сельских районов. Бюргерам Висбю также пришлось обещать свою помощь королю в противодействии возможным сепаратистским тенденциям в среде бондов. Подписывая упомянутый акт повиновения, горожане тем самым признавали королевское влияние на внутренние дела Висбю.

Войну 1288 г. можно рассматривать как своеобразный рубеж, ознаменовавший собой конец периода процветания Висбю и сельских районов острова. Однако дух былого величия еще долгое время находил свое выражение в местной архитектуре и живописи. Он и ныне витает под сводами средневековых церквей, которые, будучи действующими, производят глубокое впечатление и неизменно напоминают о давно минувшей эпохе могущества Готланда.

В конце XIII в. лидирующую позицию в балтийской торговле занимает ганзейский город Любек. Висбю теряет репутацию «хозяина на море». Так называемая Вендийская Ганза, включавшая северо- и западногерманские города во главе с Любеком, усиливала свои позиции, в то время как Висбю вступил в период упадка. Прежний Восточный торговый путь в Западную Европу через Русь вследствие татаро-монгольского нашествия стал смещаться и теперь проходил через итальянские морские порты.

Теперь обратимся к третьей поворотной дате в раннесредневековой истории Готланда и Висбю — к 1361 г. В это время шведский трон занимал король Магнус Эрикссон. В 1360 г. ему пришлось уступить три провинции в Южной Швеции — Блекинге, Сконе и Халланд — смелому и энергичному датскому правителю Вальдемару Аттердагу.

Внутренние распри между шведскими магнатами серьезно пошатнули власть короля Магнуса, и вскоре еще две провинции — острова Готланд и Эланд — оказались под угрозой датского вторжения. В июле 1361 г. Вальдемар Аттердаг высадился на западном побережье Готланда. Местные крестьяне попытались дать ему отпор при Фьелемюр и у Аймундского моста, но в конце концов потерпели фиаско в крупном сражении у стен Висбю, где около 2000 человек были убиты и захоронены в общих могилах.

Бюргеры Висбю безучастно смотрели на разгром сельского ополчения. В обмен на обещание Вальдемара сохранить старые привилегии города жители Висбю открыли ворота, а городской совет капитулировал перед датчанами. Экспедиция Вальдемара Аттердага 1361 г., обернувшись кровавой трагедией для Готланда, в сущности, закрепила сложившееся положение вещей. В итоге Висбю и Готланд окончательно потеряли свое значение как самостоятельная сила в центре Балтийского моря.

ОБРАЗОВАНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОСУДАРСТВА В СКАНДИНАВИИ И ШВЕЦИИ

Выше был представлен исторический контекст, в котором следует рассматривать развитие государственной системы на Готланде в раннем средневековье. Очертив наиболее важные вехи в истории острова, я также стремился дать некоторое представление об отношениях Готланда с соседями, в первую очередь с Германией, Швецией и Данией.

Теперь подробнее обратимся к особенностям государственной системы в Висбю и на Готланде в целом. При этом небезынтересно рассмотреть становление государства в Дании и Швеции начиная с эпохи викингов.

В эпоху викингов, до 1000 г., в Дании, Норвегии и Швеции в действительности не существовало государства в позднесредневековом и современном смысле этого слова. По всей видимости, в это время скандинавский регион представлял собой совокупность многочисленных мелких «ландов», управляемых местными вождями.

Впервые централизация наметилась в рамках Датского королевства; позднее схожие тенденции обнаруживаются и в Швеции. Ранее по общему согласию среди археологов, историков и лингвистов считалось, что, несмотря на трудности в сообщении, ёты (т.е. население областей, лежащих к югу от свейских территорий центральной Швеции) к середине XI в. вошли в состав королевства свеев.

Более того, отдельные исследователи утверждали, что подобное объединение произошло уже в IX или даже в VI в. Подобная интерпретация недавно была подвергнута сомнению[3] Разобщенность между различными частями Швеции является важным основанием для скептического отношения к теории раннего объединения свеев и ётов — аргумент, не так давно приведенный Карлом Йораном Андрэ[4]

Другим, еще более весомым возражением против гипотезы о раннем включении ётов в Шведское королевство является оспариваемая в настоящее время достоверность хорошо известного датско-шведского договора об установлении границ. Ранее также указывалось, что Адам Бременский, написавший в 1070-х годах «Деяния епископов Гамбургской церкви», среди прочих свидетельств о положении дел в Дании и Швеции неоднократно сообщает о внутренней разобщенности шведского региона в этот период[5]

---

[3] См.: *Sawyer P.* The Making of Sweden. Alingsås, 1988. P. 1 ff.

[4] *Andrae Carl G.* Några tankar kring sädesmåttetet, mynträkning och riksenande i Sverige // Studier i ålder historia tillägnade Herman Schück 1985. Stockholm, 1985. S. 33–47; см. также: *Sawyer P.* The Making of Sweden. P. 41.

[5] *Sawyer P.* The Making of Sweden. P. 3.

Структура государственной власти в шведских областях до XII в. не получила достаточного освещения. Существует ряд свидетельств о народных собраниях, но без всяких указаний на их размеры. В XI и XII вв. упоминаются несколько ярлов, но об их статусе и функциях фактически нет никакой информации. Очевидно, что редкие сообщения о становлении королевской власти в Швеции изобилуют недомолвками и упрощениями[6]

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ШВЕДСКИМ КОРОЛЕМ И ГОТЛАНДОМ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

На фоне общего состояния шведского региона, описанного выше, и следует рассматривать ситуацию на Готланде. «Сага о гутах» предоставляет довольно детальную информацию о положении острова с государственной и церковной точек зрения. Слово «сага» не следует рассматривать буквально; несомненно основываясь на текстах очень древнего происхождения, сама «Сага о гутах» в своем современном виде сохранилась лишь как дополнение к «закону гутов» (*Gutalag*) в его раннем списке, который относится к середине XIV в. В «Саге о гутах» говорится: «Многие конунги сражались с Готландом, пока он был языческим. Однако гуты всегда побеждали и сохраняли свое право. Потом гуты посылали в Швецию многих посланцев. Но никто из них не мог заключить мира, кроме Авайра Соломенной Ноги из прихода Альва; он первый заключил мир с конунгом свеев... Он заключил нерушимый договор с конунгом свеев. Шестьдесят марок серебра ежегодно — это дань гутов, причем конунг Швеции должен получать сорок марок серебра из шестидесяти и ярл — двадцать марок серебра. Этот договор он заключил по совету страны, [данному ему] до того, как он уехал из дома. Так гуты добровольно подчинились конунгу свеев...»[7*]

Судя по тексту саги, можно заключить, что подчинение шведскому конунгу все же оставляло жителям Готланда широкие возможности для самоуправления как во внутренних делах, так и в вопросах внешней политики. Едва ли есть достаточно оснований полагать, что гот-

---

[6] Ibid. P. 7.

[7] См.: *Siltberg T.* Marklejet, tingsdomarna och den sociala differentieringen på Gotland fram till 1600-talet. Umeå, 1993. S. 43, 55 ff.; *Fritzell G.* Tankar kring Gutasagan // Gotländska studier. Visby, 1972. S. 11–46.

* Пер. с древнегутского С.Д.Ковалевского. Цит. по: Сага о гутах // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 308.

ландцы рассматривали свой остров как часть Шведского королевства, которое к тому же само представляло собой довольно шаткую конструкцию.

Согласившись выплачивать шведскому конунгу и ярлу в общей сложности 60 марок, жители Готланда получили право свободно торговать по всей Швеции, не будучи отягощены при этом никакими таможенными сборами. В «Саге о гутах» также говорится, что конунг свеев должен был при необходимости защищать готландцев — в том случае, когда они сами обращались за помощью.

Любопытно, что договор между шведским конунгом и Готландом со стороны последнего был заключен Авайром Соломенная Нога от имени Всеобщего тинга гутов. В те древние времена (датировать события «Саги о гутах» каким-либо конкретным столетием невозможно, однако считается, что данное соглашение могло быть заключено примерно в X или XI в.) Готланд был представлен сельскими районами через Всеобщий тинг гутов. Висбю еще не был политическим и торговым центром и вступил в период процветания лишь в начале XII в.

При заключении Артленбургского договора 1161 г. между саксонским герцогом Генрихом Львом и готландцами именно могущественный тинг от имени Готланда вел переговоры на международном уровне. В заключительной части договора имелась приписка, что текст соглашения хранится в церкви Святой Марии в Висбю. «Ольриком звали германского посла, которого герцог сделал бейлифом и судьей. Лихнатус был послом Готланда»[8]

* * *

Теперь обратимся к событиям 1361 г. и завоеванию Готланда и Висбю Вальдемаром Аттердагом. В 1988 г. Александр Ганзе, молодой немецкий ученый, представил в университете города Бохум свою докторскую диссертацию под названием «Friesland und Gotland. Ein Vergleich spätmittelalterlicher Landesgemeinden». В этой до сих пор неизданной диссертации сравниваются политические системы средневековых готландского и фризского обществ.

По мнению Ганзе, датское завоевание Готланда и Висбю в 1361 г. явилось поворотным моментом в развитии ранней государственной системы Готланда. С тех пор Всеобщий тинг гутов больше не действовал как суверенный представитель готландской государственной власти, а его участники перестали ощущать себя обладателями верховной власти над островом.

---

[8] *Bäärnhielm G.* Artlenburgprivilegiert 1161 // Gutar och vikingar. Stockholm, 1983. S. 458.

Против приведенной гипотезы выступает доктор Хуго Ирвинг из Лунда, вероятно самый известный в нашем столетии исследователь средневековой истории Готланда. Согласно его теории, нет уверенности в том, что Всеобщий тинг гутов даже до 1361 г. рассматривал себя в качестве суверенного представителя острова[9] Ниже я привожу краткий обзор дискуссии, развернувшейся между Ганзе и Ирвингом.

Ганзе полагает, что отношения между Всеобщим тингом гутов и Шведским королевством в конце XIII в. регулировались на договорной основе[10] Сельская община обязывалась выплачивать ежегодный налог в размере 60 марок серебра, а в случае военного похода шведского короля против язычников — участвовать в нем, предоставляя в распоряжение короля семь кораблей. В случае уклонения от участия в этом походе община должна была выплачивать «ледунгсламе» (*Ledungslame*).

Таковы были условия, сложившиеся к моменту письменной фиксации «Закона гутов» (*Gutalag*) и «Саги о гутах», т.е. к 1285 г.[11] В 1276 г. шведский король Магнус установил действительную привилегию беспошлинной торговли на территории Швеции для всех готландских купцов[12]

Затем, в 1277 г., претендент на трон Вальдемар Шведский и его супруга Софи отдали остров в залог маркграфу Бранденбургскому[13]

Тогда, как пишет Ганзе, если рассматривать события, описанные в «Саге о гутах», как ответную услугу шведского короля (а договор о дани предусматривал освобождение готландцев от пошлин), в королевском акте от 1276 г. следует усматривать указание на существование неких даннических отношений. Ганзе также полагает, что в грамоте от 1277 г. в качестве предмета заклада имелся в виду не сам остров, а регулярно выплачиваемая его жителями дань[14]

Ганзе подчеркивает, что дата заключенного Авайром Соломенная Нога договора о дани неизвестна[15] Ридберг в собрании грамот

---

[9] Здесь и применительно к следующему разделу см.: *Siltberg T.* Marklejet. S. 57.

[10] *Ganse A.* Friesland und Gotland, ein Vergleich spätmittelalterlichen Landesgemeinden. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors des Philosophie in der Abteilung für Geschichtswissenschaft der Ruhr-Universität Bochum vorgelegt von Alexander Ganse. S. 143. Цитируется по рукописи в Областном архиве Висбю, Швеция.

[11] *Ganse A.* Friesland. S.143.

[12] Diplomatarium Suecanum / J.G.Liljengren, B.E.Hildebrandt, S.Tunberg, E.Nygren. Stockholm, 1829–1959. T. I. № 611; ср.: *Ganse A.* Friesland. S. 143 f.

[13] Diplomatarium Suecanum. T. I. № 630; *Riedel.* Codex Diplomaticus Brandenburgensis. 2. Reihe I, № 1744; ср.: *Ganse A.* Friesland. S. 144.

[14] Ibid.

[15] Ibid.

Sveriges Traktater[16] датирует это событие приблизительно 1000 г.[17], а обязательство готландцев участвовать в военных походах шведского конунга против язычников — приблизительно 1150 г.[18]

Эти датировки кажутся Ганзе не вполне обоснованными, и он констатирует, что, очевидно, оба события относятся ко времени составления «закона гутов». Ганзе указывает на то, что в 1285 г. король Магнус Ладулос произвел некоторые изменения в даннических отношениях[19] Теперь готландцы обязывались наряду с данью ежегодно выплачивать «ледунгсламе» в качестве фиксированного взноса. Военные обязательства, связанные с походами против язычников, продолжали существовать[20]

В 1288 г. Висбю вышел из состава общины. Согласно Ганзе, это означало косвенное повышение дани для оставшихся в общине сельчан, так как они должны были взять на себя обязательства Висбю[21] В 1313 г. король Биргер Магнуссон удвоил ежегодно выплачиваемую готландцами дань. Ее повышение, к сожалению, не зафиксировано документально. Ридберг вычислил это событие по факту восстановления прежней величины дани в 1320 г.[22] В последовавших тогда спорах за шведский престол готландцы присоединились к партии противника Биргера. Магнус Эрикссон после своей коронации в 1320 г. снизил дань до прежних размеров[23]

Ганзе указывает также на то, что «закон гутов», в отличие от материковых областных судебников, не содержит королевского права (*Konungabalk*) и что готландцы не принимали участия в выборах шведского конунга. Резюмируя сказанное, Ганзе утверждает, что Готланд был самостоятельной страной, не втянутой в интеграционный процесс формирующегося шведского государства[24]

В 1276 г. король Магнус Шведский подтвердил в шведских законах «nostrorum consulum, seniorum et universitatis tam Teuthonicae quam Gutthensis Gutland inhabitantum» их освобождение от пошлин[25] По мнению Ганзе, в подобном обозначении гутнийской общины отрази-

---

[16] *Rydberg Olof S.* Sveriges Traktater med främmande magter. Stockholm, 1877–1895.
[17] Ibid. B. I. № 19.
[18] Ibid. B. I. № 37.
[19] *Ganse A.* Friesland. S. 144.
[20] Diplomatarium Suecanum. T. I. № 815.
[21] *Ganse A.* Friesland. S. 145.
[22] Ср.: *Rydberg Olof S.* Sveriges Traktater. B. I. № 181; Diplomatarium Suecanum. T. 3. № 2255; *Ganse A.* Friesland. S. 145.
[23] *Ganse A.* Friesland. S. 145.
[24] Ibid.
[25] Diplomatarium Suecanum. T. I. № 611.

лось стремление короля более четко выразить притязания шведской короны на остров[26]

На Готланде не было уполномоченных шведским королевским двором чиновников и не существовало ни одной шведской крепости. Шведский королевский домен не располагал земельными владениями на острове. Ганзе полагает, что собиравшиеся на Готланде деньги в пользу шведской короны регулировались через систему двусторонних договоров между формально равноправными партнерами[27]

Существуют лишь две тенденциозные хроники, возникшие при шведском дворе, и поэтому, с точки зрения Ганзе, не вполне достоверные. В них утверждается, что готландцы присягали на верность шведскому королю[28] «Хроника Эрика» повествует о готландцах, присягнувших дротсу Матсу Кеттильмундссону[29] Согласно так называемому *Verbindungsdikt*, готландцы должны были присягнуть Альбрехту Мекленбургскому во время его путешествия по Швеции после коронации в 1364 г.[30]

Ирвинг в своих работах подчеркивает, что до 1361 г. Готланд принадлежал Швеции — например, когда называет остров «шведской сокровищницей»[31] Однако, с точки зрения Ганзе, единственным аргументом в пользу этого тезиса являются поборы, взимаемые с готландцев, — упомянутая дань и «ледунгсламе»[32]

С.-О.Линдквист, бывший директор Областного музея Готланда распределил для периода около 1300 г. дань и «ледунгсламе» на предполагаемое число дворов Готланда и сравнил их с налогообложением в районе озера Меларен (Средняя Швеция). Линдквист обнаружил соотношение порядка 1:10[33] Он считает, таким образом, что уплачиваемые готландцами деньги в пользу шведского королевского двора составляли около 10% от сумм, которые отчислялись жителями района Меларен[34]

Сведения о выплатах готландцев в пользу шведской короны позволяют выявить очевидное преимущество шведской стороны в переговорах о заключении соглашения. Однако такая внешняя форма, как абсолютная величина дани, не позволяет усмотреть в этих сведениях признаки политического превосходства шведов над Готландом[35]

---

[26] *Ganse A.* Friesland. S. 146.

[27] Ibid.

[28] Ibid.

[29] Ср.: *Yrwing H.* Gotlands medeltid. Visby, 1978. S. 39.

[30] Ibid. S. 48.

[31] Ср.: *Ganse A.* Friesland. S. 147.

[32] Ibid.

[33] *Lindquist S.-O.* Sextio marker silver vart år... Sechzig Silbermark jades Jahr // Gotländsk Arkiv. 1984. S. 139–150.

[34] Ibid. S. 143 ff.

[35] *Ganse A.* Friesland. S. 148.

Ганзе полагает, что в цитируемом выше послании короля Магнуса Ладулоса от 1276 г. возрастающие притязания на господство носили оптативный характер: «nostrorum consulum, seniorum et universitatis tam Teuthonicae quam Gutthensis Gutland inhabitantum»[36]

Более поздние соглашения о налогообложении и договоры об освобождении от пошлин не содержат в себе подобных притязаний: 1285 г. — «Guttenses»; 1320 г. — «senioribus et communitati terre Gotlandie»; 1336 г. — «senioribus totique communitati terrae Guttlandiae»[37]

Когда в 1288 г. город Висбю вышел из готландской общины, он избрал своим городским правителем короля Магнуса Ладулоса. В освещающем это событие источнике содержится отрывок, в котором граждане Висбю обещают шведскому королю свою поддержку в том случае, если готландцы выберут иного правителя[38]

По мнению Ганзе, этот момент подтверждает предположение об оптативном характере послания шведского короля Магнуса от 1276 г., поскольку здесь король Магнус признает за готландцами свободу в выборе правителя[39] Даже в роли правителей города Висбю короли Швеции между 1288 и 1361 гг. проявляли малую активность. Число королевских грамот для Висбю в этот временной промежуток крайне ограниченно[40]

Швеция не собиралась мириться с завоеванием Готланда королем Вальдемаром Аттердагом в 1361 г. После того как в 1408 г. Эрик фон Поммерн, король Дании, Швеции и Норвегии, освободил Готланд от поборов в пользу немецкого ордена, остров постоянно был яблоком раздора между рейхсратами Швеции и Дании[41]

В переговорах шведы ссылались на свои более древние права на остров. Датская сторона опиралась на право победителя господствовать над завоеванной территорией, а иногда даже изъявляла готовность признать исконные права шведов в том случае, если они закреплены документально[42]

По мнению Ганзе, в основе позиции датчан лежала убежденность в том, что под древним шведским правом подразумевалось не пра-

---

[36] Ibid.

[37] Ibid.

[38] Hansisches Urkundenbuch. Halle, 1876. B. I. № 1043.

[39] *Ganse A.* Friesland. S. 149.

[40] Ibid. См. также следующие акты: Hansisches Urkundenbuch. 2. № 233 (1313 г.), № 391 (1322 г.); Diplomatarium Suecanum. T. 5. № 3647 (1342 г.); Ibid. T. 6. № 4437 (1349 г.); Hansisches Urkundenbuch. 3. № 192. (1351 г.); Diplomatarium Suecanum. T. 6. № 4824 (1352 г.); Regesta Diplomatica Historicae Danicae. 2.1.1. № 2392 (1361 г.).

[41] *Ganse A.* Friesland. S. 149.

[42] Ibid.

во господства, а некие финансовые сборы второстепенного значения[43]

Ирвинг выдвигает следующий тезис: договор о дани, с одной стороны, и освобождение от пошлин — с другой, первоначально не были взаимосвязаны; договор древнее, чем освобождение от пошлин. Обосновывая свое мнение о давнем господстве Швеции над Готландом, Ирвинг опирается на описание путешествия Вульфстана (конец IX в.) и надпись на так называемом Камне Турсетры, которая относится к XI в.[44] Пошлины же были введены не ранее чем к концу XII в. Освобождение от пошлин готландских купцов в шведском государстве Ирвинг объясняет политической принадлежностью острова к Швеции[45]

Однако письменная традиция шведской истории в период до наступления нынешнего тысячелетия чрезвычайно скупа, констатирует Ганзе. Он считает несостоятельной позицию Ирвинга, который на основе зафиксированного у Вульфстана приблизительно в 890 г. упоминания о господстве шведского конунга над Готландом, сведений Камня Турсетры XI в. и более поздних экземпляров соглашения о выплате дани 1276 г. делает вывод о непрерывности подобных отношений[46]

По мнению Ганзе, в описании путешествия Вульфстана ничего не говорится о степени зависимости Готланда от королевства свеев. Надпись на Камне Турсетры, датируемая XI в., сообщает об увеличении *kiält* (= денег) шведским конунгом на Готланде[47]

Описание путешествия Вульфстана, крайне неточно датированный Камень Турсетры и записанный в 1276 г. договор о дани не доказывают континуитета шведской власти над Готландом. Документы по шведской истории с IX по XII в. столь скудны, что временами едва ли возможно говорить о непрерывности истории самого Шведского королевства[48]

СТАТУС ГОТЛАНДА 1361 г. ПО ИСТОЧНИКАМ ВАТИКАНА

Дополнительные сведения в отношении политического статуса Готланда прослеживаются по ватиканским источникам[49] Во второй четверти XIII в. папы неоднократно посылали легатов в балтийский регион. Представляется не лишенным интереса сопоставление сфер компетенции этих легатов.

---

[43] Ibid.
[44] *Yrwing H.* Gotlands medeltid. S. 19 f.
[45] Ibid. S. 20.
[46] *Ganse A.* Friesland. S. 150.
[47] Ibid. S. 151.
[48] Ibid.
[49] Ibid. S. 155 ff.

Ядро их составляют вновь обращенные балтийские страны — Эстляндия, Вирланд, Ливония, Земгалия, Курляндия, Пруссия, Кульмская земля и намеченные для обращения страны — Литва и Русь. Вместе с тем легаты также были направлены на балтийские острова — Готланд, Эланд, Борнхольм и Рюген, а также в графство Гольштейн. Готланд располагался неподалеку от недавно обращенных балтийских провинций. К тому же закрепление религиозно-политической зависимости острова не откладывалось на долгий срок, что и объясняет включение острова в сферу деятельности легатов.

Однако почему сюда же были причислены Эланд, Борнхольм, Рюген и столь удаленный от них Гольштейн? Когда это произошло? И если эти земли уже были отнесены к легатским областям, то почему та же участь не постигла королевства Дании и Швеции? — задается вопросом Ганзе. Следовательно, из наименования Готланда *regio*, наряду с *regna* — Дании и Швеции нужно делать вывод о том, что в XIII в. папская канцелярия признавала за Готландом статус политически независимого образования.

Точка зрения Ганзе о том, что описание путешествия Вульфстана не свидетельствует о зависимости Готланда, подвергалась критике[50] Так, Ирвинг полагает, что это свидетельство по многим причинам достоверно и что именно с этого времени Готланд, как и другой крупный остров, Эланд, постоянно зависел от Швеции. Ирвинг также отмечает, что мы не имеем сведений о перерывах этой зависимости. Некоторые паузы в отношениях возможны, но лишь один перерыв может быть подтвержден, а именно в связи с «введением фиксированного права». Оно появилось в языческое время, т.е. когда готландцы еще не приняли христианскую веру. Во Флоренции хранится документ, повествующий о христианизации шведских провинций, среди которых упомянут и Готланд. Он может быть с уверенностью датирован приблизительно 1120 г., и это допустимый terminus ante quem для «фиксированного права», которое устанавливало дань в 60 марок серебром.

Договор о военной повинности, согласно Ирвингу, служил предпосылкой для договора о дани и должен был появиться примерно во второй половине XII в., когда проводилась шведская крестовая политика против Востока. Речь идет о вопросе, касающемся крестовой военной повинности против язычников. С тех пор как военная повинность потеряла прежнее значение, в Швеции она была заменена ежегодным налогом, который назывался военным.

---

[50] *Yrwing H.* Med anledning av en tysk doktorsavhandling (Aus Anlass einer deutschen Doktorarbeit) // Gotländskt Arkiv. 1991. S. 155–176.

После сложных переговоров с готландцами Магнус Ладулос смог издать на острове Эланд акт, по которому прежний военный налог, выплачивавшийся вместо предписанной военной повинности, превращался в ежегодный.

Согласно точке зрения Ирвинга, Ганзе неправильно понимает документ от 1285 г., поскольку считает, что речь идет о продлении договора о дани. Ирвинг же полагает, что мы имеем дело с изменением договора о военной повинности.

По Ганзе, дань не являлась налогом в представлении готландцев. Однако Ирвинг отмечает, что в трактовке «Саги о гутах» для готландской земли дань была «налогом в пользу конунга свеев». Ирвинг считает, что Готланд по отношению к Швеции находился в том же положении, что и норвежские *tributariae insulae* (острова-данники, как Исландия и др.) по отношению к Норвегии. Речь идет о расположенных далеко в море островах, которые за выплату дани, или налога, обеспечивали для себя помощь и поддержку со стороны могущественного соседа в борьбе со своими врагами, но тем не менее сохраняли самоуправление.

Ганзе, напротив, считает, что дань возникла как компенсация за пошлины, которые были потеряны для шведского короля по договору, отраженному в «Саге о гутах»[51] Некоторые пошлины для готландцев в Швеции не повышались за то время, пока действовал договор о дани. Первоначально пошлины были введены приблизительно в середине XIII в. В «Саге о гутах» дань рассматривается также и с национальной точки зрения: преимущество было на стороне жителей острова, а не на королевской.

Как упоминалось выше, С.-О.Линдквист сравнил дань и военную повинность Готланда с повинностями в Швеции в период около 1360 г. Результаты этого сравнения показали[52], что поборы, взимавшиеся с Готланда, были меньше по величине. С точки зрения Ирвинга, это сравнение любопытно, но неправомочно. Ирвинг полагает, что Готланд находился в специфических отношениях лично со шведским королем, а не с его государством. Остров Готланд, утверждает Ирвинг, находился вне налоговой системы Швеции.

Ирвинг пишет, что Ганзе делает далеко идущие выводы из результатов этого сопоставления Готланда и Швеции[53], отрицая любую форму политической зависимости. Однако как дань, так и военный налог, по мнению Ирвинга, выплачивались в качестве верноподданнических сборов. Дань существовала первоначально; военная повин-

---

[51] Ср.: *Yrwing H.* Med anledning. S. 174.

[52] Ср.: Ibid.

[53] Ibid.

ность — как новое обязательство перед королем в связи с проведением крестовых походов, являясь возмещением за отсутствие войска, и в 1285 г. превратилась в ежегодный налог.

С точки зрения Ирвинга, это означало усиление зависимости Готланда. Размер налога в данном случае не имел значения. Дань была конституирующим фактором в отношениях зависимости, в основе которой лежало признание военной мощи шведского короля.

Пожалованные в 1276 г. Магнусом Ладулосом привилегии жителям Готланда и немцам из Висбю для торговли в Швеции рассматриваются Ганзе как «древнейший договор о дани». И когда, как он полагает, король Магнус в том же году выдал сходную грамоту купцам из Риги, они получили те же привилегии, что и купцы Готланда и Любека (*velut illi de Gotlandia et Lubeke*).

При этом, с точки зрения Ирвинга, гипотеза Ганзе о древнейшем данническом договоре несостоятельна. Что же касается утверждения Ганзе о том, что полномочия папских легатов дают сведения о политическом статусе Готланда, Ирвинг констатирует, что основной областью миссионерской деятельности было балтийское побережье от Померании до Финского залива. Путь туда торговых кораблей (ведь именно они служили миссионерам средством передвижения) лежал через острова Рюген, Эланд и Готланд.

Швеция и Дания не принадлежали к миссионерским областям в XIII в. Однако, по мнению Ирвинга, нельзя делать выводы о политическом положении из документов легатов[54]

ГОТЛАНДСКИЙ ГОТЛАНД?

С государственной точки зрения Готланд вплоть до наших дней рассматривался как «готландский Готланд». Предполагалось, что даже в XII в. Готланд не знал сильной королевской власти, доминирующей над местным обществом. Считалось, что конунг повелевал Готландом лишь в течение коротких промежутков времени, посредством особых налогообложений и военных мер.

Сельская часть населения Готланда также рассматривалась исследователями как относительно эгалитарное общество, а Висбю считался изначально готландским городом, только позднее подвергшимся нарастающему немецкому влиянию[55]

Все эти теории о готландском Готланде имеют явную связь с вопросами, касающимися разногласий по «викингскому Готланду», где

[54] Ibid. S. 175.

[55] См.: *Siltberg T.* Marklejet. S. 44 — ссылки на Ирвинга и Вестхольма.

в процессе дискуссий немаловажную роль играли ошеломляющие находки богатых серебряных кладов. Многие проблемы в этой области до сих пор остаются неразрешенными, особенно относящиеся к некоторым экономическим и политическим особенностям готландского общества в эпоху викингов, что обусловлено возможностью неоднозначной трактовки источников.

Оке Хиенстранд сообщает[56], что предыдущие поколения исследователей рассматривали Готланд в качестве независимой «сельской республики»; клады, таким образом, будучи подтверждением существования широкомасштабной торговли, зарывались самими сельчанами. С подобными концепциями ныне трудно согласиться, считает Хиенстранд, поскольку археологические и письменные памятники явственно демонстрируют нам наличие на Готланде дифференцированного общества, в котором выделялся слой могущественной местной знати, чьи следы можно обнаружить в захоронениях с оружием, начиная с Вендельского периода.

Около 1000 г. немецкие и английские монеты начали преобладать в серебряных кладах, которые тем не менее имели значительное вкрапление монет шведского и датского происхождения. Хиенстранд указывает на очевидные изменения, происходившие в середине XII в.[57] Клады серебряных монет исчезают, появляются каменные церкви, и начинается местная чеканка монет. Кроме того, происходит углубление интеграции Висбю и Готланда в Шведское королевство и епархию Линчёпинга. Существуют источники, повествующие о борьбе за контроль над Готландом — вероятно, между скандинавскими конунгами и русскими князьями. Началась миссионерская деятельность, и Готланд подписал соглашение со шведским королем.

Все эти свидетельства, по мнению Хиенстранда, указывают на то, что в данный период (1000–1150 гг.) наблюдается отчетливый процесс раздела земель, приведший к созданию приходов и строительству церквей[58] Исследователи долгое время сомневались в природе древнейшего разделения, однако рассматривали Готланд как первоначально поделенный на «тинги». В позднее средневековье он делился на двадцать районов. Готланд также имел девяносто четыре прихода, равномерно распределенных по всему острову.

По Хиенстранду, некоторые обстоятельства указывают на то, что Готланд был поделен на две половины[59] Более детальные исследова-

---

[56] *Hyenstrand Å.* Socknar och stenstugor. Om det tidiga Gotland // Stockholm Archaeological Reports. 1989. № 22. Stockholm, 1989. См. особенно резюме на с. 136–137.

[57] *Hyenstrand Å.* Socknar. S. 136.

[58] Ibid. S. 136 f.

[59] Ibid.

ния систематического распространения усадеб с каменными постройками указывают на то, что Готланд был изначально разделен на двенадцать или двадцать четыре равные по величине части. Двенадцатичленное деление было впоследствии сформулировано Хиенстрандом в качестве гипотезы или вероятной модели. После изучения источников разных типов — топонимов, кладов серебряных монет, местонахождения гаваней, количества хуторов Хиенстранд считает наиболее вероятной именно такую модель, хотя его аргументы скорее основаны на цепочке разрозненных фактов, чем подкреплены реальными доказательствами.

Хиенстранд считает, что рунические и пиктографические камни позволяют нам выявить верхний социальный слой представителей местной власти, имевших значительные внешние связи[60] Особый интерес представляют пиктографические камни XI и XII вв. Имена и другая информация об этих людях, вероятно, подтверждают существование купеческого класса, корнями уходившего в окрестности Висбю.

В отличие от Хиенстранда, Ола Кюлберг[61] не рассматривает Готланд в качестве общества с различными социальными классами. Напротив, он придает особое значение очевидной однородной структуре готландского общества. В то же время Кюлберг утверждает, что Готланд в определенном смысле не был ни неподвижным, ни однородным обществом. Социальная система Готланда имела мощную внутреннюю иерархию, основанную не на экономических, людских ресурсах и землевладении, но на древней репрезентативной системе тингового общества.

Выводы и методы работы упомянутых выше исследователей были оспорены Леной Тунмарк-Нюлен[62] и Эриком Нюленом[63] Учитывая, что имеющийся в распоряжении материал недостаточно систематизирован даже для самого элементарного анализа исследователями социальной и культурной истории, Лена Тунмарк-Нюлен считает бесполезным интерпретировать ситуацию в готландском обществе в абстрактных терминах социальной стратиграфии.

Майвор Эстергрен, нынешний директор Областного музея Готланда, в своей докторской диссертации изучила изменения в характере

---

[60] Ibid. S. 137.

[61] *Kylberg O.* Gotland melan arkeologi och historia. Om det tidiga Gotland. Gotland between archaeology and history. Early Gotland. Stockholm, 1991 (Theses and papers in Archaeology 4). В особенности см. с. 239, 245; см. также: *Siltberg T.* Marklejet. S. 45.

[62] *Thunmark-Nylén L.* Bucklan är kastad — Gotlands vikingatid som debattämne // Meta Medeltidsarkeologisk tidskkrift. № 2. S. 51 ff.

[63] *Nylén E.* Kylberg vs Gannholm. Professionell fastländsk mot «amatörmässig» gotländsk lokalpatriotism // Gotlands tidningar. 30.03.1992. S. 12–13.

поселений Готланда на протяжении позднего железного века и средних веков[64] Позднее Эстергрен приходит к мнению, что тезис Хиенстранда не может быть подтвержден на основе материала источников, известных в наши дни, и что гипотеза Хиенстранда и его коллег является частью теории, в рамках которой они пытаются рассматривать состояние Готланда вне зависимости от социально-экономической и политической модели, ранее применявшейся к положению на основной территории Швеции[65]

Основываясь на досконального анализе, Лена Тунмарк-Нюлен пришла к выводу, что северная часть Готланда, по всей видимости, являлась местом проживания наиболее продвинутой части населения[66]

Трюггве Силтберг, вице-директор Landsarkivet i Visby (Областного архива Готланда), недавно показал, что большинство построений Оке Хиенстранда и Олы Кюлберг представляют собой лишь теории, весьма любопытные, но труднодоказуемые. По мнению Силтберга, Готланд следует рассматривать как относительно равноправное общество[67] В ближайшем будущем Силтберг собирается опубликовать результаты своей докторской диссертации.

Однако Готландская сельская республика, как иногда называли Готланд[68], не была уникальна в средневековой феодальной Европе. Примерно такое же политическое устройство было отмечено, например, в швейцарских кантонах, в общинах Фрисландии, в северных областях Голландии и северо-западных районах бывшей Западной Германии, а также в Исландии и других скандинавских странах[69]

Всеобщий тинг гутов, или Готландская сельская республика, формально имел возможность получать и сам составлять послания иностранным представителям. В этих письмах представители Готланда в XIII и XIV вв. называются *seniores* — латинским термином, который может быть интерпретирован как «старейшины Готланда»[70]

Позднее, во втором десятилетии XV в., *seniores* были заменены «судьями и старейшинами», а еще позднее — с конца XV в. — исклю-

---

[64] *Östergren M.* Mellan stengrund och stenhus. Gotlands vikingatida silverskatter som boplatsindikation. Stockholm, 1989 (Theses and Papers in Archaeology 2).

[65] *Hyenstrand Å.* Socknar; см. также: *Broberg A.* Hallegårde i Halla-Social stratifiering eller bara en tillfällighet // Meta Medeltidsarkeologisk tidskrivet. № 3. S. 67 ff.; Ср.: *Östergren M.* Det gotländska alltinget och cistercienserkklosret i Roma // Gotländskt Arkiv. 1992. S. 49–58.

[66] *Thunmark-Nylén L.* Socialgrupper i vikingatiden // Gotländskt Arkiv. 1984. S. 105–110.

[67] *Siltberg T.* Marklejet. S. 45 ff.

[68] Данный термин см.: *Schück A.* Boken om Gotland. Visby, 1945. B. I. S. 178.

[69] *Siltberg T.* Marklejet. S. 56 f.

[70] Ibid. S. 57.

чительно «судьями»[71] Однако вряд ли можно сомневаться в том, что *seniores*, как и «судьи» со «старейшинами», принадлежали к одному верхнему слою готландского общества.

Несмотря на то что сражение между городом Висбю и сельской частью Готланда в 1288 г. привело к усилению влияния шведских королей на остров, в первую очередь на город Висбю, обе части Готланда и после 1288 г. добились сохранения значительной независимости по отношению к шведскому государству и его королю.

Термины, использованные в дипломах и переписке, все же не исключают возможности, что шведский король обладал суверенитетом над островом. Более того, события 1361 г., по мнению Ирвинга, означают только то, что датский король принял на себя роль, которую прежде играл шведский правитель во взаимоотношениях с Готландом.

Итак, исследователи расходятся во мнении касательно датировки отмены готландского самоуправления. Наиболее ранняя дата — время заключения договора между Готландом и конунгом свеев, согласно сведениям, которые несет в себе «Сага о гутах». Другие даты, которыми можно обозначить конец самоуправления Готланда, — 1288 или 1361 г. Однако в качестве верхней границы следует рассматривать последнее десятилетие XIV в. или даже 1408 г. С 1394 по 1398 г. Готланд представлял собой поле борьбы между датчанами, Тевтонским орденом и так называемыми братьями-витальерами.

Кроме того, на короткое время остров в этот период был захвачен Эриком, принцем Мекленбургским. Своими людьми принц Эрик звался также королем Готланда. Однако Эрик в 1397 г. скончался на Готланде от чумы, или — как, вероятно, выражались сами готландцы — благодаря тому мору.

В 1408 г. Готландом завладел другой Эрик, принц Померании. Он стал также королем Скандинавского союза — политического объединения, включившего в себя на короткий промежуток времени Швецию, Финляндию, Данию и Норвегию. Этот Эрик завершил постройку огромного дворца в Висбю, названного Висборгским замком, который был разрушен датчанами в 1679 г. Не исключено, что инициатором постройки дворца был еще принц Эрик Мекленбургский.

Висборгский замок стал одним из самых мощных и надежных укреплений на Балтийском море, и момент его появления означает окончательный крах готландского самоуправления. Несколькими годами позже, в 1412 г., готландцев обложили новым налогом в пользу короля, гораздо более обременительным, чем древняя дань, о которой рассказывает нам «Сага о гутах».

---

[71] Ibid.

Л.С.Чекин (Москва)

ПЕРВЫЕ КАРТЫ СКАНДИНАВСКОГО ПОЛУОСТРОВА*

С 1960–1970-х годов средневековые карты мира (*mappae mundi*) привлекают внимание медиевистов как средоточие исторического, космологического и эсхатологического сознания в средние века. Было показано, что их географические данные служили основой для размышлений о мире в целом и прежде всего об отношении человека к Богу. Такой подход помог преодолеть прежние прогрессистские представления о развитии средневековой культуры, когда смысл эпохи средневековья, особенно раннего, виделся лишь в консервации элементов античной мысли. Но акцент на символическом истолковании карт не способствовал изучению их фактической географической информации, которая, как и ранее, априорно признается устаревшей и легендарной.

Предполагается, например, что в средние века, как и в эпоху античности, Северная Европа описывалась исключительно в виде системы островов[1] На деле целый ряд карт XI–XIII вв. представляют Скандинавию (часто именуемую «Норвегией») в виде полуострова, порывая тем самым с античной традицией описания северных земель. Новая картина Скандинавии не зависит от каких-либо сохранившихся

* Предварительный вариант статьи публиковался на английском языке: *Chekin L.S.* Mappae Mundi and Scandinavia // Scandinavian Studies. 1993. Vol. 65. P. 487–520.

[1] Ведущий историк средневековой географии следующим образом сформулировал это предположение: «К северу от Германии и островов Англии, Скотии и Гибернии на карты обычно очень схематически наносились только острова с легендами Dacia, Norwegia, Suecia и Thule» (*Simek R.* Erde und Kosmos im Mittelalter. Das Weltbild vor Kolumbus. München, 1992. S. 64: «Nördlich von Germania und den Inseln Anglia, Scotia und Hibernia waren auf Karten üblicherweise nur sehr schematisch Inseln mit den Legenden Dacia, Norwegia, Suecia und Thule eingetragen»). Обе конкретные карты, ссылкой на которые Р.Зимек пытается подкрепить свои слова, Херефордская и Эбсторфская (*Miller K.* Mappaemundi. Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1896. Heft 4. S. 16–18, Heft 5. S. 24), на деле этим словам противоречат. Топонима *Suecia* на них нет, *Dacia* показана на континенте, Норвегия же на Херефордской карте изображена в виде полуострова!

© Л.С.Чекин, 2001

до нашего времени нарративных географических описаний. Более того, все известные нарративные свидетельства о полуостровном положении Скандинавии датируются более поздним временем, чем первые из наших карт.

Анализ средневекового картографического изображения Скандинавии в настоящей статье преследует две взаимосвязанные цели. Первая цель — описать начальный этап картографирования Скандинавского полуострова. Такие описания существуют, но они значительно устарели[2] Нередко историки картографии опускают этот этап, полагая, что впервые северная береговая линия была показана на итальянских и каталанских компасных картах XIV в.[3] В то же время многие топонимические и иконографические детали европейского Севера на средневековых картах мира не исследовались с источниковедческой точки зрения, и большинство существующих (зачастую противоречивых) толкований представляют собой случайные догадки и предположения. Второй целью статьи является пролить свет на отношение средневековых карт мира к современной им географической реальности. В основе своей их информация восходит к позднеримской географии. Однако изображение Скандинавии наводит на мысль, что средневековые картографы уже в XI в., а возможно и ранее, не удовлетворялись переработкой древнего книжного знания, но обращались к опыту современников, даже когда этот опыт не укладывался в традиционную схему.

Историю собственно скандинавской картографии открывают мифологические космограммы. В эпоху викингов они представлены рисунками на памятных стелах: Мирового Дерева, корабля, на котором погибший переходит в Вальгаллу, и др.[4] С освоением западноевропейской христианской культуры в Скандинавии появляются и первые крайне схематичные карты, которые представляют собой, по сути, пространственно организованные списки топонимов либо иллю-

---

[2] *Nansen F.* Nord i Tåkeheimen: Utforskningen av Jordens nordlige strøk i tidlige tider. Kristiania, 1911. S. 425–430; *Bjørnbo A.A.* Adam af Bremens Nordensopfattelse // Aarbøger for nordisk Oldkyndlighed og Historie. 1909. S. 200–207; *Moritz E.* Die Entwickelung des Kartenbildes der Nord- und Ostseeländer bis auf Merkator. Mit besonderer Berücksichtigung Deutschlands. Amsterdam, repr. 1967. S. 1–17.

[3] *Ahlenius K.* Olaus Magnus och hans framställning af nordens geografi: Studien i geografiens historia. Uppsala, 1895. S. 28–29; *Knudsen J.* Nogle Hovedpunkter i Nordeuropas Kartografi // Tidskrift for Søvæsen. 1913. B. 84. S. 101; *Winter H.* The Changing Face of Scandinavia and the Baltic in Cartography up to 1532 // Imago mundi. 1955. Vol. 12. P. 45; *Granlund J.* Kartografi // KLNM. 1963. B. 8. S. 311–316; *Bratt E.* En krönika om kartor över Sverige. Stockholm, 1958. S. 17.

[4] *Davidson H.R.E.* Scandinavian Cosmology // Ancient Cosmologies / C.Blacker and M.Loewe. London, 1975. P. 175–176; *Delano Smith C.* Cartography in the Prehistoric Period in the Old World: Europe, the Middle East, and North Africa // The History of Cartography / J.B.Harley, D.Woodward. Chicago; London, 1987. Vol. 1. P. 91.

стрируют физико-географическую теорию о широтно-климатических зонах земного шара[5]

Самая ранняя из этих схематичных карт, Лундская карта, хранящаяся ныне в Государственной библиотеке Берлина (Theol. Fol. 149, f. 27), датируется XII в. Ничего специфического для Скандинавии на карте нет, кроме предположительных упоминаний Швеции и Дании. Более оригинальны исландские карты, большинство которых сохранилось в рукописи, ныне находящейся в Рейкьявике (Stofnun Árna Magnússonar, GKS 1812). Карта на л. 5об.–6 этой рукописи, датированная ок. 1250 г., содержит 105 географических и этнических названий. На ней упоминаются Русь, город Киев, кочевники Восточной Европы, народ бьярмов, а из Скандинавских стран — Швеция, Ёталанд (совр. Эстеръётланд и Вестеръётланд), Норвегия и Исландия. На двух других картах (в той же рукописи, л. 11об., и в рукописи копенгагенской Королевской библиотеки AM 736 I, 4to) легенды о зонах земного шара нанесены по-исландски[6] Ориентированы исландские карты (насколько можно судить по репродукциям) на юг, вопреки преобладающей восточной и северной ориентации их западноевропейских моделей и аналогов[7]

До XV в. собственно скандинавские карты с изображением береговой линии неизвестны. Основные источники, рассматриваемые в настоящем исследовании, созданы за пределами Скандинавии и восходят, возможно, к одному прототипу. Большинство из анализируемых карт XIII в., в том числе Солийская, Псалтырная и Херефордская карты, — английского (англо-нормандского) происхождения. Правда, самая большая и подробная из карт этого типа, Эбсторфская, происходит из Нижней Саксонии, но предполагается и ее связь с английской географической и картографической «школой», которая в этот период достигала наиболее замечательных успехов[8] Новые находки карт дополняют картину развития английской школы, что соответствует важной роли, которую Англия играла в общем культурном подъ-

---

[5] *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 102–124; *Simek R.* Altnordische Kosmographie: Studien und Quellen zu Weltbild und Weltbeschreibung in Norwegen und Island vom 12. bis zum 14. Jahrhundert. Berlin; New York, 1990; *idem.* Skandinavische Mappae Mundi in der europäischen Tradition // Ein Weltbild vor Columbus: Die Ebstorfer Weltkarte. Interdisziplinäres Colloquium 1988 / H.Kugler, E.Michael. Weinheim, 1991. S. 167–184.

[6] Репродукции и транскрипции легенд см.: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 102–124 (карты № 1, 3, 6 и 7); *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья. М., 1999. С. 46–47, 64–66, ил. 8, 16.

[7] Несмотря на малое количество сохранившихся карт, их южную ориентацию следует признать не случайной: ср. наблюдения Подосинова о доминировании юга в ориентационных принципах Исландии. *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 360.

[8] *Rosien W.* Die Ebstorfer Weltkarte. Hannover, 1952. S. 28–31, 62.

еме двенадцатого и тринадцатого веков[9] Другие важные открытия подтверждают, что традиция больших карт мира пришла в англо-нормандскую культуру из Франции[10], где эта традиция интенсивно развивалась в течение первой половины XII в. Во-первых, Патрик Готье-Дальше обнаружил трактат великого парижского теолога Гуго Сен-Викторского, который датируется 1130–1135 гг. и в котором подробно описывается карта мира. Уменьшенный вариант этой карты сохранился в мюнхенском списке «Этимологий» Исидора[11] Во-вторых, Марша Капфер нашла свидетельства о настенной росписи сер. XII в. в нефе церкви Сен-Сильвен в Шаливой-Милон, в 40 км от Буржа. Эта роспись, полностью уничтоженная в 1885 г., представляла собой самую большую из известных нам *mappae mundi*, ок. 6 м в диаметре, которая, если интерпретация Капфер верна, имела черты сходства с Херефордской картой мира[12] Другие сходные по структуре малые карты XII в., содержащиеся в списке произведений св. Иеронима, происходят из Фландрии. Отступая в глубь времен, мы находим в одиннадцатом веке Фрайзингскую и Англо-саксонскую карты.

На самой ранней из карт эбсторфско-херефордского типа — Ватиканской карте итальянского происхождения (между 762 и 777 гг.) — Скандинавского полуострова пока нет. Между Ватиканской картой и следующими за ней в хронологическом порядке Англо-саксонской и Фрайзингской — более чем двухвековой пробел, который лишь отчасти может быть заполнен попытками найти те или иные характерные черты на картах других типов (карте из Риполя, на Флёрийской карте, на «беатовских» картах и на наиболее детализованных «макробиевых» картах); во всех этих случаях неясно, восходят ли общие черты к древнейшей (позднеантичной?) эпохе либо являются результатом взаимовлияний более позднего времени. Более очевидно знакомство с картами эбсторфско-херефордского типа проявляется на карте Европы Ламберта Сент-Омерского (ок. 1120 г.), где Скандинавия показана в виде полуострова. Определить взаимоотношения меж-

---

[9] Среди этих находок следует упомянуть фрагмент большой карты, обнаруженный в архиве герцогов Корнуолльских, который показывает диковинных зверей и людей на юго-западе Африки (*Haslam G.* The Duchy of Cornwall Map Fragment // Géographie du monde au Moyen Âge et à la Renaissance / M.Pelletier. Paris, 1989. P. 33–44). О роли Англии в культурном подъеме см.: *Southern R.W.* Medieval Humanism and Other Studies. Oxford, 1970. P. 158–180; *Thomson R.M.* England and the Twelfth-Century Renaissance // Past and Present. 1983. Vol. 101. P. 3–21.

[10] Ср.: *Crone G.R.* New Light on the Hereford Map // Geographical Journal. 1965. V. 131. P. 455.

[11] *Gautier Dalché P.* La *Descriptio mappe mundi* de Hugues de Saint-Victor. Paris, 1988. P. 184.

[12] *Kupfer M.* The Lost *Mappamundi* at Chalivoy-Milon // Speculum. 1991. Vol. 66. P. 540–571.

ду картами непросто: по-видимому, несохранившихся карт гораздо больше, нежели дошедших до нас, и строгую стемму выстроить не удается[13]

Говоря о копиях и протографах средневековых карт, мы имеем дело скорее с развитием жанра, нежели с распространением одного произведения. В отличие от нарративных произведений каждый список и вариант средневекового картографического произведения уникален: содержание карты расширялось и сужалось при простом переписывании рукописи. Форма, ориентация, цвета, номенклатура претерпевали более или менее существенные изменения. По своей природе карты более открыты дополнениям и инновациям, чем, например, тексты нарративных географических описаний. В принципе, каждый акт работы средневекового писца или художника дает особый памятник картографии. В начале XIII в. об этом с тревогой писал Гервазий Тильберийский, который в свободе копииста видел прежде всего порчу традиции: «Само существование разных художников является причиной ложных рисунков (*picturae*), на которых неверно изображены местности. В народе такие рисунки называются картами мира (*mappae mundi*). Как и любой свидетель, художник нередко добавляет что-либо от себя и частичной выдумкой искажает совокупность свидетельств». В подтверждение своих слов Гервазий ссылается на требование церковного права, чтобы показания свидетеля были «правдивыми и ясными»[14]

Анализ конкретной информации средневековых карт на основе всех доступных тогда источников был произведен в конце прошлого века штутгартским священником и учителем Конрадом Миллером (1844–1933). В этом качестве работа Миллера остается непревзойденной, хотя ее задачи и отчасти методология потеряли свою актуальность. В отличие от современных исследователей Миллер не придавал самостоятельного значения средневековым картам, а ставил своей целью реконструировать на их основе древнегреческие и древнеримские прототипы[15] За столетие, прошедшее после издания Миллера, средневековые карты мира перестали восприниматься лишь как поздние неверные копии несохранившихся древнеримских карт: само существование подобных карт в Древнем Риме (ранее V в. н.э.) ныне оказывается дискуссионным, а роль средневековья в развитии жанра — решающей.

Помимо античных сведений, переработанных в соответствии с христианским мировоззрением, карты включают и новые данные.

---

[13] Ср.: *Gautier Dalché P.* La *Descriptio mappe mundi*. P. 184.

[14] *Gervasius Tilberiensis.* Otia Imperialia // Scriptores rerum Brunsvicensium / G.G.Leibnitius. Hanoverae, 1707. T. 1. Col. 956; Corpus juris canonici / Ae.L.Richter. Leipzig, 1839. Pars 2. Col. 456 (p. 2. C. III, q. 9, c. 17).

[15] *Miller K.* Mappaemundi. Heft 1–6.

Нередко новая информация позволяет делать заключения об особых связях картографа с тем или иным регионом. Так, Эбсторфская карта дает детальное изображение Германии, в особенности окрестностей Люнебурга, включая сам Эбсторфский монастырь[16] Скандинавский полуостров был за пределами непосредственного опыта создателей западноевропейских карт, тем не менее образ Скандинавии, явно противоречащий античным сведениям о Севере Европы, предстает почти на всех картах эбсторфско-херефордского типа.

АНТИЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СКАНДИНАВСКОМ АРХИПЕЛАГЕ

В течение I в. н.э., когда римские завоевания постепенно отодвигали границу известного мира все дальше на север, античные географы разрабатывали идею о группе островов, располагающихся в Океане напротив германских и скифских берегов. Огромная историография вопроса накопила немало интерпретаций и идентификаций этих данных. Некоторые детали в описании северных островов соответствуют скандинавским реалиям. Таковы в «Естественной истории» Плиния Старшего названия островов *Scadinavia* (*Scatinavia*) и *Scandiae*[17] (эти названия родственны хорониму Сконе, др.-исл. *Skáney* на юге современной Швеции, где составляющая *-ey* означает «остров»). В трех днях плавания от Скифских берегов Плиний поместил, сославшись на Ксенофонта из Лампсака, огромный остров Балцию (*Balcia*). Балция входит в группу островов, к которой относятся также острова Оэоны, где обитатели питаются яйцами морских птиц, острова гиппоподов, у которых лошадиные ноги, и панотиев (фанезиев), которые закутывают тело целиком в свои огромные уши[18] В «Германии» Тацита впервые появляется имя германского народа мореплавателей *Suiones*, в которых видят предков восточных скандинавов (шведов). Свионы помещены Тацитом «в самом Океане», вероятно, на острове. За ними (вероятно, на территории совр. Финляндии) живут родственные им ситоны, которыми в отличие от свионов управляет женщина[19] В середине II в. Птолемей дал более точную картину североевропейского побережья, описав большой полуостров к северу от Эльбы, «мыс ким-

[16] *Uhden R.* Die älteste Darstellung Niedersachsens im Kartenbilde // Niedersachsen. 1932. Bd. 37. S. 61–67.

[17] *Pliny.* Natural History / H.Rackham. Cambridge (Mass.); London, 1942. Vol. 2. P. 192–193, 198 (IV. 96, 104).

[18] Ibid. P. 192 (IV. 95).

[19] См.: *Svennung J.* Die Swioneninsel und die Sithones bei Tacitus // Eranos. 1963. Bd. 61. S. 121–142.

вров» (явно Ютландия) и четыре острова с одним и тем же названием, «Скандия». Самую большую из этих Скандий Птолемей поместил напротив устья Вистулы (совр. Вислы)[20]

В то время, когда создавались исследуемые карты мира, Птолемей западноевропейским географам известен не был; вопроса о знакомстве с Тацитом мы коснемся в следующем разделе. Сведения Плиния отразились на многих картах; они восходят как непосредственно к «Естественной истории», так и к ее пересказу популярным автором III в. н.э. Юлием Солином. Не менее важным источником средневековых карт оказалась «Космография» Этика Истрийского (сер. VIII в.) — авантюрный роман в форме космографического трактата, представленный как перевод сочинения некоего греческого философа, который якобы объездил бóльшую часть описываемых северных земель.

Конечно, само слово «остров» (*insula*), когда оно употреблялось в описании Севера, не означало лишь участок суши, со всех сторон окруженный водой, но уже в древнеримской географии включало коннотацию отдаленности и варварства. Эта коннотация присутствует и в Библии, в частности в словах пророка Исайи (49.1–7) об островах, дальних народах и концах земли. В средневековом христианском мировоззрении в образе «концов земли» сплавляются пространственный и временной смыслы. Распространение христианства оказывается непосредственно связанным с ожиданием Второго пришествия Христа.

В Житии Анскария (между 865 и 876 гг.) гамбургско-бременский архиепископ Римберт передает видение своего предшественника св. Ансгара (Анскария), явившееся тому в 851/852 г. перед очередной поездкой на север, вероятно в район совр. шведского озера Мелар. Согласно этому видению, слова пророка Исайи относятся как раз к землям «свеонов», куда собрался ехать Ансгар, поскольку эти земли состоят из островов и поскольку там находится «северная оконечность мира»[21] Впрочем, надо заметить, что знакомство со «свеонской» топографией на крупномасштабном уровне могло только подтвердить

---

[20] *Weibull L.* Upptäckten av den skandinaviska Norden // Nordisk historia. Stockholm, 1948. B. 1. S. 71–126; *Svennung J.* Scadinavia und Scandia: Lateinisch-nordische Namenstudien. Uppsala, 1963 (Skrifter utgivna av Kungliga Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala. B. 44.1); *idem.* Jordanes und Scandia: Kritisch-exegetische Studien. Stockholm, 1967 (Skrifter utgivna av Kungliga Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala. B. 44. 2A); *idem.* Zur Geschichte des Goticismus. Stockholm, 1967 (Skrifter utgivna av Kungliga Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala. B. 44.2); *idem.* Skandinavien bei Plinius und Ptolemaios: Kritisch-exegetische Forschungen zu den ältesten nordischen Sprachdenkmälern. Uppsala, 1974 (Skrifter utgivna av Kungliga Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala. B. 45); *Parroni P.* Surviving Sources of the Classical Knowledge Through Late Antiquity and the Medieval Period // Arctic. 1984. Vol. 37. P. 352–358.

[21] Vita Anskarii / G.Waitz. Hannover, 1883 (MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 55). P. 55.

островную гипотезу: ведь Бирка, предполагаемая цель путешествия св. Ансгара, находится на острове озера Мелар, а сложная береговая линия, вырезанная озерами и фьордами в прилегающих землях «свеонов», вполне может создать впечатление архипелага.

На мелкомасштабном уровне идея об острове с названием «Скандинавия» получила широкое распространение благодаря историкам времен Великого переселения народов — Иордану, Павлу Диакону и другим. Вслед за «Гетикой» Иордана (сер. VI в.) эти историки развивали образ острова Скандзы как «родительницы народов», *vagina nationum,* откуда появились готы и чуть ли не все другие германские племена и народы, распространившиеся по территории Западной Римской империи. По замечанию Г.С.Лебедева, размышлявшего об использовании этого образа в более поздних источниках, «*Scandza* лежала в той же сфере понятий, что и библейский „Гог и Магог": это была некая точка отсчета в мифологизированном эпическом прошлом, но вовсе не составная часть политико-географической реальности христианского мира VIII столетия»[22]. «Гог и Магог», племена, которые придут в конце света на погибель роду человеческому, относятся скорее к эсхатологическому будущему, сродни островам на краю земли в пророчествах Исайи и у св. Ансгара. Поразительна смысловая нагруженность региона: Север вмещает и начало германской истории, и конец истории человечества!

О «Скандиях» помнили не только в Западной Европе. Арабский автор первой половины X в. Сухраб упомянул вслед за Птолемеем остров Скандию у северо-западного побережья Европы[23] Армянский географ VII в. знал об острове Сканде, где ранее жили готы и другие племена[24] Византийская традиция, однако, следовала Прокопию Кесарийскому (VI в.) и заменила имя Скандии названием другого легендарного острова — Фулы (Туле). Так, согласно сочинению Анны Комнены «Алексиада» (1138–1148 гг.), с острова Фула вышли викинги-варяги[25]

В течение XI–XII вв. историки Нормандии развили этногенетическую легенду Иордана в своих рассуждениях о происхождении викингов и включили топоним «Сканза» в описание норманнского завоева-

---

[22] *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 12–13.

[23] *Svennung J.* Scadinavia und Scandia. S. 26.

[24] *Еремян С.Т.* Ашхарацуйц (Армянская география VII века) — выдающийся памятник географии и картографии древнего мира // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР. 1968. Т. 300. № 5. С. 51. Примеч. 28.

[25] *Бибиков М.В.* Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. 1986. Т. 30. С. 98–100.

ния Нейстрии[26] С их помощью идея о Скандинавском острове просуществовала до позднего средневековья. Появилась возможность отождествить Скандию-Скандзу-Сканзу с реальными Норвегией и Данией, откуда и вышли завоеватели Нейстрии, будущей Нормандии.

Несмотря на популярность островного образа Скандинавии-Сканзы в нарративной литературе раннего и высокого средневековья, только одна испанская карта, датируемая 1086 или 1124 г. и иллюстрирующая один из списков «Комментария к Апокалипсису» Беата из Лиебаны, показывает остров *Scada*[27] На карте со сходной датировкой (XI — нач. XII в.), иллюстрирующей сборник проповедей из монастыря Сен-Бертен в г. Сент-Омере во Фландрии (ныне Франция), верхняя часть листа утрачена и сохранился лишь обрывок слова [*Scan*]*dza*. В том, что перед нами остров, убеждает легенда на полях, где, в частности, говорится: «Скандза — остров, где, как считается, в середине лета на протяжении сорока дней и ночей беспрерывно светло, а в зимнее время столько же дней и ночей нет дневного света». Есть на карте и Фула, которая в той же легенде описана так: «Фула — это некий остров за Британией в крайних пределах Океана, где во время летнего солнцестояния семь дней не наступает ночь, а во время зимнего — семь ночей не рассветает. А за ним дня уже нет, но вечный мрак и застывшее море. Боэций о нем говорит: „Но хоть гнева твоего бояться будет Индия, и подчинится Фула дальняя тебе, возможно, власть не в силах устранить заботы мрачные, и кто, скажи, поможет избежать тебе несчастий в жизни“»[28]

Ни Норвегия, ни Дания, ни Швеция не показаны в виде островов ни на одной из известных карт VIII–XIII вв.[29] Только после 1342 г. Норвегия и Дания начинают изображаться в виде островов — на кар-

---

[26] *Dudo Sancti Quintini.* De moribus et actis primorum Normanniae ducum / J.Lair. Caen, 1865. P. 129, 143–144; *Willelmus Gemmeticensis.* Historia Northmannorum // Patrologiae cursus completus. Series latina / J.-P.Migne. Paris, 1853. T. 149. Col. 782–783, 790.

[27] Burgo de Osma, Archivo de la Catedral, f. 35v–36; *Miller K.* Mappaemundi. Heft 2. Abb. 3a.

[28] Saint-Omer, Bibliothèque municipale, 97, f. 1; *Gautier Dalché P.* De la glose à la contemplation. Place et fonction de la carte dans les manuscrits du haut Moyen Âge // Testo e immagine nell'alto Medioevo. Spoleto, 1994 (Settimane di studio del Centro Italiano di studi sull'alto Medioevo. Vol. 41). P. 737, pl. 13; ср.: *Боэций.* «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 231 (пер. В.И.Уколовой и М.Н.Цейтлина).

[29] «Равеннская карта», на которую иногда в этой связи ссылаются исследователи (*Kowalenko W.* Bałtyk i Pomorze w historii kartografii (VII–XVI w.) // Przegląd zachodni. 1954. T. 10. № 7/8. S. 356; *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 243), является современной реконструкцией, основанной на нарративном географическом описании VII в.

тах, иллюстрирующих списки «Полихроникона» Ранульфа Хигдена[30] Само же слово «Скандинавия» на картах из «Полихроникона» нанесено на континенте к востоку от Черного моря, в чем можно увидеть рудимент «ученой легенды» об азиатском происхождении скандинавов (см. ил. 1)[31]

В XV–XVI вв. авторитет вновь открытого в Западной Европе Клавдия Птолемея оказал идее об островах Севера мощную поддержку. Данные Птолемея о Скандии иногда комбинировались с новой информацией. Так, карта Андреаса Вальспергера 1448 г. и карта Цейца 1470 г. (считается, что обе карты восходят к протографу ок. 1425 г., выполненному в монастыре Клостернойбург) представляют Швецию в виде острова, а Норвегию как полуостров[32]. Сама же Скандия могла идентифицироваться с каким-либо реальным островом. В XVI в. Паоло Джовио отождествил ее с Исландией[33], а на карте в книге Иоганна Хонтера это имя дается как синоним Зеландии (Шеллана)[34]

РАЗВИТИЕ ПОЛУОСТРОВНОЙ ГИПОТЕЗЫ

Идея о полуостровном положении Скандинавии, постепенно формировавшаяся в нарративной географической литературе на протяжении нескольких столетий, зарождается в IX в. благодаря новым сведениям, которые впервые начали поступать в центры европейской учености от самих скандинавов. Эйнхард, сподвижник и биограф Карла Великого, описывал Балтийское море как залив: на северном его побережье живут даны и «свеоны, которых мы называем норманнами», а на южном — славяне и эсты[35]. Эта этнографическая картина хорошо согла-

---

[30] См.: *Woodward D.* Medieval Mappaemundi // The History of Cartography / J.B.Harley, D.Woodward. Chicago; London, 1987. Vol. 1. P. 313–314, 364–365.

[31] Об этой легенде см.: *Heusler A.* Die Gelehrte Urgeschichte im altisländischen Schrifttum. Berlin, 1908.

[32] *Durand D.B.* The Vienna-Klosterneuburg Map Corpus of the Fifteenth Century: A Study in the Transition from Medieval to Modern Science. Leiden, 1952. P. 209–217. Pl. XV–XVI.

[33] *Iovius Nouocomensis P. (Paolo Giovio).* Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII. Pont. Max. // Die ältesten Karten von Russland: Ein Beitrag zur historischen Geographie / H.Michow (1884). Repr. Amsterdam, 1962. S. 81.

[34] Репродукцию из кн.: De cosmographiae rudimentis. Basel, 1561, см. в кн.: *Bramsen B.* Gamle Danmarkskort: En historisk oversigt med bibliografiske noter for perioden 1570–1770. København, 1975. S. 40.

[35] *Nansen F.* Nord i Tåkeheimen. S. 128; см. также: *Тиандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906 (Записки филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 79); *Svennung J.* Belt und Baltisch: Ostseeische Namenstudien mit besonderer Rücksicht auf Adam von Bremen. Uppsala, 1953 (Uppsala Universitets Årsskrift. B. 4).

суется с Тацитом и Иорданом — единственными до-каролингскими авторами, упомянувшими как свеонов, так и эстов. Формы этнонимов у Тацита (*Aesti* и *Suiones*) ближе Эйнхарду (*Aisti* и *Sueones*), чем иордановские (*Aesti* и *Suehans*). Тацит в средние века был, по-видимому, почти забыт, но рукопись «Германии» хранилась в IX в. в Фульде, и не исключено, что Эйнхард ею в какое-то время воспользовался. Свеоны появляются во Франкских королевских анналах под 813 г. как народ, у которого получили приют представители одной из враждующих групп датской знати[36], а в 829 г. в Вормс к императору Людовику Благочестивому прибывает их посольство, о котором подробно рассказывается в Житии Анскария[37] Таким образом, у Эйнхарда, писавшего ок. 835 г., благодаря франкской дипломатии был доступ и к современной ему информации о Балтике.

К концу IX в. король Альфред включил в свой англо-саксонский перевод «Истории против язычников» Павла Орозия отчеты скандинавских мореходов Охтхере и Вульфстана. Пройдя норвежские берега, Охтхере достиг некоего отдаленного пункта в Белом море, но так и не мог определить, «то ли берег сворачивал прямо на юг, то ли море врезалось в берег»[38]. Ни Эйнхард, ни король Альфред не употребляли ни античного имени «Скандия», ни его вариантов.

В 1070-х годах Адам Бременский описал Балтийское море, дополняя картину Эйнхарда как сведениями античных авторов, так и сообщениями современников. Вопрос о том, как представлял себе Скандинавию и Балтийское море Адам, остается дискуссионным. Несомненно, его образ Балтики внутренне противоречив вследствие его стараний соединить античные представления с данными очевидцев[39] Важным источником Адама было Житие Анскария. Вероятно, цитируемые в этом житии пророчества об островах на краю земли наряду с авторитетом древнеримских ученых трудов и предопределили выбор слова «остров» (*insula*) для описания отдаленных неостровных земель[40]

Сообщение Адама о возможности сухопутного маршрута из Швеции в Грецию интерпретируется как первое указание на полуостров-

---

[36] Annales Regni Francorum 741–829 qui dicuntur Annales Laurissenses Maiores et Einhardi. Hannover, 1895 (MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 6). P. 139.

[37] Vita Anskarii. P. 3; *Böhmer J.F.* Regesta imperii. Bd. 1. Die Regesten des Kaiserreiches unter den Karolingern 751–918. 2. Aufl. Innsbruck, 1908. S. 339.

[38] *Bately J.* The Old English Orosius. London, 1980. P. 14; *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. М., 1979. С. 24.

[39] См.: *Svennung J.* Belt und Baltisch. S. 35–41.

[40] См.: *Gautier Dalché P.* Comment penser l'Océan? Modes de connaissance des *fines orbis terrarum* du Nord-Ouest (de l'Antiquité au XIIIe siècle) // L'Europe et l'Océan au Moyen Âge: Contribution à l'histoire de la navigation. Nantes, 1988. P. 221–224.

ной характер Скандинавии[41] В другом месте он определяет Сконе (*Sconia*) как «почти остров» (*fere insula*), соединенный с большой землей узким перешейком. Схолия к этому месту, добавленная к основному тексту вскоре после его написания (возможно, впрочем, что не самим Адамом), называет Сконе островом и идентифицирует его с островом *Scantia*, или *Gangavia*, или *Scandinavia*, упоминавшимся «римскими историками»[42] Это самое раннее сохранившееся и, по-видимому, этимологически вполне справедливое отождествление древнего имени *Scandia/Scatinavia* с собственно скандинавским «Сконе»[43]

Более чем столетие спустя после Адама Саксон Грамматик недвусмысленно указал, что Норвегия и Швеция присоединяются к континенту посредством узкого перешейка, который отделяет Белое море от Балтийского[44] Вероятно, Саксон в данном случае основывался на местной скандинавской традиции.

Влиятельное географическое описание начала XIII в. в составе «Императорских досугов» Гервазия Тильберийского (английского автора, бóльшую часть жизни проведшего на континенте) предлагает столь же оригинальную и столь же непростую картину Скандинавии, как и труд Адама Бременского. Гервазий выявляет свое нетрадиционное знание скандинавских реалий в описании Норвегии (*Norveia*) как самой дальней части Нижней Германии, за Данией. После долгого морского плавания на север от Норвегии путешественник попадает на Русь[45] «Императорские досуги» содержат и упоминание Скандинавского острова, который якобы является прародиной бургундцев (*Burgundiones ex insula Scata[na]via*)[46] В другом месте Гервазий представляет результаты своих штудий в ватиканском архиве, перечисляя «острова Океана» *Dacia*, *Norwegia*, *Svecia* с их епископскими и архиепископскими кафедрами[47] Еще одно описание островов Океана в «Императорских досугах» с церковной географией не связано и не включает ни Дании, ни Норвегии, ни Швеции, зато упоминает действительные острова — Исландию и Готланд (о последнем говорится, что его некогда завоевал британский король Артур)[48]

---

[41] *Ahlenius K.* Die älteste geographische Kenntniss von Skandinavien // Eranos. 1898–1899. Vol. 3. S. 47.

[42] *Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte / B.Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917 (MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 2). S. 234–235 (IV.7; schol. 111).

[43] См.: *Svennung J.* Scadinavia und Scandia. S. 18 ff.

[44] *Ahlenius K.* Olaus Magnus. S. 27.

[45] *Gervasius Tilberiensis.* Otia Imperialia. T. 2. P. 764 (II.7); ср.: *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. С. 65–67.

[46] *Gervasius Tilberiensis.* Otia Imperialia. T. 1. P. 928 (II.16).

[47] Ibid. P. 912 (II. 9).

[48] Ibid. P. 920 (II. 11).

Ко второй половине XIII в. новые описания Скандинавского полуострова появились на Западе благодаря активности странствующих орденов — францисканцев и доминиканцев. Географический трактат, созданный анонимным миссионером, повествует о сухопутном соединении Эстонии со Швецией и Норвегией[49] Две важнейшие энциклопедии XIII в. — «О свойствах вещей» Бартоломея Английского (ок. 1248 г.) и «Великое сочинение» Роджера Бэкона (между 1266 и 1268 гг.) — включают оригинальные главы о Скандинавских странах[50] Ни одно из этих описаний северных земель XIII в. не содержит названий, сходных с древним именем «Скандия».

Итак, мы проследили два параллельных процесса в географических представлениях раннего и высокого средневековья о Северной Европе. В то время как в некоторых текстах разрабатывался античный образ острова Скандии (Скандзы), другие источники не используют ни островной гипотезы, ни самого имени Скандзы, а описывают Норвегию со Швецией как полуостров. Проблемы возникали при попытках свести оба процесса в один, т.е. согласовать старые и новые данные о Севере. На картах XI–XIII вв. было найдено особое решение: на них показана «Норвегия» в виде полуострова, а на карте Европы Ламберта Сент-Омерского впервые в истории географических идей этому полуострову было дано древнее название Скандинавии-Скандзы.

АНГЛО-САКСОНСКАЯ, ПСАЛТЫРНАЯ И ФРАЙЗИНГСКАЯ КАРТЫ, КОПИЯ СЕН-ВИКТОРСКОЙ КАРТЫ

Англо-саксонская карта — самая ранняя из дошедших до нас карт, на которых предполагается изображение Скандинавского полуострова (ил. 2). По палеографическим соображениям карта, иллюстрирующая сборник разнообразного содержания[51], датируется второй четвертью XI в.[52] Как и большинство рассматриваемых нами карт, Англо-саксонская карта ориентирована на восток. В Океане на северо-западе

---

[49] *Colker M.L.* America Rediscovered in the Thirteenth Century? // Speculum. 1979. Vol. 54. P. 723–724; *Чекин Л.С.* «Описание земель», анонимный географический трактат второй половины XIII в. // Средние века. 1993. Т. 56. С. 218.

[50] *Bartholomaeus Anglicus.* De proprietatibus rerum. Nurnberg: A.Koburger, 1483. Fol. 104a, 109a, 113a, 114b (XV: 47, 105, 153, 172, 174); *Bacon R.* The Opus Majus / J.H.Bridges. Oxford, 1897. Vol. 1. P. 358–359.

[51] London, British Library, Cotton Tib. B.V (pt. 1), f. 56v. Факсимильное издание рукописи см.: An Eleventh-Century Anglo-Saxon Illustrated Miscellany / P.McGurk et al. Copenhagen, 1983 (Early English Manuscripts in Facsimile. Vol. 21).

[52] *Brown M.P.* Anglo-Saxon Manuscripts. Toronto; Buffalo, 1991. P. 34–35.

показаны Британские острова, легендарный остров Фула (*Tylen*) и 20 Оркадских (Оркнейских) островов. Несколько безымянных островов изображены также у северо-восточного берега Океана, в том числе в Каспийском «заливе». К востоку от Британских и Оркнейских островов мы видим схематичный полуостров, в виде кружка на тонкой шейке, с легендой *Neronorweci*, означающей, по-видимому, «Норвегия». К востоку от этого полуострова Океан образует прямоугольный залив, сперва простираясь на восток, а затем загибаясь к северу. Почти параллельно побережью залива простирается длинный остров, на восточном конце которого отмечена «Исландия» (*Island*), а на западном «скридефинны» (*Scridefinnas*). Кроме того, между длинным островом и континентом находятся два безымянных острова. Форма и положение длинного острова напоминает Исландию, как она показана на арабско-сицилийской карте Идриси. Исландские историки картографии видят здесь результат английского влияния на арабского картографа[53]

Помимо понимания полуострова как Норвегии и острова как Исландии[54] предлагались и другие интерпретации. Согласно Э.Моритцу, длинный остров Англо-саксонской карты представляет собой Скандинавию, залив — это рудиментарная Балтика, а полуостров с узким перешейком — Ютландия[55] Интерпретация эта основана лишь на общем сопоставлении береговой линии на Англо-саксонской и современной географической карте, т.е на сопоставлении продуктов совершенно различных картографических систем. Характерно, что у других авторов такое сопоставление приводит к иным и столь же гипотетичным заключениям: остров идентифицируется как «северная часть Скандинавии»[56] или как «норвежская часть Скандинавии, отделенная от Швеции проливом»[57]

Топонимы и этнонимы более надежны для целей идентификации географических объектов на средневековой карте мира, нежели детали береговой линии. Из трех скандинавских названий на Англо-саксонской карте Норвегия и Исландия присутствуют и на других ранних картах, тогда как скридефинны (саамы) — единственное упоминание этого народа в картографии XI–XIII вв. Более вероятно, что

---

[53] *Haraldur Hermannsson.* The Cartography of Iceland. Ithaca, 1931 (Islandica. Vol. 21). P. 4–6; *Halldór Sigurðsson.* Kortasaga Íslands frá öndverðu til loka 16. aldar. Reykjavík, 1971. S. 32–34.

[54] См., например: *von den Brincken A.-D.* Fines Terrae: Die Enden der Erde und der vierte Kontinent auf mittelalterlichen Weltkarten. Hannover, 1992. S. 61.

[55] *Moritz E.* Die Entwickelung des Kartenbildes der Nord- und Ostseeländer. S. 3; ср.: *Hamy E.-T.* Études historiques et géographiques. Paris, 1896. P. 80.

[56] *Nørlund N.E.* Islands kortlægning. København, 1944. S. 9.

[57] *Taylor E.G.R.* Maps and Map-Makers in Medieval Britain // The Geographical Journal. 1961. Vol. 127. P. 550.

случайной была локализация скридефиннов, чем то, что легенды «Исландия» и «Норвегия» оказались не на своих местах. Соответственно интерпретация острова как Исландии, а полуострова как Норвегии остается наиболее правдоподобной.

Не исключено, конечно, что круглый полуостров, названный на карте *Neronorweci*, на предполагаемом позднеримском протографе обозначал Ютландию[58] Но мы не находим ни на одной из средневековых западноевропейских карт до XIV в. полуострова с такими легендами (как, например, «мыс кимвров» или «Дания»), которые позволили бы идентифицировать данный полуостров с Ютландией[59] Если значение это когда-либо и присутствовало, то к моменту создания Англо-саксонской карты оно уступило место Норвегии.

Характерная форма «Норвегии», соединенной с континентом узким перешейком, впервые фиксированная Англо-саксонской картой, встречается и позднее. В виде неровного, чуть загнутого на восток овала тот же полуостров появляется с легендой *Norwegi* на Псалтырной карте, датируемой нач. 1260-х гг., после 1262, и созданной, вероятно, в лондонском Вестминстерском аббатстве (ил. 3)[60] Чуть восточнее Норвежского полуострова Псалтырная карта показывает его дублет, названный *Iperborea*. Это название восходит к античному этнониму «гипербореи» — обитатели Крайнего Севера. Третий сходный полуостров, еще далее к востоку, в Азии, обозначен *Arumphei*, по имени арумфеев, народа, во всем сходного с гипербореями и взаимозаменяемого с ними в средневековых источниках.

Французская карта в списке «Этимологий» Исидора Севильского XII в., которую Готье-Дальше признал уменьшенной копией не дошедшей до нас Сен-Викторской карты[61], также показывает два иден-

---

[58] Ср.: *Harvey P.D.A.* Medieval Maps. Toronto; Buffalo, 1991. P. 24.

[59] Изображение Дании на средневековых картах представляет собой проблему особого порядка. Название римской имперской провинции Дакии (на территории совр. Румынии и восточной Венгрии) нанесено на континенте на многих картах. Иногда оно может оказаться архаизированной формой имени «Дания». В этом значении Дакия упоминается во многих нарративных источниках, начиная с Дудона Сен-Квентинского (нач. XI в.), ср.: *von den Brincken A.-D.* Die kartographische Darstellung Nordeuropas durch italienische und mallorquinische Portolanzeichner im 14. und in der ersten Hälfte des 15. Jahrhundertrs // Hansische Geschichtsblätter. 1974. Bd. 92. S. 47. Другие источники, как, например, влиятельный «Образ мира» Гонория Августодунского, различают Дакию и Данию: *Honorius Augustodunensis*. Imago mundi / V.I.J. Flint // Archives d'histoire doctrinale et litteraire du Moyen Âge, 1982. T. 57. P. 59, 60.

[60] London, British Library, Add. 28681, f. 9; *Nigel J.* Early Gothic Manuscripts, 1250–1285. London, 1988. P. 82–85 (№ 114). (A Survey of Manuscripts Illuminated in the British Isles. Vol. 4.2.)

[61] München, Bayerische Staatsbibliothek, CLM 10058, f. 154v; *Gautier Dalché P.* La *Descriptio mappe mundi*. P. 81–85, 193–195.

тичных полуострова на севере Европы (ил. 4). Хотя легенд на полуостровах нет, они, вероятно, представляют собой, как и на Псалтырной карте, Норвегию и «Иперборею». Наконец, анонимный североевропейский полуостров с узким перешейком, на этот раз ромбовидный и отклоняющийся к западу, показан на североориентированной карте, созданной во Фрайзинге в XI в. (ил. 5). Помимо известных средневековым географам земель, она показывает и области к югу от экватора. Принципы создания и ориентация карты отличаются от всех остальных карт, рассматриваемых в настоящей статье, но характерны для карт-иллюстраций к «Комментарию ко Сну Сципиона» Амвросия Феодосия Макробия, в одном из списков которого карта и содержится[62] Но многие топографические детали известной земли не находят соответствия в других «макробиевых картах» и явно заимствованы с карт эбсторфско-херефордского типа.

Узкий перешеек можно рассматривать как своего рода компромисс между полуостровной и островной гипотезами. О нем говорят и нарративные источники, в том числе уже цитированный выше Саксон Грамматик. Согласно Бартоломею Английскому, Норвегия (*Norrvegia*) окружена морем «почти со всех сторон» (*fere undique*)[63] Интересно, что те же слова Гуго Сен-Викторский применил в своем нарративном описании карты мира к Карфагену, изображенному на копии Сен-Викторской карты с тем же тонким перешейком, что и предполагаемая Норвегия[64]

Узкий перешеек показывается с нач. XIV в. на южноевропейских компасных картах и на картах мира, созданных в русле традиции компасных карт, которые, возможно, основывали свое изображение Скандинавии на устных сообщениях либо нарративных лоциях скандинавских и ганзейских мореплавателей[65] Скандинавский полуостров продолжает изображаться с длинным и узким перешейком в XV и XVI вв. на картах мира Клавдия Клавуса, Генрика Мартелла Германуса, Франческо Росселли, Грегория Рейша (ил. 6)[66] Еще в 1525 г. итальянский географ вторит словам Саксона Грамматика: «Огромные королевства Норвегия и Швеция присоединяются к континенту неким перешейком»[67]

---

[62] München, Bayerische Staatsbibliothek, CLM 6362, f. 74.

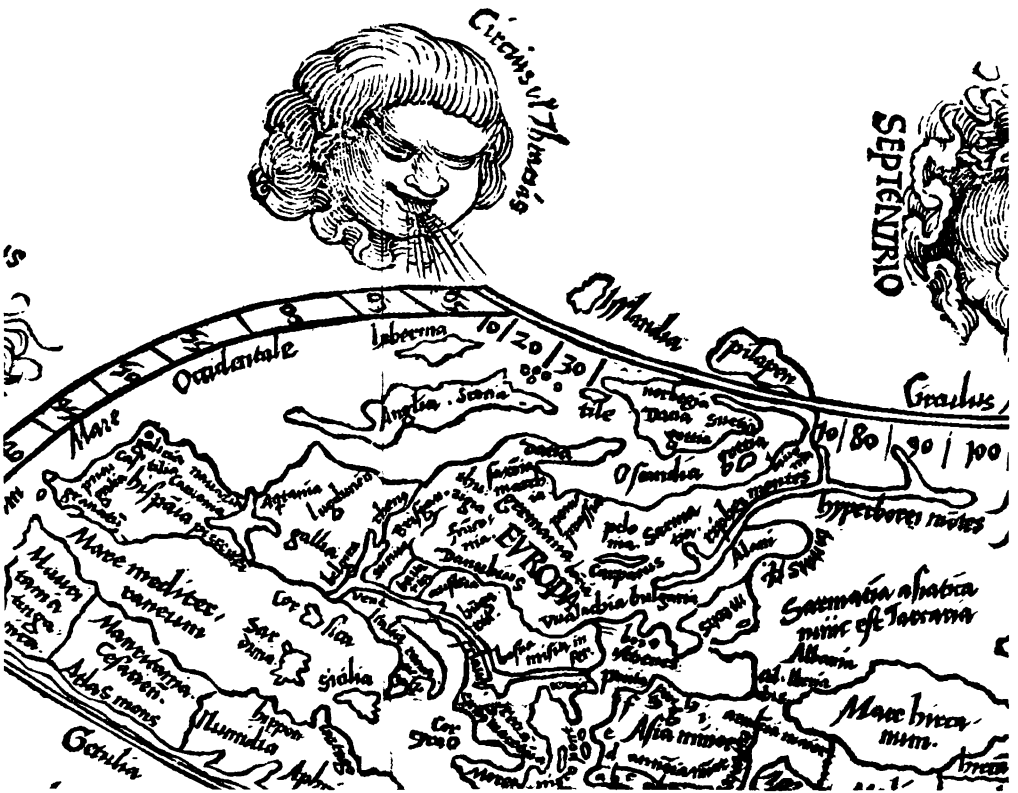
[63] *Bartholomaeus Anglicus.* De proprietatibus rerum. Fol. 109a (XV: 105).

[64] *Gautier Dalché P.* La *Descriptio mappe mundi*. P. 150, ср.: P. 69. Note 54.

[65] Ср.: *Lang A.W.* Traces of Lost North European Sea Charts of the Fifteenth Century // Imago Mundi. 1955. Vol. 12. P. 34–35. Примером может служить карта Петра Весконте ок. 1320 г. (British Library, Add. 27376, ff. 187v–188), репродуцирована в кн.: *Harvey P.D.A.* Medieval Maps. P. 35. Fig. 27.

[66] См. перерисовки береговой линии на этих картах в кн.: *Winter H.* The Changing Face. P. 46, 47, 49. Fig. 1–4.

[67] *Iovius Nouocomensis P. (Paolo Giovio).* Libellus de legatione Basilii. P. 79: «Norbegia atque Suetia amplissima Regna, Isthmo ueluti quodam continenti adhaerent».

6. Фрагмент карты с градусной сеткой и северной ориентацией из книги Г.Рейша (1503 г.). Норвегия, Швеция, а также Дакия и Готия (в данном случае Дания и Ёталанд) помещены на полуострове, соединенном с континентом посредством узкого перешейка. Севернее, над линией с указанием долгот, находится другой полуостров, «Лапландский» (*Pilapen*), к западу от которого располагается Исландия. Под Скандинавским полуостровом с востока на запад обозначены острова Готланд и «Скандия» (возможно, Зеландия), полуостров Ютландия и остров Фула. *Reisch G.* Margarita philosophica. Fribourg: J.Scott, 1503. Благодарим Отдел редкой книги Корнельского университета за репродуцирование карты

Карта Европы Ламберта Сент-Омерского представляет собой одну из картографических иллюстраций в автографе его «Цветущей книги», написанном в 1112–1121 гг.[68] Как и Англо-саксонская карта, ламбертовская карта Европы показывает круглый полуостров, но в данном случае полуостров снабжен двумя легендами — *Scanzia* и *Norvuega*. Легенда «Дакия» на континенте может обозначать Данию (ил. 7).

В более поздних списках «Цветущей книги» карты Европы нет, но есть карта мира, в автографе утраченная. На карте мира варианты легенды «Сканзия» нанесены на континенте, а полуостров, как и легенда «Норвегия», не показан[69]

В некоторых случаях карта Европы противоречит нарративным текстам Ламберта. Основываясь на античных и средневековых источниках, Ламберт упоминает остров *Scanzia*, также называемый *Northwega* (*Northuuega*), откуда вышли готы и, предположительно, франки: одна из областей на острове до сих пор называется *Francia* (475)[70] В других местах он выводит норманнов (*Northmanni*, 371, 423), или «датских пиратов» (*pyratae Danorum*, 155 [56]), с того же острова, утверждает, что там живут «готы, гунны и даки» (423). Дакия получила имя от даков, которые произошли от готов на острове Сканзия (98). Положение острова Ламберт определяет так: «напротив Готии в океане» (104).

Были попытки найти на карте Европы Ламберта дополнительную информацию о Скандинавии. М.Дрейер увидел отражение административного деления Швеции начала XII в. в сочетании слов «готы» и «север» (*Gothi* и *Septentrion*)[71] Но «север» скорее указывает северное направление карты, а готы, которые показаны наряду с другими северными варварами, гуннами и вандалами, по-видимому, представляют собой «историческую» информацию карты. Ведь важной задачей средневековых карт, на которых соседствуют изображения Адама в земном Раю и Страшного суда, было показать арену действия исторических событий[72]

---

[68] Ghent, Universiteitsbibliotheek, 92, f. 241. См. полуфаксимильное издание (т.е. издание с воспроизведением части листов рукописи, в том числе всех иллюстраций): Lamberti S. Audomari canonici Liber floridus / A.Derolez. Ghent, 1968.

[69] Например: Wolfenbüttel, Herzog August Bibliothek, Gud. Lat. 1, f. 69v–70. Репродукция в кн.: *von den Brincken A.-D.* Fines Terrae. Abb. 29.

[70] Здесь и далее в разделе ссылки в тексте даются на листы издания: Lamberti S. Audomari canonici Liber floridus.

[71] *Дрейер М.* Новый взгляд на историю Финляндии XI–XIII веков // Скандинавский сборник. 1986. Т. 30. С. 78.

[72] Ср.: *von den Brincken A.-D.* Mappa mundi und Chronographia: Studien zur «Imago mundi» des abendländischen Mittelalters // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1968. Bd. 24. S. 118–186.

Другие исследователи признают Ламберта первым картографом, показавшим на карте Швецию[73] Они имеют в виду легенду *Sueuia*, которая на карте Европы нанесена на континенте напротив Скандинавского полуострова. Действительно, средневековые географы нередко архаизировали свою номенклатуру и могли использовать название древних германских племен свевов для обозначения Швеции и шведов. Но твердых оснований для того, чтобы предположить подобное словоупотребление на карте Ламберта, у нас нет. Текст его «Цветущей книги» не содержит сведений о Швеции, хотя свевы там упоминаются не раз. В одном случае Ламберт говорит о них как о германском племени, которому нанес поражение древнеримский полководец Друз (382). На том же листе, что и карта Европы, свевы перечисляются в списке европейских народов, восходящем к «Космографии» Псевдо-Этика (V–VI вв.). Свевов Ламберт упоминает и среди народов, принявших участие в Первом крестовом походе под началом Годфрида Бульонского (наряду с алеманнами, саксонами и тевтонами, 226). В данном случае, конечно, имеются в виду швабы.

КАРТА ЕВРОПЫ ДЖЕРАЛЬДА УЭЛЬССКОГО

Единственная карта, на которой «Норвежский» полуостров изображен без узкого перешейка, находится в рукописи Национальной библиотеки Ирландии кон. XII — нач. XIII в. между списками двух трудов Джеральда Уэльсского (*Giraldus Cambrensis*, ок. 1147 — ок. 1223) — «Ирландской топографии» (*Topographia Hiberniae*) и «Завоевания Ирландии» (*Expugnatio Hibernica*)[74] Ориентация карты «подвижна» — некоторые объекты расположены относительно друг друга в соответствии с восточной ориентацией, другие — в соответствии с южной ориентацией. Направление по странам света в данном случае, вероятно, менее важно, чем вертикальный «стержень» карты, вдоль которого обозначены остановки на пути от Британии до Рима: вокруг этого стержня и организовано изображение[75] Показана только Европа с двумя полуостровами в Океане: Иберийским полуостровом справа и симметричным ему «Норвежским» полуостровом слева (*Norwegia*). На континенте рядом с основанием Норвежского полуострова показаны

[73] Ibid. S. 163; *Woodward D.* Medieval Mappaemundi. P. 328; но ср.: *von den Brincken A.-D.* Die kartographische Darstellung Nordeuropas. S. 48. Anm. 12.

[74] Dublin, National Library of Ireland, 700, f. 48; *O'Loughlin Th.* An Early Thirteenth-Century Map in Dublin: A Window into the World of Giraldus Cambrensis // Imago Mundi. 1999. Vol. 51. P. 24–39.

[75] *Crone G.R.* Early Maps of the British Isles. A.D. 1000–A.D. 1579. London, 1961. P. 14; *O'Loughlin Th.* An Early Thirteenth-Century Map in Dublin. P. 29–32.

Дания и Саксония (*Dacia. Saxonia*). Строгая линейная форма и симметричное расположение Норвегии и Испании предопределены их ролью в композиции карты: они представляют собой внешнюю границу карты и в то же время окаймляют водный бассейн с находящимися в центре внимания картографа Британскими островами, а также десятью Оркнейскими островами и Исландией (*Yslandia*) (ил. 8).

СОЛИЙСКАЯ И ХЕРЕФОРДСКАЯ КАРТЫ

Солийская карта, известная также как «карта Генриха Майнцского» (по устаревшей атрибуции), предваряет список «Образа мира» Гонория Августодунского, датирующийся кон. XII — нач. XIII в.[76] На севере карта показывает два овальных полуострова, расположенные близко друг к другу (ил. 9). На западном полуострове нанесена легенда «Германский залив» (*Sinus Germanicus*); он соединяется своеобразным «мостом» с Исландией (*Island*). На восточном полуострове — легенда «Норейя» (*Noreya*); он соединен таким же перешейком-«мостом» с неким «Ганзмиром» (*Ganzmir*). Загадочное имя Ганзмир обычно понимается как искаженное «Скандза». Согласно интерпретации других северных реалий, предложенной Моритцем, «Германский залив» представляет собой Ютландию, Норейя — это Скандинавия, а залив между ними является Балтийским морем вместе со Скагерраком и Каттегатом[77] Полуостров с легендой «Германский залив» отождествлялся в историографии и со Швецией[78], а Норейя — с Ютландией[79]

Практически тот же рисунок береговой линии был нанесен ок. 1290 г. на самой большой из доныне сохранившихся карт, Херефордской карте мира (ил. 10). Однако легенда *Gansmir* находится на том же полуострове, что и *Noreya*. Конец этого полуострова раздвоен заливом, в котором можно увидеть юго-западную оконечность Скандинавского полуострова, раздвоенную Скагерраком и Каттегатом. Кроме Исландии (*Ysland*; с «Германским заливом» она не соединяется) в Океане находятся Фарерские острова (*Fareie*) и Крайняя Фула (*Ultima Tile*). Название Фарерских островов на Херефордской карте появляется впервые. Оно сопоставимо с древнескандинавскими формами названия *Fœreyar* или *Fęreyia*,

[76] Cambridge, Corpus Christi College, 66, p. 2. См.: *Harvey P.D.A.* The Sawley Map and Other World Maps in Twelfth-Century England // Imago Mundi. 1997. Vol. 49. P. 33–42.

[77] *Moritz E.* Die Entwickelung des Kartenbildes der Nord- und Ostseeländer. S. 5.

[78] *Halldór Sigurðsson.* Kortasaga Íslands. S. 39.

[79] *Von den Brincken A.-D.* Die kartographische Darstellung Nordeuropas. S. 48.

зафиксированными примерно в то же время, когда создавалась Херефордская карта[80]

На втором полуострове нанесена длинная легенда: «Германский залив, где, по рассказам, лежат семеро спящих. Точно неизвестно, с какого они там времени. Но, насколько можно судить по одежде, считается, что они римляне»[81] Эта легенда возводится к «Истории лангобардов» Павла Диакона[82] Древний бродячий сюжет о семи спящих Павел локализовал в крайних пределах Германии, на берегу Океана, по соседству со «скритобинами», т.е. саамами.

Как Солийская, так и Херефордская карты показывают Гиперборейский полуостров, знакомый нам по Псалтырной карте, но теперь он отнесен далеко на восток, на североазиатское побережье. Намного ближе к Норвегии находится мыс кинокефалов, песьеглавцев, помещавшихся античными и средневековыми географами в наиболее недоступных областях мира[83] На севере песьеглавцы впервые помещаются в контексте эсхатологических пророчеств Псевдо-Мефодия Патарского, который перечисляет их в войске апокалиптических Гога и Магога. Этик Истрийский определяет им место на острове Муниция в Северном океане, куда наезжают жители Германии по торговым делам, и вводит мотив, который вновь встретится у Адама Бременского, об отличии женщин этого племени от мужчин (по Адаму, кинокефалы — только мужчины, у их партнеров, амазонок, собачьих голов нет). В IX в. в связи с деятельностью миссии в Скандинавии встал вопрос об их крещении. Сохранился ответ Ратрамна из Корбье на соответствующий запрос (до 865 г.) преемника св. Ансгара, гамбургско-бременского архиепископа Римберта, в котором Ратрамн, на основе представленных Римбертом данных, признает человеческую сущность песьеглавцев и, следовательно, необходимость проповеди среди этого наро́да[84] Адаму Бременскому, возможно, была знакома переписка Римберта с Ратрамном о кинокефалах, но Адам явно опи-

---

[80] *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 95, 186. А.А.Бьёрнбо предлагал сравнить это название также с *Farria* у Адама Бременского (под каковым названием, по-видимому, понимается о. Гельголанд): *Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte. P. 231 (IV.3); *Bjørnbo A.A.* Adam af Bremens Nordensopfattelse. S. 202.

[81] «Sinus Germanicus in quo septem viri iacere feruntur. Incertum esse quot tempore. Sed quantum ex habitu eorum cognoscitur, Romani fuisse creduntur».

[82] Pauli Historia Langobardorum / L.Bethmann, G.Waitz // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX. Hannoverae, 1878. Cap. 1.4–5; *Bevan W.L., Phillott H.W.* Medieval Geography: An Essay in Illustration of the Hereford Mappa Mundi. London; Hereford, 1873 (repr. Amsterdam, 1969). P. 157–158.

[83] См.: *White D.G.* Myths of the Dog-man. Chicago; London, 1991.

[84] Epistolae variorum / E.Dümmler // MGH. Epistolae. T. 6 (Karolini aevi. T. 4). Berlin, 1925. P. 155–157 (№ 12).

рался и на новые источники: согласно ему, кинокефалов, оказывается, часто ловят на Руси. С известием Адама перекликается сообщение о мужчинах-песьеглавцах Плано Карпини, где усматривается роль русских информаторов[85]

Река Танаис-Дон на Солийской карте непосредственно соединяет Северный океан с Черным морем. Это привлекло внимание Ф.Дворника, который увидел здесь свидетельство о том, что картограф знал о существовании водного пути «из варяг в греки», соединяющего Балтийское и Черное моря[86] Описывая Херефордскую карту, Дворник сделать такого же вывода не смог, так как здесь Северный океан отделен от истоков рек, впадающих в Черное море, горными цепями. Был ли у автора Солийской карты особый доступ к информации о балтийско-черноморском пути? Утвердительный ответ на этот вопрос вовсе не обязателен для того, чтобы удовлетворительно объяснить изображение Танаиса. В соответствии с античной традицией Танаис вместе с Меотийскими болотами и Понтом представлял собой границу Европы и Азии (*terminus Asie et Eyrope*, по словам самой карты). Основная функция этой водной системы — разграничительная, и неудивительно стремление соединить ее с Океаном, дабы разделить части света полностью.

На Херефордской карте Норвегия украшена виньетками трех городов, изображением обезьяны, *simea*, и лыжника, легенда рядом с которым, вероятно, читается как *super egeas currit*[87], с неясным вторым словом — буквально «бежит по эгеям». Предложение Миллера истолковать *Ganzmir/Gansmir* как испорченное имя Гануза Вольфа, упомянутого Адамом Бременским в повествовании о Балтийском море (среди рукописных вариантов к тексту Адама есть *Ganur Wolf, Gamir Wolf, Gamund Wolf* и проч.), может служить альтернативой нашему пониманию этого слова как испорченного *Scanzia* (как у Ламберта), но стремление Миллера восстановить из *super egeas currit*[88] фразу *nuper apparuit* из того же адамовского сообщения[89] усложняет дело — приходится предположить, что на протографе карты был написан целый

---

[85] См.: *Чекин Л.С.* Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 698–702.

[86] *Dvornik F.* The Kiev State and Its Relations with Western Europe // Essays in Medieval History, Selected from the Transactions of the Royal Historical Society on the Occasion of its Centenary / R.W.Southern. London, 1968. P. 20.

[87] *Miller K.* Mappaemundi. Heft 4. S. 16; *Crone G.R.* The World Map by Richard of Haldingham in Hereford Cathedral, ca A.D. 1285. London, 1954. P. 6.

[88] На репродукции в издании Миллера легенда исправлена в *super aquas currit* — «бежит по водам» — и вполне подходит к изображению лыжника!

[89] *Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte. P. 240 (IV.11).

фрагмент из книги Адама, от которого сохранилось лишь несколько безнадежно искаженных слов.

В целом аргументация Миллера в пользу сильной зависимости Херефордской и Солийской карт от адамовского описания Севера не вполне убедительна. В любом случае она не дает основания приписывать всю североевропейскую информацию Солийской карты исключительно Адаму, как это делает Д.Лекок[90] Например, образ кинокефалов-песьеглавцев может восходить к «Космографии» Этика Истрийского: ничего специфически адамовского в традиционных сведениях карты нет. Написание названия *Noreya* для Адама также не характерно, да и береговая линия не выводится из адамовского повествования.

С большей вероятностью можно возвести к Адаму описание Северной Германии на Херефордской карте. Как предположил А.А.Бьёрнбо, необычный треугольник, вписанный в речную систему Германии, появился под влиянием адамовской характеристики Саксонии как треугольной. Кроме того, легенда «граница между датчанами и саксонцами» (*terminus Danorum et Saxonum*) на Солийской и Херефордской картах, связанная на Херефордской карте с гидронимом *Cidera* (на континенте напротив «Германского залива»), соответствует определению, которое Адам дает реке Эйдер[91] Но карта входит и в явное противоречие с Адамом: вопреки Адаму, отождествлявшему Исландию и Фулу (и в согласии с данными других карт, в том числе схематичной исландской карты в рейкьявикской рукописи ок. 1250 г.), два острова показаны на Херефордской карте отдельно[92].

Наш основной аргумент в пользу объяснения имени *Ganzmir/ Gansmir* как испорченного *Scandza* — наличие обеих легенд, «Скандза» и «Норвегия», на карте Европы Ламберта Сент-Омерского. Объяснить же странный вариант имени «Скандза» — *Ganzmir* — можно попытаться с помощью нарративного описания несохранившейся Сен-Викторской карты, выполненного Гуго Сен-Викторским в 1130–1135 гг.

В пространстве «вдоль Северного океана, между Дунаем и этим океаном» Гуго, в частности, увидел некий мыс, заселенный гелонами, которые укрываются кожей врагов, затем готов, песьеглавцев, а затем хазар, *Gazari*, и «лошадиный лес со светящимися птицами», *saltus equinus, habens aues fulgore perspicuas* (определение «лошадиный», *equinus* — по-видимому, испорченное *Hercinus*). После же идет этно-

---

[90] *Lecoq D.* La Mappemonde d'Henri de Mayence, ou l'image du monde au XIIe siècle // Iconographie médiévale: Image, texte, contexte / G.Duchet-Suchaux. Paris, 1990. P. 193, 199.

[91] Ср.: *Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte. P. 226 (I.15; IV.1); *Bjørnbo A.A.* Adam af Bremens Nordensopfattelse. S. 201–203.

[92] *Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte. P. 272 (IV.36). Ср.: *Bjørnbo A.A.* Adam af Bremens Nordensopfattelse. S. 202.

нимия Северной и Северо-Западной Европы: маркоманны (после сер. IX в. этноним мог обозначать норманнов[93]), саксоны, вандалы, Германия и т.д.[94] Таким образом, хазары и светящиеся птицы находились на Сен-Викторской карте на северном побережье Европы, вероятно, там, где на сохранившихся картах мы видим Скандинавский полуостров.

Античные авторы помещали светящихся птиц в Германии, в Герцинском лесу, простиравшемся от истоков Дуная до Карпат. С потерей Германией статуса окраины обитаемой земли легенда «мигрировала», по созвучию, из Герцинского леса в Гирканский у Каспийского моря[95]. Перемещение между Герцинским лесом, Скандинавией и Гирканией на средневековой карте — это, по сути, движение вдоль берега Северного океана[96]

Хазары, в латинских источниках *Gazari*, власть которых в IX в. распространялась от Каспийского моря до Днепра, нередко отождествлялись с гирканцами[97] На описываемой Гуго карте гирканские птицы, по-видимому, «мигрировали» обратно по направлению своего древнего местонахождения в Германии, и хазары «последовали» за ними. Но на этом пути хазарский этноним вступил во взаимодействие с именем Скандзы и «остановился», вместе со светящимися птицами, на северном побережье Океана к западу от песьеглавцев — т.е., повторим, там же, где мы видим Скандинавский полуостров на Солийской и Херефордской картах. Признаем, что такое объяснение начального *G* в слове *Ganzmir* не менее сложно, чем его возведение Миллером к имени *Ganuz Wolf*. Преимущество его, однако, в том, что одновременно объясняется и локализация хазар на несохранившейся Сен-Викторской карте.

Выбор поедающей яблоко обезьяны как представителя норвежской фауны кажется на первый взгляд неожиданным. Возможных причин появления обезьян на Севере несколько. Во-первых, этнографическая: географы и картографы Возрождения помещали к северу или северо-западу от лапландцев сказочных пигмеев (вероятно, под влиянием скандинавского фольклора)[98] А пигмеи, как полагал еще Альберт

---

[93] См.: *Musset L.* Un aspect de l'esprit médiéval: La «cacogéographie» des Normands et de la Normandie // Revue du Moyen Âge latin. 1946. T. 2. P. 131.

[94] *Gautier Dalché P.* La *Descriptio mappe mundi*. P. 154.

[95] См.: *Hünemörder C.* «Hercyniae aves» // Rheinisches Museum für Philologie. 1967. Bd. 110. S. 371–384.

[96] Ср. местоположение Гирканского и неназванного Герцинского лесов, обозначенных травянистыми растениями на копии Сен-Викторской карты (ил. 4).

[97] См.: *Chekin L.S.* The Role of Jews in Early Russian Civilization in the Light of a New Discovery and New Controversies // Russian History. 1990. Vol. 17. P. 388.

[98] См.: *Bjørnbo A.A., Petersen C.S.* Der Däne Claudius Claussøn Swart (Claudius Clavus), der älteste Kartograph des Nordens, der erste Ptolemäus-Epigon der Renaissance. Innsbruck, 1909. S. 53, 193–194.

Великий, — нечто среднее между обезьяной и человеком[99]. Поэтому и Паоло Джовио писал в 1525 г., что скандинавские пигмеи «столь же близки обезьяне по росту и разуму, сколь они далеки в этих отношениях от нормального человека»[100] Во-вторых, литературная причина: в некоторых средневековых таксономиях песьеглавцы (кинокефалы), помещенные на полуострове к востоку от Норвегии, понимались как разновидность обезьян или как народ, сходный с обезьянами[101] Соответственно, обезьяны могли последовать за песьеглавцами на север в составе одной литературной формулы. В-третьих, причина иконографическая: сочетание обезьяны, поедающей яблоко, и смотрящего на нее норвежского лыжника соответствует популярной композиции мужской фигуры с животными, например изображение Адама, дающего имена животным, в английском бестиарии конца XII в.[102], где поедающая яблоко обезьяна — напоминание о первородном грехе[103] (ил. 11). С другой (южной) стороны от обезьяны изображен медведь, который, если принять во внимание английское происхождение карты, может являться первой фиксацией знаменитого стереотипа «русского медведя», обретшего широкое распространение в Англии времен Шекспира[104] Медведь также вводит северную обезьяну в различные литературные и изобразительные контексты. Оба наиболее антропоморфны из известных средневековью животных, и их сочетание нередко встречается в средневековом искусстве, где они, в частности, являются символами мужской и женской сексуальности (ил. 12). Исследователи этого мотива причину его возникновения видят в том, что и обезьяна, и медведь были основными цирковыми животными: средневековые дрессировщики постоянно их водили и выставляли, вместе и по отдельности[105] Характерно, что как обезьяна, так и медведь были компонентами нечистой диеты «турок из рода Гога и Магога», которых Этик Истрийский, один из источников карты, поместил

---

[99] См.: *Janson H.W.* Apes and Ape Lore in the Middle Ages and the Renaissance. London, 1952. P. 84–94; *Friedman J.B.* The Monstrous Races in Medieval Art and Thought. Cambridge (Mass.); London, 1981. P. 191–192.

[100] См.: *Iovius Nouocomensis P. (Paolo Giovio).* Libellus de legatione Basilii. P. 80; *Bevan W.L., Phillott H.W.* Medieval Geography. P. 159.

[101] Ср.: C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium / Rec. Th. Mommsen. Berolini, 1895. § 27.58; см.: *Janson H.W.* Apes and Ape Lore. P. 15–16, 75–76.

[102] С.-Петербург, РНБ, Lat. Q.v.V, № 1, f.5; репродукция в кн.: *Муратова К.* Средневековый бестиарий. М., 1984. С. 73.

[103] См.: *Janson H.W.* Apes and Ape Lore. P. 110–111.

[104] См.: *Chekin L.S.* Lower Scythia in Western European Geographical Tradition at the Time of the Crusades // Harvard Ukrainian Studies. 1991. Vol. 15. P. 306.

[105] *Janson H.W.* Apes and Ape Lore. P. 264; *Даркевич В.П.* Народная культура средневековья: Светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М., 1988. С. 41–43.

на Крайнем Севере[106] Появление обезьяны на Севере вполне мотивировано как литературной традицией, так и непосредственным изобразительным контекстом Херефордской карты.

Итак, почти все детали изображения и описания Скандинавии находят объяснение в предшествующей литературной и изобразительной традиции, восходящей по меньшей мере к XI в. (сведения Адама Бременского). Лишь более достоверная форма Скандинавского полуострова и наименование Фарерских островов могут свидетельствовать о новых влияниях.

ЭБСТОРФСКАЯ КАРТА

Эбсторфская карта была создана в Нижней Саксонии в XIII в. Более точная датировка является предметом спора; согласно палеографическим данным, конец XIII в. наиболее вероятен[107] Сама карта была уничтожена в результате бомбардировки Ганновера в 1943 г. В распоряжении исследователей остаются две репродукции, сделанные с оригинала карты в конце XIX в.: сильно ретушированные черно-белые фоторепродукции в издании Э.Зоммербродта и цветная перерисовка в атласе К.Миллера[108]. Реконструированная карта, ныне выставленная в Эбсторфском монастыре, основана на этих репродукциях. Иногда эти репродукции существенно разнятся между собой, в особенности в передаче значительно поврежденного изображения Скандинавии.

В издании Зоммербродта показан фрагмент двух территорий с последними буквами легенд, которые обычно восстанавливаются как [*mare Germanic*]*um* и [*Nor*]*vegia* (ил. 13)[109] Миллер, попытавшись реконструировать утраченную часть, показал эти территории как два удлиненных острова (ил. 14). Но более вероятно, что *Norvegia*(?) и *mare Germanicum*(?) представляют собой тот же раздвоенный полуостров, который мы видели на Солийской и Херефордской картах. Единственное сохранившееся в Норвегии название — *Medusa c*[*ivitas*], т.е., согласно идентификации Миллера, Мельхус (древнескандинавская форма: *Medalhús*, «срединная усадьба»), населенный пункт в Нор-

---

[106] Die Kosmographie des Aethicus / O.Prinz. München, 1993. P. 20.6–10 (MGH. Quellen zur Geistesgeschichte des Mittellalters. T. 14); *Bevan W.L., Phillott H.W.* Medieval Geography. P. 159.

[107] Ср.: *von den Brincken A.-D.* Fines Terrae. S. 91–92.

[108] *Sommerbrodt E.* Die Ebstorfer Weltkarte. Hannover, 1891; *Miller K.* Mappaemundi. Heft 5.

[109] *Von den Brincken A.-D.* Monumental Legends on Medieval Manuscript Maps: Notes on designed capital letters on maps of large size (demonstrated from the problem of dating the Vercelli Map, thirteenth century) // Imago mundi. 1990. Vol. 42. P. 20.

вегии на р. Гёула, ныне центр уезда Мельхус[110] Была там и еще легенда, состоявшая из двух строк, из которых Миллер смог прочесть лишь следующее: *...est...lisunia...hominum... simum est.*

Кроме того, на миллеровской репродукции показан остров с легендой *Scandinavia insula* и пятью нечитаемыми строками, среди которых есть слова *lune long*... С Норвегией (?) остров не соединяется. Напротив острова на континенте находятся Курляндия (*Curlant*, историческая область на западе совр. Латвии) и Земгалия (*Semigallia*, область в нижнем течении р. Немана). Два дополнительных штриха, которые, как предположил В.Шлютер, являются поздним дополнением, привнесенным приверженцем полуостровной гипотезы[111], соединяют остров с континентом. Другой комментатор карты, В.Розин, отождествил *Scandinavia insula* с действительным островом Готландом[112]

Согласно репродукции Зоммербродта, на «острове» нет вовсе никакой легенды. Будь он остров или полуостров, этот объект нанесен с необычной для Эбсторфской карты небрежностью. В отличие от миллеровской, зоммербродтовская репродукция вовсе не создает впечатления, что сначала был нарисован круг, а уж затем добавлены соединяющие его с материком штрихи. Другие специалисты, ссылавшиеся на карту до ее гибели, оригиналом не пользовались и потому не способны помочь нам оценить достоверность миллеровской репродукции и чтений.

Если остров действительно носил имя Скандинавия, источником должна была быть, скорее всего, одна из схолий к труду Адама Бременского. Карта содержит несколько цитат из этих схолий. Например, напротив «острова Скандинавии на континенте есть длинная легенда, начало которой, по мнению Миллера, восходит к рассуждениям Адама о свеонах и свевах[113], но включает и оригинальные данные о норманнском этногенезе. («Говорят, что свеоны некогда произошли от свевов, обитавших близ этих гор. От них произошли те, кто теперь называются алеманнами. Те, которые спустились с этих гор во Внутреннюю Свеонию, называются норманнами».) А затем цитируется схолия 111 к Адаму о трех народах норманнов (т.е. о норвежцах, нормандцах и жителях Сицилийского нормандского королевства): «От этих норманнов, которые обитают за Данией, пришли те норманны, которые живут во Франции; а от этих недавно Апулия получила

---

[110] Ср.: *Miller K.* Mappaemundi. Heft 5. S. 26.

[111] *Schlüter W.* Der Norden Europas in der mittelalterlichen Kartographie // Tartu. Ülikool. Opetatud eesti selts. Aastaraamat (=Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft). 1905/1906. S. 17.

[112] *Rosien W.* Die Ebstorfer Weltkarte. S. 55.

[113] *Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte. S. 250–251 (IV.21).

третьих норманнов»[114] В другой легенде, нанесенной поблизости, цитируется схолия 17 (18) о границах Моравии.

Итак, возможно, что остров Скандинавия был показан на Эбсторфской карте. Но реконструкцию Норвегии и «Германского залива» как островов, предложенную Миллером, принять нельзя, так как она без необходимости противоречит свидетельствам Солийской, Херефордской и других карт того же типа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начальная форма, приданная картографами Скандинавскому полуострову, с узким перешейком, присоединяющим его к континенту, претерпевает в источниках целую серию модификаций. Полуостров, круглый на Англо-саксонской и ламбертовской картах и на копии Сен-Викторской карты, сплющивается на Псалтырной карте, удваивается на копии Сен-Викторской карты на Псалтырной, Солийской, Херефордской и Эбсторфской картах, и дополнительно раздваивается на Херефордской карте. На больших картах XIII в. — Эбсторфской и Херефордской — полуостров обрастает новыми этнографическими и топографическими деталями (изображения городов, лыжника и обезьяны).

Основное название полуострова представляет собой варианты имени «Норвегия»: *Neronorweci* на Англо-саксонской карте, *Norvuega* на карте Ламберта, *Norwegia* на карте Джеральда Уэльсского, *Norwegi* на Псалтырной, *Noreya* на Солийской и Херефордской картах и [*Nor*]*vegia* на Эбсторфской карте. Оно дополнено вариантами названия «Скандза»: *Scanzia* на карте Ламберта, *Ganzmir*/*Gansmir* на Солийской и Херефордской картах. Имена «Норвегия» и «Скандза» на карте Ламберта следует понимать как синонимы. Нарративная часть энциклопедии Ламберта подтверждает синонимичность Норвегии и Скандзы (но не полуостровную гипотезу): она идентифицирует остров *Scanzia*, родину норманнов и прочих германских народов, с Норвегией (*Northwega*)[115]

Эта синонимичность, возможно, связана со скандинавским заселением Нормандии (показанной как *Normannia* на копии Сен-Виктор-

---

[114] Текст карты приводим согласно Миллеру. В круглые скобки Миллер заключает свои дополнения: «Su(eones) quondam... dt. (dicunt?) esse Swevorum circa hec montana habitantium, a quibus illi nunc Alamanni dicuntur; qui ab istis montanis ad Sweoniam inter(iorem) secesserunt, Northmanni dicuntur. Ab illis Northmannis, qui trans Daniam habitant, venerunt isti Northmanni, qui Franciam incolunt, et ab his nuper Apulia suscepit tertios Normannos». Ср.: *Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte. S. 234, schol. 111.

[115] Lamberti S. Audomari canonici Liber floridus. F. 155 (56), 76r; 371, 186r; 423, 212r; 475, 238r.

А.В.Бусыгин (Москва)

МОНАХ ТЕОДОРИК И ЕГО «ИСТОРИЯ О ДРЕВНИХ НОРВЕЖСКИХ КОРОЛЯХ» (Проблемы источниковедения)

«История о древних норвежских королях» монаха Теодорика (ок. 1180 г.) принадлежит к числу первых исторических сочинений, созданных в средневековой Скандинавии[1] Вопрос о том, кем был ее автор и как звучало его настоящее имя, продолжает оставаться предметом разногласий среди исследователей. Большинство из них полагают, что «История» была написана монахом-бенедиктинцем из монастыря Нидархольм недалеко от Нидароса[2], другие склонны отождествлять ее автора с одним из носивших имя Торир каноников-августинцев, проведших некоторое время в Париже[3] Действительно, знакомство Теодорика с широким кругом произведений средневековых авторов, в том числе его старших современников, заставляет предполагать, что свои знания он почерпнул, учась за границей[4] Свое

[1] Theodrici monachi. Historia de antiquitate regum Norwagiensium // MHN. S. 1–68. Это издание в значительной мере устарело. Многие из чтений, принятых Г.Стормом, не раз подвергались серьезной критике, но главное обстоятельство, требующее нового критического издания, — это введение в научный оборот двух списков сочинения, оставшихся неизвестными Сторму. См.: *Kraggerud E.* Theoderiks tekst etter Storm // Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge. København, 2000. S. 263–280. В 1997 г. было объявлено о подготовке нового издания в рамках проекта «Норвежская средневековая латинская литература» (Symbolae Osloenses. Oslo, 1997. Fasc. 72. S. 195).

[2] См., напр.: MHN. S. VII; *Sigurður Nordal.* Om Olav den Helliges saga. En kritisk undersøgelse. København, 1914. S. 7–8; *Bjarni Aðalbjarnarson.* Om de norske kongers sagaer // NVAOS. II. Hist.-Filos. Kl. 1936. № 4. Oslo, 1937. S. 5; *Ellehøj S.* Studier over den ældste norrøne historieskrivning. København, 1965. S. 176.

[3] Речь идет о Торире, занимавшем в 1189/90–1196 гг. епископскую кафедру в Хамаре (*Daae L.* Om Historieskriveren «Theodricus monachus» og om Biskop Thore af Hamar // (N)HT. 1895. Rk. 3. B. 3. S. 397–411), или о Торире Гудмундарсоне, архиепископе Нидароса в 1206–1214 гг. (*Johnsen A.O.* Om Theodoricus og hans Historia de antiquitate regum Norwagiensium // NVAOA. II. Hist.-Filos. Kl. 1939. № 3. Oslo, 1939).

[4] *Johnsen A.O.* Om Theodoricus. S. 95–109; *idem.* Om St. Victorklosteret og normennene // (N)HT. 1943–1946. Bd. 33. S. 405–432. *Mortensen L.B.* [Рец. на кн.:]

© А.В.Бусыгин, 2001

сочинение он посвящает архиепископу Нидароса Эйстейну Эрлендссону (1160–1188), европейски образованному человеку и влиятельному церковному магнату, по заказу которого он, возможно, и взялся за составление этого труда[5] Тесная связь Теодорика с центром латинской культуры в Нидаросе, с интеллектуальной средой вокруг архиепископа Эйстейна несомненна, но единственно надежным основанием для такого суждения являются не противоречивые и откровенно спекулятивные гипотезы, упомянутые выше, а сам характер его «Истории».

От начала до конца «История о древних норвежских королях» проникнута пафосом того, что он, Теодорик, первым взялся описать историю своего народа. В этом он видит культурную задачу необыкновенной важности: «Вовсе, можно сказать, нет народа столь грубого и неразвитого, чтобы он не передавал потомкам каких-либо повествований (*monumenta*) о своих предшественниках»[6] Норвегия должна обрести письменную историю своей древности (*antiquitas*). Теодорик уверяет, что никогда не взялся бы за перо, не будь прежнее положение невыносимо:

«Пускай и неискусным слогом, по мере своих сил я сжато изложил эти немногие [известия] о наших предках, перелагая не увиденное, но услышанное (*non visa sed audita retractans*). Поэтому, если этот [труд] соизволит прочесть кто-нибудь, и ему, возможно, не понравится, что я выстроил повествование таким образом, прошу, пусть не обвиняет меня в обмане, потому что из рассказа других узнал я то, что записал (*aliena relatione didici quod scripsi*). И пусть твердо знает, что я желал, чтобы не я, но другой изложил эти события, однако поскольку этого не случилось доныне, то лучше [это сделаю] я, чем никто»[7]

Перед нами, разумеется, один из самых распространенных средневековых топосов, но Теодорик так часто возвращается к этой мысли на протяжении своего сочинения, что не приходится сомневаться в искренности его слов.

Теодорик не раз сетует на трудности, связанные с отсутствием предшественников, на труд которых он мог бы опереться. Он начина-

---

Theodoricus Monachus. An Account of the Ancient History of the Norwegian Kings / Transl. and Annotated by D. and I. McDougall, with an Introduction by P.Foote. London, 1998 // Maal og Minne. Oslo, 2000. S. 102–103.

[5] Прямо об этом он не говорит, и на это у него могли быть веские основания (*Hanssen J.S.Th.* Theodoricus Monachus and European literature // Symbolae Osloenses. Oslo, 1949. Fasc. 27. P. 123–124).

[6] MHN. S. 3.

[7] MHN. S. 68. О параллелях к этой формуле скромности в античной и средневековой литературе см.: *Skard E.* Målet i Historia Norwegiae // NVAOS. II. Hist.-Filos. Kl. 1930. № 5. Oslo, 1930. S. 75.

ет свое изложение с года восшествия на престол Харальда Прекрасноволосого (852 г., согласно Теодорику[8]), но поручиться за достоверность этой даты он не может и вынужден оправдываться тем, что «в делах такого рода очень трудно с ясностью различать истину, особенно там, где никакое свидетельство летописцев не приходит на помощь (*ubi nulla opitulatur scriptorum auctoritas*)»[9] На те же сложности он жалуется, поставленный в тупик тремя противоречащими друг другу версиями крещения Олава Харальдссона. Он утешает себя тем, что и Блаженный Иероним не знал, какую из версий крещения Константина предпочесть[10]

Единственный выход из столь тягостных для него обстоятельств он видит в том, чтобы «прилежно опрашивать тех, чья память об этом, как полагают, особенно крепка, кого мы называем исландцами (*Islendingos*) и кто часто вспоминает об этих [событиях] в своих древних песнях»[11]. В изложении Теодорика дело выглядит так, что именно исландцы являются главными экспертами в области норвежской истории, «ведь они, как известно, в сравнении со всеми северными народами были, вне сомнений, всегда и более сведущими и более любознательными в делах такого рода»[12]

Внимательное чтение «Истории» позволяет обнаружить, что такого рода высказывания со стороны Теодорика не означают, что он был вынужден полагаться исключительно на устную (исландскую) традицию. По всей видимости, Теодорик имел возможность выстраивать генеалогический и хронологический каркас повествования, основываясь на письменных данных. Во всяком случае, какие-то сведения по хронологии содержались в «Перечне норвежских королей» (*catalogus regum Norwagiensium*), на который он опирается в вопросе о продолжительности правления в Норвегии Кнута Могучего, его сына Свейна и племянника Хакона[13] Среди исследователей преобладает мнение, что не дошедший до нас «Перечень» был письменным текстом норвежского происхождения[14], и, хотя из слов Теодорика не ясно, на-

---

[8] Ср.: *Skånland V.* The year of King Harald Fairhair's Access to the throne according to Theodoricus Monachus // Symbolae Osloenses. Oslo, 1966. Fasc. 41. P 125–128.

[9] MHN. S. 6.

[10] MHN. S. 21–23.

[11] MHN. S. 3.

[12] MHN. S. 6.

[13] MHN. S. 44.

[14] См. напр.: *Bjarni Aðalbjarnarson.* Om de norske kongers sagaer. S. 5–6, 51; *Ellehøj S.* Studier. S. 182–196. Было также высказано предположение, что под «Перечнем» Теодорик мог иметь в виду одно из утраченных сочинений Ари Торгильссона (*Lange G.* Die Anfänge der isländisch-norwegischen Geschichtsschreibung. Reykjavík, 1989 (Studia Islandica 47). S. 53–55), но никаких доводов в его пользу не было приведено.

сколько широко он пользовался сведениями, содержащимися в «Перечне», можно определенно утверждать, что это использование не ограничивается данным местом.

Вопрос о том, в какой мере Теодорик использовал сведения, содержащиеся в скальдической поэзии, до сих пор не вполне ясен, несмотря на попытки исследователей приблизиться к его разрешению. Ясно, что ссылка на авторитет исландских скальдов (*carmina antiqua* Теодорика) хорошо вписывалась в господствовавшие в то время в Норвегии и Дании представления о том, как следует писать историю[15] Вообще, идея использовать скальдическую поэзию как источник для исторического сочинения не несет в себе ничего специфически исландского. Во всяком случае, первый дошедший до нас текст, в котором для подтверждения сказанного приводятся скальдические висы, в том числе неизвестные из последующих исландских сочинений, — это норвежская работа конца XII в. под условным названием «Обзор саг о норвежских конунгах». Как полагают исследователи, неизвестный нам автор «Обзора» истолковывал висы самостоятельно, не прибегая к помощи исландцев[16] Следы самостоятельного использования поэзии как источника имеются, по мнению С.Эллехёя, и в сочинении Теодорика[17]

В свете того, что сам Теодорик говорит о своей роли первого историка Норвегии, кажутся примечательными некоторые особенности его изложения. Он, по его словам, стремится «изложить вкратце (*breviter annotare*) эти немногие [известия] о древней истории (*de antiquitate*) норвежских королей»[18], и в дальнейшем подтверждается, что автор вовсе не намерен рассказывать читателю все, что ему известно по тому или иному вопросу. Нередко он ограничивается упоминанием какого-либо сюжета, не имея желания рассказывать историю целиком. Вот как в его изложении выглядит традиционный в более поздних сагах мотив воспитания Олава Трюггвасона на Руси при дворе князя Владимира:

«На двадцать девятом году своего правления он [ярл Хакон Сигурдарсон. — *А.Б.*] узнал, что в Англии находится Олав, сын Трюггви,

---

[15] *Halvorsen E. F.* Theodoricus and Icelanders // Árbók Hins islenzka fornleifafélags. Fylgirit 1958. Reykjavík, 1958. P. 142–155.

[16] Это подтверждается тем, что автор «Обзора» ошибочно истолковывает хейти корабля как имя конунга. «Образованный исландец тех дней был достаточно сведущ в скальдической поэзии, чтобы избежать столь очевидных ошибок» (*Turville-Petre G.* Origins of Icelandic Literature. Oxford, 1953. P 173).

[17] Теодорик, возможно, ошибочно истолковал кеннинг *Svölnis él* — «битва» — в песни Скули Торстейнссона, приняв его за название острова (*Ellehøj S.* The location of the fall of Olaf Tryggvason // Árbók hins islenzka fornleifafélags. Fylgirit 1958. Reykjavík, 1958. P 63–73).

[18] MHN. S. 3.

что это юноша с хорошими задатками, что он вернулся из русских пределов, где его воспитал и помогал ему король Вальдемар, и что когда он занимался в Дании морским разбоем, то, сойдя с кораблей, он был отрезан [от них] врагами, так что не мог на них вернуться. И вот, будучи вынужден обстоятельствами прибегнуть к Божественной помощи, он дал обет стать христианином, если избежит нависшей [над ним] опасности. Избавленный Божьей волей, он на отвоеванных кораблях отправился в Иберию, откуда отплыл на острова Суллинги, которые примыкают к Большой Британии, где и принял крещение со всеми своими [спутниками] от достопочтенного мужа аббата Бернарда. Оттуда он поплыл в Англию, где и пребывал несколько лет. Изменив имя, он звался Оли, так как не хотел, чтобы стало известно, кто он такой. И вот Хакон, как узнал доподлинно, что тот находится там, стал всячески стремиться лишить его жизни [...]»[19]

Собственно говоря, Теодорик вообще не намерен что-либо рассказывать о пребывании Олава на Руси. Занятый рассказом об обстоятельствах возвращения Олава в Норвегию из Англии, он вынужден прервать ненадолго свое повествование, чтобы вскользь коснуться причин, приведших Олава в Англию. Лишь случайно, в одном из бесконечных придаточных предложений, возникает упоминание Руси и князя Владимира.

Сходным образом Теодорик повествует и о событиях, происходивших в Норвегии с норвежскими конунгами:

«Король Олав [...] выдал трех своих сестер за знатных мужей, одну, по имени Астрид, — за Эрлинга, сына Скьяльга, другую — за Торгейра, могущественного мужа из Вика, *который потом сжег в некоем доме Гудрёда, сына Гуннхильд, так как тот хотел отобрать королевство у Олава,* третью — за его брата Хюрнинга»[20]

Больше о Гудрёде и его противостоянии Олаву Трюггвасону в «Истории» Теодорика ничего не говорится, как, впрочем, и о Торгейре, предавшем Гудрёда смерти.

В свете сказанного еще более примечательным выглядит то обстоятельство, что около трети всего объема сочинения Теодорика занимают отступления на самые разнообразные темы: о природе Харибды, о происхождении гуннов, о том, что люди становятся меньше ростом от поколения к поколению, и о чем угодно другом, что имеет, казалось бы, весьма далекое отношение к норвежским конунгам. Теодорик пишет об этом в прологе:

«Также, по обычаю древних летописцев, мы присовокупили в подходящих местах отступления, не бесполезные, как полагаем, для услаждения души читателя»[21]

---

[19] MHN. S. 13–14.
[20] MHN. S. 21 (курсив мой. — *А.Б.*).
[21] MHN. S. 4.

Но несмотря на то что он сам пытается представить свою манеру изложения как подражание античным авторитетам, роль, которую играют отступления в его сочинении, не имеет соответствий ни в античной, ни в современной ему средневековой историографии[22]

То обстоятельство, что Теодорик пишет свою «Историю» на латыни, само по себе дает ему возможности, которых он был бы лишен, возьмись он за составление сочинения по-норвежски. К примеру, наличие или отсутствие латинизации в именах, по всей видимости, играет для него важную роль. Как правило, она затрагивает имена конунгов и ярлов: *Haraldus*, *Sveino*, *Waldemarus*. Их прозвища переводятся на латынь: *hárfagri — pulchre-comatus / bene-comatus*; *Aðalsteinsfóstri — nutricius Halstani*; *berfœttr — nudipes*. Все прочие имена за редким исключением склоняются по правилам норвежской грамматики, а прозвища транслитерируются: *Gitzor... pater Isleifs episcopi*; *Fithr comes filius Arna, frater Kalfs*; *Thorer hunder*. Особенно хорошо оценочный характер латинизации имен заметен в тех случаях, когда речь идет не просто об изменении морфологического облика слова, а об отождествлении двух имен — исконно норвежского и христианского, позаимствованного из латинской литературы[23] Тем самым у Теодорика в руках оказывается удобное средство отделить зерна от плевел: конунг Эйстейн Магнуссон и архиепископ Эйстейн Эрлендссон оказываются Августинами[24], а самозванец Эйстейн Девчушка так и остается Эйстейном.

Выбор латинского языка влечет за собой антикизацию топонимов. В соответствии с традициями античной и раннехристианской географии[25] Дания превращается под пером Теодорика в Дакию, а Шве-

---

[22] *Lehmann P.* Skandinaviens Anteil an der lateinischen Literatur und Wissenschaft des Mittelalters // Sitzungsberichte der bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Abteilung. 1937. Heft 7. München, 1937. S. 69. Отступлениям Теодорика посвящена обширная литература, среди которой особенно выделяются работы А.О.Юнсена и Й.Ханссена (*Johnsen A.O.* Om Theodoricus; *Hanssen J.S.Th.* Observations on Theodoricus Monachus and his History of the Old Norwegian Kings, from the end of the XII. sec. // Symbolae Osloenses. Oslo, 1945. Fasc. 24. P. 166–168; *idem*. Theodoricus Monachus. P. 78–122).

[23] На взгляд Ф.Б.Успенского, такое отождествление имен отражает важные особенности сосуществования христианских и исконных имен в средневековой Скандинавии (*Гиппиус А.А., Успенский Ф.Б.* К вопросу о соотношении языческого и христианского имени — древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Сборник тезисов XIX конференции памяти В.Д.Королюка. М., 2000. С. 29–36).

[24] Тем естественнее становится для Теодорика сравнить конунга Эйстейна / Августина с императором Августом (MHN. S. 64–65).

[25] *Hemmingsen L.* Middelaldergeografien og *Historia Norwegie* // Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge. København, 2000. S. 26–53.

ция — в Верхнюю Скифию. Он считает нужным упомянуть о том, что некоторые авторы склонны считать Исландию тем же островом, что и упоминаемая древними *Thule*, хотя сам отказывается от суждения. Теодорик не ограничивается одними лишь общепринятыми отождествлениями, но воспринимает заложенный в традиции принцип как руководство к действию, делая из Фарерских островов — Фаросские (*Phariæ insulæ*).

Использование латинского языка влечет за собой целую систему понятий и условностей, принятую в средневековой латинской литературе. Многое из того, что смотрится совершенно органично в латинском тексте, было бы просто невозможно в сочинении, написанном на скандинавском языке, как, например, слова Теодорика о Трюггви, который был конунгом «во внутренней провинции, которую норвежцы называют Упплёнд»[26] Подобная отстраненность описания очень характерна для данного текста, и едва ли правы те исследователи, которые, не учитывая эту особенность «Истории», видят здесь следы использования иностранных источников.

«История о древних норвежских королях» монаха Теодорика, несомненно, служит важным источником наших знаний о том периоде норвежской истории, которому она посвящена: от времен Харальда Прекрасноволосого (конец IX в.) до смерти Сигурда Крестоносца (1130 г.) и начала эпохи гражданских войн, в разгар которых она была написана. Однако главная ее ценность, как кажется, все же в другом. «История» Теодорика представляет собой уникальное свидетельство интеллектуальной жизни в Норвегии XII в., яркое проявление того культурного расцвета, который и позволяет говорить о начале новой эпохи во всей Скандинавии[27]

---

[26] MHN. S. 6.

[27] *Turville-Petre G.* Origins; *Christiansen A.E.* Mellem Vikingetid og Valdemarstid. Et forsøg paa en syntese // Historisk Tidsskrift. København, 1966. Rh. 12 B. 2. S. 45–49.

Анне Стальсберг (Тронхейм, Норвегия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ НОРВЕГИЕЙ И ДРЕВНЕЙ РУСЬЮ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

В течение более ста лет обсуждения и исследования варяжской проблемы на основе археологических находок речь шла главным образом об отношениях между Древней Русью и Швецией или Древней Русью и Скандинавией в целом. Это естественно по трем важным причинам: во-первых, Швеция — та часть Скандинавии, которая расположена ближе к Древней Руси и, так сказать, обращена к ней; во-вторых, археологический материал скандинавского происхождения, найденный на территории Древней Руси, указывает именно на связи со Швецией; и в-третьих, в самой Скандинавии наибольшее число вещей и монет древнерусского и восточного происхождения найдено на территории Швеции. По древнескандинавским сагам известно, однако, что среди скандинавов, которые путешествовали на Русь, были также и норвежцы. Следовательно, имеется достаточно оснований искать находки, свидетельствующие о специфически *норвежско*-древнерусских контактах. В настоящей статье обсуждаются возможности и ограничения исследования археологического материала, отражающего связи между Древней Русью и Норвегией.

Данная тема тем более интересна, что благодаря живым и красочным рассказам древнеисландских саг нам как бы известны личности и приключения норвежцев, особенно конунгов, на Руси. Однако надо иметь в виду, что саги являются сочинениями авторов, писавших два века спустя, и историческая достоверность этих произведений — предмет дискуссий среди историков. Соответствующих шведских саг нет. Сохранилась лишь одна древнеисландская сага о сказочном походе шведа Ингвара Путешественника[1] В Швеции в отличие от Норвегии найдено большое число рунических камней, являющихся современ-

[1] Yngvars saga víðfǫrla / Emil Olson. København, 1912.

© А.Стальсберг, 2001

ными той эпохе, исторически достоверными источниками, но их тексты — лаконичные и сухие, и упомянутые в них лица не так близки нам, как персонажи саг. На фоне парадокса источников интересно выяснить, отражают ли археологический и нумизматический материалы русско-норвежские отношения, о которых рассказывают саги[2] Обзор археологических материалов, свидетельствующих о норвежско-русских связях в эпоху викингов, не опубликован в научных изданиях. Настоящая статья не является такой публикацией, так как я не имела возможности систематического просмотра собраний норвежских археологических музеев, и в моем еще не опубликованном каталоге находок скандинавского происхождения, обнаруженных на территории Древней Руси, я не старалась специально отмечать норвежские вещи. Однако настоящая статья дает общее представление о материалах, которые могут отразить или отражают именно норвежско-русские связи, и намечает перспективы их изучения.

О связях между Норвегией и Древней Русью свидетельствуют три группы археологических находок: древнерусские вещи, найденные на территории Норвегии; норвежские вещи, найденные на территории Древней Руси; вещи восточного происхождения, попавшие в Норвегию через Древнюю Русь. Я считаю маловероятной возможность идентифицировать западноевропейские вещи, попавшие в Древнюю Русь через Норвегию, так как трудно установить, какие из них проникли именно через Эресунн из Северного моря в Балтийское.

В обсуждение норвежско-древнерусских отношений не будут включены связи с Крайним Севером, которые отражаются в ряде находок восточно-финно-угорского происхождения в Норвегии, прежде всего в северной части страны. Это связи внутри большой финно-

---

[2] Скандинавские письменные источники по Древней Руси опубликованы в русских научных изданиях: *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о северной Руси. М., 1996; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993; *она же.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994; *она же.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). М., 2000; *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977; *она же.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986; *она же.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. Краткие обзоры археологического материала см., например: *Jansson I.* Communications between Scandinavia and Eastern Europe // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil IV. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philol.-hist. Kl., Dritte Folge. Göttingen, 1987. № 156. S. 773–807; *Stalsberg A.* The Scandiavian Viking Age Finds in Rus' Overview and Analysis // Oldenburg — Wolin — Staraja Ladoga — Novgorod — Kiev. Bericht der römisch-germanischen Kommission 69. Mainz am Rhein, 1988. S. 448–471. Настоящая работа основана на моем неопубликованном каталоге "Scandinavian Viking Age Finds in Rus'", включающем находки, сделанные до 1990 г.

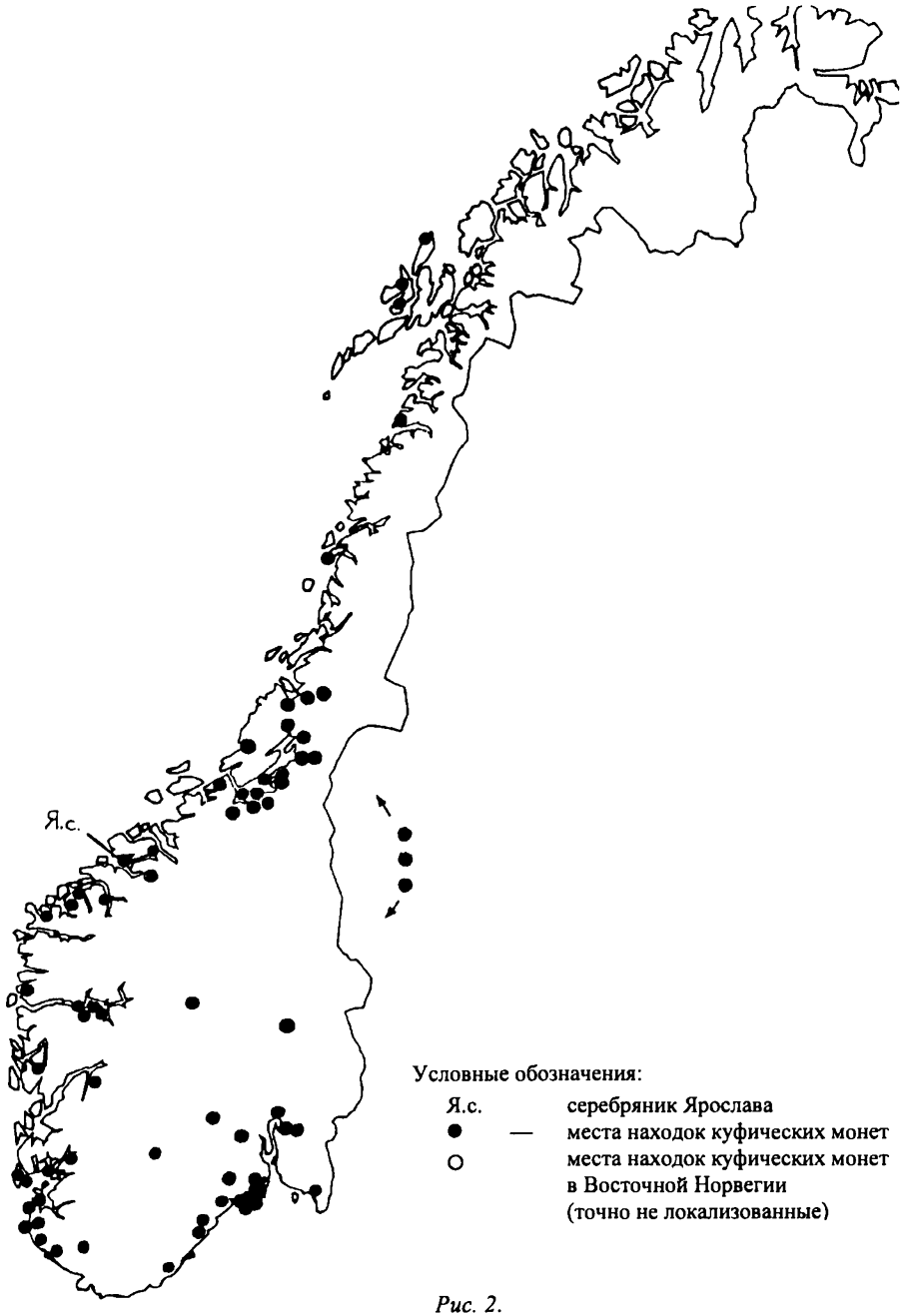

Рис. 2.
Места находок серебряника Ярослава и куфических монет в Норвегии (*Skaare K.* Coins. Map 5)

круг Балтийского моря[5] Группа разделяется на две разновидности — монеты легкого и тяжелого веса. Серебряники из Норвегии принадлежат к первой группе и одной и той же группе штемпелей. Легкие серебряники найдены: в Норвегии — 1, в Норвегии или Швеции — 2, на Готланде — 1, в Санкт-Петербургской губернии — 1 и в неизвестном месте — 2[6] Тяжелые серебряники найдены: в Эстонии — 2, в Померании — 1, в Польше — 1, на Готланде — 1, в неизвестном месте — 1[7] Тот факт, что только одна монета найдена на территории Древней Руси, привел многих исследователей к предположению, что они на самом деле являются подражаниями. Сейчас они считаются подлинными, чеканенными Ярославом Мудрым в Новгороде[8]

Чеканка данных серебряников связана с оплатой варяжских наемников, которых Ярослав в 1018 г. нанял на службу для войны против своих братьев за великокняжеский престол в Киеве, что объясняет распространение этих монет в Швеции, Норвегии и на побережье Балтийского моря[9]. Возможно, что Ярославу также нужны были деньги в связи с разрывом с отцом еще в 1014–1015 гг.[10] Серебряники тяжелого веса могли быть чеканены позже, в 1024–1026 гг.[11], но не все исследователи согласны с этим[12]. Как бы то ни было, в Норвегию попал один серебряник (может быть — 3), который Ярослав, вероятно, отчеканил в Новгороде в 1015–1019 гг., чтобы заплатить своим наемным варягам. Конечно, невозможно сказать, служил ли воин с острова Больсойа в армии Ярослава на Руси. Несомненно, как справедливо считает В.М.Потин, что «находка его (серебряника. — *А.С.*) на территории Швеции и Норвегии говорит не столько об экономических, сколько о политических и военных отношениях Руси и Скандинавских стран»[13]

Как уже отмечено, настоящий обзор не включает находки, отражающие отношения между финно-угорскими народами севера Скандинавии, Финляндии и России. Однако в Южной Норвегии также найдены вещи финно-угорского происхождения (рис. 3). Г.Йессинг в 1928 г. опубликовал обзор финно-угорских вещей с территории Нор-

---

[5] Карта в кн.: *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие. С. 99.

[6] Там же. С. 199 и сл.

[7] Там же. С. 196 и сл.

[8] *Потин В.М.* Древняя Русь. С. 150; *Сотникова М.П., Спасский И.Г* Тысячелетие. С. 99.

[9] *Потин В.М.* Древняя Русь. С. 147.

[10] *Сотникова М.П., Спасский И.Г* Тысячелетие. С. 104.

[11] *Потин В.М.* Древняя Русь. С. 149.

[12] *Сотникова М.П., Спасский И.Г* Тысячелетие. С. 102.

[13] *Потин В.М.* Древняя Русь. С. 150. Более полное обсуждение см. на с. 141 и сл.; *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие. С. 96 и сл.

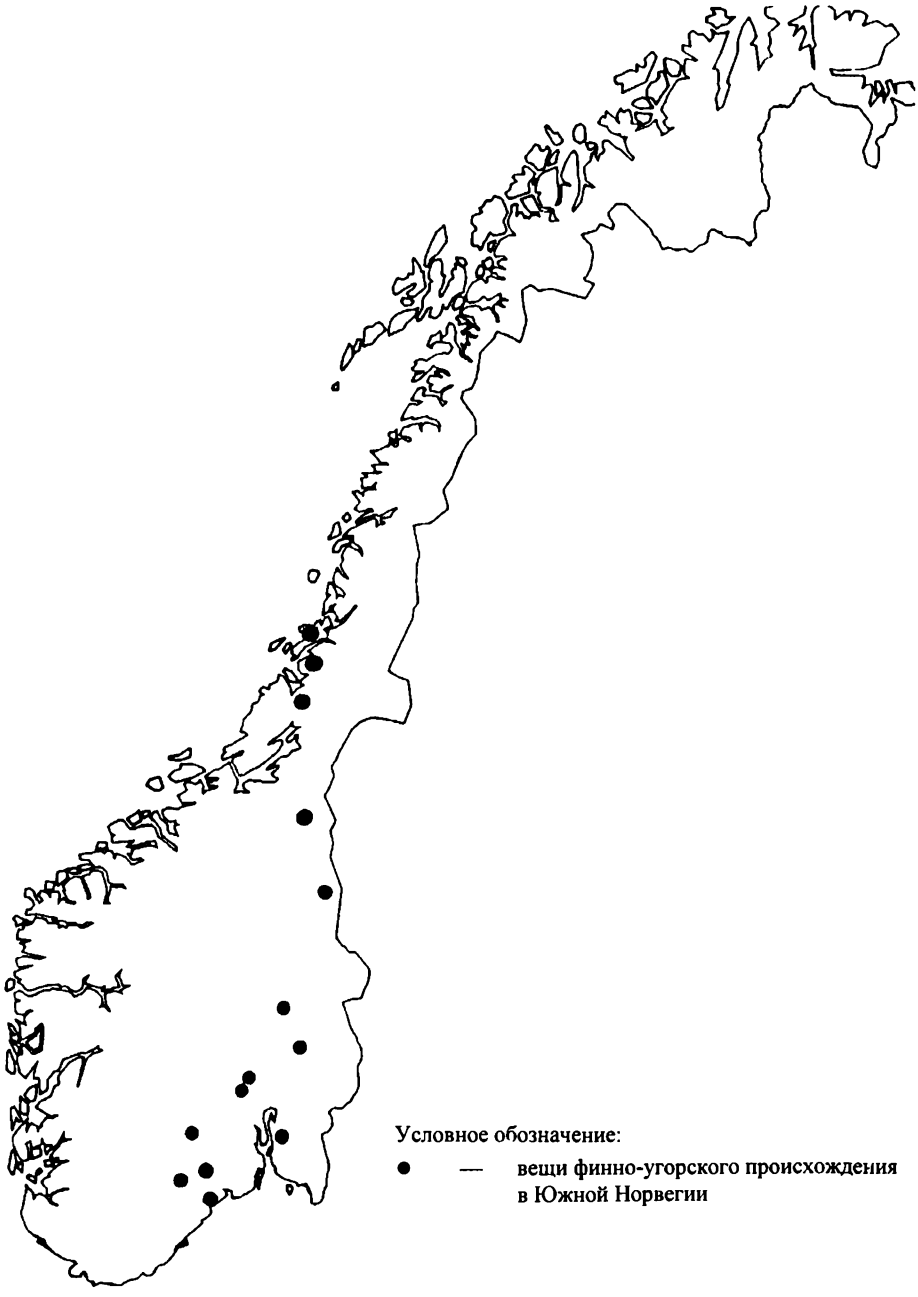

Рис. 3.
Места находок вещей финно-угорского происхождения в Южной Норвегии
(*Gjessing G.* Finsk-ugriske vikingetidssmykker. Fig. 13)

вегии[14], подчеркнув, что материалы из Северной и Южной Норвегии носят разный характер. Материалы из Северной Норвегии (фюльки Нурланд, Тромс и Финмарк) разнообразны, охватывают разные категории и типы и происходят из обширной финно-угорской области. Материалы из Южной Норвегии состоят из меньшего числа типов, прежде всего подковообразных фибул типа Риг 675[15] чисто *финского* происхождения (т.е. происходящих из Финляндии и областей к востоку от нее)[16] Эти находки могут быть результатом связей не только с финским населением, но также и с Русью, поскольку путешественники, возвращавшиеся из Руси через Финляндию, могли приобрести их по дороге домой на запад. Надо подчеркнуть, что для более полного обсуждения вопроса требуется как обзор находок в Норвегии, так и установление мест их происхождения на востоке.

Обсуждение русско-норвежских отношений невозможно без упоминания норвежско-шведской дискуссии о происхождении срубной техники строительства, столь характерной для Норвегии и Швеции. В Норвегии стало аксиомой, что данная техника проникла туда из Руси в течение или в конце эпохи викингов. Самые ранние настоящие срубные дома в Норвегии и Швеции датируются XI в. н.э., и исследователям казалось естественным искать корни техники на Руси, где срубные дома известны уже с VIII–IX вв. н.э. (в Старой Ладоге; в финно-угорском городище Березняки на Верхней Волге III–V вв. н.э.). Однако это слишком просто, так как между срубными традициями Норвегии и Швеции, с одной стороны, и Руси — с другой, имеются существенные различия. Ранний русский (славянский) способ рубки сруба, *в обло*, очень простой, и он не развивался с VIII в. н.э. (за исключением того, что в XVII–XVIII вв. стали рубить пазы для моха в верхнем бревне, а не в нижнем, как раньше) (рис. 4). Срубы данного славянского типа известны в Норвегии в городах, где в XI–XII вв. так строили жилища. Позже, вплоть до наших дней, в деревенских областях таким образом строили только грубые сооружения, такие, как колодцы, быки мостов, сеновалы на выпасе. Уже в XI в. в Норвегии известен принципиально отличный способ рубки сруба (рис. 5), на основе которого срубная техника в Норвегии развивалась дальше (совершенный способ рубки сруба появился в XIII в.). Существование двух традиций не подтверждает теорию об общих корнях норвежско-шведской и русской срубных техник.

---

[14] *Gjessing G.* Finsk-ugriske vikingetidssmykker i Norge // Universitetets Oldsaksamling Årbok. Første årgang 1927. Oslo, 1928. S. 23–41. Рис. 3.

[15] *Rygh K.* Norske Oldsager. Christiania, 1885.

[16] *Gjessing G.* Finsk-ugriske vikingetidssmykker. S. 38 ff.

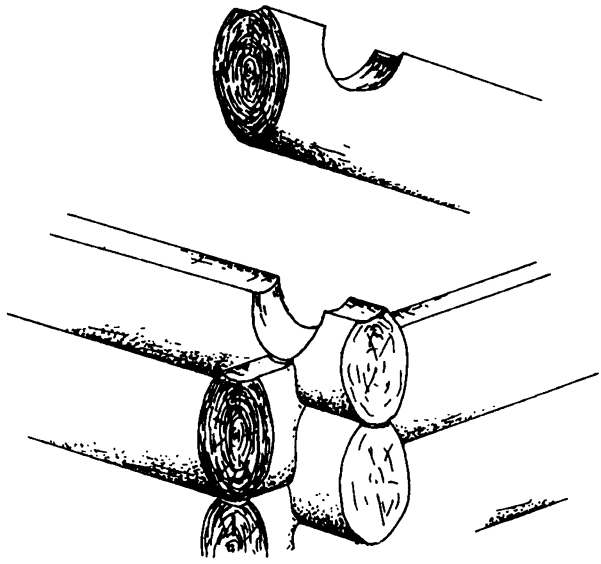

Рис. 4.
Типичный русский сруб (Пустозерск. XVII в.)
Рис.: Elling Alsvik

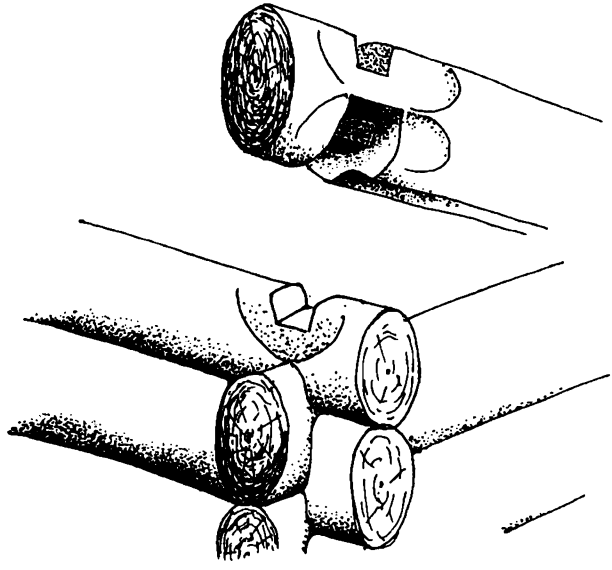

Рис. 5.
Норвежский сруб (XIII в.)
Рис.: Elling Alsvik

Чтобы более широко обсудить вопрос о перенесении срубной техники из Руси в Норвегию и Швецию, требуется изучение того, как могли переноситься ремесленные знания и опыт и как скоро они могли широко распространиться и проникнуть повсюду, где был дешевый строительный материал. Также надо ответить на вопрос о том, почему норвежцы и шведы не усвоили русско-финскую печь вместо открытого очага в центре дома. Для дальнейшего изучения вопросов, связанных с проблемами возникновения и распространения срубной техники и разных способов рубки, требуются хорологические и хронологические исследования на основе точной фиксации всех известных типов срубной техники в Европе и Азии, от Норвегии до Японии, от Ледовитого океана до Средиземного моря. Главная проблема, затрудняющая дальнейшее изучение, очень проста. Она состоит в том, что дерево гниет и накопление знаний зависит от случайностей условий сохранения, влияющих на репрезентативность обзора[17]

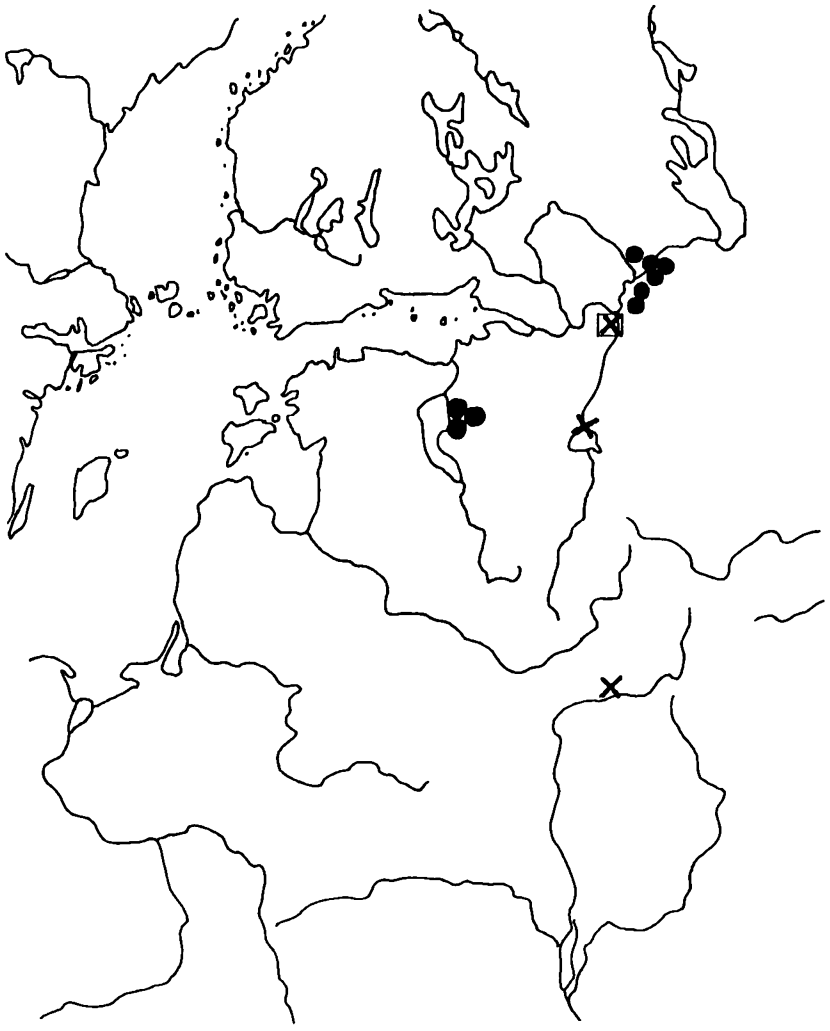
Вторая главная группа находок — вещи норвежского происхождения, найденные на территории Древней Руси. Группа состоит из 19 монет и 3 изделий из «мыльного камня» (рис. 6). Нельзя исключить, что они попали из Норвегии на Русь через Швецию.

19 норвежских монет XI в., найденных на Руси[18], входят в состав, очевидно, 8 кладов: *Псковская область*, Гдовский район: г. Наганщина, 4 норвежские монеты (?), зарыт после 1073 г.; с. Полна, 1 — Харальда Сурового, и 2 — возможно, норвежские, зарыт после 1075 г.; д. Шпаньково, 2 — Олава Тихого, зарыт после 1111 г.; *Ленинградская область:* д. Ручьи (р. Свирь), 2 — Харальда Сурового, зарыт

---

[17] Говоря о срубной технике, любопытно упомянуть намного более позднюю возможную связь между Норвегией и Россией. Путеводители и экскурсоводы рассказывают, что домик Петра Великого построен в течение трех дней моряками из голландского города Сардам. Срубные дома нередко строили в одном месте, затем разбирали их и вновь собирали на постоянном месте, что вполне возможно сделать за три дня. Однако в Нидерландах срубной техники нет, так что едва ли дом мог быть построен голландскими моряками. Тип сруба домика Петра, как сообщили мне норвежские плотники, с которыми мы вместе осматривали его, хорошо известен в Норвегии, где он называется «лошадиная голова». Интересно также, что в петровское время много норвежцев служило не только в голландском флоте, но и в русском. Наиболее известный из них — адмирал Петра Великого Корнелиус Крюйс, который служил в Голландии до того, как вступил на службу Петра. В Норвегии адмирал Крюйс был Нильсом Ульсеном: служа в Голландии, он назвал себя нидерландским именем. См., например: *Пыляев М.И.* Старый Петербург. СПб., 1889; *Витязева В.А., Кириков Б.М.* Ленинград. Путеводитель. Л., 1988; Корнелиус Крюйс. Адмирал Петра Великого / Вед. ред. Т.Титлестад; ред. В.В.Рогинский. Ставангер; М.; СПб., 1998. С. 13, 37.

[18] *Skaare K.* Coins. P. 187 ff; *Потин В.М.* Древняя Русь. С. 139 и сл. Списки двух исследователей не совпадают.

Условные обозначения:

- ● — норвежские монеты (*Skaare K.* Coins; *Потин В.М.* Древняя Русь)
- × — изделия из «мыльного камня» (по данным Е.Н.Носова и Т.А.Пушкиной)
- ⊠ — фрагмент изделия из «мыльного камня» (по данным автора)

Рис. 6.
Места находок норвежских монет XII в.
и изделий из «мыльного камня» на Руси

ок. 1090 г.; д. Вихмязь (р. Паша), 3 — Харальда Сурового, зарыт ок. 1090 г.; г. Лодейное Поле, 1 — Харальда Сурового, зарыт после 1073 г.; г. Лодейное Поле, 2 — Харальда Сурового, зарыт ок. 1095 г.; *Карелия:* д. Скадино (о. Олонец), 7 норвежских (?), зарыт ок. 1075/1100 г. Данные клады состоят из монет разных стран и, должно быть, собраны неодновременно, поэтому они свидетельствуют о торговле, а не о плате наемным воинам. Монеты только двух норвежских королей представлены в древнерусских кладах: Харальда Сурового, правившего в 1045–1066 гг., и его сына Олава Тихого, который правил в 1066–1093 гг. Норвежских монет древнее середины XI в. на Руси не найдено, так как до Харальда в Норвегии чеканилось очень мало монет. Самые ранние и очень редкие монеты чеканены Олавом Трюггвасоном в самом конце X в. Только Харальд Суровый начал более регулярную чеканку монет[19]

Харальд Суровый много лет жил и в Древней Руси, и в Византии, и естественно спросить, отразились ли влияния оттуда на его монетах. Харальд бежал к Ярославу Мудрому в 1031 г., служил в его дружине, пока в 1034/1035 г. не уехал дальше, в Византию, где пробыл в императорской гвардии до 1043 г. Он вернулся домой через Русь, через Киев, где женился на дочери Ярослава Елизавете. Монеты, чеканенные в Дании, пока Харальд был в Византии, выполнены по византийским образцам, а монеты, чеканенные для Харальда датским монетным мастером в то время, когда он вместе с соправителем, племянником Магнусом, воевал за датский престол в 1047 г., выполнены по англо-саксонским прототипам без следов прямых византийских образцов[20] В мотивах норвежских монет Харальда после 1047 г., так называемых трикветра-монет, нет никакого византийского или восточного влияния: они сделаны по датским образцам. Трикветра-знак известен на меровингских монетах, англо-саксонских *sceatta*, монетах датского города Хедебю, в Англии (Йорк), в Германии, на датских монетах (Хардекнута, Магнуса, сына Олава, и Свена, сына Эстрид)[21]; т.е. это чисто северо-западный мотив. Однако одна черта указывает на византийское влияние: стоимость металла монет Харальда намного меньше их номинальной стоимости[22]. Также нет следов влияния русских монет в монетах Харальда[23] Любопытно, что на монетах следующего короля Норвегии, сына Харальда Олава Тихого, ясно прослеживаются византийские влияния[24]

---

[19] *Skaare K.* Coins. P. 111 ff.

[20] Ibid. P. 66 ff.

[21] Ibid. Coins. P. 68 f., 106.

[22] Risvaag J., личная информация 2000 г.

[23] См.: *Skaare K.* Coins. P. 65 ff.

[24] *Risvaag J.A.* En viktig gave til Vitenskapsmuseets myntkabinett // SPOR. Trondheim, 1999. № 1. S. 6.

Рис. 7.
Карьеры в Скандинавии, где добывали «мыльный камень» в эпоху викингов
(*Resi H.G.* Die Speicksteinfunde aus Haithabu. Abb. 116)

Вторая группа предметов, которая, вероятнее всего, норвежского происхождения, — 2 обломка сосуда и одна литейная форма, изготовленные из «мыльного камня», по-норвежски *kleber* (рис. 6). Камень этот мягкий, зеленоватого или серого цвета; он легко режется ножом или резцом. На ощупь он скользкий, как мыло, и по-английски называется *soap-stone*, название, которое я употребляю здесь, так как мне неизвестно точное русское название. Камень состоит из талька, хлорита, серпентина и амфиболя; часты в нем магнезия и кальций. Из этого камня изготавливали сосуды для приготовления и хранения пищи, лампы, литейные формы, грузила для рыболовных сетей и ткацких станков, пряслица и др. начиная с последних веков до н.э., в основном в эпоху викингов и средневековье, в некоторых местах даже позже[25] (сегодня из него кладут печи и камины). Из него делали декоративные детали церквей (обрамления ворот и окон, капители, колонны). Любопытно, что сосуды из «мыльного камня» были так распространены, что современное скандинавское название кастрюли — *gryte/gryde/gryta* — происходит от древнескандинавского слова *grjotr* — «камень». «Мыльный камень» известен во многих местах, а в Северной Европе его больше всего в Норвегии и Юго-Западной Швеции (в районах, в средневековье принадлежавших Норвегии и Дании). В эпоху викингов камень добывали неповсеместно: в Норвегии почти до Полярного круга, а в Швеции только в прибрежных районах (рис. 7). «Мыльный камень» был важным торговым товаром. Изделия из него найдены в 27 местах в Дании, в 8 — в Германии (включая Хедебю), в Волине в Польше и — что для нашей темы наиболее интересно — в 41 месте в Швеции[26] Подавляющее большинство находок в Швеции происходят из Юго-Западной Швеции, только четыре из Упланда — три из Бирки (в погребении, в валу укрепления и в поселении) и одна из Кумлы (Кумла и Бирка расположены в приходе Аделсэ). Самым важным выводом данного краткого обзора является то, что вещи, изготовленные из «мыльного камня», происходят с территории нынешней Норвегии и крайнего юго-запада Швеции.

На территории Древней Руси мне известны три предмета из «мыльного камня». Обломок края сосуда был найден случайно в культурном слое Старой Ладоги на левом берегу реки Ладожки, недалеко от старой гавани города (не опубликован). Вторая находка — форма для литья металла и др., обнаруженная в Городище под Новгородом (не опубликована). Третья находка — обломок края сосуда, в котором имеется отверстие от железного крепления дужки. Сосуд имел диа-

---

[25] *Skjølsvold A.* Klebersteinsindustrien i vikingetiden // Norveg. Oslo, 1961. № 8. S. 14.

[26] См. каталог: *Resi H.G.* Die Specksteinfunde aus Haithabu // Bericht über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 14. Neumünster, 1979. S. 140 ff.

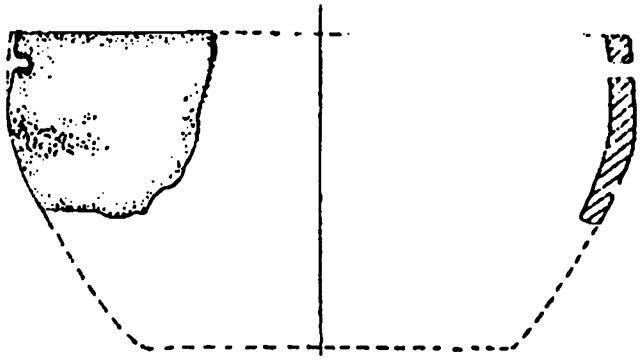

Рис. 8.
Обломок сосуда из «мыльного камня» (Гнездово)
(*Пушкина Т.А.* Скандинавские вещи из гнездовского поселения // СА. 1981. № 3. С. 285–290)

метр около 24 см (рис. 8). На рисунке реконструированный сосуд имеет плоское дно, хотя оно, по всей вероятности, было округленным (шаровидным). С большой степенью уверенности можно сказать, что вещи из «мыльного камня» сделаны в Норвегии, но невозможно определить, попали они на Русь прямо или через Швецию.

Кроме упомянутых вещей трудно выделить вещи норвежского происхождения среди обильного скандинавского материала, найденного на территории Древней Руси. Недаром культура Скандинавских стран эпохи викингов часто трактуется как единое целое — общие черты их материальных культур намного более поразительны, нежели различия. Формы изделий — как орудий труда, оружия, так и украшений, — декоративные стили, материалы и обработка явно сходны. Однако различия все же имеются. Например, железные гривны с молоточками бога Тора распространены в Средней Швеции; на Готланде имеются украшения характерных готландских типов; погребения в ладье наиболее распространены в Норвегии, а в Швеции — только в Средней Швеции; Норвегия более богата трилистными фибулами, Швеция — равноплечими фибулами и т.п. В некоторой степени такие тенденции могут быть результатом того, что языческие погребальные обряды сохранялись дольше на востоке Скандинавии (в Восточной Норвегии и Швеции), нежели в Дании и Западной и Средней Норвегии, где христианское влияние проявилось раньше. Кажется, что наиболее надежно исследование деталей украшений, и можно наметить области распространения или концентрации определенных деталей.

Уже норвежский исследователь предметов эпохи викингов Ян Петерсен отметил разницу в деталях овальных фибул главных типов[27] Петерсен выделяет в своем главном типе IX в. (ЯП 37) 6 разновидностей, частично имеющих разные, хотя нечетко ограниченные области распространения[28] (рис. 9). Он делит тип X в. (ЯП 51) на 10 разновидностей[29] и отмечает, что эти разновидности, возможно, имеют местные особенности, но «кажется, они обычны по всей северной области»[30] (рис. 10). И.Янссон указывает в книге об овальных фибулах из Бирки на существование широкого круга разновидностей, частота которых различна в Норвегии и в Швеции, что может быть результатом меньшего числа языческих погребений в Норвегии по сравнению со Швецией, но также и того, что эти типы действительно были распространены по-разному и что они отражают разные моды и стили[31] Книга Янссона сконцентрирована на хронологических вопросах, и можно представить себе, что хорология также может дать результаты, нас здесь интересующие. Студентка археологии университета в Тромсё Марианне Эльдорхаген пишет дипломную работу о разновидностях овальных фибул в Северной и Средней Норвегии, и хотя работа еще не окончена, исследовательница предполагает, что можно определить области распространения деталей стиля32. Было бы очень полезно иметь хорологический и хронологический обзор разновидностей предметов.

Третьей категорией находок, которая может свидетельствовать о норвежско-русских отношениях, являются восточные изделия, попавшие в Норвегию через Древнюю Русь и, наверно, отчасти через Швецию, а именно — арабские дирхемы, весы и гирьки. В Норвегии найдено ничтожное количество дирхемов по сравнению со Швецией, всего около 470 экземпляров[33] (рис. 2). Возможно, что некоторые куфические монеты попали в Норвегию уже в VIII в., а из остальных 50% чеканены в 890–920 гг., 35% — в 920–950 гг.; они редки после 950 г.[34] Только около 120 найдены в Средней Норвегии, т.е. в той части страны, которая имела наиболее оживленные связи со Швецией, так как там нет гор вдоль границы. По этому распределению монетных находок можно полагать, что дирхемы попали в Среднюю Норвегию через Швецию. Остальные — из Южной Норвегии и с побережья

---

[27] *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928. Fig. 37 (IX в.) и fig. 51 (X в.).

[28] Ibid. S. 37 ff. Fig. 8.

[29] Ibid. S. 59 ff.

[30] Ibid. S. 63 f.

[31] *Jansson I.* Ovale spännbucklor // Archaeological Studies Aun 7. Uppsala University Institute of North European Archaeology. Uppsala, 1985. S. 64. Fig. 9.

[32] Лично, март 2000 г.

[33] *Skaare K.* Coins. P. 127 ff.

[34] Ibid. P. 47 ff.

Южной и Западной Норвегии — ввозили морским путем прямо по Балтийскому морю.

Еще одной группой предметов, которые сейчас считаются арабскими, являются маленькие складные весы и гирьки для них: октаэдрические и бочкообразные. Раньше исследователи спорили о том, восточного они или западного происхождения. Сегодня считается, что весы, гирьки и весовая система — восточного происхождения. Такие весы со второй половины IX в. были распространены от Британских островов до Восточной Европы, а гирек так далеко на западе нет[35] Арабские гирьки привозились в Бирку в период 890–930 гг.[36] Со временем начали также делать местные разновидности весов и гирек[37] Арабское происхождение весов из погребения второй половины X в. на могильнике Большое Тимерево в Ярославском Поволжье подтверждается наличием двух чашек весов с надписанным арабским словом со значением «налог, подать, таможенные сборы»[38] В Швеции найдены бочкообразные гирьки с псевдоарабскими символами[39] Таким образом, требуются детальные исследования, чтобы различить подлинные изделия и местные подражания. Естественно, что в Швеции найдено намного больше арабских весов — 115 к 1996 г.[40], чем в Норвегии — 63 к 1974 г.[41] Весы в Норвегии распространены на юге от Лофотен, с концентрацией в Намдален, Нордфьорде и Вестфольде, прежде всего вдоль морского берега[42] (рис. 11).

Особенно необходимы детальные исследования для установления происхождения отдельных весов, найденных на крайнем западе Норвегии. Обычно считали, что они происходят с Британских островов, иногда из определенного места, например Ирландии[43] В Средней Норвегии в погребении второй половины IX в. найдены весы с не-

---

[35] *Jansson I.* Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Skandinavien // Oldenburg–Wolin–Staraja Ladoga–Novgorod–Kiev. Bericht der römisch-germanischen Kommission 69. Mainz am Rhein, 1988. S. 573.

[36] *Sperber E.* Balances, Weights and Weighing in Ancient and Early Medieval Sweden // Theses and Papers in Scientific Archaeology 2. Stockholm, 1996. P. 110.

[37] *Jansson I.* Wikingerzeitlicher orientalischer Import. S. 573.

[38] *Фехнер М.В., Янина С.А.* Весы с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. Особенно с. 188.

[39] *Sperber E.* Balances. P. 96 ff.

[40] Ibid. P. 18.

[41] *Jondell E.* Vikingatida balansvågar i Norge // C-1-uppsats arkeologi, särskilt nordeuropeisk arkeologi. Uppsala, 1974. S. 37 ff.

[42] Ibid. S. 37 ff.

[43] Х.Шетели и Я.Петерсен, см.: *Jondell E.* Vikingatida balansvågar. S. 22 ff; Э.Бакка (*Bakka E.* Gauselfunnet og bakgrunnen for det // Arkeologiske skrifter. Universitetet i Bergen. Bergen, 1993. № 7. S. 294).

складны́м балансом[44] — индикатором другого, отличного от шведского происхождения, а именно из Шотландии и Ирландии, где весы с нескладны́м балансом известны[45] Кроме того, в Норвегии найдено 6 весов раннего железного века (V–VI вв. н.э.) и в Дании — 3 того же периода, притом что в Швеции нет ни одних весов этого времени[46] Это может указывать на то, что Западная Скандинавия получала весы также с Британских островов. Однако в эпоху викингов арабские весы попадали в Норвегию из арабских областей через Швецию (или, возможно, через западную арабскую область?).

Нельзя не упомянуть еще один тип весов, который может быть восточного происхождения: простые деревянные весы с односторонним балансом, которые в Норвегии называются *bismer, besmer*, в Швеции — *besman*. Так как они изготавливались из дерева, от эпохи викингов они не дошли, но исследователи предполагают, что они существовали в тот период. Название заимствовано из русского «безмен», так что можно предполагать, что они происходят из Восточной Европы[47]

Кроме упомянутых выше в Норвегии найдены другие предметы восточного импорта: фрагмент перстня(?) из Вестфольда, бусы из сердолика и горного хрусталя в разных местах страны, *Cyprea moneta* в Северной Норвегии, шелк и работа металлической нитью в Вестфольде и Эстфольде[48] Интересно, что эти вещи найдены не в районах у шведской границы, как того можно было бы ожидать, а на морском побережье. Последнее может свидетельствовать о том, что они попали в Норвегию по Балтийскому морю, а не через Швецию.

В погребениях в окрестностях Каупанга, единственного города Норвегии эпохи викингов, найдена бусина из сердолика IX в.; к X в., прежде всего к первой его половине, относятся найденные бусины из сердолика, 3 шаровидные и 2 многогранные гирьки, а также балтийская цепочка. Для Каупанга характерно, что в IX в. привозные вещи происходят с континента; в X в. континентальных вещей меньше, а больше западных, а также восточных[49] Каупанг стоит на западном

---

[44] *Jondell E.* Vikingatida balansvågar. S. 59. № 51.

[45] Ibid. S. 64 — A, C, D.

[46] *Bakka E.* Two aurar of gold // The Antiquaries Journal. Oxford etc., 1978. Vol. LVIII. P. 294; ср.: *Jansson S.O.* Mått, mål och vikt i Sverige till 1500-talets mitt // Nordisk kultur. B. XXX: Mål og vekt. Oslo; Stockholm; København. S. 11.

[47] *Liestøl A.* Vejningsredskaper // KLNM. B. 19. Rosenkilde og Bagger. København, 1975. Sp. 636; ср.: *Torp A.* Nynorsk etymologisk ordbok. Oslo, 1919 (Gjenopptrykk 1992). S. 25.

[48] *Jansson I.* Wikingerzeitlicher orientalischer Import. S. 577 ff.

[49] *Heyerdahl-Larsen B.* Fremmede saker, kulturkontakter // Kaupangfunnene. Oslo, 1981 (Norske oldfunn XI). B. I. S. 175–178.

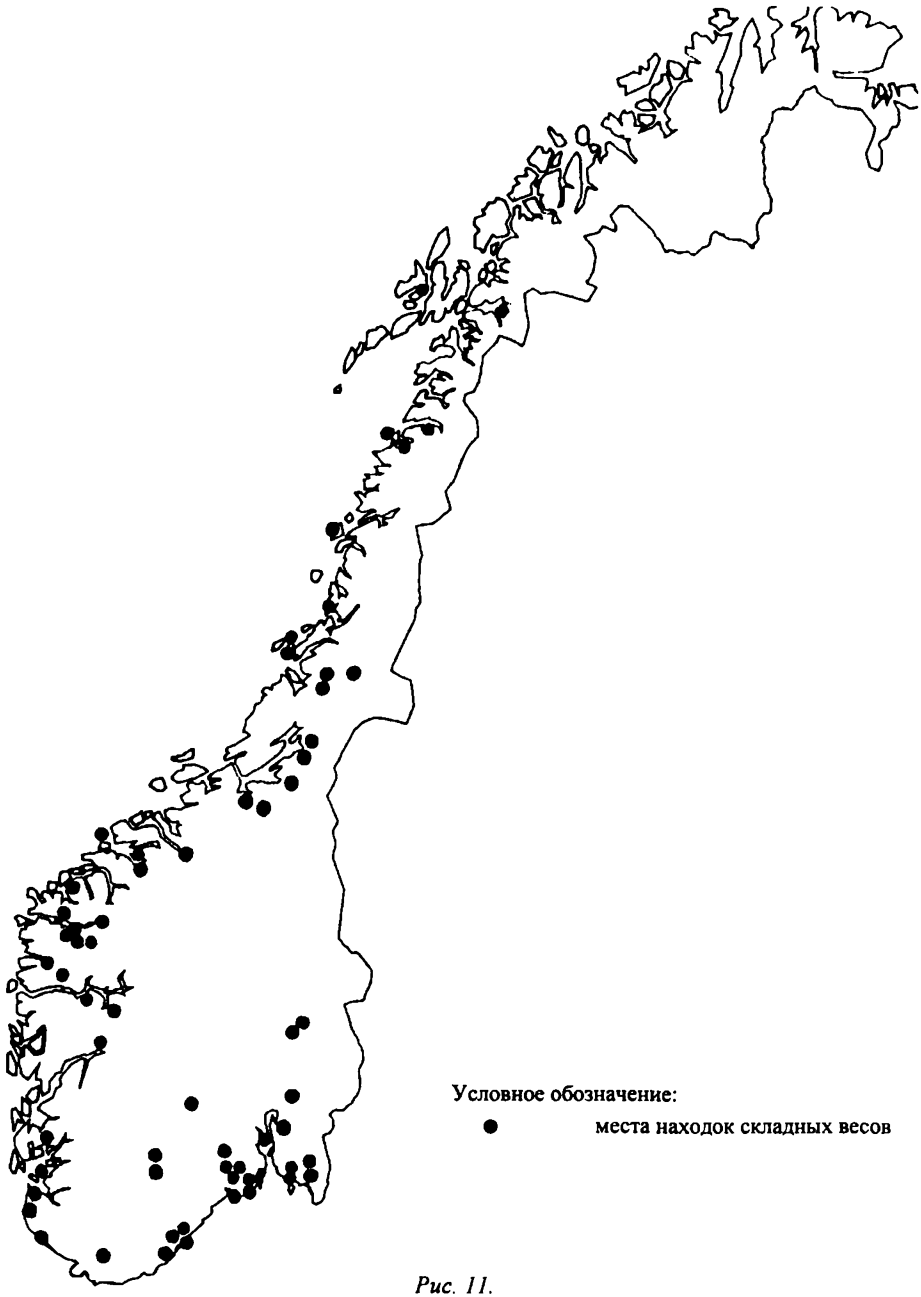

Рис. 11.

Места находок складных весов на территории Норвегии
(*Jondell E.* Vikingatida balansvågar. Maps 1, 2)

берегу Осло-фьорда, и естественно предположить, что упомянутые вещи проникли туда через Балтийское море и Эресунн, но равным образом они могли проникать туда через шведский город Бирку.

Через Русь, наряду с отмеченными путями, могли попасть в Норвегию и византийские монеты; они также могли либо быть перевезены через европейский континент на западе или через Средиземноморье. На территории современной Норвегии найдено 17 золотых солидов, 4 серебряных миллиарезия, 3 подражания миллиарезиям, 1 бронзовый фоллис. Монеты чеканены в 582–1067 гг. н.э. и были зарыты между 852–1067 гг. н.э.[50] Состав 5 кладов с византийскими монетами, найденных в Норвегии, известен; в них входят и арабские, и, главным образом, западноевропейские монеты, так что по составу невозможно сказать, попали ли они в Норвегию через Русь. Не помогает решению вопроса и картина их распространения, которая может быть результатом притока монет как с востока, так и с юго-востока, поскольку они найдены на крайнем юго-западе Норвегии или близко к Ослофьорду[51] Два пункта можно, однако, отметить. Во-первых, естественно предположить, что варяги, служившие в гвардии византийского императора, брали с собой домой византийские монеты. Во-вторых, норвежский нумизмат К.Скоре указывает на находки на Руси подражаний миллиарезиям, чеканенным Василием II и Константином VIII (976–1025), и высказывает мысль о том, что 3 подражания миллиарезиям, найденные в Норвегии, сделаны на востоке или юго-востоке от Норвегии[52] Наконец, Харальд Суровый, согласно сагам, вернулся в Норвегию со службы в императорской гвардии в Византии с небывалым богатством, в состав которого, естественно, должны были входить и византийские монеты.

Наконец, естественно спросить, что́ эти археологические и нумизматические находки говорят о контактах между Норвегией и Древней Русью в эпоху викингов. Их малочисленность позволяет делать вывод только о существовании связей между двумя странами, но не о характере связей, не о том, были они прямыми или опосредованными, через многие руки. Ограничение использования материала состоит в том, что пока можно отождествить как норвежские только некоторые находки среди общескандинавских вещей, и даже если бы такое отождествление удалось, то сохраняется самое существенное ограничение, состоящее в том, что мы не знаем, являются ли древнерусские находки в Норвегии и норвежские находки на Руси результатом прямых

[50] *Skaare K.* Coins. Находки № 4, 6, 27, 33, 36, 82, 95; примеч. на с. 145.
[51] Карта: *Skaare K.* Coins. Map 4.
[52] *Skaare K.* Coins. P. 53.

норвежско-русских связей или свидетельством шведского посредничества. Однако высока вероятность новых находок русского происхождения на территории Норвегии, сохраняется также возможность выявления норвежских находок среди вещей скандинавского происхождения на Руси, что могло бы дать дополнительные перспективы для истолкования материала. Географическое расположение стран таково, что всегда останется сложным определение пути, по которому вещи перемещались между Норвегией и Русью — морем через Эресунн либо по суше через Швецию, и имелось ли в последнем случае шведское посредничество. Сегодня можно определенно утверждать, что норвежско-русские связи имели место в X в., именно в то время, когда, судя по скандинавским находкам на Руси, развернулась наиболее активная деятельность скандинавов в этом регионе. Норвежские монеты XI в. вписываются в общую картину кладов в Северо-Западной Руси, состоящих больше всего из западноевропейских монет. Некоторые категории находок — находки вещей из «мыльного камня», — должно быть, являются результатом торговых экспедиций из Норвегии через Швецию и дальше на Русь. Распространение арабских монет в Норвегии позволяет предположить, что монеты, найденные в Средней Норвегии (Трённелаг), проникли туда через Швецию, а остальные, сконцентрированные вдоль берегов Южной Норвегии, скорее всего, пришли морем через Эресунн прямо из Руси. Такое же прямое проникновение морем можно предположить для арабских весов и гирек.

Материалы, представленные здесь, являются слишком ограниченными, чтобы служить основой истолкования и характеристики норвежско-русских отношений в эпоху викингов. Такая характеристика возможна только при учете всего археологического материала: русских и восточных вещей в Норвегии и Швеции, скандинавских вещей в Восточной Европе. До того времени, пока не появится новый материал, который позволит лучше изучить весь комплекс свидетельств, едва ли возможно обсуждение норвежских находок на Руси и русских находок в Норвегии на фоне общего археологического и нумизматического материала, свидетельствующего об отношениях между народами Скандинавии и Древней Руси. Археологический материал дает только, так сказать, черно-белую картину, а письменные источники — скандинавские саги, рунические надписи, древнерусские летописи, арабские, византийские, латинские описания — добавляют цвета и лица. Самыми важными свидетельствами об отношениях между Норвегией и Русью продолжают оставаться древнеисландские саги и в некоторой степени — византийские источники о варягах из Норвегии; археологические и нумизматические находки являются только добавлением к ним.

На основе имеющегося археологического материала допустимо, с учетом серьезных оговорок, сделать только тот вывод, что редкие находки в Норвегии подтверждают рассказы саг. Можно представить себе, что серебряник вез домой воин после службы среди варяжских наемников Ярослава Мудрого в 1018 г. Норвежские монеты из Юго-Восточного Приладожья, видимо, связаны с торговыми операциями. Широкое распространение арабских весов и гирек, возможно, является отражением не только торговли с арабами, но также свидетельствует и о том, что весы и гирьки были необходимы торговцам по всей Северной Европе. Редкие восточные вещи, найденные в Норвегии, — бусы, шелк, *Cyprea moneta* и т.д. — служат иллюстрацией к рассказам саг о том, как, например, Харальд Прекрасноволосый (ум. ок. 940 г.) послал одного человека, сказав: «Хотим мы теперь послать тебя в Аусррики этим летом, чтобы купить мне некоторые драгоценные вещи, дорогие и редкие в наших землях» (он ехал в Хольмгард)[53]. Или в «Саге об Олаве Святом»: «Одного человека звали Гудлейк Гардарикский — он ездил по торговым делам в разные страны и часто бывал в Гардарики, поэтому его прозвали Гудлейк Гардарикский». Король Олав (ум. в 1030 г.) попросил его, как раньше Харальд Прекрасноволосый, «купить дорогие вещи, которые трудно достать здесь в Норвегии»[54]

Пребывание четырех норвежских королей в Древней Руси, конечно, не отражается в археологическом материале, но все-таки материал, подтверждающий существование достаточно тесных связей между странами, указывает, что для них естественным было ехать именно на Русь. Мать маленького Олава Трюггвасона, ставшего королем Норвегии, бежала с сыном в Гардарики, так как в то время ее брат Сигурд находился там у Вальдемара конунга и пользовался большим почетом[55] Олав Святой и его сын Магнус (ум. в 1047 г.) в 1029 г., а через несколько лет и брат Олава Харальд Суровый (ум. в 1066 г.) бежали на Русь, скорее всего, не потому, что они хотели именно туда, а потому, что им негде было больше скрыться от своих врагов. В заключение всего изложенного можно сказать, что, судя по скандинавским сагам, Древняя Русь была соседней страной, хорошо знакомой норвежцам, но одновременно и достаточно экзотической — там можно было приобрести дорогие вещи, которые трудно было достать в Норвегии. К сожалению, древнерусские источники не раскрывают отношения русских к Норвегии.

---

[53] *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). С. 90.

[54] *Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подг. А.Я.Гуревич, Ю.К.Кузьменко, О.А.Смирницкая, М.И.Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 202.

[55] *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. С. 100.

Ингмар Янссон (Упсала, Швеция)

К ВОПРОСУ О ПОЛИЭТНИЧНЫХ ОБЩНОСТЯХ ЭПОХИ ВИКИНГОВ*

ПОЛИЭТНИЧНЫЕ ОБЩНОСТИ

В ходе дискуссий об эпохе викингов в Древней Руси и Скандинавии часто высказывается мнение, что в истории этого периода особую роль играли полиэтничные общности. Нередко подчеркивается интернациональный и полиэтничный характер городов, возникавших в Восточной и Северной Европе. Именно их полиэтничность выделяется в качестве основного отличия от позднейших городов, которые, по-видимому, более органично вписывались в однородные местные общества. Сходным образом, как правило, рассматриваются и политические центры эпохи викингов. При исследовании поселений и могильников в России археологи зачастую интерпретируют их как полиэтничные, чья материальная культура обнаруживает смешение «финно-угорских», «балтских», «славянских», «скандинавских» и «степных кочевнических» элементов. По всей видимости, данный вопрос требует критического рассмотрения, и в этой статье я хотел бы представить некоторые предварительные наблюдения.

С моей точки зрения, недоразумения возникают прежде всего потому, что исследователи вкладывают в термин «полиэтничный» разные значения. Некоторые, пользуясь данным термином, просто-напросто подразумевают, что население определенной местности состояло из людей, переселившихся из разных частей Европы, или же из потомков таких переселенцев. Разумеется, в новых городских центрах подобная ситуация вполне могла иметь место. Их первые обитатели, должно быть, перебирались из соседних или более отдаленных земель и поддерживали периодические сношения с торговцами из дальних стран. Такое положение могло складываться и в отдельных политических центрах, чьи правители часто имели дружины, состоявшие как из

* Пер. с англ. С.Л.Никольского.

© И.Янссон, 2001

местных, так и из иноземных воинов-наемников. Наконец, засвидетельствованные источниками славянская и скандинавская миграции, вероятно, создавали определенные условия для активного взаимодействия между людьми разного происхождения.

Тем не менее большинство исследователей используют термин в его истинном значении, т.е. применительно к ситуации, когда разные этнические группы живут в некоем достаточно устойчивом симбиозе. Наиболее ярким примером подобной полиэтничной системы может служить пограничье между двумя или более этническими группами, обитающими на разных территориях. В иных случаях термин может подразумевать под собой сосуществование двух или нескольких этнических групп на одной территории, где они осваивают различные природные ниши, будучи, например, охотниками, земледельцами и кочевниками. Наконец, термин может использоваться при описании ситуации, когда разные этнические группы живут на одной и той же территории, где занимают разное, но взаимозависимое экономическое, культурное и политическое положение, иногда образуя иерархическую структуру, в которой одной из групп принадлежит ведущая политическая роль[1]

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

На протяжении XX в. в антропологических и исторических исследованиях понимание этнической группы, называемой часто племенем, претерпело значительное изменение. Такие термины, как «славянский», «балтский», «финно-угорский», «скандинавский» и «степной кочевнический», обозначают не этническую группу, но гораздо более крупные образования. Эти термины, зачастую имеющие давнюю историю, употреблялись при попытке осмысления природы тех сложных образований, которые представляли собой многие племена. Например, термин «славяне», появляющийся уже в раннесредневековых источниках, иногда относится к конкретным восточноевропейским племенам (таким, как новгородские словене), иногда — к более многочисленным образованиям, в которых одним из конституирующих этническую группу элементов являлся славянский язык, и, наконец, — к народам, населяющим обширные территории Восточной Европы. В наши дни термин приобрел точное лингвистическое значение, однако в исторических и археологических исследованиях часто использу-

[1] *Barth F.* Introduction // Ethnic groups and boundaries. The social organization of cultural differences / F.Barth. Bergen; Oslo, 1969. P. 16 ff.; примеры, приведенные разными авторами, см.: Ethnic groups and boundaries. 1969.

ется при определении народов, которые предположительно изъяснялись на славянском языке, но имели и многие другие общие культурные черты. Разумеется, в раннем средневековье эти общие черты должны были играть определенную роль — например, они облегчали людям общение. Но не они формировали этническую группу.

В соответствии с антропологическими и археологическими исследованиями[2] основным элементом, конституирующим этническую группу, является самосознание — осознание группой людей своей принадлежности к одному и тому же этносу, в результате чего члены этого этноса пытаются выявить или создать присущие им всем элементы. Эти элементы, как правило, включают представление об общем происхождении (часто не соответствующее исторической действительности) и определенные идеологические, религиозные, экономические и культурные черты; например, одежда — это элемент, зачастую отличавший одну этническую группу от другой. Однако на практике почти невозможно установить, какие элементы формируют данную этническую группу на каждом из этапов ее развития; для археологов же крайне затруднительно идентифицировать археологическую культуру с конкретным племенем. Четко опознаваемые археологические культуры — с каменного века и вплоть до средневековья — обычно занимают гораздо более обширные регионы, чем этнические группы.

Являясь, по-видимому, устойчивыми общностями, этнические группы при рассмотрении в широкой исторической перспективе обнаруживают отчетливую тенденцию к изменению. Люди, семьи и целые группы могут, если это им выгодно, менять свою этническую принадлежность. Кроме того, в результате социального и экономического развития размеры этнических групп имеют заметную склонность к разрастанию.

В Центральной Европе I тыс. н.э. во главе племени обычно стояли политические и военные вожди, а их приближенные набирались из племенной верхушки. Лидеров племени объединяли личные узы. Изменения в размерах племени и образование новых племен часто были связаны с успехом вождя на военном поприще и его способностью установить отношения с вождями и влиятельными людьми в других племенах.

Есть все основания усматривать схожие процессы в Северной и Восточной Европе, хотя специфика социально-экономического развития этих регионов должна была породить в них некоторые отличия, в частности, видимо, меньшую роль военных и политических факторов.

---

[2] См., например: *Barth F.* Introduction. P. 13 ff.; *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961.

В сущности, на большей части Восточной Европы ни исторические, ни археологические источники не свидетельствуют о существовании знати вплоть до эпохи викингов.

СКАНДИНАВИЯ: ХЕДЕБЮ И БИРКА

По письменным источникам и археологическим раскопкам в Скандинавии наиболее известны два ранних города: Хедебю в древней Дании (современная Германия) и Бирка в Швеции. По общераспространенному мнению, их население состояло из различных этнических групп.

Применительно к Хедебю обычно подчеркивают, что город был основан на пограничной территории между датчанами и саксами, близ границы расселения славяноязычных ободритов. Под 808 г. Франкская хроника сообщает, что датский король Годфред разорил город Рерик в землях ободритов и перевез купцов из Рерика в Хедебю, а в 934 г. германский король Генрих, захватив Хедебю, основал там саксонскую колонию. Вот два ярких свидетельства присутствия в Хедебю недатских этнических групп, а не только отдельных иноземцев. Тем не менее, как мне представляется, большинство письменных источников упоминает Хедебю именно в качестве датского города и не содержит каких-либо указаний на обособленные группы ободритов или саксов. Возможно, они были быстро ассимилированы преобладающей массой населения или вернулись в родные края.

Археологи пытались привлечь дополнительные данные, но, по-моему, безуспешно. Раскопки значительного числа могильников продемонстрировали, что в большинстве из них преобладают захоронения без погребального инвентаря, поэтому вряд ли можно использовать этот материал в рамках нашей дискуссии. Однако среди них имеется несколько погребений IX–X вв. с богатым инвентарем и иногда в деревянных камерах. Вероятно, они принадлежат представителям высшего слоя общества, чья культура (несмотря на то что и погребальный обряд, и предметы материальной культуры несут на себе значительные следы западного влияния) определенно скандинавская, или, точнее говоря, — датская. Несколько ранних погребений с трупосожжением имеют ближайшие параллели в населенном фризами районе Юго-Западной Дании. Они могут свидетельствовать о раннем переселении какого-то количества людей из этого района, но, по-видимому, не об особой фризской группе, долгое время проживавшей в городе.

Находки в культурном слое города говорят о необычайно сильном западном воздействии. Например, это относится к ювелирным украшениям, среди которых обнаружилось немало простых брошей франк-

ского и германского типов; следовательно, значительная часть населения носила одежду или по крайней мере какие-то аксессуары западного образца, что отличало ее от тех представителей высшего слоя общества, которые комплектовали погребальный инвентарь своих умерших. Приведенные данные могут быть интерпретированы как свидетельство о наличии двух этнических групп, населявших город, но, с другой стороны, могут указывать и на то, что лишь у высшего слоя общества (или его части) этническая принадлежность отразилась в одежде. Аксессуары одежды и другие предметы западноевропейского происхождения гораздо более распространены в Дании, чем на остальной территории Скандинавии.

Довольно подробное описание Бирки содержится в Житии Анскария (Vita Anskarii), созданном в IX в., но там, как и везде, есть лишь упоминания отдельных лиц иностранного происхождения, посещавших город. По-видимому, город принадлежал свеям. Конунг — очевидно, Свеланда — играл доминирующую роль наряду со знатью, представитель которой являлся городским префектом. Когда Анскарий впервые появился там в 830 г., конунг счел возможным позволить ему проповедовать христианство, но при повторном визите около 850 г. его прошение сначала рассматривалось на местном сходе, а затем — на собрании в другой части королевства.

Несмотря на это недвусмысленное описание населения города как моноэтнического, исследователи пытались рассматривать Бирку в качестве торгового центра, основанного иностранцами. В начале XX в. историки полагали, что город был основан фризами, — точка зрения, не имеющая достаточного подкрепления. Однако вплоть до настоящего времени идеи о значительном иностранном элементе в Бирке основывались на археологическом материале.

Основным типом захоронений на острове являются трупосожжения, подобные известным на могильниках соседних областей, Упланда и Сёдерманланда. Тем не менее вблизи поселения, на его юго-западной и восточной окраинах, существуют два крупных могильника IX–X вв. по крайней мере с 500 погребениями с трупоположением. Во многих присутствует богатый инвентарь, состоящий из предметов восточного и западного производства. Покойники нередко помещались в деревянные камеры. Даже несмотря на наличие столь же богатых погребений с трупосожжением, очевидно, что захоронения с трупоположением принадлежали значительной части высшего слоя местного населения. Поскольку могилы с трупоположением в Швеции редки и детали этого обряда ведут свое происхождение из Франкской империи, погребенные обычно считались иностранными купцами, составлявшими в Бирке отдельную этническую группу.

С моей точки зрения, такое предположение неверно. Начиная с раннеримской эпохи и вплоть до христианизации в XI в. погребения с трупоположением встречаются в Швеции бок о бок с трупосожжениями, хотя их соотношение меняется. Захоронения в камерах также известны от позднеримской эпохи и до XI в., хотя и с перерывами; они часто концентрируются в отдельных могильниках. В Упланде и Вестманланде, к северу от Бирки, представлен вариант подобных могильников с VI–VII и до XI в.: это погребения, где некоторые из членов семьи ингумированы вместе с богатым инвентарем в ладьях вместо камер. Письменные источники и археологические находки показывают, что в эпоху викингов Бирка вместе с королевской усадьбой на близлежащем острове Адельсе являлась не только важным торговым пунктом, но и имевшим большое значение центром королевской власти. Таким образом, вполне естественно, что местные могильники обнаруживают черты, нетипичные для других областей страны. Богатые могилы с трупоположением, следовательно, должны быть приписаны в первую очередь и в основном знати, то есть королевским дружинникам и другим приближенным короля, независимо от того, занимались ли они торговлей. Принадлежность этих захоронений местной этнической группе, своим, доказывается и тем, что материальная культура, включая женские украшения и предметы культа, типична для данного региона.

Среди находок в культурных слоях города всецело преобладают предметы тех же типов, что и в захоронениях; они не дают даже намека на присутствие иноэтничной группы населения.

Таким образом, исторические и археологические источники никоим образом не подтверждают идею о том, что в эпоху викингов для городов Скандинавии характерно полиэтничное население. Историческая действительность может быть более сложной, однако трудно представить, чтобы полиэтничные поселения могли существовать долгое время, поскольку власть короля и вождей опиралась на личные узы и этнические традиции. Такая ситуация кажется более вероятной для последующего периода, когда сложилось крепкое государство с уже сформировавшимися институтами власти.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И СКАНДИНАВСКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Обращаясь к материалам Древней Руси, мы сталкиваемся с более сложной ситуацией, поскольку по письменным источникам и лингвистическим данным известно, что в VIII–X вв. носители славянского и скандинавского языков переселялись в районы, которые ранее были населены балто- и финноязычными племенами. В конце IX или

в X в. различные народы были объединены в русское государство, названное Русью. Письменные источники не дают достаточно четких указаний на то, какие этнические группы существовали и формировались здесь в эпоху викингов, насколько крупные массы населения были вовлечены в миграционные процессы и какое количество людей сменило свой язык и этническую принадлежность. Еще более смутные ответы на эти вопросы способна представить археология.

Тем не менее русское государство в целом можно охарактеризовать как полиэтничное. Оно включало большое число племен, многие из которых упоминаются в ПВЛ, созданной в начале XII столетия. Во главе государства стояли князь и его дружина, принадлежавшие к группе, известной под названием «русь», которая, по свидетельству летописи, являлась скандинавским племенем, приглашенным править Русью. В ПВЛ и других письменных источниках XI–XII вв. скандинавы обычно именуются варягами, но Бертинские анналы (под 839 г.) и трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного (ок. 950 г.) ясно указывают, что под термином «русь» в IX–X вв. фигурировали носители скандинавского языка; в первом случае «русь» определяется как свеи, во втором — имена днепровских порогов даны как на славянском, так и на росском языках, последний из которых отождествляется со скандинавским языком.

К остро дискуссионным проблемам относится вопрос, может ли скандинавское переселение в действительности называться переселением, какие масштабы оно имело и какую роль играло для древнерусского общества. Скандинавам часто приписывалась ограниченная роль либо торговцев, либо воинов, княжеских дружинников, или же и тех и других. Когда где-либо среди археологических находок обнаруживались изделия скандинавского образца, они рассматривались как свидетельство полиэтничности данного места, связанной с полиэтничностью государства.

По-моему, археологические данные говорят о более многочисленной группе скандинавов и об их вовлеченности в значительно более широкую сферу деятельности, чем указывалось выше. Таким образом, есть все основания называть движение скандинавов не только на запад, но и на восток переселением. Скандинавские древности на Руси многочисленны и разнообразны. Большее количество скандинавских украшений эпохи викингов дали только Норвегия и Швеция. Свидетельства производства подобных украшений находят от Старой Ладоги на севере до Гнездова в верховьях Днепра на юге. Обнаружены украшения, принадлежавшие как мужчинам, так и женщинам. Погребения скандинавского, или, точнее (судя по погребальному обряду, деталям одежды и составу инвентаря), восточно-шведского типа, проникают далеко на юг, вплоть до Киева. Найдены также предметы,

связанные со скандинавской религией и магией, рунические надписи. Нигде в раннесредневековой Европе такой обильный и разнообразный материал не связывается лишь с деятельностью торговцев или дружинников иностранного происхождения, присутствие которых очень сложно проследить только по материалам археологических раскопок.

Скандинавские древности появляются в Старой Ладоге уже в самых ранних культурных слоях, датируемых 750-ми годами. На Городище близ Новгорода скандинавские элементы также присутствуют с самого начала, примерно с середины девятого столетия, а единичные находки конца VIII и IX в. распространяются на юге до Гнездова в верховьях Днепра, а на востоке до Ярославского Поволжья. Датировка комплексов с ранними изделиями в Гнездове и Ярославле приблизительна. Они с таким же успехом могут относиться и к десятому столетию. Однако свидетельства Бертинских анналов и, видимо, других письменных источников начиная с IX в., а также рунические граффити на монетах из русских кладов IX в. указывают на то, что уже в раннюю эпоху викингов скандинавы присутствовали в большинстве районов Руси.

Тем не менее подавляющее большинство скандинавских находок в Древней Руси относится к X в., когда скандинавские элементы наложили специфический отпечаток на большое количество могильников. В них прослеживаются также финно-угорские, балтские и славянские элементы. На основе общих исторических оценок и детального исследования погребальных обрядов и инвентаря делались попытки установить количественное соотношение этих, так называемых этнических, групп среди общей массы погребенных. Применительно к скандинавам результаты варьировались от нескольких до почти ста процентов — при том, что каждый исследователь получил примерно одинаковое процентное соотношение для каждого отдельного могильника. Результат наглядно демонстрирует неопределенность при этнической интерпретации археологического материала.

ПРИМЕР: ТИМЕРЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Тимеревский могильник неподалеку от Ярославля на Верхней Волге практически полностью раскопан, и благодаря подробным публикациям появилась возможность изучить распределение различных элементов в погребальных ритуалах и инвентаре[3] Некоторые ученые попытались показать на плане могильника распределение скандинавских захоронений. В результате было обнаружено, что они распределялись

[3] Ярославское Поволжье IX–X вв. / А.П.Смирнов. М., 1963, и позднейшие работы.

более или менее равномерно по всему могильнику. По-видимому, это относится и к другим упомянутым выше могильникам. А.Стальсберг[4] отмечала, что результат проделанной работы свидетельствует о дружественных отношениях, установившихся между скандинавами и местным населением. С моей точки зрения, равномерное распределение скандинавских погребений на территории могильника ставит под сомнение его интерпретацию как полиэтничного. Как подчеркивал Д.А.Авдусин[5], в погребальных комплексах Гнездова и Тимерева действительно мало элементов, указывающих на присутствие более чем одного этноса.

Тем не менее между отдельными частями могильника можно установить некоторые различия, и они, по-видимому, связаны с хронологией захоронений. Древнейшая часть могильника расположена на юге, вблизи от поселения; оттуда он расширялся на север. Украшения и другие предметы скандинавских типов IX в. в большом количестве встречаются на юге, а X в. — в южной и центральной частях могильника. В поздней, северной части могильника изделия скандинавских типов редки, тогда как финно-угорские вещи (круглодонные глиняные сосуды и копоушки) встречаются гораздо чаще.

Поздние захоронения располагаются также на юго-восточной окраине могильника. Это погребения с трупоположением и скудным инвентарем, характерные для обширной территории Руси периода около и после 1000 г., когда христианство внесло радикальные изменения в погребальный обряд; такие погребения и их культура часто называются древнерусскими. В них также редки скандинавские элементы. Возможно, и здесь можно усматривать присутствие дружины. Одно из самых ранних (№ 100, ок. 980 г.) представляет собой парное захоронение в камере, где мужчина имеет богатое воинское снаряжение с некоторыми скандинавскими, но также и многими восточными элементами, а женщина — украшения восточноевропейского типа. Инвентарь ряда других погребений, возможно, несколько более поздних, состоит едва ли не из единственного предмета — боевого топора нескандинавского типа.

Из-за отсутствия датировки северной части могильника трудно установить, являются ли поздние могилы с трупосожжением и присутствием финно-угорских элементов более ранними или одновремен-

---

[4] *Stalsberg A.* The Scandinavian Viking Age Finds in Rus' Overview and analysis // Oldenburg—Wolin—Staraja Ladoga—Novgorod—Kiev. Bericht der römisch-germanischen Kommission 69. Mainz am Rhein, 1988.

[5] *Авдусин Д.А.* Об этническом составе населения Гнездова // XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран. Тезисы докладов. М., 1993. С. 107.

ными захоронениям с трупоположением на юго-востоке. Если они одновременны, это означает, что население разделилось на две социальные, а может быть, и этнические группы, одна из которых в большей степени придерживалась местных традиций, другая же имела более крепкие связи с иными частями русского государства и с политической верхушкой страны. Вторая группа может указывать на приток славяноязычного населения или о славянизации местных жителей.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

В начале эпохи викингов, т.е. в конце VIII — X в., скандинавы проявляли активность практически на всей территории, вошедшей позднее в состав Древнерусского государства. Археологических находок, относящихся к этому периоду, немного, однако вместе с письменными источниками они указывают на то, что скандинавы выступали здесь как воины и торговцы. Находки монет и письменные источники свидетельствуют об интенсивном экономическом и социальном развитии под влиянием торговых контактов и военных конфликтов с великими державами на юге и юго-востоке — Хазарским каганатом, Византийской империей и Халифатом.

Довольно неожиданно в конце IX в. или около 900 г. появляются многочисленные находки, свидетельствующие о стабильных поселениях с могильниками, где значительная часть культурных элементов происходит из Скандинавии, в основном из Южной и Центральной Швеции, или может быть связана со скандинавской традицией. Это было время консолидации Русского государства во главе с князем скандинавского происхождения (судя по его имени и летописной атрибуции). Думаю, это означает, что экономическое и социальное развитие до некоторой степени стабилизировало процесс переселения и что в отдельных районах с сильным скандинавским присутствием, таких, как Гнездово и окрестности Ярославля, люди разного происхождения объединились в одну этническую группу во главе со скандинавским вождем и его приближенными. Возможно, они называли себя русью — именем, под которым фигурировали скандинавские пришельцы в VIII–IX вв. и которое приняли киевский князь и его дружина. Быть может, все эти локальные группы считали, что принадлежат к одному и тому же племени. Если бы мы имели возможность установить происхождение членов этой этнической группы, то скорее всего обнаружили бы, что она была смешанной. Число скандинавов в этих новых этнических образованиях могло быть довольно незначительным, но отчетливо прослеживающийся скандинавский элемент демонстрирует, что эта группа состояла не только из военных лидеров и

купцов. Основным языком был, видимо, скандинавский, но люди говорили на двух или иногда даже на трех языках. Многие аспекты общественной жизни могли также иметь восточноевропейский характер.

По мере того как во второй половине X в. киевский князь со своей дружиной и союзниками в других центрах все более славянизировались и наконец под эгидой славянского языка было введено христианство, скандинавская окраска этих этнических групп стремительно стиралась. В среде этих и других этнических групп повсеместно распространилась иная культура — «типично русского» характера.

Скандинавы, появлявшиеся на Руси в период христианства, по-видимому, были исключительно дружинниками или купцами. Они воспринимались как иностранцы, без всякой связи с ранними переселенцами, и получили иное наименование — варяги. Они не оставили после себя практически никаких археологических следов.

В.Я.Петрухин (Москва)

«РУССКИЙ КАГАНАТ», СКАНДИНАВЫ И ЮЖНАЯ РУСЬ: СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТРАДИЦИЯ И СТЕРЕОТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Памяти Т.С.Нунена

В современной, прежде всего — отечественной, историографии наметилась вполне определенная и естественная тенденция к продолжению поисков тех истоков начальной руси, которые отличались бы от летописной истории, возводящей русь к призванным заморским варягам. Собственно, эта тенденция была свойственна и вполне «норманистской» классической либеральной историографии — в летописи все выходило слишком складно[1], слишком убедительно выглядит происхождение самого имени *русь* из скандинавских языков при посредстве прибалтийско-финских, слишком много подтверждений правоты летописца, противопоставлявшего славян и русь, в иностранных источниках — для либеральной критики «тенденциозных» источников оставалось слишком мало места.

«Либерализм» современной историографии, однако, страдает «свободой» от анализа источников, в том числе летописных: если А.А.Шахматов мог усматривать за отдельными летописными известиями самостоятельные «местные» источники и комбинировать на этой основе летописные «своды»[2], то в части современной историографии считается возможным подходить уже ко всему корпусу источников как к произвольному набору сведений и «фактов», которые можно произвольно

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 01-01-0083а.

[1] Ср. слова В.О.Ключевского об «очень недурно комбинированной юридически постройке начала Русского государства» в летописи: *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1987. Т. I. С. 155.

[2] Ср. из последних критических работ: *Сендерович С.Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. С. 461–499.

© В.Я.Петрухин, 2001

комбинировать, игнорируя текстологические задачи, контекст источника и даже собственно его «тенденциозность».

Сам великий текстолог Шахматов «заложил» основы подобного подхода, доведенные до гипертрофии так называемой исторической школой (в первую очередь в работах Б.А.Рыбакова), когда некритически сопоставил данные современной ему археологии с сообщениями о «хакане русов» в Бертинских анналах и восточных источниках: узнав о распространении скандинавских древностей на юге Руси, Шахматов приписал их появление «начальной руси» Аскольда и Дира в IX в.; варяги Олега, в его реконструкции, восприняли имя *русь* в Киеве, где они расправились с этой «русью»[3] Археологические данные скорее подтверждают ход событий, описанный летописью: скандинавских комплексов IX в., которые отражали бы изолированное (и поэтому безуспешное) предприятие Аскольда и Дира — атаку на Царьград (860 г.), на юге Руси практически нет — дружинные древности распространяются здесь в первой половине X в., когда русь, после захвата Олегом Киева (882 г. по Повести временных лет), прочно оседает в Среднем Поднепровье, собирая там хазарскую дань.

Авторитет Шахматова во многом вдохновил историков и археологов на продолжение спекулятивных конструкций, выводящих древнейшую русь из Среднего Поднепровья, но уже вне всякой связи с летописью и варягами. Собственно, эти конструкции сформировались уже в позднесредневековой историографии[4], были поддержаны Иловайским и возрождены в советской историографии в послевоенный период борьбы с норманизмом. Пограничной речки Рось, др.-русск. *Рьсь* (где, по летописи, жили не «росы» и не «русы», а поршане) для обоснования южного происхождения руси было мало, равно как и ираноязычных роксоланов и росомонов. Нужна была славянская русь.

Эта «русь», известная со времен Й.Маркварта по сочинению Захарии Ритора (VI в.), и была избрана в качестве вожделенного автохтонного первопредка русского народа в советской историографии. Хотя ни само имя (*ерос, хрос, хрус*), ни расположение (к северу от «гуннских» народов Предкавказья), ни тем более исторический контекст самого источника никак не подходили для реконструкции славянской предыстории руси, достаточно было относительного совпадения самого звучания имени, чтобы «воссоздать» эту предысторию — лишь бы она не имела отношения к варягам. Автору не раз уже приходилось

---

[3] См. изложение этой концепции в популярном очерке: *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

[4] О полянской руси писал еще Ян Длугош. Ср.: *Флоря Б.Н.* Русь и русские в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 16–28.

писать, что «народ ерос» — мужчины с длинными конечностями, которых не могли носить кони, — имеют такое же отношение к славянской истории, как и их соседи у Захарии Ритора, амазонки, карлики и песьеглавцы, что это имя одного из мифологических монстров, которыми населяли края ойкумены древние и средневековые хронисты[5], но желание отыскать автохтонную русь остается непреодолимым.

Можно было бы отнести эти поиски (в том числе в последних книгах В.В.Седова[6]) к «научной инерции», если бы не создаваемая ими видимость практически безграничных возможностей для локализации славянской руси — от Среднего Поволжья до Подунавья: стоит лишь совместить попытки несовместимых лингвистических реконструкций, выводящих имя *русь* из «индоарийских компонентов» в Северном Причерноморье (О.Н.Трубачев) или связывающих это имя с неким народом *ruzzi*, наименование которого отразилось в топониме *Ruzarâmarcha* в Баварии, упомянутом еще в дарственной грамоте 863 г. восточнофранкского короля Людовика II Альтхаймскому монастырю. Рузариями позднейшие немецкие источники именовали регенсбургских купцов, торгующих с Русью: это могло означать, что русь знали в немецких землях уже до IX в. Это наблюдение А.В.Назаренко[7] породило новую волну гипотез, от традиционалистских, готовых постулировать присутствие руси в Киеве уже в VIII в., до экзотических, реконструирующих рутено-фризско-норманнскую торговую компанию VIII в., принесшую название *русь* в Восточную Европу[8] Дело, правда, осложняется еще и тем, что этникон *Ruzzi* (упомянутый впервые в так называемом Баварском географе конца IX в.) должен был, по данным лингвистики, возникнуть в такой форме не позднее рубежа VI–VII вв.[9], что безнадежно отрывает его от исторической руси. Проблема этнонимической омонимии, однако, игнорируется. Напротив, привлекаются данные уже иной этнонимической традиции, чтобы обосновать укорененность этникона *русь* в Баварии к IX в.

В Раффельштетенском таможенном уставе, изданном по указу восточнофранкского короля Людовика IV (899–911), говорится о славя-

---

[5] Ср.: *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М. 2000. Т. 1. С. 88 и сл.; из последних работ: *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. М., 1999. С. 17 и сл.

[6] *Седов В.В.* У истоков восточнославянской государственности. М., 1999; *он же.* Древнерусская народность. М., 1999.

[7] *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

[8] Ср.: *Прицак О.И.* Происхождение названия RUS/RUS' // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 115–131.

[9] Ср.: *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. М., 1994. С. 29; *Прицак О.И.* Происхождение. С. 122.

нах, которые приходят в Восточную Баварию «от ругов или богемов» и располагаются для торговли на Дунае. Богемы — это чехи, ругами же в немецких латиноязычных документах X–XI вв. именовалась обычно русь (другим и более распространенным — вплоть до позднего средневековья — обозначением руси, русских был книжный этноним *рутены*). Сам этноним *руги* относился к восточногерманскому племени эпохи Великого переселения народов (возможно, с ним связано и название острова Рюген), но по созвучию это наименование закрепилось в немецкой традиции за новым народом — русь. По более поздним источникам известно, что путь на Русь из Баварии лежал через Чехию (Богемию) — Прагу, Краков и далее до Киева. Значит, можно предполагать, что этот маршрут уже мог функционировать, по крайней мере, на рубеже IX и X вв., а с учетом упомянутой Ruzarâmarcha — еще на столетие раньше.

И здесь традиционная советская историография дала возможность для «автохтонистской» интерпретации даже «дунайской руси»: ругирусь оказываются по этой гипотезе не «приднепровскими русами», а частью северопричерноморских русов, входивших в VI в. в объединение антов и оторванных от них миграцией аваров, переселившихся на Дунай[10] Это построение возвращает нас к историографическим мифам середины XX в. и предшествующей им традиции, в том числе и к их методике — стремлению вырвать «подходящий» по звучанию этникон как из контекста источника, так и из исторического контекста вообще, включив его в собственную схему[11]

Между тем источники самым очевидным образом противоречат этим схематическим построениям, начиная с первого, упоминающего русь под 839 г., — Бертинских анналов. Дело не только в том, что русь (люди *Рос*) оказываются там скандинавами — «от рода свеонов» (ср. «от рода варяжьска» в летописи[12]); дело в том, что при дворе Людовика Благочестивого, во-первых, не знали имени этого народа, во-вторых, сам маршрут руси, даже в вожделенный для всех «варваров» Константинополь, только осваивался людьми *Рос* и пролегал «по землям варварским и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов», так что император Феофил просил Людовика пропустить их через земли франков[13] Можно лишь гадать об этом мар-

---

[10] Ср.: *Седов В.В.* У истоков. С. 52–53.

[11] В общем эта методика не отличается от альтернативных «норманистских» конструкций О.Прицака, свободно оперирующего теми же этниконами, но уже в другом пространстве — от Балтики до Дуная.

[12] См.: *Melnikova E., Petruchin V.* The origin and evolution of the name Rus'. The Scandinavians in Eastern-European ethno-political processes before the 11th century // Tor. 1990–1991. Vol. 23. P. 203–234.

[13] Ср.: *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е.А.Мельникова. М., 1999. С. 288–289.

шруте — шел ли он по Днепру или Дону, — но очевидно, что никакой «широтный» маршрут был немыслим: слова Феофила о свирепых варварах не были данью риторике — около 836 г. византийцы столкнулись в Причерноморье (включая устье Дуная) с венграми[14] Впрочем, ни столетием раньше, ни столетием позже ситуация в этом регионе не могла благоприятствовать торговле: об этом свидетельствует практическое отсутствие в Центральной Европе дирхемов: несколько десятков находок против сотен тысяч в Восточной и Северной Европе (как ни объяснять механизмы монетного обращения в раннем средневековье)[15]. Путешествующие чуть ли не по всему старому свету еврейские купцы ар-разанийа, судя по описанию Ибн Хордадбеха, отправляясь в IX в. из Западной Европы, обходили Восточную, в том числе Хазарию[16]. Подтверждением этому является тот парадоксальный факт, что еврейский сановник при дворе кордовского правителя Хасдай ибн Шапрут в середине X в. ничего не знал о Хазарском каганате. Он попытался отправить свое письмо хазарскому царю Иосифу через Византию, и только когда греки не пропустили его послов, ему пришлось искать обходные пути — тут-то, в начале 960-х годов, и был открыт «путь из немец в хазары» через земли славян, уже относительно «цивилизованную» Венгрию (где к тому времени появились еврейские общины) и Русь[17]; тогда же о пути из Праги через Краков в Киев сообщает и Ибрагим ибн Йа'куб.

Ни «руги», ни *Ruzarâmarcha* ранних немецких источников, очевидно, не имеют прямого отношения к исторической руси IX в. В относительно «исторический» контекст включены *Ruzzi* Баварского географа: они упомянуты рядом с хазарами — там, где русь упоминается восточными авторами и даже начальной летописью, повествующей о хазарской и варяжской дани со славян. Однако полный список народов Восточной Европы, включающий хазар, *ruzzi*-русь и завершающийся венграми, дает имена, далекие от ясности: как ни интерпретировать имена Форсдерен (Форшдерен), Лиуды, Фреситы (Фрешиты), Серавицы (Шеравицы) и даже Луколане[18], очевидно, что составитель

---

[14] Ср.: из последних работ — *Цукерман К.* Венгры в стране Лебедии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 663–688; *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XI в.). М., 2000. С. 41–45.

[15] Ср.: *Bálint Cs.* Einige Fragen des Dirhem-Verkehrs in Europa // Acta archaeologica Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1981. Vol. 33. S. 105–131.

[16] *Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы IX в. // ИСССР. 1986. № 4. С. 68–82.

[17] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 64–66.

[18] Ср.: *Херрманн И.* Ruzzi. Forsderen. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 163–169; *Седов В.В.* У истоков. С. 39–46.

не имел о них ясной информации и даже не попытался указать число их городов, как в прочих случаях. Так или иначе, А.В.Назаренко, приложивший немало усилий для реконструкции маршрута торгового пути из Хазарии в Среднее Поднепровье (Русь) и Западную Европу, признает, что в этом контексте его предположение «выглядит несколько спекулятивным»[19]. Зато упоминание вислян вслед за венграми в Баварском географе, очевидно, указывает на время составления списка, соответствующее его кодикологической датировке, — конец IX в., до вторжения венгров в Паннонию и разгрома Моравии (если видеть в мархариях и мереханах Баварского географа упоминания каких-то племенных объединений Великой Моравии и ее «градов»)[20]

К этому времени русь оказывается соседом и соперником хазар и по данным Начальной летописи: варяги Аскольд и Дир (ок. 860 г.), а за ними Олег (882 г., согласно летописной датировке) обосновываются в Киеве, приведя с собой русские дружины из Новгорода, куда были призваны варяжские князья. Олег объявляет полянский Киев своей столицей («матерью городов русских») и присваивает хазарскую дань с племен днепровского Левобережья — северян и радимичей; с тех пор имя «русь» распространяется в Среднем Поднепровье, а домен киевского князя получает название «Русская земля» в узком смысле[21]

Противоречащими этой летописной концепции становления Древнерусского государства традиционно считаются свидетельства о «Русском каганате» IX в., сложившемся до того времени, к которому летопись относит призвание князей (862 г.). Сразу следует сказать, что понятие «Русский каганат» — не более чем историографический фантом, ибо в источниках говорится лишь о том, что правитель руси именуется каганом — никаких известий о структуре его государства и составе его подданных, которые свидетельствовали бы о почти «имперском» статусе «русского кагана», подобно аварскому или хазарскому, в источниках нет. Представления о раннем русском государстве — каганате IX в. — основываются лишь на единичном сообщении упоминавшихся Бертинских анналов, где неизвестные франкам люди *Рос*, оказавшиеся шведами, утверждали, что их правитель (*rex*) «именуется хаканом» и что он «ради дружбы» отправил их к императору Феофилу. «Не вызывающих сомнений» данных о существовании в первой половине IX в. «Русского каганата»[22] здесь попросту нет.

---

[19] *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники. С. 41.

[20] Ср.: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники. С. 20–21, 45–46.

[21] Ср. анализ данных летописи: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.; Смоленск, 1995. С. 98 и сл.

[22] *Седов В.В.* У истоков. С. 54.

Более пространным является текст, донесенный сочинением Ибн Русте (930-е годы) и повторенный (в разных редакциях) многими позднейшими восточными географами: считается, что он восходит к известиям IX в.[23] Приведем его с необходимыми подробностями, ибо выборочное цитирование позволяет какие угодно трактовки. «Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами... У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... Нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям... С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют ими... Если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым они и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием (мечами), и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники (обеих сторон) приходят вооруженные и становятся... Есть у них знахари, которые повелевают царем как будто они их (русов) начальники... Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что это жертва богу... На коне смелости не проявляют, но все набеги и походы совершают на кораблях... Когда у них умирает кто-нибудь из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении».

Текст этот многократно комментировался исследователями, и «норманисты» давно отыскали параллели практически ко всем реалиям, описанным в тексте, в скандинавском быте эпохи викингов — в правовых обычаях, традициях жертвоприношения (через повешение), обряде погребения в камере и т.п. Эти параллели достаточно обоснованны и важны, так как позволяют утверждать, что восточная традиция донесла до нас не просто описания «диковинок» (на что она не в

[23] *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 397 и сл.

малой степени была ориентирована), а самоописание «русов» — видимо, тех купцов, которые контактировали с восточными торговцами не только на рынках Волжской Болгарии и Хазарии, но (судя по сообщениям Ибн Хордадбеха о маршрутах русских купцов) и в самом Багдаде. Другое дело, насколько арабские авторы редактировали эти известия в соответствии с собственной традицией: принадлежал ли «остров (или полуостров — термины, неразличимые в арабской географической традиции) ар-Русийи» самоописанию руси или восходил к библейским «островам народов» или античному «острову Туле» где-то на севере ойкумены. Едва ли эта задача разрешима[24], и попытки отыскать «остров русов» прямо в Новгороде, на Городище, основываются на слишком прямолинейном отождествлении значений иноязычных топонимов — скандинавского названия Новгорода, Хольмгард, «Островной город», с лексикой арабской географической литературы[25] Еще А.А.Шахматов пытался отыскать этот остров возле Старой Руссы, где по поздним средневековым источникам известна местность под названием Остров. Тогда Старая Русса оказалась бы центром изначальной руси, а Новый город, Новгород, — «варяжским» центром. Но и эта некогда популярная (опять-таки с позднесредневековой эпохи — ср. Воскресенскую летопись XVI в. и др.) гипотеза стала уделом историографии: топоним *Руса* не имеет отношения к имени *русь*, а сам город сформировался в XI в.[26]

Еще сложнее обстоит дело с датировкой этой информации — если считать ее синхронной. Отношения руси и славян, описываемые восточными авторами, совпадают с информацией, которую донес Константин Багрянородный[27] в середине X в., — русь выходит из своих городов к славянам за данью и судами; правда, у Константина русь отправляется торговать (и везет с собой рабов) по днепровскому пути в Константинополь, Ибн Русте же говорит о Болгаре и Хазарии на Волжском пути, но такое различие в описании маршрутов у византийского и восточного авторов естественно. Существенно, что упоминание Болгара как рабского рынка у Ибн Русте соответствует данным очевидца — Ибн Фадлана, который видел русских купцов в Болгаре

---

[24] *Коновалова И.Г.* Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е.А.Мельникова. М., 1999. С. 169–258.

[25] *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus. 750–1200. London; New York, 1996. P. 27 ff.

[26] К ставшим традиционными историографическим курьезам можно отнести возведение варягов к «солеварам из Русы»: *Анохин Г.И.* Рюрик — солевар из Русы // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 2000. С. 206–207.

[27] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Г.Г.Литаврин, А.П.Новосельцев. М., 1989. Гл. 9.

в 921/922 г. Напротив, Ибн Хордадбех, составивший свое описание маршрута русских купцов около 880 г., ничего не знает о Болгаре[28]: значит, информация о торговле с Волжской Болгарией может восходить к первой четверти X в. — в 10-е годы этого столетия через Болгарию на Русь в обход враждебной Хазарии стала поступать восточная монета (из державы Саманидов)[29]

Наконец, источником датировки информации об «острове русов» может быть их «диковинный» для арабских авторов погребальный обычай. Описанные Ибн Русте камерные гробницы хорошо известны как в Восточной, так и в Северной Европе, но в Среднем и Верхнем Поднепровье (Гнездово), равно как и Верхнем Поволжье, они относятся к середине X в. Более ранняя камера — конца IX в. — открыта в урочище Плакун под Ладогой, но она не содержала примечательного для арабов парного погребения[30]. Парные погребения в камере, сопоставимые с описанием Ибн Русте, обнаружены в главном скандинавском городе, прочно связанном с Восточной Европой, — Бирке на острове Бьёркё[31] Если учесть, что в Бирке традиция камерных погребений безусловно восходит к IX в., то можно сопоставить (по времени) известия об острове (полуострове) русов и их походах на кораблях к славянам с летописными известиями о варяжской дани «на чуди, словенах и всех кривичах»[32] и даже о насилиях, которые чинили им варяги, по словам Новгородской первой летописи, до их изгнания за море и призвания «по ряду» варяжских князей. Это сопоставление привлекательно тем, что «совмещает» известия о малопригодном для жизни «острове (полуострове) русов» с летописными сообщениями о «заморских варягах» и даже расширяет пространство для «Русского каганата», ибо позволяет включить в число подданных «хакана русов» чудь, словен, кривичей и мерю[33]. Яснее становятся и претензии правителей руси на титул кагана: в Восточной Европе русь действительно оказывалась соперницей Хазарского каганата. Но «Русский каганат» в любом случае остается лишь гипотетическим объединением племен севера Восточной Европы.

«Расширение» этого «каганата» на юг связано с источниковедческими натяжками. А.А.Шахматов, опираясь на текст Новгородской

---

[28] *Калинина Т.М.* Торговые пути. С. 68–82.

[29] Ср.: *Noonan Th.S.* Khazaria as an Intermediary between Islam and Eastern Europe in the Second Half of the Ninth Century: the Numismatic Perspective // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1987. Vol. V [1987]. P. 200 ff.; *Петрухин В.Я.* Начало. С. 93.

[30] *Назаренко В.А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 165.

[31] *Gräslund A.-S.* Birka IV. The Burial Customs. Stockholm, 1980. P. 36–37.

[32] Ср.: ПВЛ. С. 12 (под 859 г.).

[33] Об археологических свидетельствах варяжской дани см.: *Петрухин В.Я.* Начало. С. 85 и сл.

первой летописи, считал, что варяги Аскольд и Дир обосновались в Киеве до призвания варяжских князей в Новгород. При этом он абсолютизировал летописные датировки, в том числе дату призвания варягов: князья были призваны в 862 г., а первый поход руси на Царьград состоялся в 860 г. (даже в 854 г., по Новгородской летописи). Это построение было продолжено в одной из последних работ А.П.Новосельцева[34], который готов был приписать Аскольду и Диру даже посольство 839 г. и основание «Русского каганата» в Среднем Поднепровье. В действительности в Начальной летописи и призвание, и поход приурочены к царствованию Михаила III и, видимо, не имели абсолютных дат[35]

С еще большими источниковедческими несообразностями связана гипотеза В.В.Седова[36], продолжающая традиции советской историографии — поиск мощного государства изначальной славянской руси в Среднем Поднепровье, на этот раз не среди днепровских «древностей антов» (как это делал тот же В.В.Седов в 1987 г.), а в ареале левобережной так называемой волынцевской культуры. Против славянских русов — носителей этой культуры — Хазарскому каганату якобы пришлось строить в 830-е годы Саркел и другие крепости по Дону. В состав этой руси включаются поляне, северяне, радимичи и даже вятичи (все летописные данники хазар). «Русский каганат» распался в результате «натиска» хазар и Византии (?!), тогда в Киевское княжество полян и попали варяги Аскольда и Дира[37] Перечисленные славянские племена никогда ни в собственно древнерусских, ни в других

---

[34] *Новосельцев А.П.* Древнерусское государство и его первый правитель // ВИ. 1991. № 2–3.

[35] Ср.: *Петрухин В.Я.* «Начало Русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 220–226.

[36] *Седов В.В.* У истоков.

[37] *Седов В.В.* У истоков. С. 70. Отрицая принятое большинством филологов скандинавское происхождение имени *русь* (ср.: *Melnikova E., Petruchin V* The origin), В.В.Седов, так и не пытаясь объяснить, почему прибалтийские финны называют Швецию *Ruotsi/Rootsi*, совершает распространенную при попытках междисциплинарных исследований логическую ошибку: он считает, что имена *Ruotsi/Rootsi* не могли попасть к племенам празападнофинской языковой общности в эпоху активного проникновения скандинавов на всю Балтику в VII–VIII вв., потому что в этот период началось формирование самостоятельных прибалтийско-финских языков (*Седов В.В.* У истоков. С. 50–51). Дело не только в том, что ссылка Седова на П.Хайду неточна — венгерский лингвист осторожно продлевает общефинскую эпоху до VI–VIII вв. (*Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985. С. 80); дело в том, что абсолютные датировки процессов языковой дифференциации бесписьменных языков сами основываются на гипотетических сопоставлениях с данными археологии и не могут служить базой для датировок исторических событий. Наоборот, история имени *русь*, каковой она предстает в исторических источниках, может пролить свет на процессы языкового развития.

источниках «русью» не именовались: исключение для летописца составили поляне, но лишь в связи с рассуждением о славянской принадлежности русского письменного языка в начале XII в.: «поляне, яже ныне зовомая русь».

Во многом это построение продолжает гипотезу М.И.Артамонова, которая формировалась под непосредственным давлением официозной историографии и поэтому оставалась внутренне противоречивой[38] Действительно, М.И.Артамонов полагал, что «поскольку... славяне овладели Средним Поднепровьем с согласия хазар и при их содействии, то, поселившись здесь, они оказались данниками Хазарского каганата»[39] Здесь нельзя не вспомнить слов В.О.Ключевского[40] о хазарском иге, которое, по мнению исследователя, не было особенно тяжелым, но способствовало экономическому расцвету, благодаря тому, что для послушных данников хазар были открыты речные дороги к черноморскому и каспийскому рынку. Концепция Ключевского не была чисто умозрительной — его теория «торгового» происхождения славянских (древнерусских) городов основывалась на данных нумизматики: ведь в кладах содержались монеты и X, и IX, и VIII вв., а закономерности формирования денежного потока и «выпадения» кладов еще не были выявлены.

Но как раз речные торговые дороги были, скорее всего, перекрыты в IX в.: в киевском Поднепровье нет монетных кладов, но в Среднем Поднепровье и даже в междуречье Днепра и Дона в хазарский период продолжается интенсивная земледельческая колонизация. На Дон попадают даже выходцы с Правобережья Днепра, носители культуры Луки Райковецкой[41] Система крепостей на Дону и в бассейне Северского Донца, видимо, призвана была контролировать эти важные для Хазарии регионы, в том числе донских «вятичей» (носителей так называемой боршевской культуры) и северян в Левобережье Днепра (показательно, что само их имя связано с гидронимом «Северский Донец»)[42] Но понятно и то, почему славянские данники хазар были заинтересованы в союзе с русскими дружинами: и те и другие рвались к мировым рынкам.

---

[38] Ср.: *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 304 и сл.; 365 и сл.; *Артамонов М.И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. № 3. С. 271–290.

[39] *Артамонов М.И.* Первые страницы. С. 277.

[40] *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 1. С. 139–140.

[41] *Винников А.З.* Донские славяне и Хазарский каганат // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.И.Артамонова. Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 108–110.

[42] Ср.: *Винников А.З., Плетнева С.А.* На Северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998. С. 38–39.

М.И.Артамонов считал, что уже в начале IX в. во время междоусобной войны — восстания каваров и мадьяр в Хазарии — в Среднем Поднепровье возник ее соперник «Росский каганат»[43] При этом представления М.И.Артамонова о росах в Среднем Поднепровье восходили к упомянутому «общему месту» тогдашней историографии — концепции автохтонной руси. Артамонов не соотносил «Росский каганат» ни с какими археологическими реалиями, волынцевскую же культуру считал неславянской. Новые исследования волынцевских памятников Левобережья Днепра показали, что эта славянская в основе культура находилась под прямым воздействием салтово-маяцкой археологической культуры Хазарского каганата. На некоторых поселениях отмечены и прямые свидетельства пребывания степняков — следы юртообразных жилищ. Остатки больших юртообразных жилищ обнаружены и на крупнейшем городище волынцевской культуры у с. Битица на р. Псел: один из первых исследователей этих памятников Д.Т.Березовец[44] считал, что Битица — это административный центр каганата в глубине славянской территории[45] В том же левобережном ареале обнаружены два центральных памятника, связываемых с кочевым миром, — комплексы у Малой Перещепины и Новых Сенжар (в бассейне Ворсклы)[46] Кому бы ни принадлежал знаменитый Перещепинский клад — болгарскому хану Кубрату[47] или хазарскому правителю (сходный комплекс у с. Вознесенка в Запорожье имеет явные аналогии в заупокойных храмах правителей Тюркского каганата[48]), — остается очевидным традиционное (с VII в.) центральное значение этого региона для «кочевых империй»: господство над ним давало власть над лесостепью Восточной Европы. При сопоставлении с данными летописи можно предположить, что волынцевская культура характеризует ареал тех славянских племен — «конфедерации» полян, северян и, возможно, части радимичей, — с которых брали дань хазары[49] Характерен предполагаемый анклав волынцевских памятников

---

[43] *Артамонов М.И.* Первые страницы. С. 286 и сл.

[44] *Березовец Д.Т.* Слов'яни и племена салтівскоі культури // Археологія. Київ, 1965.

[45] Ср.: *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 148.

[46] Ср.: *Флеров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996. С. 33–36, 68–69.

[47] *Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В. Фонякова Н.А.* Сокровища хана Кубрата. СПб., 1997.

[48] *Амброз А.К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 204–222.

[49] Ср.: *Щеглова О.А.* Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи раннего железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 77–85.

вокруг Киева в Правобережье[50]: благодаря ему проясняется и устойчивость легенды о Кие, основателе Киева, как о перевозчике через Днепр (с которой полемизировал Нестор — сторонник княжеского происхождения легендарного основателя Киева); в самом Киеве обнаружены остатки «салтовского» могильника с трупосожжениями[51]

Очевидно, таким образом, что волынцевская культура очерчивает границы не гипотетического каганата русов, а предшествующую Русской земле — домену киевского князя — податную территорию, доминион Хазарии[52] Волынцевская культура и сменяющая ее роменская культура являются предысторическим ядром будущей Русской земли в Левобережье Днепра в VIII–IX вв. Исследователи раннесредневековых славянских древностей[53] наблюдают не распад, а консолидацию славянской роменской культуры в Левобережье Днепра в IX в.

Уже предполагалось на основании летописного предания о призвании варяжских князей, что первоначальный раздел сфер влияния в Восточной Европе проходил в бассейне Оки: верховья Волги и территория муромы были подконтрольны мужам Рюрика, вятичи платили дань хазарам. Характерно, что именно этот окский участок торгового пути, где сидели подвластные хазарам вятичи, аккумулирует значительную часть монетного серебра, поступавшего через Хазарию на север, в Верхнее Поволжье, Новгородскую землю и Скандинавию[54] Очевидно, что купцы русы должны были делиться частью своей прибыли с местным населением — вятичами, контролировавшими волоки, которые вели с верховьев Дона на Оку. Нумизматы[55] отмечают, что другая группа кладов IX в. концентрируется в Левобережье Днепра по Десне и Сейму (исключая киевское Поднепровье) — на границе Хазарского каганата, в ареале северян и радимичей — данников хазар. Притом что на территории самого каганата находки кладов единичны, создается парадоксальное впечатление, что данники хазар обладали бóльшими возможностями накапливать серебро, чем господствующая

---

[50] Ср.: *Петрашенко В.А.* Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 47–50.

[51] *Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 137.

[52] Ср.: *Насонов А.Н.* «Русская земля». С. 28 и сл.; *Артамонов М.И.* Первые страницы. С. 277; *Петрухин В.Я.* Начало. С. 85 и сл.

[53] *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад. С. 146–148.

[54] Ср.: *Кропоткин В.В.* К топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111–117; *Noonan Th.S.* What does historical numismatics suggest about the history of Khazaria in the ninth century? // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1983. T. III. P. 273–276.

[55] Ср.: *Кропоткин В.В.* К топографии кладов. С. 113–114; *Noonan Th.S.* What does historical numismatics suggest. C. 273 ff.

тюркская группировка[56] Есть основания полагать, что славяне не только платили дань, но и принимали участие в торговле — перераспределении серебра, поступавшего через Хазарию, которая нуждалась в мехах и хлебе, и экипировке ладей руси, идущих по Оке на Дон. Подобное взаимодействие руси и славян описано не только Константином Багрянородным, но отмечено летописью при описании войска Олега: «и беша у него варязи и словени прочи, прозвашася русью»[57] — и Ибн Хордадбехом, единственным автором, относившим русь к «виду» славян, при описании маршрута купцов русов, переводчиками которым служили славянские евнухи.

Прорыв руси на юг, в Киев и Константинополь (ок. 860 г.), связан с формированием прямого Днепровского пути в Византию («путь из варяг в греки») и закреплением его после похода Олега (882 г., по Повести временных лет). Присвоение русским князем хазарской дани с северян и радимичей (ПВЛ под 884 и 885 гг.) и формирование княжеского домена на некогда подвластной Хазарии территории днепровских славян, очевидно, привело к конфликту с Хазарией и торговой блокаде Восточной (и Северной) Европы: в последней четверти IX в. наблюдается кризис в транзите восточного серебра через территорию Хазарии[58] Поступление серебра на Русь из державы Саманидов, как уже говорилось, возобновляется уже в 910-е годы, но через Болгарию Волжско-Камскую, в обход Хазарии. Примерно в то же время Олег сосредоточивает силы всех подвластных ему племен севера и юга для похода на Византию (показательно, что неудача похода Аскольда и Дира увязывается в летописи с тем, что с ними были только варяги): поход увенчался успехом, судя по договору с греками 911 г.[59] Но этот удачливый правитель нового русского государства, более всего подходивший на роль «кагана» уже потому, что владел частью Хазарского каганата, именуется в договоре с греками князем (хоть и «великим», как и прочие русские князья).

Историографическая проблема «Русского каганата» сводится, по преимуществу, к вопросу о том, насколько «реальными» были претен-

---

[56] Ср.: *Noonan Th.S.* What does historical numismatics suggest. P. 276. Сходные наблюдения делает и В.В.Седов (*Седов В.В.* У истоков. С. 65–67), но он произвольно отрывает восточноевропейский ареал распространения серебра от североевропейского; между тем восточное серебро распространяется синхронно в Восточной Европе и Скандинавии.

[57] ПВЛ. С. 14.

[58] *Noonan Th.S.* The first major silver crisis in Russia and the Baltic. C. 875–900 // Hikuin. 1985. Bd. 11. P. 41–50; *Noonan Th. S.* Khazaria. C. 200 и сл.; ср., однако: *Фомин А.В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. № 171. М., 1982. С. 16–21.

[59] Ср. из последних работ — *Литаврин Г.Г.* Византия. С. 61 и сл.

зии русских правителей на титул кагана[60], т.е. насколько эти претензии могли быть признаны правителями соседних государств. В связи с этим в современной историографии распространен тезис о признании высокого титула за русским правителем, основывающийся на единичной фразе из письма франкского императора Людовика II, отправленного в 871 г. византийскому императору Василию I: Людовик утверждал, что «хаганом мы называем государя авар, а не хазар (в письме они именуются Gasani) или норманнов (Nortmanni), или князя болгар»[61] Фраза свидетельствует о том, что в империи франков, во-первых, мало что знали о хазарах (и путь «из немец в хазары» становится еще более «спекулятивным» построением), во-вторых, со времен появления «росов» Бертинских анналов, прочно ассоциировали русь с норманнами, но не признавали заявленных в 838–839 гг. претензий на титул кагана. Сторонники киевского «Русского каганата» делают из этой фразы парадоксальный вывод о том, что дипломатический довод Людовика направлен против византийской традиции: якобы в «византийской канцелярии» правителя Руси продолжали именовать «хаканом» (допуская норманнское происхождение киевских правителей Аскольда и Дира)[62] Этот вывод имел бы некоторое право на существование, если бы в той же канцелярии «хаканом» именовали и болгарского князя, но правитель Болгарии в IX в. оставался для империи «архонтом»[63], каковыми оставались для нее и русские князья. Признанным в Византии носителем титула кагана был только правитель Хазарии[64]

Вопрос о том, насколько «серьезно» сами русские князья — в первую очередь Олег — претендовали на хазарский титул, естественно, может решаться лишь гипотетически. Нельзя не отметить, что в летописи Олег, объявляя себя врагом Хазарии (при присвоении хазарской дани с Левобережья Днепра), опирается на славянскую традицию правления «по ряду» призванного княжеского рода: он расправляется

---

[60] Ср.: *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ИССР. 1982. № 4. С. 150–159; *Петрухин В.Я.* К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и кочевой мир. Сб. тезисов XVII конференции памяти В.Д.Королюка. М., 1998. С. 109–114.

[61] *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники. С. 290.

[62] Ср.: *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 194–196; *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники. С. 290–291.

[63] *Литаврин Г.Г* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 218 и сл.

[64] *Литаврин Г.Г* Византия. С. 41. Эти обстоятельства заставляют Г.Г.Литаврина повторить вопрос о том, не были ли «люди Рос» послами собственно хазарского кагана. Исследователь русско-византийских отношений осторожно приписывает этому народу некую «политическую структуру», которую готов разместить между Средним Днепром и Северским Донцом, но полагает, что эта структура оказывалась под суверенитетом Хазарского каганата.

с Аскольдом и Диром как с узурпаторами, потому что они не принадлежат к этому роду («великих и светлых князей», как они именуются в договоре с греками). Для отношений со славянами «по ряду» титул правителя враждебной «кочевой империи» явно не подходил.

Сам «перенос» Олегом столицы в «мать городов русских» был связан, видимо, как с представлениями этого княжеского рода о том, что русские князья имеют власть над всеми славянами (так изображает дело летописец), так и со стремлением к мировым рынкам в обход Хазарии. Момент, избранный для этого Олегом, можно считать весьма благоприятным, ибо Хазария пребывала в конфликте с венграми (и примкнувшими к ним каварами)[65]: недаром перед захватом Киева Олег, по летописи, останавливается на урочище Угорском, а движение «черных угров» на свою будущую родину в Паннонии описывается (под 898 г.) в явной связи с предшествующим утверждением руси в Киеве — они проходят через то же Угорское. События в Центральной Европе находят непосредственное отражение и в древнерусской археологии: отдельные вещи и даже ремесленные традиции (гончарство) распространяются из разгромленной венграми Моравии в Среднем и Верхнем Поднепровье (Гнездово) в первой трети X в.[66]. Продвижение моравского населения, равно как и обретение венграми своей родины, очевидно, способствовали стабилизации в этом регионе и становлению связей Руси с Центральной Европой.

Одновременно укреплялась и власть русских князей и их дружин в Среднем Поднепровье: об этом свидетельствует распространение в Киеве и на северянской Черниговщине (в Русской земле в узком смысле) к середине X в. тех самых камерных гробниц[67], которые ранее были описаны со слов «русов» Ибн Русте.

Претензии русских князей на титул кагана, видимо, возродились при Святославе (который, впрочем, мечтал о собственной «империи» на Дунае) и отчасти реализовались при Владимире Святославиче и Ярославе Мудром, которых именует каганами Иларион: им действительно принадлежала значительная часть Хазарского каганата с Тмутараканью и Белой Вежей. Но к этому времени правители христианской Руси вынашивают уже претензии на другой титул — царский.

---

[65] Ср.: *Noonan Th. S.* Khazaria. P. 202; *Новосельцев А.П.* Древнерусское государство. С. 14.

[66] Ср.: *Достал Б.* Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 83–88; *Ширинский С.С.* Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 203–206; о более ранних контактах Поднепровья с дунайским регионом см.: *Седов В.В.* Древнерусская народность. С. 183 и сл.

[67] *Петрухин В.Я.* Начало. С. 87 и сл.

Г.В.Глазырина (Москва)

ПРАВИТЕЛИ РУСИ
(Обзор древнескандинавских источников)*

Информация древнескандинавских письменных памятников (становящаяся все более доступной отечественному читателю в связи с публикацией на русском языке новых переводов и переизданием уже известных)[1] о правителях Руси неоднократно становилась объектом внимания исследователей. Наиболее плодотворно изучались свидетельства источников о двух русских князьях — Владимире Святославиче и Ярославе Мудром. Интерес к этим князьям обусловлен их особой ролью в древнейшей русской истории, в частности их внешней политикой, характеризовавшейся прочными и разнообразными связями со странами Скандинавии, и, как следствие этого, широким включением связанных с ними тематически разнообразных сюжетов в древнесеверные памятники. Самым разработанным жанром оказались саги, в первую очередь королевские, наиболее широко известные в нашей стране благодаря давнему и непрерывному вниманию к ним историков и переводчиков, что породило мнение о том, что информация саг по преимуществу касается именно этих двух правителей[2] Вместе с тем древнеисландские памятники изобилуют упоминаниями о других персонажах, которых авторы текстов устойчиво именуют

* Работа написана по проекту «Ранняя (до середины XI века) история Восточной Европы в древнескандинавской письменности» № 00-01-225, поддержанному РГНФ. Основные материалы для данной статьи собраны в процессе работы над проектом RSS № 124/1997.

[1] Только за последнее время библиотека любителей скандинавской литературы пополнилась двумя изданиями саг — двухтомником «Исландские саги» под общей редакцией О.А.Смирницкой (СПб., 1999), включающем не только уже ранее известные родовые саги, но и новые переводы прядей, и томом «Исландские саги» под редакцией А.В.Циммерлинга (М., 2000), а также книгой «Поэзия скальдов» Е.А.Гуревич и И.Г.Матюшиной (М., 2000).

[2] *Джаксон Т.Н.* Древняя Русь в скандинавских письменных источниках IX–XIV вв. Автореф. докт. дис. М., 1995. С. 31; *она же.* Austr í Görðum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 11.

© Г.В.Глазырина, 2001

«конунгами» Руси и рассказы о которых помещаются ими в те историко-хронологические рамки — VIII–XI вв., когда, согласно данным археологии, на территории Восточной Европы скандинавский компонент населения играл заметную роль. В настоящей работе предпринята попытка выявления и систематизации совокупности сведений древнескандинавских памятников о ранних правителях Древней Руси, т.е. тех персонажах, которые, по свидетельству авторов этих произведений, обладали властью на территории Руси. Основной задачей исследования является введение в научный оборот наиболее типичных сюжетов, в которых реализуются рассказы о русских и — шире — «восточных» правителях, при этом под «востоком» понимаются земли, лежащие к востоку от Скандинавии, как это принято в древнескандинавской историко-географической традиции[3]

Особо следует оговорить те принципы, которые были положены в основу отбора фрагментов.

Для исследуемой темы несущественно, является ли упомянутый в источнике персонаж русским или пришлым конунгом, т.е. его национальная принадлежность (если этот термин применим при изучении истории Северной и Восточной Европы раннесредневекового периода) не была определяющим фактором. Больше в данном случае значила констатация того факта, что в течение какого-то отрезка времени, пусть даже очень недолгого, тот или иной упомянутый герой находился на территории Древней Руси и (или) входивших в сферу ее влияния территорий и назван правителем какого-то ее региона, всей страны или отдельного города.

При отборе материала не являлся релевантным признак исторической достоверности персонажа. Учитывались сообщения как о тех исторических деятелях, которые известны по отечественным памятникам и, без сомнения, представляют первостепенный интерес, так и о тех, которые в древнерусских источниках не упоминаются.

Не делалось различий по половому признаку. Те тексты, в которых в качестве правящего лица выступает женщина, также включены в обзор.

Главным формальным признаком для отбора материала явилось использование в тексте источника специальной терминологии. Для обозначения статуса правителя в древнескандинавских памятниках обычно употребляется термин *konungr* («конунг, король»). Он был применим для обозначения правителей разного ранга — центральных и областных, верховных и мелких[4] В пределах скандинавской ойку-

---

[3] См.: *Джаксон Т.Н., Подосинов А.В.* Норвегия глазами древних скандинавов: о специфике древнескандинавской ориентации по странам света // Другие средние века. К 75-летию А.Я.Гуревича. М.; СПб., 2000. С. 113–132.

[4] По подсчетам Ш.Хьюджеса (*Hughes Sh.* The Ideal of Kingship in the Riddarasögur // Michigan Academician. Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters. 1978.

мены, описанной в источниках в основном исландского происхождения, этот общий термин являлся нейтральным и использовался авторами безотносительно к конкретной национальной принадлежности персонажа: им обозначены, например, датский король Горм Старый и норвежский конунг Харальд Прекрасноволосый, шведский правитель Эрик Победоносный и русские князья Владимир и Ярослав. Что действительно было важно для авторов текстов, это благородное происхождение конунга, так же как обладание им какой-либо собственностью. Равным образом применялся термин «королева» (*drottning*) для обозначения правящих женщин. Именно эти термины — *konungr* и *drottning* — чаще всего употреблены в восточноевропейском контексте. Так, русские князья Владимир и Ярослав последовательно титулованы как «конунги». Иные, помимо термина «конунг», обозначения правителей Руси довольно редки. Традиционно в древнескандинавских текстах правитель, подчиненный конунгу, именовался ярлом (*jarl*)[5] В русском контексте наряду с термином *jarl* в текстах используется также слово *höfðingi* (хёвдинг) — «вождь, предводитель; военачальник; правитель». В последнем значении термин употребляется применительно ко всем представителям знати рангом ниже конунга и во множественном числе противопоставлен термину *almúgi* — «простые люди»[6] В сагах термин наиболее часто употребляется в значении «военачальник». Нередко словосочетание *höfðingi mikill* встречается в характеристике героев, где его следует интерпретировать как «отважный воин».

Известные герои — например, русские князья Владимир и Ярослав или скандинавские конунги — зачастую вводятся в произведение без специальной титулатуры. В таких случаях основанием для привлечения материала служили имя персонажа и контекст. В отношении не засвидетельствованных в источниках персонажей, имена которых сами по себе не могли служить основанием для отбора, приходилось ориентироваться на употребление социальной терминологии и контекст произведения.

Ввиду обширности древнескандинавских письменных памятников мной были введены сознательные ограничения, первым из которых

Vol. X. № 3. P. 322), только в сагах о древних временах упоминается около трехсот конунгов.

[5] Своеобразное осмысление проблемы титулатуры предложено в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне». Харальд Прекрасноволосый, говорится в саге, решил, что среди его потомков те мальчики, которые родились от сыновей, будут называться конунгами, а родившиеся от дочерей — ярлами. — Óláfs saga Tryggvasonar en mesta. Copenhagen, 1958 (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. A. B. I). Cap. 2.

[6] *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 306.

было использование только прозаических произведений. Древнеисландская поэзия не привлекается для анализа, поскольку имеет ряд существенных особенностей (таких, как использование кеннингов, особой метрической системы, рифмы, специфической образной системы и т.п.), исследование и интерпретация которых в каждом конкретном случае не представляются возможными.

Другим ограничением является использование прозаических источников, созданных только на древнеисландском языке. На раннем этапе развития исландской литературы произведения создавались на двух языках: первым был язык христианской церкви — латынь, но очень скоро, уже в XII в., после произведенной реформы письменного языка, позволившей приспособить латынь к отображению специфической исландской языковой системы[7], появляются произведения на родном языке. Далее прослеживается тенденция к укреплению его позиций в письменности, и, хотя латынь и древнеисландский будут сосуществовать еще долгое время, упрочение положения, а впоследствии доминирующая позиция древнеисландского языка становятся свершившимся фактом. Целый ряд произведений, первоначально созданных на латыни, в течение XIII в. были переведены на родной язык, и зачастую до нашего времени сохранились только эти переводы, что не может не свидетельствовать о том, какая важная роль отводилась исландцами культивированию письменности на родном языке. Однако информация, содержащаяся в источниках, написанных на латыни, принадлежит, как правило, иной, чем северная, письменной традиции. Она характеризуется использованием современной источнику континентальной литературы, главным образом церковной, но иногда находится под влиянием и светской литературы континента. В ней присутствуют реминисценции из большого числа традиционно использовавшихся средневековыми авторами классических латинских источников. Латиноязычные памятники привлекались только в отдельных случаях, главным образом для комментария и сопоставительного анализа текстов. В сводных материалах, представленных в данной статье, результаты изучения латиноязычных памятников не приводятся.

Еще один существенный критерий отбора источников — жанр или вид[8] источника и время его возникновения в древнеисландской литературе. Такие жанры, как исторические и историографические труды, королевские саги, возникающие на начальном этапе формирования системы древнеисландской письменности (т.е. в конце XII — первой

---

[7] Подробно см.: *Hreinn Benediktsson.* Preface // The First Grammatical Treatise / Hreinn Benediktsson. Reykjavík, 1972.

[8] Жанр саги, например, включает в себя произведения разных видов: вид «королевские саги», вид «родовые саги» и т.п.

половине XIII в.), справедливо считаются исследователями более исторически достоверными, чем созданные в последующие полтора века саги родовые, рыцарские и о древних временах. Сюжеты первых связаны главным образом с событиями того этапа истории Скандинавских стран, который максимально приближен ко времени создания произведения (в сравнении, разумеется, с так называемыми неисторическими жанрами, относящими описываемые в них события к более отдаленному времени). Источники более позднего времени проявляют тенденцию к большей степени литераризации, чем сочинения, созданные на первой стадии формирования древнеисландской литературы, что проявляется, в частности, в том, что сюжет произведения конструируется на основе устойчивого набора стереотипных формул, разработанных для описания столь же стереотипных ситуаций[9] Несущественная на начальном этапе, по мере развития литературы в Исландии, стереотипность становится тем формальным элементом, который указывает на переход от актуальных сведений к схемам, включающим не свидетельства об исторических фактах, но скорее представления средневековых исландцев о том, каковы были или должны были быть обстоятельства того или иного события. Тем самым историческая достоверность сообщения источника существенно снижается, если не исчезает совсем. Естественно заключить, что те жанры и виды памятников, которые возникают в системе древнеисландской литературы в конце периода ее формирования, в частности рыцарские саги[10], искусно составленные на основе комбинирования устойчивых стереотипов, содержат весьма незначительную и малодостоверную историческую информацию. Эта особенность рыцарских саг явилась причиной отказа от их привлечения для анализа в данной работе[11] Исключение было сделано только для одного произведения данного жанра — «Саги о Тристраме и Исодд», которая относительно рано, в первой трети XIII в., была создана на древнеисландском языке и знаменовала собой начало формирования этого направления в литературе Исландии.

Содержание, специфическое для того или иного вида саг, также оказывает существенное влияние на возможность его использования при анализе поставленной проблемы. Так, очевидно, что в сагах о

---

[9] Весьма показательным примером может служить устойчивое описание поведения скандинавского конунга на Руси. См.: *Глазырина Г.В.* Мотив военного похода и его интерпретация в произведениях древнескандинавской литературы (на материале «Саги о Тидреке Бернском») // ДГ. 1987 год. М., 1989. С. 268–273.

[10] См. статью И.Г.Матюшиной в данном томе.

[11] Необходимо отметить, что в рыцарских сагах, изобилующих «восточными» сюжетами, неоднократно фигурируют персонажи из Древней Руси.

епископах, повествующих о первых епископах Исландии, сюжет формируется вокруг весьма специфического круга тем и интересующий нас материал тематически в него не попадает. Поэтому саги о епископах также не входят в число памятников, включенных в данный обзор[12].

Особая проблема возникает при привлечении материала саг о древних временах, которые весьма неоднозначно оцениваются исследователями[13]. До сих пор остается неясным вопрос о том, когда были сложены произведения, относимые исследователями к этому виду саг. Несомненными представляются два факта: во-первых, что некоторые из них бытовали в устной передаче[14], и, во-вторых, что в письменности они появляются позже собственно исторических произведений (основная группа саг о древних временах создается как письменные памятники в XIII–XIV вв.). Остается дискуссионным вопрос о том, основаны ли саги о древних временах на устной традиции либо все, о чем в них рассказывается, является лишь плодом фантазии литераторов времени их создания. Специальные исследования, охватывающие всю совокупность саг данного вида, которые могли бы осветить этот вопрос, к сожалению, отсутствуют. Исследования отдельных произведений, в частности тех, в которых имеются параллели к некоторым сюжетам древнерусских памятников[15], показывают, что в сагах о древних временах заметно больше фольклорных элементов, которые могут быть присущи устной традиции, чем в других жанрах источников или видах саг. Что особенно важно для данной темы — в них существенно количество сюжетов, имеющих параллели в древнерусских памятниках и причисляемых исследователями к устной эпической или фольклорной традиции.

Общая информация о древнеисландских памятниках, сведения которых представляют интерес для исследуемой проблемы, суммирована в *табл. 1.*

---

[12] Последовательный просмотр епископских саг показал, что в них нет свидетельств по исследуемой проблеме.

[13] Общую характеристику саг о древних временах см.: *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996. С. 7–22.

[14] Об этом свидетельствует, в частности, «Сага о Стурлунгах», описывающая свадебный пир в Рейкьяхолар в 1119 г. (Sturlunga saga / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1954. B. I. Bl. VIII).

[15] Из новейших исследований см., например: *Melnikova E.* The death in the horse's skull. The interaction of Old Russian and Old Norse literary traditions // Gudar på jorden. Festskrift till Lars Lönnroth. Stockholm, 2000. P. 152–168.

Таблица 1[16]

Название	*Жанр, вид*	*Время создания*	*Основные рукописи*	*№*
Ágrip af noregs konungasögum Обзор саг о норвежских конунгах	Кс	конец XII в.	AM 325 II 4to	1
Landnámabók Книга о Заселении страны	Ис	конец XII в.	AM 107 fol. AM 371 4to	2
Yngvars saga víðförla Сага об Ингваре Путешественнике	Дв	ок. 1180 г.	AM 343 a 4to GKS 2845 4to	3
Saga Ólafs konungs Tryggvasonar af Oddi múnk Сага об Олаве Трюггвасоне монаха Одда	Кс	ок. 1190 г.	AM 310 4to Stock. Perg. no. 18 4to De la Gardie 4-7	4
Hversu Noregr byggðist Как была заселена Норвегия	Ис	конец XII — начало XIII в.	GKS 1005 fol.	5
Orkneyinga saga Сага об оркнейцах	Кс	конец XII — начало XIII в.	GKS 1005 fol.	6
Færeyinga saga Сага о фарерцах	Кс	1200–1220 гг.	AM 1005 fol.	7
Guta saga Сага о гутах	Ис	первая четверть XIII в.	Codex B 64	8
Tristrams saga ok Ísoddar Сага о Тристраме и Исодд	Рыц	1226 г.	AM 489 4to	9
Ynglinga saga Сага об Инглингах	Кс	1220–1230 гг.	AM 39 fol. AM 47 fol.	10
Óláfs saga Tryggvasonar Сага об Олаве Трюггвасоне[17]	Кс	1220–1230 гг.	"	11
Óláfs saga helga Сага об Олаве Святом[18]	Кс	1220–1230 гг.	"	12

[16] В *табл. 1* произведения древнеисландской письменности, в которых упоминаются правители Руси, расположены в соответствии со временем их создания. В рамках одного периода (например, середина XIII в.) выше в таблице располагаются те сочинения, дата возникновения которых определена с большей степенью достоверности. Все памятники, за исключением «Саги о Тидреке Бернском», «Саги о гутах» и «Обзора саг о норвежских конунгах», созданы в Исландии.

Условные обозначения:

Дв — сага о древних временах; Ис — историческое сочинение; Кс — королевская сага; Рс — родовая сага; Рыц — рыцарская сага; по рук. — датировка по рукописи.

[17] По «Кругу Земному» Снорри Стурлусона. Русский перевод: *Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подг. А.Я.Гуревич, Ю.К.Кузьменко, О.А.Смирницкая, М.И.Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 97–167.

[18] Там же. С. 167–378.

Продолжение табл. 1

Название	*Жанр, вид*	*Время создания*	*Основные рукописи*	*№*
Haralds saga Sigurðarsonar Сага о Харальде Сигурдарсоне (Сага о Харальде Суровом[19])	Кс	1220–1230 гг.	"	13
Magnússona saga Сага о сыновьях Магнуса[20] иначе: (Saga Sigurðar, Eysteins ok Ólafs Сага о Сигурде, Эйстейне и Олаве; Saga Sigurðar Jórsalafara Сага о Сигурде Крестоносце)	Кс	1220–1230 гг.	" AM 45 fol (Codex Frisianus)	14
Magnúss saga Erlingssonar Сага о Магнусе Эрлингссоне[21]	Кс	1220–1230 гг.	"	15
Bjarnar saga Hítdœlakappa Сага о Бьёрне, Победителе из Хитдаля	Рс	до 1230 г.	AM 162 F, fol. AM 551 d α, 4to AM 157 b, fol.	16
Þiðriks saga af Bern Сага о Тидреке Бернском	Дв?	ок. 1250 г.	GKS 4 fol.	17
Hervarar saga ok Heiðreks konungs Сага о Хервёр и конунге Хейдреке	Дв	ок. 1250 г.	AM 544 4to GKS 2845 4to	18
Knytlinga saga Сага о Кнютлингах	Кс	конец 1250-х гг.	AM 20 b I, fol. AM 180 b, fol.	19
Hákonar saga Hákonarson Сага о Хаконе Хаконарсоне	Кс	1264–1265 гг.	AM 47 fol. AM 45 fol. GKS 1005 fol.	20
Völsunga saga Сага о Вёлсунгах	Дв	1260–1279 гг.	NKS 1824 b 4to	21
Sögubrot af fornkonungum Фрагмент о древних конунгах	?	вторая половина XIII в.	AM 1 e β I fol.	22
Gautreks saga Сага о Гаутреке	Дв	конец XIII в.	AM 152 fol.	23
Hrólfs saga Gautrekssonar Сага о Хрольве Гаутрекссоне	Дв	конец XIII в.	AM 152 fol. AM 590 b-c 4to	24
Þorsteins þáttr Bæjarmagns Прядь о Торстейне Хуторском Силаче	Дв	конец XIII в.	AM 510 4to Rask 32 fol.	25

[19] Там же. С. 402–464.
[20] В русском переводе: Сага о сыновьях Магнуса Голоногого // Там же. С. 481–500.
[21] Там же. С. 553–578.

Продолжение табл. 1

Название	*Жанр, вид*	*Время создания*	*Основные рукописи*	*№*
Eymundar þáttr Прядь об Эймунде	Кс	конец XIII в.	GKS 1005 fol.	26
Hrafnkels saga Freysgoða Сага о Хравнкеле годи Фрейра	Рс	конец XIII в.	AM 162 I, fol. AM 551c 4to AM 156 fol. AM 158 fol.	27
Svaða þáttr ok Arnórs kerlinganefs Прядь о Свади и Арноре Старушечьем Носе	Рс	XIII в.	GKS 1005 fol.	28
Qrvar-Odds saga Сага об Одде Стреле	Дв	конец XIII — начало XIV в.	SKB 7 4to AM 344a 4to AM 343 4to AM 471 4to AM 173 fol.	29
Sturlaugs saga starfsama Yngolfssonar Сага о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне	Дв	ок. 1300 г.	FV 335 4to AM 567 XXI 4to	30
Göngu-Hrólfs saga Сага о Хрольве Пешеходе	Дв	начало XIV в.	AM 152 fol. GKS 2845 4to	31
Bosa saga ok Herrauðs Сага о Боси и Херрауде	Дв	середина XIV в.	AM 586 4to AM 343f 4to AM 510 4to AM 577 4to	32
Hálfdanar saga Eysteinssonar Сага о Хальвдане Эйстейнссоне	Дв	середина XIV в.	AM 343a 4to	33
Sörla þáttr Прядь о Сёрли	Дв	XIV в. (по рук.)	GKS 1005 fol.	34
Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков	Дв	XIV в.	AM 343a 4to AM 557 4to AM 589e 4to	35

Из таблицы следует, что первая информация о русских правителях фиксируется уже в конце XII в., в наиболее ранних сохранившихся на древнеисландском языке текстах. В этот период, который характеризуется интересом к собственно историческим жанрам[22], она включена

[22] См.: *Andersson T.* Kings' Sagas // Old-Norse–Icelandic Literature. A Critical Guide / C.J.Clover and J.Lindow. Ithaca; London, 1985 (Islandica XLV). Обзор жанровой системы

в исторические сочинения и королевские саги, а также в одну сагу, обычно причисляемую к сагам о древних временах, — «Сагу об Ингваре Путешественнике»[23]. Малочисленность источников, отмеченных в это время, безусловно, связана прежде всего с тем, что это был лишь начальный период создания произведений древнеисландской литературы на родном языке. Немаловажную роль здесь сыграл и фактор сохранности рукописей: от этого времени рукописей дошло немного, значительная часть текстов могла быть утрачена. В это время сведения о Руси фиксируются в письменности не только Исландии, но и Норвегии — второго после Исландии центра создания произведений на древнеисландском языке.

С начала XIII в. число произведений, в которые включена информация о «конунгах Руси», стремительно нарастает. Рукописи, созданные в это время, дошли до нас уже в лучшей сохранности и в большем количестве. Это период расцвета древнеисландской письменной культуры, «век саги», жанра, отразившего период раннего средневековья Скандинавских стран, когда связи между Русью и Скандинавией были особенно тесными. Сведения о Руси оказываются включенными практически во все жанры древнеисландской литературы и почти все виды саг, за исключением саг о епископах, содержание которых отличается сюжетным своеобразием и в большинстве своем исключает возможность освоения информации подобного рода. Преобладающее количество памятников, упоминающих «русских» правителей, создается в Исландии. Небольшое число произведений, к которым безусловно относится «Сага о Тидреке Бернском», принадлежит норвежской традиции. Следует также отметить, что наряду с Исландией и Норвегией — странами западноскандинавского ареала — интерес к Руси существовал и в восточноскандинавском регионе, в частности на острове Готланд, где было создано единственное сохранившееся до нашего времени происходящее с востока Скандинавии раннее историческое сочинение «Сага о гутах», также содержащее упоминание о русских правителях. Позднее были написаны «Шведские рифмованные хроники»[24], изоби-

---

древнескандинавской литературы см.: *Schier K.* Sagaliteratur. Stuttgart, 1970; *Глазырина Г.В. Джаксон Т.Н. Мельникова Е.А.* Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е.А.Мельникова. М., 1999. С. 412–444; и др.

[23] Изолированное положение «Саги об Ингваре Путешественнике» среди ряда сугубо исторических сочинений позволяет лишний раз напомнить о том, что о времени ее возникновения на древнеисландском языке мы не имеем точных данных. Считается, что она была написана на латыни монахом Оддом Сноррасоном в 70–80-х годах XII в. или несколько позже, а впоследствии, возможно на рубеже XII–XIII вв., был выполнен ее перевод. Соответственно, неизвестен состав текста оригинального памятника, объем и характер переработки при переводе.

[24] На русском языке опубликован перевод первой из них: Хроника Эрика / Пер. А.Ю.Желтухина. Научн. ред. А.А.Сванидзе. Выборг, 1994.

лующие восточноевропейскими сюжетами. Впрочем, в связи с отсутствием раннесредневековых письменных источников трудно судить о широте интереса к этим сюжетам в Швеции. Относительно интереса к ним в Норвегии картина, как кажется, более очевидная. Приведенные в таблице материалы ясно указывают, что после появления в Норвегии первой рыцарской «Саги о Тристраме и Исодд», а затем перевода со старофранцузского ряда произведений на древнеисландский язык и обработки их по принципам саги около 1250 г. в Норвегии перестают интересоваться данной темой. В Исландии же, которая с этого момента становится единственным северным центром, где не ослабевает интерес к Руси, создаются все новые произведения, включающие «восточные» сюжеты, однако заметно меняется характер материала, что связано с переменой литературных интересов и художественных вкусов в исландском обществе. На смену историческим сочинениям и королевским сагам, отличающимся известной строгостью в изложении исторических фактов, приходят другие произведения, в частности создается большое число саг о древних временах и рыцарских саг, которые продолжают доминировать и в XIV в.

В этой связи особняком выступает «Прядь об Эймунде» — одно из немногих произведений древнеисландской письменности, действие в котором происходит исключительно на Руси. Причисленная исследователями к королевским сагам, «Прядь об Эймунде» сохранилась только в одной редакции в единственной рукописи, поэтому определение времени создания произведения вызывает существенные затруднения. Общая картина развития интереса к историческим сюжетам, связанным с Русью, а также тенденция фиксации этой информации в определенных жанрах древнеисландских памятников и в определенное время позволяют поставить вопрос о пересмотре датировки этого произведения и отнести его к более раннему времени, по крайней мере не позднее середины XIII в. Эта условная дата определяется снижением интереса к «серьезным жанрам» — таким, как исторические сочинения и королевские саги, — и все большей переориентацией читателя и слушателя на «легкие жанры» — саги о древних временах и рыцарские саги, авторы которых включают в свои произведения исторические сюжеты, существенно перерабатывая их, либо используют «восточные» мотивы для создания определенного исторического фона в своих произведениях.

Суммируя сказанное выше и определяя значимые для нашей темы источники, следует отметить, что из всего обширного и разнообразного корпуса древнескандинавских историко-литературных прозаических памятников фиксируют информацию о русских правителях историографические и исторические сочинения, королевские, родовые,

рыцарские саги и саги о древних временах, а также пряди — краткие прозаические произведения.

В публикуемую ниже *табл. 2* включен перечень имен персонажей, названных «правителями» Руси.

Таблица 2[25]

Название	*Время создания*	*Имена конунгов*	*№*
Исторические сочинения			
Landnámabók Книга о Заселении страны	конец XII в.	*Burisláfr* konungr ór Görðum	2
Hversu Noregr byggðist Как была заселена Норвегия	конец XII — начало XIII в.	*Sigtrygg* Austrvegs konungr	5
Guta saga Сага о гутах	первая четверть XIII в.	*Ierzlafr* í Hulmgarþr	8
Sögubrot af fornkonungum Фрагмент о древних конунгах	вторая половина XIII в.	*Raðbarðr* konungr í Garðaríki; í Austrríki	22
Королевские саги			
Ágrip af noregs konungasögum Обзор саг о норвежских конунгах	конец XII в.	*Jaritláfr* í Austrvegi	1
Saga Ólafs konungs Tryggvasonar af Oddi múnk Сага об Олаве Трюггвасоне монаха Одда	ок. 1190 г.	*Valldamarr* konungr í Garðaríki; Garða konungr; *Vissivaldr* Austruegs konungr; *Jarizleifr* konungr	4
Orkneyinga saga Сага об оркнейцах	конец XII — начало XIII в.	*Iarizleifr* í Garðaríki	6
Færeyinga saga Сага о фарерцах	1200–1220 гг.	*Valldamarr* í Garðar	7
Ynglinga saga Сага об Инглингах	1220–1230 гг.	*Óðinn*; *Ívarr viðfaðmi*	10
Óláfs saga Tryggvasonar Сага об Олаве Трюггвасоне	1220–1230 гг.	*Valdamarr* konungr af Hólmgarði; *Vissavaldr* ór Garðaríki; *Eirikr* jarl í Aldeigjuborg	11

[25] Материалы сгруппированы по жанрам памятников. Имена правителей даны курсивом и приведены в тех вариантах написания, в которых они включены в тексты.

Название	*Время создания*	*Имена конунгов*	*№*
Óláfs saga helga Сага об Олаве Святом	1220–1230 гг.	*Eirík* Emundsson; *Jarizleifr* konungr ór Hólmgarði; *Rögnvaldr* jarl af Aldeigjuborg; *Óláfr Tryggvasson* í Garðaríki	12
Haralds saga Sigurðarsonar Сага о Харальде Сигурдарсоне (Сага о Харальде Суровом)	1220–1230 гг.	*Jarizleifr* konungr í Garðaríki	13
Magnússona saga Сага о сыновьях Магнуса иначе: (Saga Sigurðar, Eysteins ok Ólafs Сага о Сигурде, Эйстейне и Олаве; Saga Sigurðar Jórsalafara Сага о Сигурде Крестоносце)	1220–1230 гг.	*Haralldr Valldimarsson* austan ór Hólmgarði sonar Jarizlefs gamla; *Jarizleifr* gamli	14
Magnúss saga Erlingssonar Сага о Магнусе Эрлингссоне	1220–1230 гг.	*Haraldr* konungr ór Görðum austan; *Valdamarr Jarizleifsson*	15
Knytlinga saga Сага о Кнютлингах	конец 1250-х гг.	*Valdamar Jarizleifsson* *Valdimarsson* konungr í Hólmgarði; *Haraldr Valdamarsson* konungr í Hólmgarði; *Jarizleifr* konungr ór Hólmgarði	19
Hákonar saga Hákonarson Сага о Хаконе Хаконарсоне	1264–1265 гг.	*Alexandr* konungr af Holmgarþi; Holmgarþz konungr; *Andres* konungr af Sursdaulum broðir Alexandri	20
Eymundar þáttr Прядь об Эймунде	конец XIII в.	*Valdimarr* konungr austan ór Garðaríki; *Búrizlafr* í Kænugarði; *Jarizleifr* í Hólmgarði; *Vartilafr* í Palteskja; *Vartilafr* í Kænugarði; *Eymundr* í Palteskja; *Rögnvaldr Úlfssonar* jarl yfir Aldeigjuborgi	26

Продолжение табл. 2

Название	*Время создания*	*Имена конунгов*	*№*
Саги об исландцах			
Bjarnar saga Hítdœlakappa Сага о Бьёрне, Победителе из Хитдаля	до 1230 г.	*Valdimar* konungr í Garðaríki	16
Hrafnkels saga Freysgoða Сага о Хравнкеле годи Фрейра	конец XIII в.	Garðskonungr[26]	27
Svaða þáttr ok Arnórs kerlinganefs Прядь о Свади и Арноре Старушечьем Носе	XIII в.	*Burizláfr* konungr ó Görðum	28
Саги о древних временах			
Yngvars saga víðfǫrla Сага об Ингваре Путешественнике	ок. 1180 г.	fylkiskongr austan ur Garðaríki[27]; *Jarizleifur*; *Burizleifur*; *Silkisif* í Austrvegi; *Svein Ingvarsson* í Austrvegi	3
Þiðreks saga af Bern Сага о Тидреке Бернском	ок. 1250 г.	*Hœrtnið* konongr af Ruscialande i Austrríki; *Hirðer* bróðir Hærtniðs; *Osanctrix* í Villcina land; *Valldemarr* (Walldimarr) konungr í Ruscia land ok Pulerna land, konungr ruzi manna, konungr í mikla Ruzi; konungr af Hólmgarði; *Ilias/Iron* jarl igrecia; Jron jarl broðir Valldemars konungs; Jron jarl hofðingja i ruzilandi; *Þiðrek Valldemarrson*; *Runi* konungr af Austrríki	17
Hervarar saga ok Heiðreks konungs Сага о Хервёр и конунге Хейдреке	ок. 1250 г.	*Siglami* konungr í Garðaríki; *Arngrímr* konungr í Garðaríki; Garðakonungr; *Ívar inn víðfaðmi* í Austrríki; *Hvítserkr Ragnarsson* í Austrríki; *Bjartmar* jarl í Aldeio borg	18

[26] Имя правителя в источнике отсутствует.

[27] Имя правителя в источнике отсутствует. Возможную интерпретацию см.: *Глазырина Г.В.* О русско-шведском брачном союзе конца X века // ВЕДС 1998. С. 16–21.

Продолжение табл. 2

Название	*Время создания*	*Имена конунгов*	*№*
Völsunga saga Сага о Вёлсунгах	1260–1279 гг.	*Jarisleifr*	21
Sögubrot af fornkonungum Фрагмент о древних конунгах	вторая половина XIII в.	*Raðbarðr* konungr í Garðaríki; í Austrríki	22
Gautreks saga Сага о Гаутреке	конец XIII в.	*Sisarr* konungr ór Kænugarði	23
Hrólfs saga Gautrekssonar Сага о Хрольве Гаутрекссоне	конец XIII в.	*Hálfdan* konungr; *Ketill* konungr í Garðaríki	24
Þorsteins þáttr Bæjarmagns Прядь о Торстейне Хуторском Силаче	конец XIII в.	*Óttarr* jarl af Hólmgarðum	25
Qrvar-Odds saga Сага об Одде Стреле	конец XIII — начало XIV в.	*Herrauðr* konungr í Garðaríki; *Oddr* konungr í Garðaríki; *Kvillanus* (*Blesi*) konungr í Hólmgarðar; *Marró* konungr í Móramar, land í Garðaríki; *Ráðstafr* konungr í Ráðstofa; *Eddval* konungr í Súrsdal; *Hólmgeirr* konungr í Hólmgarði; *Paltes* konungr í Palteskjuborg; *Kœnmarr* í Kœnugörðum; *Silkisif* drottning í Garðaríki	29
Sturlaugs saga starfsama Yngolfssonar Сага о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне	ок. 1300 г.	*Raundolfr* konungr Biarma; *Styrlaugr* í Bjármalandi, í Aldeigjuborgi; *Ynguar* konungr j Gordum austr, í Aldeigjuborgi; *Dagr* konungr í Garðalandi; *Franmarr* konungr af Aldeigjuborgi	30
Göngu-Hrólfs saga Сага о Хрольве Пешеходе	начало XIV в.	*Hreggviðr* konungr í Garðaríki; *Grímr ægir* í Ermlandi; *Hrólfr* konungr í Garðaríki	31
Bosa saga ok Herrauðs Сага о Боси и Херрауде	середина XIV в.	*Hárekr* konungr í Bjarmalandi	32

Продолжение табл. 2

Название	*Время создания*	*Имена конунгов*	*№*
Hálfdanar saga Eysteinssonar Сага о Хальвдане Эйстейнссоне	середина XIV в.	*Hergeirr* konungr í Aldeigjuborg; *Eisteinn* konungr í Aldeigjuborg; *Skúli* jarl í Álaborg ok jarlsríki því, sem þar lá til, konungr í Garðaríki; *Úlfkell* jarl í Álaborg; *Ísgerðr* drottning í Aldeigjuborg; *Hárekr* konungr á Bjarmalandi; *Hálfdan* konungr á Bjarmalandi	33
Sörla þáttr Прядь о Сёрли	XIV в. (по рук.)	*Högni* konungr í Austrvegi	34
Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков	XIV в.	*Hertrygg* konungr af Rússía	35
Рыцарские саги			
Tristrams saga ok Ísoddar Сага о Тристраме и Исодд	1226 г.	*Elemmie* konungr af Hólmgarþi; *Seran*; *Desixtus*	9

Согласно оценкам исследователей, общепринятым в современной историографии, перечисленные жанры неравноценны по своей исторической достоверности. Введенное еще на первых этапах изучения древнеисландского письменного наследия деление на исторические и неисторические жанры остается актуальным и ныне. Действительно, сочинения, в которых излагается средневековый взгляд на историю Скандинавских стран, существенно отличаются по своей сюжетике и художественным особенностям от поздних саг, в частности, саг о древних временах и рыцарских. Однако до сих пор не поставлен вопрос о том, на каком уровне проявляются эти различия.

Информация о Древней Руси в северных памятниках не является в них главной. Она привлекалась авторами саг в связи с необходимостью точнее описать происходившие с их героями события, имевшие место на Руси или связанные с Русью. Вследствие этого неизбежно должен быть поставлен вопрос о том, откуда черпались те сведения, которые включались в тексты. Ясно, что на более позднем этапе создания произведений, т.е. во второй половине XIII и XIV в., авторы вновь создаваемых сочинений обладали огромным письменным фон-

дом, основываясь на котором они могли заново описывать сходные эпизоды или просто копировать их. Труднее однозначно ответить на вопрос, каким материалом обладали авторы первых исторических трудов и саг, созданных в конце XII — первой половине XIII в. Существенным подспорьем для них являлись ставшие известными к тому времени в Исландии сочинения континентальных авторов, в первую очередь труды Адама Бременского и датчанина Саксона Грамматика, содержавшие пространный круг свидетельств по истории Восточной Европы и Древней Руси. Однако содержащиеся в них сведения не всегда имеют параллели в собственно исландских сочинениях, где многочисленные сюжеты, касающиеся Руси, излагают иную, чем в указанных континентальных источниках, информацию. Остается признать, что для скандинавского, в частности, исландского автора, в особенности на первом этапе создания литературной традиции, важнейшим источником поступления информации являлась устная традиция, сохранявшая определенный набор устойчивых сюжетов и связанных с ними персоналий. Русские князья упоминаются в северных источниках весьма избирательно: рассказывается лишь о тех из них, правление которых приходится на ранний период русской истории, характеризующийся тесными связями между Русью и Скандинавией. К этому краткому ряду относятся: Олег, Игорь, Владимир, Ярослав. Сюжеты, в которые введены эти персонажи, находят параллели в произведениях русского фольклора и летописных сказаниях, построенных на основе устных легенд (например, сказании о Вещем Олеге, былинах о Владимире), и западноевропейских эпических произведениях (немецкий эпос), что указывает на первичное их бытование в устной традиции.

С.Л.Никольский (Москва)

О ХАРАКТЕРЕ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В КРОВНОЙ МЕСТИ (Скандинавия и Древняя Русь)

Автор этой статьи придерживался распространенной точки зрения, что так называемая Древнейшая Правда, первый письменный памятник права периода становления государства в Древней Руси, полностью обходит вниманием права и обязанности женской части свободного населения[1] Однако Д.Ю.Арапов справедливо указал, что это мнение ошибочно, по крайней мере в одном случае: первая статья Древнейшей Правды оговаривает возможность участия в кровной мести племянника убитого по женской линии. Таким образом, по закону женщина (сестра убитого) имеет право произвести на свет потенциального мстителя, быть как бы «донором» важнейшего архаического обычая традиционного общества[2] Это косвенное упоминание в правовом памятнике, в остальных случаях игнорирующем права и обязанности свободной женщины, позволяет вновь поднять вопрос о разнохарактерности ее участия в кровной мести, а также о том, как это участие было отражено в разного рода источниках.

Типологическое сходство развития Древней Руси и Скандинавских стран в раннем средневековье позволяет при недостатке письменных источников, особенно древнерусских, обратиться к сопоставительному анализу роли женщины в кровной мести в обоих регионах. Представляется, что лучше освещенный как правовыми, так и нарративными источниками скандинавский материал может прояснить некоторые аспекты участия женщины в кровной мести и в древнерусском регионе. Я вполне осознаю во многом принципиальное отличие источников права обоих регионов и серьезную разницу в характере информации, заключенной в древнерусском летописании, с одной стороны, и в скандинавских сагах — с другой. Поэтому в рамках краткой статьи не

[1] *Никольский С.Л.* Развитие права в эпоху становления государственности (Древняя Русь и Скандинавия). Автореф. канд. дис. М., 2000. С. 10.

[2] Мнение высказано Д.Ю.Араповым в отзыве на мой автореферат.

© С.Л.Никольский, 2001

ставится задача выявить общие закономерности, свойственные институту кровной мести в условиях становления государства, или же его местные особенности. Скорее существует возможность проследить, как характер письменного источника влияет на выбор ракурса, в котором отражена роль женщины в кровной мести: месть за женщину; месть женщины; месть женщине.

а) Месть за убийство и другие преступления против женщин входила в круг обязанностей родичей-мужчин. Такое положение зафиксировано и в древнерусском, и в древнескандинавском праве.

В русском законодательстве отдельная статья, устанавливающая наказание за убийство свободной женщины, появляется лишь в Пространной Правде: «Аще кто убиеть жену, то тем же судомь судити, яко же и мужа; аще будеть виноват, то пол виры 20 гривен»[3] Таким образом, полувирье в случае гибели женщины указывает на ее неравное юридическое положение по сравнению с мужчиной. В письменном русском праве мы застаем уже систему денежной компенсации убийства женщины. Тем не менее до юридической отмены кровной мести мщение за родственницу, видимо, было таким же естественным явлением, как и кровная месть за убитого родича мужского пола.

Это предположение подтверждает рассказ Повести временных лет под 1071 г. о событиях на Белом озере, когда Ян Вышатич принял решение о послесудебном мщении за убитых волхвами женщин. Процедура наказания близка по своей сути к норме Древнейшей Правды. Убитые женщины приходились близкими родственницами людям, совершившим расправу над преступниками. На вопрос Яна те отвечают: «„Мне мати, другому сестра, иному роженье“. Онъ же рече имъ: „Мьстите своихъ“. Они же поимше, убиша я и повесиша я на дубе...»[4]. Названные степени родства соотносимы с перечнями мужчин, за которых мстили по Краткой и Пространной Правдам: мать (отец), сестра (брат), дочь (сын)[5] Таким образом, есть основания полагать, что кровная месть за женщину, являясь органичной частью обычного права, бытовала в народной среде. Однако специфика первого законодательного сборника (Древнейшей Правды) исключала возможность ее письменной фиксации. Мы располагаем лишь сведениями о послесудебной мести в рамках летописного рассказа о дейст-

[3] Русская Правда Пространной редакции // Памятники русского права / А.А.Зимин. М., 1952. Т. 1. С. 117. Ст. 88.

[4] Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С.Лихачева; под ред. В.П.Адриановой-Перетц. 2-е изд. подг. М.Б.Свердлов. СПб., 1996. С. 77.

[5] Памятники русского права. Т. 1. С. 77, 108.

виях княжеского представителя, использующего кровную месть в государственных интересах.

Кроме того, на Руси многие разновидности преступлений против женщин (оскорбления, изнасилования, побои и прелюбодеяния), в обычном праве требовавшие отмщения, ко времени оформления письменного законодательства уже подлежали церковному суду[6] Поэтому в источниках нашла отражение скорее церковная шкала ценностей, чем реакция родственников на обиду.

В Скандинавии, напротив, наказание за вышеперечисленные виды преступлений находилось в сфере светского права и осуществлялось родичами пострадавшей.

Порядок наказания за убийство женщины зафиксирован в скандинавских судебниках и, как правило, идентичен реакции на убийство мужчины. Так, норвежские «Законы Гулатинга» (*Gulaþings-Lov*, сохранились в редакции середины XII в.) гласят: «Если мужчина убьет женщину, он должен быть объявлен вне закона, как если бы он убил мужчину»[7] По исландскому судебнику «Серый гусь» (*Grágás*, сохранился в рукописях второй половины XIII в., но письменная фиксация права началась еще в начале XII в.): «Объявлением вне закона карается всякий, кто убьет мужчину или женщину любого возраста»[8] Впрочем, до вынесения дела об убийстве на альтинг преступника могла ждать законная месть[9].

Норвежские областные законы Фростатинга (*Frostaþings-Lov*, основной текст ныне существует в списке, составленном в 70-х гг. XII в., и дополнен позднейшими вставками) называют семь женщин, за которых родственник имеет законное право мстить: жену, мать, дочь, сестру, падчерицу, жену сына и жену брата[10] С незначительными изменениями этот список повторяется в законах Гулатинга, но уже в более конкретном случае: родич имеет право убить человека, вступившего в любовную связь с его женой, сестрой, матерью, мачехой, женой брата или женой сына. Чрезвычайно важно, что преступление против родственницы расценивается как оскорбление всей семьи в целом. Статья упоминает, что за приведенных в перечне женщин

---

[6] Устав князя Ярослава о церковных судах. Краткая редакция. Ст. 3, 25, 31 // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 168–169.

[7] The Earliest Norwegian Laws, Being the Gulathing Law and the Frostathing Law / Tr. by L.W.Lasson. New York, 1935. (Далее: Gul. — The Gulathing Law; Fr. — The Frostathing Law). P. 132.

[8] Laws of Early Iceland: *Grágás*. The Codex Regius of Grágás with Material from Other Manuscripts / Ed. and tr. by A.Dennis, P.Foote, R.Perkins. Winnipeg, 1980. (Далее — Gr.). P. 220 (дополнения по Staðarhólsbók).

[9] Gr. 86. P. 141.

[10] Fr. IV, 39. P. 273.

мужчина уполномочен мстить и в случае других правонарушений[11] «Серый гусь» упоминает шестерых женщин, защищая честь которых мужчина вправе убить преступника на месте, — это жена, дочь, мать, сестра, воспитанница и воспитательница[12]

Материал исландских саг «вторит» правовым источникам, привнося, однако, красочные подробности. Любопытен пример из «Саги о Ньяле». Тьёстольв с Гебридских островов — воспитатель Халльгерд, дочери Хёскульда, — дважды мстит за нанесенные ей побои и оскорбления, причем объектами мщения каждый раз становятся ее мужья. Однако в первом случае он действует с ее согласия, а во втором — руководствуется сугубо личными представлениями об обязанностях перед воспитанницей. Реакция самой Халльгерд на действия Тьёстольва также различна. В первом случае она поощряет его, во втором — посылает на смерть от руки своего родственника. В саге специально оговаривается характер нанесенных ей обид: кровавая рана в первом случае и легкий удар во втором[13] Тем не менее перед нами ситуация, когда оценка оскорбления и реакция на него со стороны близких не вполне совпадают с намерениями самой пострадавшей. Думается, что не последнюю роль здесь играют такие субъективные факторы, как характер персонажа («О нем [Тьёстольве] говорили, что не ему исправлять нрав Халльгерд»)[14], а значит, налицо авторское переосмысление права женщины быть отмщенной или иллюстрированного выше «пассивного» участия женщин в кровной мести.

б) Женщина как активная мстительница не фигурирует в правовых источниках Древней Руси и Скандинавии, т.е., очевидно, не обладает правом мстить собственноручно. Нарративные источники обоих регионов, напротив, содержат сюжеты, где женщина выступает мстительницей за своих ближайших родичей.

В раннем русском летописании два таких рассказа: о мести княгини Ольги за убитого древлянами Игоря и о попытке Рогнеды отомстить Владимиру за отца и братьев. Оба, как отмечала Е.А.Рыдзевская, принадлежат в большей или меньшей степени к устному народному творчеству, синтезируя фольклорные мотивы, реминисценции исторических событий и летописную обработку, и, что немаловажно, имеют аналогии в скандинавском материале[15] Однако для нас наиболее интересным представляется именно различие этих двух сюжетов.

---

[11] Gul. 160. P. 132.

[12] Gr. 90. P. 154.

[13] Сага о Ньяле // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 180, 190.

[14] Там же. С. 177.

[15] *Рыдзевская Е.А.* К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С. 194–202, 209–217.

Многократная месть Ольги древлянам имеет скрытый мифологическо-ритуальный смысл. По словам Н.Л.Пушкаревой, княгиня, руководствуясь принципами кровной мести, придала наказанию «государственно-ритуальный характер»[16]. Месть в данном случае осуществляется не лично Ольгой, а по ее указанию ее приближенными и подданными. Также и в скандинавских нарративных источниках женщина, наделенная властью, часто действует руками своих слуг и рабов. Только в «Саге об Инглингах» встречается несколько таких сюжетов. Так, Агни, сын Дага, был повешен на собственной шейной гривне людьми Скьяльв, дочери Фрости, мстившей жениху за убийство ее отца[17] Гудрёд, сын Хальвдана, был убит рабом собственной жены Асы (которую он пленил в Агдире, прежде умертвив ее отца Харальда Рыжебородого)[18]. Во всех перечисленных случаях месть справедлива и удачна.

Напротив, когда женщина вынуждена действовать собственноручно, она, в представлении автора (и, может быть, современников), чаще всего обречена на неудачу. Выясняя происхождение летописного предания о Рогнеде, Е.А.Рыдзевская сравнивает его с некоторыми сюжетами скандинавских саг. Самое близкое сходство она видит в «Саге об Олаве Трюггвасоне». Дочь убитого Олавом Ярнскегги, Гудрун, в первую же брачную ночь безуспешно пытается зарезать мужа. Е.А.Рыдзевская, обратив внимание на удивительную схожесть по форме изложения русского и скандинавского преданий, усмотрела в данном случае следы проникновения русского предания в Норвегию и в связи с этим появление в саге подробностей, сближавших ее с русской летописной традицией[19] Однако это не означает, что сюжет о неудавшейся мести женщины не существовал в Скандинавии и независимо от русского влияния. Например, в «Саге о Гисли» сестра Гисли пытается отомстить убийце брата, но также тщетно[20] В «Саге о Хёрде и островитянах» Торбьёрг сперва на сходе во всеуслышание заявляет: «Я убью сама или велю убить всякого, кто убьет Хёрда, моего брата». А затем, решив действовать, самостоятельно (и неудачно) мстит за брата собственному мужу: «Когда Индриди и Торбьёрг легли вечером в постель, Торбьёрг выхватила большой нож и пыталась зарезать Индриди, своего мужа, но он перехватил нож и при этом сильно поранил себе руку»[21]

---

[16] *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 13.

[17] *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. Изд. подг. А.Я.Гуревич, Ю.К.Кузьменко, О.А.Смирницкая, М.И.Стеблин-Каменский. М., 1995. С. 20.

[18] Там же. С. 36.

[19] *Рыдзевская Е.А.* К вопросу об устных преданиях. С. 211–212.

[20] Сага о Гисли // Исландские саги. Ирландский эпос. С. 79.

[21] Сага о Хёрде и островитянах // Исландские саги. Ирландский эпос. С. 489, 496.

И в этой уверенности в неспособности женщины собственноручно совершить месть саги вновь приходят в созвучие с правовыми источниками. «Серый гусь» категорически запрещает женщине вести дело об убийстве, быть *aðili*[22], поскольку, по определению, данному в другой части сборника, *aðili* — это тот, кто имеет право мстить за убийство[23] Наконец, поскольку законные мстители в иных ситуациях являлись основными получателями выкупа, среди последних, как и среди плательщиков основной компенсации за убийство, должны были присутствовать лишь мужчины[24]

В «Законах Гулатинга» существует, однако, норма, в соответствии с которой жена сама начинает тяжбу об убийстве мужа при отсутствии поблизости родственников мужского пола, способных в первый же день взять на себя ведение дел[25]. А в «Законах Фростатинга» женщина даже могла в исключительной ситуации быть главной получательницей выкупа за убитого родича. А.Я.Гуревич отметил, что девушка получала и, соответственно, платила часть выкупа, если она являлась единственным ребенком своего отца (т.е. у него не имелось сыновей и прямых наследников мужского пола) и не была замужем[26] Практически идентичная норма есть и в судебнике «Серый гусь»[27] Тем не менее во всех указанных случаях меры эти, очевидно, носят вынужденный характер.

Скандинавские источники демонстрируют, что женщины передавали полномочия на защиту своих интересов мужчинам, связанным с ними узами кровного родства. По выражению У.Миллера, «сама женщина, как правило, не являлась активным юридическим лицом, ее правовой и имущественный статус, а также безопасность зависели от мужчин. Женщине приходилось действовать через них, и она требовала от них поддержания собственного достоинства и твердости в решениях, щепетильно относясь к их правам и репутации»[28]

Это высказывание парадоксальным образом иллюстрируется не только правовым материалом, но и явлением, лежащим вне правовой плоскости и никак не отразившимся в сборниках права. Речь идет о

---

[22] Gr. 335/24–26. P. 216.

[23] Gr. 86. P. 141.

[24] *Никольский С.Л.* Наследование и кровная месть (По материалам раннесредневековой Скандинавии) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т.Пашуто. М., 1999. С. 203.

[25] Gul. 151. P. 128.

[26] Fr. VI, 4. P. 258; *Гуревич А.Я.* Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга) // Средние века. VIII. 1956. С. 74.

[27] Gr. 113. P. 181.

[28] *Miller W.I.* Bloodtaking and Peacemaking. Feud, Law and Society in Saga Iceland. Chicago; London, 1990. P. 212.

чрезвычайно распространенном сюжете в скандинавских сагах — «подстрекательстве» женщиной своих родственников-мужчин к исполнению кровной мести. При этом не имеет значения, пострадала ли она от посягательства на ее честь и достоинство, или жертвой стал кто-либо из мужской половины семейства. По мнению Д.Джоенс, этот сюжет следует рассматривать как привнесенный под влиянием христианства, спровоцированный отрицательным отношением к женщине как изначально греховному существу: «...властная исландская героиня родовой саги мало похожа на реальную женщину, и, значит, ее следует отнести к области мужского вымысла»[29] Не углубляясь в тему о влиянии христианства на древние правовые институты, отметим лишь, как правило, положительное, даже идеализированное отношение к кровной мести в исландских сагах. Как древнерусский, так и скандинавский материал демонстрирует, что христианское учение на первых порах не могло существенно повлиять на старую родовую традицию. Примечательно, что, нападая на семейство Ньяля, его враги сетуют лишь на то, что им придется поджечь дом: «...мы берем большой грех на душу, ведь мы христиане»[30] Таким образом, персонажей-христиан (и, по-видимому, автора саги) смущает не столько акт мести, сколько поджог, считавшийся тяжким преступлением и независимо от христианской морали. Человек, осуществивший справедливую месть, не осуждается, но, наоборот, приобретает авторитет и уважение. Женщина, подстрекавшая к подобным действиям, не могла восприниматься как носительница зла ни язычниками, ни христианами. Поэтому в той же «Саге о Ньяле» следует различать, с одной стороны, злонамеренное подстрекательство нищенок, привлекаемое в качестве примера Д.Джоенс, а с другой — поведение Бергторы, жены Ньяля, подстрекавшей своих родственников «законным подстрекательством»[31]

Наконец, если вспомнить мотив подстрекательства со стороны старика Торарина из «Саги о Торстейне Битом», а также его последующую неудачную месть за якобы убитого сына («Бьярни пошел к его постели и взял старого Торарина за руку. Тут он обнаружил, что тот нащупал меч и хочет его ударить...»[32]), становится очевидным, что перед нами излюбленный сюжетный ход. Такие персонажи, как мать Барда из «Саги о битве на Хейде», укорявшая его за то, что он медлит отомстить и позорит свой род[33], и многие другие — женщины, пеку-

---

[29] *Jochens J.M.* The Medieval Icelandic Heroine // Viator. XVII. 1986. P. 49–50.

[30] Сага о Ньяле. С. 361.

[31] Там же. С. 316.

[32] Сага о Торстейне Битом // Исландские саги. Ирландский эпос. С. 137.

[33] Heiðarviga Saga // ÍF. 1938. Bd. III. S. 276–277.

щиеся о достоинстве семьи, косвенным образом участвующие в исполнении кровной мести. Столь широкое распространение и настойчивое повторение данного сюжета служит идеализированной интерпретацией правового статуса женщины, подчеркивает ее полноправное положение в системе кровнородственных отношений.

в) О женщине как объекте мщения древнерусские источники умалчивают. В скандинавских сагах женщины тоже, как правило, исключаются из сферы действия кровной мести. Так, враги семейства Ньяля предпочитают выпустить женщин и домочадцев из горящего дома, отделяя их от главного объекта мщения — его сыновей[34]

Показательно, кому предлагается беспрепятственно выйти из дома после поджога:

— всем работникам и домочадцам: они не являются родственниками сыновей Ньяля и не обязаны мстить за них;

— самому Ньялю: он стар, немощен и не рассматривается как потенциальный мститель. По крайней мере, Ньяль отказывается спасти свою жизнь, мотивируя свой поступок именно этими обстоятельствами[35];

— всем женщинам, независимо от того, находятся ли они в родственных связях с семьей Ньяля или нет: думается, что и здесь не последнюю роль играет отсутствие у них возможности самим отомстить обидчикам.

Изложенные выше предположения отчасти подкрепляются заметным беспокойством поджигателей из-за бегства Кари, сына Сёльмунда и зятя сыновей Ньяля; ведь тот факт, что он скрылся, «не обещает мира» убийцам[36] По мнению М.И.Стеблин-Каменского, в кровной мести «чувство долга выступало, так сказать, в чистом виде. Таким образом, убийство из мести вовсе не было проявлением жестокости, тем более, что оно, как правило, было аналогично честному и открытому бою: убитым мог быть только мужчина, но не женщина или ребенок...»[37] Последнее может иметь и другое объяснение: женщина не являлась объектом мщения, поскольку сама не могла отомстить. Логично было бы заключить, что существовавший строгий параллелизм в выплате и принятии выкупа проявлялся и в случае с местью. Именно потенциальный мститель в иных обстоятельствах являлся объектом мщения.

Однако областные законы Скандинавии демонстрируют нам парадоксальную ситуацию: женщина, в силу ряда причин не рассматривавшаяся в обычном праве как потенциальный мститель, тем не менее

---

[34] Сага о Ньяле. С. 362.

[35] Там же. С. 363.

[36] Там же. С. 366.

[37] *Стеблин-Каменский М.И.* Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 116.

была объектом мести. Наиболее прямолинейно постановление в «Законах Фростатинга»: «Если женщина убьет мужчину, его родственники имеют право убить ее, если хотят, в том случае, если она не покинет страну в течение 5 дней летом и полумесяца зимой»[38] «Законы Гулатинга», ограничивая самостоятельность преступницы, обнаруживают схожую норму: «...если женщина убьет мужчину, она должна быть объявлена вне закона, и ее родственники должны увезти ее из страны...»[39] «Серый гусь», предусматривая объявление женщины вне закона за убийство или ранение[40], оговаривает, что мужчина не имеет права убить женщину с ребенком в утробе, даже если она собственными действиями лишила себя неприкосновенности или была объявлена вне закона[41]

Таким образом, можно выделить некоторые закономерности в отражении характера участия женщин в кровной мести по различным источникам Скандинавии и Древней Руси:

1) право женщины быть отмщенной так или иначе зафиксировано в законодательных памятниках обоих регионов и подтверждено нарративными источниками;

2) женщина-мстительница отсутствует в праве, но этот образ активно используется в нарративных памятниках;

3) месть женщине, по-видимому, обыденное явление в правовой практике, но она категорически исключается из повествования саг.

Все три сюжета, рассматриваемые в комплексе, позволяют предположить, что на реальный правовой статус женщины во всех текстах накладываются отголоски родовых представлений о кровной мести как о священном долге, связывающем весь семейный коллектив. В то же время в сагах мы постоянно имеем дело с авторской интерпретацией этих древних представлений, часто идеализированных и клишированных.

---

[38] Fr. IV, 33. P. 271.
[39] Gul. 159. P. 132.
[40] Gr. 350. P. 220.
[41] Gr. 95. P. 159.

И.Г.Коновалова (Москва)

СОСТАВ РАССКАЗА ОБ «ОСТРОВЕ РУСОВ» В СОЧИНЕНИЯХ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ АВТОРОВ X–XVI вв.*

Рассказ об «острове русов» является первым в средневековой арабо-персидской литературе связным описанием места обитания, занятий и обычаев русов, а также их контактов со славянами и другими народами Восточной Европы. Различные версии этого рассказа дошли до нас в составе сочинений целого ряда арабских и персидских авторов X–XIV вв.: Ибн Русте, Мутаххара ал-Макдиси, Гардизи, ал-Бакри, ал-Марвази, Ахмада Туси, Наджиба Хамадани, Фахр ад-дина Мубаракшаха, Мухаммада Ауфи, Закарийи ал-Казвини, Ибн Са'ида ал-Магриби, Абу-л-Фиды, Шамс ад-дина ад-Димашки, а также персидских анонимов, составивших сочинения «Худуд ал-'алам» («Пределы мира», ок. 982 г.) и «Муджмал ат-таварих» («Собрание историй», 1126 г.). Извлечения из этих материалов имеются также у более поздних компиляторов, среди которых новые данные встречаются лишь у Мирхонда (XV в.) и Ибн Ийаса (XVI в.).

Не все сообщения перечисленных авторов равноценны с точки зрения содержания и объема приводимой в них информации: хотя во всех версиях имеется целый ряд общих данных, у каждого автора есть и детали, отсутствующие в других сочинениях. Самой полной версией является рассказ Гардизи (середина XI в.). Наиболее древние, но не самые пространные и весьма слабо связанные между собой варианты рассказа сохранились в сочинении Ибн Русте (начало X в.) и в «Худуд ал-'алам». Те или иные сообщения об «острове русов» неоднократно переводились на русский язык; в 1965 г. наиболее важные из них были заново переведены и проанализированы А.П.Новосельцевым[1]

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 99-01-00216а «Древняя Русь и страны ислама (IX–XIII вв.)».

[1] Библиографию и переводы фрагментов см.: *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 372–

© И.Г.Коновалова, 2001

Споры о местонахождении «острова русов» породили огромную историографию, на которую к тому же определенное влияние оказала полемика между норманистами и их оппонентами. Востоковеды, за редким исключением, помещают его в северной части Восточной Европы — в районе Новгорода, Ладоги, Ростова и Ярославля или в Волго-Окском междуречье[2] К такому выводу их подталкивает не только анализ самих сообщений об «острове русов», но и вся совокупность ранних данных о русах в мусульманской литературе, указывающих на их северное происхождение. В пользу северного положения «острова русов» высказываются также многие историки Древней Руси и археологи, предлагающие и ряд других вариантов его локализации в пределах этого региона — Старую Руссу, острова Сааремаа и Рюген в Балтийском море, Карельский перешеек[3] Параллельно с точ-

---

383, 392–408 (в подборку включены тексты Ибн Русте, ал-Макдиси, Гардизи, ал-Марвази, Ауфи, Ибн Ийаса и отрывки из «Худуд ал-'алам» и «Муджмал ат-таварих»). См. также переводы: *Бартольд В.В.* Новое мусульманское известие о русских // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 806–807 (Ауфи); *Заходер Б.Н.* Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX–X вв. // *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 146–147 (ал-Марвази); *Коновалова И.Г* Сведения арабских авторов XII–XIV вв. о городе Русийа // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва, 12–14 апреля 1993 г. Тез. докл. М., 1993. С. 103–105 (Ибн Са'ид, Абу-л-Фида, ад-Димашки).

[2] *Fraehn H.* Ibn Foszlans und anderer araber Berichte über die Russen älterer Zeit. SPb., 1823. S. 47–50; Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омара Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского Музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А.Хвольсон. СПб., 1869. С. 99; *Куник А.А., Розен В.Р.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878–1903. Ч. 1–2; *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. Новая серия. 1908. Ч. 13. С. 364–412; Ч. 14. С. 1–52; *Смірнов П.* Волзьский шлях і стародавні руси. Київ, 1928. С. 119–123; *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 109–110; *Minorsky V.* A History of Sharvan and Darband in the 10th–11th Centuries. Cambridge, 1958. P. 109; *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1. С. 822–824; *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 402–408; *Калинина Т.М.* Древняя Русь и страны Востока в X в. Автореф. канд. дис. М., 1976. С. 12, 13, 20; *Golden P.B.* The Question of the Rus' Qağanate // AEMA. 1982. T. II. P. 87–97; *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 198; *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus. 750–1200. London; N.Y., 1996. P. 40–41; *Stang H.* The Naming of Russia. Oslo, 1996. P. 187–188; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Научн. ред., послесл. и коммент. В.Я.Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. С. 90.

[3] *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 56; *Трухачев Н.С.* Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X–XIII вв. // ДГ. 1980 год. М., 1982. С. 168–175; *Паранин В.И.* Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990. С. 116–117; *Вязинин И.Н.* «Русы живут на острове» // ВИ. 1994. № 9. С. 154–156; *Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь: Проблемы и идеи. М., 1998. С. 466.

кой зрения о местонахождении «острова русов» на севере в историографии высказываются и предположения о том, что поиски «острова» следует вести в южном направлении — в Киеве, в районе Кубанской дельты и в Приазовье в целом, в Крыму, в Северной Добрудже, на Каспии[4] Сторонники южной локализации, как правило, рассматривают данные об «острове русов» вне широкого контекста упоминаний о русах в арабо-персидских источниках IX–X вв., но при этом апеллируют к известиям авторов XIII–XIV вв., говорящих об островных русах в Приазовье.

Несмотря на давнюю традицию изучения, интерпретация сведений об «острове русов» (и, в частности, о местонахождении этого «острова») до сих пор относится к числу дискуссионных проблем. Характерно, однако, что увеличение количества версий локализации «острова русов» в историографии не сопровождалось поиском новых методических подходов к анализу информации источников. Практически все исследователи, сформулировавшие те или иные предположения относительно «острова русов», исходили и исходят из твердой уверенности в том, что арабо-персидские авторы, повествуя об «острове русов», описывают некий *реальный географический объект* в пределах Восточно-Европейской равнины и омывающих ее морей — будь то остров (или группа островов), полуостров (ибо арабское слово *джазира* допускает и такой перевод), город с подвластной ему округой или область, расположенная в междуречье крупных рек. Соответственно, одним из основных направлений исследования становится поиск либо такого объекта, который более или менее отвечал бы имеющимся в мусульманских источниках данным о географическом положении и размерах «острова», его населении, климате, полезных ископаемых и т.п., либо «островного» топонима, вроде древнескандинавского наименования Новгорода Hólmgarðr. А поскольку информация об «острове русов» не лишена противоречий, то аргументация в пользу той или иной интерпретации сообщений арабо-персидских

---

[4] *Чертков А.Д.* О Белобережье и семи островах, на которых, по словам Димешки, жили Руссы, разбойники, с картою Freduce d'Ancona, где назначены их притоны, в IX–XI столетиях, на Черном и Азовском морях. СПб., 1845. С. 43–69; *Гаркави А.Я.* Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды Археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. II. С. 242–248; *Насонов А.Н.* Тмуторокань в истории Восточной Европы X в. // ИЗ. 1940. Т. 6. С. 81; *Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven, 1943. P. 278–286; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 342–358; *Иеромонах Никон.* Начало христианства на Руси // ВИ. 1990. № 6. С. 50; *Трубачев О.Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993. С. 28–29; *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в.: Принятие христианства. 2-е изд. М., 1998. С. 124–128; *Седов В.В.* У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 69.

авторов неизбежно опирается лишь на отдельные сведения источников, оставляя без внимания прочие.

Следствием такого подхода является сосуществование в историографии двух прямо противоположных оценок степени достоверности данных об «острове русов». С одной стороны, в рассказах мусульманских авторов находят поддающиеся идентификации сведения, вплоть до «точных топографических деталей», на основе которых даже делаются попытки реконструкции карты «острова»[5], с другой — обвиняют арабо-персидских ученых в пристрастии к «сказочной экзотике» и желании «поразить читателя курьезами», которые в значительной мере девальвируют приводимую ими информацию и тем самым освобождают исследователя от необходимости искать ей объяснение[6] Любопытно, что при этом одна и та же признаваемая достоверной деталь описания может с равным успехом использоваться в качестве доказательства при локализации «острова русов» в самых разных концах Восточной Европы. Так, например, указание источников на заболоченную почву и сырой климат «острова» рассматривается как убедительное свидетельство местонахождения этого объекта и в Новгородской земле, и на Тамани, а также в Крыму, Северной Добрудже и на острове Рюген.

Подобная методика, с одной стороны, неоправданно расширяет район возможной локализации «острова русов», с другой же — в значительной степени подрывает доказательность той или иной гипотезы, так как сведения источников, не находящие объяснения в ее рамках, всегда могут быть предъявлены в качестве контраргумента. В результате каждая новая появляющаяся в историографии версия приближает нас к истине лишь в том смысле, что делает все более и более очевидной *сложность состава* сообщений об «острове русов» и — соответственно — выдвигает на первый план задачу выявления источников информации повествующих о нем арабо-персидских авторов.

Ни один из мусульманских авторов, сообщающих об «острове русов», источников своей информации о русах не раскрывает. Все предположения, высказанные в историографии по этому вопросу, сделаны на основе сопоставления сохранившихся вариантов общего описания северных народов, в составе которого рассказ об «острове русов» и появляется в большинстве источников. Отличаясь в деталях у разных авторов, это описание имеет довольно четкую структуру и характери-

---

[5] *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь. С. 342–358 (на с. 345 помещена карта «острова русов»); *Трухачев Н.С.* Попытка локализации Прибалтийской Руси. С. 172; *Трубачев О.Н.* К истокам Руси. С. 29; *Вязинин И.Н.* «Русы живут на острове». С. 156.

[6] *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. С. 198–199; *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus. P. 40; *Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Росский каганат. С. 465.

зует в определенной последовательности следующие народы: печенегов, хазар, буртасов, булгар, венгров, славян (*сакалиба*), русов, жителей Сарира, аланов. Источниковедческий анализ различных версий описания северных народов привел исследователей к выводу о том, что они восходят к одному общему источнику, который был условно назван «Анонимной запиской». Считается, что «Анонимная записка» могла быть составлена во второй половине (точнее, в последней четверти) IX в. и, по всей вероятности, входила в состав не дошедших до нас арабских сочинений — полной редакции «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран») Ибн Хордадбеха (вторая половина IX в.) или одноименного труда ал-Джайхани (начало X в.)[7]

Не говоря уже о том, что гипотеза о существовании «Анонимной записки», по крайней мере на сегодняшний день, не поддается верификации — из-за отсутствия как предполагаемой оригинальной версии рассказа об «острове русов», так и каких-либо списков труда ал-Джайхани и полной редакции сочинения Ибн Хордадбеха, — она и в принципе мало что может дать для конкретного исследования тех известий об «острове русов», которыми мы располагаем. Ссылка на «Анонимную записку» как на первоисточник всех сообщений об «острове русов», в сущности, не отвечает на вопрос о происхождении этих сведений, ибо мы не имеем информации ни о времени, ни о месте, ни об обстоятельствах создания этого гипотетического источника. У «Записки» был неизвестный нам автор, составлявший ее с определенными целями, ввиду которых он вел поиск и отбор данных о северных народах. Таким образом, «Анонимная записка», в свою очередь, сама опиралась на какие-то источники, так или иначе подлежащие выявлению.

Кроме того, признавая сообщения «Анонимной записки» древнейшим комплексом сведений о восточноевропейских народах в арабоперсидской литературе, исследователи склонны рассматривать те новые детали, которые имеются в разных версиях рассказа об «острове русов», как позднейшие дополнения к основному тексту «Записки». Однако из того факта, что «Анонимная записка» является *первым* всесторонним и систематизированным описанием русов, пришедшим на смену отдельным разрозненным свидетельствам о Восточной Европе у мусульманских авторов IX в., отнюдь не следует, что она вобрала в себя *все* известия о восточноевропейских народах, бытовавшие в арабском мире на момент ее создания. Напротив, сама упорядоченность сообщений «Записки» как раз свидетельствует о том, что ее автор проявлял интерес лишь к определенного рода данным. В част-

[7] Об «Анонимной записке» см.: *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. T. II. Cz. 2. S. 11–17 (там же приведена литература вопроса).

ности, по наблюдениям В.М.Бейлиса, автор «Записки» обращал специальное внимание на прерогативы и титулатуру владык описываемых им народов[8] Учитывая такое избирательное отношение составителя «Записки» к информации, мы вправе с достаточной степенью уверенности предполагать, что целый ряд современных «Анонимной записке», но не включенных в ее состав данных мог сохраниться в сочинениях более поздних авторов. Это тем более вероятно, если принять во внимание тот устойчивый интерес, который вызывал рассказ об «острове русов» у мусульманских авторов на протяжении X–XVII вв. Возможность появления «и в очень позднее время вариантов, до этого неизвестных» предполагал Б.Н.Заходер, указавший, в частности, на сообщение Наджиба Хамадани (конец XII в.), где присутствуют уникальные данные о флоре и фауне «острова русов»[9] Отсюда следует, что для выявления источников сведений об «острове русов» необходимо подвергнуть анализу все дошедшие до нас версии рассказа, не ограничиваясь самыми ранними, в которых текст «Анонимной записки» отразился в наибольшей мере.

В составе рассказа об «острове русов» выделяется несколько пластов тематически разнородной информации: это, во-первых, сообщения о географическом положении, размерах, климате, природных богатствах и людских ресурсах земли русов; во-вторых, сведения о происхождении русов и обстоятельствах их появления на «острове»; в-третьих, известия этнографического плана (черты характера, внешность, одежда, обычаи, религия русов); наконец, данные о социальной организации русов и функциях их верховного правителя, а также о сфере деятельности русов и их взаимоотношениях с соседними народами[10]. Все эти сюжеты весьма неравномерно представлены в тех или иных вариантах рассказа. Скажем, если сообщения о размерах и климате «острова», о занятиях и обычаях русов встречаются, пусть и с разной степенью подробности, у многих авторов, то данные о языке и происхождении русов, об их появлении на «острове» — единичны.

Такая тематическая пестрота могла сложиться только в результате обращения к нескольким (или даже многим) источникам информации[11]

---

[8] *Бейлис В.М.* Арабские авторы IX — первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 142.

[9] *Заходер Б.Н.* Каспийский свод. С. 80; *Hammer J.* Sur les origines russes. SPb., 1825. P. 101 (перс. яз.), 37 (франц. пер.).

[10] См. тематическую подборку известий о русах в мусульманских источниках Б.Н.Заходера, хотя по охвату материала источников она выходит за рамки анализируемого рассказа об «острове русов» (*Заходер Б.Н.* Каспийский свод. С. 77–107).

[11] На это указывал еще А.Я.Гаркави: *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870. С. 268, 270.

Использование данных из целого ряда источников, в свою очередь, с неизбежностью должно было привести к тому, что в рамках одного рассказа переплетались сведения, восходящие к разным отрезкам времени. На это обстоятельство обратил внимание Б.Н.Заходер, полагавший, что «легенда об островной территории русов имеет какое-то касательство к самым древнейшим представлениям о Восточной Европе, где библейские сказания смешались с легендами позднейших времен»[12]. В подтверждение он сослался на данные персидского историка Мирхонда (вторая половина XV в.), относившего поселение русов на «острове» ко времени разделения земли между сыновьями Йафета и писавшего о том, что свой «остров» Рус получил в подарок от Хазара[13] К этому же хронологическому срезу Б.Н.Заходер относил и сообщение восточных источников о титуле верховного правителя русов — кагане (араб. *хакан*), которое он датировал временем не позднее 839 г., когда о кагане (*chacanus*) народа «Рос» упоминается в Бертинских анналах[14] Если связь сведений мусульманских авторов о кагане русов с наиболее древним пластом информации в рассказе об «острове русов» представляется нам сомнительной, то высказанная Б.Н.Заходером идея о хронологической многослойности рассказа, безусловно, заслуживает дальнейшего развития.

Вышеупомянутое сообщение Мирхонда, действительно, восходит к кругу старейших известий рассказа, которые с наибольшей полнотой сохранились в другом, более раннем источнике — анонимном персоязычном сочинении «Муджмал ат-таварих» (1126 г.). Его автор проявлял повышенный интерес к этногенетическим легендам о восточноевропейских народах, что уже само по себе предполагало обращение к таким древнейшим источникам, как мифо-эпическая традиция. Если в сочинениях, генетически связанных с «Анонимной запиской», дается описание живущих на «острове» русов, но ничего не говорится об их предыстории, то в «Муджмал ат-таварих» содержатся сведения о том, каким образом русы поселились на «острове»: «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе. Остров не большой и не маленький, с

---

[12] *Заходер Б.Н.* Каспийский свод. С. 80.

[13] *Hammer J.* Sur les origines russes. 114 (перс. яз.), 55 (франц. пер.).

[14] *Заходер Б.Н.* Каспийский свод. С. 80–81. О кагане русов в Бертинских анналах см.: Annales de Saint-Bertin / F.Grat, J.Veillard, S.Clémencet. Paris, 1964. P. 30–31; *Коновалова И.Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней руси // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. С. 108–135.

болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался»[15] В этом же источнике повествуется и об отношениях русов и славян: «*...И Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил*, что это место тесное [для нас двоих]. Такой же ответ дали Кимари и Хазар. Между ними началась ссора и сражение, и Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян»[16]

Как видно, перед нами фольклорное предание, где главными действующими лицами являются культурные герои-эпонимы — Рус, Хазар, Славянин. О древности источников, использованных составителем «Муджмал ат-таварих» для рассказа о народах Восточной Европы, свидетельствует и упоминание в одном контексте с русами героев иранской эпической традиции. Говоря об «острове русов», автор «Муджмал ат-таварих» замечает: «Место то лесистое и труднодоступное, и никогда ни один человек не достигал того места, разве что Гуштасф[17] по приказу отца своего Лехрасфа в то время, когда Кей-Хосров[18] его послал к хазарам и аланам»[19] Этот «иранский» контекст рассказа об «острове русов» далеко не случаен, ибо наряду с другими источниками персоязычный аноним опирался на иранскую мифоэпическую традицию. Последняя была необычайно популярна в государстве Саманидов[20], возводивших свою официальную родословную к сасанидским царям, и достигла своего наивысшего воплощения в эпической поэме Фирдоуси «Шах-наме» (начало XI в.). Ономастика, этно- и топонимика рассказа об «острове русов» в «Муджмал ат-таварих» имеют многочисленные параллели в «Шах-наме», где, в част-

---

[15] Муджмал ат-таварих ва-л-кисас / М. Бехар. Тегеран, 1939. С. 101 (перс. яз.); русский перевод цит. по: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 401.

[16] Муджмал ат-таварих. С. 203; *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 391.

[17] Образ царя Гуштаспа в иранской мифологии и эпосе восходит к авестийскому Виштаспе, провозгласившему зороастризм религией Ирана; традиция приписывает Гуштаспу военные победы над Хазарией (*Брагинский И.С.* Гуштасп // Мифологический словарь. М., 1990. С. 165).

[18] Кей-Хосров — царь из полулегендарной династии иранских царей Кейянидов, в сказание о жизни которого, по всей вероятности, могли быть включены события из жизни Хосрова I Ануширвана (531–579). См.: *Брагинский И.Б.* Кай Хусроу // Мифологический словарь. С. 267–268; *Лелеков Л.А.* Кейяниды // Там же. С. 279–280; *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972. С. 62–63, 315–316.

[19] Муджмал ат-таварих. С. 101–102; *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 401.

[20] Саманиды (819–1005) — иранская династия правителей Мавараннахра со столицей в Бухаре (Мавараннахр — арабское наименование междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, букв. «то, что за рекой», «Заречье»). В X в. государство Саманидов помимо Мавараннахра включало также Хорезм (историческая область в нижнем течении Аму-Дарьи), Хорасан (историческая область, охватывавшая юг Средней Азии, северо-восток Ирана и северную часть Афганистана) и Систан с Гурганом (основная территория совр. Афганистана).

ности, говорится о походах сасанидских царей в края аланов, а также об отношениях, которые поддерживали иранцы с восточноевропейскими народами: аланами, хазарами, славянами, русами, буртасами[21].

Стоит отметить, что анонимный автор «Муджмал ат-таварих» был не единственным, кто упоминал о русах в связи с повествованием о событиях, имевших место задолго до IX в. У целого ряда персидских историков X–XV вв. русы фигурируют в рассказах о военных столкновениях, разыгрывавшихся на Кавказе в эпоху Сасанидов. Так, писавший по-арабски иранский филолог и историк ас-Са'алиби (961–1038) в своем сочинении «Китаб ал-гурар ахбар ал-мулук ал-фарси васийарухум» («Лучшее из жизнеописаний персидских царей и известий о них»), рассказывая о постройке Хосровом I Ануширваном Дербентской стены, среди враждебных персам северных народов упоминает наряду с турками и хазарами русов[22] Другой автор, прикаспийский историк Захир ад-дин Мар'аши, составивший во второй половине XV в. «Тарих-е Табаристан ва Руйан ва Мазандаран» («Историю Табаристана, Руйана и Мазандарана»), также помещает русов в VI в. где-то к северу от Кавказа[23] Еще одно раннее упоминание о русах принадлежит саманидскому вазиру Мухаммаду Бал'ами, который в 60-х годах X в. перевел на персидский язык «Историю пророков и царей» («Та'рих ар-русул ва-л-мулук») арабского ученого и богослова начала X в. ат-Табари, значительно переработав это сочинение. Интересующее нас известие Бал'ами связано с событиями 643 г., когда подступившие к Дербенту арабы заключили соглашение с правителем Дербента, по которому тот освобождался от уплаты дани, взамен чего брал на себя обязательство охранять Дербентский проход от воинственных северных народов, в числе которых названы русы[24]. Кроме персидских историков, о русах в связи с событиями VI–VII вв., не говоря уже о более раннем времени, никакие иные авторы не сообщают[25]

---

[21] См., к примеру: *Фирдоуси.* Шахнаме / Пер. Ц.Б.Лахути, В.Г.Берзнева. М., 1989. Т. 6. С. 54, 145, 461, 467, 469, 489.

[22] *Abou Mansur 'Abd al-Malik ibn Mohammad ibn Isma'il al-Tha'alibi.* Histoire des Rois des Perses / Texte arabe publié et traduit par H.Zotenberg. Paris, 1890. С. 611 (араб. яз.).

[23] Sehir-eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masandaran / B.Dorn. SPb., 1850. С. 38 (перс. яз.).

[24] *Мухаммад Бал'ами.* Тарих-е Табари. Тегеран, 1958. Т. I. С. 336 (перс. яз.).

[25] О народе «рос» (*hros*) или «рус» (*hrus*), обитавшем далеко к северу от Кавказа, пишет сирийский автор VI в. Захария Ритор. См.: The syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mytilene / Ed. and transl. by T.J.Hamilton and E.W.Brooks. London, 1899. С. 215 (сир. яз.); *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 166 (рус. пер.). Однако явно легендарный характер описания представителей этого народа («мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей» и т.п.), а также упоминание их в

Таким образом, можно сказать, что древнейший пласт сведений в составе рассказа об «острове русов» восходит к персидским источникам, опиравшимся на местную мифо-эпическую и историческую традиции. Хотя дошедшие до нас исторические сочинения на персидском языке написаны не ранее X в., их создатели могли обращаться к произведениям более раннего времени, в частности к составленной при шаханшахе Йездигерде III (633–651) на пехлевийском языке «Книге о царях» («Хвадай-намак»), которая, не сохранившись в оригинале, бытовала в арабских версиях. Необходимо подчеркнуть, что из сказанного выше отнюдь не следует, будто информация о русах в указанных сочинениях действительно восходит к сасанидскому периоду, не говоря уже о более отдаленных временах. Вопрос о причинах ее включения авторами X–XV вв. в контекст древней иранской истории может стать темой отдельного исследования[26], нам же важно отметить, что именно в персидской традиции — и больше нигде — содержатся данные об обстоятельствах появления русов на «острове».

Основной пласт сведений рассказа об «острове русов», который, как правило, и является предметом историографического анализа, связан с описанием самого «острова», обычаев и занятий русов, а также их контактов с другими восточноевропейскими народами. Все эти данные принято рассматривать как составляющие общей картины, где сообщения одного мусульманского автора дополняются известиями другого. Однако на самом деле это единство мнимое, что нетрудно обнаружить, рассмотрев, какое место в структуре того или иного сочинения занимает рассказ об «острове русов». У целого ряда авторов изложение материала об «острове русов» имеет вполне самостоятельный характер — как, например, у Ибн Русте[27], Гардизи[28] или аноним-

---

одном ряду с амазонками, людьми-псами и другими народами-монстрами, обитающими на краю ойкумены, заставляет современных исследователей относить сообщение Захарии Ритора к области мифологии (*Thulin A.* The southern origin of the name Rus': Some remarks // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Uppsala, 1981. P. 178–183; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 42–48).

[26] Некоторые соображения на этот счет уже высказывались в литературе: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 362–365 (там же библиография вопроса); *Коновалова И.Г.* Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е.А.Мельникова. М., 1999. С. 202–204.

[27] BGA. 1892. T. VII. P. 145–147 (араб. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 397–398 (рус. пер.).

[28] Тарих-е Гардизи / А.Хабиби. Тегеран, 1984. С. 591–593 (перс. яз.); *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар> Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг.» // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 39 (перс. яз.), 60 (частичный пер. на рус. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 399–400 (рус. пер.).

ного составителя «Худуд ал-'алам»[29], ставивших перед собой задачу последовательно охарактеризовать известные им народы Евразии. У других же рассказ об «острове русов» выполняет, скорее, вспомогательные функции — так, для ал-Марвази (начало XII в.)[30], Мухаммада Ауфи (первая треть XIII в.)[31], а также для повторяющих их данные в сокращенном виде Шукруллаха ибн Шихаба[32] и Мухаммада Катиба[33] (оба — XV в.) описание жизни русов на «острове» служит своего рода предысторией для дальнейшего повествования о принятии русами сначала христианства, а затем ислама; в «Муджмал ат-таварих», как мы видели, данные об «острове русов» тесно переплетены с этногенеалогическими построениями автора.

Особняком стоят сообщения Ибн Са'ида ал-Магриби (вторая половина XIII в.), Абу-л-Фиды и Шамс ад-дина ад-Димашки (оба — первая треть XIV в.), в которых приводятся данные о русах-христианах, обитавших на островах Азовского моря. Поскольку сообщения этих трех авторов менее известны в отечественной литературе, чем данные Ибн Русте, Гардизи или «Худуд ал-'алам», приведем переводы соответствующих фрагментов. В сочинении Ибн Са'ида «Китаб баст ал-ард фит-тул ва-л-'ард» («Книга распространения земли в долготу и широту») после описания крымского города Судака помещено следующее известие: «К северу от него лежит вход из вышеупомянутого моря Ниташ в море Маниташ шириной около 30 миль и протяженностью с юга на север около 60 миль. Затем начинается море, расширяющееся с запада на восток [на расстояние] около двух и одной трети дня плавания, а с юга на север — около 160 миль. В нем есть острова, населенные русами, исповедующими сейчас христианскую веру. На севере этого моря [в него] впадает река, текущая из огромного озера Тума. На западном берегу этой реки лежит Русийа — главный город русов.

---

[29] Худуд ал-'алам мин ал-машрик ила ал-магриб / М.Сотуде. Тегеран, 1962. С. 188–189 (перс. яз.); Hudud al-'Alam: "The Regions of the World". A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D. / Transl. and explained by V.Minorsky. With the Preface by V.V.Barthold transl. from the Russian. London, 1937. P. 159; *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 399 (рус. пер.).

[30] Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks and India / Arabic text... by V.Minorsky. London, 1942. P. 23 (араб. яз.). Переводы на русский язык: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 400; *Заходер Б.Н.* Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах. С. 146–147.

[31] *Бартольд В.В.* Новое мусульманское известие о русских. С. 806 (перс. яз.), 806–807 (рус. пер.). Частичный перевод см. также: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 401.

[32] *Hammer J.* Sur les origines russes. P. 107–108 (араб. яз.), 48 (франц. пер.). Перепечатано в: *Бартольд В.В.* Новое мусульманское известие о русских. С. 809.

[33] *Hammer J.* Sur les origines russes. P. 124–125 (араб. яз.), 65–66 (франц. пер.). Перепечатано в: *Бартольд В.В.* Новое мусульманское известие о русских. С. 809.

Русы — многочисленный народ, выделяющийся своей силой среди храбрейших народов Аллаха. Долгота этого города составляет 57°32', а широта — 56°. На море Ниташ и Маниташ ему принадлежит множество неизвестных [нам] городов. К востоку от него находится огромное озеро Тума, длина которого с запада на восток около 630 миль, а ширина с западной стороны — около 300 миль»[34] Абу-л-Фида, давая описание города Русийа, вкратце повторяет сведения Ибн Са'ида[35], в то время как ад-Димашки приводит некоторые новые детали: «Русы называются по имени города Русийа, расположенного на северном берегу одноименного моря... Они населяют несколько островов в море Манитас и обладают военными судами, на которых ведут войну с хазарами. К ним (русам. — *И.К.*) приходят по рукаву, текущему в настоящее время от реки Атил. Когда они идут к главной части реки, то приходят по другому рукаву, текущему в Хазарское море, и нападают [там] на них (хазар. — *И.К.*)»[36] К сообщениям Ибн Са'ида, Абу-л-Фиды и ад-Димашки примыкают данные составленной ок. 1068 г. «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран») ал-Бакри, приписывающего нападения на испанские города островным русам из бассейна Черного моря[37]

В зависимости от целей, преследуемых тем или иным автором при включении известий о русах в свое сочинение, менялся и подбор приводимых сведений. Наиболее подробные и разносторонние сообщения о русах по понятным причинам содержатся там, где описание земли русов являлось самоцелью. Вместе с тем у Ибн Русте, Гардизи и в «Худуд ал-'алам» отсутствуют данные, которые можно найти только у авторов, упоминавших об «острове русов» попутно — например, о

---

[34] *Ibn Sa'id al-Magribi.* Libro de la extensión de la tierra en longitud y latitud / J.V.Gines. Tetuan, 1958. P. 136 (араб. яз.); *Коновалова И.Г* Сведения арабских авторов XII–XIV вв. о городе Русийа. С. 104 (рус. пер.). Ниташ (или Нитас) — искаженное неверной постановкой диакритических знаков слово «Бунтус», являющееся арабской передачей греческого наименования Черного моря «Понт» (Πόντος); араб. Маниташ (Манитас) — передача греческого названия Азовского моря «Меотида» (Μαιῶτις); Тума — искаженная форма названия озера Тирма, встречающегося в сочинении ал-Идриси, откуда Ибн Са'ид почерпнул сведения о городе Русийа, и у других авторов (о гидрониме «Тирма» и городе Русийа подробнее см.: *Коновалова И.Г* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 75–79, 163–164); *она же*. Город Росия/Русийа в XII в. // Византийские очерки: Труды российских ученых к XX Международному конгрессу византинистов / Г.Г.Литаврин, И.С.Чичуров. СПб., 2001. С. 128–140.

[35] Géographie d'Aboulféda: Texte arabe. Paris, 1840. P. 222–223 (араб. яз.); *Коновалова И.Г* Сведения арабских авторов XII–XIV вв. о городе Русийа. С. 104–105 (рус. пер.).

[36] Cosmographie de Chems-ed-Din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui: Texte arabe / M.A.F.Mehren. Leipzig, 1923. P. 262 (араб. яз.); *Коновалова И.Г.* Сведения арабских авторов XII–XIV вв. о городе Русийа. С. 105 (рус. пер.).

[37] Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik d'Abu 'Ubaid al-Bakri / A.P. Van Leeuween et A.Ferre. Tunis, 1992. T. 1. P. 178, 204–205 (араб. яз.).

разбойничьих походах на Каспий говорится лишь в связи с рассказом об обращении русов в ислам[38], а о войнах русов с хазарами и их нападениях на испанские города сообщается лишь применительно к обитателям «островов русов» на Черном и Азовском морях.

Если же иметь в виду тот географический ареал, где были созданы рассматриваемые сочинения, то окажется, что различные версии рассказа об «острове русов» бытовали в определенных регионах и в разные периоды времени. Так, наиболее существенные для нас сведения о социальной организации общества, титулатуре и функциях правителя «острова русов», а также почти все данные этнографического характера о русах содержатся у авторов X–XII вв., деятельность которых протекала в Иране и на сопредельных территориях, входивших в состав государств Саманидов и пришедших им на смену тюркских династий Газневидов, Караханидов и Сельджукидов, — Мавараннахре, Хорезме, Хорасане, Систане. Ибн Русте жил и работал в Исфахане (Восточный Иран). Ал-Макдиси, выполнявший просьбу саманидского вазира, составил свое сочинение в Систане (Буст). В Афганистане работали анонимный автор «Худуд ал-'алам» (Гузган) и Гардизи (Газна). Много путешествовавший и побывавший в том числе в Иране, Хорасане и Хорезме арабский географ Йакут (первая треть XIII в.) повествует об «острове русов», основываясь на материалах ал-Макдиси[39] К этому же источнику восходят и сообщения работавшего в Сирии и Ираке арабского ученого XIII в. Закарийи ал-Казвини[40] С Ираном и Средней Азией были связаны и оба автора, чьи сочинения, как предполагается, могли включать в себя оригинал «Анонимной записки»: Ибн Хордадбех, происходивший из знатного табаристанского рода, в течение ряда лет занимал высокий пост начальника почты в провинции Джибал[41], где он и собрал часть материала для своей книги, а ал-Джайхани создавал свой географический труд в Бухаре, при дворе саманидского эмира Насра II ибн Ахмада (914–943), вазиром которого он был.

О жизни русов на «острове» как о языческом периоде их истории, предшествовавшем обращению к монотеизму, пишут арабо-персид-

---

[38] Исключение составляет ал-Макдиси, который наряду с рассказом об «острове русов» упоминает и о захвате русами Барда'а. См.: Le livre de la création et de l'histoire de Motahhar b. Tahir el-Maqdisi attribué à Abou-Zéïd Ahmed b. Sahl el-Balkhi / Cl.Huart. Paris, 1911. T. IV. P. 66 (араб. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 398–399.

[39] Jacut's geographisches Wörterbuch / F.Wüstenfeld. Leipzig, 1870. T. II. S. 834 (араб. яз.).

[40] Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie: Die Denkmäler der Länder / F.Wüstenfeld. Göttingen, 1848. S. 393–394 (араб. яз.).

[41] Табаристан — прикаспийская область Ирана (совр. Мазандаран), Джибал — область на северо-западе Ирана.

ские авторы XII–XIII вв., выходцы из Средней Азии: ал-Марвази происходил из Мерва и служил придворным врачом у сельджукидских султанов, а Мухаммад Ауфи был уроженцем Бухары, провел молодость в Средней Азии и лишь затем переселился ко двору делийского эмира Илтутмиша (1210–1236).

Об «островах русов» в Черном и Азовском морях и столице русов городе Русийа говорят арабские авторы второй половины XI — первой трети XIV в. из Испании (ал-Бакри, Ибн Са'ид) и Сирии (Абу-л-Фида, ад-Димашки), т.е. из Средиземноморского региона.

Разумеется, фрагментарность дошедшего до нас материала заставляет подозревать, что реальная картина бытования сведений об «острове русов» могла быть и сложнее. Это хорошо видно на примере египетского ученого первой четверти XVI в. Ибн Ийаса, приводящего в своем географическом сочинении «Нашк ал-азхар фи гара'иб ал-актар» («Аромат цветов из диковинок округов») сразу два разных варианта рассказа о стране русов.

Один из них имеет параллели в рассмотренных выше сообщениях арабо-персидских авторов об «острове русов»: Ибн Ийас отмечает многочисленность русов, их соседство со славянами, укрепленный характер «острова», расположенного посреди озера; упомянут и царь (*малик*) русов, правда, не говорится о том, что он носит титул «каган»[42]. Одновременно у Ибн Ийаса присутствуют детали, совершенно не встречающиеся в рассказах об «острове русов» у иных авторов, но имеющие сходство со сведениями, сообщаемыми Ибн Фадланом. Так, Ибн Ийас говорит о золотом троне, на котором восседает царь русов в окружении сорока невольниц, окуривающих его благовониями[43]; только Ибн Ийас сообщает о цвете кожи и волос русов: «Народ этой земли светлокожий, русоволосый, высокого роста» (высокий рост русов отмечает также Ибн Русте)[44]. Кроме того, в составе рассказа об «острове русов» у Ибн Ийаса имеются и уникальные для данной группы источников свидетельства — об экспорте «желтой меди» из страны русов в Индию и Китай[45], а также о том, что русы,

---

[42] *Seippel A.* Rerum normannicarum fontes arabici. Christianiae, 1896. Fasc. I. P. 113 (араб. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 401–402 (рус. пер.).

[43] Рассказывая о царе русов, Ибн Фадлан пишет, что «престол его большой, усыпанный драгоценными камнями; с ним на престоле сидят сорок невольниц, обязанных стлать ему постель» (*Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 148).

[44] Ибн Фадлан, видевший русов своими глазами, так описывает свои впечатления: «Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом» (*Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана. С. 141).

[45] О русах в одном контексте с упоминанием об Индии и Китае говорит Фирдоуси, рассказывая о драгоценных дарах, преподнесенных Хосрову II Парвизу (591–628): «Из

причисляемые им к тюркским народам, говорят на никому не известном языке.

Второй вариант рассказа Ибн Ийаса о русах представляет собой контаминацию сведений из целого ряда источников[46]. Среди них, несомненно, были какие-то версии рассказа об «острове русов», откуда Ибн Ийас почерпнул сведения о многочисленности русов и наличии в их земле множества городов. Утверждение Ибн Ийаса о том, что «русы — большой народ из язычников, и нет у них закона, и нет у них царя, которому бы они повиновались; в земле их золотой рудник», почти дословно повторяет сообщение арабского энциклопедиста X в. ал-Мас'уди о русах, обитавших на берегах Черного моря: «В верхней части хазарской реки есть проток, вливающийся в залив моря Нитас — моря русов, по которому не плавают другие [племена], и они (русы) обосновались на одном из его берегов. Русы — громадное племя; они не подчиняются никакому царю и никакому закону. Среди них есть купцы, которые постоянно ездят к царю булгар. Русы имеют в своей земле серебряные копи, вроде тех, что находятся в горах Панджхир в Хорасане»[47] На изложение Ибн Ийаса, по всей вероятности, оказали влияние и популярные в арабо-персидской литературе с X в. известия о трех «группах» русов, откуда египетский ученый мог почерпнуть информацию о распространенной у русов ксенотонии — мотив, совершенно несвойственный всей серии рассказов об «острове русов», где, напротив, подчеркивается гостеприимство русов[48] Не исключено, что для характеристики земли русов Ибн Ийас воспользовался и более поздними источниками, в частности географическим

кладов отложенных первый — „Арус" — Чин с Хиндом копили, с буртасами рус» (*Фирдоуси.* Шахнаме. С. 489). О существовании в начале X в. торговых отношений между восточноевропейскими народами и Индией можно судить по сообщению Ибн Фадлана, который приводит рассказ о некоем торговце из Синда, обретавшемся в Булгаре (*Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана. С. 137).

[46] Chrestomathia arabica quam e libris mss. vel impressis rarioribus collectam / F.A.Arnold. Halis, 1853. T. I. P. 73 (араб. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 402 (рус. пер.).

[47] *Maçoudi.* Les prairies d'or / Texte et trad. C.Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863. T. II. P. 15 (араб. яз.); *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963. С. 196–197 (рус. пер.). О находившихся в стране русов серебряных копях говорит также путешественник первой трети XIV в. Ибн Баттута (*Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 303).

[48] Ибн Ийас: «В их страну не входит никто из чужестранцев, так как его убивают» (Chrestomathia arabica. P. 73; *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 402). Ср. со словами ал-Истахри о третьей «группе» русов: «Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю» (BGA. 1870. T. I. P. 225; пер. цит. по: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 411).

сочинением ал-Идриси (середина XII в.), где встречаются сходные детали в описании речных и морских путей Восточной Европы[49] Кроме того, к сведениям ал-Идриси могло восходить и представление Ибн Ийаса о больших расстояниях между городами Руси[50]

Отмеченные нами особенности циркуляции сведений об «острове русов» свидетельствуют о том, что данный рассказ о русах сформировался на основе нескольких источников информации, бытовавших в разных регионах мусульманского мира. Во всем корпусе известий об «острове русов» четко выделяются две основные традиции, восходящие к различным источникам: с одной стороны, это рассказы иранских и среднеазиатских ученых, приводящих сведения об обитателях «острова русов», жизнедеятельность которых была тесно связана с торговлей по Волге и Каспию, с другой — это сообщения средиземноморских авторов об островных русах на Черном и Азовском морях. Очевидно, что представители этих двух направлений должны были пользоваться разными каналами информации.

Весьма показательно, что топо- и гидронимика того и другого вариантов рассказа об «острове русов» совершенно различны. Ибн Русте

---

[49] Ибн Ийас: «Земля их (русов. — *И.К.*) окружена горами, и выходят из этих гор источники проточной воды, впадающие в большое озеро. В середине высокая гора, с юга ее выходит белая река, пробивающая себе путь через луга к конечному морю Мрака, затем текущая на север Русийи, затем поворачивающая в сторону запада и больше никуда не поворачивающая» (Chrestomathia arabica. P. 73; *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 402). Гора, расположенная в центре большого озера, и река, текущая посреди лугов, упоминаются ал-Идриси при описании озера Тирма: «Это очень большое озеро, а в середине его находится гора, на которой обитают знаменитые дикие козлы, а также животное, называемое бобром... Напротив его тыльной части, посреди лугов и лесов, лежат истоки реки Данабрис...» См.: *Al-Idrisi.* Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant» / Consilio et auctoritate E.Cerulli, F.Gabrieli, G.Levi Della Vida, L.Petech, G.Tucci. Una cum aliis ed. A.Bombaci, U.Rizzitano, R.Rubinacci, L.Veccia Vaglieri. Neapoli; Romae, 1978. Fasc. VIII. P. 957 (араб. яз.); *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 75. Упоминание Ибн Ийасом в одном контексте северной части Руси и моря Мрака, под которым средневековые арабо-персидские авторы подразумевали моря Северной Атлантики и Северного Ледовитого океана, характерно и для ал-Идриси: «Что касается западного края моря Мрака, то он граничит с северной [стороной страны] ар-Русийа, отклоняется в северном направлении, затем поворачивает на запад, а за этим поворотом уже нет никакого прохода [для мореплавателей]» (*Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 957; *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 73).

[50] Ибн Ийас: «Страна русов. Это большая и обширная земля, и в ней много городов. Между одним городом и другим большое расстояние» (Chrestomathia arabica. P. 73; *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 402). Ср. у ал-Идриси: «Что касается земли ар-Русийа, то это большая страна, но города [ее] невелики, а возделанные земли чередуются с необработанными. Расстояния между городами большие, а области изолированы [одна от другой]» (*Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 904; *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 124).

и Гардизи называют лишь два населенных пункта — Хазаран и Булгар[51], в «Худуд ал-'алам» в качестве южного рубежа земли русов упоминается река Рута (воплощающая представления персидского анонима сразу о нескольких реках Восточной Европы, точно идентифицировать которые пока не удается[52]), ал-Марвази говорит о Хазарском море как об объекте набегов русов[53], Ибн Ийас сообщает о торговых контактах с Индией и Китаем, а также о том, что северная часть Руси прилегает к морю Мрака. Таким образом, все географические названия, упоминаемые данной группой источников в связи с описанием «острова русов», не только не выходят за рамки Восточной Европы, но и довольно определенно указывают на восточное и юго-восточное направление внешних связей Руси. В сообщениях же авторов из Средиземноморского региона представлена совсем иная географическая номенклатура: город Русийа, моря Нитас и Манитас (Черное и Азовское), ал-Андалус (Испания), озеро Тума, два рукава реки Атил, один из которых течет в Черное море (т.е. Нижний Дон[54]), а другой впадает в Каспийское (Хазарское) море. Как видно, сведения этой группы источников отражают другой ареал внешней активности русов, связанный с бассейном Черного и Средиземного морей.

Между указанными вариантами рассказа об «острове русов» есть и еще одно существенное отличие. Иранские и среднеазиатские авторы неизменно упоминают о царе (*малик*) русов, а Ибн Русте, Гардизи и авторы «Худуд ал-'алам» и «Муджмал ат-таварих» даже приводят его титул — каган (*хакан*)[55], в то время как средиземноморские ученые ничего не сообщают об организации верховной власти у русов. На-

---

[51] BGA. T. VII. P. 145 (араб. яз.); Тарих-е Гардизи. С. 591–593 (перс. яз.); *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи>. С. 39 (перс. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 397, 399 (рус. пер.).

[52] Худуд ал-'алам. С. 188 (перс. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 399 (рус. пер.). Среди рек, сведения о которых могли оказать влияние на формирование представления о реке Руте, называют Оку, Дон, Дунай. О различных подходах к трактовке этого гидронима см.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 19–20; *Мишин Д.Е.* Географический свод «Худуд ал-алам» и его сведения о Восточной Европе // Славяноведение. 2000. № 2. С. 60–61.

[53] Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks and India. P. 23 (араб. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 400 (рус. пер.).

[54] Представление о связи реки Атил с бассейном Черного моря посредством ответвляющегося от нее рукава было широко распространено в средневековой арабо-персидской географии (подробнее см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 91–96).

[55] BGA. T. VII. P. 145 (араб. яз.); Тарих-е Гардизи. С. 591–593 (перс. яз.); *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи>. С. 39 (перс. яз.); Худуд ал-'алам. С. 188 (перс. яз.); Муджмал ат-таварих. С. 101–102 (перс. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 397, 399, 401 (рус. пер.).

против, в одной из версий рассказа у Ибн Ийаса, источники которой в какой-то мере связаны с западными областями мусульманского мира[56], говорится, что у русов нет ни закона, ни царя.

Наличие в описании «острова русов» двух направлений, восходящих к различным источникам информации, ставит нас перед необходимостью анализировать каждое из них в отдельности. Отсюда, в частности, следует, что предпринимаемые в историографии попытки обосновать южную локализацию того «острова русов», о котором пишут Ибн Русте, Гардизи и прочие авторы из Ирана и Средней Азии, ссылками на сообщения о причерноморских русах в источниках, принадлежащих к иной традиции, должны быть признаны некорректными.

В то же время нельзя полагать, будто обе группы источников никак не связаны между собой и содержат сведения разного времени: одна, возводимая к «Анонимной записке», — последней четверти IX в., а вторая, впервые представленная сочинением ал-Бакри, — XI в. Хотя об островных русах на Черном море, действительно, первым упоминает ал-Бакри[57], есть свидетельства того, что традиция помещения русов на северном побережье Черного моря имеет более древние корни. В подтверждение можно сослаться на цитированное выше сообщение арабского энциклопедиста середины X в. ал-Мас'уди о русах, которые, по его словам, фактически контролировали мореплавание в Азовском море. В другом месте своего сочинения ал-Мас'уди называет Русским и Черное море[58] Он также говорит о плаваниях, которые совершали русы в Константинополь и Испанию, где, по утверждению ученого, они нападали на город Севилью[59] Последнее сообщение ал-Мас'уди, как полагают его исследователи, восходит к материалам историка и географа второй половины IX в. ал-Йа'куби, рассказывавшего о нападении русов на Севилью в 844 г.[60] О морских походах русов в ал-Андалус есть данные и у Ибн Хаукала (X в.), знавшего омейядскую Испанию по личным впечатлениям[61] Можно полагать, что ал-Бакри, сообщая об «островном и корабельном» народе русов, обитавшем на побережье Черного моря, опирался на традицию, веро-

---

[56] Источники западного происхождения широко представлены в сочинениях ал-Мас'уди и ал-Идриси.

[57] Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik d'Abu 'Ubaid al-Bakri. P. 178, 204–205 (араб. яз.).

[58] *Maçoudi.* Les prairies d'or. T. II. P. 24–25 (араб. яз.); *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. С. 201 (рус. пер.).

[59] *Maçoudi.* Les prairies d'or. Paris, 1861. T. I. P. 364–365 (араб. яз.). См. комментарий данного сообщения: *Калинина Т.М.* Ал-Мас'уди о расселении русов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 16–22.

[60] BGA. T. VII. P. 354 (араб. яз.). О толковании этого известия в литературе см.: *Семенова Л.А.* Русы в «Книге стран» ал-Йа'куби (из истории изучения) // Арабский Восток. М., 1997. С. 118–134.

[61] BGA. 1938. T. II. P. 78 (араб. яз.).

ятно не менее древнюю, чем та, которую возводят к «Анонимной записке». В пользу этого говорит и упоминание у ад-Димашки о нападениях кораблей русов на хазар в низовьях Волги, что возвращает нас ко временам каспийских походов русов, первый из которых, как известно, состоялся еще во второй половине IX в.[62]

Если сообщения о набегах русов в Испанию и на хазар можно отнести к древнейшему пласту данных в рамках средиземноморской традиции описания «острова русов», то этого никак нельзя сказать об упоминаемом Ибн Са'идом, Абу-л-Фидой и ад-Димашки городе Русийа, который они считали главным городом русов. Город Русийа впервые в арабо-персидской литературе появляется у ал-Идриси, сообщающего о нем несколько раз (в составе черноморской лоции и в описании текущего в Черное море рукава Атила), что позволяет уверенно отождествить этот пункт с Керчью[63]

Таким образом, в составе известий об «острове русов» мы выделяем две традиции, сформировавшиеся примерно в одно и то же время (конец IX в.), письменная фиксация которых протекала по-разному ввиду того, что та или иная информация об «островных» русах циркулировала в пределах определенного региона; последнее, в свою очередь, было связано с тем, что каждая традиция отражала внешнюю активность русов на разных направлениях — юго-восточном (Нижняя Волга, Каспий, Ближний Восток) и юго-западном (Черное и Средиземное море).

Появление в арабо-персидской литературе рассказа об «острове русов» стало одним из результатов продвижения дотоле незнакомого арабам народа русов на Восток и Запад мусульманского мира. О топо- и гидронимике рассказа уже упоминалось: нетрудно заметить, что они целиком внешние по отношению к самому «острову русов» (за исключением города Русийа, но этот топоним был включен в состав рассказа не ранее второй половины XII в.). Описание «острова русов» лишено многих существенных деталей: авторам всех версий рассказа неизвестно ни название страны русов, ни наименование хотя бы одного их города, реки или горы; неизвестен язык русов; в среднеазиатской традиции рассказа не указано даже название того моря (или озера), в пределах которого находился «остров русов». Все конкретные данные, сообщаемые о русах, касаются организации их общества и верховной власти или являются сведениями этнографического толка (нравы, обычаи, одежда), которые мусульманские информаторы узнавали

---

[62] О русско-хазарских отношениях на Каспии см.: *Коновалова И.Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т.Пашуто. М., 1999. С. 111–120.

[63] *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 163–164.

либо от самих русов, доходивших с купеческими караванами до ближневосточных городов, либо от своих хазарских и булгарских контрагентов, поддерживавших торговые отношения с областями русов. Даже единственный арабский путешественник по Восточной Европе X в. Ибн Фадлан, видевший русов собственными глазами, встретился с ними в Булгаре, т.е. за пределами собственно русской территории. Можно сказать, что рассказ об «острове русов» — это первое, самое общее и потому лишенное реальных географических деталей описание места обитания русов, их страны, название которой было неизвестно арабам.

Обобщенным характером описания обусловлено то, что даже в составе одной традиции известий об «острове русов» можно обнаружить противоречивую информацию. Так, автор «Худуд ал-'алам», приводящий во многом сходные с Ибн Русте и Гардизи данные об «острове русов», тем не менее термином «остров» не пользуется, но пишет о «стране русов»[64] Последняя характеризуется им как «большая» страна, в то время как Ибн Русте (и более поздние авторы — Гардизи и ал-Марвази) сообщают о довольно скромных размерах «острова», простиравшегося, по их словам, на три дня пути в длину и ширину[65], а автор «Муджмал ат-таварих» весьма неопределенно говорит, что «остров не большой и не маленький»[66] Тем не менее, по свидетельству почти всех источников, говорящих об «острове русов», там имеется множество городов[67] С не раз встречающимися сведениями о сырости и заболоченности «острова русов»[68] диссонирует утвержде-

---

[64] Худуд ал-'алам. С. 188 (перс. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 399 (рус. пер.).

[65] BGA. T. VII. P. 145 (араб. яз.); Тарих-е Гардизи. Тегеран, 1984. С. 591–593 (перс. яз.); *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи>. С. 39 (перс. яз.); Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks and India. P. 23 (араб. яз.); *Бартольд В.В.* Новое мусульманское известие о русских. С. 806–807; *Hammer J.* Sur les origines russes. P. 108–109 (араб. яз.), 48 (франц. пер.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 397, 399, 400 (рус. пер.). Мухаммад Катиб говорит не о трех, а о 30 днях, но это явная ошибка переписчика: *Hammer J.* Sur les origines russes. P. 124 (араб. яз.), 65 (франц. пер.).

[66] Муджмал ат-таварих. С. 101–102 (перс. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 401 (рус. пер.).

[67] BGA. T. VII. P. 145 (араб. яз.); Тарих-е Гардизи. С. 591–593 (перс. яз.); *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи>. С. 39 (перс. яз.); Chrestomathia arabica. P. 73; *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 397, 400, 402 (рус. пер.).

[68] BGA. T. VII. P. 145 (араб. яз.); Le livre de la création et de l'histoire de Motahhar b. Tahir el-Maqdisi. P. 66 (араб. яз.); Тарих-е Гардизи. Тегеран, 1984. С. 591–593 (перс. яз.); *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи>. С. 39 (перс. яз.); Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks and India. P. 23 (араб. яз.); Муджмал ат-таварих. С. 101–102 (перс. яз.); *Бартольд В.В.* Новое мусульманское известие о русских. С. 806–807; *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 397–401 (рус. пер.).

ние Мирхонда о «хорошем климате», которым отличается земля русов[69]

Чуть ли не единственной конкретной подробностью географического плана, относящейся непосредственно к земле русов, является сам термин «остров», поиски которого стали своего рода навязчивой историографической идеей. Арабское слово *джазира* употребляется как физико-географический термин в значении «остров», «полуостров», «большой участок суши, окруженный водой» (например, ал-Джазирой называется область в междуречье Тигра и Евфрата). Для наименования водного пространства, окружающего «остров русов», в переводах на русский язык используется слово «море», в то время как арабское *бахр* имеет и другое значение — «большая река» (Нил, к примеру). В некоторых наших источниках вместо термина *бахр* стоит *бухайра* («озеро»), которое морфологически является уменьшительным от слова *бахр*. Учитывая весьма широкий смысловой диапазон всех этих терминов, следует признать, что в действительности под привычным словосочетанием «остров русов» мог подразумеваться любой участок суши, омываемый водой, в том числе речной.

Как было уже отмечено, основными центрами получения информации о русах на Востоке и Западе мусульманского мира во второй половине IX — начале X в. были не сами русские земли, а Булгар, Итиль, Багдад, каспийские, причерноморские и средиземноморские города, причем во все эти пункты (за исключением Багдада) русы прибывали по воде, создавая у местных жителей стойкое впечатление о том, что способ передвижения на кораблях является единственно возможным в той стране, откуда приезжали русы[70] Поэтому первоначальное представление о русах как об «островном» народе вряд ли покажется сильно преувеличенным. Характерно, однако, что по мере накопления информации о русах в мусульманских странах термин «остров» совершенно перестает употребляться восточными авторами при характеристике Руси. Уже в рассказе о трех «группах» русов (середина X в.), где приводятся первые в арабо-персидской литературе наименования русских городов, о каком-либо «острове» в земле русов ничего не говорится.

---

[69] *Hammer J.* Sur les origines russes. P. 114 (перс. яз.), 55 (франц. пер.).

[70] BGA. T. VII. P. 145 (араб. яз.); Тарих-е Гардизи. Тегеран, 1984. С. 591–593 (перс. яз.); *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи>. С. 39 (перс. яз.); Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks and India. P. 23 (араб. яз.); *Бартольд В.В.* Новое мусульманское известие о русских. С. 806–807; *Hammer J.* Sur les origines russes. P. 108–109, 124 (араб. яз.), 48, 65 (франц. пер.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 397, 399, 400 (рус. пер.).

Т.М.Калинина (Москва)

АРАБСКИЕ УЧЕНЫЕ О НАШЕСТВИИ НОРМАННОВ НА СЕВИЛЬЮ В 844 г.*

История нападения норманнов на Севилью в 844 г. изучалась более 150 лет. Как справедливо заметила Л.А.Семенова, представившая краткий историографический обзор проблемы, информация «Книги стран» арабского ученого IX в. ал-Йа'куби до сих пор не имеет удовлетворительной интерпретации, но использовалась в качестве аргумента для обоснования норманнской теории[1] Именно сведения ал-Йа'куби привлекли внимание к нашествию норманнов на Севилью в 844 г., ибо он, кратко сообщив о случившемся, назвал нападавших «*ал-маджус*, которых именуют *ар-рус*»[2]

Хроника набега 844 г. воспроизведена детально по восточным источникам X–XVII вв., которые, пересказывая друг друга, добавляя новые детали, иной раз искажая в силу своих представлений какие-то черты, сохранили конкретные данные о событиях. Это Ибн ал-Кутиййа, Ибн Хаййан, ал-'Узри, ал-Бакри, Ибн ал-Асир, Ибн Са'ид ал-Магриби, Ибн 'Изари, ан-Нувайри, Ибн Халдун, ал-Маккари и др. Сведения этих авторов были собраны в книгах Р.Дози, Й.Стефанссона, А.Сейппеля, Х.Биркеланда, А.Мельвингера, Э.Леви-Провансаля, 'Абдуррахмана Али ал-Хаджжи и др.[3]

---

* Я выражаю глубокую благодарность коллегам В.М.Бейлису, Д.В.Микульскому, Д.Е.Мишину за помощь в переводах, а также С.Г.Кляшторному за предоставленную возможность ознакомиться с изданиями, которых нет в московских библиотеках.

[1] *Семенова Л.А.* Русы в «Книге стран» ал-Йа'куби (из истории изучения) // Арабский Восток. М., 1997. С. 118–134.

[2] BGA. T. VII. P. 354.

[3] *Dozy R.* Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le Moyen Âge. T. II. Leyde, 1881. P. 250–372; *Stefansson J.* The Vikings in Spain, from Arabic (Moorish) and Spanish Sources // Saga Book (of the Viking Society). London, 1908–1909. Vol. VI; *Seippel A.* Rerum normannicarum fontes arabici. Christianiae/Osloae, 1896–1906. Fasc. I–II (здесь помимо данных о набегах на Испанию собраны все известные в то время фрагменты арабских источников о русах, маджусах, варягах-варанках и т.д.); *Birkeland H.* Nordens Historiae i Middelarden efter arabiske kilder. Oslo, 1954 (эта работа является переводом на норвежский язык труда А.Сейппеля с комментариями Х.Биркеланда); *Melvinger A.*

© Т.М.Калинина, 2001

Приведем выдержки из рассказов об этом набеге.

Ибн ал-Кутиййа (ум. 977):

«[...] ʻАбд ар-Рахман построил в Севилье мечеть и воздвиг вокруг города стену по причине взятия ее *маджусами*, после того как вторглись они туда в году 230 (844/45), первой даты, когда упоминается [подобное]. Было их вторжение в его (ʻАбд ар-Рахмана) дни. Были устрашены люди и бежали от них, и оставило население Севилью, и бежало оттуда в Кармону и в горы Севильи. Никто из жителей Запада не призывал сражаться с ними, и люди в испуге бежали в Кордову и соседние с ней округа. Вазиры вышли вместе с жителями Кордовы и соседних с ней округов, а население Пограничья (имеется в виду область, соседняя с Андалусией. — *Т.К.*) спаслось бегством, как только *маджусы* стали продвигаться, занимая первые же территории Запада и захватив равнину (?) Лиссабона. А вазиры и те, кто были с ними, оставались в Кармоне и не могли поднять людей на борьбу из-за большой силы [врагов]. [Так было], пока жители Пограничья не отважились [выступить]... Когда люди Пограничья соединились с вазирами, они стали просить, чтобы двинулся [и] народ, они сообщили, что от них ежедневно выступают отряды в сторону Фириша и Аликанте и в направлении Кордовы и Маврура. Они обратились с просьбой устроить засаду в таком месте, где они могли бы спрятаться поблизости от окраины Севильи. Им указали на селение Кинтуш Муʻафир, южнее Севильи. Они вышли туда под покровом ночи и спрятались там. А в нем — церковь [святого] покровителя, и они поднялись [к куполу] и наблюдали с ее высоты из деревянной [надстройки]. Когда занялась заря, к ним вышел отряд [*маджусов*], в котором было шестнадцать тысяч, часть из них направлялась в сторону Маврура. Когда они [оказались] напротив селения, наблюдатель указал на них. Однако [мусульмане] не стали нападать на них, пока они не прошли дальше. Когда они удалились, [мусульмане] отрезали их от города, и меч поразил их всех. Затем подошли вазиры, вступили в Севилью и застали там правителя, который был осажден в ее крепости. Он вышел к ним, и люди отступили. А два отряда *маджусов* вышли [из города?], кроме того, который был уничтожен, один [отряд] в сторону Аликанте, другой — в сторону Кордовы и в сторону Бану Лайс. Когда те *маджусы*, которые были в городе, услышали о коннице, приходе войск и гибели отряда, выступившего в направлении Маврура, они бежали к своим кораблям, поднялись вверх [по течению] выше Севильи в сторону

Les premières incursions des Vikings en Occident d'après les sources arabes. Uppsala, 1955; *El-Hajji Abdurrahman Ali.* Andalusian Diplomatic Relations with Western Europe during the Umayyad Period (A.H.138–366/A.D.755–976). An Historical Survey. Beirut, 1970.

крепости аз-За'вак и встретились со своими товарищами, после чего сели на корабли и спустились вниз [по реке]. А люди, обозлившиеся на них, забрасывали их камнями и костями [животных]. Когда они (*маджусы*) подошли к Севилье на расстояние мили, то стали кричать людям: „Если хотите выкупить [своих пленных], отстаньте от нас!" [Люди] прекратили [нападения] на них и предоставили выкуп за находившихся у них пленников. Большинство пленных было выкуплено: они не брали в качестве выкупа за них ни золота, ни серебра, а взяли только одежду и еду.

Они отошли от Севильи и направились к Накуру... Затем они чинили насилия над всеми обитателями побережья, пока не добрались до страны *ар-Рум* (Византии или Италии). В том путешествии они достигли Александрии и пребывали в этом [положении] четырнадцать лет[...].

Многие старейшины Севильи рассказывали, что *маджусы* накаляли в огне стрелы и выпускали их в свод мечети, и, если [место] вокруг стрелы загоралось, она [стрела] падала. И следы стрел на своде [мечети] видны до нашего времени. Когда они потеряли надежду поджечь [мечеть], то собрали в одном из помещений дрова и циновки, [чтобы] разжечь огонь, и это [все] достигало кровли. Тогда со стороны михраба к ним вышел [некий] юноша и вывел их из мечети, и запретил им входить туда три дня, до тех пор пока не произошло сражение с ними. И *маджусы* описывают вышедшего к ним юношу как совершенство красоты»[4]

Ибн Хайян (987/88–1076):

«Рассказ о нападении флота *маджусов* из *ал-урдуманийун* — да проклянет их Аллах — со стороны Румийского моря на западное побережье Андалуси[...].

Сказал Мухаммад ибн Ахмад (здесь ошибка, следует читать: Ахмад ибн Мухаммад. — *Д.М.*) ар-Рази: в 229 г. (843/44) появились корабли *ал-урманийун*, известных в Андалусии как *ал-маджус*, у западного побережья Андалусии[...].

Сказал 'Иса ибн Ахмад (ар-Рази, сын упомянутого выше Ахмада ибн Мухаммада. — *Д.М.*): я прочитал в „Послании о победе над *маджусами*": остановились у берега одного из берегов наших пограничных районов корабли народа, именуемого *ал-удманийун*[...].

[Касыда 'Усмана]:

Собрал меч его [Насра-евнуха]

из мяса *ал-урдуманийуна* вечернюю трапезу свою,

---

[4] *Ибн ал-Кутийа*. Та'рих Ифтитах ал-Андалус. [Бейрут, 1982]. С. 84–88.

а те набрасывались на него,
подобно волкам и орлам»[5]

Ал-'Узри (1003–1085):

«Выступление *маджусов* со [стороны] моря на область Севильи. Рассказывают, что в году 229 (843/44) прибыло письмо Вахбаллаха ибн Хазма, наместника Лиссабона, сообщавшее, что остановилось на побережье около него 54 корабля и с ними 54 судна *маджусов*. Были отправлены известия правителям областей с предупреждением, и в том же [году] было высказано пожелание имаму 'Абд ар-Рахману от Галандара ибн Вук.к.х(а) (Галиндо, сына Иньиго? — *Д.М.*), и он участвовал в битве с *маджусами*. В году 230 (844/45) подошли *маджусы* на кораблях к Севилье в пятницу мухаррама 8-го (25 сентября 844). А перед этим зу-л-хиджжа 1-го (20 августа 844) они появились близ Лиссабона, как уже было сказано. Находились они там тринадцать дней, и между ними и мусульманами происходили сражения. Затем они заняли остров Кабтель в [округе] Севильи в день, датированный [выше] пятницей, и оставались там три дня. Утром в понедельник они появились в селении Корио дель Рио, и люди начали войну с ними и [применили] оружие в крепости его против них, а оно [селение] расположено в 12 милях от города Севилья. Утром в понедельник 12-го мухаррама они встретились в сражении, мусульмане бежали, и очень многие из них погибли. *Маджусы* находились в Корио дель Рио оставшуюся часть дня, затем во вторник они вошли в Табладу, а она в 20 милях от города Севилья. Они провели там ночь, а на следующий день появились под городом в местности, именуемой ал-Фаххарин. Люди призывали [объединиться] против них и начали сражение. Потом [*маджусы*] повели свои корабли дальше, пока не остановились внутри города Севилья, и бросились со своих кораблей в битву с мусульманами. Утром в среду 14-го мухаррама, и [это же] 1 октября, мусульмане бежали, а погибло и было взято в плен столько мусульман, что и не описать. Меч не переставал разить все живое, что только попадалось ему: мужчин, женщин, детей, верховых животных, скот, птицу — все, что находилось в пределах досягаемости их мечей и стрел. Они вошли в центральную часть Севильи и пробыли там остаток дня и ночь. Затем в четверг утром вернулись к своим кораблям.

А военачальники имама 'Абд ар-Рахмана остановились восточнее Севильи, в местечке под названием Машдул[...]. Когда враги Аллаха узнали о них, они поспешили [первыми] начать [бой], так что чуть

[5] *Ben Hayyan de Cordoba.* Muqtabis II. Anales de los emires de Cordoba Alhaquem I (180–206 A.H./796–822 J.C.) y Abderrahman II (202–232/822–847) /J.Vallve Bermejo. Madrid, 1999. P. 195, 196, 198, 201 (переводу фрагментов из этой недавно появившейся книги, которой нет в российских библиотеках, я полностью обязана Д.Е.Мишину).

было не смяли их [ряды], но мусульмане проявили мужество, держались и продолжали сражение, пока не уничтожили около 70 неверных и не обратили их в бегство, прогнав на свои корабли. Затем мусульмане отказались [от преследования], отступились от них и остановились.

Когда к имаму ʻАбд ар-Рахману пришла весть о деяниях военачальников, он отстранил их и выпустил Мухаммада ибн Саʻида ибн Рустума, и тот отправился тотчас же [после] этого во главе воинов и ополчения, собравшихся к нему, пока не остановился в центральной части Севильи. Тогда *маджусы* вышли к нему и в тот же день завязали бой с ним в городе, но он отразил их. Когда наступила ночь, он и те, кто были с ним, ушли, боясь ночного нападения. Он отошел в Куртиш — это в четырех милях к югу от города. Затем утром он выступил для сражения, но *маджусы* не отважились напасть на него и отошли от [Ибн Рустума], пока не остановились в Табладе, а он преследовал их и во вторник 3-го раби‘ I (18 ноября 844) напал на них, установив против них метательные машины. В этот же день к ним прибыл Насревнух с подкреплением из Кордовы, поднял людей со всех сторон на войну с *маджусами*, и началось сражение между ними. Мусульмане чуть было не бежали, но Мухаммад ибн Рустум сошел с коня, а за ним спешились также и люди, и пешие вошли в [пространство] между врагом и большой рекой, разъединив *маджусов* и их корабли. *Маджусы* бежали, и около пятисот неверных было убито. У них захватили четыре корабля со всем, что было в них. Ибн Рустум приказал сжечь корабли, а то, что находилось на них, продать как трофеи. Это происходило в его лагере, а *маджусы* не предприняли [нападения]. Они оставались между Табладой и Кабтелью несколько дней, и мусульмане не имели возможности напасть на них. [Так было], пока *маджусы* не вышли со стороны реки, [протекающей] вблизи Ниеблы, быстро поднялись на возвышенность, захватили пленных и товары, а затем стали наступать. Мусульмане преградили им путь. Во главе конницы был ʻАбдус ибн Мукбил, а командиром войска, расположенного в той местности, — ʻАбдаллах ибн Кулайб ибн Ṣаʻлаба. [Но] каждое подразделение воздерживалось от помощи сотоварищам и отказывалось защищать их.

Затем *маджусы* прибыли в Канб Кауриш, расположились там, вывели пленных и выставили добычу, распределив все это между собой. Тогда мусульман охватил гнев, и они отважно ринулись на них, убили двух молодчиков из *маджусов* и загнали их на корабли. После этого враги Аллаха вошли в Кабтель и продвигались между долинами, а мусульмане с обоих берегов реки спустились к ним, не давая им остановиться. *Маджусы* облегчили свои корабли и пошли в Сидонию, захватили еду и взяли пленных. Там они находились два дня. Затем по реке спустились пятнадцать кораблей, принадлежащих имаму ʻАбд

ар-Рахману ибн ал-Хакаму, с воинами и оружием, и остановились в Севилье. Когда *маджусы* узнали об этом, они ушли к Балбале, совершая набеги и захватывая пленных. Они остановились на реке Вади Вабру (Гвадалквивир?) на острове Шалтиш. После этого *маджусы* достигли Ашкуны и сделали остановку на Вади Ана (Гвадиана?), затем пришли к Беже и остановились в местности, называемой С.'с, потом располагались в ал-Ма'дане, далее перебрались в Лиссабон и двинулись [оттуда] в поход, и после этого вестей о них не поступало»[6]

Ал-Бакри (ум. 1094):

«[...] Стены Севильи построил имам 'Абд ар-Рахман ибн ал-Хакам после того, как ей овладели *маджусы*, из камня, сделав их (стены) очень прочными»[7]

Ибн ал-Асир (1160–1234):

«Рассказ о нападении многобожников на области мусульман в Андалусии. Он сказал: в этом году, я имею в виду 230 (844/45), выступили *маджусы* морским путем из отдаленных пределов Андалусии на области мусульман в ней[...]. Они появились в зу-л-хиджжа года 229 (20 августа — 17 сентября 844) около Лиссабона, и 13 дней происходили между ними и между мусульманами битвы. Затем напали на Кадис, потом на Сидонию. Были между ними и мусульманами сражения. Затем подошли к Севилье 8-го мухаррама (25 сентября) и остановились в двенадцати фарсахах от нее. Против них вышло много мусульман, и они встретились в сражении, но 12-го мухаррама (29 сентября) мусульмане отступили, многие из них погибли. Затем расположились они (*маджусы*) в двух милях от Севильи. Жители выступили против них и сражались, но 14-го мухаррама (1 октября) мусульмане обратились в бегство и многие были убиты, другие взяты в плен. Мечи *маджусов* не щадили ни человека, ни лошади. Они вошли внутрь Севильи и оставались там сутки, а затем вернулись к своим кораблям. После этого их настигло войско 'Абд ар-Рахмана — правителя страны — и [отряды] нескольких предводителей. *Маджусы* напали первыми, но мусульмане держались стойко и сражались с ними. Семьдесят многобожников было убито, а остальные отступали, пока не сели на корабли, мусульмане же воздержались [от нападения] на них. Услышав об этом, 'Абд ар-Рахман послал еще другое войско, и оно

---

[6] *Al-'Udhri, Ahmad ibn 'Umar ibn Anas*. Fragmentos geofráfico-históricos de al-Masalik ila ğami al-Mamalik / Ed. crítica por 'Abd al-'Aziz al-Ahwáni. Madrid, 1965. P. 98–99. Расшифровка топонимов сделана по книге: *Dozy R.* Recherches. P. 225–261, notes, а также при дружеской помощи Д.Е.Мишина.

[7] The Geography of al-Andalus and Europe. From the Book "Al-Masalik wal-Mamalik" (The Routes and the Countries) by Abû 'Ubaid al-Bakrî (d. 842/1094) / Critical edition by Abdurrahman Ali el-Hajji. Beirut, 1968. P. 112.

вступило в жестокую битву с *маджусами*, и те повернули обратно, а войско, неотступно следуя за ними, на протяжении раби‘ I (16 ноября — 15 декабря 844) вело сражение, и к нему подошла подмога со всех местностей, вставая на битву с *маджусами* со всех сторон. *Маджусы* выступили против них и сражались с ними, и мусульмане чуть было не отступили, но потом держались стойко. Многие из них спешились. И *маджусы* бежали, а около пятисот человек из них было убито. У них захватили четыре корабля, забрав то, что там было, и сожгли их. Несколько дней [мусульмане] оставались [на месте], не имея доступа к *маджусам*, так как те находились на своих кораблях.

Затем *маджусы* двинулись в Ниеблу и захватили пленных, после причалили к острову неподалеку от Кур(т?)иса, расположились там и разделили имевшуюся у них добычу. Тогда мусульмане, разгневавшись, подошли к ним по реке и убили двух человек из [числа] *маджусов*, после чего *маджусы* отплыли, направляясь к Сидонии. Там они захватили в качестве добычи продовольствие и пленных и находились там два дня. А потом в Севилью прибыли корабли ‘Абд ар-Рахмана, правителя Андалусии. Когда *маджусы* услышали об этом, то поспешили к Балбале, напали на город и захватили пленных, затем подались в Оксонобу, далее прошли к Беже, после этого вернулись в Лиссабон, а затем ушли, и известия о них из городов прекратились»[8]

Ибн Са‘ид ал-Магриби (Абу-л-Хасан ‘Али ал-Гарнати) (не позднее 1214–1278):

«[...] И в году 229 (843/44) корабли *ал-урдуманийина ал-маджус* появились у западного побережья Андалусии. В четверг, когда прошло четырнадцать [ночей] мухаррама 229 года, они пристали близ Севильи, а она не была защищена. Они вошли и грабили ее [на протяжении] семи дней, пока не появился Наср-евнух. Он обратил в бегство христиан, называемых *ал-маджус*, и привел в негодность их корабли. Об этом ‘Усман ибн ал-Мусанна сказал:

Говорят, что *ал-урдуманийина* приближаются.

А я сказал: если придут, пошлем на них Насра.

После этого была построена стена Севильи по совету ‘Абд ал-Малика ибн Хабиба»[9]

Абу-л-Фида’ (1273–1331):

«Он сказал. В этом году (я имею в виду год 230 (844/45)) вышли *маджусы* из самых отдаленных областей Андалусии по морю к стране

---

[8] *Seippel A.* Rerum normannicarum. Fasc. I. P. 21–22.

[9] *Ибн Са‘ид ал-Магриби.* Ал-Мугриб фи хила ал-Магриб. [Каир, б.г.]. С. 49. По наблюдению Д.Е.Мишина, стихотворная цитата исходно принадлежит Ибн Хаййану. Как здесь, так и в цитате из Ибн Хаййана (см. выше, с. 3) разница в написании слова «ал-урдуманийуна» объясняется метрикой арабского стихотворения.

мусульман. Между ними и мусульманами произошло несколько сражений, в которых мусульмане потерпели поражение. Так что [*маджусы*] вошли в центр Севильи, но их настигло войско ʻАбд ар-Рахмана Омейяда — правителя Андалусии, а затем к ним присоединились мусульмане со всех сторон, и *маджусы* были побеждены, у них было захвачено четыре корабля с тем, что было в них, и *маджусы* на своих кораблях бежали в свою страну»[10]

Ан-Нувайри (1279–1332):

«Рассказ о походе *маджусов* в области ислама в Андалусии. Он сказал: в году 230 (844/45) выступили *маджусы* из отдаленных земель Андалусии в страну мусульман. Впервые они появились в зу-л-хиджжа года 229 (20 августа — 17 сентября 844) около Лиссабона, и оставались они там 13 дней, и происходили между ними и между мусульманами сражения [...]. (Далее рассказ в несколько сокращенном варианте совпадает с известиями Ибн ал-Асира, который и был первоисточником ан-Нувайри.)»[11]

Ибн ал-ʻИзари (2-я половина XIII — начало XIV в.):

«Вторжение *маджусов* в Севилью в году 230 (844/45). Вышли *маджусы* на примерно 80 кораблях, как будто заполонили море черные птицы, так и наполнились сердца горем и скорбью. Высадились у Лиссабона, затем подошли к Кадису, к Сидонии, потом подступили к Севилье, заняли ее силой, истребляя и пленяя жителей. И оставались в ней семь дней, напоив ее народ из чаши смерти. Весть об этом дошла до эмира ʻАбд ар-Рахмана, и он послал туда конницу *хаджиба* ʻИсы ибн Саʻида — мусульмане явились к нему по мановению ока. Во главе конницы он поставил ʻАбдаллаха ибн Кулайба ибн Васима и других. [ʻАбд ар-Рахман] снизошел с высоты престола, предписав правителям округов мобилизовать людей. Они собрались в Кордове, и во главе их выступил Наср-евнух. *Маджусы* составили корабли один к другому и стали убивать мужчин, насиловать женщин, захватывать мальчиков, и это совершалось на протяжении тринадцати дней, как об этом рассказано в [сочинении] „Бахджат ан-нафс“ („Радость души“), но в книге „Дурар ал-кала'ид“ („Жемчужины ожерелий“) — семь дней, как было сказано выше. (Дальнейший рассказ, до повествования о сожжении кораблей *маджусов* и продаже награбленного, совпадает с известиями ал-ʻУзри.) [...] Затем произошло сражение с ними около селения Таблада, во вторник, когда оставалось пять ночей [до конца] сафара (11 ноября 844), в нем погибло множество [*маджусов*], было сожжено тридцать кораблей. Большое число *маджусов* было повешено в Севи-

[10] *Seippel A.* Rerum normannicarum. P. 31.

[11] Ibid. P. 32–33.

лье, их подняли на стволы пальм, что были там. А оставшиеся сели на свои корабли и ушли в Ниеблу, а оттуда направились к Лиссабону, и вестей от них больше не поступало.

Прибытие их в Севилью [приходится] на среду, по прошествии четырнадцати ночей мухаррама 230 года (1 октября 844), а после их прихода в Севилью прошло сорок два дня. Был убит их эмир, их [самих] погубил Аллах, а их оружие и снаряжение были рассеяны местью Аллаха и наказанием — возмездием за то, что они совершили, — тем, что Аллах уничтожил их эмира и погубил множество их [самих] и их завоевания. И были выпущены грамоты для [всего] мира с известиями о них. Эмир ʻАбд ар-Рахман написал пребывающим в Танжере [вождям] Санхаджа (союза берберских племен. — *Т.К.*), извещая их о том, что совершил Аллах с *маджусами* и какое ниспослал на них отмщение и гибель, и послал [им] голову эмира [*маджусов*] и двести голов его спутников»[12].

Ибн ал-Хатиб (1313–1374):

«В его (ʻАбд ар-Рахмана II) время вышли корабли *маджусов*, вошли в Севилью, Кадис, Сидонию и Лиссабон, затем потерпели поражение; а *маджусы* — это те, которых сегодня христиане Кастилии называют инклиш (англы), а народ Машрика — фиранджами (франками) и инклисирами (англичанами). Местопребывание их государя — на двух огромных островах длиной 600 миль, и они народ мощный, могущественный и сильный»[13]

Анонимное описание Андалусии (XIV–XV вв.):

«В году 230 (844/45) он (ʻАбд ар-Рахман II) приказал построить мечеть в Севилье и воздвигнуть стену по причине вторжения *маджусов* в нее по морю Румийскому»[14]

Ал-Маккари (1591–1632):

«В его (ʻАбд ар-Рахмана) дни появились *маджусы* и вторглись в Севилью. ʻАбд ар-Рахман послал на них войско с командующими из Кордовы. Они оставили свои суда и вступили в бой с мусульманами, которых разбили после тяжелого боя. Затем пришли войска на помощь из Кордовы и сражались с *маджусами*, и разбили их мусульмане и захватили часть их кораблей и сожгли их. [Тогда те] передвинулись к Сидонии и находились в ней два дня, захватив кое-что из добычи. [Но] прибыли корабли ʻАбд ар-Рахмана к Севилье, и отошли

---

[12] *Ибн ʻИдари ал-Марракуши.* Ал-Байан ал-Мугриб фи Ахбар Мулук ал-Андалус ва ал-Магриб. Бейрут, [1950]. Т. 2. С. 130–132.

[13] *Ibn al-Khatib as-Salmani.* Histoire de l'Espagne musulmane (Kitab a'mal al-a'lam). Beyrouth, 1956. P. 20.

[14] Una Descriptióna anónima de al-Andalus. Madrid, 1983. P. 150.

маджусы к Ниебле, нападая и оскорбляя [жителей]. Потом [*маджусы* прошли] к Беже, затем к Севилье, а потом прекратились вести о них, когда они отплыли из Лиссабона, и страна успокоилась. Это [происходило] в 230 году»[15]

Итак, восточные источники повествуют о том, что в августе 844 г. корабли норманнов появились на западном побережье Андалусии. Правителям прибрежных городов было разослано послание с предупреждением о грозящем нападении морских разбойников на 54 или 80 судах. Через некоторое время они вошли в Кадис, затем в Сидонию. В конце сентября флот появился в устье Гвадалквивира. У напавших были серьезные, приведшие к большим потерям битвы с местным войском, тем не менее в начале октября грозную армаду увидели близ Севильи. Разграбив город и взяв в плен жителей, пришельцы свезли добычу в лагерь, в устье Гвадалквивира, затем вернулись в Севилью. Под предводительством областных полководцев было собрано войско против пришельцев; в этих сражениях погибло много захватчиков. Уйдя в Ниеблу, оставшиеся норманны разграбили и ее, затем прошли к Лиссабону и отплыли. По сведениям Ибн Дихйи, после нашествия был заключен мир между омейядским эмиром в Кордове ʻАбд ар-Рахманом II (822–852) и неким норманнским правителем в результате посольства, возглавленного дипломатом и поэтом по имени ал-Газал (впрочем, занимавшийся вплотную этой проблемой Э.Леви-Провансаль полагал, что информация о посольстве ал-Газала имеет книжный, литературный характер и не является достоверной[16], хотя не все историки согласны с ним[17]).

Изложенные данные показывают, что те авторы, которые имели конкретные известия о набеге 844 г., не связывали разбойников, напавших на Севилью, с именем *ар-рус*, а называли напавших *ал-маджус* и *ал-урдуманийун*. Слово *ал-маджус* означает «огнепоклонники». Этот термин первоначально употреблялся по отношению к народам, которые поклонялись огню или применяли огонь при похоронном обряде: индусам, иранцам-зороастрийцам, славянам, русам и др., следовавшим обряду поклонения огню или солнцу, или к язычникам. Так называли и северных жителей — норманнов[18] А.Мельвингер полагал, что термин относился к славянам[19]

---

[15] Analectes sur l'histoire et la littérature, par al-Makkari / R.Dozy, G.Dugat, L.Krehl et W.Wright. Leyde, 1855. Vol. I. P. 222–223.

[16] *Lévi-Provençal E.* Histoire de l'Espagne musulmane. Paris; Leiden, 1950. T. I. P. 127.

[17] *El-Hajji Abdurrahman Ali.* Andalusian Diplomatic Relations. P. 186–203; там же см. арабский текст и английский перевод рассказа Ибн Дихйи (С. 172–181).

[18] *Dunlop D.M.* The British Isles according to Medieval Arabic Authors // Islamic Quarterly. London, 1958. Vol. IV. № 1–2. P. 13. Note 2.

[19] *Melvinger A.* Les premièrs incursions des Vikings. P. 43–54 etc.

Из приведенных выше отрывков очевидно, что восточные писатели применяли термин *маджус* в отношении нападавших на Испанию скандинавов. Слово *урдуманийун* соответствовало западноевропейскому названию норманнов (Nor[d]man-ni, *Lordomani, Lormanes*) и использовалось только в испано-арабских источниках. Заметим, что один из авторов XIII в., Ибн Са'ид ал-Магриби, называл маджусов христианами, тогда как в 844 г. скандинавы еще не приняли христианство, что свидетельствует о наличии информации из ранних источников, с одной стороны, и о внесении оригинальных и более поздних известий — с другой. Также Ибн ал-Хатиб, писатель XIV в., помимо упоминания о походе 844 г. отметил современные ему данные о расселении норманнов.

Географ XII в. аз-Зухри дал общее описание скандинавских набегов на Испанию:

«[...] Приходили из этого моря (*'Укийанус*, т.е. Океана или, по-другому, Окружающего моря — Атлантики) огромные корабли, которые жители Андалусии называли *каракир*, а это корабли большие, с четырехугольными парусами, которые могли обращаться и в переднюю сторону, и в заднюю. На них плавали ватаги людей под названием *ал-маджус*, народ сильный, доблестный и искусный в мореплавании. Когда бы ни появились они, пустело побережье из-за страха перед ними. Набеги их происходили каждые 6 или 7 лет, не меньше чем на 40 кораблях, а иногда и на 100. Они истребляли всех, кто встречался на море, грабили и брали в плен. Та башня, которая [впоследствии] разрушилась, была им известна, при входе в Гибралтар (*аз-Зукак*). Они входили, [ориентируясь] по ней, в то малое море (*ал-бахр ас-сагир* — Средиземное) и проходили до окраин Сирии (*аш-Шам*). Со временем разрушился этот маяк, и не входили уже больше те каракиры, кроме двух, разбившихся, один — у пристани маджусов (*Марса ал-Маджус*), а другой — у мыса ал-Агарр (*Тараф ал-Агарр* — Трафальгар?). Было это в году 545 (1150/51). Не приходили они после этого, не мешали движению на море, и не появлялись более *ал-маджус* по причине отсутствия маяка»[20]

Таким образом, восточные источники имели сведения не только о самих западноевропейских норманнах, но даже об их судах: термин *каракир* относился, вероятно, к *драккарам*, предназначенным для морских плаваний; словом же *кариб*, видимо, называлось грузовое судно — *кнорре*, следовавшее за драккаром[21]

---

[20] Kitab al-Dja'rafiyya. Mappemonde du calife al-Ma'mun reproduite par Fazari (III/IX s.) rééditée et commentée par Zuhri (VI/XII s.) / Texte arabe établi avec introduction en française... par Mohammad Hadj-Sadok // Bulletin d'études orientales. Paris, 1968. T. 21. P. 215.

[21] *фон Фиркс Й.* Суда викингов. Л., 1982. С. 39–66.

По сведениям Ибн ал-Кутиййи, после боев близ Севильи *маджусы* продолжили экспедицию на побережье Северной Африки, затем отправились в Византию и Александрию, а всего путешествовали 14 лет. Вероятнее всего, в этой информации отразились данные о двух набегах, 844 и 859 гг.; о последнем имеются также вполне достоверные и весьма красочные сведения у испано-арабских писателей.

Однако о появлении скандинавов в Византии имеются данные и других источников. В Житии Георгия Амастридского, составленном между 825 и 842 гг. (впрочем, по поводу времени возникновения и авторства этого источника в византиноведческой литературе нет единого мнения[22]), отмечено, что варварский народ *рос* напал на город Амастрида на малоазиатском побережье Черного моря, появившись от озера Пропонтида. Это озеро считалось большинством исследователей Азовским морем, однако Пропонтидой в античных и византийских источниках именовались Мраморное море и Босфор. Поэтому ученые до сих пор не пришли к единому мнению о том, кто же были напавшие — западноевропейские норманны, пришедшие со стороны Средиземного моря, или русы, появившиеся со стороны Азовского и Черного морей, как они это делали позже, нападая на Константинополь. Ранний поход росов на Константинополь был зафиксирован русским Житием Стефана Сурожского (XV в.), в основе которого лежал древний византийский источник, где рассказывалось, что в первой половине IX в. росами был совершен из Новгорода поход на город Сурож — византийскую Сугдею в Крыму. Хотя очевидно, что подробности этого события сомнительны (поздний памятник был составлен с целью удревнить и прославить новгородскую историю), но сам факт похода, как считают исследователи, мог иметь место[23] Нападение росов на Константинополь в 860 г. было упомянуто в сочинениях патриарха Фотия (ок. 810 — после 886), а в «Венецианской хронике» Иоанна Диакона (рубеж X–XI вв.) повествуется о приближении в 860 г. к Константинополю кораблей разбойников, названных здесь норманнами, и опустошении ими его окрестностей[24] Следует вспомнить и свидетельство епископа Кремоны Лиудпранда о походе князя Игоря на Константинополь в 941 г., где было отмечено, что некий северный народ греки именуют ρούσιος («рыжие»), «мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком языке (*lingua Teutonum*) *nord* означает „север", а *man* — „человек", поэтому-

[22] Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е.А.Мельникова. М., 1999. С. 91–92.

[23] *Васильевский В.Г.* Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // *Васильевский В.Г* Труды. СПб., 1915. Т. III. С. 95–96. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. М., 1998. С. 194.

[24] Древняя Русь. С. 93, 290–291.

то северных людей и можно назвать норманнами»[25] Параллелью к этому известию является сообщение ал-Мас'уди (сер. X в.): «Византийцы нарекают их (русов. — *Т.К.*) *русийа*, смысл этого [слова] — „красные, рыжие“»[26] Древнерусская Повесть временных лет, рассказывая о первых деяниях скандинавских наемников на Руси, зафиксировала нападение на Константинополь Аскольда и Дира из Киева, куда они пришли из Новгорода вскоре после призвания туда Рюрика на княжение[27] ПВЛ неточна в датах, поход Аскольда и Дира датирован там 866 г. Не исключено, что на самом деле имеется в виду поход 860 г., о котором сообщают Фотий и «Венецианская хроника».

Тем любопытнее представляются маршруты, которыми следовали приплывавшие в Испанию отряды. Большинство хронистов передают сведения о том, что сначала норманнов замечали близ западных берегов Франции, откуда они плыли мимо Лиссабона в Испанию и появлялись в Андалусии. Следовательно, этот путь естественно начинался в северных водах Европы, от места жительства скандинавов, и шел по водам северной Атлантики. Однако есть два упоминания о том, что набег норманнов на Севилью в 844 г. был произведен маджусами, приплывшими со стороны «Румийского моря», — это свидетельства Ибн Хаййана (конец X — XI в.) и анонимного автора описания Андалусии XIV–XV вв. Румийским морем арабо-персидскими авторами называлось, как правило, Средиземное. Ошибка арабских источников в отношении того, откуда появлялись норманны, может означать, что до арабских писателей доходили слухи и о деяниях русов вблизи Константинополя.

Название же *ар-рус* было достаточно известно на востоке мусульманского мира. Так, Ибн Хордадбех в хорошо известном фрагменте о торговых путях Восточной Европы называл Багдад, где появлялись купцы-русы, пользуясь как переводчиками славянскими слугами[28]. Давно отмечен и тот факт, что в связи с набегами на Испанию не только ал-Йа'куби упоминал имя *ар-рус*. Подтверждением сведений ал-Йа'куби, как считал А.Мельвингер, были данные энциклопедиста X в. ал-Мас'уди, который тоже упомянул о каком-то набеге *русов* на Севилью «до 300 г.х.» (912 г.): «Жители Андалусии думали, что это были *маджусы*, которые приходят в это море каждые 200 лет через пролив, вытекающий из моря 'Укийанус, но не через тот пролив, на котором стоит маяк. Я же думаю, а Аллах лучше знает, что этот про-

---

[25] Там же. С. 291.

[26] BGA. T. VIII. P. 141; см. также: *Бейлис В.М.* Ал-Масуди о русско-византийских отношениях в 50-х гг. X в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 23, 25.

[27] ПВЛ I. С. 18–20.

[28] BGA. T. VI. P. 155.

лив соединяется с морями Понт и Майотис и этот народ — *ар-рус*, о котором мы уже упоминали, ибо никто, кроме них, не ходит по этому морю, соединяющемуся с морем 'Укийанус»[29] Пролив, на котором стоял маяк, — Гибралтар — был хорошо известен арабским авторам, как и ал-Мас'уди, и был подробно описан. Представление о море *Океан* или просто Океане (*'Укийанус*) было воспринято арабскими учеными из древнегреческой географии, где так называлось окружающее населенную часть суши всемирное водное пространство, ответвлениями которого считались Атлантика, Индийский и Тихий океаны. Но именно Океаном в арабской географии чаще всего именовалась Атлантика (Тихий океан назывался Зеленым, хотя Атлантику тоже иногда так называли; Индийский, по прибрежным странам, — морем ал-Хинда). Многие арабские авторы, в том числе и ал-Йа'куби, и ал-Мас'уди, считали цепь морей от Атлантики через Гибралтар, Средиземное и прочие моря до Черного единым водным бассейном.

Понт (в арабской передаче — Бунтус или, с искаженной диакритикой, Нитас), по данным ал-Мас'уди, имел на севере связь с морем (или озером) Меотис (в арабской передаче — Майотис, античная Меотида)[30] В своей ранней книге «Промывальни золота и рудники драгоценностей» ученый рассказывал, что Понт и Меотис находятся рядом, отделены друг от друга узким проливом и даже что названия Понт и Меотис можно относить как к первому, так и ко второму морю — они равнозначны; по этому морю, по представлению ал-Мас'уди, плавали только *русы*, почему и называл он его *морем русов*. В этой же книге есть сведения о безымянном озере далеко на севере, близ Полярного круга, которое дает начало реке Танаис, а она, в свою очередь, впадает в море Понт[31] В последней своей «Книге предупреждения и пересмотра», однако, ал-Мас'уди называл это озеро на севере Майотисом и отмечал, что именно из него берет начало Константинопольский пролив, впадающий в Средиземное море (*море Рума*)[32].

Подобное представление о Константинопольском проливе, соединяющем Океан на севере и море Рума на юге, имеется в сочинениях ал-Истахри (1-я пол. X в.) и его последователя и переработчика Ибн Хаукала (80-е гг. X в.); впрочем, им были неизвестны Черное и Азовское моря — вместо них и фигурировал Константинопольский пролив[33] Не исключено, что подобные представления скорректировали

---

[29] *Maçoudi.* Les Prairies d'or / Texte et trad. par C.Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861. T. I. P. 364–365. (Далее — *Maçoudi.*)

[30] BGA. T. VIII. P. 66–67.

[31] *Maçoudi.* T. I. P. 260–261; 273.

[32] BGA. T. VIII. P. 66–67.

[33] BGA. T. I. P. 220; BGA II^2. P. 202, 393.

взгляды ал-Мас'уди на положение Меотиса. Исходя из своих представлений, ал-Мас'уди предположил, что те, кого ал-Йа'куби назвал *маджусами-русами*, явились в Севилью не из Атлантики, а из Константинопольского пролива, соединявшегося с Понтом — «морем русов».

Ранние арабские ученые, такие, как Ибн Хордадбех, ал-Йа'куби, Кудама ибн Джа'фар, называли Черное море *морем хазар*, что явствует из описания византийских фем Фракии и Македонии и других фрагментов, тогда как в X в. это название применялось только к Каспию[34] Это обстоятельство, видимо, вызвало недоумение знатока морей ал-Мас'уди, поскольку он полагал, что у ранних географов *морем хазар*, как и в его время, должен был быть назван Каспий, который не соединяется ни с одним другим морем. Однако не кто иной, как ал-Йа'куби, писал, что «ал-Андалус находится на западе, на море, которое соединяется с *морем ал-хазар*»[35], подразумевая под ним Черное. Ал-Мас'уди же отмечал: «Ошибались люди и полагали, что *море ал-хазар* соединяется с морем Майотис. А я не видел из входящих в страну хазар купцов и судовладельцев никого, [плавающего] по *морю ал-хазар* в страны русов и булгар, кто бы утверждал, что с *морем ал-хазар* соединяется какое-либо море из этих морей или соединяется с ним что-нибудь из его вод или каналов, кроме *реки ал-хазар*. Мы упомянем об этом при нашем рассказе о горе Кавказ, городе Баб ал-Абваб (т.е. Дербенте) и государстве *ал-хазар*, и как вошли русы на кораблях в *море ал-хазар*, а было это после 300 (912 г.). Я видел множество примеров описаний морей тех, кто предшествовал и был прежде. Они упоминают в своих книгах, что пролив ал-Кустантинийа, следующий из Майотиса, соединен с *морем ал-хазар*. И я не знаю, как это и откуда говорят это: по методу ощущения, или по методу вывода, или сопоставления. Или думают, что русы и их соседи живут на этом море, которое и есть *море ал-хазар*. Я плыл по нему из Абескуна, он — на побережье Гиркании за страной Табаристан, и я не оставил нерасспрошенным ни одного наблюдавшего купца, кто мог бы растолковать мне, ни одного судовладельца, и каждый мне сказал, что в него нет другого пути, чем тот, по которому пришли корабли русов»[36]

Корабли русов, о которых пишет ал-Мас'уди, появились на Каспии «после 300» (912 г.), совершив невиданный дотоле набег на прибрежные земли. При описании его выясняется, что, по представлению ал-

---

[34] BGA. T. VI. P. 103–105; BGA VII. P.323; *Заходер Б.Н.* Mare Hyrcanum в арабской географической литературе IX–X вв. М., 1960.

[35] BGA. T. VII. P. 354.

[36] *Maçoudi.* T. I. P. 273–274.

Мас'уди, между *морем ал-хазар*, т.е. Каспием, и морем Понт — Черным существовало некое замерзающее зимой «ответвление», соединяющее *реку ал-хазар* (т.е. Волгу) с «заливом моря Понт», по которому русы и прошли с разрешения хазарских властей в Каспий[37] Море Понт ал-Мас'уди считал «принадлежащим» народам русов, булгар, печенегов, а русов, как уже отмечалось, — единственными, плавающими по этому морю[38], что наводило исследователей на мысль об отождествлении в восприятии ал-Мас'уди Черного моря и Балтики, по которой, действительно, не плавал никто, кроме норманнов[39] Тем не менее упоминание других восточноевропейских народов — булгар и печенегов — заставляет предполагать некое смешение информации о Черном и Балтийском морях в восприятии ал-Мас'уди. Рассказ же о нападении войска народа *ар-рус* на прикаспийские территории, судя по переданным реалиям, относился к деятельности представителей Древнерусского государства и состоял в тесной связи с его общей международной политикой[40]

Рассказывая о народе *ар-рус*, ал-Мас'уди, кроме того, писал, что это «многочисленные народы, имеющие отдельные виды. Среди них есть вид (*джинс*), называемый *Луда'ана*. Они — самые многочисленные, посещают для торговли страну ал-Андалус, Румийу (Италию или Рим), ал-Кустантинийу (Византию или Константинополь) и ал-Хазар»[41] В другом сохранившемся сочинении ал-Мас'уди упоминает тот же термин, но еще более искаженный, при рассказе об одной из переправ через Босфор: «Там находится город, принадлежащий византийцам, который называется Мусанна, он преграждает [путь] приходящим в то море кораблям *ал-Куд.кана* и других видов *ар-рус*»[42]. Еще Д.А.Хвольсон, а затем Й.Маркварт и В.Ф.Минорский предполагали, что эти названия вида (*джинс*) русов, породившие столько разнообразных точек зрения (литовцы, ладожане, лютичи[43]и пр.), являются передачей одного из наименований норманнов — *ал-урдуманийа*,

---

[37] Ibid. P. 18–24.

[38] Ibid. P. 262; T. II. P. 2, 15, 18, 24.

[39] *Lewicki T.* Bałtyk w opisach autorów arabskich IX–X w. // Przegląd Orientalistyczny. Wrocław, 1949. Z. 1. S. 52–67.

[40] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 99–101.

[41] *Maçoudi.* T. II. P.18. Следует отметить, что в разных рукописях этого сочинения ал-Мас'уди встречаются и иные написания этого термина: ал-Луваzийа, ал-Мувад'ана и др.

[42] BGA. T. VIII. P. 140–141.

[43] *Frähn Ch. M.* Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. SPb., 1823. S. 71; *Maçoudi.* T. II. P. 18 (пер.); *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских авторов о славянах и русских. СПб., 1870. С. 47; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 184.

созвучного западноевропейскому названию норманнов — *Lordomani, Lormanes* — или даже более близкого к русскому *урмане — ал-урмана*[44] Как было показано выше, испано-арабские источники связывали походы на Севилью с именем *маджусов-урдуманийа*. Бывавший в Испании ал-Мас'уди вполне мог применить его. Хотя местопребывание русов для него — восточноевропейская территория, а его рассказ о набеге русов на Каспий увязывается с политикой молодого Древнерусского государства, ал-Мас'уди определенно мог отождествлять один из видов народа под названием *ар-рус* и *ал-урдуманийа*.

Помимо ал-Мас'уди еще один автор приписывал русам набеги на Севилью — это кабинетный ученый Мухаммад ал-Бакри, один из учеников ал-'Узри, уже упоминавшийся выше. Произведение ал-Бакри — весьма типичный пример средневекового сочинения, в основу которого легло множество источников; среди них были труды и ал-Мас'уди, и многих других. Из большой массы переработанной информации ал-Бакри составил свой блок известий о русах: это — народ *маджусийа*, «островной и корабельный», появлявшийся в Андалусе каждые 200 лет из пролива, соединявшего Понт и Меотис с Окружающим морем[45] Последняя информация является явным отголоском сведений ал-Мас'уди, в то время как детализация известий о русах как народе островном является реминисценцией так называемой «Анонимной записки о народах Восточной Европы», восходящей ко второй половине IX в., первоисточником которой ученые считают несохранившийся труд Ибн Хордадбеха (IX в.) или ал-Джайхани (20-е гг. X в.). Она была передана целым рядом арабо-персидских ученых X–XVII вв., наиболее известны из которых Ибн Русте, Гардизи, Мутаххар ал-Макдиси, ал-Бакри, ал-Марвази. Записка содержит достаточно хорошо изученный ряд сведений о народах Восточной Европы, в том числе о русах — отдельный блок, анализировавшийся исследователями уже более 150 лет и вкратце рассказывающий о внешнем виде, обычаях, погребальном обряде и набегах на славян русов, живших на некоем сыром острове в море[46] Многие ученые связывают эту информацию со скандинавами на территории Древней Руси, хотя существует ог-

---

[44] Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского Музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А.Хвольсон. СПб., 1869. С. 87; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 342–349; *Минорский В.Ф.* Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 25–26.

[45] *Ал-Бакри Абу 'Убайд.* Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Тунис, 1992. С. 264.

[46] *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–X вв. // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 376–381, 397–408.

ромное количество самой разнообразной литературы по этому поводу. Следует отметить, что никаких данных о тождестве этих *русов* с *маджусами*, как и никаких упоминаний о *маджусах* вообще, в «Анонимной записке» не содержится. Однако ал-Бакри, объединяя сведения разных источников, сам явно придерживался версии о *русах* как народе, идентичном с *маджусами*, хотя достаточно очевидно, что его сведения собраны из разных источников и имеют книжный характер. При всем том книга ал-Бакри содержит и информацию, часть которой приведена выше, о вполне конкретных набегах на Андалусию норманнов-*маджусов*, никак не связанных с русами.

Самостоятельную информацию о появлении народа *ар-рус* в Андалусии приводил ученый второй половины X в. Ибн Хаукал: «Иногда заходят в некоторые области ал-Андалуса корабли русов, тюрков-печенегов и всяких народов из числа славян и булгар, бесчинствуют в ее областях, но часто и уходят, потерпев неудачу»[47] В одном из фрагментов о народе *ар-рус*, жившем, по информации Ибн Хаукала, «в стороне булгар, между ними и славянами по реке Итиль», автор упоминал, что русы «выходили прежде за пределы, к Андалусии, затем к Барза'а»[48] Тот же автор отмечал, что после похода на прикаспийские города в 358 г.х. (968/69) они «отправились тотчас же после к стране *ар-Рум* (Византии) и Андалусии и разделились на две группы»[49] Таким образом, Ибн Хаукал передавал некие сведения о появлении русов, а также славян, булгар и печенегов в Испании, однако остается неясным, каковы источники этой информации. Возможно, частично он опирался на свои теоретические воззрения, по которым Константинопольский пролив, следующий из Атлантики через Константинополь и Трапезунд на север и впадающий там в северную часть Окружающего океана, разделял по мере своего пути страну славян на две части, в одну из которых заходили хорасанцы, чтобы пленять славян, а в другую — андалусийцы, со стороны Галисии, франков и лангобардов[50] Здесь, видимо, отражено представление о восточноевропейских славянских территориях, с одной стороны, и западном ареале расселения славян, граничившем с франкским государством, — с другой. Поэтому мог возникнуть чисто умозрительный рассказ о появлении и других, соседних со славянами, народов, в том числе русов, в Андалусии.

Однако упомянутый поход русов на Барда'а с указанием на 945 г. описан другими мусульманскими авторами, и известия о нем имеют вполне достоверный характер, хотя только Ибн Хаукал указывает

[47] BGA. T. II[2]. P. 113.
[48] Ibid. P. 115.
[49] Ibid.
[50] Ibid. P. 110.

Андалусию как следующий после Барза'а этап пути русов. Вероятнее всего, Ибн Хаукал, как и ал-Мас'уди и ал-Бакри, корректировал какую-то конкретную информацию в соответствии со своими географическими представлениями, в результате чего судить о достоверности его известий в отношении появления восточноевропейских народов в Андалусии можно только умозрительно, исходя из его общей информированности об арабской Испании.

Впрочем, подтверждением известий Ибн Хаукала могут служить данные ал-Мас'уди о набегах тюркских народов *баджанак, баджна, баджгурд и нукарда* на земли Византии (*ар-Рума*) и Италии (*Румийи*) и распространении этих нападений в направлении границ Андалусии, государства франков и Галисии[51], а также рассказ Мутаххара ибн Тахира ал-Макдиси (60-е гг. X в.), со слов некоего андалусца, о вторжении отряда тюрков в одну из областей Андалусии[52]. Под тюрками в этих рассказах подразумеваются печенеги, венгры и те отряды восточноевропейских народов, которые служили наемниками в византийской или русской армии[53]

Таким образом, на западе исламского мира норманны были известны под именами *ал-маджус* и *ал-урдуманийа*, название же *ар-рус* там не применялось. Напротив, на востоке, видимо, было не в ходу название *ал-урдуманийа*, в то время как имена *ал-маджус* и *ар-рус* были употребительными во всем арабском мире.

Возвращаясь к информации ал-Йа'куби, отметим, что если напавшие в 844 г. на Севилью маджусы были, как утверждал ал-Йа'куби, русами, то тогда, скорее всего, они должны были быть шведами, поскольку именно по отношению к ним, как свидетельствовали синхронные западноевропейские и византийские источники, относился термин *ар-рус* и более всего именно шведы совершали рейды по Восточной Европе[54]. Так, по известным данным Бертинских анналов, составленных монахом Пруденцием, послы правителя русов — кагана, отправленные византийским императором Феофилом из Констан-

---

[51] *Maçoudi.* T. II. P. 58–64.

[52] Le livre de la création et de l'histoire de Motahhar b. Tahir el-Maqdisi attribué à Abou-Zéïd Ahmed b. Sahl el-Balkhi / Cl.Huart. Paris, 1899–1919. T. IV. P. 65.

[53] *Бейлис В.М.* Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. II. С. 307–308; *Коновалова И.Г., Перхавко В.Б.* Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. С. 147–154. (Я не могу согласиться с мнением В.Ф.Минорского, поддержанным в указанной книге, что *нукарда* — это новгородцы. Вероятнее, *нукарда* — это искаженное название оногуров, т.е. венгров.)

[54] Brøndsted J. The Vikings. London, 1965. P. 63–69; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38; *они же.* [Комментарий] // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 291–332.

тинополя в 839 г. ко двору франкского императора Людовика Благочестивого в Ингельхейм и назвавшие себя русами (*Rhos*), вызвали сомнения в своем истинном происхождении и при более тщательном расследовании оказались *свеонами*, т.е. шведами[55] Их восточноевропейское подданство оказалось очевидным, поскольку в это время нигде, кроме Хазарии и Древнерусского государства, правители не именовались каганами. А принадлежность к северному народу *свеонов* насторожила Людовика, имевшего напряженные политические отношения с *данами*, поскольку в 838 г. их король потребовал уступить ему земли фризов, затем оккупировал район города Дуурстеде. В 841 г. даны разграбили Руан, в 842 г. — Квентовик, в 843 г. — Нант, в 845 г. — Гамбург и Париж. В 859 г. было совершено нападение на Андалусию, после которого норманны прорвались по Средиземному морю до Италии. Логично предположить, что и нападение 844 г. на Андалусию стояло в том же ряду разбойничьей деятельности *данов*[56] Норвежские норманны в это время занимались оккупацией Ирландии; часть их могла, конечно, принимать участие в других военных походах[57], однако *свеоны*, хотя и не только именно они, в ту же эпоху осваивали преимущественно территории Восточной Европы и Прибалтики. Настороженность Людовика Благочестивого в отношении принадлежности прибывших ко двору восточноевропейских *русов* к скандинавскому роду могла означать только одно — возможную идентификацию в глазах европейцев прибывших *свеонов-русов* с нападавшими на западноевропейские земли *данами* и *норвежцами*, тем более что в IX в. сами скандинавы еще не имели четких этнических различий. Норманны же, действовавшие в Андалусии, которых арабские авторы именовали *ал-маджус* или *ал-урдуманийа*, были связаны, вероятнее всего, с историей западноевропейских норманнов и едва ли были тождественны выходцам из Швеции — *свеонам*, известным в восточной части Европы. Вспомним рассказ Ибн Дихйи о посольстве ‘Абд ар-Рахмана к королю *маджусов* на некий северный остров после набега их на Севилью в 844 г.; если даже, как предполагал Э.Леви-Провансаль, эта история не более чем литературно оформленная легенда, все же она связывает напавших на Андалусию скандинавов с областями западноевропейскими, но не восточноевропейскими.

Арабские писатели не соприкасались, как правило, с представителями скандинавов. Тем не менее можно полагать, что одни арабские

---

[55] Древняя Русь. С. 288–289.

[56] *El-Hajji Abdurrahman Ali.* Andalusian Diplomatic Relations. P. 155–157, 182–186.

[57] Э.Квален настаивал на норвежском происхождении скандинавов, впервые проникнувших на территорию Восточной Европы: *Kvalen E.* The Early Norwegian Settlements on the Volga. Vienna, 1937, однако эта точка зрения не получила признания.

авторы отличали западноевропейских норманнов — *ал-маджус* или *ал-урдуманийа* — от восточноевропейских — *ар-рус*, другие же не имели точных и достоверных известий, что и вызывало замену одного термина другим. Слово *ал-маджус* при рассказах о норманнах определенно относилось к западноевропейским скандинавам; термин *ал-урдуманийа* тоже применялся к отрядам норманнов, приплывавших из Атлантики в Испанию, и употреблялся в арабо-испанских хрониках; название же *ар-рус* оказалось универсальным и использовалось не только по отношению к скандинавским выходцам из восточноевропейского региона, но и тогда, когда надо было пояснить смысл других обозначений норманнов.

Что же касается конкретного похода 844 г. на Севилью, то он едва ли был совершен теми скандинавами, которые тревожили в 30-х и 60-х гг. IX в. Византию, появляясь со стороны Понта, действовали в Восточной Европе и участвовали в формировании Древнерусского государства. Вероятнее, его совершили даны или норвежцы (или отряды и тех и других), принимавшие в то время деятельное военное участие в политической жизни западноевропейских стран.

Джон Х.Линд (Копенгаген, Дания)

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «РУКОПИСАНИЯ КОРОЛЯ СВЕЙСКОГО МАГНУША» ПО ШВЕДСКИМ И РУССКИМ ИСТОЧНИКАМ*

Появление в русских летописях начала XV в. под 1352 (6860) г. сомнительного «Рукописания короля свейского Магнуша», как правило, вызывало у исследователей недоумение. Однако сам текст никогда не подвергался серьезному изучению[1]

По форме текст[2] представляет собой завещание, «рукописание при своем животе», но, судя по содержанию, является скорее наставлением, «поучением» короля Магнуса шведскому народу, которое он начинает и заканчивает настоятельным советом не преступать крестоцелования, т.е. не нарушать Ореховецкий мирный договор 1323 г. нападением на Русь. В центральной части автор сперва дает краткий обзор русско-шведских отношений вплоть до поражения Магнуса в крестовом походе 1347–1351 гг., а затем переходит к описанию несчастливой жизни Магнуса после поражения. Тем самым автор, очевидно, стремится показать, какими бедственными последствиями обернулось нарушение крестоцелования в прошлом и, по-видимому, грозит в будущем.

В упомянутом кратком обзоре русско-шведских отношений непосредственно перед крестовым походом автор считает необходимым выделить три стадии. Во-первых, попытку Биргера Магнуссона, которого автор «Рукописания» называет «князем Бергером», захватить опорный пункт на Неве у р. Ижоры и его последующее поражение от рук Александра (Невского). Здесь «Рукописание» предстает единственным источником, упоминающим, что шведский флот возглавлял

---

* Пер. с англ. С.Л.Никольского.

[1] В российской историографии см. статью: *Каган М.Д.* Рукописание Магнуша, короля свейского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV —XVI в.) / Д.С.Лихачев. Ч. 2. Л., 1989. С. 313–315.

[2] Лучшая публикация текста — см.: НЧЛ. С. 281–282. Однако сам по себе текст лучше всего сохранился в Новгородской Карамзинской летописи (РНБ Ф. IV. 603 и сл. 346об–347об), ныне в печати; именно на этот текст я ссылаюсь в данной работе.

© Дж.Х.Линд, 2001

именно Биргер Магнуссон[3] Во-вторых, попытку Тюргильса Кнутссона в 1300 г. основать крепость «Венец земли» (в шведских источниках — *Landskrone*) на Неве у р. Охты, чему, впрочем, помешал Андрей Александрович, который вместе с новгородцами захватил крепость и разгромил шведов на следующий год. Здесь, как и в Новгородской первой летописи (НПЛ), Тюргильс назван просто «Маскалко», что отражает его статус шведского марскалька. Однако, если в НПЛ он фигурирует как «наместьник королев», в «Рукописании» его статус завышен до «брат мои князь»[4]

Последний эпизод этого краткого обзора русско-шведских отношений касается «крестного целования», т.е. заключения Ореховецкого мира 1323 г. Следует отметить, что шведская сторона фигурирует здесь в качестве простого «мы»: «и потомъ намъ было розмирье с русью 40 лет и потом съ княземь Юрьемъ взяхомъ миръ вечныи на Неве». Вероятно, автор, черпая информацию из своих источников, не знал, что договор со шведской стороны заключался от имени короля Магнуса, — в дошедших до нас русских летописях его имя в связи с этим не упоминается. В противном случае автор, вероятно, написал бы: «Я заключил вечный мир», поскольку в остальных частях текста Магнус, по воле автора, говорит от первого лица. Это существенно подкрепило бы в тексте мотивы личного поучения.

Далее описываются крестовый поход Магнуса против Новгорода и его собственное нарушение крестоцелования: «и потом за 30 лет аз княз Магнуш... того не порядя поднялся есми съ всею землею свеиского и вшед в Неву». Поскольку нарушение крестного целования является центром повествования, оно описывается более обстоятельно, разбиваясь на следующие эпизоды:

а) Магнус захватил Ореховец, посадил там своих людей и отбыл за море;

б) новгородцы освободили крепость;

---

[3] Некоторые рукописи Жития Александра Невского также упоминают его имя, но в таких искаженных формах, как *Велгер*, тем самым демонстрируя свою зависимость от позднейшей переделки «Рукописания». Касательно точки зрения И.П.Шаскольского (*Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 171–178), что Биргер Магнуссон не мог возглавлять рейд в 1240 г., поскольку еще не был возведен в ярлы, следует особо подчеркнуть, что по шведским областным законам ярл ни в коей мере не являлся по рождению лидером военно-морской экспедиции, ледунга. Скорее, сам король мог выбирать руководителем (*forman*) экспедиции кого ему было угодно, и когда Биргер, судя по «Хронике Эрика», был поставлен во главе экспедиции в Häme/Tavastia, предположительно в 1238/9 г., определенно использовался термин *forman*, но не *ярл* (см.: *Lind J.H.* Early Russian-Swedish Rivalry. The Battle on the Neva in 1240 and Birger Magnusson's Second Crusade to Tavastia // Scandinavian Journal of History. Stockholm, 1991. 16:4 P. 269–295).

[4] См.: НПЛ. С. 91

в) годом позже король Магнус вновь отправился в Ореховец, но, узнав о потере крепости, повернул на Копорье; однако, прослышав о приближении новгородцев, бежал из Копорья;

г) в устье Наровы шторм потопил его флот («и потопи рати моеи много»), однако самому Магнусу удалось бежать.

Здесь «Рукописание» оказывается единственным источником, прямо указывающим, что во время крестового похода Магнус предпринял две отдельные экспедиции. И.П.Шаскольский отверг идею о второй кампании главным образом потому, что о ней не упоминают новгородские летописи. При этом от И.П.Шаскольского не ускользнул тот факт, что Новгородская четвертая летопись (НЧЛ) под 1350 г. все-таки содержит короткую, стоящую особняком статью, в которой говорится, что «немецкая армия затонула в море» («рать Немецкаа истопе в море»). Тем не менее И.П.Шаскольский опускает данный отрывок, утверждая, что речь могла идти о какой-то другой немецкой армии[5]. Само по себе это утверждение кажется несколько натянутым. Однако важнее то, что И.П.Шаскольский не знал о существовании следующих двух строк в так называемом «Соединительном стихе» (Förbindelsedikten) к «Шведской рифмованной хронике»: «Han [Magnus] groff sik vth aff Lowka minne / äller hade the fangat honom ther jnne» («Он удрал из устья Луги / Иначе они бы его там изловили»)[6]. Хотя стихотворение в целом описывает кампанию в виде одной экспедиции, эти строки могут рассматриваться не иначе как подтверждение бегства короля Магнуса из Копорья к р. Нарове во время второй кампании, перед кораблекрушением у Нарвы, как описано в «Рукописании». Получив в свое распоряжение два независимых источника, подтверждающих отдельные детали в сообщении «Рукописания», мы, разумеется, не имеем оснований сомневаться и в достоверности последнего.

Здесь завершается повествование о событиях, связанных с Русью, и автор переходит к описанию оставшейся жизни короля Магнуса, изображая ее в виде непрерывной череды несчастий. Эта часть включает следующие эпизоды:

а) на Швецию обрушились страшные бедствия («погибель»): наводнение, мор, голод и междоусобная война;

б) Бог лишил Магнуса разума, и того год держали в заключении, приковав к стене;

в) затем явился его сын Хакон («Сакун») и забрал его в Норвегию;

---

[5] *Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 158–160.

[6] Ср.: Svenska medeltidens rimkrönikor / G.E.Klemming. Stockholm, 1865. B. I. S. 177. Русский перевод см.: *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 127.

г) там он потерпел кораблекрушение: «и корабль мои и люди стопи ветръ».

До этого момента жизнеописание Магнуса имеет, как мы убедимся, несколько точек пересечения с его реальной биографией вплоть до гибели в 1374 г. Однако вместо того, чтобы позволить Магнусу утонуть, автор продолжает: «а самъ створих плаваа на дне корабленемъ стрек мечем пригвоздився 3 дни и 3 нощи и принесе мя богъ под манастырь Святого Спаса в Полную реку и сняху мя с доски черньци и внесша в манастырь и постригоща в черньци и в скиму».

Итак, Господь продлил жизнь Магнуса еще на три дня и три ночи. В течение эти трех дней, как мы должны заключить, Магнус и сочинил свое «Рукописание», которое он завершает объяснением, что всем этим Бог наказал его за «высокоумье что есми напустилъ на Русь на крестном целовании». Магнус повторяет свое наставление «братьям и детям» не нарушать крестоцелования нападением на Русь, поскольку Господь накажет их, как наказал его. В последнем утешительном слове Магнус заверяет нас, что Бог своей мудростью свершил все это ради спасения его, Магнуса, души.

ИСТОЧНИКИ

Русские источники

Прежде чем углубляться в дискуссию касательно религиозно-политических предпосылок «Рукописания», следует сказать несколько слов о дате его сочинения и вероятных источниках.

Поскольку автор, судя по всему, знает, что король Магнус погиб в кораблекрушении, которое произошло в декабре 1374 г.[7], это дает нам terminus post quem. Труднее определить terminus ante quem, если не считать им датировки самых ранних рукописей, где появляется «Рукописание», т.е. древнейших списков Софийской первой летописи (СПЛ), НЧЛ и Новгородской Карамзинской летописи (НК), которые в целом датируются второй половиной XV в. Очевидно, что все эти летописи были изначально составлены раньше, но попытка определить точную дату вовлекает нас в сложную дискуссию относительно существования или же отсутствия одного общего источника этих летописей, а также относительно времени их составления[8] Достаточно

[7] Эта дата дана в таких источниках, как исландские анналы (см.: Islandske Annaler indtil 1578. Christiania, 1888. P. 280, 363, 411), а также в «Хронике Висбю» (см.: *Paulsson G.* Annales suecici Medii aevi. Lund, 1974. P. 322).

[8] Об этой дискуссии см. недавние труды А.Г.Боброва (*Бобров А.Г.* Редакции Новгородской Четвертой летописи // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 107–136) и Г.М.Прохо-

сказать, что составление каждой из этих летописей, по-видимому, относится к первой половине XV в., и поскольку «Рукописание» вряд ли могло быть сочинено впервые внесшим его в летопись составителем[9], время его создания, скорее всего, не позднее первой четверти XV в.

При непосредственном обращении к источникам кажется ясным, что, повествуя о раннем времени вплоть до конца кампании 1347–1351 гг., автор опирается в первую очередь на доступные ему новгородские летописи. То, что автор мог назвать Биргера предводителем рейда 1240 г. и описать вторую кампанию короля Магнуса, наводит на мысль, что в его распоряжении имелась ныне утраченная летопись. На существование такой летописи указывает анализ взаимоотношений НЧЛ и двух групп отрывков, из которых состоит НК. Анализ демонстрирует, что компилятор НЧЛ механически соединил две упомянутые группы. Однако, если мы вычленим текст НК из текста НЧЛ, останется третий комплекс, по преимуществу кратких летописных статей, датируемых начиная с 1117 г. и освещающих светскую политическую жизнь в Новгороде. К этому пласту принадлежит статья под 1350 г. о потопленной немецкой рати, а также, между прочим, статьи о некоем Матфее Михайлове и его семействе, внушающие подозрения, что именно Матфей приложил руку к составлению этого третьего, особого источника НЧЛ[10]

Шведские источники

Применительно к шведской истории после 1351 г. в «Рукописании» существует, как уже говорилось выше, столько точек пересечения с реальной биографией Магнуса[11], что от него невозможно отмахнуться как от чистого вымысла. Пусть упоминание потопа, мора, голода и междоусобной войны, потрясших Швецию, и могло быть частично

рова (*Прохоров Г.М.* Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов // Там же. С. 137–142). Моя собственная, несколько отличная точка зрения, которую я пока не склонен пересматривать, была вкратце представлена в: *Lind J.H.* In the Workshop of a Fifteenth Century Russian Chronicle Editor. The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text: Editors and Critics. A Symposium held at Odense University 20–21 November 1989. Odense, 1990. P. 65–81.

[9] Здесь я полагаюсь на не вполне надежную гипотезу, в соответствии с которой автор, зная о том, что Магнус погиб значительно позднее 1352 г., не стал бы помещать текст в летопись под этим годом.

[10] О роли упомянутого Матфея Михайлова см.: *Lind J.H.* In the Workshop. P. 75–78. Матфей Михайлов работал над этой летописью по крайней мере с 1403 по 1411 г. Схожую точку зрения можно обнаружить в статье: *Лурье Я.С.* Матфей Михайлов // Словарь книжников и книжности. С. 109.

[11] К настоящему времени имеется специальное исследование жизни Магнуса: *Nordberg M.* I Kung Magnus tid. Norden under Magnus Eriksson 1317–1374. Stockholm, 1995.

инспирировано библейскими сюжетами, в последние годы правления Магнуса в Швеции действительно имели место и мор, и голод, и внутренняя междоусобица. Более того, в 1365–1371 гг. король Магнус действительно находился в заключении и даже, по некоторым сведениям, был закован в железные цепи; он в самом деле был освобожден благодаря вмешательству его сына Хакона и перевезен в Норвегию; и наконец, он действительно расстался с жизнью в результате кораблекрушения.

С другой стороны, как уже подмечено, даже если не принимать во внимание весьма своеобразную версию гибели Магнуса, предложенную в «Рукописании», заключенная в нем информация касательно чисто шведских событий не совсем совпадает с тем, что, по нашим сведениям, имело место в действительности. Это относится к недостоверному, по нашему мнению, замечанию о безумии Магнуса («и отят богъ умъ у самого мене»), а также к сообщению «Рукописания» о том, что Магнус провел в заключении всего один год («седех в полате лето»), тогда как на самом деле оно длилось почти семь лет — с 1365 по 1371 г. Такого рода неточности, по всей видимости, возникают в результате устной передачи. Поэтому неудивительно, что «Рукописание», по мнению И.П.Шаскольского, не «сообщает ни одной мелкой подробности из жизни Магнуса, которая могла быть заимствована из письменного памятника». И.П.Шаскольский, в частности, указывает на такую «подробность»: по «Рукописанию» создается впечатление, что кораблекрушение произошло во время путешествия Магнуса в Норвегию, которое он предпринял после освобождения из заключения в 1371 г., тогда как на самом деле он прожил в Норвегии еще целых три года, прежде чем отправиться в то роковое путешествие; «такая путаница могла возникнуть только в устной традиции». Поэтому И.П.Шаскольский предполагает, что автор «Рукописания» скорее всего почерпнул свою информацию от какого-нибудь шведа или готландца, посетившего Готский двор[12].

Вне всяких сомнений, устная традиция играла важную роль в передаче сведений о последних годах жизни Магнуса, которые содержатся в «Рукописании», но не обязательно таким образом, как считал И.П.Шаскольский. В обсуждаемом тексте: «и потомь приеха сынъ мои Сакунъ из Мурманские земли и вынял мя ис полаты и повезе в свою землю и удари на мене потоп», с точки зрения синтаксиса, нет никаких прямых указаний на то, что «потоп» произошел во время путешествия в Норвегию; это могло случиться в любое время после отбытия короля в Норвегию, просто автор не пожелал или не смог ничего по-

[12] Ср.: *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии. С. 174–176.

ведать о промежуточных событиях[13] Это не имело бы особого значения, если бы не очень любопытная параллель в одном шведском письменном источнике, «Хронике Висбю». Здесь мы обнаруживаем ту же тесную связь между освобождением Хаконом своего отца, переездом последнего в Норвегию и последующей гибелью в море без каких-либо промежуточных событий. Однако здесь, вместо того чтобы связать два сюжета экономным союзом «и», автор использует выражение «немного позднее»[14] Но это не единственная любопытная параллель между «Хроникой Висбю» и «Рукописанием».

«Хроника Висбю» является сложной, отчасти погодной компиляцией, работа по созданию которой в основном была завершена к 1412 г.[15] Вплоть до 1319 г. текст представляет собой строгую погодную запись; но затем автор, приступивший к работе в начале XV в., на протяжении нескольких лет не придерживался хронологических рамок, в некоторых случаях вставляя тексты, которые, по всей видимости, представляли для него особый интерес. Один из таких текстов, датированный 1340 г., следует непосредственно после рассказа о датском завоевании Готланда в 1361 г. и повествует о нападении Магнуса на Русь, о захвате им Ореховца и потере крепости на следующий год. Этот рассказ завершается сообщением о том, что св. Биргитта отправилась из Швеции в Рим[16] Чуть позже, с 1363 г., начинается рассказ о событиях, приведших к поражению Магнуса от армии шведской знати и их нового короля Альбрехта, последующем семилетнем заключении Магнуса, о его освобождении и гибели. Сам рассказ не имеет хронологического членения, но за ним следуют погодные сообщения о событиях 1386–1412 гг. Далее другой рукой вписано еще несколько статей.

Помимо тесной связи между освобождением Магнуса и его переездом в Норвегию, с одной стороны, и кораблекрушением — с другой, в нашем контексте вызывают повышенный интерес еще два отрывка

---

[13] Вводя в текст современную пунктуацию («повезе в свою землю. И удари на мене потоп»), некоторые публикаторы, в сущности, продемонстрировали, что, в отличие от И.П.Шаскольского, они не видят столь тесной связи между переездом Магнуса в Норвегию и потопом. См., например: СПЛ. С. 227; ВПЛ, С. 116.

[14] «Et tandem cum placitacione callida ad sagaci de dicta captiuitate liberauit patrem ducens ipsum secum ad Norwegiam. Qui paulo post in scopulis in vna insula prope Bergensem ciuitatem dictam Lywngholm de naui sua, que pro tunc periclitabatur, incaute in aquam exiliens et per seruitores suos extractus et ad litus perductus palpitando vitam finiuit» (*Paulsson G.* Annales suecici. P. 322).

[15] Есть основания полагать, что основной автор, перу которого принадлежит и комплекс сведений о Магнусе Эрикссоне от крестового похода на Русь и вплоть до его гибели, писал не позднее 1412 г., поскольку сообщение о смерти королевы Маргрет в этом году вписано уже другой рукой. См.: *Paulsson G.* Annales suecici. P. 123.

[16] *Paulsson G.* Annales suecici. P. 320–321.

из «Хроники Висбю». Во-первых, эта хроника является единственным шведским источником, упоминающим, что до 1365–1371 гг. Магнус подвергался заключению, которое, как и в «Рукописании», длилось около года. Произошло это в 1360–1361 гг., когда Хакон по наущению своих советников лишил отца свободы[17] Неизвестно, имело ли место это заключение на самом деле, но тот факт, что именно «Хроника Висбю» содержит данную информацию, представляет несомненный интерес при выявлении возможного источника версии, предложенной в «Рукописании».

Другой отрывок касается гибели Магнуса. Из исландских анналов мы узнаем лишь, что 1 декабря 1374 г. он утонул вместе с двадцатью пятью своими людьми. Однако «Хроника Висбю» содержит любопытную подробность: испугавшись, что его корабль пойдет ко дну, король Магнус «прыгнул за борт, но слуги вытащили его, вынесли на берег, где он и закончил свою жизнь»[18] Этот отрывок очень напоминает историю из «Рукописания» о том, как короля перед самой смертью вытащили на берег русские монахи. Таким образом, рассказ из «Хроники Висбю» вполне мог вдохновить автора «Рукописания», нуждавшегося в собственной версии последних дней короля Магнуса.

Выше я уже касался того, что в «Рукописании» присутствует еще одно, по-видимому, недостоверное сообщение: «и отят богъ умъ у самого мене». Однако это не значит, что мы не находим подобный мотив в современной королю, враждебной ему литературе, появлявшейся на свет в аристократическом окружении св. Биргитты и позднее приведшей к ниспровержению короля Магнуса с трона. Так, в одном из откровений св. Биргитты, порочившем короля и выполненном в форме судебного разбирательства, Бог (в роли Юстиции) в речи против Дьявола подчеркивает, что он может отнять у короля здравый ум, так что тот на словах и на деле предстанет скорее как дурак и шут, чем как мудрый человек[19]

Следовательно, в рассказе «Рукописания» о жизни Магнуса в Швеции после 1351 г. практически нет ничего, чему бы не находилось

---

[17] «Qua propter idem rex Haquinus consiliariis regni Swecie adherens patrem suum in ecclesia parochiali Calmarnie in die sancti Martini captiuauit et in castro posuit et in die ascencionis Domini ipsum de dicta captiuitate penitentia ductus liberauit — Rex igitur Magnus post suam liberationem de captiuitate concordans cum filio in omnibus — omnes nobiles regni qui in hoc concordabant, vt captiuaretur, de regno expulit» (*Paulsson G.* Annales suecici. P. 321).

[18] См. цитату выше, в примеч. 14.

[19] В старошведском тексте: «Rätuisan suaradhe jak skal minzska honum [Magnus] snille oc visdom j görande thingom at han skuli synas licare dara oc skämdagäst j ordhom oc gerningom ok allom sinom mädh färdhom än sniällom manne» (Heliga Birgittas uppenbarelser / Efter Gamla Handskrifter utgifna av G.E.Klemming. Stockholm, 1861. B. 3. SFSS BD 14. S. 468–469).

параллелей в шведских письменных источниках, предшествующих или современных сочинению «Рукописания». Тем не менее многие из этих источников, как, например, Libellus de Magno Erici rege, Förbindelsedikten и откровения св. Биргитты, по складывающемуся впечатлению, основаны на устной традиции в форме обыкновенных слухов. В сущности, настоящая клеветническая кампания против короля, развернувшаяся вскоре после его поражения в крестовом походе на Русь[20], показывает, что подобные слухи намеренно распространялись его противниками. Независимо от того, имел ли автор «Рукописания» в своем распоряжении какой-либо письменный текст, он несомненно черпал информацию из шведских источников. Ему не требовалось ничего выдумывать вплоть до самого конца своего повествования о жизни короля, где автор придал тексту специфически русский оттенок; но, как мы убедились, даже в последнем сюжете автор следовал шведскому источнику. Наличие в «Хронике Висбю» большей части сведений о Магнусе, используемых в «Рукописании», указывает, что именно Готланд, как и полагал Шаскольский, скорее всего являлся местом, откуда автор «Рукописания» получил свою информацию.

СВЯТЫЙ СПАС В ПОЛНУЮ РЕКУ — ВАЛААМСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Теперь мы обратимся к действительным авторским дополнениям — к последнему путешествию короля Магнуса на днище собственного корабля в монастырь «Святый Спас в Полную реку». Подразумевал ли автор некий конкретный монастырь, выбрав для обители подобное название? Вероятно, да. Но какой именно? Для начала можно отметить, что своим «Рукописанием» автор стремился отговорить шведов от нарушения мира, заключенного в 1323 г. Далее отметим, что в «Рукописании» автор выделил три шведских нападения на Русь, в ходе которых шведы предпринимали попытки завладеть плацдармом на Неве: Невскую битву 1240 г., возведение Ландскроны на Неве в 1300 г. и захват Магнусом Ореховца в 1348 г. Следовательно, автора особо заботила защита подступов к Ладожскому озеру. В том районе нам известен лишь один Спасский монастырь — Валаамский. Между тем Валаам — по крайней мере одно время — действительно связыва-

[20] Несомненно, и Биргитта, и ее окружение испытывали острую нужду в том, чтобы отмежеваться от этого неудачного крестового похода и переложить ответственность за бедствие непосредственно на короля. С другой стороны, вескость ее откровений, в которых защищался крестовый поход, вполне можно поставить под сомнение.

ли с обороной региона Невы от шведской угрозы. В этом можно убедиться на примере так называемого Лицевого свода, который, будучи написанным в 1560-х гг., основывался на Никоновской летописи. Здесь переписчик, работая поверх затертых мест, дважды включает Валаам в текст описания Невской битвы в Житии Александра Невского. Во-первых, когда шведский лидер провозглашает свое намерение покорить Старую Ладогу, Новгород и всю новгородскую территорию, писец добавляет «до Валаама». Затем, когда ижорец Пелгусий видит шведский флот, он замечает еще один корабль, на котором распознает святых Бориса и Глеба, явившихся помочь своему родственнику Александру, и наблюдает, как их корабль проплывает мимо и удаляется «на Валаам»[21]

Однако каким образом указание на местонахождение монастыря соотносится с загадочной «Полной рекой»? В средневековых русских источниках название и понятие «Полная река», похоже, применялись лишь при описании мест в современной Финляндии и на соседнем с ней побережье Северного Ледовитого океана. Помимо «Рукописания», в течение почти трехсот лет оно отмечается в разных контекстах по крайней мере в пяти различных регионах[22]

Самое раннее упоминание присутствует в новгородском летописании под 1318 г., когда новгородцы нападают на «Полну реку» и захватывают город или крепость финского (сумьского) князя Людера и епископа[23]. Под этим городом или крепостью может скрываться лишь Турку и епископский замок в Куусисто (Kustö). «Полна река» в Турку затем засвидетельствована под 1441 г. в письме к городскому совету Ревеля, в котором Новгород жалуется на то, что один из русских купцов был ограблен и его товар захвачен «в Полной реке». Однако в Ревеле письмо было переведено на немецкий, где выражению «в Полной реке» соответствует «в Аэбо»[24]

Далее в русском летописании мы имеем сообщения о войне со шведами в 1495–1496 гг. В соответствии с наиболее полной летописной редакцией, русские в ходе войны предприняли три рейда в Финляндию. Последний, весной 1496 г., был направлен против Каянской земли. В полной редакции этот рейд назван походом к «Десяти рекам». Семь из них поименованы — Кеми, Торне, Келло, Уле, Сиикай-

---

[21] Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого Летописного свода XVI в. / Н.Н.Розов. СПб., 1992. 905 об., 909 и сл.

[22] Об этом, а также о вероятном решении проблемы см.: *Lind J.H.* The Polna Rivers and Russia's Medieval Borders with Scandinavian West // Traditions and Innovations. Papers presented to Andreas Haarder. PEO: Pre-publications of the English Department of Odense University, Special Issue, June 1994. Odense, 1994. P. 155–170.

[23] НПЛ. С. 95.

[24] LECUB. Bd. IX. № 793.

оки, Лумийоки, Хаукипудас; все они впадают в Ботнический залив[25] Уже в 1500 г. в Вологде была составлена так называемая Вологодско-Пермская летопись (ВПЛ). В ней мы обнаруживаем версию, в соответствии с которой все три рейда сжаты в одну-единственную операцию[26] Важно то, что эта сокращенная редакция, имея явную текстуальную зависимость от пространной, превращает рейд к Десяти рекам в рейд «до Полные реки».

Другая Polna flu («Полна река») появляется в 1542 г. на карте России Антона Вида и Ивана Лятского — первой карте, которая содержит значительную информацию о России, происходящую из самой России. Протекая из окрестностей Белого моря в Финский залив, «Полна река» очерчивает шведско-русскую границу: вдоль ее русла на карте с западной стороны написано «SCHWECIA», и территория здесь закрашена розовым цветом, тогда как русская сторона помечена желтым[27] Реку эту невозможно идентифицировать с какой-либо реальной рекой; да и граница, разумеется, никогда не проходила по одной реке, а по целой системе рек и озер — в первую очередь по оз. Саймаа с множеством малых и крупных групп островов.

Спустя несколько лет, в 1559 г., «Полна река» упоминается в письме с жалобой на противоправные действия норвежцев на месте рыбной ловли под названием «Полная река» на Варенской губе у Северного Ледовитого океана, где немцы датского короля оккупировали полреки[28] Позднее «Полная река» фигурирует в том же районе под 1592 г. в сообщении Симона ван Салингена касательно переговоров о разграничительной линии 1573 г.[29] В обоих случаях идентифицировать эту «Полную реку» с какой-либо конкретной рекой не представляется возможным.

Почему же русские использовали понятие «Полная река» исключительно в связи с соседними финно-скандинавскими ландшафтами?

---

[25] Свод 1518: Кем, Торма, Колокол, Овлуй, Сиговаа, Снежна, Гавка, Путашь (последние две в действительности являются одной рекой). Ср.: ПСРЛ. М., 1963. Т. 28. С. 326–327; *Gallén J.* Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Helsingfors, 1968. P. 137, 169.

[26] ВПЛ. С. 289–290. См. также: *Клосс Б.* Вологодско-пермские летописи XV в. // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 279.

[27] Карта хранится в Herzog August Bibliothek, Wolfenbüttel: Kartensammlung K 6; черно-белую копию см.: *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии. М., 1974. С. 11–12.

[28] *Щербачев Ю.Н.* Русские акты. СПб., 1897. Кол. 51–54.

[29] Büsching Magazin. Halle, 1773. Bd. VII. S. 345. Оригинал находится в Государственном Архиве Дании (TKUA Speciel Del Rusland. № 16). В своем издании Бюшинг ошибочно перескакивал от одной «реки» к другой, допуская в связи с этим пропуски: «oder der ersten Monckenfort und Polnoy Reka». Русский перевод А.М.Филиппова основан на издании Бюшинга: *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии в XVI в. // Литературный Вестник. СПб., 1901. I:3. С. 297–305.

Чем в глазах русских этот ландшафт отличался от их собственного, притом что он мог быть описан термином «Полная река», вероятно отражавшим семантическое содержание прилагательного «полная» (наполненная, могучая, богатая)? Очевидно, оно употреблялось для описания сложной, столь важной для безопасной навигации системы архипелагов (фин. *saaristo*, шв. *skärgerd*), состоявших из тысяч малых и крупных островов, которыми так изобилуют прибрежные воды и внутренние озера Финляндии. Для русской системы коммуникаций, напротив, характерны протяженные широкие реки и относительно немногочисленные озера, часто вовсе без островов.

Указанный тип ландшафта обнаруживается во всех регионах, при описании которых встречается название «Полная река»: у Або, вдоль границы между Швецией и Россией на озере Саймаа, у Северного Ледовитого океана и в устьях рек, впадающих в Ботнический залив.

Однако в связи с данной интерпретацией встает следующая проблема: могло ли в действительности русское слово «река» употребляться при обозначении водных систем, в традиционном смысле реками не являющихся. То, что такое употребление было в самом деле возможно, поразительным образом подтверждает недавно открытый источник — «Сказание о Валаамском монастыре». Этот текст XVI в., повествующий об основании и ранней истории Валаамского монастыря, начинается с географического описания, в котором говорится, что Ботнический залив (Каенская губа) связан с Балтийским морем (Свизским морем) через «Полную Великую реку». Река эта, «говорят, 60 верст (=64 км) шириной»[30]. Под этой «рекой» мог подразумеваться лишь архипелаг, связывающий район Або/Турку в Юго-Западной Финляндии и Аландские острова. Русское слово «река», таким образом, могло применяться к водной системе, которая, в нашем понимании термина, не является собственно рекой, но именно таким ландшафтом, о котором, по нашей гипотезе, здесь и идет речь. Если это предположение верно, то монастырь «Святый Спас» на соседнем со Швецией архипелаге может быть лишь Валаамским монастырем.

Хорошо известно, что монахи Валаамского монастыря, который возродился в 1715–1719 гг., после того как Россия восстановила свои позиции в регионе (он был захвачен шведами в 1611 г. и отсутствует в договоре 1617 г.), утверждали, что в их монастыре похоронен король Магнус. Эту легенду обычно обходили вниманием как вымысел XVIII в., основанный на знакомстве с «Рукописанием». Попробуем тем не менее рассмотреть легенду подробнее. Впервые она была запи-

[30] *Охотина-Линд Н.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 158, 160: «и до полной великой реки, ея же 60 верст поперек глаголют быти; она же течет от Каенския губы моря в Свизское море».

сана в конце XVIII в., когда в 1785 г. Николаю Озерековскому, посетившему монастырь, показали безымянную могилу какого-то шведского принца. «По сказкам монахов, погребенный некогда принц занесен был на Валаам сильною бурею и, потеряв у сего острова свое судно, остался на нем до конца своей жизни...»[31]. Позднее, когда финский фольклорист Элиас Лённрот посетил Валаам, там оказалась деревянная плита с надписью[32], вероятно той же самой, что читалась на каменной плите, поврежденной или уничтоженной во время второй мировой войны[33]. Этот рифмованный текст, судя по двум рукописям в библиотеке Валаамского монастыря[34], был сочинен около 1800 г., но странным образом опирается не на «Рукописание»: в соответствии с надписью, Магнус родился в 1336 г., а умер в 1371 г. — эти даты не могли быть заимствованы из «Рукописания». Появляются серьезные подозрения, что само «Рукописание» не было известно в монастыре в то время. Скорее, источником послужил русский перевод «Шведской истории» Олуфа Далина. Так, известный фальсификатор и энтузиаст Валаама А.И.Сулакадзе в сущности неверно интерпретировал сведения Далина относительно 1371 г. как даты гибели Магнуса[35] Если в XVIII в. легенда о смерти Магнуса на Валааме непосредственно не основывалась на знании «Рукописания», значит, она должна была отражать местную традицию, существовавшую до того, как жизнь монастыря была прервана шведским завоеванием 1611 г. В свою очередь, это подкрепило бы версию об изначальной связи между сочинением «Рукописания» и Валаамским монастырем и о том, что под «Святым Спасом в Полную реку» в самом деле подразумевался Валаамский монастырь.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА «РУКОПИСАНИЯ»

Для изучения религиозно-политических предпосылок появления текста мы должны сфокусировать свое внимание на двух исторических событиях: 1) крестовом походе против Новгорода, который сделал

---

[31] Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989 (1792). С. 72.

[32] Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842. Петрозаводск, 1985. С. 51–52.

[33] См. фотографию в: *Paavolainen O.* Karelen landet som var. Borge, 1941. Без пагинации.

[34] Ныне в Православном Музее в Куопио (Финляндия): SOKK 80 и SOKK 113.

[35] *Сулакадзе А.И.* Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря. 1818. (Рукопись находится в библиотеке Ново-Валаамского монастыря.)

короля Магнуса таким значимым персонажем в представлении русских; 2) сложившейся пару поколений спустя ситуации, которая побудила автора к сочинению «Рукописания».

Крестовый поход короля Магнуса

Крестовый поход произвел в Новгороде глубокое впечатление. Это видно по сообщению новгородских летописей о первоначальном приглашении короля Магнуса обсудить общие черты обоих вероисповеданий, дабы объединиться в вере, по общему признанию лучшей, а также по растерянной реакции новгородской церкви на это приглашение[36] Существует искушение проигнорировать это приглашение к религиозной дискуссии как плод воображения летописца. Однако, судя по всему, здесь мы не имеем дела с вымыслом. Вероятно, король Магнус действительно послал русским приглашение схожего содержания, поскольку в значительной степени подчинялся директивам, сформулированным для него св. Биргиттой.

Когда в 1319 г. на трон Норвегии и Швеции возвели Магнуса Эрикссона, он был всего лишь оставшимся без отца трехлетним мальчиком. Его мать вскоре изгнали из регентского совета, центральной фигурой в котором стал аристократ Биргер Перссон, отец св. Биргитты. Как Магнус, так и позднее его юная супруга Бланш Намурская подпали под сильное влияние Биргитты Персдоттер, что отчетливо проявилось, когда 1 мая 1346 г. королевская чета выпустила совместное завещание. В нем выражена поддержка задуманному Биргиттой основанию нового монашеского ордена и впервые появились намеки на будущий крестовый поход. Такой поход был и оставался главной темой ряда откровений Биргитты, в которых она претендовала на роль глашатая не только Девы Марии, но и самого Христа. Значительное число этих откровений прямо или косвенно было адресовано королю Магнусу[37] К сожалению, они трудно поддаются датировке относительно друг друга и предпринятого крестового похода. Однако взгляды Биргитты на сам крестовый поход вполне ясны.

В одном из, по-видимому, ранних откровений король Магнус подвергся критике за ведение войны против братьев-христиан, т.е. против датчан в Копенгагене в 1343 г. Вместо этого ему предлагалось повер-

[36] «аще хошчеши уведати коя вера лучши, наша ли или ваша, пошли к Цесарьскому граду к патриарху, занеже ми приняли от Грихь правоверную веру, а с тобою не спираемся про веру» (НПЛ. С. 359).

[37] В основном собраны в Книге VIII откровений. См.: *Lind J.H.* Magnus Eriksson som birgittinsk konge i lyset af russiske kilder // Birgitta, hendes værk og hendes klostre i Norden. Nordiskt Birgitta-symposium i Mariager 1990 / T.Nyberg. Odense, 1991. S. 103–128.

нуть своих вассалов и слуг против язычников и неверных на востоке, где следовало приумножить христианскую веру и любовь[38]. В другом откровении Биргитта укоряет короля за то, что он готовит светскую войну, а не крестовый поход[39]. Однако сначала ему следует навести порядок в собственной стране[40], что, с точки зрения Биргитты, вероятно, должно было выразиться в поддержке ее монашеского ордена в завещании. Организовывать крестовый поход король должен совместно со священниками и монахами, которые могли бы исправлять ошибки язычников и наставлять их в христианской вере[41]. Потому ему следует выступить под двумя стягами. Под первым стягом, Страстей Господних, он должен нести язычникам милосердие и мир. И только в том случае, если неверные отвергнут советы и увещевания, ему следует поднять другой стяг — стяг Меча Карающего[42]

Иначе говоря, королю Магнусу сперва следовало попытаться обратить язычников или неверных мирным путем. И только в крайнем случае он должен был взяться за меч. Отсюда и приглашение к религиозным дебатам. Послав приглашение, король Магнус отказался от возможности внезапно атаковать Новгород, что уже само по себе является важным свидетельством его серьезного отношения к религиозному аспекту похода и желания действовать в соответствии с программой Биргитты. Несомненно, это стало одной из причин привлекательности короля Магнуса в глазах автора «Рукописания».

Новгородские ответные меры

Между этими событиями и сочинением «Рукописания» пролегает временной отрезок примерно в 50–60 лет. Ситуация для Новгорода снова осложнилась. В это время не происходило серьезных конфликтов между Швецией и Новгородом, но в конце XIV — начале XV в. наши источники отмечают, что финны из Саво на шведской стороне,

---

[38] Книга VIII, глава 2. Современный шведский перевод: *Lundén T.* Den heliga Birgittas Himmelska Uppenbarelser III–IV. Malmø, 1958. III. S. 271; старошведский вариант см.: *Klemming G.E.* Heliga Birgittas Uppenbarelser. Stockholm, 1861. 3. S. 304; латинский текст см.: *Durante G.* Revelationes Stæ Brigittæ. Rom. T. II. 1628. S. 285; *Wessén E.* Revelationes S. Brigittae // Codex Falkenberg. Corpus codicum Suecicorum Medii Aevi XIII–XIV. København, 1952–1956. P. 562–563.

[39] Книга VI, глава 41 (= VIII: 44); *Lundén.* 1958. III. S. 99; *Klemming.* 1861. S. 112–113; *Durante.* 1628. S. 78–79; *Wessén.* 1956. S. 470, 594–595.

[40] Книга VIII, глава 39; *Lundén.* 1958. III. S. 294; *Klemming.* 1861. S. 397; *Durante.* 1628. S. 310; *Wessén.* 1956. S. 591.

[41] Книга VIII, глава 43; *Lundén.* 1958. III. S. 295; *Klemming.* 1861. S. 406–407; *Durante.* 1628. S. 311; *Wessén.* 1956. S. 594.

[42] Книга VIII, глава 40; *Lundén.* 1958. III. S. 295; *Klemming.* 1861. S. 397–399; *Durante.* 1628. S. 310; *Wessén.* 1956. S. 592.

заручившись государственной поддержкой, стали продвигаться на восток и север, на доселе незаселенные земли, граничившие с районом Ладожского озера. Именно там новгородские карелы имели свои охотничьи угодья, или же здесь пролегали пути к местам их охоты[43] Этот фактор поставил под сомнение лояльность Новгороду местных карел. Карелы, проживавшие по обе стороны границы, разумеется, говорили на одном языке и имели общие традиции; к тому же в процессе освоения Севера они перемещались с места на место. Принадлежность конкретному государству, по существу, определялась тем, кому они платили налоги. Однако если на западе лояльность карел Швеции основывалась также на общем католическом вероисповедании, то восточные карелы не имели подобной связи с Новгородом, поскольку православная церковь незначительно продвинулась по пути их христианизации[44] Так как Новгород не был в состоянии удерживать карел только силой, последние вполне могли подчиниться шведам, тем самым передав Швеции и свои земельные угодья. Подобная смена подданства была тем более вероятна, что благодаря ей карелы могли бы беспрепятственно продолжать традиционное освоение северных и северо-западных земель, чему на тот момент мешала шведская экспансия в регионе.

В начале XV в. новгородские власти, по-видимому, осознали опасность, коренившуюся в религиозной непросвещенности их подданных-карел. С открытием несколько лет назад «Сказания о Валаамском монастыре» в наши руки неожиданно попал детальный рассказ о контрмерах, предпринятых новгородцами против шведской экспансии[45] В период нахождения у власти архиепископа Иоанна II, который руководил новгородской епархией с 1388 по 1415 г., группа монахов из Новгорода, возможно в 1389 г., поселилась на небольшом островке (Святой остров) Валаамского архипелага. Их лидером был Ефрем, позднее, в 1407 г., ставший основателем Перекомского мона-

---

[43] Этим временем датируется первый сохранившийся перечень пограничных пунктов в области Восточной Саво, который в итоге в 1595 г. приобрел статус официальной границы. Очевидно, шведские власти испытывали нужду в составлении таких односторонних перечней как раз в результате интенсификации колонизации, развернувшейся со шведской территории. См. *Gallén J.* Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Helsingfors, 1968. S. 103–122, 200–214; *Lehtosalo-Hilander P.-L., Pirinen K.* Savon historia I // Esihistorian vuosituhannet ja keskiaika. Kuopio, 1988. S. 305–307.

[44] Утверждение в Лаврентьевской летописи, будто князь Ярослав Всеволодович крестил почти всех карел в 1227 г., на самом деле является позднейшей вставкой в первоначальный текст летописи. Об анализе соответствующих летописных текстов см.: *Lind J.H.* De russiske krøniker som kilde til kontakter i Østersøområdet // Det 22. nordiske historikermøte. Oslo 13–18 august 1994. Raport I: Norden og Baltikum / K.Tønnesson. Oslo, 1994. S. 42–46.

[45] *Охотина-Линд Н.* Сказание. С. 164–168.

стыря к югу от Новгорода. Новгородские власти, по-видимому, не принимали участия в организации монастыря на Валааме. Скорее, он явился плодом новых духовных исихастских веяний, достигших Новгорода из Греции и сподвигших этих монахов удалиться в дикую местность, подальше от городов. Подобное влияние испытал Арсений Коневский, который в 1393 г. явился с горы Афон и предпринял первые шаги по основанию другого монастыря — на острове Коневском на Ладожском озере. В то время внутри и вокруг Новгорода, по-видимому, скопилось много бездомных монахов, поскольку новгородцы по собственному почину спалили не менее 24 монастырей в окрестностях города, чтобы Дмитрий Донской не смог использовать их в ходе осады, когда в 1386 г. он подступил к Новгороду со своей ратью.

Между тем новый монастырь испытал на себе враждебность чуди, т.е. карел, живших на главном острове архипелага. В «Сказании» они описаны как закоренелые язычники. Поэтому еще до 1407 г. Ефрем решил отказаться от своего детища и покинуть регион. Однако один из его собратьев, Сергий Валаамский, предпочел остаться на Валааме и обратился к архиепископу, прося о поддержке в его стараниях просветить «бесослужительная Корела». Архиепископ, уроженец Ореховца, вероятно хорошо осведомленный о вставших перед монахами проблемах, отнесся к просьбе со вниманием и немедленно подключил новгородскую светскую власть. Главный остров Валаамского архипелага был законным образом передан Сергию, а в монастырь потекли щедрые пожертвования от новгородских властей и влиятельных горожан, что заложило основы его позднейшего процветания. В обратной дороге на Валаам Сергия сопровождал военный отряд, которому предстояло обеспечить передачу власти. Когда местные жители отказались добровольно удалиться, они были разгромлены и перебиты вместе с несколькими монахами.

Очевидно, что основание нового Валаамского монастыря явилось предприятием совсем иного рода, чем первоначальная инициатива Ефрема: обновление и перенос монастыря на главный остров стало государственным делом, и, возможно, в первый и последний раз светские власти, вдохновленные новгородским духовным главой, переняли идею Священной войны и утвердили миссию огнем и мечом. В сущности, чтобы отразить шведское вторжение, церковь и светская власть Новгорода объединили свои усилия и фактически предприняли ответный русский крестовый поход против карел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы убедились, автор «Рукописания», по-видимому, стремился связать последние дни короля Магнуса с Валаамским монастырем. Учитывая, что в Валаамском монастыре уже в XV в. имелся знаменитый скрипторий, откуда до наших дней дошло немало рукописей, а также собралась внушительная библиотека[46], рассеянная после шведского завоевания, резонно предположить, что «Рукописание» появилось на свет именно в этом скриптории.

На фоне крестового похода, организованного королем Магнусом и Биргиттой, и с учетом приглашения Магнуса к религиозной дискуссии «Рукописание» выглядит утонченной местью со стороны новгородского автора. Как представлено в новгородском летописании, дискуссия сперва обещала превратиться в настоящие дебаты, в которых король Магнус даже предусматривал возможность победы православной веры: «язъ иду в вашю веру»[47] Однако, когда король в действительности принимал новгородскую делегацию, тон стал иным: «пойдите в мою веру; а не пойдете, иду на вас со всею моею силою». Описав поражение короля Магнуса в реальном крестовом походе, но изобразив его под конец жизни обращенным в православную веру монахом-схимником в русском монастыре, автор тем самым заставил короля прийти к заключению, что православная вера была и вправду «лучше».

Другая замечательная черта «Рукописания» заключается в том, что автор превратил короля Магнуса из крестоносца, ходившего против Новгорода, в защитника новгородской территориальной целостности, противника будущих шведских вторжений.

Как текст «Рукописание короля свейского Магнуша» уникально. Однако в качестве проявления новгородского менталитета оно не стоит особняком. В действительности, оно сопоставимо с иконами «Знамение от иконы Богородицы», писавшимися в Новгороде в середине XV в., когда московская угроза для Новгорода была значительно сильнее, чем та, что когда-либо исходила от Швеции. Для этих икон новгородские мастера использовали легенду о чудесном вмешательстве иконы Знамения (когда новгородцы в 1170 г. отразили силы Суздаля), чтобы поддержать, хотя бы в духовном плане, новгородское сопротивление Москве. В точности как автор «Рукописания» использовал короля Магнуса против его же преемников на шведском престоле,

[46] Там же. С. 117–149.

[47] По версии НПЛ: «поговорят про веру, уведают, чья будет вера лучьши; аще ваша будет вера лучьши, язъ иду в вашю веру» (НПЛ. С. 359).

так и иконописцы направляли Бориса и Глеба (а на одной иконе — даже Александра Невского[48], родоначальника московских князей) на Священную войну против московитов[49]

[48] См.: *Смирнова Е.С., Лаурина В.К., Гордиенко Е.А.* Живопись Великого Новгорода XV в. М., 1982. С. 150–154.

[49] Нет сомнений в том, что и московиты, в свою очередь, воспринимали конфликт с Новгородом как Священную войну. Иван III перед заключительным походом на Новгород предпринял паломничество к московским церквам и святыням, во время которого было сказано, что хотя новгородцы и называют себя христианами, но ведут себя хуже неверных и задумывают «отступить к латинам»; следовательно, Иван III направляется ныне в поход не против христиан, но на иноязычников и на отступников от православия. См.: ПСРЛ. Т. 25. М., 1949. С. 287–288.

А.Д.Щеглов (Москва)

ОЛАУС МАГНУС О РОССИИ И РУССКИХ
(К вопросу об интерпретации образа)

«История северных народов» шведского историка-гуманиста XVI в. Олауса Магнуса, как хорошо известно, является произведением, содержащим интереснейшие сведения о странах и населении европейского Севера, в том числе и о русских — соседях, партнерах и противниках скандинавов, в первую очередь, конечно, шведов. Описанию этих сведений и анализу их источников посвящена значительная часть монографии Е.А.Савельевой, где достаточно подробно разобраны этногеографические данные «Истории северных народов» о России, равно как и замечания и сведения политического, военного и правового характера[1]. Однако, комментируя эти сведения, выявляя и подчеркивая их ценность и зачастую уникальность, Савельева лишь вкратце касалась вопроса о позиции автора в отношении русских. В свете этого уместно подробнее остановиться на этой проблеме, тем более что восприятие русских — «московитов», «рутенов» — в энциклопедическом труде Олауса Магнуса в целом негативно[2] Указанная задача актуальна и потому, что в классических шведских работах Я.Грапе, Ю.Нурдстрёма, К.Юханнессона затрагиваемый вопрос специально не рассматривался[3]

---

[1] *Савельева Е.А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983. С. 62–87.

[2] В последние годы интерес к проблеме «образа врага» в шведских источниках раннего нового времени возрос как в Северной Европе, так и в России. Во многом это связано с выходом фундаментального историко-геральдического исследования: *Tengström L.* «Mushovitien... turcken icke olijk»: ryssattribut, och deras motbilder, i svensk heraldik från Gustav Vasa till freden i Stolbova. Jyväskylä, 1997, и рецензий на эту работу М.А.Юсима и М.Ю.Медведева (Средние века. Вып. 61. М., 2000. С. 385–389). Данная статья писалась, к сожалению, до знакомства с этими трудами. Вместе с тем, отличаясь от указанных работ по проблематике, она как частное исследование в целом сохраняет актуальность.

[3] См., например: *Grape H.* Olaus Magnus. Forskare, moralist, konstnär. Stockholm, 1970; *Nordström J.* Johannes Magnus och den gotiska romantiken. Uppsala, 1975; *Johanesson K.* En ny start för Sverige? Drömmar och visioner under Gustav Vasas tid // 1593 — de vidare

© А.Д.Щеглов, 2001

Безусловно, показательно, что больше всего о русских сообщается именно в «военных» книгах работы Олауса Магнуса — «Войны на льду» (Книга 11) и «Войны на суше» (Книга 9). По существу, не только образ русских в «Истории» — это образ врага, но и сами замечания, сведения и рассуждения об их характере, обычаях и политическом устройстве приводятся в основном в контексте повествования о стратегии, тактике ведения боя и конкретных вооруженных конфликтах. Россия для автора — прежде всего военный и политический противник Швеции. Русские, лишь в качестве предлога используя проблему спорных пограничных территорий, вторгаются в пределы Швеции, преследуя на деле свои военно-политические интересы[4] Главным же фактором, побуждающим этих людей к военным действиям, является желание получить добычу[5] Такая мотивация, подчеркивает Олаус Магнус, особенно характерна для вторжений «московитов» в Шведское королевство[6]. Последние проявляют при этом немалую смекалку и сноровку, в частности при изготовлении больших лодок, которые используют для разбойничьих набегов с моря, грабя города, деревни и торговые суда («О способах московитов разбойничать»)[7] Вредная деятельность русских не ограничивается разбоем и военными набегами: «коварные московиты», среди прочего, провозят в Швецию фальшивую монету[8] Помимо этого, русские наряду с датчанами недобросовестно пользуются гостеприимством жителей королевства, подчас под видом путешественников или бродячих скоморохов занимаясь деятельностью, наносящей вред шведскому государству[9]

При определенной внешней простоте такой образ русских в «Истории северных народов» имеет достаточно сложную природу. В основе отношения Олауса Магнуса к России, несомненно, лежало несколько в той или иной степени взаимодействовавших между собой факторов. Во-первых, конечно, русофобские настроения в Швеции были традиционны в силу вооруженного противостояния русских и шведов в средние века и раннее новое время. С этим противостоянием во многом была связана антиправославная идеология, восходящая ко времени крестовых походов в Карелию и на Русь и представленная в сред-

---

perspektiven. Uppsala, 1993. S. 9–36; *idem.* Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm, 1982 и др.

[4] *Magnus Olaus.* Historia om de nordiska folken. I–IV / Kommentar John Granlund. Stockholm, 1976. B. II. S. 225, 226–227.

[5] Ibid. S. 226, 231–232.

[6] Ibid. S. 223–234; ср. также: *Савельева Е.А.* Олаус Магнус. С. 65–74.

[7] Ср.: *Савельева Е.А.* Олаус Магнус. С. 72–74. Савельева считает, что речь в данном случае идет о новгородских ушкуйниках.

[8] *Magnus Olaus.* Historia. B. II. S. 59.

[9] Ibid. B. III. S. 182.

невековых источниках, в том числе «Хронике Эрика»[10], откровениях св. Биргитты и др. Несмотря на подписание еще в 1323 г. Нотебургского (Ореховецкого) мирного договора, который помимо главной своей функции — определения границы и сфер влияний — означал подтверждение шведами того факта, что они имеют дело с христианами, идеология крестовых походов сохранилась и в XV, и в XVI в. и была настолько сильна, что, например, крайне критически настроенный в отношении внешней политики своей страны историк и богослов Олаус Петри в своей «Шведской хронике» выражал одобрение крестовым походам шведов.

Характерно, что в источниках позднего средневековья русских и принявших православие карел нередко называли (в зависимости от языка и характера документа) либо язычниками (ряд шведоязычных памятников), либо, что характерно для латиноязычных источников, не отрицавших принадлежность православных к христианскому миру как таковому, раскольниками и (или) еретиками. К последней традиции принадлежит и произведение Олауса Магнуса, которому в то же время свойственно отзываться о русских так, как если бы речь шла именно о язычниках, противопоставляемых христианам (в данном случае католикам).

В то же время русофобия Олауса Магнуса объясняется, несомненно, не только континуитетом средневековой идеологии. В данном конкретном случае, как и во множестве других, этот автор проявляет себя — так же как, кстати, и упомянутый Олаус Петри[11] — человеком, принадлежащим старому и новому времени, в творчестве которого эпохи как бы встречаются и, встречаясь, взаимодействуют. Один из признаков веяний нового времени в творчестве Олауса Магнуса — его интерес к военному делу. В этом отношении показательна эволюция шведских произведений XIV–XVI вв., повествующих об истории страны. Если в «Хронике Эрика» (XIV в.) война занимает важное место в основном в контексте рыцарской идеологии и этики, а также внешней политики, то в хрониках XV в. ситуация меняется: заметно повышенное внимание к вооружению, стратегии и тактике. Авторам произведений этого периода мало упомянуть о сражении или, например, взятии крепости: указывается, какое использовалось оружие, как была взята крепость, описываются приготовления, маневры и т.д.[12]

---

[10] Хроника Эрика / Пер. А.Ю.Желтухина. Науч. ред. А.А.Сванидзе. Выборг, 1994. С. 47–60. См. также: *Сванидзе А.А.* Хроника Эрика и исторические реалии средневековой Швеции // Там же. С. 139–162.

[11] Об этом явлении см., например: *Щеглов А.Д.* Олаус Петри: личность на рубеже эпох // Северная Европа. Проблемы истории. М., 1999. С. 46–55.

[12] См., например: Svenska medeltidens rimkrönikor. Stockholm, 1866–1868. B. II–III. 17:2, 17:3.

Пятнадцатое столетие, шведские источники которого повествуют о военной проблематике все же еще достаточно лаконично, выступает, в свою очередь, как бы предтечей следующего, когда шведы, и прежде всего Олаус Магнус, переняли ренессансный интерес к военному делу. В «Истории северных народов» роль сведений о военном деле огромна, а сами они настолько ценны, что позволяют уточнить представление о целом ряде других аспектов истории Севера, и прежде всего политической истории. Поэтому вполне закономерно, что труд Олауса Магнуса, рассчитанный и на шведского, и особенно на зарубежного европейского читателя, подробно знакомит с экзотическим соседом и традиционным противником Швеции именно в военном контексте или в связи с ним.

Далее, в интересе к военной и русской тематике, по всей видимости, повинна и актуализация этой тематики во внешней политике Швеции. Значительная часть правления Густава Вазы (1523–1560) была временем относительного затишья в русско-шведских отношениях: королю необходимо было решать другие, крайне сложные внешне- и внутриполитические задачи. Однако постепенно, ближе к концу царствования Густава Вазы (период, фактически совпадающий со временем создания «Истории северных народов»), отношения с Московским государством ухудшаются, снова обостряется вопрос о пограничных территориях; по ряду причин шведский король берет курс на войну, которая и имела место в 1555–1557 гг. Тенденция к осложнению отношений России и Швеции, вероятно, также обусловила интерес Олауса Магнуса к предыдущим войнам и столкновениям (прежде всего к событиям конца XV в.), который мы и наблюдаем, в частности, в главе «О войнах на льду».

Для понимания причин достаточно негативного образа России и русских в «Истории северных народов» особенно важен вопрос о характере и структуре этого произведения. По существу, «История» — это объемный универсальный историко-географический труд с ярко выраженной политической направленностью. Последняя имеет несколько основных аспектов: защита интересов благородного сословия — фрэльсе, шведский патриотизм, критика лютеранства.

Такой двойственный характер произведения во многом обусловливает специфику композиции «Истории» с ее значительными и многочисленными отступлениями и фактами, сообщаемыми попутно. В связи с этим трудно согласиться с Е.А.Савельевой, которая, обращая внимание на подобное построение произведения, считает его недостатком, который ставит в вину автору: «В некоторых отступлениях Олаус Магнус слишком увлекается деталями и уходит в сторону от основного сюжета». «Пестрота содержания и множество отступлений затрудняют изучение „Истории северных народов“. Обилие сю-

жетов, внимание к мелочам и неумение сосредоточиться на главной теме повествования — характерная особенность книги Олауса Магнуса, который, будучи энциклопедистом, как и многие ученые средневековья, старался одновременно ответить на все вопросы экономического, политического и этнографического характера. Его книга включает в себя элементы естественной истории, географии и минералогии и пытается дать оценку своей эпохе»[13] Савельева развивает по этому поводу идею о том, что «едва ли не самым главным объяснением нечеткости структуры и наличия большого числа проблем в „Истории северных народов" является то обстоятельство, что она была задумана как подробнейший комментарий к „Морской карте" 1539 г.»[14] Однако Олауса Магнуса, пожалуй, невозможно упрекнуть в «неумении сосредоточиться» и «попытке ответить на все вопросы». На материале «Истории северных народов» видно, в частности, и стремление автора излагать свои идеи сжато, лаконично, и его умение ограничивать круг рассматриваемых проблем, отчасти как бы дистанцируясь от используемых источников и современных ему произведений, в том числе от трудов его брата и единомышленника — гуманиста Иоханнеса Магнуса. На мой взгляд, несомненно, что структура труда Олауса Магнуса глубоко логична и обусловлена прежде всего намеренным сочетанием ренессансной учености и идеологической направленности произведения. Осуществить подобный замысел можно было, лишь интегрируя конкретные сюжеты в контекст крупных тем, количество которых ограниченно. Отсюда многочисленные отступления, примеры, внешне нелогичные переходы, на деле обусловленные внутренней логикой. Фактически именно это взаимодействие микро- и макросюжетов определяет структуру «Истории». С другой стороны, определенную роль здесь, похоже, мог сыграть и католический консерватизм автора. Структура глав «Истории северных народов» по своему типу отчасти напоминает «старые» средневековые дидактические произведения. В частности, заметно сходство с дореформационной проповедью и религиозно-просветительской литературой[15]: по сути, принцип построения во многом аналогичен — небольшие, достаточно разнородные части главы, как и в средневековых гомилетических и дидактических произведениях, образуют тем не менее единое целое, раскрывая и иллюстрируя одну или несколько ключевых идей. Во многих случаях во фрагментах глав «Истории» видны достаточно четкие соответствия структурообразующим элементам католической проповеди: *expositio*, *moralitas*, *summa*, *miracula*.

---

[13] *Савельева Е.А.* Олаус Магнус. С. 59–60.

[14] Там же. С. 60.

[15] О ней, в частности, см.: *Щеглов А.Д.* Густав Ваза и начало Реформации в Швеции. Канд. дис. М., 1999.

Указанная логика построения произведения хорошо прослеживается на следующем примере (не анализирующемся в монографии Савельевой). Рассуждая об актуальной для шведов теме обязанностей судьи («О легкомысленных судьях и их наказании»), Олаус Магнус выделяет два порока судей: легкомыслие и предвзятость, сопровождая свои рассуждения примером Божьей кары за неправедный суд, удивительно напоминающим по своей стилистике средневековые *exempla*. В заключение автор предписывает всем судьям избегать обоих указанных пороков, особенно второго: «Прежде всего, каждый хороший судья должен предпочесть умереть, нежели, вопреки справедливости, из ненависти или корысти приговорить кого-либо к смерти или чинить кому-либо насилие... ибо, как плохие врачи вредят делу больного, так и эти судьи вредят делу невиновного»[16] Наконец, следует характерное отступление: «Пользуясь случаем, я хочу добавить здесь несколько слов о легкомысленном и извращенном способе, при помощи которого еще и сегодня отправляется правосудие у дикого народа московитов, ближнего соседа скандинавских народов. Когда два человека ведут спор и тот выносится на рассмотрение великого князя или кого-либо другого из судей этой страны и имеет место судебное разбирательство, проводимое согласно их обычаю, который неизменно ужасает христиан, приговор... неизменно выносится к выгоде одной из сторон...»[17] Затем автор развивает мысль о том, что упомянутое решение не является обязательным к исполнению, ибо окончательный приговор у русских якобы зависит от исхода поединка между тяжущимися или представляющими их воинами. Из контекста следует, что речь, вероятно, идет о борьбе или кулачном бое. Проводя здесь параллель с античными нравами, Олаус Магнус однозначно намекает на то, что традиции русских носят «нехристианский» характер: «Вследствие этого правосудие у них отправляется таким образом, что над невиновным часто одерживает победу кровожадный разбойник, и такой порядок вещей, о котором нашим христианским ушам мерзко даже слышать, у них в высшей степени восхваляют и громогласно воспевают; воистину, они единодушно уверяют, что устои их государства (хотя его никоим образом нельзя назвать государством) благодаря этому поддерживаются наилучшим образом»[18].

Комментатор «Истории» Й.Гранлунд интерпретирует приведенный пассаж достаточно просто: Олаус Магнус протестует против практики ордалий, что в целом соответствует позиции и деятельности католи-

---

[16] *Magnus Olaus.* Historia. B. III. S. 116–117. Ср.: *Magnus Olaus.* Historia de gentibus septentrionalibus. Romae, 1555. P. 490–491.

[17] *Magnus Olaus.* Historia. B. III. S. 116–117.

[18] Ibid.

ческой церкви[19] Это, однако, в данном случае только одна сторона дела.

При чтении главного сочинения Олауса Магнуса бросается в глаза, что насколько позитивен в нем образ его родины, настолько негативен портрет соседей — исторических недругов: Дании и России. У этих двух стран в интерпретации Олауса Магнуса оказывается немало общего: на них возлагается вся ответственность за военные конфликты со Швецией; вообще, Дания, как и Московское государство, — агрессивная страна, постоянно нацеленная на экспансию. Так же как в случае с Россией, негативен и внутриполитический портрет Дании, представленной деспотическим государством с угнетенным народом[20]

По существу, соседи Швеции выступают как ее антиподы, на фоне которых автор подчеркивает достоинства своей страны и ее народа, главные из которых — целомудрие, любовь к законности, свобода, ненависть к тирании. Здесь опять имеет место наложение или взаимодействие идей: эти ценности были характерны как для традиционной политической идеологии и пропаганды вообще, так и для конкретно развиваемой Олаусом Магнусом идеологии так называемого гетицизма, которая, в свою очередь, имела и национальные корни, но в еще большей степени была обязана своим возникновением европейским идеям XV–XVI вв.[21] Согласно этой идеологии, предки шведов — готы, предводимые Теодорихом, восстановили в Европе законы и свободу, некогда попранные «тираном» Юлием Цезарем. Идею превосходства шведов над другими народами и проводит Олаус Магнус, как прямо, так и косвенно показывая, как в современной ему Швеции проявляются черты и принципы, унаследованные от готов, — воинственность и искусность в военном деле, суровость и чистота нравов, свобода и законность[22].

Несомненно, что самосознание Олауса Магнуса в данной критике русских «правовых традиций» двойственно: он выступает не только как швед и носитель национальной идеи, но и как представитель западноевропейской культуры, для которой характерны те же требования свободы и законности и во многом под влиянием которой, в свою очередь, формировалась гетицистская идеология. В «Истории» заметно его желание представить Московскую Русь с ее нелепыми, на взгляд автора, церемониями, с ее огромной властью великого князя, крайне жестоко этой властью пользующегося, своего рода образцом тирании[23] Отсюда — очевидная игра слов (утрачивающаяся в швед-

[19] Ibid. S. 295.

[20] Ibid. B. II. S. 104–107 и др.

[21] Специально об этом см., в частности: *Nordström J.* Johannes Magnus.

[22] См. в особенности: *Johanesson K.* Gotisk renässans.

[23] *Magnus Olaus.* Historia. B. II. S. 235–238.

ском переводе) в приведенном выше фрагменте: государство (*res publica*) «московитов» никоим образом не может называться *res publica*. Деспотическое государство, основанное на произволе, а не на законе, не может являться воплощением общественного блага — такова примерно мысль автора.

И здесь вырисовывается еще один мотив, как бы побуждающий Олауса Магнуса к описанию московитов: автор недвусмысленно намекает на опасность превращения в подобные тирании скандинавских королевств, правители которых, до того как возглавят государство, создают себе репутацию «человеколюбивых, доброжелательных и учтивых»[24], но, едва придя к власти, обнаруживают в себе, по сути, все качества настоящих тиранов. Так образ Московского государства используется в качестве своего рода намека-предостережения в адрес скандинавских монархий[25], где действительно в это время усиливается королевская власть, во многом за счет ущемления политических прав духовной и светской аристократии, выразителем интересов которой выступает автор.

Наконец, поскольку Олаус Магнус в числе прочего — идеолог борющегося с Реформацией католицизма, католический консерватизм является достаточно важной частью его идеологии. В ряде мест работы содержится критика учения реформаторов и новой обрядности, а также апология католических доктрин. Но и в тех фрагментах, которые не посвящены непосредственно церковным проблемам, Олаус Магнус стремится выступать последовательным консерватором, демонстрируя, в частности, приверженность нравоучительным историям в духе столь критикуемых в его время *exempla*, пропагандируя уже не существующие в Швеции «дореформенные реалии»[26] Религиозный консерватизм автора влиял и на его отношение к православию. Реформированное, «евангелическое» духовенство Швеции подчас относилось к православию достаточно либерально; в отдельных вопросах, таких, как браки священнослужителей, оно даже ссылалось на опыт православной церкви. Напротив, для католической оппозиции в Швеции XVI в. характерны были не только антиправославные настроения, но и попытки отождествить православие и лютеранство, объявить последнее детищем первого[27] Такие настроения вполне могли оказать влияние на Олауса Магнуса; в любом случае с точностью можно кон-

[24] Ibid. S. 238.

[25] Схожий прием (достаточно прозрачные намеки в адрес Густава Вазы) — в другом замечательном историческом произведении Швеции того времени, «Шведской хронике» Олауса Петри.

[26] *Magnus Olaus.* Historia. B. III. S. 101, 102–106.

[27] Специально об этом в моей диссертации: *Щеглов А.Д.* Густав Ваза и начало Реформации в Швеции. Канд. дис. М., 1999.

статировать, что он является сторонником обращения православных в католицизм, «восстановления единства Божьей церкви», «склонения рутенов и московитов к единению и общности веры с остальным христианством».

В целом на примере отношения Олауса Магнуса к восточному соседу Швеции видна сложная природа позиции автора, в которой на разных уровнях взаимодействуют национальные и общеевропейские, традиционные и новаторские идеи. Этногеографические описания стран, народов и их обычаев, и в частности сведения о России и русских, нередко служат здесь, в числе прочего, для выражения взглядов автора на религиозные, культурные и общественно-политические проблемы его времени. Комплексностью поставленных задач и объясняется внешняя пестрота и кажущаяся нелогичность ряда мест работы, которая, как представляется, была отнюдь не только результатом развития комментария к «Морской карте» в самостоятельное произведение.

А.О.Амелькин (Воронеж)

«ЗНАКИ РЮРИКОВИЧЕЙ» НА СТЕНАХ ГРОБНИЦЫ ЦАРСКОГО КУРГАНА ПОД КЕРЧЬЮ*

История появления русского княжества на берегах Керченского пролива и взаимоотношений русов с христианским миром обитавших в Северном Причерноморье греков в IX–X вв. крайне скудно освещена дошедшими до нас источниками. Поэтому вызывает особый интерес каждый новый источник, способный хоть немного пролить свет на ход постепенного освоения подданными русского князя берегов Киммерийского Боспора.

Таким источником по истории взаимоотношений христиан Северо-Восточного Причерноморья и Руси, ранее не привлекавшим к себе внимания специалистов по русской истории, являются несколько граффити, обнаруженных на стенах погребальной камеры Царского кургана — памятника античной архитектуры, расположенного к северо-востоку от Керчи, примерно в 5 км от центра города.

Эти процарапанные рисунки были замечены еще первооткрывателем гробницы в Царском кургане А.Б.Ашиком в 1837 г.[1] В 1956 г. в ходе специального исследования этого широко известного памятника были обнаружены новые граффити, причем некоторые из них до того момента оставались забитыми землей и, следовательно, ранее не были известны ученым. Результаты работ были опубликованы А.А.Шалькевичем[2] Поскольку исследования погребальных сооружений Царского кургана проводили специалисты по истории античности, они не обратили внимания на знаки, представляющие большой интерес для изу-

* Статья написана по материалам доклада, прочитанного 16 мая 2000 г. на XIX ежегодной международной конференции памяти В.Д.Королюка «Славяне и их соседи», проходившей в Институте славяноведения РАН. Автор выражает свою благодарность Е.А.Мельниковой, чьи внимание и участие позволили написать эту статью.

[1] *Ашик А.Б.* Боспорское царство. Одесса, 1848. Ч. 2. С. 28.

[2] *Шалькевич А.А.* Архитектурное исследование Царского кургана // Тр. Гос. Эрмитажа. Л., 1976. Т. XVII. С. 138–165. Фотографии и чертежи хранятся в отчетах Боспорской экспедиции ЛОИА РАН.

© А.О.Амелькин, 2001

чения прошлого Восточной Европы в эпоху существования Византийской империи.

Несколько слов о самом кургане, в склепе которого были найдены заинтересовавшие нас изображения. Курган был сооружен в IV в. до н.э. Его диаметр достигал 120 м, средняя высота — 18,5 м. Курган был сооружен на естественном холме высотой около 2 м. На вершине этого холма на своеобразной подушке из глины и было начато сооружение погребальной камеры, площадью 4,49×4,29 м. Ее перекрывал поднимавшийся уступами ложный купол, причем если сама камера была в плане квадратной, то купол — кольцевым, уходящим вверх почти на 10 м. Стены камеры поднимались в высоту на 10 рядов каменных блоков, а купол состоял из 12 постепенно уменьшающихся в диаметре сложенных из камня колец. В камеру с юго-западной стороны вел 75-метровый коридор-дромос, перекрытый ложным сводом. Это монументальное сооружение было возведено из известняковых блоков высотой 36,0–47,7 см, сложенных насухо, без применения раствора, причем стены камеры были сложены из гладко отесанных блоков, а стены дромоса — из рустованных блоков[3] По предположению В.Ф.Гайдукевича, в склепе был похоронен боспорский царь из династии Спартокидов — Левкон I или Перисад I[4]

Время оставило на стенах этой постройки много следов. Это различные гнезда от металлических распорок, поставленных еще в ходе строительства склепа. Остались на камнях и пазы от использовавшихся строителями механизмов и сходен. У входа видны вертикальные штрабы, оставшиеся от калитки, преграждавшей путь в дромос. Она была установлена уже после открытия склепа археологами. В пяти метрах от входа в погребальную камеру в западной стене дромоса на высоте 5–7 рядов кладки был сделан пролом. Камень вырубали изнутри, не щадя гробницы. Пройдя более одного метра в толще стены и наткнувшись на второй слой блоков, трудившиеся над проломом люди забросили свое занятие. Ясно, что эта ниша создавалась позднее, чем был построен весь памятник, но когда и для чего — неизвестно. Оставила свой след на стенах Царского кургана и Великая Отечественная война. У основания восточной стены в конце той части дромоса, над которой ныне нет свода, была вырублена ниша для рации. На камнях видны выбоины от осколков. Последний по времени слой оставили в склепе Царского кургана туристы[5]

Среди их многочисленных надписей здесь встречаются и граффити более раннего времени. В погребальной камере и дромосе Царского

---

[3] Там же. С. 138–145.

[4] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 250.

[5] *Шалькевич А.А.* Архитектурное исследование. С. 146–152, 160, 162.

Показателен состав процарапанных рисунков — это многочисленные кресты, причем имя *Козьма* также сопровождается изображением креста. Это означает, что граффити относятся к христианскому времени и были нанесены на камни спустя несколько веков после того, как в Царском кургане был похоронен один из правителей династии Спартокидов. Вход в склеп «почти в самом начале своем был заложен большими плитами»[8], и А.Б.Ашик в 1837 г. с трудом сумел найти вход в подкурганное сооружение. Следовательно, с IV в. до н.э. проход в склеп оставался засыпанным. Однако в том месте, куда поднимались граффити, свод дромоса был разобран.

Очевидно, через этот проем в своде и проникли в склеп те, кто оставил на его стенах свои рисунки. Таким образом, спустя несколько веков после сооружения кургана усыпальница претерпела изменения в своей конструкции и в своем предназначении. Судя по характеру граффити, усыпальница была преобразована в подземный храм. Нам хорошо известна существовавшая в XI–XIV вв. традиция рисовать кресты и делать надписи на стенах храма[9]

Поскольку вход в погребение оставался засыпанным, чтобы проникнуть в погребальную камеру, был разобран свод дромоса. Земля, составлявшая засыпь, образовывала наклонный спуск в центральное помещение храма (бывший склеп), чем и объясняется обнаружение граффити на высоте, недоступной от уровня современного пола. Этим же объясняется и то, что рисунки по мере приближения к погребальной камере постепенно снижаются на высоту около 2 метров.

Когда же мог быть сооружен этот храм? Ответить на этот вопрос можно только весьма предположительно. Во-первых, необходимо учесть общую ситуацию в регионе. Едва ли сооружение храма, связанное с разрушением царского погребения, могло произойти при царях династии Спартокидов. Правители Боспорского царства не

---

[8] *Ашик А.Б.* Боспорское царство. С. 28.

[9] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966; *он же.* Средневековые надписи Софии Киевской XI–XVII вв. Киев, 1976; *он же.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985; *Медынцева А.А., Попконстантинов К.К.* Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1985; *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI–XIV вв. М., 1978; *она же.* Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // Славяне и Русь. М., 1968. С. 440–450; *она же.* Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 247–256; *Седова М.В.* Эпиграфические находки из Суздаля // Средневековые древности Восточной Европы. КСИА. М., 1987. Вып. 190. С. 7–13; *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992; *дел' Агата Д.* Стари кирилски надписи в катедралата «Сан Мартино» в град Лукка // Славянские культуры и Балканы. София, 1978. С. 62–64; Welt der Slaven. 1977. № 22. S. 86–88; *Ὀρλανδος Ἀ.Σ., Βρανοῦσίς Λ.* Τα χαράγματα τοῦ Παρθενῶνος. Ἀθῆναι, 1973.

допустили бы разорения могилы предка. Династия Спартокидов пресеклась в 107 г. до н.э., т.е. еще до Рождества Христова. Но потомки Митридата Евпатора, сменившего последнего царя из династии Спартокидов, и Аспурга, давшего начало династии Тибериев-Юлиев, всячески подчеркивали преемственность между своими династиями и Спартокидами и также не допустили бы разрушения гробницы одного из прославленных царей предшествующей династии. Следовательно, этот храм не мог возникнуть и при преемниках Спартокидов. Последний известный нам царь Боспора Тиберий Юлий Дуптун упомянут в надписи 483 г. н.э. Судя по тому, что также упомянутый в ней Саваг, сын Аристона, был с почестями погребен в столице Боспорского царства в 492 г., стабильная жизнь в государстве продолжалась и в конце V в. Лапидарные надписи, датированные по боспорской эре, принятой еще при Спартокидах в 296 г. до н.э., делались до 497 г. н.э.[10] Преемственность между правителями Боспора пресеклась после того, как боспорцы обратились к императору Юстину I (518–527) с просьбой принять их в свое подданство[11]

Христианское население, соорудившее храм, появилось на Боспоре в конце II — начале III в. Во всяком случае, в датируемом этим временем погребении № 36 из некрополя античного поселения у д. Ново-Отрадное был найден перстень с сердоликовой вставкой. На нем вырезано изображение креста и двух рыб, что не оставляет сомнения в христианском происхождении данной вещи[12] У села Первомайское Анапского района случайно было найдено надгробие с изображением двух людей и крестом над ними. Находка датируется IV в. н.э.[13] К началу IV в. относится и ряд греческих христианских надписей. От V в. до нас дошли датированная по боспорской эре христианская надгробная плита 436/7 г. н.э. и дипинти на стенах склепа 491 г. н.э., содержащие христианскую молитву[14] В Танаисе в слое конца IV — начала V в. был найден светильник с рельефным изображением кре-

---

[10] *Виноградов Ю.Г* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–247.

[11] Procop. Caes. De b. Pers., I, 12,7; *Прокопий Кесарийский.* Война с Персами, с Вандалами. Тайная история. М., 1993. С. 36.

[12] *Арсеньева Т.М.* Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное // СА. 1963. № 1. С. 192–202. С. 195. Рис. 3.

[13] *Салов А.И.* Случайные находки у хут. Красный Курган в 1971 и 1972 гг. // Памятники античной археологии. КСИА. М., 1985. Вып. 182. С. 56–58. Рис. 3.

[14] *Шкорпил В.В.* Три христианских надгробия, найденные в Керчи в 1898 г. // ЗООИД. 1900. Т. 22. Протоколы; *Кулаковский Ю.* Керченская христианская катакомба 491 // МАР. 1891. Вып. 6.; *Марти Ю.Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. 1913. Т. 31; *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор.

ста, аналогичный светильнику III в. н.э. из Илурата[15] К 325 г. на Боспоре уже есть своя епархия[16] При византийцах в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа сооружались наземные храмы, и маловероятно, что Царский курган из усыпальницы был переделан в храм в это время. Более обоснованным представляется предположение о перестройке погребального сооружения в храм при хазарах, которые завладели Боспором в начале VII в.

Подземные христианские храмы, связанные с погребальными комплексами, хорошо известны в христианском мире. Можно вспомнить катакомбы Древнего Рима. Но аналогичные примеры использования подземных погребальных сооружений известны и в пределах Боспорского царства. В окрестностях древнего города Илурата был найден склеп (№ 32), на стенах которого были высечены шесть изображений креста. Изображения помещены на стенах внутри склепа на высоте человеческого лица и датируются концом III — IV в. н.э. На юго-западной окраине некрополя Илурата открыт фундамент округлой в плане часовни, на полу которой в восточной части здания был высечен крест с фигурами птицы и рыбы по сторонам от него и, возможно, контурами человека у его подножия[17] Присутствие христиан в Илурате в III–IV вв. вполне вероятно. В некрополе этого города были найдены безынвентарное (возможно, христианское) погребение из катакомбы № 12 и близ склепа № 22 осколок амфоры с процарапанным на нем крестом. На городище был найден светильник, украшенный изображением креста[18] Однако пещерные сооружения известны в Крыму и в более позднее время — в XI–XIII вв. и главным образом в XIV–XV вв.[19] Примеры сооружения культовых подземных лабиринтов известны у обитавших в сопредельных областях хазар, а связь погребальных курганов и святилищ хорошо прослеживается на половецких и северокавказских памятниках. Поэтому сама возможность преобразования склепа Царского кургана в храм может быть датирована в широком временном промежутке — от I до XV в.

В какой-то степени ответить на вопрос о времени существования подземного храма могут сами граффити. Хотя рисунки и надпись нанесены на стены без какого-либо общего замысла, они составляют

---

[15] *Арсеньева Т.М.* Светильники Танаиса. М., 1988. С. 32. Табл. XXIV, 5; XXV, 1.

[16] *Митр. Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. М., 1994. Кн. I. С. 123–125.

[17] *Кубланов М.М.* Новые погребальные сооружения Илурата // Античный мир и его периферия. КСИА. М., 1979. Вып. 159. С. 90–97. Рис 3.

[18] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л., 1981. С. 118, 119. Рис 32, 1.

[19] Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992; *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.

Крыма[22]; 3) граффити на погребальных урнах II–III вв.[23] и керамике XII–XIV вв. из Херсонеса[24]; 4) надписи XII–XIV вв. на штукатурке древнерусских храмов[25]; 5) надписи на печатях из Херсона[26] Хотя имя Κόσμας не содержит большого количества букв, но, судя по начертанию К, А, Σ и М, наиболее вероятным временем его написания может быть IX в. К тому же почерк граффито из Царского кургана схож с формой греческого инициала IX в.

Некоторые основания для датировки дает и изображение копья (рис. 3). То, что перед нами изображение именно копья, а не стрелы, видно по большому диаметру древка, показанного художником не одной, а двумя линиями. Наконечник копья имеет удлиненно-яйцевидную форму (тип IV по классификации А.Н.Кирпичникова и А.Ф.Медведева)[27] Такую довольно редкую форму имели наконечники копий середины IX в. салтово-маяцкой археологической культуры[28] Копья античного Причерноморья практически не представлены в вещевых материалах, но, судя по изображениям на керамике и каменных надгробиях, их наконечники до I в. н.э. включительно были треугольной формы. Во II в. н.э. появились и массивные ланцетовидные наконечники. На блюде из Керчи, обнаруженном в 1891 г. и датированном началом VI в., наконечники копий изображены ромбическими, а на золотом медальоне Юстиниана I из Кесарии Каппадокийской они показаны ланцетовидными. На фреске XIII в. крымского храма «Трех всадников» наконечники копий также ланцетовидные[29] Среди кочевников северопричерноморских степей были распространены пики,

---

218; *Залесская В.Н.* Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // ВВ. 1988. Т. 49. С. 204–207; *Матанцева Т.А.* Византийские граффити на колонне из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 251–254.

[22] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

[23] *Соломоник Э.И.* Свинцовые урны с надписями из Херсонеса // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 67–78.

[24] *Романчук А.И.* Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. 1986. № 4. С. 171–182.

[25] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.; *он же.* Средневековые надписи Софии Киевской XI–XVII вв.; *он же.* Киевские граффити XI–XVII вв.; *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора; *она же.* Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата С. 440–450; *она же.* Эпиграфические находки. С 247–256; *Седова М.В.* Эпиграфические находки. С. 7–13; *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов.

[26] *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.

[27] Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 309.

[28] Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 36: 28, 29.

[29] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.

Рис. 3.
Прорисовка изображения копья

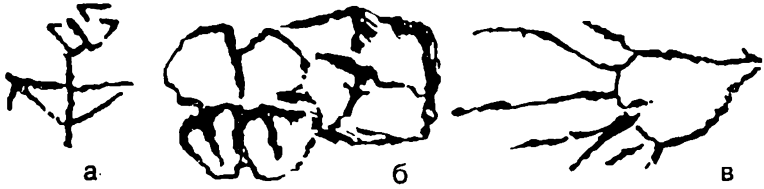

Рис. 4.
Прорисовки изображений: а) значка легиона; б) розеток;
в) пылающего факела (?)

Рис. 5.
Варианты изображения тамги

копья же имели либо ланцетовидные, либо вытянутые треугольные наконечники; на Северном Кавказе вытянутые наконечники копий имели своеобразную пятиугольную форму[30] В Северной Руси копья IV типа получили распространение в XI в.[31] Таким образом, изображение копья может быть датировано IX–XI вв.

Представляет интерес и изображение значка легиона (рис. 4: а). Однако датирующего значения оно не имеет, хотя и достаточно схоже с изображением византийского воинского значка, отличного от стяга русских и кочевнических воинов. Не вполне ясно значение изображения двух четырехлепестковых розеток (рис. 4: б) и предмета, напоминающего пылающий факел (рис. 4: в). Достаточно обильно на стенах склепа встречаются тамги (рис. 5), схожие со знаками на керамике с Маяцкого городища[32]

Наиболее многочисленный тип граффити — кресты разнообразного начертания. Они достаточно просты, и едва ли возможно однозначно определить время их нанесения на стену дромоса (рис. 6). Можно лишь высказать некоторые предположения об их датировке. Так, все они, за исключением креста на голгофе, равносторонние, что позволяет датировать их временем ранее VI в. У двух крестов концы украшены тремя отростками, что сближает их с лапчатыми крестами VIII–X вв., изображенными в Чуфут-Кале, Чильтере, Басараби, Плиске и Силистрии, на плитах из раскопок Херсонеса и остраконе из Гончарного[33] Известны и более поздние образцы таких крестов XI–XIV вв.[34] Кресты с широкими перекладинами можно сопоставить с крестом, прочерченным на северной стене Успенского

---

[30] Археология СССР. Степи Евразии. Рис. 52: 30, 31, 109, 110; 62: 7, 40, 41, 60, 108, 110, 160, 161; 78: 8; 82: 6, 7, 54, 55, 56; 83: 2, 3; 94: 27, 68, 123, 181, 183; 98: 23.

[31] Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. С. 309.

[32] *Винников А.З. Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998. С. 156. Рис. 63, 16.

[33] *Белый А.В.* К вопросу о датировке «средней» оборонительной стены в Чуфут-Кале // ВВ. 1991. Т. 51. С. 209. Рис. 5: 23, 24; *Веймарн Е.В., Чореф М.Я.* Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. 1978. № 7. С. 147, 149. Рис. 7, 1; *Овчаров Д.* За характера и принадлежността на средневековните рисунки от Басараб (Мурфатлар) // Археология. 1975. Кн. 3. С. 4. Рис. 4; *Дончева-Петкова Л.* Знацы върху археологически паметници от средевековна България VII–X вв. София, 1980. Табл. XXXVI, 27, 29, 34; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения в юго-западной Таврике // МИА. М., 1970. № 168. С. 140. Рис. 91, 1.

[34] *Соломоник Э.И.* Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 176. Рис. 3; *Атанасов Г* Скални монашески обители в Добруджа (IV–XIV вв.) // Автореф. на кандидатска дисертация. София, 1990. Рис. 136; *Jolivet-Lévy C.* Les Eglises Byzantines de Cappadocia. Paris, 1991. P. 128. Pl. 79. Fig. 3; P. 8. Pl. 136; *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 22. Рис. 79, 80, 108, 117.

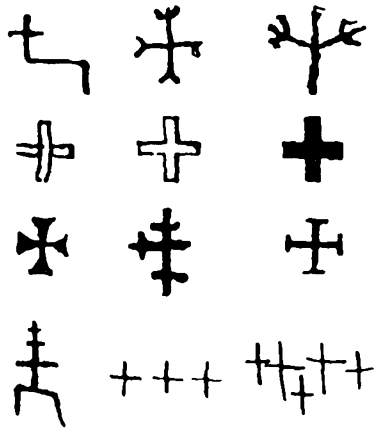

Рис. 6.
Изображения крестов

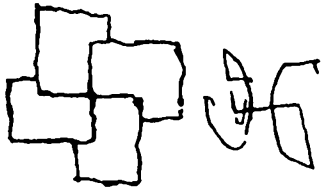

Рис. 7.
Изображения свастики

Рис. 8.
Прорисовка изображения первого «знака Рюриковичей»

Рис. 9.
Прорисовка изображения второго «знака Рюриковичей»

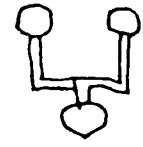

Рис. 10.
Прорисовка изображения третьего «знака Рюриковичей»

собора Киево-Печерского монастыря[35]. Кресты с расширяющимися концами датируются в очень широком промежутке — от IV до XIV в.[36]

Большой интерес представляет знак, который можно трактовать либо как свастику особой формы, либо как четыре взаимно перекрывающих друг друга квадрата (рис. 7). Аналогии этому знаку хорошо известны. Такие свастики встречаются среди клейм на днищах древнерусской керамики XI в. из Смоленска[37] и из Старой Рязани[38] Этот знак процарапан и на гребне X–XI вв. с городища Иднакар в Удмуртии (коллекционный номер ИК 134/1374)[39] Известна находка этого знака на Северном Кавказе. Он изображен на камне у с. Хотода (в Дагестане)[40], причем рисунок хорошо датируется помещенным рядом изображением всадника. Этот рисунок конного воина, вооруженного длинным копьем, очень похож на изображения с черепичных клейм Крыма VIII–IX вв.[41] Расположенный рядом со всадником крест схож с крестами из Царского кургана, что, с одной стороны, еще теснее связывает керченскую и дагестанскую находки, а с другой — позволяет высказать предположение о датировке части крестов из Царского кургана тем же временем, что и свастики. Концом IX — X в. датируются аналогичные свастики, прочерченные на стенах круглой церкви в Преславе[42]

Из анализа граффити можно сделать вывод о существовании храма в IX–X вв. Трудно сказать, как долго действовал христианский храм на месте царской усыпальницы, но позднее вход в него был засыпан и на месте входа в насыпи кургана осталась воронкообразная складка.

Граффити, привлекшие к себе особое внимание, — так называемые княжеские знаки в виде двузубцев. Два из них представляют собой

---

[35] *Холостенко М.В.* Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. Київ, 1975. С. 148. Рис. 34.

[36] *Кубланов М.М.* Новые погребальные сооружения Илурата // Античный мир и его периферия. КСИА. 1979. Вып. 159. С. 90–97; *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 67. Рис. 39: 25; С. 69. Рис. 41: 20; С. 96. Рис. 59: 275, 277; С. 101. Рис. 63: 115; С. 103. Рис. 64: 56, 82; Рис. 65: 109–112, 136: Б.

[37] *Каменецкая Е.В.* Керамические клейма XI–XIII вв. из Смоленска // СА. 1983. № 2. С. 244–247.

[38] *Монгайт А.Л.* Старая Рязань. М., 1955 (МИА). № 49. Рис. 80, 44.

[39] *Амелькин А.О.* Знак на гребне с городища Иднакар (к вопросу о начальном этапе русско-удмуртских контактов) // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 112.

[40] *Гольдштейн А.Ф.* Башни в горах. М., 1977. С. 197. Рис 134.

[41] *Якобсон А.Л.* Керамика. С. 66. Рис. 38: 1–21; С. 68. Рис. 40: 1; С.69. Рис. 41: 1–3; С. 94. Рис. 58: 2–5, 7–14; С. 103. Рис. 65: 137–140.

[42] *Медынцева А.А., Попконстантинов К.К.* Надписи. Табл. XXI, 104–110.

знаки контурного начертания с широкими, но сужающимися к концам двумя параллельными зубцами и направленным в противоположную от зубцов сторону треугольным выступом в середине основания знака. Первый из них найден на западной стороне свода в 4,5 м от камеры, на высоте 4,45 м от пола в четвертом ряду снизу (рис. 8). Второй подобный знак расположен в 2,5 м от первого знака, в 6,8 м от камеры и на высоте 8,85 м от пола, под балочным гнездом, оставшимся от строительных лесов (рис. 9). Третий знак помещен в полуметре от погребальной камеры на восточном склоне свода на высоте 3,2 м от пола (во втором выступающем ряду кладки). Четко прочерченный тонкой линией, он несколько отличается от первых двух знаков. В основу его положена та же схема двузубца, но оба зубца тоньше и завершаются на концах круглыми навершиями. Треугольный выступ в основании знака украшен сердцевидным навершием (рис. 10).

Общепризнанным является тот факт, что подобные знаки принадлежали князьям из дома Рюриковичей. Традиционно двузубец считался тамгой князя Святослава (965–972). Однако исследование княжеских знаков, процарапанных на арабских дирхемах, показало, что появление двузубца может быть отнесено к концу IX — началу X в. (878–903)[43] В связи с этим более вероятно использование этого знака как символа киевского князя или как общеродового знака Рюриковичей.

В свое время В.С.Драчук сопоставил древнерусские двузубцы и трезубцы с тамгами боспорских царей и пришел к выводу, что «предысторию „знаков Рюриковичей“ можно искать среди знаков Северного Причерноморья римского времени и тамгообразных изображений на раннесредневековых изделиях»[44] Однако временная лакуна и различная этническая принадлежность этих знаков препятствовали такому выводу, тем более что схема боспорских тамг отличалась от построения «знаков Рюриковичей». Теперь, после выявления «знаков Рюриковичей» в Царском кургане в окрестностях Керчи, можно говорить об их временно́м сближении с боспорскими тамгами, причем именно на территории бывшего Боспорского царства. Не разделяя убеждений В.С.Драчука о происхождении «знаков Рюриковичей»[45],

---

[43] *Мельникова Е.А.* «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. VIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. Тезисы докладов. М., 1996. С. 45–51.

[44] *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975. С. 86–96.

[45] Их схема (ц-образное основание с обязательным треугольным выступом внизу) отличается от схемы боспорской тамги (три вертикальные черты с «петушком» наверху); то же можно сказать и об общем оформлении знаков (объемном у «знаков Рюриковичей» и графичном у боспорских знаков).

автор данной статьи хотел бы обратить внимание на двузубцы и трезубцы керамических клейм Крыма[46] Однако как общая схема построения знаков, так и их оформление все-таки заставляют считать керченские изображения именно «знаками Рюриковичей».

Когда же и кто мог оставить изображения «знаков Рюриковичей» на стенах усыпальницы Царского кургана, ставшей к тому времени христианским храмом? Арабские источники начиная со второй половины IX в. сообщают нам о существовании торговых путей русов в Приазовье. С первой половины X в. арабские ученые говорят и о постоянном пребывании русов в Северо-Восточном Причерноморье и существовании там их поселений. Вполне вероятно, что маршруты военных походов на Каспий 880–943 гг. проходили через Керченский пролив. Лев Диакон называет в качестве одного из направлений отхода русских от Константинополя в 941 г. Боспор Киммерийский. Анонимный корреспондент Хасдая ибн Шапрута рассказывает о действиях в районе Тмуторокани некоего Олега — предводителя русов. Русские летописи знают за этот период только один случай появления русских людей в районе Керченского пролива. Речь идет о походе князя Святослава против хазар в 965 г., когда его дружина прошла вдоль Дона к Таманскому полуострову. Показательно, что все эти события относятся ко времени до крещения Руси, но именно к этому периоду и может быть отнесено посещение русскими людьми, оставившими граффити, подземного храма в Царском кургане. При Владимире Святославиче, когда на берегах Керченского пролива уже существовало Тмутороканское княжество, такие граффити не могли быть сделаны, поскольку этот князь использовал в качестве личной эмблемы знак иной формы.

Остается ответить только на вопрос о характере посещений храма людьми, оставившими на стенах дромоса Царского кургана «знаки Рюриковичей». Едва ли они были связаны с разгромом, сопровождавшим завоевание города. Поход Святослава затрагивал земли на восточном берегу Керченского пролива и не был направлен против греков, обитавших на его западном берегу (об этом молчит русская летопись), поход Олега, согласно письму Хасдаю ибн Шапруту, окончился неудачей, а другие свидетельства возможного пребывания русов в Керчи связаны с их действиями в союзе с хазарами, которым в то время принадлежала Керчь.

Таким образом, «знаки Рюриковичей», обнаруженные на стенах подземного храма в Царском кургане, могут свидетельствовать как о

[46] *Якобсон А.Л.* Керамика. С. 25. Рис. 10: 258, 260; С. 67. Рис. 39: 8–13; С. 69. Рис. 41: 11–17; С. 70. Рис. 42: 34; С. 96. Рис. 59: 215, 263, 316; С. 98. Рис. 60: 14–16; С. 100. Рис. 62: 96–103; С. 101. Рис. 63: 99–102; С 107. Рис. 67: А:2, Б:1.

благожелательном отношении (или, по крайней мере, об интересе) некоторых русских дружинников к христианству, а возможно, и о принятии ими христианской веры задолго до 988 г., так и о присоединении земель Восточного Крыма к владениям Руси.

Однако здесь следовало бы привести и возможные возражения против данного предположения. Во-первых, нет уверенности в принадлежности этого «знака Рюриковичей» именно Святославу, а не одному из его предшественников или родственников. Во-вторых, возможно, хотя и маловероятно, использование этого знака и в более позднее время. В-третьих, находка этого знака может быть свидетельством не принадлежности территории Боспора русским князьям, а лишь посещения подземного христианского храма русами.

Г.Шрамм (Фрайбург, Германия)

РОЛЬ ГОРОДА КОРОСТЕНЯ В РАННЕЙ ИСТОРИИ РУСИ*

Этимологические подходы к историческим проблемам

На Волыни**, в 120 км к северо-западу от Киева, расположен город Коростень. Его название, при правильной этимологизации, проливает новый свет на ранние взаимоотношения между восточными славянами и варягами, причем в регионе, который находится далеко в стороне от основной массы концентрирующихся на северо-западе Руси археологических и ономастических древностей, оставленных варягами[1].

Волынь, весьма вероятно, входила в область расселения древнейшего славянства, в «Праславию». По сей день в топонимии этих территорий включения неславянского происхождения крайне редки. Тем самым вполне естественным выглядело бы желание найти подобающую славянскую родословную и для имени *Коростень*. Возникает впечатление, что мы имеем дело с «родственником» расположенного в 80 км Коростышева — образованием от того же корня, только с другим формантом[2] Но почему же тогда в обоих древнейших упоминаниях этого названия в ПВЛ, в статье 945 г., оно начинается не на *Кор-*,

---

* Пер. с нем. А.В.Назаренко.

** Неточность: восточная граница Волыни как исторической области проходила существенно западнее, по Горыни (примеч. пер.).

[1] В дальнейшем делается попытка развить те представления, которые уже были намечены в моей работе: *Schramm G.* Der Beitrag der Namenphilologie zur Rekonstruktion des normannischen Stützpunktsystems in Russland // Abhandlungen der Akad. der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-historische Klasse, 3. Folge. № 156. Göttingen, 1987. S. 745–757.

[2] В последнее время эта точка зрения была высказана историком А.М.Членовым; см. его работу: По следам Добрыни. М., 1986. С. 552. Местные жители производили якобы это название от старинного слова *корста*, значившего, среди прочего, «камень», «гранит». Имеется в виду, очевидно, др.-русск. *короста/кероста* «гроб», которое, согласно М.Фасмеру (Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 225, 335, 338), является заимствованием из финского.

© Г.Шрамм, 2001

а на *Искор-*? Впрочем, если следовать «Этимологическому словарю географических названий», изданному в 1985 г. Институтом языкознания Украинской АН, этот камень преткновения можно устранить, учитывая контекст, в котором топоним впервые появляется в письменной традиции: в выражении «из града Искоростеня» просто дважды повторен предлог «из», что типично для древнерусского синтаксиса. Если я правильно понимаю автора статьи в «Этимологическом словаре» то, по ее мнению, неверное прочтение этого оборота заставило летописца или переписчика воспринять второе «из» как часть самого названия[3] Согласно такой интерпретации, *Искоростень* представляет собой искаженную форму, тогда как реальным, правильным названием следует считать современное *Коростень*, которое продолжало существовать в устной традиции, отражая соответствующую праславянскую форму. Однако стоит лишь внимательнее просмотреть интересующий нас пассаж в «Этимологическом словаре», как становятся очевидными трудности, с которыми сталкивается славянская деривация. Дело в том, что второй раз в статье 945 г. рассматриваемое название упомянуто в составе оборота «у Искоростеня града», так что предположение об агглютинации предлога «из» не подтверждается. Кроме того, один из окрестных топонимов — *Искоросты*, очевидно копирующий название центрального пункта области, усугубляет впечатление, что *Ис-* — это органическая, изначальная составная часть изучаемого нами топонима. Отпадение этого *Ис-*, приведшее к возникновению засвидетельствованной с XV в. формы *Коростень*, произошло потому, что выражения типа «из града Искоростеня» производили эффект как раз противоположный тому, какой предполагают сторонники славянского происхождения названия. *Ис-* было не по недоразумению добавлено, а наоборот — по недоразумению отброшено. Наряду с формой «Искоростеня», которая теперь была переосмыслена как «из Коростеня», появились формы «в Коростени», «в Коростень» и т.п.

В приведенных упоминаниях в статье 945 г. есть еще один момент, который противоречит попыткам истолкования на почве славянского: исход топонима *-ѣня*, дважды зафиксированный летописью, не может (как позволительно было бы судить на основании *-ень* в современном названии) отражать формант *-ьнь*, широко распространенный в славянской топонимии. Спустя много времени на далеком севере Руси

[3] Этимологічний словнік літописних географічних назв Південної Русі / Изд. Академія наук Української РСР. Інстітут мовознавства им. О.О.Потебни. Київ, 1985. С. 70. Статья об Искоростене, где приведены все упоминания этого топонима вплоть до XVII в., написана А.К.Корепановой. Гипотеза о славянском происхождении приведена здесь третьей по счету наряду с двумя другими предположениями о происхождении из древнешведского; ни одной из гипотез не отдается предпочтения.

составитель Холмогорской летописи, обрабатывая данные ПВЛ, переделал упомянутые выражения из статьи 945 г. в «из града ис Короснѧ» и (под впечатлением названия птицы) «у Коростеля града», что помогает нам понять, насколько необычным для славянского уха было поначалу название города на реке Уж. Оно вписывалось в привычные нормы только после соответствующих «поправок». Итак, предположение о славянском происхождении топонима *Коростень* ведет нас в двойной тупик. И напротив, допустив, что неславянское название было несколько изменено на славянской почве, мы избавляемся от всех трудностей.

А.И.Соболевский выдвинул предположение, что в данном случае топоним образован при помощи славянского суффикса *-ь* от скандинавского личного имени на *-stainaR* > *-stein*, каковые встречаются в изобилии[4] Но среди древнескандинавских личных имен нет таких, к первой части которых можно было бы возвести др.-русск. *Искоро-*. В силу этого логичнее выглядит мнение Сальгрена, который исходил из др.-швед. *skarfsteinn* «скала»[5] Мне представляется наиболее вероятным, что в восточнославянский было заимствовано германское образование *í skarpstaini* со значением «на крутой скале».

Эта этимология имеет несколько преимуществ:

1) она в точности соответствует первым упоминаниям в ПВЛ;

2) она имеет дело, в отличие от предположения Сальгрена, с образованием, которое со всей определенностью засвидетельствовано в Скандинавии[6];

---

[4] Русский филологический вестник. 1910. № 64. С. 178.

[5] Согласно его устному сообщению М.Фасмеру; см.: *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde / H.Bräuer. Berlin, 1971. Bd. 2 (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts [Slavisches Seminar] an der Freien Universität Berlin. Bd. 38). S. 832.

[6] Известный шведский ономаст Бент Памп (Лунд) указал мне на то, что в шведской топонимии *skarp* означает «бесплодный». Если такое значение было характерно и для IX в., то мое толкование стало бы тем самым маловероятным: вряд ли варяги дали бы населенному пункту на Волыни название по признаку, который не имел никакого значения с точки зрения их закрепления в данной местности. Однако другой шведский ученый, Торстен Андерссон (Упсала), в письме ко мне поддержал предложенное мною толкование со ссылкой на норвежские данные (например, *Skarpsteinum*, 1588 г.), которые, «скорее всего, имеют в виду остроконечные скалы, а не бесплодность почвы». Вероятно, изначальное значение лексемы *skarp* — «острый», удержавшееся в других германских языках (см., например, нем. *scharf*), поначалу было свойственно и скандинавским. О многочисленных топонимах *Skarstein* на территории Норвегии см.: *Kjaer A.* // Norske gaardnavne / O.Rygh. Kristiania, 1919. Bd. 12. S. 494. Первоначально названия упомянутых здесь мест были, кажется, исключительно формами мн. ч., тогда как в случае с Коростенем мы имеем дело с формой ед. ч., что объясняется наличием укрепления на одном-единственном выдающемся возвышении.

3) она превосходно согласуется с географическими реалиями[7]

Коростень возник в месте, где водный поток проложил себе путь через порог древних скальных пород, так что по обоим берегам реки Уж поднимаются, словно неприступные бастионы, две гигантские скалы из красного гранита. На кромках берегов расположены обнаруженные к настоящему времени древние городища: большее на левом, западном берегу и три более мелких — на восточном[8]

Если топоним *Коростень* действительно происходит от древнешведского локатива *i skarpstaini* или, что для нас несущественно, от форм с более поздней огласовкой *-ei-* или *-ē-* в предпоследнем слоге, то наши этимологические рассуждения приводят нас к интересным историческим заключениям.

1. Если верить ПВЛ, попытки варягов подчинить себе древлян, в области которых находился Коростень, относились к 882/883–884/885 гг., когда князь Олег освободил это племя, как и прочие южные группировки восточного славянства, от хазарской зависимости и подчинил его, хотя и ненадолго, новому господству. Форма *Искоростѣнь* дает нам известные основания считать, что первое столкновение древлян с варягами случилось не при Олеге, так как если слав. *-скорост-* в самом деле восходит к др.-швед. *skarpst-*, то выходит, что древляне заимствовали топоним еще до перехода в восточнославянском *-ар-* > *-ара-* (затем *-оро-*). Как мы показали в другой работе, это означает, что заимствование приходится не на время Олега, а должно быть, как минимум, на одно поколение древнее, т.е. относиться к периоду, когда на севере княжил Рюрик, поначалу с двумя своими братьями[9] Поэтому приходится думать о южных варягах-руси, предводительствуемых Аскольдом и Диром, которые подчинились Олегу, по Повести, в 881/882 г.[10]

Варяги, как правило, оседали в уже существовавших местных поселениях. Это справедливо и в отношении Коростеня, где засвидетельствованы достаточно ранние, по современным данным, не позднее VIII в., славянские древности[11] Когда норманны использовали

---

[7] *Членов А.* По следам Добрыни. С. 51.

[8] См., например: *Самойловський І.М.* Стародавній Коростень // Археологія. Київ, 1970. Т. 23. С. 391. Карта 1.

[9] *Schramm G.* Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // JbGOE. 1980. Bd. 28. S. 328. Другим топонимическим заимствованием в восточнославянский, которое, по соображениям перехода *-ар-* > *-оро-*, датируется временем существования до-олеговой Южной Руси, является *Тмуторокань* близ устья Кубани; см.: *Schramm G.* Altrusslands Anfänge und die Nordhäfen des Schwarzen Meeres: historische Aufschlüsse aus Ortsnamenentlehnungen // Russia Mediaevalis. München, 1987. Bd. VI/1. S. 7–29. § 8.1–8.3.

[10] *Schramm G.* Sechs warägische Probleme // JbGOE. 1986. Bd. 34. S. 365–367. § 2: Kiev und die Südliche Rus'.

[11] *Mühle E.* // JbGOE. 1988. Bd. 36. S. 431.

уже существовавшие населенные пункты, они имели обыкновение заимствовать их устоявшиеся названия. Коль скоро в рассматриваемом случае произошло как раз обратное и варягам оказалось предпочтительней собственное наименование, затем ставшее употребительным и в языке местных славян, то это указывает на какие-то особые обстоятельства. Какие именно, мы сможем понять, поразмыслив над фактом перемены названия и смыслом нового имени — «на крутой скале». Если бы здесь располагался древний племенной центр древлян, то его название, как и во всех подобных случаях, было бы, конечно же, заимствовано варягами[12] Точно так же, ввиду факта переименования, не представляется вероятным допущение, что норманнов могло привлечь ремесленное или торговое значение поселения, не говоря уже об одном только присутствии автохтонного населения. Решающим оказалось, скорее всего, совсем другое обстоятельство. Отвесные гранитные склоны, которые без труда могли быть дополнены искусственными укреплениями, здесь, как нигде более в ближней или дальней округе, создавали условия для устройства крепости. Можно догадываться, что варяги были не первыми, кто обнаружил и использовал эти выгоды местоположения. И все же из факта переименования, кажется, следует сделать вывод, что пришельцы, развив и усовершенствовав уже существовавшее, превратили Коростень в то, чем он до тех пор не являлся.

2. Расширение крепости легче всего объяснить стремлением южной руси принудить древлян к даннической зависимости, причем здесь, в отличие от славянских племен восточнее Днепра, следовало предупредить потенциальные претензии на дань со стороны хазар. С таким предположением хорошо согласуется то, что Олег, согласно ПВЛ, именно с древлян, вынужденных платить ему «по черне куне», начал борьбу за покорение славянских племен юга, после того как захват Киева предоставил ему такую возможность[13] Вероятно, он попытался воспользоваться при этом той же уздою, которая применялась его варяжскими предшественниками в Киеве, пока древлянам не удалось освободиться от нее.

Этимологические наблюдения дали нам возможность высказать суждения об истории периода, предшествующего началу письменной традиции. Нам удалось выдвинуть гипотезу о возможных обстоятельствах возникновения крепости, которая, очевидно, играла бóльшую роль, нежели обычные для этих областей оборонительные сооруже-

[12] Что Искоростень мог возникнуть как племенной центр, считает В.В.Седов. См.: *Седов В.В.* Начало городов на Руси // Труды V международного конгресса славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 года. М., 1987. Т. 1. Вып. 1. С. 24.

[13] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Изд. 2. Стб. 24.

ния, служившие местами укрытия окрестного населения; определилось и назначение этой новой крепости. Картина будет законченной после того, как мы проследим последующую судьбу крепости на гранитной скале. Олегу, который с захватом Киева объединил Северную и Южную Русь в единый конгломерат с центром в городе на Днепре, лишь с большим запозданием и не без неудач, несмотря на близкое соседство древлян с Киевом, удалось включить их в свою державу[14] Преемник Олега Игорь воевал с непокорным племенем и возложил на него дань больше Олеговой. Поскольку в разноплеменном войске, с каким Игорь в 944 г. ходил на Константинополь, древлян не было, а после возвращения он вновь организовал поход против этого племени, чтобы еще более взвинтить дань, то ясно, что сопротивление, оказывавшееся киевскому князю западными соседями, было упорнее, чем в других областях Восточной Славянщины. Одной из причин этого являлось, вероятно, то обстоятельство, что на древлянской территории не возникло ни одного из тех протогородских центров, внутри которых, взаимопереплетаясь и питая друг друга, развивались норманнское господство, ремесленное производство, а также местная и транзитная торговля. Только опираясь на такие города, которые и имеет в виду древнешведское название Руси *Garðar* — «города», можно было прочно присоединить к державе и окру́ги с их автохтонными социальными структурами. Заменить этот механизм постройкой крепости на завоеванной территории было невозможно. Ведь местное население, познакомившись со временем ближе с варяжскими способами ведения войны и сбора даней, могло в удобный момент овладеть подобными островками на своей территории и использовать их в прямо противоположных целях. По моему мнению, Коростень стал как раз тем пунктом, который из центра сбора древлянской дани превратился в оплот сопротивления древлян Киеву. Защитники Коростеня убили Игоря в то время, когда он, сразу по возвращении из Византии, пытался захватить их крепость. Да и Ольге со Святославом удалось сломить этот сильнейший очаг сопротивления только после длительной осады, когда все прочие крепости древлян уже были взяты[15]

Последующие события, о которых повествует летописец, выглядят как продуманная попытка киевской княгини путем комплекса мер осуществить долгосрочное решение проблемы. Часть побежденных по

---

[14] См. об этом, например: *Пашуто В.Т.* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники: Сб. статей, 1973 г. Посвящен памяти А.Н.Насонова. М., 1974. С. 105.

[15] О параллельном византийском предании об Игоревой смерти в Древлянской земле см.: *Ditten H.* Zu Germanoi=Derevljane in Leon Diakonos' Geschichtswerk VI, 10 // Byzantinoslavica. 1984. R. 45. S. 183–189.

ее приказу была перебита в знак мести за убийство мужа. Другая часть оказалась в рабстве у ее дружинников. Остаток населения был обложен высокой данью, две трети которой шли в Киев, а треть — в Вышгород, город Ольги. Можно думать, что завоевателями, в соответствии со своими потребностями, была произведена территориальная реорганизация Древлянской земли, тяготевшая к двум опорным пунктам норманнов: стольному Киеву и Вышгороду, который, очевидно, только с той поры стал одним из княжеских городов, одной из резиденций княгини[16] Для закрепления господства руси и регулярного поступления даней даннической зависимости была придана форма четко определенных «уставов и уроков», а вся территория покрыта частой сетью небольших опорных пунктов, которые летописец охарактеризовал как «становища» и «ловища».

Историк А.М.Членов справедливо обратил внимание на следующий удивительный факт. В ходе карательного похода Ольги высшая прослойка побежденных древлян (старейшины) отнюдь не была казнена, как часть их соплеменников, а всего лишь взята в полон, отделавшись, таким образом, достаточно дешево. Более того, подкупающей выглядит поддержанная Членовым старая точка зрения, что древлянский князь Мал, который прежде всех прочих должен был бы стать объектом мести за смерть Игоря, также остался в живых и его следует отождествить с упомянутым под 970 г. Малком Любечанином, дочь которого Малуша служила при Ольге ключницей и родила от Святослава сына Владимира[17] Подобный социальный престиж рабыни достоин удивления, равно как и то обстоятельство, что ее брат Добрыня с 970 г. стал хозяином княжеского дворца в Новгороде, осуществляя

---

[16] Вышгород не был главной резиденцией Ольги и тем самым не пользовался столь же высоким престижем, как места постоянного пребывания русских князей. По этой причине здесь сравнительно медленно осуществлялся новый принцип территориального деления, согласно которому та или иная область рассматривалась в качестве округи главного города. Так, в 970 г. Святополк посадил Ярополка в Киеве, Олега же «в Деревех». Включение в общерусскую систему территориального членения произошло здесь позже, причем центром оказался не Вышгород, а град Волынь, впервые упомянутый летописью под 1018 г. Название «Волынь» удержалось за округой и тогда, когда сам город уже утратил свою функцию центра.

[17] См. небольшую работу: *Членов А.М.* Деревлянське походження князя Володіміра // Український Історичний журнал. 1970, № 9–11, результаты которой, разукрашенные фантастическими домыслами, многословно преподнесены для широкой публики в указанной выше книге того же автора. Главный тезис об идентичности Малка Любечанина с древлянским князем Малом впервые был выдвинут в 1864 г. Д.И.Прозоровским (Зап. имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. V, I. С. 17–26). Лингвистически *Малъкъ* представляет собой суффиксальное производное от др.-русск. *малъ*, которому есть ряд параллелей в русской адъективной лексике; см.: *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. Heidelberg, 1975. Bd. 3. S. 213.

правление вместо малолетнего Владимира, пребывавшего там же. И в самом деле, было бы логичнее толковать скудные фактические данные в том смысле, что частью рассчитанного на длительный период плана по разрешению столь долго неразрешимой древлянской проблемы стала ссылка племенного князя в Любеч — город, расположенный на самой окраине его племенной территории, но в то же время всего лишь в 150 км от Киева вверх по Днепру, т.е. в зоне непосредственной досягаемости из стольного града. К тому же этот пункт служил в то время, как полагают, важным узлом в системе коммуникаций и властвования, поддерживавшейся русскими норманнами[18] Дав некоторую волю воображению, можно предположить, что именно здесь мятежного князя было бы легче всего «приручить», продемонстрировав ему все преимущества тогдашнего устройства колоссально разросшейся Руси, которая все более крепла от торговых доходов и шла по пути слияния варяжской и славянской социальных верхушек. Если Малк действительно был пленным славянским князем, то это могло бы служить достаточным объяснением того, почему рожденный от его дочери Малуши, формально рабыни, сын Святослава в своей последующей борьбе с братьями за право возглавить державу, судя по всему, вовсе не испытывал каких-либо трудностей из-за своего происхождения, которое было сочтено позорным во время его сватовства в Северо-Западной, «другой», Руси с центром в Полоцке — соседнем государственном образовании, тогда еще не слившемся с Киевской Русью и не воспринявшем торговой практики этой последней. Здесь крылась бы и простая разгадка крутой карьеры Добрыни.

Коростень хорошо вписывается в набросанную нами картину. Причина того, что после 945 г. его имя надолго исчезло со страниц летописей, кроется в изменившейся ситуации: отошла в прошлое роль этого города и как укрепленного центра варяжской власти в Древлянской земле, и как бастиона древлянского сопротивления притязаниям Киева.

---

[18] В тексте ПВЛ, открывающем ряд торговых договоров X в. между Древней Русью и Византией, Любеч назван на шестом месте, последним среди прямо поименованных городов, для которых устанавливались условия торговли в Константинополе; остальные русские города включены в договор только неявно, под общей формулой «и прочие города» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 31). Договор этот, по всей вероятности, был заключен не в 907/908 г., как датирует его ПВЛ, а представлял собой часть договоренностей от 911/912 г.

Ф.Б.Успенский (Москва)

ВАРЯЖСКОЕ ИМЯ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ОБИХОДЕ (К этимологии слова «олух»)

Istis temporibus Olavus [...] in Ruscia clarus habetur
(*Historia Norwegiae*)

«В те времена Олав [...] считался на Руси знаменитым»
(*«История Норвегии»*)

При обзоре свидетельств скандинавского присутствия на Руси обращает на себя внимание неравномерность их распределения по различным отраслям гуманитарного знания. Так, с точки зрения историка или археолога следы скандинавского присутствия относительно многочисленны и разнообразны, тогда как лингвист в этой сфере, напротив, вынужден оперировать весьма ограниченным набором фактов.

Иными словами, специфическая бедность лингвистических данных кажется особенно разительной на фоне общей осведомленности, скажем, историка в области русско-скандинавских отношений раннего средневековья.

Вместе с тем самый дефицит языковых свидетельств скандинавского присутствия может интерпретироваться принципиально различным образом. Соответственно, в зависимости от той или иной точки зрения, по-разному формулируются задачи и определяется метод исследования.

С одной стороны, указанный недостаток лингвистических данных может быть легко воспринят как веское основание для радикального пересмотра роли варягов на Руси. Этому как будто бы противоречит, однако, тот значительный исторический и археологический материал, который имеется в распоряжении исследователей на сегодняшний день.

С другой стороны, тот же дефицит языковых данных может оцениваться как указание на особую укорененность, исключительную близость русско-скандинавских контактов. В самом деле, не объясняется ли охарактеризованная выше ситуация попросту тем, что в рамках

© Ф.Б.Успенский, 2001

русско-варяжской проблематики мы имеем дело с материалом, в высшей степени освоенным, т.е. предельно ассимилированным в культурной традиции? Настоящая работа призвана дать положительный ответ на этот вопрос и продемонстрировать возможность обнаружения наиболее «сокрытых» следов, свидетельствующих о глубинном характере русско-скандинавских взаимосвязей.

В более узком смысле наш очерк посвящен происхождению слова *олух*, отмечаемого в словарях русского литературного языка уже со второй половины XVIII в. (см. словарь Нордстета, 1782 г.). В своем нарицательном значении интересующее нас слово появляется, однако, несколько раньше — в памятниках русской деловой письменности XVI в.[1] До этой поры мы встречаем слово *олух* лишь в качестве личного имени (*Олух*), что, как кажется, дает основание говорить о состоявшемся в свое время превращении собственного имени в апеллятив с отчетливо выраженным экспрессивным, пейоративным значением[2].

Таким образом, настоящая работа отчасти представляет собой опыт этимологии одного из имен собственных, постепенно перешедших в процессе языковых преобразований в разряд имен нарицательных[3]

---

[1] См.: *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 286.

[2] Случай с *Олух / олух* далеко не единичный пример подобного рода. Здесь достаточно указать на такие слова антропонимического происхождения, как *пентюх* (из Пантелеймон / Пантелей), *фофан* (из Феофан), *фефёла* (из Феофил), *фаля*, *фалалей* «дурак» (из Фаля < Фалалей) и др. О нарицательном употреблении личных имен см. подробнее с указанием литературы: *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1996–1997. Т. 2. С. 190–191. Ср.: *Peterson L.* Snuskpelle, träkmåns och viktigpetter // Ortnamnssällskapet i Uppsala. Namnspalten i Unt. Uppsala. Uppsala, 1991. Årg. 9; *Matisson A.* Dummerjöns och hans gelikar i nusvenskan // Ortnamnssällskapet i Uppsala. Namnspalten i Unt. Uppsala. Uppsala, 1998. Årg. 16; *Wiktorsson P.-A.* Personnamn som slangord // Ortnamnssällskapet i Uppsala. Namnspalten i Unt. Uppsala. Uppsala, 1997. Årg. 15.

Определенные сомнения вызывает в этой связи наблюдение А.А.Архипова, который полагал, что имя *Олух* в силу своей отрицательной коннотации могло даваться в качестве «охранительного» или апотропеического наименования (подобно тому как ребенку могли давать имя *Безпута*, *Гнида*, *Вред* или *Брех*) (*Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М., 1989. С. 334 и примеч. на с. 165). Такая постановка вопроса кажется нам противоречивой, поскольку исследователь не отрицает при этом существования прямой генетической связи между именем *Олух* и греческим именем *Елевферий* (см. об этом ниже). Если же принимать объяснение *Олух* из *Елевферий*, то положение А.А.Архипова об апотропеической природе имени *Олух* оказывается избыточным: экспрессивное *олух*, очевидно, появляется благодаря использованию имени собственного в нарицательном смысле.

[3] В.В.Виноградов в принципе допускал возможность того, что «слово *олух* лишь случайно совпало по своей звуковой форме с собственным именем *Олухно*, *Олушек*, *Олух*», и сближал апеллятив *олух* с финским öllisko «дурак» (*Виноградов В.В.* Избранные труды. С. 286–287). Стоит отметить при этом, что в одной из своих более ранних работ В.В.Виноградов придерживался иной точки зрения и относил *олух* (как и, например, *фефёла* и т.п.) к словам антропонимического происхождения (*Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. С. 48).

Необходимо сразу отметить, что мы нисколько не стремимся указать здесь единственно правильную и единственно возможную этимологию слова *олух*. Более того, с нашей точки зрения, для слов подобного рода (в частности, для имен собственных, перешедших в разряд экспрессивных слов) выявление такой единственной, окончательной этимологии не только не всегда возможно, но и не особенно плодотворно. Гораздо важнее, на наш взгляд, выявить по возможности всю совокупность причин, обеспечивающих этим словам столь долгую жизнь в языке, всех связей, поддерживающих их существование.

Тот факт, что слово *олух* первоначально зафиксировано в качестве личного имени, имеет решающее значение как для нашего построения, так и для одного из наиболее аргументированных, на наш взгляд, объяснений этого слова, принадлежащего Б.М.Ляпунову. Опираясь прежде всего на данные словаря древнерусских имен Н.М.Тупикова, исследователь считал, что имя *Олух* представляет собой не что иное, как осложненное суффиксом *-х* каноническое имя (греческого происхождения) *Елевферий* (Ἐλευθέριος). Говоря точнее, Б.М.Ляпунов полагал, что *олух* восходит к соответствующей форме этого имени — *Олуферий*. Тем самым процесс образования личного имени *Олух* мыслился Б.М.Ляпуновым примерно следующим образом: суффикс *-х*, будучи присоединен к «абсорбированной» древней форме *Олу(ферий)* из *Елевферий*, дал окончание *-ух*, которое совпадало уже как с обычным суффиксом нарицательных имен (например, в слове *пастух*), так и с *-ух* из греческого -υχ-, возникшим при передаче греческих имен собственных (ср., например, *Овтух* (> *Олтух*) из Εὐτύχιος)[4]

---

[4] См.: *Ляпунов Б.М.* О некоторых образованиях имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных личных в словянских языках // Академия Наук СССР XLV академику Н.Я.Марру. М.; Л., 1935. С. 257–261. Приведем здесь ряд других этимологий слова *олух*, которые представляются нам менее убедительными, чем объяснение Ляпунова. Выше мы уже указали, что В.В.Виноградов, судя по всему, разделял поначалу мнение Ляпунова и лишь в более поздней работе предложил свое объяснение слова. Кроме того, существует гипотеза А.И.Соболевского, который выводил *олух* из умозрительного **волух*, т.е. «пастух волов» в пейоративном значении (*Соболевский А.И.* Лингвистические и археологические наблюдения // Русский Филологический Вестник. 1911. № XVI. С. 346). Ср.: *Ляпунов Б.М.* О некоторых образованиях имен. С. 258.

Предположение Соболевского полностью принял М.Фасмер, который не только отвергает (как представляется, необоснованно) объяснение Ляпунова, но приводит и ряд других, неудачных по его мнению, этимологий (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 3. С. 136–137). Так, в частности, к их числу принадлежит, с его точки зрения, попытка вывести *олух* из **оглух* «глуховатый» (ср. украинское *оглух*). Как невероятную квалифицирует Фасмер и этимологию Ф.Е.Корша, изложенную в письме А.Г.Преображенскому (см.: Этимологический словарь русского языка. Сост. А.Преображенский. М., 1910–1914. Т. 1. С. 648), согласно которой *олух* — это заимствование из чагатайского *алук* «растерянность, одурение» (ср.: *Ляпунов Б.М.* О некоторых образованиях имен. С. 258; *Черных П.Я.* Историко-этимологический

Как уже было сказано выше, тезис об антропонимическом происхождении слова *олух* имеет определяющее значение и для настоящей работы. Мы, однако, предполагаем наличие еще одного источника для русского имени *Олух* и возводим его, в свою очередь, к хорошо известному скандинавскому имени собственному *Олав* (Óláfr). Тем не менее выводы Б.М.Ляпунова будут учтены в ходе нашего разыскания, а отдельные наблюдения так или иначе использованы при подведении итогов. Настоящая работа не отменяет объяснения имени *Олух* из *Елевферий / Олуферий* — как будет ясно из дальнейшего изложения, наше построение в целом не противоречит этимологии Б.М.Ляпунова, а скорее дополняет картину бытования имени *Олух* на русской почве. В частности, наша гипотеза позволяет объяснить тот факт, что при замечательной устойчивости имени *Олух* (вплоть до XVII в.) форма *Олуферий* (*Елевферий*) фактически не соотносится напрямую с именем *Олух*[5] Имя *Олух* (в качестве личного имени, а не прозвища или

словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1. С. 597). Сам А.Преображенский, отмечая «неизвестное происхождение» рассматриваемого слова, сопоставлял его со словом *свинтус* (из **свинтух*) (Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 647–648; ср.: Т. 2. С. 259). См. критические замечания В.В.Виноградова в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды. С. 285–286.

Наконец, существует еще несколько объяснений, одно из которых принадлежит П.Я.Черных и кажется нам весьма произвольным. П.Я.Черных считал, что *олух* произошло от *волх*: **волох* из древнерусского *вълхвъ*: *вълъхвъ*: **вълхъ*, т.е. «волхв, кудеснику», явно отталкиваясь при этом от устойчивого фразеологического сочетания *олух царя небесного* (см.: *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 597). Другое объяснение (Рожэ Бернара) заключается в том, что *о-* в рассматриваемом слове представляет собой приставку, тогда как корень его *лух-* (*люх-*) имеет соответствия в некоторых болгарских диалектных образованиях (ср., например, *залух* «тупица») (*Bernard R.* Notule III: Russe олух «imbécile, lourdaud» // Revue de Études Slaves. 1966. № 45. P. 68).

Еще одна версия происхождения слова *олух* была предложена А.Ф.Журавлевым и любезно сообщена нам автором. Сопоставив рассматриваемое слово с украинск. *йолуп, йолоп*, белорусск.-смоленск. *ёлуп, ёлоп* «дурак», новороссийск. *елоп*, А.Ф.Журавлев связал их с глаголом *lupiti (как производные с префиксом *ob-). Затем исследователь соотнес согласный *-х-* в слове *олух* с *-sk-* в *луска(ть)* (озвонченный вариант *лузга(ть)*). Это последнее звукосочетание исследователь рассматривает как расширитель индоевропейского корня *leu- «очищать, сдирать кожуру, скорлупу; лупить, облупливать» — согласный *-р-* также трактуется здесь как детерминатив к данному корню (*leu-p- > слав. *lupiti). Таким образом, слово *олух*, по мнению А.Ф.Журавлева, приобретает надежную собственно славянскую этимологию.

[5] За исключением, по-видимому, одного примера из двинских грамот XV в., изданных Шахматовым. Так, в грамоте № 22 упоминается *Олферий* Григорьев, которого Шахматов отождествляет с известным из грамоты № 23 *Олухом* Григорьевым (*Шахматов А.А.* Исследования о двинских грамотах XV в. // Исследования по русскому языку. СПб., 1903. Т. II. С. 38–39, 171; ср.: Т. 1. С. 120). Хотя у нас нет и, по-видимому, никогда не будет никаких положительных данных о том, является ли здесь

апеллятива) очень долго существует автономно, как бы полностью живет своей жизнью.

Итак, мы усматриваем в самом факте образования имени собственного *Олух* результат рецепции на Руси распространенного скандинавского антропонима *Олав* (Óláfr)[6] Какие же у нас есть основания для подобного предположения? Для ответа на этот вопрос целесообразно остановиться прежде всего на отдельных историко-культурных моментах ранних русско-скандинавских связей.

Начнем с того, что скандинавское имя Óláfr было, несомненно, хорошо известно на Руси. Его распространение здесь должно было бы быть связано в первую очередь с возникновением и распространением культа Олава Харальдссона — первого общескандинавского святого, погибшего в сражении при Стикластадире в 1030 г. Как известно, культ св. Олава, который никогда не был канонизирован официально[7], но почитался как святой практически сразу же после своей смерти[8], был представлен в Новгороде, где в начале XII в. уже существовала

Олух и *Олферий* одним и тем же лицом, отождествление Шахматова выглядит правдоподобным. Во всяком случае, данный пример, на наш взгляд, может служить лишним доводом в пользу антропонимического происхождения слова *олух*.

[6] Согласно устному сообщению О.А.Смирницкой, к сходному выводу об этимологической связи слова *олух* и скандинавского имени Óláfr пришел С.В.Петров, который сделал доклад об этом на скандинавской конференции в Эстонии в конце 60-х гг. К сожалению, нам не удалось обнаружить тезисов этого доклада: по-видимому, выступление С.В.Петрова сохранилось лишь в памяти некоторых участников этих конференций.

[7] Е.А.Мельникова ошибочно утверждает, что «официальная канонизация Олава [...] состоялась в конце XII века», ссылаясь при этом на J.Metzler'a в: Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg, 1936 (sic! должно быть 1935. — *Ф.У.*). Bd. 7. S. 695 (*Мельникова Е.А.* Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // ВВ. М., 1995. № 56 (81). С. 93). Приведенная ссылка не подтверждает сказанного: в статье Метцлера какое-либо упоминание о канонизации Олава отсутствует. Между тем, как отмечается в большинстве исследований (см., например: *Daae L.* Norges Helgener. Christiania, 1879. S. 18; ср.: Medieval Scandinavia / P. Pulsiano. New York; London, 1993. P. 446; *Bø O.* St. Olav in der Volksüberlieferung // St. Olav, seine Zeit und sein Kult. Acta Visbyensia. Bd. 6. Visby, 1981. S. 47), Олав Харальдссон не был канонизирован римской курией в XII в. — он был официально объявлен святым лишь в 1888 г. папой Львом XIII (*Krötzl Chr.* Pilger, Mirakler und Alltag. Helsinki, 1994 (Finska Historiska Samfundet. Studia Historica 46. S. 62). О процедуре местной канонизации св. Олава см. подробнее: *Успенский Ф.Б.* К истории культа мощей в средневековой Скандинавии (некоторые аспекты канонизации Олава Святого) // Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. II. К сожалению, ошибочные сведения об официальной канонизации Олава Святого были воспроизведены в ряде научных изданий. См., например: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). М., 2000. С. 44; Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е.А.Мельникова. М., 1999. С. 553.

[8] Так, Адам Бременский в своей хронике (ок. 1070 г.) пишет о праздновании дня св. Олава у скандинавов и склавов (Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B.Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917. S. 61).

посвященная ему церковь[9] Сообщения отдельных древнескандинавских источников со всей определенностью указывают на то, что в Новгороде имелась икона св. Олава, причем, следуя этим свидетельствам, позволительно сделать вывод, что эта икона считалась в определенной среде чудотворной[10]. Не исключено также, что на Руси были представлены и реликвии святого[11]

---

[9] См.: *Бережков М.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879. С. 58–59; *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 15–23, 26; *Svahnström G.* Gutagård och Peterhof. Två Handelsgårdar i det medeltida Novgorod // Gotländskt arkiv. 1960. B. 32. S. 35–50; ср.: *Андреевский И.П.* О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855. С. 29. Примеч. № 93. Наличие новгородской церкви св. Олава подтверждается существованием шведской рунической надписи из Шюсты, которая была вырезана в память о человеке, умершем в Хольмгарде (Новгороде) и похороненном в церкви св. Олава (см.: *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 113–115. № 89). Надпись датируется концом XI — началом XII в.

Общие сведения о культе св. Олава в Новгороде и в Константинополе см.: *Мельникова Е.А.* Культ св. Олава. С. 92–108, особенно С. 97. О распространении культа св. Олава в ганзейском пространстве см.: *Zender M.* Heiligenverehrung im Hanseraum // Hansische Geschichtsblätter. 1974. Bd. 92; *Hoffmann E.* Politische Heiligen in Skandinavien und die Entwicklung der drei nordischen Reiche und Völker // Politik und Heiligenverehrung im Hochmittelalter / J.Petersohn. Vorträge und Forschungen. 1994. Bd. XLII. S. 295, а также сборник работ: St. Olav, seine Zeit und sein Kult, в особенности статью: *K.Friedland.* Sankt Olav als Schutzpatron nordeuropäischer Kaufleute (S. 17–28).

[10] Во всяком случае, источники, отдельные из которых составлены на латыни (Acta Sancti Olavi regis et martyris — «Деяния святого Олава, короля и мученика», Passio et Miracula Beati Olaui — «Страсти и чудеса блаженного Олава»), а некоторые по-древнеисландски или по-древненорвежски (Óláfs Saga Helga [Legendaria] — «Легендарная сага об Олаве Святом», Gamal norsk Homiliebok — «Древненорвежская книга проповедей», Flateyjarbók — «[Сага об Олаве Святом по] Книге с Плоского Острова»), сообщают о пожаре в Новгороде, который был остановлен лишь после того, как священник из церкви св. Олава «противопоставил» изображение святого огню (согласно сообщениям Новгородской летописи, Варяжская церковь горела четыре раза — в 1131, 1152, 1181 и 1217 гг. Правда, под «варяжской» в принципе могла пониматься любая католическая церковь, т.е., скажем, и храм св. Петра, принадлежавший немецким купцам).

[11] Так, скальд Сигват Тордарссон (ок. 995–1045) сообщает в своей поминальной песни о сохранившейся (неистлевшей) пряди волос св. Олава, которая вернула зрение (или исцелила) некоего Вальдемара в Гардах (на Руси) (Den norsk-isländska skaldedigtningen / E.A.Kock. Lund, 1946. B. II. S. 126. Строфа № 23). Интерпретация этого единичного свидетельства отчасти затруднена, поскольку из контекста поэмы остается не вполне ясным, идет ли речь о прижизненном чуде или о посмертном (см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994. С. 188). Существенно иметь в виду, однако, что тело св. Олава было обретено нетленным спустя год после его смерти (об общем для скандинавов и русских представлении о нетлении мощей как признаке святости см. подробно: *Успенский Ф.Б.* К истории культа мощей в средневековой Скандинавии; *Успенский Ф.Б.* Нетленность мощей. Греческая, русская и скандинавская традиция // Реликвии в искусстве и куль-

Однако все перечисленные здесь факты, строго говоря, могут быть истолкованы двояко: с одной стороны, они как будто указывают на несомненную известность св. Олава в русской традиции, с другой же стороны, ничто еще не говорит о том, что культ св. Олава был распространен за пределами варяжского контингента на Руси. Именно поэтому для нас представляет очевидную ценность тот факт, что имя этого скандинавского святого упоминается в русской «Молитве св. Троице», составленной или, по всей вероятности, переведенной с латыни в середине XII в.[12] Ср.: [...] алове* ботулве созоне романе анѳиме максиме борисе и глебе панкратые вси сѣти мѣнци молите кѫ за мѧ грѣшнаго (*списки, бывшие в руках у А.С.Архангельского, имеют здесь еще имена Магнуша [Магнуса], Канута [Кнута] и Албана [примечание А.И.Соболевского. — *Ф.У.*][13]). Принципиально важно, что Олав Харальдссон (как и другие скандинавские мученики) фигурирует здесь наряду со святыми, «обычными для восточной церкви»[14]

туре восточнохристианского мира. Тез. докладов и материалы международного симпозиума. М., 2000). При этом, как отмечает большинство источников, у конунга продолжали расти волосы и ногти (это обстоятельство, кстати, нашло свое отражение и в других памятниках скальдической поэзии — ср. «Песнь о Тиши на Море» Торарина Славослова, где вообще описывается нетленность Олава (см.: Den norsk-isländska skaldedigtningen. B. I. S. 152–153. Строфа № 5; ср. комментарий в кн.: *Magerøy H.* Glælognskvida av Toraren Lovtunge. Bidrag til nordisk filologi XII. Oslo, 1948. S. 23–24. Примеч. № 68)). Тогда же (в 1031 г.) волосы были впервые обрезаны местным епископом, испытаны освященным огнем и объявлены святыми мощами. В дальнейшем, когда тело Олава было перенесено в церковь св. Климента в Нидаросе, ногти и волосы стали подстригаться регулярно, причем доступ к мощам святого, судя по всему, являлся прерогативой правящего конунга, а сама процедура осуществлялась им лично (ср.: *Hoffmann E.* Die heiligen Könige bei den Angelsachsen und den skandinavischen Völkern. Quellen und Forschungen zur Geschichte Schleswig-Holsteins. 1975. Bd. 69. S. 85). При таком положении дел реликвии св. Олава легко могли оказаться на Руси (тем более что у конунгов Магнуса Олавссона и Харальда Сурового, которые ухаживали за мощами святого, были свои, особые связи с Русью).

[12] См.: *Lind J.H.* The Martyria of Odense and a Twelfth-Century Russian Prayer: The Question of Bohemian Influence on Russian Religious Literature // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. № 1 (January). P. 15–17, 20.

[13] Ср.: «... магнуше. конуте. венедикте. албане. олове. ботулве. созоне рома [романе]. анѳиме. максиме. борисе и глебе. панкратіе. вси стіе мученици молите Бога за мя грешнаго» (*Архангельский А.С.* Любопытный памятник русской письменности XV века // Памятники древнерусской письменности и искусства. СПб., 1884. Т. 50. С. 13).

[14] *Соболевский А.И.* Две русские молитвы с упоминанием западных святых // Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910 (= Сборник Отделения Русского Языка и Словесности. Т. LXXXVIII). С. 38. Ср.: *Архангельский А.С.* Любопытный памятник русской письменности. С. 1–19; *Шляпкин И.А.* [Рецензия на]: *Архангельский А.С.* Любопытный памятник русской письменности // ЖМНП. СПб., 1884. Ч. 236 (Декабрь). С. 267–269. Из общих работ, частично или полностью посвященных этой молитве, см.: *Dvornik F.* The Kiev State and its Relation with

В краткий комментарий И.А.Шляпкина к опубликованной им версии молитвы вкралась характерная в своем роде погрешность. При идентификации святых исследователь отождествил упоминаемого Олава не с Олавом Святым, а с другим скандинавским конунгом — Олавом Трюггвасоном, которого он называет «св. Олафом (Олай) Норвежским»[15] Олав Трюггвасон вряд ли мог быть упомянут в русской «Молитве св. Троице», поскольку не только никогда не был формально канонизирован, но и не почитался, по-видимому, как святой за пределами Норвегии и Исландии (что же касается этих двух стран, то возможно, там существовало местное почитание Олава, хотя никаких определенных данных на этот счет у нас нет)[16]

В то же время ошибка И.А.Шляпкина сама по себе представляется достаточно показательной. В сознании исследователя, так или иначе занимающегося русско-скандинавской проблематикой, Олав Трюггвасон действительно ассоциируется с Русью едва ли не в большей степени, чем его тезка и династический преемник Олав Святой (хотя последний однажды — а согласно некоторым источникам, даже дважды: в юности и за год до смерти — побывал в Новгороде у Ярослава Мудрого). Достаточно перечислить здесь лишь общеизвестные факты.

Как известно, Олав Трюггвасон провел на Руси около 9 лет, куда он попал после того, как его мать, Астрид, бежала из Норвегии. В ряде

Western Europe // Transaction of the Royal Historical Society. London, 1947. Fourth Ser. XXIX. P. 38–39; *Dvornik F.* L'Église et les Églises: Neuf siècles de douloureuse séparation entre l'orient et l'occident // Études et travaux sur l'unité chrétienne offerts à Dom Lambert Beauduin. Chevetogne, 1954. P. 326–327; *Lind J.H.* The Martyria of Odense.

[15] *Шляпкин И.А.* [Рецензия на]: *Архангельский А.С.* Любопытный памятник русской письменности. С. 267.

[16] В конце XII и начале XIII в. в Исландии были составлены на латыни два жизнеописания Олава Трюггвасона (авторы — монахи Тингейрарского монастыря, Одд Сноррасон и Гуннлауг Лейвссон). До нас дошел лишь перевод одного из них на древнеисландский язык, который традиционно рассматривается исследователями как произведение агиографического жанра, свидетельствующее о почитании Олава по крайней мере в Исландии. Напомним, что Исландия была крещена в годы правления Олава Трюггвасона; таким образом, у исландцев в принципе были все основания для почитания именно этого норвежского конунга. Не исключено, что зарождавшийся культ Олава Трюгвасона как в Норвегии, так и в Исландии со временем был вытеснен культом Олава Харальдссона (Святого), который считался крестителем Норвегии и был первым общескандинавским святым (совпадение имен, по-видимому, сыграло не последнюю роль в этом процессе). Однако в ранних исландских исторических сочинениях Олав Харальдссон мог не обозначаться обычным для него эпитетом «Святой» (ср. об употреблении этого эпитета по отношению к Олаву в работе: *Hallberg P.* Direct Speech and Dialogue in Three Versions of Oláfs saga helga // ANF. 1978. B 93. S. 124). Так, «Книга об исландцах» Ари Торгильссона (XII в.) называет его исключительно Олавом Толстым (Óláfr enn digre) [Ísl. Bl. 19], т.е. тем прозвищем, которое еще при жизни воспринималось самим Олавом и его окружением как оскорбительное (см., например, сагу об Олаве в «Круге Земном»).

скандинавских источников («Сага об Олаве Трюгтвасоне» монаха Одда, «Большая сага об Олаве Трюгтвасоне») ему отводится едва ли не центральная роль в деле крещения этой страны. Олав вырос при дворе князя Владимира, где однажды во сне ему было откровение: некий голос велел Олаву ехать в Грецию, где «ему станет известно имя Господа Бога его». Он отправляется в Грецию, получает там знамение креста (*prima signatio*)[17] от некоего греческого епископа, которого он просит отправиться с ним, дабы крестить язычников-русских. Вернувшись на Русь, Олав Трюгтвасон якобы убедил князя Владимира и княгиню Аллогию принять крещение, затем приехал греческий епископ Павел (*Pall byskop af Griclande*) и крестил князя и княгиню со всем народом. Сам же Олав, согласно версии отдельных источников, вновь отправился в путь и принял окончательное крещение у берегов Ирландии[18]

Таким образом, Олав Харальдссон (Святой), культ которого довольно скоро вышел за пределы собственно Северной Европы[19], явля-

---

[17] Речь идет о катехизации, или оглашении (*Sandholm A.* Primsigningsriten under nordisk medelltid. Acta Academiae Aboensis Humanoria. 1965. B. 29. № 3; *Molland E.* «Prímsigning» // KLNM. København, 1956–1978. B. XIII. S. 439–444), чин которого, по-видимому, практически перестал существовать к тому времени в Западной церкви (см.: *Мусин А.Е.* Scandica Ortodoxa: Византия и Русь // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1997. С. 134–135).

[18] Подробнее о русском периоде в биографии Олава Трюггвасона и его отражении в скандинавских источниках см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). С. 117–223; *Рыдзевская Е.А.* Легенда о князе Владимире в Саге об Олафе Трюггвасоне // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. II.

[19] Олав Святой однажды упоминается в византийской историографии, что дополнительно свидетельствует, по-видимому, о его почитании в варяжской среде в Константинополе (сам Олав Харальдссон никогда не был при этом в Византии). Так, Кекавмен, говоря о деятельности в Византии другого норвежского правителя — Харальда Сурового, приводит сведения и о его брате Юлафе, который занял престол после смерти отца (Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века / Изд. Г.Г.Литаврина. М., 1972. С. 282). Таким образом, благодаря этому сообщению нам известна греческая форма имени Óláfr—Ἰούλαβον.

Вместе с тем, приводя греческую форму имени Олав, внимательнее отнесемся к наблюдениям исследователей над скандинавским именословом русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Как известно, текст договоров (в оригинале составленных, по-видимому, на греческом) обнаруживает отсутствие ожидаемых грецизмов в именослове: ряд имен, например, сохраняет исходную древнескандинавскую форму, которая неизбежно должна была бы утрачиваться в греческой передаче (см. подробнее: *Мельникова Е.А.* Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента Российской Академии Наук С.М.Каштанова. М., 1997. С. 84–85). Все эти наблюдения говорят о том, что скандинавские имена попали в текст договоров, минуя греческое посредство. Сказанное, как кажется, может быть экстраполировано за рамки собственно русско-византийских договоров: греческое посредство, по-

ется, по-видимому, далеко не единственной, хотя и безусловно приоритетной фигурой, способствовавшей проникновению скандинавского имени на русскую почву. Вместе с тем если имя *Олав* и получает некоторое распространение на Руси после ее крещения, то происходит это благодаря прежде всего Олаву Харальдссону, который в определенное время, вероятно, почитался здесь как святой.

Итак, у нас есть основания полагать, что имя Óláfr не только было явным образом «на слуху» в Древней Руси (как одно из распространенных — особенно в Западной Скандинавии[20] — имен, оно наверняка было достаточно широко представлено и непосредственно в самой варяжской среде), но как имя чтимого святого оно могло в том или ином виде попасть в русский языковой обиход. На сегодняшний день уже не вызывает никакого сомнения, что в собственно древнерусской антропонимике нашла свое отражение вариантная форма имени *Олав* — Óleifr[21] — в виде личного имени *Улѣбъ* (*Олѣбъ*)[22]. Уже сам

видимому, вообще было исключено из процесса усвоения скандинавских имен на Руси. Более того, ряд разрозненных фактов позволяет высказать предположение, что отдельные греческие имена и обозначения реалий попадают к скандинавам через русских. В этой связи достойна внимания, в частности, скандинавская форма имени Георгий — Gyrgir, которая представляет собой, возможно, не что иное, как древнерусское *Гюргий* (< Георгий). Одним из первых в литературной традиции этим именем называется византийский полководец Георгий Маниак в «Саге о Харальде Суровом»: ср.: þá var höfðingi yfir herinum sá maðr, er nefndr er Gyrgir — «вождем над войском тогда был тот человек, которого звали Гюргир» (Hkr., III, 77) или: þa styrði hærr Girkia konongs Georgius frendi drottningarennar. þann callaði Norðmenn Gyrgi — «войском конунга греков командовал Георгиус, родич императрицы. Норманны (варяжский контингент в Константинополе? — *Ф.У.*) называли его Гюрги» (Fask., 219). Аналогичные предположения могут быть сделаны и относительно скандинавской формы имени Климент — Klemetr, которая, возможно, испытала на себе влияние древнерусского. Данный вопрос, однако, нуждается в дальнейшем, более детальном исследовании.

[20] См.: Norsk-Isländska Dopnamn ock fingerade Namn från Medeltiden / Samlade ock utgivna av E.H. Lind. Uppsala; Leipzig, 1905–1915. S. 814.

[21] Форма Óleifr исторически представляет собой вариант имени Óláfr, хотя со временем она стала функционировать как самостоятельный антропоним (см.: Norsk-Isländska Dopnamn. S. 814 ff.). Вариативность рассматриваемого скандинавского имени (ср. Áleifr, Áláfr, Óleifr и т.д.), по мнению исследователей, связана с первоначальным распределением ударения в исходной форме (*AnulaibaR).

[22] Насколько нам известно, данное предположение было впервые высказано В.Томсеном: *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891. С. 126. Ср.: *Vasmer M.* Wikingerspuren in Russland // Sitzungsberichte der Preussische Akademie der Wissenschaften. Philosoph.-historische Klasse. Berlin, 1931. Bd. XXIV. № 1–3. S. 660, 673. Иногда *Улѣбъ* ошибочно отождествляют с другим распространенным скандинавским именем *Ульв* (Úlfr), не имеющим никакой связи с именем Олав (см., например: *Munch P.A.* Om Nordboernes Forbindelser med Rusland og tilgrænsende Lande // Samlede Afhandlinger. Christiania, B. II. S. 256; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962–1965. Кн. I (1). С. 216; *Молчанов А.А.* Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-

факт присутствия в древнерусском антропонимическом фонде имени *Улѣбъ* заставляет нас более подробно и тщательно обосновать предлагаемое объяснение слова *Олух* / *олух* из древнескандинавского Óláfr.

С фонетической точки зрения такое объяснение имени *Олух* не вполне безупречно, хотя о сколько-нибудь строгих закономерностях или четких соответствиях говорить здесь, по всей видимости, не приходится. Укажем на некоторые «шероховатости» в фонетическом облике интересующего нас слова. Скандинавское -ó- чаще всего передавалось посредством древнерусского *-у-*[23], однако на примере того же имени *Улѣбъ* (<Óleifr) видно, что появление *-о-* в начале слова не представляет собой ничего невозможного — наряду с *Улѣбъ* встречается параллельная форма *Олѣбъ*[24]

В свою очередь, скандинавское -á-, как правило, давало *-а-* или *-о-* в древнерусском. Вместе с тем у нас нет никакой уверенности, что мы должны искать объяснение именно нормативной форме имени Óláfr, содержащей в себе долгое *-á-*. Прототипом для русского *Олух* мог послужить любой западно- или восточноскандинавский вариант, например такой, как Ólufr или Ólófr. Кроме того, имея дело с целиком адаптированным именем, представляется вообще затруднительным ответить на вопрос, является ли *-(у)х-* результатом морфологических или фонетических преобразований.

Зададимся вопросом: как функционировало и какое место занимало варяжское имя в древнерусском ономастиконе?

Говоря о варяжских именах вообще и об интересующем нас имени в частности, трудно не обратить внимания на следующую особенность: отдельные скандинавские имена прочно входят в русский ан-

---

Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д.Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 81–83; *Молчанов А.А.* Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (потомки ярла Рёгнвальда Ульвссона в Ладоге и Новгороде) // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1997. С. 137). Однако такое отождествление едва ли имеет под собой основание, поскольку *-ѣ-* в древнерусском имени недвусмысленно указывает на изначальное присутствие в скандинавском антропониме дифтонга -ei- (ai) или -é- (в частности, Фасмер выделял восточноскандинавскую форму Óléfr как более предпочтительную: *Vasmer M.* Wikingerspuren in Russland. S. 673; ср.: *Thörnqvist Cl.* Studien über die Nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala; Stockholm, 1948. S. 118–119).

[23] См.: *Thörnqvist Cl.* Studien über die Nordischen Lehnwörter. S. 116–117. Ср.: *Мельникова Е.А.* Источниковедческий аспект. С. 85; *Рыдзевская Е.А.* К варяжскому вопросу // Известия АН СССР. VII сер. Отделение общественных наук. 1934. № 7–8. С. 515, 528.

[24] Ср. топоним *Олебино*, отмеченный у Фасмера наряду с названием *Улебское* (< **Улѣбово* или **Улѣбля*) (*Vasmer M.* Wikingerspuren in Russland. S. 673; *Vasmer M.* Russisches geographisches Namenbuch. Wiesbaden, 1962–1988. Bd. VI. S. 391; ср.: *Рыдзевская Е.А.* К варяжскому вопросу. С. 528).

тропонимический фонд и сохраняются в нем достаточно долго, тогда как другие относительно скоро исчезают, так и не преодолев, по-видимому, стремительного ослабления скандинавского влияния на Руси. Это обстоятельство может интерпретироваться по-разному, однако в рамках нашего разыскания мы хотели бы показать, что: а) рассматриваемый нами антропоним (*Олух*) принадлежит к первому типу имен, т.е. к числу тех, которые успели вполне укорениться в древнерусском ономастиконе, и б) укорененности некоторых скандинавских имен в принципе имеется свое объяснение.

Начнем с того, что попытаемся обосновать наш тезис об укорененности рассматриваемого имени в русском антропонимиконе. Действительно, мы обнаруживаем имя *Олух* вплоть до XVI в.: *Олушко* Ивашков (городчанин), *Олушко* Юркин (крестьянин), *Олухно* Нефедов (городчанин), *Олутко* Онкифов (крестьянин), *Олухно* Микитин (крестьянин), *Олух* Панкратов (крестьянин), *Олух* Офремов (крестьянин), *Олух* Карпов (крестьянин), ср. также Огафонко *Олушков* (крестьянин). Данные, собранные в словаре Тупикова, говорят об относительной распространенности интересующего нас антропонима и в XV в.: *Олух* Данилов (крестьянин), *Олухно* Левков (крестьянин), *Олушко* (крестьянин), *Олухно* (крестьянин), *Олухно* Онтушев (крестьянин), *Олух* Васков (крестьянин), *Олух* Васильев (крестьянин), *Олушко* бортник (крестьянин), *Олушко* Климов (крестьянин), *Олушко* Якушов (крестьянин), *Олушко* Остапов (крестьянин), ср. также Микифорик *Олухнов* (крестьянин), Якуш *Олухов* (крестьянин), ср. еще *Оляух* ключник, кредитор князя Волоцкого в 1498 г. (?)[25]

Принципиально важно для нашего построения, что почти все приведенные примеры взяты из писцовых книг Новгородской пятины (ср. еще примеры из описи торговой стороны Новгорода: «*Олух* кожевник», «*Олух* сарафанник»[26]; ср., впрочем, уже упоминавшийся пример из двинских грамот[27]). Формальное исключение здесь составляет свидетельство в Русско-Ливонских актах (относящееся к XIV в.) о некоем Константине *Олушко*, который был тем не менее новгородцем. Кроме того, в виде отчества интересующий нас антропоним встречается в XVII в. в Смоленском уезде (Ивашко *Олухов*). В это же время известен Иван *Олухов*, дьяк Московский.

Таким образом, выводя имя *Олух* из скандинавского Óláfr, мы оказываемся, по существу, в достаточно нетривиальном для лингвиста положении, сталкиваясь с необходимостью объяснить прежде всего

---

[25] См.: *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 344–345.

[26] *Ляпунов Б.М.* О некоторых образованиях имен. С. 259.

[27] *Шахматов А.А.* Исследования о двинских грамотах XV в. Т. II. С. 38–39.

сохранность скандинавского имени в русском языковом обиходе. В самом деле, легко можно представить себе ситуацию, когда *Олух* (< Óláfr, Ólufr, Ólófr...) выступало в качестве имени, даваемого при крещении. Как мы помним, св. Олав почитался на Руси, о чем свидетельствует не только его церковь в Новгороде, но и сам факт упоминания святого в древнерусской молитве. Однако такое положение вещей, когда имя *Олух* (< Óláfr...) давалось при крещении, могло сохраняться лишь до определенного времени, а именно приблизительно до конца XI в. После схизмы 1054 г. (и в особенности после 1204 г.) Олав Святой едва ли был почитаем на Руси ввиду разрыва церковного общения между Западом и Востоком и усилившейся византизации русской культуры. Между тем, как мы видим, имя *Олух* не исчезает из языкового обихода. Как же объяснить в таком случае исключительную устойчивость данного имени в русской традиции?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует понять в первую очередь, что́ на практике происходило с именем *Олух* после того, как св: Олав перестал почитаться на Руси. Судя по всему, традиция именования не была прервана и детей, как и прежде, продолжали называть *Олухами*. Нужно думать, что после исчезновения св. Олава из числа почитаемых святых носитель данного имени сталкивался с необходимостью определить, в честь какого святого он был назван. Аналогичная проблема возникала, по-видимому, и перед священником, который был вынужден примирять бытовую практику именования с каноническим именословом. Все это, в свою очередь, привело к тому, что скандинавское имя переосмыслилось и стало восприниматься как производное (уменьшительная форма) от канонического имени, присутствующего в святцах. Таким именем, послужившим новым прототипом для интересующего нас *Олух* (< Óláfr...), могло выступать каноническое имя собственное греческого происхождения *Елевферий / Олуферий*.

Напомним, объяснение имени *Олух* из греческого *Елевферий* (Ἐλευθέριος) принадлежит Б.М.Ляпунову — выше нам уже приходилось высказываться за правдоподобность такой этимологии. Вместе с тем выводы Б.М.Ляпунова, будучи безупречны в формальном отношении, не вполне согласуются с тем, что нам известно о бытовании этого имени на Руси. Так, в частности, обращает на себя внимание, что ареал распространения интересующего нас антропонима (*Олух*) достаточно четко ограничен Новгородом и Новгородской областью[28] Это обстоятельство, очевидно, нуждается в объяснении, поскольку мы

[28] Оговоримся, что, пользуясь новгородскими писцовыми книгами, нужно учитывать то обстоятельство, что другие русские территории не представлены памятниками, аналогичными этим писцовым книгам по массовости антропонимического материала.

не располагаем дополнительными сведениями об особом почитании св. Елевфериев в этом регионе. Более того, не исключено, что имя *Елевферий* вообще было относительно редким, не самым употребительным на Руси; в таком случае причину его популярности именно в Новгороде[29] следует искать, на наш взгляд, в возникшей ассоциации имен *Елевферий / Олуферий* и *Олух* (< Óláfr...), о которой было сказано выше.

В самом деле, если о специальном почитании св. Елевфериев нам почти ничего не известно, то о почитании св. Олава именно в Новгородской земле мы знаем несколько больше. Это заставляет думать, что появление большого количества Елевфериев могло быть первоначально обусловлено относительной распространенностью здесь имени *Олух* (< Óláfr...), которое со временем стало восприниматься как гипокористическое производное от *Олуферий / Елевферий*. Таким образом, мы можем предположить, что имевший некогда место культ Олава Святого в определенном смысле актуализировал распространение имени *Елевферий* в новгородском регионе.

Сказанное, как можно видеть, не отменяет полностью этимологии Ляпунова, но в значительной мере развивает и уточняет предложенное им объяснение. *Олух* (первоначально из Óláfr) и *Олуферий / Елевферий* с определенного момента начинают существовать как одно имя, т.е. прочно отождествляются в языковом сознании и воспринимаются как книжная и обиходная форма одного и того же антропонима. Судя по всему, случай с именем *Олух* не единичное явление подобного рода. Ближайшую аналогию рассматриваемому примеру составляет судьба другого варяжского имени — *Якун / Акун* в древнерусском антропонимиконе. Скандинавское происхождение имени *Якун* хорошо известно: оно восходит к распространенному и по сегодняшний день в Скандинавии имени Hákon. Укорененность этого имени в русском языковом обиходе, в свою очередь, также объясняется тем, что исконно варяжское имя объединилось на русской почве с крестильным именем нескандинавского происхождения — *Яков / Иаков* и стало осмысляться, по-видимому, как его уменьшительная форма[30]

---

[29] В частности, имя *Олферий / Олоферий* трижды зафиксировано в новгородских берестяных грамотах, датируемых XIV в. (см.: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 460, № 92; С. 530, № 314; С. 532, № 183).

[30] См.: *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. С. 80; ср.: С. 326. Целый ряд примеров подобного рода содержится в работе: *Гиппиус А.А. Успенский Ф.Б.* К вопросу о соотношении языческого и христианского имени. Древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // Славяне и их соседи. Христианский мир между Римом и Константинополем (Христианство в странах центральной, восточной и юго-восточной Европы в эпоху раннего Средневековья). Материалы конференции. М., 2000, где помимо *Якун / Яков* рассматриваются коррелятивные пары: *Afreki / *Афри-

Следует заметить, что описанный только что процесс переосмысления личного имени является достаточно универсальным для многих культурных традиций. В частности, сходным образом обстоит дело и в самой Скандинавии, где значительное расширение антропонимикона, обусловленное христианизацией, сопровождалось переосмыслением ряда исконных, унаследованных из языческого прошлого имен. Некоторые собственные имена начинают читаться как бы в двух кодах, напрямую отождествляясь с заимствованными христианскими именами[31] Укажем здесь лишь на некоторые примеры.

кан, *Рогволод* (< скандинавское Ragnvaldr, Rögnvaldr) / *Рогул*, *Ивор* (< скандинавское Ívarr) / *Иван* и др.).

[31] Исключительно интересным примером такого прочтения имени в двух кодах является случай со знаменитым норвежским иерархом Эйстейном Эрлендссоном (ум. в 1188 г.), главным оппонентом конунга Сверрира в гражданской смуте.

Архиепископ Нидароса, носивший исконно скандинавское имя Eysteinn, именуется в латиноязычных сочинениях *Августином*, но продолжает оставаться *Эйстейном* в сагах и анналах: ср., например, обращение к нему монаха Теодрика, автора «Истории о древних норвежских королях»: reverendissimo Augustino Nidrosiensis или упоминание Эйстейна в списке архиепископов как Augustinus secundus archiepiscopus (MHN, 3, 189); ср. также: NGL, I, 442–444 [Augustin], 182 [Eysteinn] или начало «Письма о привилегиях Магнуса Эрлингссона» (LDNH, 58–59, 62–63); *Vandvik E.* Magnus Erlingssons Privilegiebrev og Kongevigsle // Skrifter utg. av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II. Hist.-Filos. Klasse. Ny Serie. Oslo, 1962. № 1. S. 12, 19. См. также: *Paasche F.* Kong Sverre. Oslo, 1948. S. 14, 16; *Daae L.* Var Sverre Kongeson? // Historisk Tidsskrift. Fjerde Raekke. Kristiania, 1905. B. III. S. 24.

Очевидно, не случайным является и то обстоятельство, что Эйстейн учредил монастырь августинцев в Норвегии. В 1229 г. Эйстейн был объявлен святым на соборе в Нидаросе (Тронхейм), по-видимому под именем *Августин* (о попытках добиться официальной канонизации у папы римского, не увенчавшихся, впрочем, успехом, см.: *Daae L.* Norges Helgener. S. 171–175; *Hoffmann E.* Politische Heiligen.. S. 320; *Kahle B.* Das Christentum in der altwestnordischen Dichtung // ANF. Lund, 1900. B. 17. H. 1–2. S. 36). В надписях в Тронхеймском соборе он упоминается как *Августин* (*Undset I.* Indskriften fra middelalderen i Trondhjems dom kirke // Christiania Videnskabs-Selskabs Forhandlinger 4. Christiania, 1888. S. 5 ff.· *Daae L.* Norges Helgener. S. 175–176), как Augustinus Nidrosienses он фигурирует в письмах папы Иннокентия IV и папы Александра IV (DN, VI, 22, 23, 28), Матвей Вестминстерский пишет о чудесах св. Августина в Норвегии (*Munch P.A.* Det Norske Folks Historie. Christiania, 1852–1859. B. III. S. 207; *Daae L.* Norges Helgener. S. 173). Вместе с тем сохраняются свидетельства о том, что в Норвегии его продолжают называть св. Эйстейном (hellige Eysteinn) (ASJ, 93, § 138).

Есть основания полагать, что ассоциация имен *Эйстейн* и *Августин* была достаточно обычной в средневековой Скандинавии: так, конунг Эйстейн Магнуссон в латинской части «Перечня королей» и в «Истории Норвегии» именуется Augustinus (MHN, 184, 63 f.); некий каноник по имени Эйрик Эстейнссон называется в документе, составленном на латыни в 1346 г., Erico Augustinij (DN, IV, 341). Ср. еще примеры: DN, V, 31 (1296 г.); DN, VI, 22 (1246 г.); Norske Sigler fra Middelalderen / H.J. Hurtfeldt-Kaas. Kristiania, 1899–1902. S. 122 (1322 г.); S. 316 (1336 г.); S. 398 (1341 г.). О таком же переосмыслении этих имен в Швеции и Дании см.: *Modéer I.* Svenska Personnamn.

Исконно скандинавское Stefnir (Stefni, по слабому склонению), судя по всему, могло восприниматься как разговорная форма от имени Stefán, появляющегося в исландских источниках в качестве личного имени с XIII в.[32] В свою очередь, другое имя собственное — Tumi (< Thurmoth, Thurmund или *Thurmar) — могло осмысляться как производная форма от имени Tómas[33] Аналогичным образом датское Timme соотносилось с Timotheus, Tuni (< *Thurniutr) — с Antonius, а Adi воспринималось как уменьшительное от Adam.

При анализе скандинавского материала целесообразно различать случаи отождествления имен и случаи книжной, искусственной латинизации скандинавского имени, целиком обусловленные контекстом и, по-видимому, не поддерживаемые бытовой традицией[34]

Существенно прежде всего, что рассматриваемые здесь имена, как правило, объединяются между собой непосредственно в узусе, в языковом обиходе. Так, датские имена Self и Sylfa могли рассматриваться как производные от Silvester, Axel (< Askel / Aslak), по-видимому, отождествлялось с Absalon[35] В свою очередь, Sigmund выступало эквивалентом для имени Simon[36], Salmund / Sølmund — для имени Salomon, Sighrik — для Cyriacus, Bergljot — для Bergit / Birgitte,

---

Anthroponimica Sueciana. Lund, 1964. S. 60; *Munch P.A.* Om Erkebiskop Absalon rette Navn og hvor gammel er Kjøbenhavn // Samlede Afhandlinger. Christiania, 1875. B. III. S. 634.

[32] См.: *Cormack M.* The Saints in Iceland (Subsidia Hagiographica 78. Société des Bollandistes). Bruxelles, 1994. P. 47, 153.

[33] Характерно, в частности, что именно так оно трактуется в отдельных словарях. См.: *Cleasby R., Guðbrand Vigfusson.* The Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.

[34] О латинизации имен в Скандинавии см.: Personnamn / Assar Janzén // Nordisk Kultur VII. Stockholm, 1947. S. 187–189; *Sørensen J.K.* Danmarks «lærde» slægtsnavne // Festskrift til Carl-Eric Thors. Helsinki, 1980; *Sørensen J.K.* Janus og Japetus. Lærde renæssance fornavne // Studia Onomastica. Festskrift til Thorsten Andersson. Lund, 1989; Knuds-Bogen. Studies over Knud den Hellige. Odense, 1986 (Finske Studier XV). S. 30–31, примеч.; S. 155–160; *Skard E.* Målet i Historia Norwegiae // Skrifter utgift av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II. Hist.-Filos. Klasse. Oslo, 1930. № 5. S. 12–14.

[35] См. подробнее об этих именах: *Munch P.A.* Om Erkebiskop Absalon rette Navn. S. 632–636; *Grape A.* Studier över de i Fornsvenskan inlenade Personnamn (Företrädesvis intill 1350). Uppsala, 1911. B. I. S. 7–8; *Knudsen G., Kristensen M., Hornby R.* Danmarks gamle Personnavne. København, 1936–1940. B. I. S. 6–8; Personnamn. S. 218–219.

[36] Существует свидетельство, что имя Simon могло отождествляться еще с одним скандинавским именем — Suni, Sune. Так, в некрологе лундского собора содержится запись: Suni [Nati]. Qui et Symeon (NL, 85). О всевозможных переосмыслениях имени Simon / Simeon в средневековой немецкой традиции см.: *Schröder E.* Deutsche Namenkunde. Göttingen, 1938. S. 57. О смешении иностранных и германских имен в древненемецком антропонимиконе (Judith / Judinta, Salomon / Salman, Margarethe / Mergard, Anna / Anno, Philipp / Filibert, Peregrinus / Biligrim и др.) см. подробнее со ссылками на литературу: *Bach A.* Deutsche Namenkunde. Grundriss der germanische Philologie 18. Berlin, 1943. S. 329–330. § 287.

Arina — для Anna, Herlef — для Hermolaus, Grjótogarðr — для Gregorius, Arnorr — для Aron, Pálni — для Páll, Póll (< Paulus)[37], Þorðr коррелировало с Theodor (DN, VI, 27 [1254 г.])[38], Farþegn — с Valentin[39]

Из «Саги о Ньяле» известен случай отождествления имен Dagfiðr и David (Nj., I, 877, 880, главы 154 и 155), из «Саги о Стурлунгах» — Magnús и Agnarr[40] Исконно скандинавское имя Illugi, по-видимому, отождествлялось с именем (H)illarius; в «Саге о епископе Йоне» рассказывается о некоем священнике, которого звали Иллуги (...virþuligr prestr, sá er Illugi hét), но в другой редакции этой же саги о нем сообщается: ...prestr, sá er Illarius hét, ok Illugi oðru nafni, ok var Bjarnarson — «тот священник, которого звали (Х)илляриус, а другим именем Иллуги, [он] был сыном Бьярни» (Bps., I, 159). Замечательно, что в дальнейшем он фигурирует в саге под тем и под другим именем: *(Х)илляриус* / (H)ilarius) и *Иллуги* / Illhugi (Bps., I, 232). Скандинавское

---

[37] Относительно последнего имени ср.: *Naumann H.* Altnordische Namenstudien. Berlin, 1912. S. 155.

[38] Данная «внутрискандинавская» корреляция (Þorðr / Theodor), возможно, имеет непосредственное отношение к русскому материалу. Имя первого русского мученика — варяга-христианина Феодора — упоминается в Проложном сказании в форме *Тур* (отсюда, по-видимому, «Турова божница» в Киеве). Это обстоятельство можно объяснить, предположив пару из скандинавского *Турд* (Þorðr) и распространенного на Руси в форме *Тудор* канонического имени *Феодор* (см.: *Гиппиус А.А. Успенский Ф.Б.* К вопросу о соотношении. С. 33–34). Другие попытки реконструкции данного варяжского имени были предприняты Шахматовым (*Туры*): *Шахматов А.А.* Как назывался первый русский христианин-мученик? // Изв. Имп. Академии Наук. СПб., 1907. Т. 9. С. 261–264 (ср.: *Клейненберг И.Э.* Основные принципы выбора новых личных имен и адаптации иноязычных в России X–XIX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1978. Вып. IX. С. 68; *Marchant F.P* The First Christian Martyr in Russia // Saga-Book of the Viking Club. London, 1909. Vol. VI), Марковым (*Тудор*): *Марков А.* Как звали первых мучеников на Руси? // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. XVIII, и Рожнецким (**Уторъ* < скандинавское Óttar): *Рожнецкий С.* Как назывался первый русский святой-мученик? // ИОРЯС 1914. Пг., 1915. Т. XIX. Кн. 4. С. 94–98.

[39] Ср.: *Jón prestr Jónsson.* Um íslenzk mannanöfn // Safn til sögu Íslands og íslenzkra Bókmenta. Kaupmannahöfn, 1902. B. III. Bl. 688.

[40] Так, в саге упоминается персонаж по имени Magnús Andrésson (Sturl., I, 499), который вскоре опять появляется под именем Agnar Andrésson (Sturl., II, 315). Тот факт, что речь здесь идет об одном и том же человеке, удостоверяется отдельными редакциями саги, где говорится: varu þar Andréssynir Eyólfr ór Skarði ok Brandr ór Skogum ok Magnús Agnarr — «там были сыновья Андерса — Эйольв из Скарда, Бранд из Скога и Магнус Агнар» (Sturl. 1906–1911, II, 314). Высказывалось предположение, что последние два имени были разделены в протографе союзом ok — «и» (см.: *Þorhall Vilmundarsson.* Olafur chaim // Binamn och Släktnamn. NORNA-Rapporter 8. Uppsala, 1975. Bl. 99), однако нам оно представляется неубедительным. Описываемые в саге события с участием Магнуса / Агнара относятся к 1264 г.

Во (исландское Bui) соотносилось с Boetius; соответственно, рыцарь по имени Во Stensson упоминается в источниках и как Во Stensson (DN, V, 456), и как Boetius Stensson (DN, V, 459), Boo Knuttsson (DN, III, 552) становился Boecius Kanuti (DN, V, 509), Во Jonsson превращался в Boecio Jonsson'a (DN, V, 275), а каноник в Бергене Mattis Booson — в Mathias'a Boetii (DN, I, 628, V, 638)[41] Со временем число таких свидетельств значительно возрастает[42]

Любопытно отметить в этой связи, что сходный случай переосмысления имени собственного описывается в романе норвежской писательницы Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса», повествующем о Норвегии XIV в. Когда у Кристин, главной героини романа, родился первенец, ему дали имя Никулаус (в честь умершего деда по отцовской линии). «Ни Лаврансу (другому деду ребенка. — *Ф.У.*), ни Гюннульву (священнику, дяде ребенка. — *Ф.У.*) не нравилось, что мальчика называют Ноккве — ведь его окрестили Никулаусом! Эрленд (отец ребенка. — *Ф.У.*) стоял на том, что это одно и то же имя, но Гюннульв сказал: „Нет, неверно! В древних сагах повествуется о людях, которых звали Ноккве еще в языческие времена". Все же Эрленд не хотел пользоваться именем, которое носил его отец, а Кристин всегда называла мальчика так, как впервые назвал их сына Эрленд, когда приветствовал его»[43]

Думается, что приведенное описание этнографически точно и в целом соответствует реальной практике приспособления или адаптации имен, существовавшей как в средневековой Скандинавии, так и на Руси.

---

[41] Ср. также frater Boecius в DN, III, 16 под 1280 г. Популярность имени *Боэций* (Boethius), а также тот факт, что среди его носителей оказывается духовное лицо, не должны вызывать удивление: помимо знаменитого философа Северина Боэция, так звали, в частности, епископа в Ирландии (ум. в 519 г.), почитаемого Западной церковью (BHL, I, 206). Кроме того, теоретически сохраняется возможность, что упомянутые лица все же были названы *Боэциями* в честь философа Северина Боэция, так как последний к этому времени уже стал местночтимым святым.

[42] См.: Personnamn. S. 187–189.

[43] *Унсет С.* Кристин, дочь Лавранса. М., 1994. Т. I. С. 339.

О.А.Смирницкая (Москва)

СОФЬЯ СВИРИДЕНКО И ЕЕ «ЭДДА»

I

> «Милостивый Государь! Получив от проф. Брауна сообщение о выраженном Вами согласии взять на себя издание моего перевода „Эдды", если мои условия окажутся подходящими, спешу обратиться к Вам с сообщением тех — предполагаемых пока — условий, которые я имею в виду».
>
> *Из письма С.А.Свиридовой М.В.Сабашникову 9 марта 1912 г.*

С.Свириденко — автор первого в России полного перевода «Старшей Эдды»; до этого русский читатель вынужден был довольствоваться переводами или, точнее, переложениями отдельных эддических песней, по большей части имеющими самое косвенное отношение к оригиналу[1] У «Эдды» Свириденко — драматическая судьба. Труд этот был воспринят современниками как литературное событие и отмечен в 1911 г. главной премией Императорской Академии Наук. Первый том «Эдды» (мифологические песни) вышел в свет в 1917 г. в знаменитом московском издательстве Сабашниковых[2] Судьба второго тома долгое время оставалась неизвестной. Во всяком случае, М.И.Стеб-

[1] Ср. популярные сборники: Образцовые произведения скандинавской поэзии в переводах русских писателей / А.Н.Чудинов. Воронеж, 1875; Старшая Эдда (Семунда Мудрого): Сборник мифологических, гномической и эпических песен в переводах русских писателей / А.Н.Чудинов. СПб.: изд. Глазунова, 1897. Совершенно особняком стоят прекрасные прозаические переводы эддических песней («Песня об Атли», «Песни о Хельги, сыне Хьорварда», «Первая песня о Хельги, убийце Хундинга», «Вторая песня о Хельги, убийце Хундинга», «Пророчество Вёльвы»), принадлежащие А.Н.Веселовскому и включенные им в курс лекций по истории эпоса; см.: *Веселовский А.Н.* Теория поэтических родов в их историческом развитии. Ч. I. История эпоса. СПб., 1885–1886. Вып. 2. С. 95–99, 101–105, 110–117, 139–144. Судя по всему, Свириденко была знакома лишь с последним из этих переводов (по изданию: *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1891. Вып. 6. С. 12–18).

[2] Эдда. Скандинавский эпос / Пер., введ., предисл. и коммент. С.Свириденко. М.: изд-во М. и С.Сабашниковых, 1917.

© О.А.Смирницкая, 2001

лин-Каменский, подготавливая к изданию в серии «Литературные памятники» новый перевод эддических песней, видимо, ничего не знал о его существовании[3] Это новое издание, казалось бы, навсегда отодвинуло «Эдду» Свириденко в прошлое, хотя у нее и после этого находились горячие почитатели и защитники.

Из нашего времени, как кажется, лучше видно значение перевода Свириденко. Может быть, обе русские «Эдды» просто должны стоять на разных книжных полках; место «Эдды» Свириденко не столько среди памятников древнеисландской литературы (о которых русский читатель имеет теперь разностороннее представление), сколько рядом с текстами, по-особому памятными в отечественной культуре.

О самой переводчице сохранилось не много сведений. Она родилась около 1880 г. Ее настоящее имя — Софья Александровна Свиридова, а Свириденко — литературный псевдоним. Но в литературных кругах, связанных в послереволюционные годы с издательством «Всемирная литература», она была известна как Жильберта (или Гильберта) Свиридова. Переводу «Эдды» суждено было стать центральным событием ее жизни. Ранние ее литературные опыты — две книги о «Кольце Нибелунга» Р. Вагнера и книжка для юношества «На Севере» — воспринимаются теперь как предварительные подступы к «Эдде»[4] От издания «Эдды» 1917 г. тянется нить и к ее последующей судьбе. В записной книжке А.Блока есть краткая пометка, датированная 10 декабря 1918 г.: «Браун о Свиридовой»[5] Мало что можно извлечь из этой пометки, но не исключено, что именно Ф.А.Браун, относившийся к Свириденко с неизменным участием, рекомендовал ее Блоку как переводчицу, которая могла бы быть полезна для «Всемирной литературы», вообще пытался как-то пристроить ее к литературной работе, в то время для нее почти недоступной. Отметим, что почти все документальные свидетельства о ее жизни первых послереволюционных лет происходят из архивов Блока. Судя по этим свидетельствам, Блок считал своим долгом, насколько возможно, поддержать Свириденко, не дать ей пропасть. С 1919 г. Свириденко сотрудничала во «Всемирной литературе»[6] В 1919–1921 гг. Блок редактиро-

---

[3] См.: Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А.И.Корсуна; послесл. и коммент. М.И.Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963. С. 5 (Предисловие).

[4] *Свириденко С.* На Севере. Повесть из далекого прошлого северных германских племен. СПб., 1907; *она же*. Трилогия «Кольцо Нибелунга» Рихарда Вагнера. Общедоступный очерк. СПб., 1908; *она же*. Вагнеровские типы трилогии «Кольцо Нибелунга» и артисты петербургской оперы. СПб., 1908. Опыт работы над «Эддой» отразился в ее поэме: *Свириденко С.А.* Песнь о Сигурде. СПб., 1912.

[5] *Блок А.* Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 439.

[6] См.: Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Пг., 1919. С. 167.

вал для этого издательства ее переводы из Гейне[7] и в начале 1919 г. надписал ей строками из Гейне сборник своих стихов: «Schöne Wiege meiner Leiden, / Schönes Grabmal meiner Ruh!»[8] Блок сочувствовал Свириденко и ценил ее как всесторонне образованного переводчика, но в то же время, судя по его дневниковым записям, общение с нею было ему в тягость, «не украшало жизни», говоря его собственными словами[9]

Сохранилось девять писем Свириденко Блоку. Все они писаны в 1921 г. из лечебницы для душевнобольных «на Удельной»[10] «Удельная» была для нее не только лечебницей, но и приютом: другого приюта в это время у нее, кажется, не было. Все эти многостраничные письма заполнены сетованиями на нужду («здесь одно мне спасение, когда перепадает покурить [...], а в промежутках голод доводит меня до обмороков»), просьбами о помощи, о «кусочке хлеба» («верьте, что я сознаю, что значит такая просьба в наше время, отлично сознаю, но... голод пересиливает совесть»). Но есть в этих письмах и стихи:

Свободен стань от гнета тела,
Сбрось узы темные земли,
Из заповедного предела
Глаголу вечному внемли.

Сквозь мировое раздвоенье
Твое единственное *я*
Почует дивное биенье
Единой нити бытия.

Последняя запись из блоковского архива, касающаяся Свириденко, относится к июню 1921 г. Секретарь «Всемирной литературы» Е.П.Струкова пишет Блоку: «Передачи, хотя и нечастые, С.Свиридовой наладим»[11]. Блок умер через два месяца; Свириденко — «после 1928 г.». Эту справку дает А.Е.Парнис в издании блоковского «Литературного наследства»[12] Я пыталась уточнить, на чем основаны при-

---

[7] См.: Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 123.

[8] Там же.

[9] *Блок А.* Дневник / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. А.Л.Гришунина. М., 1989. С. 348. См. также: *Блок А.* Записные книжки. С. 440.

[10] РГАЛИ. Ф. 55, оп. 1, № 395, л. 1–14. Пользуюсь случаем выразить признательность А.Л. Гришунину, любезно познакомившему меня со своими записями архивных материалов, относящихся к С.Свириденко.

[11] Литературное наследство. М., 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 316.

[12] Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 123.

веденные сведения. Сейчас это, однако, уже не представляется возможным: судя по всему, источник, которым пользовался А.Е.Парнис, — устные рассказы о последних годах Свириденко, еще недавно ходившие в литературных кругах. Что-то о Свириденко доводилось слышать и мне (в частности, от ученого секретаря серии «Литературные памятники» Д.В.Ознобишина), но я тогда не заинтересовалась этими сведениями и их не записала.

Судьба же рукописи «Эдды» складывалась следующим образом. Отзыв на нее в Академии дал Ф.А.Браун — первый авторитет в те годы в вопросах германской и скандинавской филологии[13]. Браун еще в 1908 г. сочувственно отметил в альманахе «Вестник Европы» появление книги С.Свириденко «На Севере»[14] В отзыве об эддических переводах Свириденко содержится высокая оценка ее труда. По словам Брауна, переводчица обнаруживает «крайне редкое сочетание серьезной филологической эрудиции, исторического понимания, художественной чуткости и выдающегося формального таланта»[15] Отзыв заканчивается словами: «Я должен повторить, что считаю появление этого перевода крупным литературным событием. [...] Это своего рода литературный подвиг по массе затраченного труда, мастерству, трактовке формы и глубокому художественному пониманию»[16] Вместе с тем собственным очеркам Свириденко, по мнению Ф.А. Брауна, недостает беспристрастности и исторической перспективы: «На всех них лежит печать того горячего, почти страстного увлечения, с каким переводчица принялась за свою работу и провела ее. [...] Автор (как указывается им самим) подходит к песням „Эдды“ как к законченным художественным произведениям и старается их понять как бы с точки зрения абсолютной, чисто художественной и человеческой, не вдаваясь в разбор их исторического сложения и иногда исходя в оценке их этического содержания из понятий современного человека о добре и зле»[17]. Заметим эти слова.

Именно Ф.А.Браун рекомендовал перевод вниманию М.В.Сабашникова. Видимо, он предполагал взять на себя и написание научной статьи, призванной уравновесить эмоциональный слог переводчицы и внести должный академизм в издание литературного памятника. Во

---

[13] *Браун Ф.А.* Отзыв о труде С.Свириденко: «Эдда». Полный перевод в стихах // Сб. отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Имп. Акад. Наук. Пг., 1916. Т. 6. Отчеты за 1911 г. С. 199–220.

[14] *Браун Ф.А.* По поводу книги С.Свириденко // Вестник Европы. СПб., 1908. Т. 2. Кн. 4. С. 833–836.

[15] *Браун Ф.А.* Отзыв о труде С.Свириденко. С. 203.

[16] Там же. С. 220.

[17] Там же. С. 218.

всяком случае, С.Свириденко в своей переписке с М.В.Сабашниковым неоднократно упоминает об этой статье как о деле решенном, а ее введение к книге начинается словами: «В статье профессора Ф.А.Брауна, предпосылаемой моему труду, читатель найдет...»[18] Статья Брауна в опубликованной книге, однако, отсутствует, и мы теперь можем только гадать, что послужило тому причиной. Из писем Свириденко М.В.Сабашникову, хранящихся в Отделе рукописей РГБ (Ф. 261. Картон 6. № 20), мы узнаем, что книга сразу же была принята в производство. Первоначально предполагалось, что все песни «Эдды», мифологические и героические, выйдут в одном томе и не позже конца 1912 г. Но работа над изданием затягивалась, отчасти из-за затруднений, создаваемых самой переводчицей. Так, она проявляла крайнюю неуступчивость во всем, что касалось особых литер для транслитерации древнескандинавских собственных имен (имена Heriann, Geirrøðr, например, передавались ею как *Гэрйан, Гэйррёдр*), особой системы отступов при печатании стихотворного текста (разгадка этой системы — в изобретенных ею метрических приемах, воспроизводивших, по ее мнению, «размер оригинала»), наконец, особого расположения на странице подстрочных примечаний («выносок»). Детально и неоднократно обговаривались и вопросы гонорара.

Словом, перевод в конце концов был разделен на два тома, и первый том, как уже упоминалось, вышел в свет в 1917 г. В ноябре того же года издательство Сабашниковых и квартира самого М.В.Сабашникова, находившаяся в том же доме на Тверском бульваре, сгорели во время уличных боев в Москве. О судьбе второго тома в литературной среде ходили разные слухи. Предполагали, что он погиб, но высказывалось также предположение, что он хранится в семье Сабашниковых. Симптоматично, однако, что вплоть до недавнего времени не было предпринято практических шагов по отысканию второго тома. История свириденковской «Эдды», как и судьба самого издательского дома М. и С.Сабашниковых, на долгие годы ушла в область предания, на этот раз в основном московского предания. «Эдда» запомнилась как последнее из знаменитых изданий серии «Памятники мировой литературы» в издательстве Сабашниковых.

Лишь во второй половине 80-х годов предание это стало приобретать осязаемые черты. Трудами дочери М.В.Сабашникова, писательницы Н.М.Артюховой, и его внучки Т.Г.Переслегиной вышла в свет книга его «Воспоминаний»[19] «Краткий указатель имен» содержал и искомую справку: «В архиве Сабашниковых хранится экземпляр пе-

[18] Эдда. С. 3

[19] *Сабашников М.В.* Воспоминания. М., 1988.

ревода С.А.Свириденко второй книги „Эдды“ — „Песни о героях“»[20] Немного позже фигурой Свириденко — интерпретатора Вагнера и переводчика вагнеровских либретто — заинтересовался харьковский музыковед Г.И.Ганзбург. Он, насколько мне известно, и был первым читателем рукописи, в целости и сохранности пребывавшей в Отделе рукописей Ленинской библиотеки (РГБ) — в архиве М.В.Сабашникова (Ф. 261. Картон 12. № 1). В рукописи второго тома «Эдды» 496 страниц, частью машинописных, частью (пространные постраничные комментарии) написанных рукою Свириденко — ее характерным твердым и прямым почерком. На папке рядом с автографом М.В.Сабашникова имеется приписка Н.М.Артюховой: «Надпись сделана в начале войны. Михаил Васильевич особенно берег эту рукопись и осенью 1941 г. сдавал ее на хранение — в библиотеку или в музей».

М.В.Сабашников умер в феврале 1943 г. — от последствий ранения, полученного им во время бомбардировки 5 ноября 1941 г. В его «Воспоминаниях» есть запись, касающаяся «Эдды» Свириденко. Михаил Васильевич рассказывает, что мировая война застала его со всей семьей в Германии. С большим трудом удалось ему добраться до России. В свой первый вечер в Москве он пошел в Государственную Думу узнать новости.

«Я пробыл в Думе весь вечер, стараясь разобраться в том новом, что делалось в связи с открытием военных действий, и соображая, что мне самому предпринять. Когда я вернулся поздно ночью домой, все уже давно спали. В кабинете на письменном столе я нашел ворох бумаг, принесенных из конторы, нераспечатанные личные мои письма и поступившие в издательство рукописи. Толстая папка с давно ожидавшимся переводом „Эдды“ привлекла мое внимание; спать не хотелось, и я погрузился в чтение стихов Свириденко»[21]. Но от чтения Сабашникова отвлекают телефонные звонки: знакомые требуют, чтобы он рассказал им о позиции германских социал-демократов в рейхстаге. Чтобы отвлечься, Михаил Васильевич вновь принимается за рукопись: «Мне захотелось вспомнить поразившее меня только что при просмотре рукописи „Эдды“ четверостишие. Я вернулся в кабинет и прочел:

В меру быть мудрым для смертных уместно,
Многого лучше не знать.
Редко тот радостен сердцем, чей разум
Больше, чем надо, узнал[22].

[20] Там же. С. 498.
[21] Там же. С. 372.
[22] «Изречения Высокого», строфа 55.

[...] Сейчас, спустя двадцать лет после той ночи, найдя вновь и выписав это четверостишие, могу только прибавить, что действительно безумно трудно было бы пережить все, мною до сего описанное, а тем более все, после сего пережитое, если бы вперед знать, что нас ожидает»[23]

II

«Скальд и бард одно и то же,
по крайней мере — для нашего воображения».

А.С.Пушкин

Но почему именно С.Свириденко суждено было стать первооткрывательницей «Эдды» в России? Ведь на протяжении всего XIX века русские писатели и филологи интересовались скандинавскими древностями, а иные древнеисландские памятники (среди них «Прорицание вёльвы») не только многократно переводились, но и породили целый слой культурно-исторических реминисценций внутри русской литературы. Материалы книги Д.М.Шарыпкина «Скандинавская литература в России», а также библиографического указателя по исландской литературе Б.А.Ерхова весьма поучительны с этой точки зрения[24]

Отправным пунктом для нижеследующих заметок может послужить мысль, высказанная Д.С.Лихачевым. В статье, полемически направленной против евразийских идей, он, среди прочего, пишет, что для русской культуры более знаменательна ось Север—Юг: «С юга, из Византии и Болгарии, пришла на Русь духовная европейская культура, а с севера другая языческая дружинно-княжеская военная культура — Скандинавии. Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией»[25] Речь в работе Лихачева идет о культурных импульсах, полученных в начальные века истории русского государства, и вместе с тем — о некоторых исторических константах, проявлявшихся в той или иной форме в разные эпохи. Предлагаемое рассуждение преследует гораздо более ограниченные цели. Мы коснемся лишь сравнительно узкого, хотя и значимого течения русского общественного сознания — определенных умонастроений образованной части русского общества XIX в. И в формировании этих умонастроений ось Север—Юг действительно заняла немаловажное место. Древняя

[23] *Сабашников М.В.* Воспоминания. С. 373.

[24] *Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980; Художественная литература скандинавских стран в русской печати. Библиографический указатель. Вып. 2. Ч. 1. Исландская литература / Сост. Б.А.Ерхов. М., 1997.

[25] *Лихачев Д.С.* Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. С. 7.

Скандинавия антитетически противопоставлялась в них официальному («византийскому») православию или, при несколько ином повороте «стрелки», классицистическому Риму и классическому образованию. Этот момент антитетичности особенно существен: обращение к Скандинавии в большей или меньшей степени мыслилось как вызов общепринятой норме и выход за пределы официальной культуры.

Конечно, не только в России скандинавский Север виделся в романтическом свете. Но для русского «скандинавизма» определяющую роль сыграли наши собственные связи и счеты со Скандинавией. Заметим, что отношение русской культуры к Скандинавии было при этом всецело эгоцентрическим: Скандинавия интересовала нас не как таковая, а какою она *представляется* из России. Представлялась же она в двояком и постоянно колеблющемся освещении: с одной стороны, как область, издавна связанная с Россией, как страна, нам соседская и *сопредельная*; с другой же стороны — как область, находящаяся за пределами ясного ви́дения, как иной, *запредельный* и непостижимый мир. Она манила к себе как «хаос родимый», в который срывается древнейшая русская история. Говоря словами Ф.И.Буслаева, «мы, русские, с малых лет привыкли к мысли о каких-то темных, в доисторическом отдалении теряющихся связях древней Руси со Скандинавией»[26] Но виделась она и как мир, обступающий Россию с Севера, начинающийся сразу за «гранитной полосою» Петербурга. История и география слабо различались в этом ви́дении. Взгляду русского офицера, побывавшего в Финляндии (герой прозаической поэмы К.Н.Батюшкова), открываются финские дебри, он слышит завывание ветра, «резкий крик плотоядной птицы»; «сыны диких лесов», некогда здесь обитавшие, пили кровь из черепов поверженных врагов[27]

Критик (Л.Н.Майков), комментировавший поэму Батюшкова в 1885 г., объясняет эту фантастическую картину тем обстоятельством, что у Батюшкова «не было ни способов, ни времени» ознакомиться с истинной Финляндией. Она для него собирательный образ Севера, а картина заимствована из описания Северной Америки в сочинении французского естествоиспытателя Бернара Ласепеда[28] Современный критик, Д.М.Шарыпкин, приводящий в своей книге этот комментарий

---

[26] *Буслаев Ф.И.* Древнесеверная жизнь // Образцовые произведения скандинавской поэзии в переводах русских писателей / А.Н.Чудинов. Воронеж, 1875. С. 3. Очерк Буслаева, послуживший откликом на книгу К.Вейнхольда «Altnordisches Leben» (1856), был опубликован первоначально в журн. «Русский вестник» (Т. 7. Февр. Кн. 2. С. 259–269) и несколько раз переиздавался.

[27] *Батюшков К.Н.* Отрывок из писем русского офицера о Финляндии // Сочинения К.Н. Батюшкова, изданные П.Н.Батюшковым. СПб., 1885. Т. 2. С. 3–4.

[28] *Майков Л.Н.* О жизни и сочинениях К.Н.Батюшкова // Сочинения К.Н.Батюшкова. Т. 1. Кн. 1. С. 80.

Майкова, не вполне с ним согласен. Он полагает, что дело не в отсутствии у Батюшкова достоверных сведений о северной окраине России, а в том, что тот «желал воссоздать местный колорит Финляндии *во всех реальных деталях* (выделено мною. — *О.С.*), как они виделись русскому поэту-романтику сквозь призму культурно-исторических и литературных реминисценций»[29] Это — тонкое замечание, несмотря на некоторую парадоксальность формулировки. Д.М.Шарыпкин ссылается и на другое сочинение Батюшкова, из которого следует, что поэт имел возможность составить себе и более достоверное представление о современной Скандинавии, но она разочаровала его, и он от нее отвернулся. В письме Д.П.Северину (1814 г.) он писал: «Итак, мой милый друг, я снова на берегах Швеции,

В земле туманов и дождей,
Где древле скандинавы
Любили честь, простые нравы,
Вино, войну и звук мечей.
[.....]
Теперь полночные цари
Курят табак и гложут сухари,
Газету готскую читают
И, сидя под окном с супругами, зевают»[30]

Читая эти строки, написанные в начале XIX в., мы лучше поймем, почему в конце века в России так полюбят Г.Ибсена. О.Мандельштам писал о «Гедде Габлер»: «Из маленькой Норвегии пришла к нам эта комнатная драма. Фотографы. Асессоры. Смешная трагедия потерянной рукописи. Аптекарю из Христиании удалось сманить грозу в профессорский курятник и поднять до высот трагедии зловещевежливые препирательства Гедды и Брака»[31]

Можно возразить, что безоглядно-романтическое воспевание дикой и вольной Скандинавии с ее скальдами и героями, пьющими мед или кровь из черепов поверженных врагов, — это удел поэтов, от Батюшкова до Бальмонта. Но в том и состояла суть русского «скандинавизма», что ему едва ли не в равной мере были подвержены поэты и публицисты, а также исследователи. Эмоциональная оценка, в том числе и со знаком «минус», опережала анализ, «застилала взгляд» в работах, касающихся древней Скандинавии. В статьях публицистов она заострялась в идеологию (борьба норманистов и антинорманистов); в трудах филологов принимала вид замечательно устойчивых

[29] *Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература в России. С. 128.
[30] Сочинения К.Н.Батюшкова. Т. 3. С. 283.
[31] *Мандельштам О.* Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 43.

научных предрассудков. Памятуя о том, что «предрассудок — он обломок древней правды...», мы не станем, с современных позиций, относиться свысока к этим предрассудкам, а попытаемся вникнуть в них как в характерное проявление скандинавского мифа на русской почве.

Подобно тому как в мифе существуют архетипы, но не оригиналы, т.е. все тексты, в которых находят выражение соответствующие представления, принципиально равноправны для мифологического сознания, так и творцы нашего скандинавского мифа, в сущности, не задавались мыслью об оригиналах. Допускалось, что переложение переложений древнеисландских текстов сохраняет каким-то образом их истинность и свежесть. Так, Пьер Анри Малле поместил в своей «Истории Дании» (сер. XVIII в.) вольное переложение скальдических стихов Харальда Сурового (*gamanvísur* — «висы радости»; в отечественной традиции «Песнь Харальда Храброго»). Переложение Малле было позже переложено анонимным поэтом былинным слогом («Корабли мои как объехали...»)[32] Стихи эти получили популярность, и Харальд Храбрый, тоскующий о «русской девице» — княжне Елизавете Ярославне, стал героем многих наших поэтов. Современный критик оценивает стихи из «Иппокрены» вполне в духе скандинавского мифа: «Так в русскую литературу вошла скальдическая поэма. От ее древнеисландского стиля и колорита мало что осталось, но все же больше, чем в переводе Малле. Там поэма о Гаральде — куртуазная „ода", в русских же переложениях — это „песня", петая древним русским складом, имеющим более близкое строфическое соответствие скандинавскому оригиналу. [...] Для Малле сама тема „Оды" — чистая экзотика, а для русского переводчика „Песня" проникнута героическим духом отечественной истории»[33] Убеждение, что скальдическая поэзия представляла собой изначально народные песни, простые и исполненные глубоких чувств, на долгие годы укоренилось в отечественной скандинавистике и нашло себе место в энциклопедических статьях и научных исследованиях нового времени.

Скандинавский миф русской культуры закономерно исключал критику источников. Мы не найдем ее даже в работах наиболее критически мыслящих (в других областях!) филологов. При этом предпочтение сплошь и рядом отдавалось наименее достоверным, легендарным сведениям. О древнескандинавской жизни судили преимущественно по эддическим песням (воспринятым из любительских переводов и пересказов), отрывкам из Саксона Грамматика и сагам о древних временах. Саги об исландцах оставались далеко за горизонтом наших

[32] Иппокрена. 1801. Ч. VIII. С. 361–366.

[33] *Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература. С. 96–97.

интересов. Выдающийся филолог Ф.И.Буслаев, трактуя в своей уже цитированной статье о скандинавском быте, сажал богов, образно говоря, за один стол с героями и историческими лицами. Он писал, например: «Не менее любопытные точки соприкосновения нашей старины со скандинавскою находим и в пище. Мясо жарили на углях или варили в котле. Первое предпочиталось. Герои „Эдды", Волундр и Атли, сами пекут себе мясо на углях. Кроме говядины и зверины в древности употреблялась и конина. Наш Святослав, как истый скандинавский герой, не брал с собою в поход котла, не варил мяса, но по тонку изрезав конину, зверину или говядину, пек на углях и ел. [...] В древности употреблялись вместо чаши черепа убитых врагов. Это опять напоминает нашего Святослава»[34]

Скандинавский миф, по определению, не делал различий между наукой и поэзией. Герои, заведомо не имеющие исторических прототипов, трактовались как реальные лица. Так, Я.Грот, широко осведомленный филолог и прекрасный переводчик, предпосылает своему переводу «Саги о Фритьофе» Э.Тегнера обширный «Очерк быта, религии и поэзии древних скандинавов» (этот очерк много раз переиздавался). На первой его странице мы читаем: «В юго-западной части Норвегии, на берегу немецкого моря, находилась между прочим небольшая область Согн. Ее разделял длинный и узкий залив (какими вся Норвегия изрезана с запада), еще и теперь известный под именем Согнского. В этом-то краю родился знаменитый в скандинавских сказаниях Фритьоф»[35] Нет нужды напоминать современному читателю, что Фритьоф Смелый — не историческое лицо и даже не «герой скандинавских сказаний», а герой одной из саг о древних временах, обязанный своей славой романтической поэме Э.Тегнера. Я.Грот создал образцовый для своего времени перевод тегнеровской «Саги о Фритьофе». Но когда он принимается за перевод эддического «Прорицания

---

[34] *Буслаев Ф.И.* Древнесеверная жизнь. С. 7. Любопытно, что памятный образ «черепов врагов» восходит к тому же Малле. Один из трех опубликованных им скальдических отрывков — это постскальдическая анонимная поэма «Krákumál» (XII в.), ставшая известной у нас, с легкой руки Малле, как «Смертная песнь Рагнара Лодброка». В ней воспевается в патетическом тоне (мало напоминающем классические дротткветтные драпы) легендарный морской конунг, сложивший голову в Англии. Поэма перелагалась русскими поэтами по меньшей мере пять раз. В оригинале поэмы есть место, читаемое как «пили мед из гнутых дерев черепа зверя», т.е. из рогов. Малле не понял кеннинга и заменил зашифрованные в нем *рога* реальными черепами. См. об этом: *Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература. С. 92. Из более специальных работ, исследовавших древнескандинавскую поэзию в контексте русской культуры, отметим: *Полевой П.* Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской. СПб., 1864.

[35] *Грот Я.К.* Очерк быта, религии и поэзии древних скандинавов // Образцовые произведения скандинавской поэзии. С. 203–204.

вёльвы» («Видение Валы»), точность и чувство стиля ему изменяют. Его многократно переиздававшийся перевод, в общем, явление того же порядка, что и другие переводы, составившие «Старшую Эдду (Семунда Мудрого)», выпущенную в 1897 г. А.Чудиновым, в том числе и прозаические переводы из «Эдды», принадлежащие самому издателю[36] Весь сборник, отмеченный авторитетными именами А.Майкова, Ф.Буслаева, Я.Грота, Т.Грановского, — типичный (хотя и не лучший) плод «скандинавизма», настоянного на отечественных реминисценциях.

Повторим еще раз: «скандинавизм» в его специфически русском преломлении — это не просто донаучная стадия скандинавистики; это сложившаяся в нашей культуре и обладавшая замечательной устойчивостью сумма представлений о древней Скандинавии. Долгое время она принималась за истину. Но вполне естественно, что представления эти не могли рано или поздно не вступить в конфликт с нарождающейся научной скандинавистикой. Они подверглись, в частности, жесткой критике в одной из работ А.Н. Веселовского.

Поводом послужила диссертация о поэзии скальдов некоего Г.М.Левестама[37] Пушкин писал: «Скальд и бард одно и то же, по крайней мере — для нашего воображения»[38] Г.М.Левестам предлагал своему читателю, согласно его собственным заверениям, не плод воображения, а научный труд. Автор особо уведомляет в предисловии к этому труду, что у него были время и возможности всесторонне ознакомиться со своим предметом в библиотеках Берлина и Копенгагена. Между тем на первой же странице он дает следующую характеристику скальдов: «Скальды, или скальдры, принадлежали к сословию жрецов, которых вообще в языческой Скандинавии было три рода: друиды, диеры и дроттенеры»[39] Посвятив данной диссертации пространную рецензию в «Вестнике Европы», Веселовский считает нужным заметить, что не труд Левестама как таковой заинтересовал его. «На настоящей его (Левестама. — *О.С.*) книжке, — пишет он, — я остановлюсь настолько, насколько нужно будет, чтобы предупредить русского читателя, который при бедности русской литературы именно по этому вопросу легко может обратиться за справкой к дисс. Г.Левестама. В самом деле: наш русский эпос настоятельно сравнивали с „Эддой", русскую мифологию с древнесеверною; у нас есть даже

---

[36] См. сн. 1 настоящей работы.

[37] *Левестам Г.М.* Исторический очерк древнескандинавской поэзии скальдов. Варшава, 1872.

[38] *Пушкин А.С.* Заметки на полях «Опытов в стихах и прозе» К.Н.Батюшкова // А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений в девяти томах / М.А.Цявловский. Т. IX. М.; Л.: «Academia», 1937. С. 572.

[39] *Левестам Г.М.* Исторический очерк. С. 1.

целая партия норманистов, готовых в огонь и в воду за варяжское происхождение Руси, — между тем в литературе у нас не явилось ни одного сколько-нибудь видного труда ни по истории, ни по языку древнескандинавского Севера; иные из наших норманистов его вовсе и не знают, что их, кажется, ничуть не беспокоит»[40]. Веселовский пишет эти слова, словно бы и не существовало работ, написанных такими учеными, как Ф.И.Буслаев и Я.К.Грот. С каким бы уважением он ни относился к академическим заслугам этих филологов, он явно не числит их популярные очерки о Скандинавии по ведомству науки. Иронию Веселовского легко понять. В конце XIX в. сам он (как несколько позже и Ф.А.Браун) исключительно много сделал для того, чтобы вывести скандинавистику из состояния «скандинавизма». Лекции Веселовского по истории эпоса, читавшиеся им в 1885–1886 гг. в Петербургском университете, содержат превосходный раздел об эддических песнях, оснащенный данными современной ему науки[41] Перу Веселовского принадлежат и другие работы, авторитетно и веско трактующие о проблемах скандинавской мифологии и эддической поэзии[42].

Но, возвращаясь к рецензии на диссертацию Г.М.Левестама, я рискну предположить, что читатель, чьи интересы защищал А.Н.Веселовский, не внял его предостережениям. Те ценные начатки скандинавской филологии, которые пробивали себе дорогу в отечественной науке, оставались, не будучи воодушевлены «скандинавизмом», на дальней периферии гуманитарных наук. До общественного сознания они не дошли и школы не составили. Кто учился исландскому языку по «Грамматике» Стефана Сабинина[43]? И многие ли в дальнейшем опирались на скандинавские штудии самого А.Н.Веселовского? Едва ли вполне случайно, что из всего колоссального и столь влиятельного у нас научного наследия Веселовского его работы в области скандинавистики фактически менее всего известны.

Действительно поворотным в развитии скандинавской филологии в России стал труд, созданный не в спокойном течении академической науки, а на волне романтического увлечения Скандинавией, — «Эдда» С.Свириденко. Как ни парадоксально это может прозвучать, именно «горячее, почти страстное» (Ф.А.Браун) увлечение Скандинавией

---

[40] *Веселовский А.Н.* Две варшавские диссертации // Вестник Европы. СПб., 1872. Т. 5. Кн. 10. С. 913.

[41] *Веселовский А.Н.* Теория поэтических родов. СПб., 1885–1886.

[42] *Веселовский А.Н.* Вещание вёльвы (Völuspá и новейшая экзегеза. По поводу книги: *Meyer E.H.* Berlin, 1889) // *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. С. 21–89; *он же.* Мелкие заметки к былинам. Уголок русского эпоса в саге о Тидрике Бернском. Предварительное сообщение // Журн. М-ва нар. просвещения. СПб., 1896. Ч. 306. С. 235–277.

[43] *Сабинин С.* Грамматика исландского языка. СПб., 1849.

вывело переводчицу из круга устоявшихся культурно-исторических реминисценций (которые еще так сильно дают себя знать в ее книге «На Севере») и побудило ее обратиться к подлинной «Эдде» и к изучению культуры, в ней отразившейся. Но для этого поворота был необходим толчок извне.

III

> «Последним моим увлечением была „Эдда" в переводе Свириденко; как-то я читал Мише, больному, целые песни оттуда, несколько поразив его тем, что меня не смутили обвинения Локи против Фрейи в „Lokasenna"».
>
> *И.М.Дьяконов.* Книга воспоминаний

Толчок к серьезным занятиям С.Свириденко скандинавской филологией дал Р.Вагнер. У нее могли быть серьезные наставники в Петербурге (не исключено, что она была слушательницей лекций Ф.А.Брауна, которые тот читал на Высших женских курсах[44], и пользовалась его советами), но именно Вагнер стал ее учителем в высшем смысле. Известно, каким успехом пользовались оперы Вагнера у российской публики. Но ценили его прежде всего как композитора, прощая ему за музыку утомительность речитативов и ту «напряженную значительность, которую он придает каждой музыкальной и словесной фразе и каждому жесту героев»[45] Свириденко, сама тонкий и квалифицированный ценитель вагнеровских опер, приняла Вагнера целиком и безоговорочно — и его музыку, и его тексты. Романтик по натуре и по художественным пристрастиям, она расслышала в синкретическом действе «Кольца Нибелунга» вызов, брошенный текущей истории. Вагнер предстал перед нею не только как современный истолкователь древнескандинавских сказаний, но и как истинный *наследник традиции*: «он стремился, воссоздав в своих произведениях могучую, яркую красоту этих мифов, выделить все общечеловеческое, общемировое, что может быть извлечено из них творческим духом современного гения, и объединить все разрозненные духовные сокровища старинных былей в единое грандиозное целое — величавую мировую трагедию»[46] Так она пишет в своей книге о Вагнере. И эта тема развивается ею во втором (неопубликованном) томе «Эдды»: «„Кольцо Нибелунга" Вагнера может познакомить художественно

---

[44] *Браун Ф.А.* Лекции по истории всеобщей литературы, читанные на Высших женских курсах. СПб., 1897–1898.

[45] *Аверинцев С.С.* Моя ностальгия // Новый мир. 1996. № 1. С. 142.

[46] *Свириденко С.* Трилогия «Кольцо Нибелунга». С. 21.

чуткого человека [...] со всем тем миром, в который вводит нас „Эдда", полнее, богаче и глубже, чем многие из специальных ученых трудов по германской мифологии»[47] Знаменательно, что сам синкретизм вагнеровской оперы, в сущности, равнозначен для нее архаическому синкретизму эддических песней, а его германизацию скандинавских сказаний она объясняет тем, что «верно следуя духу народного творчества, всегда восходящему в своих верованиях к глубочайшей древности, Вагнер отнес время действия своей трилогии не к эпохе создания древних сказаний, а гораздо дальше в глубь веков, куда сам народ обыкновенно отодвигает повествование о богах и героях»[48].

Последовав за Вагнером в «общемировом и символическом истолковании» мифа, Свириденко вместе с тем отдает должное тому гигантскому собственно филологическому труду, который стоит за вагнеровскими либретто и без которого, по ее убеждению, был бы невозможен никакой порыв к высотам или глубинам народного духа. Следуя Вагнеру, она и предпринимает свой собственный перевод «Эдды» с языка оригинала. Вот тут ей и понадобились все достижения мировой скандинавской филологии. С поразительной энергией она изучает труды немецких и скандинавских ученых (последних все же в немецких переводах), вникает в только что вышедшее новейшее издание «Эдды» (Саймонс—Геринг)[49] и принадлежащий Г.Герингу комментированный перевод эддических песней[50] Очень вероятно, что в этих занятиях ее направлял Ф.А. Браун. Об этом свидетельствует сопоставление текстов Свириденко и самого Брауна. В своем отзыве, например, он отмечал как достоинство научного комментария переводчицы ее критическое отношение к идеям С.Бугге и Р.Мейера (христианское влияние в «Эдде»)[51] В том же критическом духе высказывался об идеях, умаляющих самобытность эддической традиции, и сам Браун[52].

В целом Свириденко разделяет те воззрения на эддическую поэзию и на скандинавскую мифологию, которые считались в ее время передовыми. Но филологом в смысле, желательном Брауну, она все же не стала, ибо, при всей обширности ее знаний, научные идеи приобрета-

---

[47] *Свириденко С.* Эдда. Скандинавский эпос. Книга вторая. Песни о героях // РГБ. Ф. 261. Картон 12. № 1. С. 364.

[48] *Свириденко С.* Трилогия «Кольцо Нибелунга». С. 21.

[49] Edda. Die Lieder der Edda / B.Sijmons und H.Gering. Halle/Saale, 1906. Bd. 1.

[50] Die Lieder der sogenannten älteren Edda / Übersetzt und erläutert von H.Gering. Leipzig, 1893.

[51] Отмечая «недюжинную эрудицию» переводчицы, ее «хорошее знакомство с литературой вопроса, большую начитанность», рецензент, однако, считает нужным добавить: «...но все же это не ученый спор, а именно защита любимой идеи от оскорбительных посягательств со стороны» (*Браун Ф.А.* Отзыв о труде С.Свириденко. С. 218).

[52] *Браун Ф.А.* Лекции по истории всеобщей литературы. С. 45 и сл.

ли для нее ценность прежде всего в той мере, в какой они не расходились с ее собственным романтическим ви́дением мира «Эдды». Так, она следовала Герингу и Брауну, трактуя эддических богов и демонов с натурмифологических позиций. Локи для нее — это, конечно, стихийное божество, бог огня. В своем «Указателе имен» (также неопубликованном) она посвящает Локи вдохновенный десятистраничный очерк, цитируя популярные в ее время научные труды. Но повторим: натурмифологические идеи имели для нее значение не ограниченной научной истины, а всеобщего и непререкаемого художественного ви́дения. Локи для нее божество огня не только потому, что его имя созвучно с *logi* «пламя», и не потому, что такое его понимание может пролить свет на некоторые трудные места эддического текста, но потому прежде всего, что таким она сама видела его — еще до занятий «Эддой» — на сцене вагнеровской оперы. Так она и прочла, а затем перевела «Эдду», не отступая от текста, но внося в него пафос своих любимых идей.

Стремление «заглянуть за рукопись» также роднит Свириденко с Герингом и другими издателями и толкователями «Эдды» тех лет. Но и в данном случае это притяжение противоположных зарядов. Критические издания «Эдды», которыми пользовалась Свириденко, отражают веру филологов-компаративистов во всесилие реконструкции, в их право судить, что в «Эдде» исконно, а что привнесено исландскими книжниками XIII в. Свириденко же стремится «в глубь веков», к истокам мифа и героического сказания по праву романтически настроенного поэта и ученицы Вагнера. Примечательно, что, признавая в Вагнере истинного продолжателя традиции, она отказывает в том же исландцам, записавшим песни. Она интересуется Исландией и много о ней знает. Ей принадлежит, в частности, содержательная статья о древнеисландской литературе в «Новом энциклопедическом словаре», где уделяется большое место родовым сагам[53] Но все же исландская литература представляется ей лишь поздним ответвлением от древней традиции и остается не в фокусе ее интересов.

Можно было бы поставить на этом точку, констатировав зрелость современной скандинавистики, давно уже несклонной смешивать науку и поэзию. Но чтение перевода Свириденко — как опубликованного, так и рукописного томов — дает нить и для другого рассуждения. В чем вообще состоит основное различие между переводом поэта

[53] *Свириденко С.* Исландская, или норвежско-исландская литература (древняя) // Новый энциклопедический словарь / Акад. К.К.Арсеньев. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 712–717.

и академическим (или «филологическим») переводом? На наш взгляд, не обязательно в том, что в первом больше поэзии, а второй более научен. Свириденко — истинный поэт, но не все песни в равной мере ей удаются; вместе с тем ее перевод несомненно находится на уровне современной ей науки.

Различие между двумя типами переводов состоит, как представляется, прежде всего *в мере отстраненности переводчика от памятника,* который он переводит. Автор академического, в нынешнем понимании, перевода стремится дистанцироваться от памятника древней литературы, поместить его, насколько это возможно, в исконный для него культурно-исторический контекст. Это и называется историзмом и объективностью в подходе к памятнику.

Данный подход в значительной мере оправдывает себя в отношении саг и скальдической поэзии, ибо мы имеем некоторое представление о назначении саг и скальдической поэзии в древнескандинавском (древнеисландском) обществе. Но гораздо сложнее обстоит дело с эддическими песнями: о бытовании эддической поэзии в Исландии и тем более в доисландскую эпоху у нас фактически нет никаких сведений. Вопрос, для кого и в какой ситуации исполнялось в дописьменную эпоху «Прорицание вёльвы», остается неразрешимым. Можно ли помыслить, чтобы ученый «автор» «Прорицания» (если исходить из того, что эта песнь была сочинена определенным автором) и близкие ему по времени исполнители песни рядились в вёльву и разыгрывали перед аудиторией ее «медиумический сеанс», не рискуя при этом покрыть себя позором? Все, что мы можем, — это ограничиться осторожным предположением, что превращение «реальной» вёльвы в литературный образ происходило с течением времени и в процессе эволюции песни в традиции[54]

Академическому переводчику, осознавшему степень своего незнания среды и способа бытования эддических песней, остается лишь одно: попытаться воссоздать текст «как таковой» — в его самых общих языковых и метрических параметрах. Но перевод при этом неизбежно лишается живых красок, поэзия сводится в нем к общему благородству стиля.

Однако что значит «текст как таковой»? Понимание проблем эддической текстологии сильно изменилось за последние десятилетия. Мы все лучше осознаем, что не существует «единственно верного» прочтения песни, в том числе и на собственно языковом уровне. Эддическая поэзия потому и могла дойти до пергамента, что обладала способностью к семантическим и структурным преобразованиям в тради-

[54] См. подробнее: *Смирницкая О.А.* «Прорицание вёльвы»: Заметки к семинару по исторической поэтике // Атлантика. М., 1999. Вып. 4. С. 181–207.

ции. Песнь существовала как множество вариантных (даже в случае вербального тождества) текстов, одни из которых обнаруживали себя, в зависимости от понятий и восприимчивости аудитории, другие же, не стираясь полностью, уходили в подспудные смысловые слои. Но незавершенной оказывается, по сути дела, и рукописная «Эдда», ибо книжность в Исландии не противопоставлялась традиции и книжники, которым мы обязаны существованием эддических рукописей, воспринимали эддические песни не извне — как обветшавшее «наследие предков», — а изнутри традиции. Иными словами, эддические редакторы не просто механически зафиксировали текст, мертвый уже к их времени, но продлили его жизнь на пергаменте. Возможно, некоторые из тех прочтений, которые современные исследователи обнаруживают в «Эдде» с помощью объективных текстологических и поэтологических методов, не приходили на ум исконной аудитории. Диалог «Эдды» и ее аудитории не закончен и едва ли закончится, пока существуют читатели — филологи и поэты, способные вдохновиться эддическими текстами и, не навязывая им своих представлений, заново прочесть их как весть из прошлого. Софья Свириденко была таким читателем[55]

[55] Полное издание перевода «Эдды» Свириденко с ее комментариями — проект, над которым в течение ряда лет работал автор настоящей статьи, — к сожалению, едва ли осуществимо: оно требует слишком громоздкого, многослойного научного аппарата, заслоняющего сам памятник. Но лучшие образцы перевода Свириденко (из второго тома), безусловно, должны быть опубликованы.

Роберт Кук (Рейкьявик, Исландия)

ИСКУССТВО И ИСТОРИЯ В ИСЛАНДСКИХ РОДОВЫХ САГАХ*

Самый распространенный вопрос, задававшийся применительно к родовым сагам, несомненно, касался их историзма и неизбежно был связан с проблемой их происхождения. Долгое время после того, как в семнадцатом столетии саги впервые стали предметом обсуждения, считалось, что саги в своем нынешнем виде являются достоверной записью в действительности имевших место событий. Предполагалось, что эти тексты ведут свое происхождение из сообщений очевидцев событий — например, сожжения Ньяля, — которые в точности передавались из уст в уста в течение нескольких сотен лет вплоть до тех пор, когда в конце концов были перенесены в манускрипты. Какие бы изменения они ни претерпевали в устной традиции, это не повлияло на их историческую достоверность. Тогда не сложилась еще точка зрения, распространенная в современных фольклорных исследованиях, что устная традиция легко изменяется с течением времени, а процесс письменной фиксации устного повествования достаточно сложен[1]

В 1940 г. выдающийся исландский ученый Сигурдур Нордаль опубликовал эссе о «Саге о Хравнкеле», которое он назвал «Hrafnkatla»[2]. Сигурдур являлся одним из пионеров «исландской школы» критики саг, который, работая над изданием Íslenzk fornrit, делал особый акцент на саги как на письменные артефакты в соотношении с другими

* Пер. с англ. С.Л.Никольского.

[1] См. также: *Mundal E.* Sagadebatt. Oslo, 1977, ценное собрание документов, сопровождающихся комментариями, в которых прослеживаются изменения во мнениях по нашему вопросу — от скептицизма немецкой школы Просвещения в конце XVIII в. к упорным и категоричным утверждениям со стороны Финнура Йоунссона, что саги представляют собой историческую правду, и до теории книжной прозы и ее последователей, которые толковали саги в основном как произведения искусства. Ее книга — это увлекательный и исчерпывающий обзор мнений, бытовавших с самых первых лет изучения саг; в этой статье мы обратимся лишь к позднейшим трудам.

[2] *Sigurður Nordal.* Hrafnkatla. Reykjavík, 1940 (Studia Islandica 7).

© Р.Кук, 2001

письменными источниками. В эссе «Hrafnkatla» этот акцент сместился коренным образом, так как автор утверждал, что большинство событий из «Саги о Хравнкеле», а также два ее главных героя совершенно не имеют под собой исторической основы. То был сокрушительный удар по старой школе, ибо «Сага о Хравнкеле» — в отличие, например, от «Саги о Греттире» с ее сверхъестественными существами и невероятными событиями — прежде рассматривалась в качестве модели беспристрастной, исторически достоверной саги. Со времени выхода этого эссе на плечи тех, кто стремится отстаивать историческую правду саги, легло тяжкое бремя доказательства.

Сигурдур вернулся к этой проблеме четырнадцать лет спустя в своей лекции об «Историческом элементе в исландских родовых сагах»[3], где заявил, что данное заглавие может уязвить два сорта читателей: во-первых, ортодоксальных приверженцев саги как истории, которые споткнутся об уничижительное слово «элемент», а во-вторых, тех читателей, которые окажутся не готовыми признать историчность саг в любой хоть сколько-нибудь существенной степени. Будто в ответ на импульс, созданный его собственным эссе о «Саге о Хравнкеле», Сигурдур говорит в своей лекции о «смущающей двойственности цели» в родовых сагах. В качестве примера он использует сожжение Бергторова Пригорка в «Саге о Ньяле»: несмотря на выявленные в процессе раскопок следы пожара, не существует археологических доказательств того, что сожжение действительно имело место; тем не менее исландские анналы сообщают, что сожжение произошло в 1010 г., и это предание также зафиксировано в «Книге о Заселении страны» («Hans [Þorgeirs] son var Njáll, er inni var brenndr»)[4], поэтому нет оснований сомневаться в существовании человека по имени Ньяль, который был сожжен заживо на своем хуторе. Другой вопрос: имел ли тот Ньяль что-либо общее с Ньялем из саги конца XIII в. и имело ли то сожжение какое-либо сходство с событиями, описанными в саге? Далее Сигурдур показывает, как автор «Саги о Ньяле» учитывает популярные предания, но в то же время использует их с большой свободой[5], проявляя немало художественного самоуправства и приспосабливая сагу к своим собственным целям.

---

[3] *Sigurður Nordal.* The Historical Element in the Icelandic Family Sagas. The fifteenth W.P.Ker Memorial Lecture delivered in the University of Glasgow, 19th May, 1954. Glasgow, 1957.

[4] «Его [Торгейра] сыном был Ньяль, которого сожгли в собственном доме» (Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson. Reykjavík, 1968 (ÍF. B. 1). Bl. 344).

[5] Например, Сигурдур указывает на строфу из «Младшей Эдды», в которой сообщается, что в молодости Ньяль предпринял путешествие за пределы страны; с другой стороны, в саге он предстает лишь как зрелый и мудрый глава семьи.

Эти замечания, сделанные Сигурдуром Нордалем, до сих пор остаются весомыми и, в сущности, соответствуют точке зрения о происхождении саг, которой ныне придерживается большинство исследователей: саги возникли в устной традиции, повествующей о событиях IX и X вв., которая циркулировала несколько столетий, до тех пор пока не была собрана, переоформлена и записана анонимными авторами, чье влияние оказалось столь существенным, что они заслужили наименование «авторов». Эти авторы также использовали письменные источники, часть из которых, несомненно, имела иностранное происхождение (например, сон Флоси в главе 133 «Саги о Ньяле», заимствованный из «Диалогов» Григория Великого). То, что Сигурдур называет «двойственностью цели», есть стремление авторов сохранить старые предания и идеал правдивости, хотя и без особой заботы о достоверности, обнаруживаемой в «Книге об исландцах» Ари Торгильссона и «Книге о Заселении страны», и в то же время это желание сочинить занимательную историю. «Но во всяком случае они всегда хотели, чтобы их читатели или слушатели воспринимали эти истории как правдивую повесть о реальных людях и подлинных событиях».

В связи с этим любопытно попытаться сделать следующий шаг и проникнуть в сознание авторов, писавших эти саги. Замечательный русский ученый М.И.Стеблин-Каменский в книге, известной на Западе под названием «The Saga Mind»[6], утверждал, что единственной формой правды, известной в раннем исландском обществе, была так называемая «синкретическая правда», отличная от «художественной правды» и «исторической правды» — форм, известных современному человеку, а также отличная от «церковной правды», являвшейся характерной особенностью житий святых. Средневековый исландец не имел представления об исторической правде, как воспринимаем ее мы, так как не был способен различить историческую и художественную правду. «Люди тринадцатого столетия не могли отличить исторической правды от художественного вымысла в родовых сагах не только потому, что им были незнакомы эти понятия, но, конечно, также и потому, что они не владели современной исследовательской техникой»[7] Это означает, что авторы саг не могли отличить реальные факты от вымысла и, таким образом, в какой-то мере не осознавали того, что пишут. Они не могли провести грань между тем, что в действи-

[6] *Steblin-Kamenskij M.I.* The Saga Mind / Tr. by Kenneth H.Ober. Odense, 1973. Русский оригинал был впервые издан в 1971 г.: *Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Л., 1971.

[7] Цит. по русскому оригиналу: *Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Становление литературы. Л., 1984. С. 28.

тельности произошло, и тем, что могло произойти[8] Несмотря на то что эта идея не лишена привлекательности и до определенной степени отображает состояние авторов саг, которые могли не иметь понятия, какие из элементов устной традиции являются исторической правдой, а какие таковой не являются, его точка зрения не получила особого одобрения среди западных ученых[9]. Судя по таким расхожим в средние века терминам, как *lygisögur* («лживые саги»), и благодаря четкому различию в целях между такими историческими трудами, как «Книга об исландцах» Ари, «Книга о Заселении страны» и королевские саги, с одной стороны, и развлекательными произведениями, как родовые саги, — с другой, представляется очевидным, что их авторы имели различные цели и не всегда были единодушны в своих помыслах. Точка зрения М.И.Стеблин-Каменского предполагает примитивного автора, бессознательного творца, неспособного к тщательному художественному контролю, который мы обнаруживаем во многих сагах. Сошлемся лишь на одну деталь: ныне принято считать, что многие (если не все)[10] стихи в родовых сагах были сочинены самими авторами; данная точка зрения не особенно уживается с представлением о наивном авторе. Вообще, мнение М.И.Стеблин-Каменского о записи саг не намного отличается от прежних представлений о том, что роль их авторов заключалась лишь в занесении фиксированной устной традиции на пергамент.

Хотя авторы саг не могли быть уверены в том, что́ есть факт, а что́ — вымысел в материале, попадавшем им в руки, они могли быть уверены в том, что делают с этим материалом, когда выдумывали или заимствовали шаблонные мотивы или же придавали определенную форму унаследованному ими материалу. Современный читатель сталкивается с более крупной проблемой. Внутри саг можно выделить три пласта:

1) традиционный материал, являющийся к тому же исторической правдой;

---

[8] Данная точка зрения расходится с мнением другого русского исследователя, М.М.Бахтина: в то время как создатель саги, по М.И.Стеблин-Каменскому, перемещается во внутреннем мире саги и не способен видеть ее со стороны, эпический рассказчик Бахтина находится вне сюжета и осознанно пересказывает события прошлого — см. «Эпическая поэма и роман», первое эссе в кн.: The Dialogic Imagination / Michael Holquist. Austin, 1981.

[9] См., например, обзор Херманна Палссона в Medieval Scandinavia 6 (1973). P. 215–221; *Hallberg P.* The Syncretic Saga Mind. A Discussion of a New Approach to the Icelandic Sagas // Medieval Scandinavia 7 (1974). P. 102–117; а также: *Vésteinn Ólason.* Dialogues with the Viking Age: Narration and Representation in the Sagas of the Icelanders. Reykjavík, 1998.

[10] *Bjarni Einarsson.* Litterœre Forudsœtningar for Egils saga. Reykjavík, 1975.

2) материал традиционный, но не исторический;

3) материал вымышленный или привнесенный автором.

Проблемы возникают на обеих стадиях: мы не можем отличить 1) от 2), т.е. историческое от неисторического, а также 2) от 3) — традиционное от авторского вымысла. Суть в том, что большинство событий в сагах не подкрепляется сведениями из других источников, а повествование о нескольких семьях в ограниченном пространстве одной страны лишь усложняет проблему. С другой стороны, основные события, происходившие за пределами и внутри саги, — заселение Исландии в девятом столетии, формирование системы управления (Альтинг, четыре четверти, тридцать девять *goðar* и т.д.), образование Пятого Суда, открытие Гренландии и Северной Америки, принятие христианства в 1000 г. — формируют поддающееся проверке и необходимое историческое обрамление.

Встает следующий вопрос: если мы ищем в сагах историю, то о каком периоде истории идет речь — «веке саг» (930–1030 гг.) или о том периоде, когда саги были записаны, т.е. о XIII в.? Возможно ли выделить хронологические слои, отраженные в сагах? Не стану углубляться здесь в эту важную проблему и лишь отмечу, что некоторые ученые указывали на то, каким образом тринадцатое столетие через такие явления, как борьба за власть, отразилось в сагах[11]

Однако другой вопрос, которому будет посвящена оставшаяся часть статьи: что мы имеем в виду под историей? Подразумеваем ли мы факты, людей, события, генеалогии или же в соответствии с современными тенденциями в мировой науке имеем в виду культурную историю, отображение функционирования общества в целом, его отношения к таким явлениям, как власть, семейные связи, религия, его представлений и так далее? Если мы обращаемся к истории в ее первом значении, то сейчас, как и прежде, довольно просто показать, как саги в той или иной детали расходятся с остальными исландскими источниками, заключают в себе нелепые истории и диалоги, которым никто не мог быть свидетелем, или иными способами обнаруживают свою сомнительную достоверность. Данный факт, разумеется, играет на руку тем, кто относится к сагам как к художественному вымыслу. Более перспективно сосредоточиться на истории другого вида, опираясь на тот факт, что родовые саги предоставляют огромную массу

[11] Вестейнн Оласон указывает на эту проблему в «Norron litteratur som historisk kildemateriale» в кн.: Kilderne til den tidlige middelalders historie / Gunnar Karlsson. Reykjavík, 1987. S. 44. См. также: *Einar Olafur Sveinsson*. The Icelandic Family Sagas and the Period in Which Their Authors Lived // Acta Philologica Scandinavica 12 (1937–38). P. 71–90; *idem*. The Age of the Sturlungs. Ithaca, 1953 (Islandica XXXVI); *idem* «Samtíminn» в предисловии к его изданию Brennu-Njáls saga. Reykjavík, 1954 (ÍF. B. 12). Bl. cxiii-cxx.

соответствующего материала. Если авторы саг могли сочинять или переделывать некоторые детали или события, то они не могли выдумать культуру и общество, которое изображалось ими с таким постоянством. Понимание этого факта подталкивает нас к социокультурно-антропологическому подходу, известному последние двадцать лет и ассоциирующемуся с такими именами, как Уильям Миллер, Джени Джоенс, Кирстен Хаструп и Пребен Мойленграхт Сёренсен.

Я хотел бы привлечь Уильяма Миллера в качестве представителя этой группы и, прокомментировав некоторые его исследования[12], предположить наличие определенной опасности в подобном подходе к сагам. Миллер проделал блестящую работу, собрав заключенную в сагах и сборниках законов информацию, иллюстрирующую такие явления, как меновая экономика, исполнение кровной мести, а также значение общественного статуса и репутации в мире, представленном сагами. Этот мир он преимущественно рассматривает как современный автору: «Неоценимую важность, которую саги представляют для социологов и культурологов, несколько умаляет одна почти не поддающаяся разрешению проблема. До сих пор чрезвычайно трудно установить значение изменения во времени. Большинство саг датируется тринадцатым столетием, но оказалось, что об их датировке нелегко говорить с полной определенностью... В настоящее время наиболее корректно предположение, что саговое общество олицетворяет собой общество, хорошо знакомое автору, то есть его собственное, приспособленное к рассказам и воспоминаниям отцов и дедов, к чему, вероятно, добавлялись также подлинные частицы сохранившейся традиции той эпохи, в которую встроен рассказ»[13]

В особенности мне бы хотелось обратиться, хотя и вкратце, к статье Миллера под названием «Оправдание Скарпхедина», где он объясняет, что заставило Скарпхедина и его братьев совершить жестокое убийство Хёскульда, сына Траина, воспитанника их отца. Миллер выступает против традиционной точки зрения, что Скарпхедина обманом склонил совершить это деяние зловредный Мёрд, сын Вальгарда; напротив, он утверждает, что поступок Скарпхедина может быть оправдан с точки зрения «модели баланса» в процессе кровной распри между сыновьями Сигфуса, с одной стороны, и жителями Бергторова Пригорка — с другой, а также с точки зрения борьбы за власть в округе. На ранней стадии процесс вражды разбивается на следующие эта-

[12] Среди его работ по сагам: *Miller W.* Justifying Skarpheðinn // Scandinavian Studies 55 (1983). P. 316–344; *Andersson T.M., Miller W.* The Social Historical Setting // Law and Literature in Medieval Iceland: Ljósvetninga saga and Valla-Ljóts saga. Stanford, 1989. P. 3–62; *Miller W.* Bloodtaking and Peacemaking: Feud, Law and Society in Saga Iceland. Chicago, 1990.

[13] *Andersson T.M., Miller W.* The Social Historical Setting. P. 4.

пы: 1) убийство Торда Вольноотпущенникова Сына, при котором присутствовал Траин, сын Сигфуса; 2) убийство Сигмунда и Скьёльда Скарпхедином и его братьями; 3) убийство Траина, сына Сигфуса, Скарпхедином; 4) убийство Хёскульда, сына Ньяля, Лютингом, мужем сестры Хёскульда. После последнего убийства очередь проливать кровь оказалась за сыновьями Ньяля, но естественный объект мщения — Лютинг был чудом умерщвлен Амунди Слепым (незаконнорожденным сыном Хёскульда, сына Ньяля). Сыновьям Ньяля требовалась суррогатная мишень, и их месть естественным образом обратилась против Хёскульда, сына Траина, так как тот выступал примирителем между Лютингом и Ньялем. Другое объяснение убийству Миллер находит во властной политике Речного Склона и Островной Равнины. Траин был убит по возвращении из Норвегии, когда он вступил в соперничество с сыновьями Ньяля за преимущественное влияние в округе; а его сына Хёскульда убили, когда тот стал годи и лидером в своей родственной группе. Что касается альянса с Мёрдом, Миллер определяет его как *vinátta* — термином, означавшим не «дружбу» в нашем понимании этого слова, а «соглашение, в соответствии с которым люди обязываются не поступать несообразно с интересами друг друга, несмотря на вражду»[14]

Хорошо обоснованные и убедительно детализированные аргументы Миллера базируются на досконального изучении социальной системы, представленной в саге. Он прямо заявляет: «Мой подход преимущественно правовой и социологический. Я стараюсь избегать аргументов, обусловленных либо психологическими качествами персонажей, либо моральной оценкой их поведения»[15] Последняя фраза способна привести нас в некоторое замешательство, ибо для большинства читателей кажется ясным, что автора родовой саги очень интересует психология персонажа, а персонаж играет существенную роль в развитии событий. Это кажется особенно справедливым в случае с Мёрдом, сыном Вальгарда, с момента его первого описания в саге: «Þau gátu sér son, er Mörðr hét, ok er sá lengi við þessa sögu. Þá er hann var fullkominn at aldri, var hann illa til frænda sinna ok einna verst til Gunnars, hann var slœgr maðr í skapferðum ok illgjarn í ráðum» («У них [Вальгарда и Унн] родился сын по имени Мёрд, и о нем много говорится в этой саге. Когда он стал совсем взрослым, то стал вредить своим родичам, а Гуннару — больше всех. Он был человек хитрый по натуре и злобный в своих советах»[16]). При каждом своем появлении

[14] *Miller W.* Justifying Skarpheðinn. P. 339.

[15] Ibid. P. 317.

[16] Пер. С.Л.Никольского с учетом пер. М.И.Стеблин-Каменского: Сага о Ньяле // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 200.

Мёрд вполне оправдывает данную ему характеристику, интригуя и строя козни для осуществления своих злобных намерений, и у большинства читателей складывается впечатление, что здесь мы имеем дело со своего рода «немотивированной злобой», ассоциирующейся с шекспировским Яго. Толкование Миллера проясняет мотив, но игнорирует злобу; и тут мы видим, как тщательно реконструированная социальная система неспособна отдать должное литературному контексту, который лежит в основе этой реконструкции. Автор «Саги о Ньяле», как лучше чем кто-либо другой показал Миллер, знал, каким образом поведать о кровной вражде в исчерпывающей и последовательной манере изложения саги. Однако у него имелись также свои литературные интересы, можно сказать интересы «человеческие», один из которых заключался в описании центральных положительных персонажей (Гуннара и Ньяля), окруженных разного рода кознями. Способ прочтения саги Миллером оставляет мало пространства для иных аспектов человеческой индивидуальности, кроме способности эффективно действовать в рамках жесткой социальной системы.

Пребен Мойленграхт Сёренсен четко сформулировал необходимость интегрировать исследование саг как литературы с более свежими исследованиями социальных, религиозных и культурных институтов, причем изучение литературного текста должно предшествовать остальным методам[17] Проблема некоторых последних «новоисторических» исследований как раз в том, что они обращались с сагами исключительно как с социальными документами.

Нет сомнения в том, что саги преподносятся как исторические документы: от их вступительных генеалогий, обращенных в прошлое, до конечного быстрого взгляда в будущее они прочно вплетены в эпоху. Строгая хронологическая выдержанность, без скачков назад или вперед во времени, а также так называемый объективный стиль — все это создает впечатление, что саги являются важными историческими документами, повествующими о реальных людях. Тем не менее, хотя они претендуют на историческую достоверность и несмотря на изоби-

[17] Например: *Sørensen P.M.* Some methodological considerations in connection with the study of the sagas // From Sagas to Society / Gísli Pálsson. Hizarlih Press 1992. P. 28–29: «Таким образом, действительность текста отсекается от исторической действительности, и потому изучение последней должно предваряться изучением текста как такового. Для раскрытия значения саг в такой мере, чтобы они могли быть полезны и в исследовательских дисциплинах, стремящихся определить реальность, отличную от текстовой, следует в первую очередь применять методы критического изучения текста, от филологических до литературных исследований». В книгу, изданную Гисли Палссоном, включены разнообразные очерки, основанные на социокультурном подходе к сагам, большинство из которых менее взвешенны, чем работа Пребена Мойленграхта Сёренсена — см.: рецензию Марвина Тэйлора, alvissmal 3 (1994). P. 106–111.

лующую деталями социальную информацию, которую отмечают современные историки, без сомнения, они в первую очередь и в большей степени являются литературными произведениями. Там, где Сигурдур Нордаль говорил о «двойственности цели» со стороны авторов, мы теперь нуждаемся в разработке двустороннего подхода, т.е. изучения саг одновременно как исторических и как литературных памятников, причем более сильный и веский акцент следует делать на литературу.

Что, например, это значит применительно к «Саге о Ньяле»? Это значит, что мы должны подмечать признаки ее структуры, то, как соотносятся истории Гуннара и Ньяля и какую роль в саге играет принятие христианства. Это значит, что мы ищем крупные и мелкие приметы прикосновения художника, берутся ли они из устной традиции (как, например, *epische Dreizahl* в трех ударах, которые Халльгерд получает от своих мужей, или в том, как Траин трижды прячет Храппа на своем корабле) или привносятся самим автором — и здесь не всегда легко найти различие. Это означает исследование этических ценностей, не имеющих ничего общего с социальной манипуляцией[18] Это подразумевает обращение к мифическим, иррациональным, нереалистическим пластам: снам, предсказаниям, сверхъестественным существам и роли судьбы[19]

Возможно, внимание к художественному аспекту саг означает главным образом поиск определяющих идей или тем. Одна из таких тем может представлять собой тему сильной, мстительной женщины, каковых в «Саге о Ньяле» по крайней мере три: Халльгерд, Бергтора и Хильдигунн. Автора так интересует данная тема, что это может навести нас на предположение, что Хильдигунн, подстрекающая Флоси, — его собственное привнесение, что в традиционном предании Флоси не нуждался в подстрекательстве на исполнение мести за своего племянника. Другая тема — невозможность для мудрых и добрых мужей избежать беды и неудачи. Сигурдур Нордаль отметил это в своей лекции в Глазго:

«История Ньяля оказывается... уникальной в своем искусном переплетении доброй воли и несчастливой судьбы, мудрости и неудачи и более всего — в постоянном стремлении Ньяля отвратить то, что, как ему, в сущности, известно, неотвратимо. Данная тема так последова-

---

[18] См.: *Vilhjalmur Arnason.* Morality and Social Structure in the Icelandic Sagas // JEGP 90 (1991). P. 157–174, для демонстрации неадекватности социальной структуры при оценке этических норм поведения.

[19] *Clunies Ross M.* The Intellectual Composition of the Icelandic Middle Ages: Toward a New Profile of Old Icelandic Saga Literature // Scandinavian Studies 69 (1997). P. 443–453. Автор показывает, как данным аспектом саг пренебрегали в угоду их реалистическому аспекту.

тельно разрабатывается на протяжении всей саги, со множеством вариаций и в столь рафинированной манере, что „Сага о Ньяле" приобретает разительные черты символического предания о тщетности человеческой премудрости — хотя этот голый ствол „морали" прикрыт такой богатой порослью захватывающего повествования, что читатель может и позабыть заглянуть глубже»[20]

Еще одна тема, которую можно отметить в саге, касается права и христианства. Как хорошо известно, «Сага о Ньяле» является единственной сагой, где присутствуют обширные и детальные сведения о судебных процедурах, и это было частью аргумента в пользу историчности (или отсутствия историчности) в саге. Оставляя данный вопрос в стороне, главное впечатление, которое мы получаем от закона в саге, заключается в следующем: независимо от того, как тщательно или скрупулезно применяются законы, они совершенно неспособны сдержать волну людской жестокости. С другой стороны, вторая часть саги, после введения христианства, предлагает иной способ вырваться из замкнутого круга убийств — способ, основанный не на этике мщения, а на стремлении к примирению[21] Желание Халля с Побережья оставить без компенсации убийство своего сына отражает это новое отношение, и хотя месть Кари за сожжение имеет всеобъемлющий характер, она кажется вынужденной и окончательной. Мы ощущаем, что кровная месть пришла к своему завершению, и итоговое путешествие в Рим антагонистов Флоси и Кари, а также их примирение в последней главе подводят сагу к мирному финалу. Женитьба Кари на Хильдигунн, подстрекавшей Флоси совершить сожжение, за которое пришлось мстить Кари, скрепляет это примирение, и сага заканчивается перечислением их потомков, приоткрывая перед нами картину более мирного будущего.

Это лишь примеры своего рода художественных элементов, которые мы можем обнаружить в саге, и той работы, которую необходимо проделать, прежде чем рассматривать саги в качестве источников по социальной или культурной истории. Любые выводы, получаемые нами об исторических моделях в сагах, должны согласовываться с их статусом преимущественно литературных произведений. А главное при прочтении литературы — быть готовым к восприятию неожиданного, удивительного; здесь неприемлемо мыслить строгими категориями и заранее представлять, что именно вы ищете[22].

---

[20] *Sigurður Nordal.* The Historical Element. P. 23.

[21] *Vésteinn Ólason.* Dialogues with the Viking Age. Автор приводит острую дискуссию о праве и христианстве в «Саге о Ньяле».

[22] Это красноречиво сформулировано в недавней статье Р.Альтера: *Alter R.* A readiness to be surprised // Times Literary Supplement, January 23, 1998.

И.Г.Матюшина (Москва)

О ЖАНРОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ РЫЦАРСКОЙ САГИ

Терминологическое обозначение «рыцарские саги» (*riddarasųgur*) восходит к средневековью — оно употребляется в поздней редакции «Саги о Магусе Ярле» (*Mǫgus saga jarls*, ок. 1350 г.) применительно к двум переводным сагам: «Саге о Тидреке Бернском» (*Þiðreks saga af Bern*), основанной на несохранившихся немецких источниках, и «Саге о Фловенте, конунге франков» (*Flyvents saga Frakkakonungs*, XIII в.), представляющей собой переложение утраченной песни о деяниях (*chanson de geste*). В современной науке рыцарскими сагами обычно называют те переводы придворных романов, лэ (*lais*) и песней о деяниях, которые стали делаться в Норвегии и Исландии в XIII — начале XIV в. Все они дошли до нашего времени исключительно в исландских рукописях, подчас более ранних, чем рукописи родовых саг.

Термин «рыцарские саги» используется также для обозначения собственно исландских повествовательных произведений, которые в Исландии, в отличие от остальных скандинавских стран, не только переводились, но и сочинялись в XIV–XV вв. Исландские рыцарские саги иногда именуют «лживыми» — *lygisųgur*, *skrųksųgur* (оба термина появляются в средневековой литературе[1] и употребляются с негативными коннотациями) — или «сказочными» сагами (нем. *Mǫrchensagas*), подчеркивая ту роль, которую играют в них вымысел[2], неправдоподобие, фантастика. Издатели и исследователи XIX в. применяли

[1] Сложное слово *skröksaga* — перевод латинского слова *fabula*, определяемого Исидором Севильским как «история о вещах, которые не происходили и не могли происходить» (Isidori Hispalensi episcopi etymologiarum sive originum / W.M.Lindsay. Oxonii, 1911; черч. Oxford, 1966. T. I. Lib. I: XL). О «лживых сагах» — *lygisögur* идет речь в «Саге о Торгильсе и Хавлиди», где рассказывается о свадебных торжествах в Рейкьяхоларе в июле 1119 г.: «Эту сагу рассказывали королю Сверриру, и он говорил, что такие лживые саги всего забавнее» — *ok kallaði hann slíkar lygisögur skemtiligastar* (Þorgils saga ok Hafliða / U.Brown. London, 1952. P. 18).

[2] Об осознанности вымысла в рыцарских сагах см.: *Стеблин-Каменский М.И.* Становление литературы. Л., 1984. С. 199–205.

© И.Г.Матюшина, 2001

также термин «древние саги южных стран» — *fornsögur suðrlanda* (в отличие от «саг о древних временах северных стран» — *fornaldarsögur norðrlanda*, исконных, основанных на древней мифологии рассказах, действие которых происходит в Северной Европе), стремясь подчеркнуть еще одну особенность исландских рыцарских саг — речь в них идет обычно не о Скандинавии, но о других, подчас самых экзотических, «южных» странах (Африка, Византия, Греция и т.д.).

Терминологическую деривацию можно рассматривать в данном случае как диахронически обусловленную: исландские рыцарские саги — конечная стадия эволюционного процесса, начавшегося в Норвегии в XIII в. с переводов иностранной литературы. Жанр рыцарской саги, несомненно обязанный своим появлением в Скандинавии переводам континентальных, преимущественно французских, романов, в процессе переработки несколькими поколениями переписчиков и редакторов, приспосабливающих его к собственным литературным вкусам, не только трансформируется подчас до неузнаваемости, но и служит основой для создания совершенно оригинальных произведений. В типологической эволюции жанра рыцарской саги как собственно скандинавского жанра можно условно выделить следующие стадии: норвежский перевод — норвежское/исландское переложение — исландское пересоздание — оригинальное исландское сочинение в том же жанре — авторское пересоздание в другом жанре (сюжеты рыцарских саг кладутся в основу повествовательных эпических поэм — рим).

Говоря о гипотетической первой стадии, можно предположить, что изменения, вполне намеренные или, напротив, вызванные небрежностью писца (невольные ошибки в орфографии, замены в лексике, случайные пропуски и перестановки слов), еще не затрагивают содержания. Писец берет на себя ответственность за передачу текста в относительной неприкосновенности. Следует заметить, что эта стадия не столько отражается реально дошедшими до нас текстами (так как уже в XIII в. норвежские переписчики начинают более или менее осознанно вмешиваться в порядок следования действий, сокращая одни фрагменты текста и добавляя другие), сколько гипотетически выделяется на основании сравнения версий саг.

Сопоставляя рукописные варианты, можно заключить, что существовал довольно точный норвежский перевод «Эрека и Эниды», стилистически сходный с переложениями других романов Кретьена де Труа («Ивейн» и «Персеваль») и созданный одновременно с ними при дворе Хакона Хаконарсона, правившего Норвегией в 1217–1263 гг. Затем, вследствие целого ряда существенных изменений: конденсации, объединения разных вариантов текста, интерполяций, перекомпоновки эпизодов, затрагивающей содержание, стиль и композицию, «Сага об

Эреке», сохранившаяся в рукописях XVII в., стала радикально отличаться от французского поэтического источника и, очевидно, от норвежского прозаического перевода.

Дошедшую до нас «Сагу об Эреке» можно условно отнести к следующей стадии в процессе эволюции жанра рыцарской саги в Скандинавии, когда переписчик начал утверждать свое право редактора, существенно изменяя текст как стилистически, так и структурно-семантически. Напомним, что переписчики могли включать заявления о своем авторском праве в переработанные ими тексты, как это делает редактор поздней версии «Саги о Магусе Ярле» (ок. 1350 г.), в эпилоге называющий себя «автором» и объясняющий, почему он испытывал потребность в украшении текста, который некоторые слушатели, возможно, помнили более кратким (этот ранний вариант записан ок. 1300 г.). К «Саге об Ивене» в рукописи AM 588a 4to, записанной Магнусом Олавссоном в конце XVII в., приложена записка, в которой говорится, что оригинал, с которого скопирована рукопись, был длиннее, переписчик же был заинтересован преимущественно в сохранении сюжета. Бóльшая часть рыцарских саг не содержит комментариев, но, если редактор действовал последовательно, его композиционные принципы можно сформулировать и без них[3].

Суммируем коротко основные типы пропусков, допускаемые редакторами-переводчиками при трансформации поэтического текста оригинала в прозаический текст саги. Во-первых, перифрастические сочетания и риторические парные формулы заменяются одним словом: *custosque salutis* — «страж здоровья» («Александреида» II, 221)[4] > *lecne* «врач» («Сага об Александре» 25, 30)[5]; вместо отрицательных перифрастических конструкций употребляются утвердительные: *non mediocris furor* — «не средняя ярость» («Александреида» II, 284) > *mikit urað* — «большая ярость» («Сага об Александре» 28, 19). Можно высказать предположение, что замены производились главным образом ради прояснения смысла.

Во-вторых, в переводных сагах опускаются подробные, риторически изысканные описания (в «Саге об Александре», например, пропущено изображение цветущей плодородной долины, где Максимиан разгромил восточные легионы; см. «Александреида» II, 317–324). Эмоционально-приподнятые описания сокращаются и заменяются

---

[3] Об основных закономерностях трансформации романа в рыцарскую сагу см.: *Матюшина И.Г.* Переводы рыцарских романов в Скандинавии // Перевод и подражание в средние века / А.Д.Михайлов [в печати].

[4] Здесь и далее текст поэмы «Александреида» цит. по: Galteri de Castellione Alexandreis / M.L.Colker. Patavii, 1978.

[5] Здесь и далее «Сага об Александре» цит. по: Alexanders saga: Islandsk Oversættelse ved Brandr Jónsson (Biskop til Holar 1263–64) / Finnur Jónsson. København, 1925.

отстраненно-объективными, детализованные картины упрощаются. Возможно, подобные пропуски были неизбежными при переходе от поэтического текста оригинала к прозаическому тексту саги, однако нельзя исключать и того, что редактор сознательно стремился к прояснению повествовательной структуры переводной саги.

В-третьих, не сохраняются внутренние монологи, устраняется любая рефлексия, описание мыслительных процессов, так как это не способствует развитию повествования. Например, спор героя Кретьена де Труа с самим собой о том, кому помочь в схватке — льву или змею, редуцируется в «Саге об Ивене» до одной фразы: ...и задумался он, кого должен узнать и кому помочь»[6] (X, 25), а затем без всякого перехода говорится: «...он слез с коня и ударил так, что не смог змей его укусить» (X, 26). Можно заметить, что в изображении эмоционального мира рыцарские саги оказываются ближе к сагам об исландцах, в которых чувства героев раскрываются через их собственные поступки и суждения окружающих, чем к французским романам с их внутренними монологами, позволяющими читателю составить представление о состоянии души персонажа. Психологическая сложность характера мало интересует создателя рыцарской саги, а потому всякая интроспекция здесь полностью исчезает.

Если французские романы, особенно те, что принадлежат Кретьену де Труа, обычно начинаются с авторской преамбулы, то в рыцарских сагах, как и в сагах об исландцах, прологи, напротив, почти всегда опускаются. Вместо пролога в этих сагах часто добавляется характерно саговое вступление о персонажах и обстоятельствах, в которых происходит действие (см. ниже).

Во французских романах включение авторской речи свидетельствует о том, что рассказчик осознает свое полное право распоряжаться материалом, по своему желанию ускорять или замедлять повествование, требовать понимания и сочувствия слушателей. В рыцарских сагах фигура рассказчика, играющего в романах роль посредника между текстом и аудиторией, полностью уходит в тень. Один из главных переводческих принципов скандинавских авторов состоит в редукции или пропуске тех фрагментов, в которых во французском оригинале рассказчик явным образом вмешивается в текст, жалуясь на трудности стоящей перед ним задачи, комментируя поступки персонажей, радуясь их удачам, негодуя на происки врагов и т.д.

Нельзя не заметить, что последовательный пропуск авторских отступлений, создававших во французских романах впечатление близо-

---

[6] Здесь и далее текст «Саги об Ивене» цит. по: Ívens saga / E.Kölbing. ASB, 7. Halle, 1898.

сти рассказчика к его аудитории, в рыцарских сагах находится в полном соответствии с исконной саговой традицией — в сагах об исландцах автор не вмешивается в действие и «никогда, ни прямо, ни косвенно, не обращается к читателю»[7] Пропуск авторских отступлений в рыцарских сагах ведет не только к значительной конденсации текста, но и к отстраненности всего изложения, характерной для исконных исландских саг.

Авторская ирония, пронизывающая отступления во французских романах и создающая то ощущение игры, в которой читателю предлагается принять участие, полностью исчезает в скандинавских рыцарских сагах вместе с комментариями «от автора». Иронические замечания, весьма частые в романах, тоже остаются невоспринятыми создателями рыцарских саг, отдающими предпочтение тону серьезной назидательности.

Повторы, нередкие во французских романах, систематически сокращаются авторами саг. В романах, особенно Кретьена де Труа, действия персонажей часто предвосхищаются, затем описываются так, как они происходят, и, наконец, кратко суммируются, часто каким-то другим персонажем. Таким образом, одни и те же события излагаются с небольшими вариациями трижды или по крайней мере дважды. Ключевые эпизоды анализируются здесь с разных точек зрения, в двух или трех временны́х перспективах, не только несколькими персонажами, но и рассказчиком.

Характерный для французских романов стилистический прием остается невоспринятым авторами рыцарских саг, которые говорят о всех событиях только один раз и всегда с одной точки зрения — с позиции объективной дистанцированности, что более отвечает исконной поэтике саги. Так как повторы в романах никак не продвигают действие, но служат обычно средством эмфазы, то, устраняя их, автор рыцарской саги приближается к подчеркнуто «неэмоциональному» стилю саг об исландцах. Соответствует поэтике саги и то, что переводчик излагает события или в повествовании от третьего лица, или в диалогах героев, никогда (в отличие от создателей французских романов) не забегая вперед и не давая понять, что ему заранее известны будущие действия или планы персонажей.

Обобщая переводческие приемы, можно заметить, что рыцарские саги неизменно опускают или сокращают пространные описания (природы, одежды, внешности), характерные для французских романов. Диалоги сведены в них к функциональному минимуму, выражения чувств крайне сжаты, авторские комментарии почти отсутствуют. Все повторы, детали, которые не служат развитию повествования, в

[7] *Andersson Th.* The Icelandic Family Saga. Cambridge, 1967. P. 32.

рыцарских сагах опускаются, что не в последнюю очередь связано с трансформацией поэтического текста оригинала в прозаический текст саги. Пропуски объясняются скорее всего не столько тем, что скандинавский переводчик оказался не в состоянии проникнуть в смысл французского или латинского текста, сколько стремлением автора перевода к сознательной трансформации оригинала. Цель всех изменений, очевидно, состоит в том, чтобы сделать романы более доступными, приблизить их к аудитории, непривычной к куртуазной литературе. Можно заметить, что переводчик стремился к максимальной жанровой ассимиляции романа, претворяя его в жанр, доминирующий в скандинавской литературной традиции, — саги.

* * *

В средние века искусство повествования, как известно, предполагало не только создание новых сюжетов, но и освоение уже существующих, их дополнение и расширение. Почти все скандинавские переводчики в той или иной степени отдали дань распространенному в средневековой литературе приему амплификации. Трудно судить, имеем ли мы дело с сознательно используемыми художественными приемами или с интуитивным или осознанным стремлением приспособить создаваемые тексты к культурному уровню своей аудитории. В пользу последнего говорит то, что большинство дополнений, которые можно условно выделить в скандинавских рыцарских сагах, служат разъяснению смысла. Одно слово нередко заменяется формулой, вместо словосочетания или краткой фразы употребляется более пространный оборот, при этом в результате пояснений в тексте появляется орнаментальная аллитерация. Вполне возможно, распространение в сагах производится для усиления стилистического эффекта.

Переводчики рыцарских саг добавляют пояснения в тех случаях, когда они не уверены в том, что топонимы или имена, особенно мифологические и др., известны его аудитории. Например, о Евфрате в «Саге об Александре» сказано, что это одна из четырех рек, вытекающих из Рая (20, 6–7), о Юпитере — что это бог, который на языке читателей саги называется Тором (21, 27–28), и т.д.

Как и во всей литературе средневековья, в рыцарских сагах нередко встречаются ссылки на другие тексты. Подобно большинству средневековых литературных традиций, где сочинивший собственную историю автор нередко предпосылал ей замечание, что «нашел ее в старой латинской книге»[8], в рыцарских сагах подобные ссылки могут иметь чисто риторический характер. Здесь мы находим и вставки-

[8] *Ryding W.* Structure in Medieval Narrative. The Hague; Paris, 1971. P. 62.

отсылки к другим эпизодам в тексте, и ссылки на источники, одна из функций которых, возможно, состояла в сообщении достоверности рассказываемому.

В противоположность перечисленным видам дополнений интерполяции духовно-назидательных фрагментов, которые можно отнести к наиболее характерным чертам рыцарских саг, делающим их непохожими на саги об исландцах, принадлежат не только к области риторики. В этих дополнениях превратности судьбы героев объясняются волей Господа. Например, в отличие от романа Кретьена, где Энида просто отказывается изменить мужу при любых обстоятельствах (3335–3344), в «Саге об Эреке» Эвида пытается противостоять ухаживаниям Милона, напоминая ему о его христианском долге: «Господь да хранит тебя, ярл, ты могущественный хёвдинг и сотворен Богом, чтобы поддерживать христианство и наказывать тех, кто делает зло, но я связана священными узами брака, и ты не захочешь лишить Господа двух душ одновременно и отдать себя и меня аду»[9] (37). Это наставление, наследующее, подобно другим вставным комментариям, назидательный тон проповедей, отсутствует во французском романе. Дидактизм и отсутствие иронии, как уже говорилось, отличают скандинавские рыцарские саги от куртуазных романов. Заметим, что духовно-назидательные интерполяции вкладываются в уста самых различных персонажей рыцарских саг (особенно часто — главного героя или в артуровском цикле — короля Артура), но никогда не произносятся автором саги, что полностью соответствует стилю «отстраненного повествования», свойственному поэтике саг об исландцах.

Говоря о композиции рыцарских саг, тоже можно заметить влияние исконной словесности. Традиционный для французских романов пролог здесь опускается, сага обычно открывается представлением героя, совершенно так же как это делается в сагах об исландцах, «неизменно начинающихся с предисловия, в котором говорится об основных героях саги»[10] Например, в начало «Саги об Эреке» помещается заявление о присутствии героя при дворе короля Артура и краткое его описание (4, 3). Напротив, в послужившем для саги источником романе Кретьена «Эрек и Энида» представление героя откладывается до тех пор, пока он не начинает принимать активного участия в описываемых событиях (83–93).

Подобно сагам об исландцах и в отличие от романа Кретьена (завершающегося отъездом гостей, приглашенных на коронацию главного персонажа), «Сага об Эреке» заканчивается эпилогом, в ко-

---

[9] Здесь и далее текст «Саги об Эреке» цит. по: *Blaisdell F.W.* Erex saga Artuskappa. Copenhagen, 1965 (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B. Vol. 19).

[10] *Andersson Th.* The Icelandic Family Saga. P. 26.

тором в соответствии с саговой традицией рассказывается о славном правлении героя и о его потомках: «Тогда они поехали домой в свою страну и правили там с честью, славой и полным миром. У них было два сына, одного назвали [Эдус] по отцу Эвиды, а другого — Илакс по отцу Эрека; они оба стали конунгами и выдающимися людьми, похожими на своего отца отвагой и рыцарством, и наследовали после отца страну. Здесь кончается эта сага об отважном Эреке конунге и его жене прекрасной Эвиде» (72, 5).

Пример «Саги об Эреке» дает возможность заметить, что в рыцарских сагах могут сочетаться оба типа традиционного заключения, характерного для саг об исландцах: рассказ о «последующей жизни и поступках героя или сообщение об отпрысках, потомках, родственниках»[11] В одном предложении эпилога «Саги об Эреке» говорится о том, сколь успешно правил герой своей страной, в остальной части речь идет о его сыновьях, во всем похожих на своего отца. Сходным образом оригинал неоконченного французского романа «Персеваль» снабжается в переводе заключением, в котором в соответствии с саговой традицией кратко описываются судьбы главных героев.

Изменение структуры французских романов достигается тем, что отдельные эпизоды опускаются, сливаются, другие же вставляются. В уже упоминавшейся нами «Саге об Эреке» пропуск и введение новых эпизодов помогают организовать повествование таким образом, что предстоящие герою испытания описываются как все более жестокие, нападения, которым он подвергается, становятся все опаснее, наносимые ему обиды все в большей степени затрагивают честь.

В первых трех эпизодах Эрек сталкивается с реальными противниками, в двух следующих — со сказочными. Сила его убывает по мере нарастания трудностей: после первой схватки с разбойниками он всего лишь «легко ранен» (35, 8), после сражения с Милоном и его слугой он уже «ранен тяжело» (39, 11). Во время битвы Эрека с Гвимаром оба изувечены так, что «едва могут поднять мечи» (42, 2), а после примирения с противником герою требуется провести полмесяца в своем замке, залечивая раны (43, 3–4). Во второй серии эпизодов Эрек окончательно теряет силы: удар одного из великанов повергает его наземь «без чувств» (46, 26); сражаясь с грабителями, он получает новые увечья, его старые раны открываются, он теряет сознание, а Эвида считает его погибшим и собирается лишить себя жизни (54, 4–55, 2).

Композиционные приемы, использующиеся в «Саге об Эреке» для того, чтобы привести повествование к кульминации, скорее всего унаследованы из исконных саг об исландцах. Как известно, наиболее

[11] Ibid. P. 34.

распространенный структурный прием в этих сагах заключается в постепенном усилении вражды, чему служит «расположение эпизодов в основном конфликте таким образом, что развязка представляется все более неизбежной. Автор организует эпизоды в соответствии с тем, как нагнетается опасность, так что последующий оказывается более гибельным, чем предшествующий»[12] Как и в сагах об исландцах, в «Саге об Эреке» каждый эпизод изображается как подготовительный по отношению к финальной сцене. Повествование в саге достигает кульминации в последнем эпизоде — битве Эрека с Малбанарингом (63, 3–5). Эрек узнает, что никто не выходил живым из схватки с ним (62, 3–5), но все же бросает вызов грозному противнику. Этот эпизод последней битвы героя, где его доблесть подвергается самому тяжелому испытанию, а его честь полностью восстанавливается, изображается как кульминационный, по отношению к которому все предшествующие сцены следует рассматривать как подготовительные. Следовательно, как нетрудно заметить, повествование в «Саге об Эреке» развивается по тем же композиционным законам, что и в сагах об исландцах.

При переходе к кульминационному эпизоду в «Саге об Эреке» применяется одна из самых характерных черт исконного сагового стиля — «замедление повествования, увеличение деталей, рассказ о незначительном, для того чтобы сосредоточить внимание аудитории на главном событии и усилить его важность по отношению ко всей остальной истории»[13] Герой получает предупреждение о грозящей ему опасности дважды, о месте действия говорится с необычайными подробностями, в числе которых упоминаются посаженные на кол головы тех, кто пытал свое счастье перед Эреком, — своего рода третье предупреждение. Благодаря замедлению повествования, достигнутому повторными предупреждениями и детализованным изображением места предстоящего поединка, рассказчик заставляет аудиторию оставаться в напряжении совершенно так же, как это делает автор саг об исландцах.

Итак, можно заключить, что в рыцарских сагах, как было показано нами на примере «Саги об Эреке», авторы могли изменять последовательность событий и допускать значительные отклонения от сюжета, лежащего в основе оригинала, для того чтобы привести повествование ние в соответствие с четко структурированной симметричной композицией, достигая тем самым сходства с организацией исконной саги.

[12] Ibid. P. 54.
[13] Ibid. P. 29.

* * *

Чем более независим переписчик, тем сложнее установить, имеем ли мы дело с новой редакцией или с другой версией саги. Можно условно выделить еще одну стадию в эволюции рыцарской саги, когда анонимный исландский редактор, ответственный за трансформированный текст, становится автором. При этом изменения, допущенные им при переложении текста, оказываются столь глубокими, что затрагивают существо саги.

Примером исландского пересоздания уже существующей рыцарской саги может послужить «Сага о Тристраме и Исодд» (XIV в.), которая лишь немногим напоминает историю трагической любви, изложенную в норвежской «Саге о Тристраме и Исёнд» — первой известной нам переводной рыцарской саге (1226 г.). Предполагалось, что исландская версия, стилистически близкая к сагам об исландцах, а не к переводным романам, осознанно создавалась как ответ на норвежскую редакцию[14] Действительно, сагу можно интерпретировать как иронический комментарий на артуровский роман, пародию, подчас доводящую до абсурдного конца поведенческие стереотипы, на которых основаны рыцарские романы[15] К числу средств, при помощи которых автор достигает этого эффекта, относятся преувеличение и искажение популярных образов и мотивов, таких, например, как образ легко утешающейся вдовы из «Ивейна» Кретьена де Труа и «Саги об Ивене». Подобно Лодине, Блензибли выходит замуж за убийцу своего возлюбленного, которому суждено стать отцом ее сына Тристрама. Однако в отличие от героини и «Ивейна», и «Саги об Ивене» она влюбляется в противника мужа уже во время поединка, а по его окончании отнюдь не предается скорби, но посылает за победителем, заключает его в объятия, целует, после чего, как сказано в саге, «они отправились в одну постель и спали всю ночь, а когда настал день, их любовь и дружба не пришли к концу; правду сказать, каждый так любил другого, что оба не замечали ничего, кроме того, что обнимали друг друга»[16] (гл. 3). Как и герои романа «Эрек» и «Саги об Эреке», любящие не в силах разомкнуть сплетенных рук, однако срок их любовного беспамятства продлевается в исландской саге сверх всех мыслимых пределов до трех лет.

---

[14] *Schah P.* The Saga of Tristrams ok Ýsodd: Summary or Satire? // Modern Language Quarterly. 1960. Vol. XXI. № 4. P. 336–352.

[15] *Kalinke M.E.* King Arthur North-by-Northwest: The matière de Bretagne in Old Norse-Icelandic Romances. Copenhagen, 1981 (Bibliotheca Arnamagnæana, 37). P. 199–211.

[16] The Sagas of Ywain and Tristan and other Tales. AM 489 4to / F.W.Blaisdell. Copenhagen, 1980 (Early Icelandic Manuscripts in Facsimile. Vol. 12). P. 14.

Мотив неразделенной любви тоже получает здесь иронический и неожиданный поворот. Исодд предлагают Тристраму в жены три раза: в первый раз это делает ее мать, во второй раз — она сама и, наконец, — дядя героя Мородд, и все три раза Тристрам великодушно отвергает ее, говоря, что считает себя недостойным ее, а своего дядю — более подходящим для нее мужем (впоследствии это не препятствует их незаконному соединению). Несмотря на свою любовь к Исодд, Тристрам приживает сына с другой Исодд, которую получает в качестве военной добычи. Благодаря такому неожиданному повороту автор приближается к счастливому концу артуровского романа, одновременно отдавая дань традиционной структурной организации саги: повествование венчается эпилогом, в котором кратко излагается судьба Калеграса Тристрамссона и его детей. На протяжении всей саги авторская интерпретация трагической легенды остается вполне индивидуальной.

«Сага о Тристраме и Исодд» отнюдь не единственная, сюжет которой получает весьма творческую трактовку. Исландские авторы ярче всего проявляют независимость от французских оригиналов, когда находят новые сюжеты для своих произведений. Если переводные саги представляются далеко не однородной в жанровом отношении группой (что обусловлено жанровой гетерогенностью тех оригиналов, к которым они восходят), то собственно исландские рыцарские саги, несомненно, составляют один жанр. Их сюжет строится вокруг поиска, причем чаще всего это поиск невесты, которому предшествует путешествие героя.

Мотив путешествия трактуется в исландских рыцарских сагах отнюдь не так, как в континентальных романах. В исландских сагах герой почти никогда не отправляется в путь в поисках приключений[17] Само понятие «авантюра» (*avanture*) как мотивирующий принцип сюжета чужд исландской саге. В отличие от героев континентальных романов, отправляющихся на поиски приключений, в которых они стремятся проверить свою силу и храбрость[18], действующие лица исландских саг всегда ставят перед собой определенную цель, как правило найти себе невесту или вернуть утраченное родовое наследие.

---

[17] Из всех исконных исландских рыцарских саг исключения составляют лишь «Сага о Сигурде Молчаливом» и «Сага об Экторе», герои которых провозглашают свое желание отправиться на поиски приключений — *ævintýra*. См.: Sigurðar saga þögla // Late Medieval Icelandic Romances / A.Loth. Copenhagen, 1963. Vol. II. (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B. Vol. 21). P. 39; Ectors saga ok kappa hans // Late Medieval Icelandic Romances / A.Loth. Copenhagen, 1963. Vol. I. (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B. Vol. 20). P. 90.

[18] Ср., например, в романе Кретьена де Труа «Ивейн» слова рыцаря Калогренанта, отвечающего пастуху на его вопрос о цели путешествия, что он «ищет приключения, в котором мог бы проверить свою отвагу и доблесть» (362–363).

Исландские рыцарские саги принято условно делить на две группы: саги, в которых основной конфликт мотивирован причиненной герою несправедливостью, и саги, сюжет которых связан с поисками невесты.

В первой группе саг речь обычно идет о том, как герой стремится исправить причиненное ему зло, отыскать пропавших родственников или отомстить их врагам. Таковы «Сага об Адонаисе» (*Adonais saga*, конец XIV в.), где рассказывается о мести героя за своего отца, короля Сирии, который был убит вероломным герцогом, овладевшим королевой и захватившим трон; «Сага о Вильяме Кошеле» (*Vilhjálms saga sjóðs*, конец XIV в.), где герой освобождает своего отца из-под власти великана и девяноста троллей, заучив их имена и назвав их в туле, после чего они разрывают друг друга на куски; «Сага о Бэринге» (*Bærings saga*, начало XIV в.), герой которой побеждает рыцаря, вероломно захватившего власть в стране саксов, и не только возвращает себе королевство своего отца, но и, женившись на сестре короля Константинополя, становится правителем Римской империи. Все упомянутые исландские саги оканчиваются описанием свадебного пира.

В нескольких сагах рассказывается уже не об отцах, но о злых матерях и мачехах. В «Саге о Йоуне Игреце» (*Jóns saga leikara*, XIV в.) идет речь о том, как мачеха превращает своего пасынка Сигурда, сына короля Фландрии, в волка-оборотня. В «Саге о Мирманне» (*Mirmanns saga*, XIV в.) сюжет строится вокруг рассказа о том, как родная мать, желая отомстить своему сыну за убийство его отца (ее мужа), заражает его проказой, а приемная мать заставляет его забыть о своей жене и вступить в брак с нею самою.

К этой же группе саг можно отнести те, в которых речь идет не только об отцах и мачехах, но и о братьях и сестрах. В «Саге о Вальдимаре» (*Valdimars saga*, XV в.) брат ищет свою сестру, унесенную во время пира драконом, встречает в лесу карлика, который ведет его к великанам, остается с ними два года, получает от них волшебные заклинания, едет в страну великанов, находит брата и сестру, чья злая мачеха в обличье дракона похитила ранее его собственную сестру; после того как мачеха-дракон погибает в схватке чудовищ, повествование венчается двумя свадьбами. «Сага о цветочной долине» (*Blómstrvallasaga*, XV в.) повествует о приключениях двух братьев, с детства живущих в разлуке: один унесен в логово дракона, которого он убивает, забирает его богатство и становится королем Каздидонии; другой, убив отца и мать великанши, остается с нею; по прошествии многих лет оба брата встречаются в райской долине цветов, не узнают друг друга, бьются на поединке, каждый рассказывает историю своей жизни, после чего оба пируют на собственных свадьбах. В «Саге о

Флоресе конунге и его сыновьях» (*Flóres saga konungs ok sona hans*, XIV в.) разлученными оказываются не только отец с дочерью, но и муж с женою и сыновьями. Сначала сам Флорес похищает невесту, спустя несколько лет ее отец, воспользовавшись отъездом героя, возвращает дочь и ее трех сыновей, после чего оставшийся без жены и детей Флорес вступает в брак с другой. У них растет красавица дочь, к которой сватается герцог, однако герой отвечает отказом. Герцог собирает союзников, нападает на Флореса, но терпит поражение. В союзниках побежденного герцога Флорес узнает собственных сыновей, прощает их, один из них становится герцогом, а два других — королями, герцог же получает в жены дочь Флореса.

Даже краткое суммирование сюжетов этих саг дает возможность заметить их сходство со сказкой. Эта группа саг наиболее зависима не столько от влияния переводных романов, сколько от воздействия фольклорных мотивов и сюжетов. Все перечисленные саги в изобилии населяют злые мачехи, кроткие падчерицы, не подающие надежд герои, волшебные помощники, волки-оборотни, драконы, уносящие на крыльях братьев или сестер. Действие в них происходит в самых экзотических сказочных странах, возможно известных исландским авторам только по названиям, окончание же традиционно включает описание свадебного пира.

Фольклорные мотивы присутствуют и во второй группе исландских рыцарских саг, где основной конфликт инициируется уже не злыми родственниками, но обычно самим главным героем или другими персонажами: соперником, невестой или ее отцом.

Почти во всех сагах, сюжет которых связан с поисками невесты, речь идет о соперниках, однако далеко не во всех сагах мотив соперничества оказывается главной движущей силой в развитии сюжета. Например, в одной из ранних рыцарских саг начала XIV в., «Саге о Конраде, королевском сыне, и Родберте, предателе» (*Konráðs saga keisarasonar ok Roðberts svikara*), мотив соперничества играет относительно подчиненную роль. Соперником королевского сына становится его побратим по имени Родберт, пользующийся своим превосходством в знании греческого языка и пытающийся оклеветать доверчивого Конрада, изобразив его соблазнителем Маттхильд, дочери греческого императора. Занимательность саги обусловлена не столько развитием темы соперничества, сколько описанием все более устрашающих испытаний, ожидающих Конрада (поездка в страну драконов за драгоценным зеленым камнем, схватка с великанами, львами и т.д.).

Основной смысл саги заключается не в том, чтобы разоблачить злодейские намерения Родберта, но в том, чтобы показать, как наивность, излишняя доверчивость, незнание жизни, привычка полагаться

на других могут привести к гибели. Именно об этом говорят герою и его отец («Полагайся больше на себя, чем на него, так как то, что ты знаешь, более полезно для тебя, чем то, что знает он»[19], 45–46), и его невеста Маттхильд, любовь и мудрость которой наконец помогают ему измениться. Отец Конрада и Маттхильд оказываются единственными, кто видит насквозь вероломного антагониста. Ни отец невесты, ни сам герой не в состоянии разглядеть истинного лица Родберта, раз за разом проявляющего свое вероломство: он отговаривает Конрада от изучения иностранных языков, нарушает законы гостеприимства, соблазняя сестру Конрада Сильвию, делает все, чтобы очернить героя в глазах греческого императора и погубить его. Узнав о беременности сестры, Конрад открыто называет Родберта «предателем» (*svikari*, 47), однако просит своего отца помиловать его, а затем, вопреки здравому смыслу, соглашается сопровождать его в Грецию.

Во время всего пребывания в Греции, описанию которого посвящена бóльшая часть саги, Конрад проявляет редкостную бездеятельность, ожидая, когда Родберт сосватает ему невесту (его пассивность отчасти мотивируется незнанием греческого языка). Напротив, владеющий языками Родберт не теряет времени даром: он представляет себя королевским сыном, Конрада же — сыном ярла, а затем делает три попытки погубить героя. Родберту удается ввести в заблуждение всех, кроме Маттхильд, которой при помощи рукописи, содержащей образцы всех языков, удается вступить с Конрадом в диалог и установить истину. Конрад окончательно убеждает всех в своем королевском происхождении, победив Родберта на поединке, завершающемся позорным падением антагониста в лужу. Хотя император изъявляет желание казнить злодея, Конрад вновь проявляет редкостное добросердечие и настаивает на смягчении участи своего врага. Родберт наконец удаляется в изгнание.

Сюжет «Саги о Конраде» не имеет, насколько известно, параллелей в средневековой литературе. Ни в одном другом произведении сюжет не строится на незнании героем иностранного языка. По мере развития действия становится понятным, почему автор саги, в отличие от создателей континентальных рыцарских романов, уделил такое внимание образованию и способностям своего героя: умственное превосходство необходимо герою для того, чтобы сохранить социальный статус. Хотя с самого начала Конрад во всем берет верх над своим побратимом, в частности в манере поведения, красоте, воинских доблестях, это не спасает его от козней Родберта только потому, что в его

[19] Здесь и далее текст «Саги о Конраде, королевском сыне, и Родберте, предателе» цит. по: Konráðs saga keisarasonar ok Roðberts svikara // O.J.Zitzelsberger. New York; Bern, 1988.

образовании есть единственный изъян. Знаменательно, что владение иностранными языками, очевидно, представлялось особенно важным исландскому автору саги[20]

О том, какое распространение получила в Исландии «Сага о Конраде», можно судить и по числу ее рукописей (почти 50, причем наиболее ранние датируются ок. 1300 г.), и по ее переложению в «Римы о Конраде», и по тому, что ее сюжет, вероятно, был использован в другой исландской рыцарской саге. «Сагу о Ярлманне и Херманне» (*Jarlmanns saga ok Hermanns*, XIV в.), о чем не раз писали, можно трактовать как своеобразный отклик на «Сагу о Конраде»[21] Автор этой саги, несомненно, знал содержание «Саги о Конраде», так как в конце своего произведения заметил, что его герой Херманн приходится дедом тому Конраду, который ездил в Ормаланд за драгоценным камнем. Сюжет этой саги тоже напоминает «Сагу о Конраде», с той только разницей, что если в последней герой слишком полагался на своего вероломного побратима, то здесь, напротив, необоснованная недоверчивость одного из персонажей побудила к действиям другого.

Подобно Конраду, Херманн, король Франции, в юности обучался всем премудростям и рыцарским доблестям у отца своего побратима Ярлманна. В обеих сагах королевские воспитатели носят не только одинаковый титул ярла, но и одно имя — Родгейр. В отличие от Родгейра из «Саги о Конраде», который не смог научить своего воспитанника иностранным языкам, его тезка из «Саги о Ярлманне» наделил будущего короля всеми знаниями, которыми владел сам. В обеих сагах подробно говорится о том, насколько полно доверяет король своему побратиму. Херманн, герой «Саги о Ярлманне», отправляя побратима за своей невестой, дочерью короля Миклагарда (Константинополя) Рикилат, объясняет, что во всех делах полагается на него больше, чем на любого другого. В Греции отец Рикилат дважды готов предложить Ярлманну свою дочь, однако тот на деле подтверждает верность Херманну и привозит ему невесту.

Если в «Саге о Конраде» герой едва не становится жертвой своего вполне реального соперника, то в «Саге о Ярлманне и Херманне», напротив, соперник существует только в воображении недоверчивого короля. Без всяких оснований Херманн обвиняет своего побратима Ярлманна в желании соблазнить его невесту. Оскорбленный беспоч-

---

[20] *Kalinke M.E.* The Foreign Language Requirement in Medieval Icelandic Romance // Modern Language Review, 1983. Vol. 78. P. 850–861.

[21] *Cederschiöld G.* Fornsögur Suðrlanda. 1884. S. cliii; *Bibire P.* From Riddarasaga to Lygisaga: the Norse Response to Romance // Les sagas des chevaliers (Riddarasögur). Actes de la Vième Conférence Internationale sur les Sagas. Toulon, juillet 1982 / Régis Boyer. Paris, 1985. P. 68.

венными подозрениями, Ярлманн покидает двор, а в это время у Херманна действительно похищают невесту. Несправедливость его обвинений тем очевидней, чем бóльшим он обязан своему побратиму, не только нашедшему и сосватавшему ему невесту, но и после похищения возвращающему ее.

О том, как двенадцать неизвестных в черных накидках с капюшонами, называющие себя Куфлунгами (*Kuflungar* — «носящие капюшоны»), похищают невесту у короля, рассказывается во второй половине саги. Речь здесь идет о том, как Херманн, измучивший побратима подозрениями в неверности, опрометчиво доверяется Куфлунгам, обещающим построить к его свадьбе великолепные палаты и не желающим иного вознаграждения, кроме права ему служить. Трудно не увидеть в этом эпизоде параллели с известной историей о похищении Фрейи, рассказанной Снорри Стурлусоном в «Младшей Эдде». В ней говорится о том, как неизвестный асам мастер обещает за одну́ зиму построить прочную стену, чтобы они могли устоять против любого нападения, с условием, что ему отдадут в жены Фрейю. В родовых сагах мотив строительства к определенному сроку тоже нередко объединяется с мотивом возможного похищения невесты. Так, в «Саге о битве на пустоши» (гл. 3) и в «Саге о людях с Песчаного берега» (гл. 14) рассказывается о берсерках, которые обещают хозяину усадьбы к назначенному времени прорубить тропинку в лаве и построить загон за то, что тот отдаст одному из них свою дочь. И в сагах, и в «Младшей Эдде» «строителям» не удается заполучить невесту, однако в «Саге о Ярлманне» похищение Куфлунгами Рикилат проходит вполне успешно, так как король больше доверяется незнакомцам, чем собственному побратиму.

Подобно героиням исландского эпоса (Костбере и Глаумвёр, женам Гуннара и Хёгни), Рикилат наделена вещим даром: она предчувствует, что появление Куфлунгов грозит бедой, однако король не прислушивается к ее совету остерегаться неизвестных. Потеряв невесту, король тоже ведет себя в соответствии с традиционным поведением героев саг. Как Хельги в «Саге о Хрольве Жердинке» (I, 26), которого покидает его жена Ирса, узнавшая, что прижила сына с собственным отцом, он отказывается от пищи, не покидает постели и перестает заботиться о своих владениях. Его реакция на утрату невесты заставляет вспомнить не только о персонаже саг о древних временах, но и о герое одной из королевских саг — норвежском конунге Харальде Прекрасноволосом, потерявшем свою жену Снефрид. Как рассказывается в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 25) из «Круга Земного», герой ведет себя как помешанный: сидит над своей женой три года, забыв «и свои владения, и все, что подобает конун-

гу»[22] (пер. М.И.Стеблин-Каменского). Сходные описания встречаются и в сагах об исландцах. Например, Эгиль Скаллагримссон, герой древнейшей саги об исландцах, потеряв любимого сына, запирается в своей каморке, ложится на постель и перестает принимать еду и питье. Тордис, дочь Эгиля, спасает отца от гибели, предложив ему сочинить поминальную песнь о погибших сыновьях — прославленную «Утрату сыновей». Подобно Тордис, Ярлманн напоминает окаменевшему от горя королю, что мужам более пристало действовать, чем горевать, и тем спасает ему жизнь, а впоследствии и возвращает невесту. Сказанное позволяет заключить, что помимо «Саги о Конраде, королевском сыне» «Сага о Ярлманне» многим обязана и исконной литературной традиции.

Если в «Саге о Ярлманне и Херманне» подозреваемый соперник оказывается самым верным другом и спасителем, а реальное соперничество (язычники, Куфлунги) играет довольно незначительную роль, то в «Саге о Сигурде Ноге и Асмунде, конунге гуннов» (*Sigurðar saga fóts ok Ásmundar húnakongs*, XIV в.) этот мотив становится несравненно важнее. Сага начинается с рассказа о прекрасной Сигню, дочери конунга Кнута. Именно к ней приближенные юного конунга Асмунда советуют ему посвататься. Асмунд следует их совету, однако Сигню, которой он приходится по душе, не хочет давать окончательного ответа до возвращения отца. Асмунд тем не менее объявляет себя помолвленным. Тем временем отец Сигню Кнут обещает ее в жены конунгу Сигурду Ноге, получившему прозвище благодаря необычайному умению скакать на одной ноге, а затем выдает дочь замуж вопреки ее воле. Во время свадьбы Сигню с Сигурдом Асмунд не без согласия невесты похищает ее. Сигурд требует возвращения Сигню, и соперники пытаются решить исход дела поединком. Сигурд терпит поражение и едва не погибает, но Асмунд спасает ему жизнь. Так как Сигурд начинает вновь настаивать на возвращении своей невесты, Асмунд великодушно соглашается. После того как Сигню выходит замуж за того, кто был сначала избран ее отцом, а потом стал ее любимым, соперники становятся близкими друзьями и побратимами.

Вторая часть саги в большой степени основана на одной из самых известных саг о древних временах — «Саге о Хрольве, сыне Гаутрека». Подобно ее герою, носящему то же имя, Асмунд в «Саге о Сигурде Ноге» отправляется за невестой в Ирландию. В обеих сагах герой получает отказ от ирландского конунга, считающего предложение, сделанное его дочери, оскорбительным. Когда Асмунд терпит пора-

[22] Перевод М.И.Стеблин-Каменского «Саги о Харальде Прекрасноволосом» цит. по: *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подг. А.Я.Гуревич, Ю.К.Кузьменко, О.А.Смирницкая, М.И.Стеблин-Каменский. М., 1980 («Литературные памятники»).

жение в битве с ирландцами, Сигню, подобно Торнбьёрг, как зовут жену побратима героя в «Саге о Хрольве», видит вещий сон о его несчастье и призывает Сигурда помочь другу. Войско Сигурда одерживает победу над ирландской ратью, однако Асмунда еще до этого спасает дочь ирландского конунга Елена. По просьбе Елены ее отец получает прощение и дает согласие на брак дочери.

Помимо сюжета, «Сага о Сигурде Ноге» имеет и другие черты сходства с сагами о древних временах: в ней используются только имена скандинавского происхождения; хотя действие происходит не только в Скандинавии, но и среди гуннов, ирландцев, валлийцев, все эти народы находятся в пределах викингского ареала; отсутствуют описания рыцарских ристалищ, нет речи ни о каких волшебных предметах, камнях-талисманах, драконах.

Напоминает саги о древних временах и другая сага о соперниках, чьи имена тоже названы в ее заглавии, — «Сага о Хринге и Трюггви» (*Hrings saga ok Tryggva*), сохранившаяся в двух рукописных фрагментах XV в. Сюжет этой саги, известный полностью только по римам, очевидно сочиненным в XIV в., но дошедшим до нас в рукописях XVI в., связан с мотивом соперничества Хринга и Трюггви. Хринг с детства воспитывается с Брюнхильд, дочерью конунга Хертрюгга, в Гардарики (на Руси), а затем становится королем Греции. Любви Брюнхильд домогается викинг по имени Харек, который, получив отказ на свое сватовство, нападает на ее страну. От брака с викингом Брюнхильд спасает король саксов Трюггви, который в награду за помощь просит ее себе в жены. В качестве компенсации за утрату невесты Трюггви предлагает Хрингу свою сестру Брюнвейг, Хринг отказывается, оба соперника бьются на поединке и получают тяжелые раны. Соперники заключают мир, и Хринг все-таки женится на сестре Трюггви. Трюгтви становится жертвой предательства и трагически погибает, а Брюнвейг умирает от горя. Когда браку Хринга с Брюнхильд ничто не препятствует, они дают волю долго сдерживаемой привязанности.

Хотя «Сагу о Хринге и Трюггви» принято относить к рыцарским, в ней нет ни рыцарей, ни конвенционально «рыцарских» тем и мотивов. В то же время ее сюжет недостаточно фантастичен и запутан, чтобы соответствовать традиционно сложившемуся представлению о сагах о древних временах. По-видимому, ее можно отнести к промежуточному типу саг, возможно сходных с теми, которые король Сверрир называл «лживыми» (*lygisögur*)[23]

Важная особенность рассмотренной нами группы рыцарских саг состоит в том, что ее герой играет не основную роль в сюжете. Для исландской литературы подчиненная роль героя в сюжете саги отнюдь

[23] О «лживых сагах» (*lygisögur*) см. выше (примеч. 1).

не нова. В некоторых сагах о древних временах главный герой нередко отходит на второй план. В «Саге о Хрольве, сыне Гаутрека», например, поиски невесты отцом героя, а также его побратимами или кровными братьями играют более важную роль в сюжете, чем судьба самого героя, которая в значительной мере определяется его побратимом Асмундом. В сагах об исландцах тоже нередко встречаются, условно говоря, два главных героя. В качестве едва ли не самого характерного примера следует привести «Сагу о Ньяле», которая могла бы называться и «Сагой о Гуннаре с Хлидаренди».

Несколько исландских рыцарских саг объединены образом пассивного главного героя, достигающего цели не собственным упорством, но благодаря покровительству внешних сил. Герои этих саг не могут завоевать невесту или из-за недостаточно высокого социального положения, или потому что неправильно действуют, или, напротив, потому что не желают действовать. В двух сагах герои изображаются выдающимися личностями, однако успешное окончание поисков ими невесты зависит не столько от них самих, сколько от вмешательства в их жизнь извне. Так, в «Саге о Дамусти» (*Dámusta saga*) решающим оказывается заступничество Девы Марии, в «Саге о Гиббоне» (*Gibbons saga*) герою помогает фея, в «Саге о Ремунде, королевском сыне» (*Remundar saga keisarasonar*) союз героев предрешен Свыше.

В первой из упомянутых саг мотив сватовства используется несколько раз. Главный герой «Саги о Дамусти» (ок. XIV в.) тайно любит дочь греческого короля Гратиану, которая необычайно хороша собой и умна, но отвергает всех женихов. Автор саги ясно дает понять, что именно Дамусти суждено завоевать любовь принцессы: он так же красив, как и она, близок ей по возрасту, уму и воспитанию, они часто разговаривают и находят удовольствие в обществе друг друга. Сюжет тем не менее разворачивается вопреки ожиданиям слушателей (или читателей), так как на сцене появляется король Йоун из Саксонии, о котором сам Дамусти говорит, что никогда не видел более красивого мужчины, и сравнивает сияние, исходящее от его волос и лица, с ослепительной красотой Гратианы. Сравнение с Гратианой повторяется, когда происходит встреча принцессы с новым женихом: «Было снова сказано, что никто никогда не видел более ярких людей, чем теперь, когда появились король Йоун и королевская дочь Гратиана. Можно было заметить, что они не отличаются друг от друга по красоте»[24] (71–72). Автор саги использует описание физической красоты как средство мотивации той близости, которая возникает между героем и героиней. Не приходится удивляться тому, что король Йоун

[24] Здесь и далее текст «Саги о Дамусти» цит. по: Þjalar Jóns saga. Dámusta saga / L.Fr. Tan-Haverhorst. Haarlem, 1939. P. 48–108.

скоро добивается согласия Гратианы на брак и отплывает к себе в Саксонию подготовиться к встрече невесты.

Казалось бы, счастливый исход сватовства короля Йоуна заранее предрешает развязку, тем не менее и здесь события разворачиваются не так, как можно было предполагать. Рассказчик сообщает, что Дамусти опечалился, когда узнал о том, что произошло в его отсутствие при королевском дворе, ибо он сам любил Гратиану, о чем, однако, никому никогда не говорил. Дамусти заручается поддержкой королевских советников, собирает шеститысячное войско и... убивает своего счастливого соперника. Гратиана опасно заболевает и умирает, а главному герою, терзающемуся муками совести, является Дева Мария и, пообещав ему свою помощь, велит отправиться в усыпальницу Гратианы.

Автор саги ясно дает понять, что ее сюжет движется сверхъестественными силами. В совершенном Дамусти убийстве короля Йоуна оказывается виновен злой великан, носящий значимое имя Альхейм (*Alheimr* — «весь мир»), который, подобно Дамусти и королю Йоуну, тоже влюблен в Гратиану. Альхейм — олицетворение зла в саге, выясняется, что именно он колдовскими чарами погрузил Гратиану в похожий на смерть сон и он же, стремясь избавиться от соперника, вызвал смертельную болезнь Дамусти.

Все не вполне понятные читателю действия героев и события получают наконец объяснение, становится очевидным, что вся сага посвящена описанию борьбы добра со злом. Добро торжествует, когда герою является Дева Мария. С ее помощью Дамусти побеждает великана Альхейма, тот дает герою напиток, возвращающий к жизни Гратиану, ее отец прощает ему убийство короля Йоуна, Дамусти женится на своей любимой. После смерти ее отца он становится королем Греции, но вскоре передает королевство сыну, а сам удаляется с женой на покаяние.

Нетрудно заметить, что в «Саге о Дамусти» преобладают духовные и назидательные мотивы. Ее можно с равным основанием отнести и к рыцарским романам, испытавшим воздействие духовной литературы, и к жанру духовного повествования, основанного на рыцарском романе. Во всей исландской литературе «Сага о Дамусти» уникальна и тем, что ее главный герой устраняет одного соперника посредством убийства, и тем, что другого он устраняет благодаря помощи Девы Марии. В континентальной литературе некоторое сходство с этой сагой находили во французском романе «Амадас и Идойн»[25], тоже содержащем эпизоды мнимой смерти, погребения, схватки с влюбленным демо-

[25] *Schlauch M.* The Dámusta saga and French Romance // Modern Philology, 35. 1937–1938.

ном, оживления — иными словами, почти все необходимое исландскому автору для построения сюжета.

В самой исландской литературе тоже встречается сходный сюжет в жанре *æfintýri* (соответствующем европейским *exempla*)[26] В рассказе под названием «О женщине, похороненной заживо» (*Af konu einni kviksettri*), возможно восходящем к латинскому источнику, рассказывается о любви юноши к девушке, к которой он не решается посвататься из-за разницы в социальном положении. Когда она внезапно умирает, он выкапывает ее тело из могилы, кладет в свою постель, согревает собственным теплом и горячей любовью и тем возвращает к жизни. Сотворенное чудо помогает юноше преодолеть робость и посвататься к воскрешенной им девушке.

В этом рассказе, как и в «Саге о Дамусти», акцент ставится на провиденциально-чудесном. Появление в саге образа Девы Марии сближает ее с жанром *exempla*: сообщив, что, герой особенно почитает Деву Марию, рассказчик говорит, что, прежде чем окончится сага, слушатели узнают, какую награду заслужила его преданность в этой жизни, и добавляет, что в ином мире ему, вероятно, уготована еще лучшая награда.

«Сага о Дамусти» напоминает другую исландскую сагу, в которой судьбу героя тоже определяет не он сам. В «Саге о Гиббоне» (XIV в.) решающую роль играет уже не заступничество Девы Марии, но вмешательство девушки-феи. Мотив любви смертного и феи нередок в средневековой литературе, особенно кельтской. Встречается он и в одном из лэ Марии Французской («Лэ о Ланвале»), известном в норвежском переводе как «Песнь о Януале», и в одной из скандинавских рыцарских саг — «Саге о Парталопе», представляющей собой перевод французского романа «Партонопей Блуаский». Очевидно, именно из этой саги образ влюбленной в смертного феи был унаследован «Сагой о Гиббоне». Тем не менее композиционно «Сага о Гиббоне» сложнее и «Саги о Парталопе», и, возможно, любой другой исландской рыцарской саги. Можно условно выделить в ней три основные части.

Первая часть начинается с рассказа о том, как, преследуя прекрасного оленя, герой отстает от своих товарищей и ложится отдохнуть на расстеленное на холме полотно. Волшебное полотно переносит Гиббона, сына французского короля, в Грецию, к королевской дочери Греке, избравшей его в мужья. Во время их продолжительного союза Грека остается невидимой герою, а он, в свою очередь, продолжает быть невидимым для греков. Когда наконец Грека показывается Гиб-

[26] *Kalinke M.E.* Bridal-Quest Romance in Medieval Iceland. Ithaca; London, 1990 (Islandica XLVI). P. 132–133.

бону, тот не может долее скрываться от ее отца, короля Греции Филиппа, немедленно заставляющего его вернуться во Францию.

Вторая часть посвящена рассказу о том, как, вместо того чтобы возвратиться к Греке, Гиббон устремляется, очевидно с ее ведома, на поиски другой невесты. Приехав во Францию, герой слышит о королеве Индии деве-воительнице Флорентии, столь же прекрасной, сколь и высокомерной, и дает обет взять ее в жены или «по крайней мере овладеть ею»[27] Подобно Брюнхильд, Флорентия готова согласиться на брак только с тем, кто окажется в состоянии с честью выйти из испытаний. Она вызывает Гиббона, как и всех предшествующих женихов, чьи тела висят на двадцати мраморных столбах, окружающих дворец, на состязание в игре на лютне. Герой выходит победителем благодаря полученной им от Греки лютне, созывающей всех жителей в округе, но Флорентия требует, чтобы он сразился на поединке с великаном Эскопартом, защищающим ее царство. Полученным от Греки мечом Гиббон смертельно ранит великана, который просит, чтобы сына героя и Флорентии назвали в его честь. Взбешенная победами Гиббона, Флорентия собирает войско и через три дня разбивает героя и его союзников. Гиббона спасает от гибели Грека с ее ковром-самолетом. Спустя некоторое время герой, переодетый монахом, возвращается в Индию и исполняет свой обет. Он остается с Флорентией год, у них рождается сын, которого они называют Эскопартом.

Третья часть начинается со встречи Гиббона с сестрой, объясняющей, что он достиг всего только благодаря помощи Греки, а потому должен незамедлительно вернуться к ней. Герой вновь переносится в Грецию при помощи волшебства Греки и женится на ней. Покинутая Гиббоном Флорентия уходит в построенный по ее приказу монастырь. Ее сын Эскопарт вырастает и клянется убить своего отца, лишившего его наследных земель и положения, мать пытается удержать его, говоря ему о могуществе и мудрости Греки. Отец и сын сражаются на поединке и получают тяжелые раны, от которых едва не погибают. В мире героического эпоса, например «Песни о Хильдебранте», герои были бы, скорее всего, обречены на смерть, однако в мире рыцарского романа персонажам суждена более благополучная судьба. Не зная о состоянии друг друга, они терзаются раскаянием, оправляются от ран, затем примиряются, после чего Эскопарт наследует от отца корону Франции. Согласно одной из рукописей, Грека удаляется в монастырь во исполнение данного ею во время битвы отца с сыном обета, Гиббон, совершив паломничество в Святую Землю, отрекается от власти в

[27] Здесь и далее текст «Саги о Гиббоне» цит. по: Gibbons saga / R.I.Page. Copenhagen, 1960 (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B. Vol. 2).

пользу Эскопарта, который становится королем Греции, и тоже посвящает свою жизнь Богу.

Даже по краткому изложению можно заключить, что в саге контаминируются по крайней мере два главных мотива: брак смертного с феей и союз с девой-воительницей. Первый мотив, возможно, восходит к «Саге о Парталопе», второй, составляющий важнейшую отличительную особенность исландских рыцарских саг (см. ниже), мог быть унаследован из норвежского перевода лэ о герое по имени Доун, включенного в собрание переводов лэ Марии Французской «Стренглейкар» (*Strengleikar* — «Игры для струнных»). Как и в лэ о Доуне, в «Саге о Гиббоне» высокомерная и властная девушка согласна выйти замуж только за того, кто выдержит испытания. И в лэ, и в саге герой с честью выходит из всех испытаний, однако невеста отнюдь не желает сдерживать своего обещания. В саге и в лэ союз героя с девой-правительницей приводит к рождению сына. В обоих произведениях говорится о том, что герой покидает свою жену. Если в лэ встреча героя с сыном ведет к его примирению с женой, то в саге, где судьба героя решается не им самим, но влюбленной в него девушкой-феей, ему приходится возвратиться именно к ней.

Помимо уже упомянутых источников, автор «Саги о Гиббоне», вероятно, опирался также на одну из исландских рыцарских саг, сочиненных примерно в это же время (первая половина XIV в.), — «Сагу о Ремунде, королевском сыне» (*Rémundar saga keisarasonar*). Подобно Гиббону, герой видит во сне прекрасную принцессу. Ему снится, что он венчается с ней и обменивается кольцами; проснувшись, он замечает на своем пальце обручальное кольцо. Как и в «Саге о Гиббоне», в «Саге о Ремунде» главный враг героя зовется Эскопартом. В последней он сообщает Ремунду, что увиденная им во сне прекрасная принцесса — в действительности его возлюбленная. Как и герой «Саги о Гиббоне», Ремунд смертельно ранит Эскопарта, однако и сам получает от него рану. Умирая, Эскопарт предрекает герою смерть, если он не найдет прекрасную принцессу, явившуюся ему во сне, так как она одна способна исцелить его. От поисков принцессы, как и в «Саге о Гиббоне», героя временно отвлекает соперница. Ее роль в «Саге о Ремунде» исполняет принцесса Розамунда, которая настолько желает завладеть героем, что не останавливается ни перед проклятиями (она грозит Ремунду и его спутникам смертью, если он не подчинится ее желаниям), ни перед клеветой (своему отцу она сообщает, что Ремунд обесчестил ее).

Описываемая в саге ситуация заставляет читателей вспомнить уже упоминавшееся «Лэ о Ланвале», известное в норвежском переводе как «Песнь о Януале», где рассказывается, как те же обвинения и по той

же причине на героя возводит королева Гвиневера (его спасает от смерти лишь вмешательство возлюбленной — феи). И в лэ, и в саге правда торжествует. В последней отец Розамунды нападает на Ремунда, терпит унизительное поражение, предлагает герою золото, серебро, значительную часть своей страны и руку дочери. Комментируя отказ героя, рассказчик замечает, что принцесса получила по заслугам, а в одной из редакций саги добавляет, что сам он нисколько ей не сочувствует. Рассказчик еще не раз вмешивается в действие «Саги о Ремунде». Например, в эпизод первой встречи Ремунда и увиденной им во сне принцессы Элины он включает краткое стихотворение: «...и так они лежат здесь вдвоем. Да будет снисходителен Господь к их изнеможению! Пусть он порадует их и укрепит их силы!»[28] (140–141), а в одной из версий (AM 539, 4to) он сопровождает стихи восклицанием: «О, если бы мне посчастливилось испытать такое!»[29] (140). Нельзя не заметить, что авторские комментарии, появляющиеся в тексте «Саги о Ремунде», сближают ее с континентальными романами. Напротив, для исконной саговой традиции эксплицитное вторжение автора в текст, как уже говорилось ранее, отнюдь не было характерно. Очевидно, включение авторских замечаний в рыцарские саги свидетельствует о глубине ассимиляции жанра романа — присущие этому жанру поэтические средства оказываются освоенными поэтикой рыцарской саги.

Прежде чем привести повествование к успешному окончанию, рассказчик воздвигает на пути героя самые разнообразные препятствия. Справившись с Розамундой, герой должен победить своего соперника — сицилийского принца по имени Гейралдус. Получив от Элины отказ в ответ на сватовство, Гейралдус объявляет войну ее отцу, однако появление Ремунда спасает отца Элины от поражения. Рассказчик вновь не удерживается от комментария о том, что разбитый наголову Гейралдус «ускользает тихо, как вор, которого ведут на виселицу» (187). Помимо Гейралдуса, Ремунду предстоит также победить двух братьев, Либаруса и Калабрина, которые хотят захватить власть над землями саксов и Францией, по праву принадлежащую герою после смерти его отца. Став королем, Ремунд возвращает своей стране мир и порядок и завоевывает всеобщую любовь.

Во всех героических деяниях Ремунду помогает посланец Элины по имени Персиак, принц Малой Индии. Принц Персиак был послан Элиной на розыски того, кто получил от нее кольцо, когда она увидела точно такой же, как Ремунд, сон (мотив, известный и в средневеко-

[28] «Сага о Ремунде» цит. по: Rémundar saga keisarasonar / S.G.Broberg // SUGNL, 38. København, 1909–1912.

[29] Rémundar saga keisarasonar. P. 140.

вой французской, и в восточной литературе). До встречи с посланцем Элины Ремунд проводит все свое время в лесу, целуя и обнимая статую, напоминающую виденную им во сне принцессу. Даже полученная им от Эскопарта рана, которую может излечить только Элина, не побуждает его начать поиски. Только появление посланца Элины заставляет его отправиться в путь, причем из-за болезни он вынужден ехать в повозке и называть себя «*hinn kranki kerrumaðr*» («больным человеком телеги» — это прозвище указывает на то, что роман Кретьена «Ланселот, или Рыцарь Телеги» был, несомненно, известен в Скандинавии, хотя ни он сам, ни его более поздние прозаические переложения не были там переведены). Пассивность героя, таким образом, дополнительно мотивируется плачевным состоянием его здоровья. Он ни разу не инициирует действия, все его поступки вызваны необходимостью реагировать на внешние события и действия других. Единственное, что он делает, увидев Элину во сне и получив ее кольцо, — заказывает похожую на нее статую. Ему нет нужды завоевывать невесту — Элина предназначена ему Свыше (они оба видят один и тот же сон), а потому его сватовство с самого начала обречено на успех. Как и в случае с героями «Саги о Гиббоне» и «Саги о Дамусти», судьба Ремунда отнюдь не определяется им самим.

Может показаться, что образ бездеятельного героя совершенно чужд исландской традиции, а потому привнесен в нее извне. Не отрицая знакомства авторов исландских рыцарских саг с континентальным романом, попытаемся показать, что и в сагах об исландцах, и в сагах о древних временах герой подчас проявляет редкостную пассивность в отношениях со своей невестой.

Среди саг о древних временах есть по крайней мере две, главные герои которых напоминают Ремунда, Дамусти и Гиббона. Таковы «Сага о Фритьофе Смелом» и «Сага о Хрольве Пешеходе». В последней герой, получивший свое прозвище потому, что был столь высок и тяжел, что ни одна лошадь не могла долго выдержать его веса, по описанию далек от традиционных персонажей рыцарского романа. Хрольв скорее напоминает фольклорного младшего сына: он четвертый сын короля Хрингарики в Норвегии, он не умеет обращаться ни с каким оружием, кроме дубины, отец не возлагает на него больших надежд, советуя ему завести усадьбу и подыскать жену, несмотря на его полное равнодушие к женщинам. Ему приходится дважды (подобно Гиббону) отправиться на поиски невесты, в первый раз от лица ютландского ярла Торгнюра, второй раз — от самого себя, хотя он по-прежнему совершенно не желает вступать в брак. Король Торгнюр, поклявшийся жениться на обладательнице золотого волоса, оброненного ему на колени ласточкой, или погибнуть, обещает отдать свою

дочь Тору тому, кто добудет ему невесту. Отправляясь за правительницей Руси Ингигерд, которой принадлежит золотой волос, Хрольв объявляет, что в случае успеха Тора может выходить замуж за кого угодно, а сам он не намерен обзаводиться женой.

Оба раза Хрольв сватается к одной и той же женщине — королеве Ингигерд, чей отец Хреггвид, правитель Руси, был убит ее женихом королем Эйриком. Король Эйрик тоже пообещал отдать свою сестру тому, кто поможет ему достать оружие убитого короля Хреггвида, всегда приносящее победу его обладателю. Оружие необходимо Эйрику для того, чтобы получить Ингигерд, не нарушив данного ей обещания: отступиться от нее и покинуть Русь, если избранный ею воин победит его лучшего воина Сёрквира в единоборстве. Сестру Эйрика желает получить в жены датчанин по имени Вильям, который и становится главным врагом Хрольва и обманом заставляет его служить себе. Подобно герою волшебной сказки, Хрольв помогает Вильяму получить невесту, так как выполняет вместо него три поручения, в частности достает оружие короля Хреггвида, но не волшебное, а лишь похожее на него. Когда Хрольв проникает в курган короля Хреггвида, тот открывает ему, что не желает видеть иного мужа для своей дочери. Выясняется, что с самого начала все происходящие с Хрольвом события были заранее предопределены королем Хреггвидом и его дочерью. Он сам был той ласточкой, что обронила на колени Торгнюру принадлежащий Ингигерд золотой волос, так как с самого начала знал, что никто, кроме Хрольва, не сможет спасти ее от брака с королем Эйриком. Ингигерд тоже выбирает именно Хрольва для того, чтобы он сразился с Сёрквиром, просит его устроить ее побег с ним, а затем всенародно объявляет, что никого иного не хочет себе в мужья.

Подобно участи Дамусти, судьба Хрольва определяется не только добрыми, но и злыми силами. Берсерк короля Эйрика по имени Грим Эгир, искусный в колдовстве, заставляет Вильяма уколоть Хрольва сонным шипом, а затем отрубить ему ноги. Вильям хочет погубить не только ярла Торгнюра, но и его сына Стевнира, который был другом Хрольва, однако позднее тоже выразил желание взять в жены Ингигерд и стать правителем Руси. Отец Ингигерд Хреггвид предвидит и это и, когда Хрольв спускается в курган, дает ему напиток, который должен охладить пыл Стевнира. Можно заметить, что, подобно Дамусти, Гиббону и Ремунду, Хрольв не только не предпринимает никаких действий по собственному почину (даже за невестой его посылает Торгнюр), но и те его поступки, которые вызваны необходимостью реагировать на действия окружающих его людей, тоже совершаются им по воле добрых сил (отца Ингигерд и ее самой) или злых (берсерка, Вильяма, Эйрика).

По нежеланию воздействовать на судьбу Хрольва можно сравнить с героем одной из самых известных саг о древних временах — Фритьофом. В рассказывающей о нем саге, сохранившейся в двух редакциях (более ранней — между 1270 и 1400 гг. — и поздней — конца XV в., прославленной шведским романтиком Эсайасом Тегнером), ситуация, заставляющая вспомнить о Тристане и Изольде, разрешается совершенно иным образом. Сюжет строится вокруг взаимной любви с детства Фритьофа Смелого (*Friðþjófr hinn frœkni*), с которым никто не может сравниться в отваге и мужестве, и прекрасной Ингибьёрг, чье прозвище (*hin fagra* — «красивая») знаменательно аллитерирует с именем и прозвищем героя. Когда братья Ингибьёрг уезжают, Фритьоф проводит с ней дни и ночи в Бальдрсхаге (*hage* — роща), где особенно почитали бога Бальдра и «никаких сношений не смели мужчины иметь там с женщинами»[30] Так как характер отношений Фритьофа с Ингибьёрг ни для кого не является тайной (в ранней редакции сказано: *þeir fóru þangat at skemmta sér* — «они отправлялись туда насладиться друг другом»[31]), побратим Фритьофа Бьёрн высказывает опасение, что своим посещением Бальдрсхаге тот рискует прогневить богов. Фритьоф отвечает на это, что ласка Ингибьёрг ему важнее, чем гнев Бальдра. После того как братья Ингибьёрг отказываются выдать ее замуж за Фритьофа, он не делает никаких попыток добиться своей любимой. Более того, тем, что, получив отказ на свое сватовство, Фритьоф покидает братьев и не помогает им защититься от короля Хринга, он невольно вынуждает их заключить брачный союз с последним. Пока готовится свадьба Ингибьёрг с королем Хрингом, Фритьоф отправляется на Оркнейские острова собирать дань для ее братьев, которая пойдет в приданое их сестре.

Ингибьёрг проявляет не меньшую покорность судьбе. Она не пытается избежать союза с Хрингом, хотя продолжает носить кольцо, данное ей Фритьофом, до тех пор пока муж не просит ее снять его. Несмотря на свои преклонные лета, король Хринг, как говорится в саге, очень любил Ингибьёрг. О чувствах самой девушки рассказывается только «симптоматически» даже тогда, когда ее возлюбленный неожиданно является в Хрингарики: она не сразу узнает Фритьофа, назвавшегося чужим именем, а затем, как говорится в саге, заливается краской, увидев на его руке возвращенное ею по просьбе мужа кольцо.

Во время пребывания в Хрингарики Фритьофу представляются два случая избавиться от соперника и соединиться с возлюбленной, одна-

---

[30] Древнеисландская сага о Фритьофе Смелом. Перевод с древнеисландского Я.Грота, проверенный и исправленный А.И.Смирницким // Фритьоф Смелый. Эсайас Тегнер. Сага о Фритьофе. Древнеисландская сага о Фритьофе Смелом. М., 1996. С. 235.

[31] Die Friðþjófssaga / G.Wenz. Halle, 1914. S. 9.

ко он не только не пользуется ни одним, но оба раза спасает короля Хринга от гибели. В первый раз он предупреждает Хринга и Ингибьёрг о том, что лед на их пути ненадежен, а когда их сани проваливаются, спасает обоих. Согласно ранней версии саги, вероятно более близкой к оригиналу, король и королева путешествуют в разных санях и Фритьоф сначала спасает Хринга, а только потом Ингибьёрг. Во второй раз Хринг и Фритьоф оказываются наедине в лесу, король ложится отдохнуть и начинает громко храпеть. Автор саги дает понять, какие чувства обуревают героя — Фритьоф вынимает из ножен меч, но тут же отбрасывает его далеко прочь от себя. Мы понимаем также, что и Хринг с самого начала знал о том, кому он доверил охранять свой сон, так как, проснувшись, он впервые называет Фритьофа по имени. Вскоре после этого герой решает покинуть Хринга, вновь возвращает Ингибьёрг свое кольцо и сочиняет вису, в которой признается, что отказывается от нее: «Я всегда буду помнить Ингибьёрг, пока мы оба живы, — *да живет она счастливо*, — но суждено нам обмениваться сокровищами вместо поцелуев». Хринг предлагает ему остаться и защищать в случае необходимости страну, но герой отклоняет это приглашение. В ответ Хринг тоже сочиняет вису: «Я отдаю доблестному Фритьофу жену и все, что имею». Более того, Хринг хочет также возложить на героя королевский титул, но Фритьоф соглашается стать только ярлом. Свадьба Фритьофа с Ингибьёрг справляется одновременно с тризной по Хрингу.

Предполагалось, что на эту и другие саги, в которых герой не совершает никаких действий, чтобы добиться своей возлюбленной, повлияли греческие романы[32], арабская литература, особенно сказки «Тысячи и одной ночи», где речь идет о том, как властители нередко проявляют милость по отношению к любящим[33] Параллель к «Саге о Фритьофе» находили и в арабском собрании биографий поэтов (X в.), в частности в рассказе о поэте Урва и его возлюбленной Авра[34] Можно заметить, что, несмотря на наличие многочисленных черт сходства между арабской и исландской историями (герои любят друг друга с детства, героиня выходит замуж за более богатого, герой навещает ее в доме мужа, его кольцо позволяет супругам узнать его, муж героини готов добровольно отдать ее возлюбленному), различия едва ли не более значительны (героиня была обещана возлюбленному с условием, что он соберет достаточное состояние; в его отсутствие героиню выдают замуж и отправляют в другую страну; когда герой возвращается, ему говорят, что его возлюбленная умерла, и показы-

[32] *Schlauch M.* The Dámusta Saga. P. 510.
[33] *Kalinke M.E.* Bridal-Quest Romance. P. 121.
[34] Ibid. P. 121–123.

вают ее могилу; несмотря на великодушие мужа героини, любящим не суждено соединиться; герой умирает от любви, героиня тоже погибает от горя).

Более вероятно воздействие на «Сагу о Фритьофе» христианской морали. В этой саге можно видеть пример того, как вознаграждаются долготерпение и праведность. Следует помнить вместе с тем, что назидательность в саге никак эксплицитно не выражена, никаких комментариев от автора или авторских оценок здесь не дается. Отсутствие в саге традиционных способов выражения авторского присутствия сближает ее с сагами об исландцах, в которых герой тоже не всегда активно добивается своей возлюбленной.

В «Саге о Гуннлауге Змеином Языке», например, герой тоже в юности проводит некоторое время у отца своей будущей возлюбленной (Хельги Красавицы). Отец выдает Хельгу замуж за другого, потому что Гуннлауг не возвращается за невестой в положенное время. Подобно Фритьофу, Гуннлауг не пытается воспрепятствовать ее браку, но продолжает любить Хельгу и после ее замужества. Окончание саги отличается от конца «Саги о Фритьофе» и соответствует жанру родовой саги — Гуннлауг бьется на поединке с мужем Хельги Храбном, и оба погибают. Так же трагически завершается и «Сага о Кормаке», герой которой обручается со своей невестой Стейнгерд, но тоже не является за нею в назначенное время, и она выходит замуж за Берси. Кормак сражается с ним на поединке, Стейнгерд разводится с Берси, но Кормак вновь упускает возможность жениться на ней, и она выходит замуж за Торвальда. После нескольких поединков Торвальд уступает Стейнгерд Кормаку, но теперь она отвергает его. Кормак объясняет это «не судьбой», покидает Исландию и погибает в Шотландии.

В сагах об исландцах герою не суждено соединиться с возлюбленной; напротив, в рыцарских сагах счастливый конец и описание брачного пира всегда предрешены. Однако в рассмотренных нами рыцарских сагах и сагах о древних временах герой обязан своим счастьем не столько собственным усилиям, сколько воле Божией (в «Саге о Ремунде»), покровительству Девы Марии (в «Саге о Дамусти»), вмешательству посторонних сил (любящей героя феи в «Саге о Гиббоне» или мира мертвых в «Саге о Хрольве Пешеходе»), великодушию соперника (в «Саге о Фритьофе»). Можно предположить, что авторы саг с бездеятельным героем, будь то Фритьоф, Хрольв или Дамусти, Гиббон или Ремунд, могли почерпнуть из исконной исландской традиции не меньше, чем из арабской или греческой литературы или из континентальных рыцарских романов.

* * *

В отличие от тех саг, где образ героя характеризуется известной пассивностью, в тех произведениях, к анализу которых мы переходим, главные персонажи проявляют повышенную активность, а нередко и агрессивность. Таковы саги о девах-воительницах, составляющие отличительную особенность средневековой исландской литературы. Если в других литературных традициях эпизодически встречаются образы строптивых принцесс, укрощаемых женихами, то в исландской словесности возникает особая разновидность жанра рыцарской саги — рассказы о единовластных правительницах своих стран, вообще не желающих слышать о браке, ибо замужество грозит им ослаблением власти и утратой социального статуса. Они не только категорически отказывают женихам, но и подвергают их словесным и физическим унижениям.

В рыцарских сагах для героинь таких рассказов существует специальное обозначение — *meykongr* «дева-правительница», сами же они знаменательно именуют себя «королем» (*kongr*), но не «королевой» (*dróttning*). Соотношение между упомянутыми лексемами не исчерпывается родовыми различиями. Хотя титул королевы — *dróttning* — может относиться и к незамужней правительнице, и к жене короля, в сагах он обычно подразумевает указание на ограниченность власти, производной от власти супруга-короля (*kongr*, *konungr*).

Неполную синонимичность обозначений можно особенно ясно показать на примере «Саги о Парталопе», единственной переводной саги, где образ героини переосмысляется (в отличие от французского романа XII в. «Партонопей Блуасский», послужившего для нее оригиналом) в соответствии с исконной исландской традицией именно как образ девы-правительницы (*meykongr*), отвергающей всех женихов до тех пор, пока ее не завоевывает самый доблестный. Героиня «Саги о Парталопе» Мармория становится в возрасте пятнадцати лет, после смерти своего отца, правительницей всей Греции, в ее подчинении находятся двадцать четыре правителя других стран, в том числе Парталоп, сын короля Франции и ее будущий муж. Советники побуждают ее вступить в брак, однако ей кажется унизительным титул императрицы — *keisarina* (или, согласно другой версии саги, «королевы» — *dróttning*) — после того, как она называла себя «дева-король» (*meykongr*).

Марморию напоминает героиня «Саги о Сигргарде Смелом», пятнадцатилетняя Ингигерд, которая после смерти отца созывает собрание и провозглашает себя королем (*kongr*) над всей страной. Автор саги комментирует, что женщины, которые вели себя таким образом,

назывались в то время «девами-правительницами» (*meykongar*). Когда Сигргард сватается к ней, она объявляет ему, что во всем превосходит его, ибо единолично владеет всей полнотой власти в своей стране, считает саму себя «своей наилучшей советчицей»[35] и никогда ни у кого и ни в чем не собирается спрашивать позволения (V, 54–55). Желание Ингигерд быть именно королем, а не королевой удостоверяется тем, что она присваивает себе мужское имя Инги. От лица рассказчика добавляется, что она была столь властной и на всех наводила такой ужас, что никто не осмеливался перечить ей ни в чем (V, 49).

Присвоившую себе мужское имя Ингигерд можно сравнить с героиней «Саги о Хрольве, сыне Гаутрека», относящейся к сагам о древних временах. Торнбьёрг, единственная дочь шведского короля Эйрика, с самого детства преуспевает в воинских искусствах. Когда отец наделяет ее воинами и вручает ей в правление третью часть страны, она провозглашает себя девой-правительницей (*meykongr*) и дает обет не вступать в брак. Своих женихов Торнбьёрг не только оскорбляет и высмеивает, но ослепляет, отрубает им конечности, убивает. Свое имя она переделывает в мужское и называет себя Торберг, поэтому пришедший свататься к ней Хрольв обращается к ней так, как обратился бы к королю: «Да здравствуешь ты, господин (*herra*), и да процветает твое королевство»[36] (III, 81). Торнбьёрг делает вид, что принимает Хрольва за нищего, и с позором прогоняет его и сопровождающих. Отвергнутый Хрольв собирает войско, вызывает «короля Торберга» на бой, побеждает «его» и тем принуждает Торнбьёрг признать его превосходство и вступить с ним в брак.

Подобно Торнбьёрг, Седентиана, героиня «Саги о Сигурде Молчаливом», становится правительницей страны после того, как ее отец Флорес и мать Бланкифлур (главные персонажи переводной саги, основанной на французском романе о Флуаре и Бланшефлёр) решают удалиться из мирской жизни. Седентиана объявляет себя «единовластным королем» — *einvaldskonungr* (II, 102)[37], а ее отец требует, чтобы все могущественные люди в стране присягнули ей на верность, после чего она настаивает на исключительном употреблении мужского титула.

Этот мужской титул, присваиваемый женщиной, нигде не подвергается оценке автором или рассказчиком саги, за исключением «Саги о Гиббоне», где единственный раз по этому поводу высказывается

---

[35] Sigrgarðs saga frækna // Late Medieval Icelandic Romances / A.Loth. Copenhagen, 1965 (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B. Vol. 24). P. 54–55.

[36] Hrólfs saga Gautrekssonar // Fornaldar Sögur Norðrlanda / C.C.Rafn. København, 1830. Bd. 3. S. 81.

[37] Sigurðar saga þögla // Late Medieval Icelandic Romances / A.Loth. Copenhagen, 1963 (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B. Vol. 21). P. 102.

некоторое неодобрение: Флорентия, правительница одной трети Индии, как становится известно герою, столь заносчива, что заставляет называть себя «королем» (22). Эта не вполне лестная характеристика вложена в уста карлика, представляющего Флорентию герою (и читателю) и дающего ее словесный портрет: «Действительно, она вправе носить это имя, ибо может быть названа цветком и яблоней, превосходящей всех женщин, где бы они ни были во всем мире. Каждый, кто находит удовольствие в сочинении кратких саг или рассказов, должен умолкнуть и ничего не говорить о ее красоте». Голос персонажа заглушается далее голосом повествователя, который дополняет сравнение с яблоней, несомненно восходящее к «Песни Песней», ссылкой на Овидия: «Но я клянусь моей верой, говорит тот, кто сочинил этот рассказ, что если бы у меня была ученость, образование и красноречие Овидия, чтобы я мог говорить о любви, то тогда я сочинил бы не меньшую книгу, чем Библия, о ее красоте и ее учтивом поведении (*kurteisligum listum*)»[38]

Использование французского заимствования (*kurteisligr* — «куртуазный») в последней строке приведенного описания в не меньшей степени указывает на его происхождение, чем включение в текст слов рассказчика. Как известно, в исконной исландской прозе рассказчик никогда не вмешивается явно в ход повествования, в отличие от французских романов, например Кретьена де Труа, где автор комментирует все, о чем идет речь, в том числе и красоту героини. К описаниям Кретьена, возможно, восходит повествование о внешности Седентианы в уже упоминавшейся «Саге о Сигурде Молчаливом»: «Она была красива телом, подобно прямому тростнику, и, как и следует, стройна. Ее глаза сверкали, как звезды в ясную погоду, и лучи света, казалось, исходили от нее. Ее голова была округлой, как острова, что становятся цвета золота от яркого сияния, как горящий огонь или солнечные лучи, а волосами своими она могла бы покрыть себя всю. Такими же были ее щеки и прелестный рот. Вся она была так прекрасно сложена, что всем было ясно, сколь успешно природа во всех отношениях сотрудничала с самой судьбой, чтобы создать ее, превосходящую всех девушек, где бы они ни были во всем мире» (II, 100). Приведенное описание сопоставимо со словесными портретами Кретьена не только по многословности и идеализированности, но и по целому ряду конкретных, очевидно, формульных деталей. Так, в описании героини в романе «Эрек и Энида» (421–441) Кретьена мы находим упоминание и о золотых волосах, и о глазах, сияющих подобно звездам, и о белизне кожи, и о ярком румянце.

[38] Gibbons saga / R.I.Page. Copenhagen, 1960 (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B. Vol. 2). P. 22.

Белизна кожи и яркость румянца сравниваются с белоснежной лилией и алой розой и в другом описании девушки в единственной саге, названной по имени героини, а не героя, — в «Саге о Нитиде» (*Nitida saga*): «Она была и мудрой, и красивой, ее лицо было светлым и румяным, будто алая роза слилась со снежно-белой лилией. Ее глаза были яркими как карбункулы, ее кожа была бела как слоновая кость, ее волосы, как золото, ниспадали вкруг нее до земли»[39] (V, 3). Сравнение с лилией встречается и в «Саге о Дамусти», о которой уже шла речь выше: «О ее сиянии говорится, что она превосходила в яркости растение, называемое лилией, но когда ей случалось меняться в лице, то она заливалась краской так, что сияние было не меньшим, чем у солнца, встающего в чистом небе» (51–52). Легко заметить, что в описаниях героини нередки сравнения со светом, солнцем, звездами и т.д., а также метафоры, подсказанные миром природы.

Нет сомнения в том, что искусство словесного изображения в исландских сагах находится под влиянием традиции рыцарских романов (ср. также описание Изольды в романе Готфрида Страсбургского «Тристан», 10890–10989). Вместе с тем в последних отнюдь не акцентируется мудрость героини, о которой идет речь и в приведенном портрете Нитиды, и в рассказах о других героинях исландских саг. В уже упоминавшейся «Саге о Хрольве, сыне Гаутрека» Торнбьёрг называется «более мудрой и красивой, чем другие женщины» (IV, 62), брат же героя, Кетиль, говорит, что в Скандинавии не найти лучшей невесты, ибо она превосходит всех женщин (IV, 67–68).

В отличие от рыцарских романов, в исконных скандинавских памятниках мы находим помимо описаний красоты героини и упоминания о ее мудрости, и даже ее обозначение королевским титулом (*konungr*). Так, в одной из вис исландского скальда Одди Глумссона восхваляемая героиня прямо именуется конунгом: «Вряд ли мы, как я думаю, достойны Эрменгарды, знаю я, что умная земля головной повязки (= *женщина*) может быть названа конунгом среди женщин»[40] В «Саге об оркнейцах», в которой цитируется приведенная виса Одди, говорится и о красоте Эрменгарды: «Она несла в руке кубок, была одета в прекраснейшие наряды и распустила волосы, как девушка, перехватив их золотой лентой у лба»[41]. Ярл Рёгнвальд взял ее за руку и произнес вису о том, как красивы ее волосы, в которой упомянул и о

---

[39] Nitida saga // Late Medieval Icelandic Romances / A.Loth. Copenhagen, 1963 (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B. Vol. 24). P. 3.

[40] Здесь и далее скальдические стихи цит. по: Den norsk-islandske skjaldedigtning. A: Tekst efter håndskrifterne. Bd. I–II ; B: Rettet tekst. Bd. I–II / Finnur Jónsson. 2 udg. København, 1967 (A), 1973 (B).

[41] Orkneyinga saga / Finnbogi Guðmundsson. Reykjavík, 1965 (ÍF. B. 34).

ее уме: «Действительно, твои волосы, / умная Биль (= *женщина*), более / прекрасны, чем у других / увитых золотом жен. / Опора долины ястреба (= *женщина*) / позволяет упасть на плечи своим / волосам — *я обагрил когти жадного / орла* — золотым, как шелк».

Тема висы Рёгнвальда имеет параллели и в прозе, и в поэзии скальдов, например у Кормака — «Волосы, что расчесывает Сив льняной повязки (= *женщина*)»; у Эйнара Скуласона — «земля ложа змеи (= *женщина*) позволила светлому снегу головы (= *волосам*) свободно струиться»; у Снорри Стурлусона — «Я вошел туда, где красивейшая женщина сидела в палатах, Герд головной повязки (= *женщина*) распустила свои волосы». В «Саге о Кормаке» говорится: «ее (Стейнгерд) волосы были лучше, чем у (других) женщин»[42]; в «Саге о Гуннлауге» сказано, что у Хельги «были такие длинные и густые волосы, что они могли закрыть ее всю, и они были красивы, как золотые нити»[43] (пер. М.И.Стеблин-Каменского). То же рассказывается в «Книге о Заселении страны»[44] о Халльгерд, дочери Одда, чьи «волосы обвивались вокруг ее тела до пола, и о ней говорили, что у нее самые красивые волосы из всех исландских женщин, кроме Халльгерд Длинноногой»[45] Легко заметить, что описание внешности женщины в прозе и в скальдической поэзии часто ограничивалось этим своеобразным символом красоты.

Говорится в поэзии скальдов и о прекрасных глазах женщины, например в висах, цитируемых в «Саге о Кормаке»: «Сверкнули мне сияющие / огни обеих щек (= *глаза*) / женщины»; «Луны ресниц (= *глаза*), / острые, как у сокола, / облаченной в лен Христ пучины лука (= *женщины*) / сверкнули мне из-за светлого / неба бровей (= *лба*). Этот луч звезды век (= *взгляд глаз*) / Фрид золотого ожерелья (= *женщины*) / несет несчастье и мне, / и Хлин колец (= *женщине*)». В висах Кормака глаза любимой названы с помощью кеннингов сияющими «огнями щек», «соколиноострыми лунами ресниц», «звездами век», ее лоб — «небом бровей». Упоминание в едином контексте неба, звезд, луны создает «космический» образ, в котором для скальда замыкается вся вселенная.

---

[42] Примеры из «Саги о Кормаке» цит. по: Kormáks saga // Vatnsdæla saga / Einar Ól. Sveinsson. Reykjavík, 1939 (ÍF. B. 8). Bl. 201–302.

[43] Перевод М.И.Стеблин-Каменского «Саги о Гуннлауге» цит. по: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973 (БВЛ). С. 506.

[44] Landnámabók // Landnámabók I–III. Hauksbók. Sturlubók. Melabók / Finnur Jónsson. København, 1900. S. 48.

[45] Упоминаемой здесь Халльгерд Длинноногой, героине «Саги о Ньяле», с ее необычайно красивыми волосами, принадлежит ключевая роль в сюжете саги: она приносит гибель своему мужу Гуннару, так как отказывается дать ему для тетивы прядь своих длинных волос.

Взгляд скальда, как и автора исландских рыцарских саг, оценивает не только внешнюю сторону (стройность стана, красоту лица и рук, белизну кожи), но и ум героини: *konan svinna* (Кормак *№ 63*; ср. также *№ 8*), *svinn snót* — «умная женщина» (Бьёрн Аргейрссон *№ 3*), *orðsæll* — «счастливая на слова» (Бьёрн Аргейрссон *№ 2*), и ее знатное происхождение: *vel borinn* (Кормак *№ 5*; ср. *ættgóð* — Халльфред *№ 3*), *ættgǫfug* — (Бьёрн Асбрандссон *№ 3*). Хотя внешний облик героинь не становится самостоятельным прèдметом изображения в песнях «Старшей Эдды», здесь также встречаются упоминания об уме героини (*horsk* — «умная», *Háv. 102*[8]; *Am. 35*[3], *10*[5], *svinnhugup* — «умная», *HH II. 11*[2])[46]

Как явствует из процитированных отрывков, и восхваление женской красоты, и утверждение превосходства одной женщины над другими не новы ни для скандинавской поэзии, ни для прозы. Можно с уверенностью утверждать, что индивидуальная красота героини по достоинству оценена как скальдами, так и авторами исландских рыцарских саг, ибо превращена в предмет литературного изображения. Сказанное позволяет увидеть в образе девы-воительницы контаминацию исконных и заимствованных мотивов.

Не только физическая привлекательность героини, но и ее красноречие и природный ум, замеченные и в поэзии скальдов, и в песнях «Старшей Эдды», становятся объектами описания в исландских рыцарских сагах. За словесным портретом героини в сагах обычно следует рассказ об ее прочих совершенствах. О героине «Саги о Нитиде» говорится, что она была наделена не меньшими способностями, чем самый выдающийся ученый, «своим умом она могла бы воздвигнуть крепчайшую стену вокруг ума других людей» и перехитрить всех; она «могла отыскать десятки решений любой задачи, для которой другие находили только одно решение» (V, 4). О Торнбьёрг в «Саге о Хрольве, сыне Гаутрека» сказано, что она была не только мудра и красива, но и высокомерна и горда (IV, 70). О Седентиане в «Саге о Сигурде Молчаливом» повествуется: «И когда эта выдающаяся девушка поняла, что она отмечена и украшена всеми природными дарами мира и превосходит других женщин в красноречии и всех науках (*með snilld orða ok ǫllum fróðskap*), ее высокомерие и гордость стали расти и она начала почти презирать всех знатных жен и сыновей благородных людей так сильно, что не могла подумать ни об одном рожденном в северном полушарии, с которым она могла бы соединиться в любви, не навлекая на себя позора» (II, 100). Автор саги объясняет гордыню героини и нежелание вступать в брак ее высоким мнением о собст-

[46] Примеры из песней «Старшей Эдды» цит. по: Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / G.Neckel. Heidelberg, 1927.

венной красоте и учености, а не только унаследованным ею богатством и неограниченной властью, поэтому идеализированное описание ее внешности, ума, учености, обходительности не вступает в противоречие с ее крайней жестокостью по отношению к тому, кто собирается вступить с нею в брак.

Поведение героини по отношению к жениху предвосхищается и мотивируется во всех исландских рыцарских сагах о девах-правительницах. Так, в «Саге о Кларусе» учитель рассказывает королевскому сыну о принцессе Серене, которая столь умна и сведуща в науках, что вся ученость принца покажется равной невежеству пахаря[47] (V, 7). Из описания Филотемии в «Саге о Динусе Заносчивом» можно заключить, каким именно было образование девы-правительницы, которое помогало ей отвадить нежеланного жениха: «Она так хорошо освоила все семь книжных наук с примыкающими к ним областями, что каждое искусство, казалось, происходило от нее, и не было ей равных в целом королевстве. Она изучила волшебство и язык рун так, что никто не мог сравниться с ней во всем мире, ей была известна вся природа земли, и ход небесных светил, и наука о звездах, все свойства растений, камней, деревьев, побегов, источников всего мира. Поэтому она владела великими чарами и многим тем, о чем даже мудрые мужи не имели представления»[48] (12–13).

Сюжет «Саги о Динусе Заносчивом» строится вокруг того, как Филотемия, подобно другим девам-правительницам, столь же умная, сколь и жестокая, использует свои искусства и чары в борьбе с женихом, который во всех отношениях является ее alter ego. Как и она, он необыкновенно хорош собой, владеет всеми науками, волшебством и рунами и, подобно ей, не желает и думать о браке. Свое прозвище он получает, в частности, за презрение ко всем женщинам.

Герой-женоненавистник, столь хорошо знакомый античности, неизвестен исконной скандинавской литературе. Едва ли не впервые мы встречаем этот образ в норвежском переводе лэ Марии Французской «Песнь о Гвимаре» (*Guiamars ljóð*) из собрания «Стренглейкар». Герой «Песни о Гвимаре» остается равнодушным ко всем женщинам и пренебрегает их чувствами до тех пор, пока проклятие оленя, которого он убивает во время охоты, не обрекает его на невыносимые страдания от неразделенной любви. Сходную перемену герою «Саги о Динусе Заносчивом» суждено претерпеть потому, что Филотемия при помощи своих чар (волшебного яблока) заставляет его полюбить себя лишь для того, чтобы помериться с ним силами и испытать удоволь-

[47] Clari saga // Riddarasögur / Bjarni Vilhjálmsson. Reykjavík, 1953. Bd. V. Bl. 7.
[48] Dínus saga drambláta // Riddarasögur / Jónas Kristjánsson. Reykjavík, 1960. Bl. 12–13.

ствие его отвергнуть. Ее желание унизить жениха мотивировано исключительно гордыней и ненавистью к противоположному полу.

Подобно тому как образ героя представляет собой зеркальное отражение образа героини, ее поведение по отношению к нему воспроизводится позднее в саге в его поведении по отношению к ней. Исчерпав все чары, пустив в ход всю свою ученость, прибегнув ко всем бывшим в ее распоряжении хитростям, Филотемия принимает Динуса в качестве супруга. Однако теперь ей суждено испытать те же самые унижения, каким подвергался по ее милости герой, и изведать к нему равную по силе страсть.

Унижение жениха, социальное неравенство героя и героини входят в число топических мотивов исландских рыцарских саг. Так же как и сюжет «Саги о Динусе Заносчивом», сюжет всех этих саг строится вокруг попыток героя перехитрить ненавидящую его девушку и силой и (или) хитростью склонить ее к браку. Такова, например, «Сага о Кларусе», в которой содержатся все характерные для этой жанровой подгруппы мотивы. Во-первых, героиня саги — прекрасная принцесса Серена, дочь французского короля Александра, в которую по рассказам видевших ее людей влюбляется Кларус, отвергает всех женихов и самую мысль о браке. Во-вторых, в соответствии с канонами жанра героиня унижает своего жениха (как только герой объявляет о своих намерениях, Серена выставляет его с пира, называя его «мужланом» — *þorpari* — и советуя ему поискать подходящего общества среди бродяг и оборванцев). В-третьих, отвергнутый жених мстит за нанесенное ему оскорбление и получает согласие на брак (бóльшую часть саги занимает рассказ о том, как Кларус, переодетый и назвавшийся принцем Эскельвардом, завоевывает невесту с помощью своего мудрого учителя из Аравии). Подобно «Саге о Динусе Заносчивом», эта сага не заканчивается описанием брачного торжества, но повествует о том, каким унижениям Кларус подвергает Серену, чтобы проверить ее постоянство.

Возможно, в этой саге впервые появляется мотив женской алчности, используя которую жениху удается одержать победу над строптивой невестой. Когда отвергнутый Кларус вновь появляется перед Сереной в обличье чужеземного принца и обладателя золотого шатра и золотого медведя, Серена соглашается провести с ним ночь, а затем и выйти за него замуж, только чтобы заполучить приглянувшуюся ей вещь (V, 28). Подобно Серене, героиня «Саги о Сигргарде Смелом» Ингигерд соглашается встретиться наедине с отвергнутым ранее и неузнанным ею в обличье купца женихом, так как хочет приобрести принадлежащие ему ковер-самолет и огромный карбункул, а затем ускользает от него на том самом волшебном ковре, на котором он

хотел ее похитить. Героиня «Саги о Викторе и Блавусе» Фульгида тоже улетает от своего жениха, переодетого купцом, на принадлежащем ему ковре-самолете, а прежде того соглашается разделить с ним ложе, как только он обещает ей драгоценный ларец, в котором никогда не иссякают золотые монеты (37).

Фульгиде удается перехитрить Виктора и подвергнуть его обычному наказанию незадачливых женихов — его обривают и мажут дегтем. То, что происходит на брачном ложе с Кларусом, тоже напоминает судьбу остальных героев саг о девах-правительницах, начиная с Брюнхильд. Выпив вина, Кларус погружается в глубокий сон, во время которого приближенные Серены избивают его и сдирают с него кожу. В «Саге о Сигргарде Смелом» герой тоже получает согласие своей невесты Ингигерд провести с ним ночь, но в первые два вечера неожиданно для себя засыпает, за что наутро ему приходится вытерпеть ее насмешки и упреки. Поняв, что погружается в сон благодаря волшебной подушке и покрывалу, герой избавляется от них в третью ночь и подвергается нападению двенадцати хорошо вооруженных воинов Ингигерд. Как и всем другим героям исландских рыцарских саг, ему, избитому и раненому, удается ускользнуть на родину в Гардарики (Русь), чтобы впоследствии отомстить за свое унижение.

Рассказ об оскорблениях, которым подвергается герой, и наносимых ему увечьях варьируется из саги в сагу и обычно включает побои, бритье волос, валяние в дегте. В «Саге о Викторе и Блавусе», как уже говорилось, героиня тоже сначала предлагает герою разделить с нею ложе, подносит ему сонное зелье, а затем обривает его, приказывает извалять в дегте и бросить в глухом лесу (37–38). В «Саге о Сигурде Молчаливом» сходному наказанию подвергаются старшие братья героя, Хальвдан и Вильяльм. Они оказываются схваченными людьми девы-воительницы Седентианы, которая сначала изливает свою ярость в оскорблениях, называя Хальвдана «бродягой» (*loddari*), «дураком» (*fól*), «негодяем» (*fantr*), «попрошайкой» (*snikjari*), затем велит обрить обоих братьев, вывалять в дегте, избить, вырезать на их спинах изображение совы, а на груди выжечь клейма (II, 126–127). Явившийся отомстить за братьев герой тоже заключается под стражу, а затем помещается на две недели в яму с ядовитыми змеями и ящерицами.

Очевидно, истязания, которым подвергаются герои саг, должны были символизировать крайнюю степень их унижения, полное отрицание их социального статуса, а возможно, и нарушение самоидентификации. В физическом и моральном унижении героя видели также желание героини получить над ним полную власть и добиться сексуального превосходства[49], сами же саги о девах-правительницах трак-

[49] *Amory Fr.* Things Greek and the Riddarasögur // Speculum, 59. 1984.

товались как плод монашеской мизогиничности и, в более широком плане, как отражение того отношения к женщине, которое было характерно для позднесредневековой христианской культуры[50] Внимание исследователей привлекало также социальное положение описываемых персонажей: основной конфликт саг о девах-правительницах рассматривался как результат стремления героя добиться более высокого социального статуса благодаря выгодному браку[51]

Последнее предположение кажется вполне вероятным прежде всего потому, что в исландских сагах редко идет речь о чувствах героя. Не любовь, но желание найти достойную по положению и состоянию жену мотивирует поход за невестой в «Саге о Ярлманне и Херманне». Ярлманн дает совет Херманну вступить в брак с женщиной, имеющей могущественных родных, чтобы рожденные ею дети унаследовали богатство и королевство. В «Саге о Кириалаксе» (*Kirialax saga*) отец тоже советует герою вступить в брак с Флоренсией, так как она дочь греческого императора, который уже стар и скоро уступит свое царство зятю. Побратим героя в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом» объявляет отцу своей невесты о желании стать его зятем для того, чтобы увеличить свою славу и богатство. О браке по расчету идет речь и в «Саге о Сигурде Молчаливом»: старший брат героя Хальвдан ищет руки Седентианы, желая поправить свое пошатнувшееся благосостояние. По его словам, он хочет найти жену и утвердить себя с помощью богатства и власти над страной (II, 121). О его намерениях вполне открыто сообщает Седентиане сопровождающий его брат Вильяльм, убеждающий ее согласиться на этот брак, ибо ее власть, отданная Хальвдану, поможет ему добиться преимущества над большинством королей в северных странах (II, 125).

Едва ли может вызвать удивление, что, подобно Седентиане, героини саг ничуть не чувствуют себя польщенными подобными предложениями матримониальных сделок, так как считают себя превосходящими всякого жениха по древности рода, власти, богатству и, наконец, по уму и образованности. Брак означает для них и утрату власти, и унизительную зависимость от мужа. Самоочевидно, что интересы героя, желающего повысить свой социальный статус и благосостояние, и его невесты, стремящейся сохранить всю полноту власти над страной, трудно примирить.

Тот же конфликт, несомненно отражающий реально существовавшую дилемму, служит темой многих континентальных романов, но трактуется в них иначе. Во французских романах нередко изображает-

---

[50] *Glauser J.* Isländische Märchensagas: Studien zur Prosaliteratur im spätmittelalterlichen Island // Beiträge zur nordischen Philologie, 12. 1983. S. 206–207.

[51] *Kalinke M.E.* Bridal-Quest Romance.

ся, как женщина-правительница, отвергающая брак, оказывается легкой добычей какого-нибудь искателя приключений, желающего присвоить ее состояние, и подвергает опасности себя и свою страну. Обычно в этой ситуации на сцене появляется герой, которому представляется возможность спасти и честь дамы, и ее владения. Так, в романе Кретьена де Труа «Ивейн» герой приходит на помощь даме Наризон, неспособной отразить нападение герцога Алиеса; в том же романе приближенные советуют Лодине вступить в новый брак, ибо она и ее подданные нуждаются в защите. В другом романе Кретьена «Персеваль» герой спасает Бланшефлёр, когда Кламадий, которому она отказала, осаждает Бельрепейр.

В скандинавской литературе ситуация, когда героиня оказывается бессильной отвергнуть отвратительного ей жениха и защитить от него свою страну, описывается в одной из ранних версий «Саги о Магусе Ярле» (*Mǫgus saga jarls*) в пряди о Гейрарде, где рассказывается об Элинборг, унаследовавшей после смерти отца (короля Франции) власть над всей страной. После того как она отказывает всем сватавшимся к ней, правитель из Африки по имени Приам нападает на ее страну и угрожает захватить столицу Реймс. Он предлагает Элинборг или вступить с ним в брак и обратиться в веру Тора и Одина, или попытаться собрать войско, на что он дает ей один месяц, после чего угрожает захватить ее королевство, а ее саму отдать своим слугам.

Так не только романы, но и исландские саги свидетельствуют о том, что «особую привлекательность женщине в глазах мужчины часто сообщало социальное положение ее отца или богатство, унаследованное ею от первого брака»[52] Возможно, именно поэтому исландские девы-правительницы изображаются как наиболее желанные невесты — брак с ними был, несомненно, выгоден, потому что, будучи единственными наследницами родового имущества, они целиком передавали его в руки мужа[53] Однако только в исландских сагах героиня стоит перед осознанным выбором: вступить в брак или сохранить власть. И только в исландских сагах героиня решает его в пользу власти и сохранения родового имущества.

Неизвестно, повлияла ли на скандинавскую традицию античная культура, в частности греческие амазонки. Неизвестно также, какая реальность стоит за образами дев-воительниц (судя по археологиче-

---

[52] *Jochens J.M.* Consent in Marriage: Old Norse Law, Life and Literature // Scandinavian Studies, 58. 1986. P. 142–176.

[53] Об утрате прав вступающей в брак женщины на владение унаследованным имуществом пишут многие медиевисты, ср., например: *Duby G.* Medieval Marriage: Two Models from Twelfth-Century France / Trans. Elborg Forster. Baltimore, 1978. P. 101: «при отсутствии родственников мужского пола, способных оспорить ее наследственные права, женщины отдают все свое родовое состояние, когда вступают в брак».

ским данным, оружие в женских погребениях до сих пор не найдено). В пока остающемся единственным исследовании исландских рыцарских саг о девах-воительницах, сделанном Марианн Калинке, предполагается влияние на этот жанр арабских сказок[54]. В качестве параллели исландским девам-правительницам М.Калинке приводит образ принцессы эд-Датмы, весьма сурово обращающейся со своим женихом принцем Бахрамом («Тысяча и одна ночь», ночи 597–598)[55] Подобно германским «щитовым девам», она побеждает в бою многих отважных принцев, отбирая у них коней, оружие и броню и накладывая на их лоб клеймо: «этот человек получил свободу от эд-Датмы». Встретившись на поединке с принцем Бахрамом и поняв, что ее ждет поражение, она прибегает к хитрости — поднимает забрало — и одерживает победу над ослепленным ее красотой принцем. Побежденный принц, как и те женихи, о которых идет речь в исландских сагах, мстит за свое поражение. Он является к принцессе и ее служанкам в обличье старца и предлагает драгоценности и наряды той, которая согласится выйти за него замуж. Не желая, чтобы служанкам досталось что-либо, чего нет у нее, эд-Датма переодевается рабыней, приходит к мнимому торговцу и спрашивает его, согласен ли он взять ее в жены. В ответ он предлагает ничего не подозревающей девушке самые ценные сокровища, а затем овладевает ею.

Даже краткий пересказ арабской сказки дает возможность заметить ее отличия от исландских саг с похожим сюжетом: тот способ, которым невеста одерживает победу над женихом, мотив переодевания невесты, характер мести жениха. Черты сходства этого рассказа и исландских саг не настолько велики, чтобы исключить возможность полигенезиса, тем более что сюжет о строптивой невесте встречается не только в восточном, но и в германском фольклоре.

В собрание сказок, созданное братьями Гримм, включен рассказ («Король Дроздобород») о королевской дочери, которая крайне высокомерна, хотя и необычайно хороша собой, никого не считает достойным своей руки и не только отказывает всем женихам, но наделяет их насмешливыми прозвищами и осыпает злыми словечками. Эту строптивую невесту укрощает осмеянный ею жених, являющийся к ней в обличье нищего музыканта и заставляющий ее саму тоже испытать унижения и оскорбления. Сходный сюжет об «укрощении строптивой» используется также в норвежской сказке о Хаконе Бородаче (*Håkon Borkenskjegg*), включенной в собрание Асбьёрнсена и Му (как и в исландских сагах о девах-правительницах, здесь тоже появляется

[54] *Kalinke M.E.* Bridal-Quest Romance. P. 105–108.
[55] Ibid. P. 105.

мотив женской алчности: герой одерживает победу с помощью золотого веретена).

Можно предположить, что образы дев-правительниц, встречающиеся преимущественно в германской традиции, восходят к фольклорному архетипу, причем особенное развитие этот фольклорный архетип получает в исландских рыцарских сагах. Знаменательно, что рассказы о девах-воительницах чаще всего встречаются в сагах, где большую роль играет вымысел, сказочная фантастика, а потому, прежде чем соглашаться с предложенными гипотезами влияния, следует попытаться выяснить возможные источники внутри самой древнегерманской традиции.

Одно из ранних упоминаний о деве-воительнице мы находим в «Беовульфе» (1931b–1962), где речь идет о Трюд, «на чье лицо / заглядеться не осмеливался / ни единый / из лучших воителей, / кроме конунга, / ибо каждый знал: / страшной каре / повинный подвергнется, / смертным узам, / и меч, не мешкая, / огласит над злосчастным / приговор Судьбы — / и без жалости / смертоносное лезвие / сокрушало жизнь»[56] (пер. В.Тихомирова). Трюд смирилась после того, как ее укротил Оффа, полюбивший и взявший ее в жены. Рядом с именем Трюд в рукописи стоит слово *mod* — «гордость», возможно, ее звали Модтрюд, т.е. Трюд Гордая, Надменная. Синонимичными прозвищами наделяются также и другие девы-воительницы. Считается, что предание об Оффе и Трюд возникло еще до захвата Британии англами и саксами (V в.). Не исключено, следовательно, что Трюд (или Модтрюд) — одна из первых германских дев-воительниц, известных нам по имени.

Образы дев-воительниц встречаются и в мифологии Скандинавии. Напомним историю богини Скади, о которой рассказывает Снорри в «Младшей Эдде». Когда умирает ее отец Тьяци, Скади берет шлем, кольчугу, оружие и отправляется в Асгард мстить за своего отца. Ее брак с Ньёрдом не удается, так как он настаивает на том, чтобы жить у моря, а Скади не желает покидать владения своего отца в горах (Трюмхейм). Хотя Снорри не называет Скади «девой-правительницей» (*meykongr*), она, скорее всего, именно ею и является и в качестве владелицы наследной вотчины отца, и в качестве исполнительницы долга родовой мести.

Несмотря на неудачный брак, у Скади и Ньёрда рождается сын Фрейр. О его любви к Герд рассказывается в одной из песней «Старшей Эдды» — «Поездка Скирнира». Полюбившуюся Фрейру девушку

---

[56] Перевод В.Г.Тихомирова цит. по: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975 (БВЛ). С. 121.

не зря назвали «типичной гордой и своевольной дочерью исландского хёвдинга, не желающей подчиняться жениху»[57] Она напоминает исландских дев-воительниц и своей красотой (Фрейр говорит о ней: «Близ дома Гюмира / мне довелось / желанную видеть; / от рук ее свет / исходил, озаряя / свод неба и воды», 6, пер. А.Корсуна), и своим поведением по отношению к жениху. Она категорически отвергает все предлагаемые ей сокровища: кольцо Драупнир и молодильные яблоки («Одиннадцать яблок / в обмен на любовь / никогда не возьму я, / Фрейр никогда / назваться не сможет / мужем моим», 20, пер. А.Корсуна[58]), а когда посланец Фрейра Скирнир грозит отрубить ей мечом голову, отвечает, что не стерпит угроз и все равно не ответит согласием (24). Покориться ее вынуждает лишь заклятие, налагаемое Скирниром.

Предполагается, что «Поездка Скирнира» — культовая языческая песнь, исполняемая во время весеннего праздника соединения земли и солнца, а включенное в нее заклятие основано на заклинаниях, бытовавших в устной традиции в языческие времена. Вполне возможно, что изолированные женские образы: Герд, Скади, Трюд, встречающиеся в германском эпосе и основанных на нем памятниках, преемственно связаны с образами исландских дев-воительниц, происхождение которых следует искать в германской и особенно в скандинавской мифологии, как она отражена в «Старшей» и «Младшей Эдде» и в «Беовульфе».

К девам-воительницам типологически близки валькирии (*valkyrjar*) и «щитовые девы» (*skjaldmeyjar*), о которых нередко говорится в древнегерманских памятниках. В «Старшей Эдде» валькириями называются героини Сигрун (в песнях о Хельги Убийце Хундинга) и Брюнхильд (в песнях цикла о Сигурде Фафниробойце). В сагах о древних временах, например в «Саге о Вёлсунгах», основанной на том же материале, Брюнхильд именуется уже не валькирией, а «щитовой девой». Говоря о «Саге о Тидреке», Брюнхильд называли «первой скандинавской девой-правительницей (*meykongr*) [...] северной германской героиней, которая должна была отдаться Сигурду, прежде чем смогла разделить ложе с Гуннаром»[59] В «Песни о Нибелунгах» (ок. 1200 г.) Брюнхильд, напоминающая, а вернее, предвосхищающая скандинавских дев-воительниц, симптоматично называется прави-

---

[57] «En typisk stolt och viljestark isländsk hövdingadotter, ovillig att låta sig domineras av friaren» — Lönnroth L. Skírnismál och den fornisländska äktenskapsnormen // Opuscula Septentrionalia: Festschrift til Ole Widding, 10.10.1977 / Bend Chr. Jacobsen et al. København, 1977. S. 162.

[58] Пер. А.Корсуна цит. по: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975 (БВЛ).

[59] *Amory F.* Things Greek and the Riddarasögur. P. 517.

тельницей (*küneginne*) Исландии. Она обладает необыкновенной мощью, несравненной красотой (*diu was unmâzen scœne*) и огромной гордостью (*übermuot*, с. 326); всех женихов она заставляет помериться с ней силой и грозит смертью любому, кто проиграет в этих состязаниях (327.4). Нигде, кроме «Песни о Нибелунгах», образ девы-воительницы в средневековой немецкой литературе не встречается, если не считать отдаленной параллели в более позднем романе «Танрис и Флордибель» (сер. XIII в.), в котором героиня заставляет короля Артура обещать ей казнить всякого, кто захочет завоевать ее любовь, но потом прилагает немалые усилия, чтобы обойти это обещание.

В сагах об исландцах мы не находим этого образа героинь, но можно условно сказать, что к нему восходит Гудрун из «Саги о людях из Лососьей долины» или Халльгерд в «Саге о Ньяле». В королевских сагах, а именно в «Саге об Олаве, сыне Трюггви» (гл. 43), включенной в «Круг Земной», рассказывается история о Сигрид, матери конунга Олава Шведского и владелице больших поместий в Швеции. Сигрид приглашает на пир конунга Вестфольда Харальда Гренландца, с которым когда-то воспитывалась, и оказывает ему дружеский прием. Конунга усердно угощают, а когда он ложится спать, Сигрид приходит к нему, наполняет его кубок и настойчиво склоняет его к тому, чтобы он выпил. Наутро пир возобновляется, Сигрид опять вступает с конунгом в беседу и говорит, «что не считает свои владения и свою власть в Швеции меньшими, чем его власть и владения в Норвегии. От этих речей конунг стал невесел и молчалив. Он собрался уезжать и был очень расстроен» (пер. М.И.Стеблин-Каменского)[60] Спустя год Харальд вновь приезжает в Швецию, встречается с Сигрид и спрашивает, пойдет ли она за него замуж. Сигрид отвечает ему отказом, тогда он является к ней в усадьбу, причем одновременно с другим конунгом по имени Виссавальд (Всеволод) из Гардарики (Русь), который тоже сватается к ней. Сигрид поит их хмельным напитком, а когда видит, что они и их дружинники мертвецки пьяны, приказывает расправиться с ними огнем и мечом. После того как все либо сгорели, либо были убиты, Сигрид замечает, что «так она хочет отучить мелких конунгов от того, чтобы приезжать из других стран свататься к ней. С тех пор ее стали звать Сигрид Гордая (*in stórráða*)» (пер. М.И.Стеблин-Каменского).

Мотив пира, героиня, укладывающая жениха в постель и допьяна поящая его, унижение жениха, категорический отказ «невесты» от брака, наконец, расправа с обоими женихами, после которой героиня приобретает свое характерное прозвище, — все это традиционно вплетается в сюжетную ткань саг о девах-воительницах. Рассказ Снорри

[60] Пер. М.И.Стеблин-Каменского «Саги об Олаве сыне Трюггви» цит. по: *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. Гл. 43.

(1178/79–1241) о Сигрид, во многом напоминающий истории о девах-воительницах, очевидно, предшествует их распространению в Исландии. О Сигрид говорится и в других скандинавских источниках: в древнейшей версии «Саги об Олаве Святом» (конец XII в.), а также в «Легендарной саге об Олаве Святом» (начало XIII в.), т.е. тоже до возникновения интересующей нас жанровой разновидности саг.

Едва ли не первое сохранившееся в скандинавской традиции упоминание о деве-правительнице мы находим у Саксона Грамматика в «Деяниях данов» (после 1200, но до 1219 г.), который описывает, в частности, их характер: «Некогда в Дании были женщины, которые одевались так, чтобы выглядеть как мужчины, и каждую минуту посвящали упражнениям в воинских занятиях, они не хотели утратить силы своих доблестных мышц и предаться изнеживающей роскоши. Ненавидя изысканный образ жизни, они закаляли тело и ум трудом и выносливостью, а женский дух приучали к присущей мужам безжалостности. Они столь рьяно заботились о воинской доблести, что можно было думать, что они утратили все свойственное женскому полу. Особенно стремились к такому образу жизни те, кто обладал сильным характером или высоким и крепким телом. И забыв о том, кто они такие, предпочитали жесткость нежности, желали распрей, а не поцелуев, изведали вкус не губ, но крови, искали не объятий, но битв, вложили оружие в те руки, что должны были прясть, жаждали не постели, но убийства, и тех, кого они могли бы победить своей красотой, они пронзали копьями»[61].

Это описание дается в «Деяниях данов» в связи с рассказом об Альфхильд, которая надевает мужской наряд и начинает вести воинственный образ жизни, чтобы избежать ненавистного ей брака. Подобно другим девам-правительницам, Альфхильд все-таки выходит замуж. Ее дочь Гюрид оказывается последним отпрыском королевского рода («все войны и тяжелые события так истощили датскую королевскую семью, что наконец мужи осознали, что она сократилась до одной женщины, Гюрид, дочери Альва и внучки Сигара»[62]). Когда Гюрид понимает, что «весь королевский род состоит только из нее одной и нет ни одного мужчины равного ей, с которым она могла бы вступить в брак, она по своему желанию дает обет безбрачия, считая предпочтительным обойтись без мужа, чем выбрать кого-то из сброда»[63]. Как и ее мать Альфхильд, Гюрид оказывается способной стойко

[61] Saxonis Gesta Danorum / Primum a C.Knabe et Paul Herrmann recensita; Recognoverunt et ed. Jorgen Olrik, H.Ræder. I. Hauniæ, 1931. 7:6.

[62] Ibid. 7:200.

[63] Ibid. 7:202.

сражаться, когда, надев мужскую одежду, выходит на бой вместе со своим сыном.

Гюрид и Альфхильд — не единственные девы-правительницы, о которых повествуется в «Деяниях данов». Подобно им, Ладгерда, единственная дочь погибшего короля, надевает мужскую одежду и берет в руки оружие, чтобы защитить себя. Она становится «искусной женщиной-воином, у которой дух мужа живет в теле девы; с развевающимися по плечам кудрями она идет в бой впереди самых отважных воинов». Ее воинской доблести отдает должное Регнер (Рагнар Кожаные Штаны), для которого она в одиночку побеждает всех его противников. Посватавшись к ней, Регнер сталкивается с ее непреодолимым отвращением к браку и получает отказ за отказом, пока в конце концов не добивается ее руки. Рождение сына Фридлейва, который становится ярлом Норвегии и Оркнейских островов, не спасает их от развода. Своего следующего мужа Ладгерда убивает во сне, так как «предпочитает одна править своей страной, чем делить власть с мужем»[64]

Такой же жестокой и высокомерной оказывается другая героиня Саксона Грамматика, королева скоттов Герминтруда. Она не желает вступать в брак, и ни одному ее жениху (до Амлета) не удается избежать смерти (книга IV). Тем не менее ее образ не вполне соответствует тому, который складывается в исландских рыцарских сагах, ибо, встретив Амлета, она сама обращается к нему, предлагая себя в жены. Герминтруда говорит ему, что могла бы называться королем (*rex*), если бы не была женщиной, и добавляет, что тот, с кем она решит взойти на ложе, станет королем, ибо царский скипетр лежит в ее руке. Заметим, что уже здесь намечено различие между королем и королевой, возможно до некоторой степени мотивирующее нежелание исландских дев-правительниц нарушать обет безбрачия.

Еще менее напоминает образ исландской «щитовой девы» героиня Эдинбург из средневекового французского лэ под названием «Доун» (*Doon / Doun*), которое становится известным в Скандинавии благодаря собранию «Стренглейкар». Богатство героини делает ее столь заносчивой, что она отвергает всех женихов. Подобно Брюнхильд в германской традиции, она готова вступить в брак с тем, кто окажется ей равным по силе и сноровке. Однако для выдержавшего испытания она стелет постель, в которой тот осужден погибнуть от удушья. Доун решает отомстить за свое унижение и покидает Эдинбург после трех дней, проведенных с нею. У Эдинбург рождается сын, который, став взрослым, встречается с отцом и вступает с ним в поединок. Почти

[64] Ibid. 9:254.

побежденный, Доун узнает, что был ранен собственным сыном, и открывает ему, что покинул его мать из-за ее высокомерия и неуживчивого нрава, после чего они оба возвращаются к ней.

Образ героя, мстящего деве-воительнице тем, что покидает ее, встречается и в сагах о древних временах. В «Пряди о Хельги», составляющей часть «Саги о Хрольве Жердинке», этот мотив включен уже не в рыцарский (как в «Песни о Доуне» или в тех сагах, о которых уже шла речь), но в мифо-героический контекст. В отличие от рыцарских саг, для которых характерно вполне счастливое завершение (героиня, исчерпав всю свою силу и уловки, дает наконец согласие на брак), в сагах о древних временах и других героико-мифологических источниках та же ситуация получает трагическую развязку. В «Пряди о Хельги» герой отвергает Алов, когда она соглашается принять его в качестве мужа. Его отказ становится причиной трагического инцеста с собственной дочерью Ирсой, о чем ему впоследствии сообщает ее мать Алов. История этого инцеста известна по нескольким источникам: «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона (где рассказывается, как конунг Хельги похитил жену конунга Адильса Ирсу, но через три года, уже заимев от нее сына Хрольва Жердинку, узнал от ее матери Алов, что женат на собственной дочери), «Деяниях данов» Саксона Грамматика (где речь идет о мести Торы, ставшей жертвой насилия викинга Хельги, которая посылает свою дочь Ирсу соблазнить собственного отца) и латинскому изложению 1596 г. Арнгримом Йоунссоном не дошедшей до нас полностью «Саги о Скьёльдунгах» (XII в.).

Пересказ Арнгрима ближе всего к версии «Саги о Хрольве Жердинке», так как в нем появляется образ королевы Олавы, правящей вместе со своим мужем страной саксов, которая сначала поит вином домогающегося ее викинга Хельги, а затем, когда тот засыпает, заставляет своих людей обрить его, вымазать в дегте и отнести на корабль. Через год Хельги мстит ей за свое унижение. Он похищает ее, уводит в лес и не отпускает ее трое суток. У Олавы рождается от него дочь Ирса, которой впоследствии суждено стать женой собственного отца.

Эта история, пересказанная из «Саги о Скьёльдунгах», трансформируется в «Саге о Хрольве Жердинке», тоже, скорее всего, основанной на той же несохранившейся «Саге о Скьёльдунгах», в типичную сагу о деве-правительнице. Во-первых, ее героиня уже не королева, которую в отсутствие мужа пытается соблазнить похотливый викинг, но дева-воительница, не желающая слышать о браке, будучи, однако, лучшей невестой во всех северных странах. Во-вторых, герой отнюдь не хочет нанести урон ее чести, а напротив, прибывает в страну саксов, чтобы предложить ей вступить с ним в брак. Поведение героини тоже характерно для исландских саг этого жанра: она сначала отвер-

гает его, затем как будто бы соглашается провести с ним ночь, поит его допьяна, укалывает сонным шипом, обривает его, мажет дегтем и приказывает засунуть в мешок и отнести на корабль.

Дальнейшее поведение героя полностью соответствует жанру саг о девах-воительницах. Он возвращается отомстить за себя, а для этого переодевается, приносит с собой сокровище и, пользуясь алчностью героини, заманивает ее в лес, после чего она признает себя побежденной и соглашается вступить с ним в брак. Все перечисленные мотивы характерны для исландских рыцарских саг. Далее, однако, повествование переносится из мира рыцарского романа в мир героического эпоса, где трагическая развязка предрешена. Помня о своем прошлом унижении, Хельги отвергает невесту. Месть Алов, обрекающей собственную дочь стать жертвой инцеста, так же ужасна, как месть другой героини германского эпоса — Брюнхильд.

Трудно судить, свидетельствует ли пример «Саги о Хрольве Жердинке» о том, что рыцарские саги могли оказывать влияние на саги о древних временах, или, напротив, косвенно указывает на происхождение характерных для рыцарских саг образов и мотивов из героического эпоса, опосредованного сагами о древних временах. Последнее подтверждается, во-первых, тем, что несохранившаяся «Сага о Скьёльдунгах», к которой восходит и прядь о Хельги из «Саги о Хрольве», предшествует распространению исландских рыцарских саг, и, во-вторых, примером других саг о древних временах. Напомним, например, о «Саге о Хрольве, сыне Гаутрека», о которой уже шла речь в связи с образом Торбьёрг, соединяющей черты германской «щитовой девы» и девы-правительницы, а также о «Саге о Хервёр и конунге Хейдреке» (*Hervarar saga ok Heiðreks konungs*, гл. 4, 5), где рассказывается о деве-воительнице по имени Хервёр, единственной дочери Ангантюра, который погибает до ее рождения.

Хервёр описывается в саге как типично германская «щитовая дева»: с самого раннего возраста она лучше владеет луком со стрелами, копьем и мечом, чем иголкой с ниткой. Не зная о том, кто ее отец, она воспитывается у своего деда, ярла Бьяртмара из Альдейгьюборга (Старая Ладога). Став взрослой, Хервёр (в полном вооружении и в мужской одежде) сначала убивает и грабит людей, а потом, узнав о судьбе своего отца, присваивает себе мужское имя (Хервард), присоединяется к отряду викингов и становится его вожаком. Отправляясь на поиски могилы отца, она говорит матери: «Снаряди меня так, как снарядила бы сына»[65] Прибыв на остров Самсей, где похоронен ее отец Ангантюр, она на закате отправляется к его кургану, преодолева-

[65] Hervarar saga ok Heiðreks / G.Turville-Petre. London, 1956 (Viking Society for Northern Research. Text Series, 2). Ch. 4, 5.

ет огненную преграду и вступает с ним в диалог, переложенный в поэме «Пробуждение Ангантюра». Она требует от отца принадлежавший ему при жизни меч Тюрфинг и, несмотря на его гнев, грозные пророчества и предупреждение о том, что «ни одна женщина в мире не смеет взять его в руки», добивается своего. Получив меч, Хервёр возвращается в мир живых и продолжает некоторое время вести образ жизни, подобающий мужчине-воину, однако затем выходит замуж, у нее рождаются двое сыновей, один из которых (Хейдрек) и есть главный герой саги.

Поведению героини можно дать самые различные объяснения, в том числе психоаналитические. Несомненно, что главным мотивом ее действий является стремление завладеть мечом, составляющим достояние ее рода и передаваемым по наследству по мужской линии (Ангантюр унаследовал его от своего отца Арнгрима). Так как Хервёр оказывается единственным отпрыском героического отцовского рода, ей приходится взять на себя функции сына[66]. Когда Ангантюр вручает ей меч, он наделяет ее всеми достоинствами, «силой и отвагой» (*afl ok eljun*), свойственными сыновьям Арнгрима. Пока у нее не рождается свой сын, потомок героического рода ее отца, которому она может передать меч, она продолжает быть «потомком Арнгрима» сама.

Вполне возможно, что представления о девах-воительницах коренятся в социальной реальности, в которой в определенных обстоятельствах женщины были вынуждены не столько по собственному выбору, сколько под давлением обстоятельств брать на себя функции мужчин: они исполняли долг мести, вступали в права наследства, платили *wergild*. Их отвращение к браку, очевидно, объясняется желанием сохранить неограниченную власть над своей страной, унаследованную от отцов и представляющую достояние рода.

* * *

Итак, жанр рыцарской саги, появившийся в Скандинавии под влиянием континентальных романов, на всех этапах эволюции испытывает воздействие исконной литературной традиции. Нельзя не заметить, что по мере развития жанра рыцарские саги все дальше отходят от послуживших толчком к их появлению континентальных романов. Переводные норвежские саги испытывают воздействие куртуазной литературы в несравненно большей степени, чем исландские саги, рожденные в стране, где ни придворной среды, ни самого двора никогда не существовало.

---

[66] *Clover C.J.* Maiden warriors and other sons // Journal of English and Germanic Philology. 1986. Vol. 85. № 1. P. 35–49.

Для того чтобы попытаться определить степень этого влияния на исландские рыцарские саги, кратко суммируем их нарративную структуру. Давно замечено, что в основе почти всех исландских рыцарских саг лежит четырехчастная структура: юность героя — мотивация поиска и отъезд героя — цикл приключений и конфликт — возвращение героя и свадьба. Согласно наиболее распространенной схеме, протагонист знатного рода, побуждаемый своими советниками или друзьями к вступлению в брак, отправляет посла за невестой (реже герой едет сам, но переодевшись и скрыв свое имя). В первый раз сватовство обычно оказывается неудачным (препятствием к достижению цели может быть нежелание отца, самой невесты или существование соперника; эти препятствия преодолеваются силой оружия, убеждения, приворотными средствами и т.д.), тогда требуется второе и третье посольство (при этом король или его посол является в обличье нищего, купца, изгнанника, паломника и т.д. и оставляет в засаде вооруженный отряд, который впоследствии помогает ему в достижении цели). Прибыв к чужеземному двору, жених или его посол тайно встречается с невестой, после чего следует или насильственное похищение невесты, или ее тайное бегство с возлюбленным, или их свадебное путешествие. Возможно также двойное бракосочетание: героя — с невестой, посла — с подругой или доверенным лицом героини.

Нельзя не заметить, что описанная выше структура в общих чертах совпадает с той универсальной морфологической схемой историй о поисках невесты, которая была распространена в Северной и Западной Европе в конце XII — начале XIII в., когда французские романы проникли в Германию, а германские героические сказания — в Скандинавию. Возможно, имела место традиционная литературная диффузия, которой способствовало устное проникновение в исландскую культуру мотивов и моделей из немецкого эпоса миннезингеров, заимствованных, в свою очередь, из французской литературы. Хотя известно, что в истории европейского романа преобладает заимствование, возможен и компромисс между инокультурной и исконной традициями, попытки примирить недавние заимствования с собственно скандинавскими сказаниями. В результате в Исландии появились сочинения, поразительно традиционные в использовании персонажей и легендарных мотивов и столь же инновационные в развитии популярного сюжета о поисках невесты. Скорее всего, в исландских рыцарских сагах произошла амальгамация исконных мотивов именно с этой повествовательной структурой.

От традиционно скандинавской нарративной структуры унаследована рыцарскими сагами и биография героя, нередко не подающего надежд (*kolbítr*), и рассказ о его рождении и юности, и повествование

о его потомках. Что же касается истории рода (рассказ о сватовстве родителей героя, предшествующем его собственному), то она традиционно присутствует, с одной стороны, и в сагах о древних временах (ср. сватовство в нескольких поколениях в «Саге о Вёлсунгах», «Саге о Хрольве, сыне Гаутрека», «Саге о Торстейне, сыне викинга»), а с другой — в континентальных романах (ср. «Тристан и Изольда», «Кличжес» Кретьена, «Парцифаль» Вольфрама, «Кудруна»).

К числу исконных мотивов, характерных для исландских рыцарских саг, относятся также: мотив кровной мести или похода, предпринятого ради отмщения, неразумный (имеющий фатальные последствия) обет на пиру, волшебная буря на море, описание морских походов, нередко по всей Северной Европе (Скандинавия, Русь, Ирландия, Британия), изображение битвы (иногда как простой заполнитель), перебранка, убийство великана (или великанши), сидение на кургане, перемена обличья, добывание особенного (или волшебного) оружия. Некоторые из этих мотивов, например морское плавание, буря, битва и т.д., используются и в континентальных романах.

Встречается в исконных сагах и образ героя, не прилагающего должных усилий, чтобы добиться любимой им женщины, и образ соперника — антагониста героя. Мотив любовного треугольника появляется не только в «Тристане», но и во многих рыцарских сагах и в сагах об исландцах: если Тристану суждено обмануть ожидания своего дяди, то в «Саге о Тидреке» сходным образом ведет себя Хербурт, уводя от Тидрека Хильдр. Напомним, что в основе саг о скальдах («Саге о Кормаке», «Саге о Гуннлауге», «Саге о Халльфреде», «Саге о Бьёрне, Герое из Хитдаля») тоже лежит соперничество героев из-за женщины. Одно из отражений этого мотива можно увидеть в предопределенном судьбой соперничестве между Хельги и его сводным братом Хедином из-за Свавы.

Иногда соперником героя становится его близкий друг, родственник или посланец, в некоторых случаях принимающий на себя роль жениха (подобно Тристану, который внушает невесте чувство к самому себе, поступает и Хербурт в «Саге о Тидреке»). Встречается роль нечестного посла и в германском эпосе (Сигурд, посланный Гуннаром, берет на себя роль жениха), и в сагах об исландцах (Торд в «Саге о Бьёрне, Герое из Хитдаля»). Напряженность в эпической песни (или в восходящей к ней саге о древних временах) может создаваться сомнением в том, верен посол или нет (Сигурд и Брюнхильд).

Самая тема поисков невесты отнюдь не нова в исландской литературе, как о том свидетельствуют и эддическая «Поездка Скирнира», и пересказ Снорри Стурлусоном того же сюжета о Скирнире, отправляющемся за невестой для Фрейра.

Трудно с уверенностью утверждать, к какому именно источнику восходят сюжеты исландских рыцарских саг — к исконной мифологии или к заимствованным романам. Но можно заметить, что образы персонажей, сходные с теми, что получают распространение в рыцарских сагах, встречаются и в исконной мифологической и литературной традиции: это и дева-воительница, подобная Брюнхильд, и герой, как Гуннлауг или Кормак, не прилагающий усилий, чтобы добиться своей невесты, и похожий на Скирнира и на Локи герой-трикстер, хитростью завоевывающий свою отвергающую брак невесту.

Напротив, в отличие от позднесредневековой континентальной литературы, в исландских рыцарских сагах сюжеты артуровских романов не получили продолжения, хотя, судя по частотности «артуровских» мотивов, встречающихся в собственно исландских сагах, и по числу переведенных текстов о короле Артуре (помимо норвежской «Саги о Тристраме и Исёнд» и исландской «Саги о Тристраме и Исодд», ср. также «Сагу об Ивене», «Сагу об Эреке» и т.д.), можно понять, что они были превосходно освоены и во всех подробностях известны в Исландии. Из переводных саг артуровского цикла могли заимствоваться мотивы, имена, характеры, топика (например, эпизод с благодарным львом из «Саги об Ивене» воспроизводится изолированно или в сочетании с мотивом драконоборчества в нескольких исландских рыцарских сагах, в частности в «Саге об Экторе», «Саге о Конраде, королевском сыне», «Саге о Вильяме Кошеле», «Саге о Сигурде Молчаливом»)[67], однако сюжет самого популярного в средневековой литературе романа о Тристане и Изольде остается невостребованным в исландских рыцарских сагах. Ситуации, заставляющие вспомнить о любовном треугольнике в романе о Тристане и Изольде, в исландской литературе изображаются иначе: любящие всегда остаются верными своему долгу; мотив супружеской измены нигде не встречается. В отличие от континентальных романов, в рыцарских сагах, герои которых ради дружбы и родства отрекаются от любящих и любимых ими женщин, узы побратимства, не говоря уже о братстве по крови, оказываются несравненно сильнее, чем узы любви.

Саги, сюжет которых мотивируется родственными узами, очевидно, восходят к фольклорной традиции, так же как и саги о пассивных героях и саги о девах-воительницах. Из трех упомянутых групп ис-

[67] Принадлежащее Финнуру Йоунссону сравнение исландских рыцарских саг (с их воспроизводимым набором мотивов и ситуаций) с калейдоскопом, в котором новые картины образуются в результате перестановки одних и тех же частей (*Finnur Jónsson.* Den oldnorske og oldislandske Litteraturs Historie. København, 1924. Bd. 3. S. 98), очевидно, не вполне справедливо, так как следует помнить о том, что творческие усилия авторов были направлены не на создание оригинального произведения, но на возможно более полную ассимиляцию иностранного материала.

ландских рыцарских саг рассказы о девах-правительницах наиболее близки к исконной древнескандинавской мифологической и литературной традиции. Следует заметить, что образы дев-воительниц, вероятно восходящие к фольклорному архетипу и встречающиеся не только в германской, но и в романской, кельтской, славянской традициях, несколько отличаются от героинь исландских рыцарских саг, где, как можно предположить, тот же фольклорный архетип получает особенное развитие. Исландские девы-воительницы гонят не только тех, кто к ним сватается, но и самую мысль о браке, а потому подвергают всех без исключения женихов разнообразным оскорблениям и истязаниям. Скорее всего, образы героинь в рыцарских сагах о девах-воительницах восходят к той же древнегерманской традиции, что и «щитовые девы» из саг о древних временах, валькирии, подобные Сваве и Сигрун, в песнях «Старшей Эдды» и скандинавские королевы, описанные Саксоном Грамматиком.

Появление рыцарских саг в Исландии, сохранение в огромном количестве рукописей, публикация в популярных изданиях в XIX и XX вв.[68] говорят об устойчивости и жизнеспособности нового жанра в не меньшей степени, чем число основанных на их сюжетах рифмованных эпических поэм — рим[69] С возникновением рим прозаические

---

[68] В конце XX в. рыцарские саги, несомненно, все еще воспринимались исландцами как источник развлечения. В 1968 г. в воскресном приложении к исландской газете «Время» был опубликован текст «Саги о Сигурде Ноге» («*Sigurðar saga fóts*»). О необыкновенной популярности этой традиции, просуществовавшей в течение семи веков, свидетельствует число созданных за это время рукописей, которое (если учитывать малую населенность страны) не имеет параллелей в истории мировой литературы (более 90 отдельных текстов и фрагментов сохранилось приблизительно в 800 рукописях).

[69] На сюжетах рыцарских саг строятся уже упоминавшиеся «Римы о Хринге и Трюгтви», основанные на не дошедшей до нас саге, «Римы о Дамусти», «Римы о Блавусе и Викторе», «Римы о Салусе и Никаноре», «Римы о Сигурде Ноге», «Римы о Филиппе», римы на сюжет «Саги о Магусе», несколько циклов рим, основанных на «Саге о Карле Великом», «Римы о плаще» на сюжет «Саги о плохо скроенном плаще», «Римы о Конраде» на сюжет «Саги о Конраде, королевском сыне», «Римы о Динусе Заносчивом», «Римы о Харальде Убийце Хринга», основанные на несохранившейся саге, «Римы о Вильмунде Чужом», «Римы о Понтусе», основанные на немецкой народной книге «Понтус и Сидония», «Римы об Амисе и Амилии». Между XVI и XIX вв. на сюжет «Саги о Бэринге» было сочинено шесть циклов рим, не считая «Висы о Бэринге», сочиненной на Фарерских островах в XIX в. Кроме того, к рыцарским сагам восходят также сюжеты неопубликованных рим: «Рим об Экторе», «Рим о Рейнальде и Розе», основанных на не дошедшей до нас саге, «Рим о Сигурде Молчаливом», «Рим о Ярлманне», «Рим о Роланте», основанных на «Саге о Карле Великом», «Рим о Вальдимаре Смелом», «Рим о Мирмане», «Рим об Оддгейре Датском», «Рим о Йоуне Игреце». Для сравнения заметим, что рим, сочиненных на сказочные сюжеты, всего шесть и они сходны по стилистике и содержанию с римами, строящимися вокруг рыцарских саг. На

сюжеты рыцарских романов вновь получили стихотворное воплощение, столь существенное для трансформации безличной саговой традиции в авторскую поэзию рим.

Создание жанра рифмованных эпических поэм и его необычайная распространенность, вероятно, обусловлены несколькими факторами. Прежде всего, их генезис связан с возникновением потребности в создании поэтического жанра, который соответствовал бы повествовательной организации саг, рассказывавших связные истории, а не представлявших последовательность отдельных кратких зарисовок. Поэтическая реформа была не в последнюю очередь продиктована и тем, что, как уже говорилось, в Скандинавии в XIII в. стали переводиться стихотворные французские романы, обреченные быть прозаическими до тех пор, пока в скандинавской литературе отсутствовали способы изложения сюжетов пространных нарративных произведений в поэтической форме. Поиски адекватного аналога английским метрическим романам, немецким рифмованным поэмам, французским *chansons de geste* привели к рождению *knittelvers* в Швеции и рим в Исландии. С возникновением рим не только был создан жанр развлекательной литературы, но и была продолжена традиция повествовательной поэзии. О том, что римы с успехом исполняли все возложенные на них функции, свидетельствует тот неослабевающий интерес, который они вызывали на протяжении пяти веков.

Редкостной устойчивостью этого жанра (количество рим, сочиненных в XVII, XVIII, XIX вв., огромно; приблизительно треть рим, созданных после XVI в., не опубликована) мы, вероятно, обязаны, в частности, тому, что римы успешно ассимилировали новые европейские сюжеты. Благодаря римам, процветавшим в Исландии и в XX в. (последний из опубликованных текстов написан в 1965 г.), сюжеты рыцарских романов остались популярными в Исландии до наших дней. Так рецепция жанра рыцарского романа, его трансформация и включение в иную систему поэтики способствовали тому, что из всех европейских стран Скандинавия оказалась наиболее благоприятной для сохранения сюжетов рыцарских романов, где им была суждена долгая жизнь.

королевские саги опираются только четыре ранние римы. Вокруг сюжетов саг об исландцах строятся шесть рим. Кроме того, несколько неопубликованных рим основаны на *exempla*, а две римы имеют оригинальный сюжет.

ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИЕ ИТИНЕРАРИИ В РИМ, КОНСТАНТИНОПОЛЬ И СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ *

В эпоху викингов скандинавы вступили в многочисленные и разнообразные контакты со странами христианского мира и быстро познакомились с новой религией. Уже от IX–X вв. доходят свидетельства о принятии некоторыми викингами христианства во время набегов на Англию и Францию, что, впрочем, не мешало им по прибытии домой возвращаться к религии предков. Для поддержания политических союзов совершают обряд крещения областные правители Дании (первым из них был Харальд Клак, крестившийся в 826 г. со своей семьей и 400 дружинниками при дворе Людовика Благочестивого, чья помощь была необходима Харальду в борьбе за владение Хедебю). Принятие христианства было непременным условием разрешения тому или иному отряду викингов поселиться в стране: оно специально оговорено в дошедшем до нас тексте договора уэссекского короля Альфреда Великого с предводителем викингов Гутрумом (договор был заключен в Ведморе в 878 г.) и, видимо, было включено в несохранившийся договор французского короля Карла Простоватого с Роллоном (Хрольвом) 911 г. Наконец, нередко викинги, достаточно близко познакомившиеся с христианской обрядностью, использовали ее как военную уловку (например, при взятии Луны отрядом Хастингса викингам удалось войти в город под предлогом похорон своего вождя).

Официальное принятие христианства в Скандинавии в конце X — начале XI в. не только углубило и расширило уже существовавшие связи с христианской церковью, но и ввело их в новый культурный и политический контекст. Одним из элементов этих новых культурно-политических связей стали паломничества[1].

---

* Вступительные статьи, публикация текстов, переводы с древнеисландского и латинского, примечания Е.А.Мельниковой (Москва).

[1] *Riant P.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves aux temps des Croisades. Paris, 1865; *Maurer K.* Islands und Norwegens Verkehr mit dem Süden vom IX. bis XIII. Jahrhunderte // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1870. Bd. 2. S. 440–468; *Oehlmann E.* Die Romfahrten der Isländer // Die Alpenpässe im Mittelalter // Jahrbuch für schweizerische Geschichte. 1878. Bd. III. S. 165–289; 1879. Bd. IV. S. 163–324; *Paasche F.* Über Rom und das Nachleben der Antike im norwegischen und isländischen Schrifttum des Hochmittelalters // Symbo-

© Е.А.Мельникова, 2001

С одной стороны, скандинавские конунги начали искать поддержку не только местной церкви и ее прямого сюзерена — Гамбургско-Бременского архиепископства, но и верховной власти в Риме. Возможности использования папского престола в политических целях (междоусобной борьбе, борьбе за обособление от Гамбурга[2] и др.) были впервые опробованы уже в начале XI в., когда правитель Дании, Англии и части Норвегии Кнут Великий в 1027 г. совершил паломничество в Рим, благодаря чему получил от папы ряд привилегий для датской и английской церкви. Посещение Рима ввело его в ряд наиболее авторитетных правителей европейских стран и значительно укрепило его престиж внутри империи. Попытки Кнута к отделению скандинавской церкви от Гамбурга были успешно завершены во время поездки в Рим датского короля Эрика Доброго в 1103 г., после чего была создана новая архиепископия с центром в Лунде, распространившая свою власть на всю Скандинавию. В обоих случаях доминирование политических целей было несомненно, но они сопрягались и с религиозными: Эрик основал странноприимный дом к югу от Пьяченцы и внес большие вклады в монастыри, оказывавшие содействие скандинавским паломникам.

С другой стороны, по мере христианизации основной массы населения идея паломничества стала находить все более живой отклик у неофитов-скандинавов. Трансформация викингских походов в путешествия паломников происходит практически одновременно с принятием христианства, но проследить ее не всегда удается. Так, по сообщениям некоторых саг, Харальд Суровый Правитель, находясь на службе в Византии, совершил паломничество (или военный поход?) на Восток.

Крайняя скудость источников не дает возможности составить представление о действительном масштабе скандинавских паломничеств в Рим, Константинополь и Святую Землю в XI–XIII вв. Тем не менее имеющиеся отрывочные данные говорят о значительном интересе к святым местам в Скандинавских странах уже в XI в.

Первые упоминания «частных», «неэлитных» паломничеств содержатся в шведских рунических надписях на мемориальных стелах XI в. Уже в первой половине века некая Ингирунн, дочь Хёрда, жившая поблизости от Стэкета (Упланд, Швеция), заказала памятник, увековечивающий ее намерение отправиться в Иерусалим: «Ингирунн... велела высечь руны по себе самой. Она собирается ехать на восток и далее в

---

lae Osloensis. 1934. Fasc. XIII. S. 114–145; *Krötzl Chr.* Pilger, Mirakel und Alltag. Formen des Verhaltens im skandinavischen Mittelalter (12.–15. Jahrhundert). Helsinki, 1994.

[2] *Schmeidler B.* Hamburg-Bremen und nord-ost Europa von neunten bis elfte Jahrhundert: Kritische Untersuchungen des Adam von Bremen. Leipzig, 1918.

Иерусалим...»[3] Стелу из Бробю (Упланд, Швеция) установила вдова некоего Эйстейна, который «направлялся в Иерусалим и умер в Греции»[4] (еще один камень в его память установили там же два его сына). Его паломничество, видимо, относится примерно ко времени поездки Кнута в Рим, т.е. к 1020–1030-м годам. К середине XII в., судя по сведениям саг[5], поездки в Рим и Палестину участились, скандинавы принимают участие в крестовых походах, сражаются под стенами Иерусалима и Акры[6]

В ходе поездок в Святую Землю скандинавы познакомились со специфически «паломническим» литературным жанром — итинерариями (дорожниками), описывающими пути к святым местам.

Описание путей имеет давнюю традицию, уходящую в античность, когда освоение огромных по тому времени пространств и включение их в ойкумену требовали в первую очередь географических сведений о том, где расположены отдельные области и населенные пункты, каким образом они могут быть достигнуты из центров обитаемого мира: Греции, позднее Рима. Многочисленные античные периплы и периегезы служили по преимуществу практическим целям и составлялись для непосредственного пользования ими, поэтому они содержали не только перечни определенных географических объектов, но и указания на расстояния между ними и другие сведения, необходимые путешественникам[7]

Средневековые итинерарии — весьма популярный жанр — утратили практическую направленность. Резкое сокращение упорядоченных экономических и политических связей между отдельными регионами ойкумены лишило их того значения, которое они имели в античное время, но распространение и упрочение христианства наполнило их иным, религиозным содержанием. Подавляющее большинство итинериариев вплоть до XIII в. — это описания поездок в Палестину, Рим, Сантьяго-де-Компостелла и др., предпринятых с религиозными целями. Поэтому уже начиная с первого известного дорожника, «Бордосского итинерария» (*Itinerarium a Bordigala Hierusalem*), написанного

---

[3] *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). № Б-III.7.20.

[4] *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. № Б-Приложение 1.2.

[5] См., напр.: Sturlunga saga. Cap. 30. См.: *Boyer R.* La Vie religieuse en Islande (1116–1264) d'après la *Sturlunga saga* et les Sagas des évêques. Lille, 1972.

[6] Наиболее подробно описание участия в крестоносном движении Сигурда, сына Магнуса Голоногого, получившего прозвище Крестоносец (Сага о сыновьях Магнуса Голоногого // *Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подг. А.Я.Гуревич, Ю.К.Кузьменко, О.А.Смирницкая, М.И.Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 481–487).

[7] *Elter A.* Itinerarstudien. Bonn, 1908.

ок. 333 г.[8], и на протяжении всего средневековья внимание авторов направлено в большей степени на рассказ о святынях и местах, связанных с деятельностью Иисуса Христа, апостолов, святых, чем на характеристику самого пути[9]

К итинерариям тесно примыкают и иногда соединяются с ними записки паломников и путешественников, среди которых наибольшее распространение приобретают описания Палестины (часто под названием *De locis sanctis*), Иерусалима и его окрестностей, реже Рима.

Однако западноевропейские итинерарии не могли удовлетворить скандинавского паломника: его путь был значительно длиннее и сложнее, чем путь путешественников из Англии, Германии, Франции. Уже в конце XII в. (предположительно ок. 1182 г.) знатный исландец Гицур Халльссон (ум. в 1206 г.) составил на латинском языке первое известное по ссылкам, но не дошедшее до нас описание святых мест и путей к ним под названием *Flos peregrinationis*. Гицур был сыном священника и внуком Ари Торгильссона Мудрого. В 1181–1200 гг. он занимал должность законоговорителя. Находясь на службе у норвежского конунга Сигурда Рта (1136–1155), Гицур ездил в Рим, откуда вернулся, видимо, летом 1152 г. Итинерарий был написан, как считается, вскоре после его возвращения из Рима.

К тому же времени относится древнейший из сохранившихся исландских памятников этого жанра — «Дорожник» («Дневник») аббата Никуласа (Николая), написанный незадолго до 1159 г. Его автор, аббат исландского монастыря в Тингейраре, совершил поездку в Рим и Иерусалим в 1154 г. К более позднему, но до XIV в. времени принадлежат фрагменты других итинериариев и описаний святынь на исландском и латинском языках, написанных в Исландии, Норвегии и Дании: «Пути», «Путь в Рим», «Путешествие в Святую Землю», «Перечень городов и мест упокоения святых». Все они в значительной степени основаны на личных впечатлениях путешественников, что особенно ярко проявилось в «Дорожнике» Николая. Они с разной степенью полноты характеризуют дорогу и встреченные христианские святыни, от краткой заметки «Пути» до детальнейшего описания христианских реликвий в «Перечне городов». Обилие литературы для паломников само по себе свидетельствует о живом интересе к святым местам в скандинавском обществе.

Скандинавию с местами паломничеств в Южной Европе и на Переднем Востоке связывали три пути: Западный (*Vestrvegr*), морской, вокруг Западной Европы, который мало использовался в XI в.; Восточный (*Austrvegr*), по рекам Восточно-Европейской равнины и через

[8] Itineraria et alia geographica. Turnholti, 1965. T. 1. Itineraria Hierosolymitana.

[9] *Sumption J.* Pilgrimage: an Image of Medieval Religion. Totowa, 1976.

Черное море, прекрасно знакомый скандинавам с начала их проникновения в Восточную Европу в VIII в.; наконец, центральноевропейский, сухопутный[10] Судя по руническим надписям, сагам и археологическим находкам, которые можно связать с паломничествами, плавания в Палестину в XI в. совершались по преимуществу Восточным путем, привычным для скандинавских викингов. Он пролегал по рекам Восточно-Европейской равнины, в первую очередь по Днепру («путь из варяг в греки»), и связывал Северную Европу с Византией и Передней Азией. Путешествия же в Рим датских конунгов осуществлялись в это время через Центральную Европу, что было более удобно и с географической, и с политической точек зрения, поскольку позволяло установить непосредственные контакты с правителями ряда европейских государств.

Однако ни один из дорожников XII–XIII вв. не знает восточного маршрута. Лишь в «Путях» указывается, что на Русь можно попасть через Центральную Европу и Венгрию (см. ниже). Надо, правда, отметить, что все сохранившиеся итинерарии происходят из западноскандинавских стран, шведских же дорожников этого времени мы не знаем. Поэтому не исключено, что шведы и готландцы продолжали плавать Восточным путем и в XII–XIII вв. Но очевидно и то, что изменившаяся в Восточной Европе к началу XII в. политическая обстановка (укрепление Древнерусского государства и усложнение его отношений со странами Северной Европы, особенно после начала крестоносного завоевания Прибалтики; приход и закрепление в причерноморских степях половцев) затруднила, а с середины XIII в. (после монголо-татарского нашествия) сделала и вовсе невозможным использование Восточного пути.

Судя по итинерариям, основным маршрутом паломников уже в XII в. стал центральноевропейский, сухопутный, несмотря на тяготы перехода через Альпы. Именно этот путь описывают почти все скандинавские итинерарии XII–XIII вв., а записи в монастырях, предоставлявших приют паломникам, содержат значительное количество имен скандинавов. Более того, путь паломников из Скандинавии к середине XII в. был уже наезженным и допускал разнообразные варианты. Аббат Николай не только характеризует свой собственный маршрут, но и указывает на другие дороги, используемые его соотече-

---

[10] *Springer O.* Medieval Pilger Routes from Scandinavia to Rome. L., 1967; *Nilsson-Tannér P.* De norrländska pilgrimsvägarna // Forum theologicum. 1966. Årg. 23. S. 29–49; *Benediktsson A., Nilsen H., Odenius O., Molland E.* Pilgrim // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. København; Malmö; Oslo, 1968. B. XIII. Sp. 292–306; *Graboïs A.* Les pèlerins occidentaux en Terre Sainte au Moyen Age. Une minorité étrangère dans sa patrie spirituelle // Studi Medievali. 1989. Vol. 30. № 1. P. 15–48.

ственниками. Маршрут, изображенный в «Пути в Рим», пролегает немного восточнее, нежели тот, которым воспользовался Николай. Можно предполагать, что большинство скандинавских паломников XII–XIII вв. двигались на юг через Центральную Европу, выбор же конкретного маршрута зависел от исходного пункта на побережье Северного или Балтийского морей.

Третий, водный путь проходил вокруг Западной Европы. Описанию его посвящен итинерарий «Путешествие в Святую Землю». Для X–XI вв. имеются сведения о походах викингов на запад, по преимуществу в Англию и Францию, однако норманны доходили вплоть до Испании, Италии, Сицилии, даже Византии. Однако столь далекие походы были редки, и, как кажется, Западный путь в восточную часть Средиземноморья не играл большой роли. Положение, видимо, несколько изменилось в последующее время, и значение этого пути возросло.

Таким образом, древнескандинавские итинерарии рисуют широкую картину участия исландцев, датчан, норвежцев в паломничествах в Рим и Святую Землю, в крестоносном движении.

Ниже публикуются все сохранившиеся итинерарии XII–XIII вв. на древнеисландском и один на латинском языке. Не включено в настоящий свод только сочинение «История о путешествии датчан в Святую Землю» (*Historia de profectione Danorum in Hierosolymam*), поскольку оно велико по размеру, требует обширного комментария и специального исследования.

«ДОРОЖНИК» АББАТА НИКОЛАЯ

Сочинение аббата Никуласа (Николая — *Nikolás, Nikulás*) — древнейший и одновременно наиболее подробный древнескандинавский итинерарий из сохранившихся до нашего времени. Автор итинерария назван в самом тексте — это исландец, «аббат Николай» (*Nicholas abota*), чья смерть, если не предполагать существования в одно и то же время двух настоятелей монастырей по имени *Nikolás*, что крайне маловероятно[1], отмечена исландскими анналами под 1159 г.[2] Он отождествлялся с Николасом Сэмундарсоном, предположительно настоятелем монастыря в *Þingeyrar* в 1150-е годы. Однако в современной литературе наиболее вероятным считается, что автором итинерария был первый (с 1155 г.) настоятель бенедиктинского монастыря в Мункатвера (*Munkaþverá*) в северной четверти Исландии по имени *Nikolás Bergsson* или *Nikolás Bergþórsson*[3]

Кроме «Дорожника», ему также принадлежит ряд скальдических поэм религиозного содержания[4] Три строфы одной из них, посвященной апостолу Иоанну (*Jóansdrápa postola*), процитированы в «Саге об Иоанне апостоле»[5], одна строфа другой поэмы (*Kristsdrápa*?) включена Олавом Тордарсоном (ок. 1210–1259) в его грамматический трактат[6]

Предполагается, что Николай совершил путешествие в Рим и Палестину до поставления настоятелем монастыря: как указано в анналах, он вернулся из поездки в 1154 г.[7] Б.Кедар и К.Вестергорд-Нильсен полагают, что пребывание аббата Николая в Палестине сле-

---

[1] Ср.: *Raschellà F.* Itinerari italiani in una miscellanea geografica islandese del XII secolo // Annali istituto universitario orientale. Sez. Filologia Germanica. 1985–1986. T. 28–29. P. 545–546; *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. Göteborg, 1990. P. 19. Note 3.

[2] Annales regii, Gottskalks Annalern, Oddverja Annall // Islandske annaler indtil 1578 / G.Storm. Christiania, 1888. S. 116, 322, 475. В двух других анналах смерть Николая датируется 1158 г.: Lögmanna-annáll, Flateyjar annall // Ibid. S. 253.

[3] Подробнее о возможных отождествлениях Николая см.: *Magoun Fr. P Jr.* The Pilgrim Diary of Nikulas of Munkathvera: the Road to Rome // Mediaeval Studies. Toronto, 1944. Vol. VI. P. 314. Note 6.

[4] *Simek R., Hermann Pálsson.* Lexikon der altnordischen Literatur. Stuttgart, 1987 S. 257.

[5] Postola sögur / C.R.Unger. Kristiania, 1874. S. 509–510.

[6] *Óláfr Þórdarson.* Málhljóða- og málskrúðsrit / Finnur Jónsson. København, 1927. S. 88.

[7] Annales regii, Gottskalks Annalern // Islandske annaler. S. 115, 322.

дует датировать временем не позже весны — начала лета 1153 г., так как Николай называет крепость Аскалон «языческой» (*Þa er Askalon... ok er heidin*), т.е. находящейся под властью мусульман. Аскалон же был осажден крестоносцами в январе и взят 12 августа 1153 г.[8] Поскольку Николай не знал об этом, он должен был покинуть Святую Землю не позднее лета 1153 г., что хорошо согласуется с предполагаемым временем его возвращения в Исландию.

«Дорожник», как указано в конце текста, был записан со слов Николая: «Этот дорожник и перечень городов... записаны под диктовку (или: по указанию) аббата Николая» («Leidarvisir sea ok borga-skiptan... er ritinn ath fyrir-sogn Nicholas abota»). Точное время создания «Дорожника» неустановимо: Николай мог написать его как сразу по возвращении (так полагает Л.Лённрут[9]), так и позднее, в бытность настоятелем монастыря, т.е. до 1159 г.

Композиционно и по значительной части содержащейся в нем информации «Дорожник» аббата Николая не отличается от обычного типа итинериариев, предназначенных для паломников: он содержит довольно обстоятельную характеристику маршрута, по которому следовал Николай от Дании до Палестины, с указанием расстояний между важнейшими пунктами, а также с упоминанием святынь, которыми славится тот или иной город. При перечислении городов в Святой Земле Николай, как и большинство его предшественников, говорит о событиях священной истории, связанных с соответствующим пунктом.

В большинстве случаев Николай измеряет расстояния днями пути: за один день в среднем преодолевалось ок. 30 км. Однако при описании Апеннинского полуострова и один раз Святой Земли Николай исчисляет расстояние между городами то в днях, то в милях (1 римская миля = ок. 1500 м): «Оттуда 10 миль до Сутарана Великого. Затем день пути до Сутарана Малого». Также в милях приводит Николай и размеры Рима, причем отмечает, что эта информация была получена им устным путем: «Говорят, что Рим имеет 4 мили в длину и 2 мили в ширину» (*Sva er sagt...*). Очевидно, что Николай совмещает две системы исчисления расстояний: практическую, которую он получил из собственного опыта паломника, — в днях пути, и ту, которую он почерпнул, вероятно, из общения с местными жителями, — в милях. Показательно, что в тех случаях, когда он говорит о существовании других путей, используемых паломниками, он почти никогда не указывает протяженность этих путей. Можно предполагать поэтому, что

---

[8] *Kedar B.Z., Westergård-Nielsen C.* Icelanders in the Crusader Kingdom of Jerusalem: a Twelfth-Century Account // Medieval Scandinavia. 1982. Vol. 11. P. 195.

[9] *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. P. 19–20.

Николай не опирался (по крайней мере в своем сочинении) на существовавшую паломническую литературу, во многих произведениях которой указывались расстояния между важнейшими городами и где Николай мог бы почерпнуть недостающие сведения.

Значительная часть приводимой Николаем информации о местах, которые он проезжал, традиционна для дорожников: это упоминания епископских кафедр и кафедральных соборов, мест захоронения святых и иногда сведения о них, местоположений странноприимных домов. При этом и сами сведения, и их детальность различаются для разных регионов. Так, для Германии сообщения о центрах епископий и кафедральных соборах, где покоится тот или иной святой, составляют основной массив информации. Практически каждое название города сопровождается подобными данными: «В Стодуборге (Штаде. — *Е.М.*) в церкви св. Марии находится епископская кафедра... Затем два дня пути до Поддубрунна (Падерборна. — *Е.М.*), там в церкви св. Либория, где он покоится, находится епископская кафедра» и т.д. Значительно разнообразнее информация о Северной Италии: наряду с указанием кафедральных соборов Николай пишет также о реках и горах, городах и монастырях, о нравах жителей и достопримечательностях, не связанных с церковью. Он описывает «пески Луны» и отмечает открывающийся оттуда «широкий вид» (*pangat vid-synt*), неодобрительно отзывается о населении на юге Тосканы («там плохой народ»), отмечает красоту женщин в Сиене. Николай обнаруживает живой интерес к различным сторонам жизни и редкую наблюдательность[10] В описании Палестины внимание Николая полностью сосредоточено на отражении в современном ему мире библейской истории, и потому его текст насыщен аллюзиями на новозаветные по преимуществу сюжеты: упоминание Вифлеема сопровождается ссылкой на то, что здесь родился Иисус Христос, Назарета — что он провел здесь 23 года своей жизни, Вифании — что в этом городе Христос воскресил Лазаря и т.п.

Вместе с тем все части итинерария в большей или меньшей степени наполнены дополнительной, обычно не встречающейся в итинерариях информацией, отражающей собственные интересы и познания аббата Николая. Она распадается на несколько тематических групп.

Первую группу составляют разнообразные географические сведения. Часть из них почерпнута Николаем из сложившегося в Скандинавии фонда географических знаний, отразившегося в древнеисландских географических трактатах XII–XIV вв.[11] К этой категории принадлежит «зачин» итинерария, прямо не связанный с последующим изло-

---

[10] Ср.: *Vries J. de.* Altnordische Literaturgeschichte. Berlin, 1942. Bd. 2. S. 199.

[11] *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.

жением: «Говорят, что вокруг Исландии семь дней плавания... Характерно для исландской географической литературы понимание Серкланда (*Serkland*) как территории, населенной мусульманами[12]: говоря о «языческом» Аскалоне (см. выше), Николай отмечает, что он находится в Серкланде, т.е. в землях, подвластных мусульманам. Перекликается с трактатом «Описание Земли III» (конец XIII — начало XIV в.) характеристика расположения Альпийского хребта:

Николай	*Описание Земли III*
«Один конец гор Мундио идет на запад до моря в Стюриоланде (долина р. Стура), а другой на востоке — до залива Фенайа (Венецианского залива)».	«Горы Мундиу идут от залива Фенейа (Венецианского залива) с востока и [далее] на запад к Спанланду (Испании)»[13]

Николай лишь уточняет западные границы Альп, центральный массив которых действительно завершается на юге Франции и не заходит на Пиренейский полуостров.

К общехристианским географическим представлениям, рано воспринятым древнескандинавскими книжниками, восходит широко распространенное в средние века утверждение о центральном положении Иерусалима в мире. Николай, впрочем, приводит и «опытное» доказательство этого положения: «в праздник св. Иоанна (24 июня. — *Е.М.*) солнце светит с небес [прямо] вниз»[14] Николай, находясь в Иерусалиме, мог наблюдать это явление (но не в полдень), либо ему рассказали о нем крестоносцы.

Значительно больше географических и топографических сведений почерпнуто Николаем в ходе путешествия и касается тех земель, через которые пролегал его путь[15] Наряду с особенностями той или иной местности, его особенно привлекают две темы: региональное и политическое деление Апеннинского п-ова и пути паломников в Рим.

---

[12] Там же. С. 216.

[13] Описание Земли III // Там же. С. 95, 97.

[14] Строго говоря, это утверждение Николая (или его информантов) ошибочно: в день летнего солнцестояния в полдень лучи солнца падают перпендикулярно поверхности Земли только на широте Северного тропика. Поэтому, по сведениям античных авторов, на о. Мероэ в Верхнем Египте был вырыт глубокий колодец, на дно которого в июне падали лучи солнца. Он служил для различных астрономических определений (долготы и широты, величины градуса и т.п.). См.: *Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988. С. 266.

[15] См., например, описание Аппиевой дороги: «проходит она через топи и леса, и это знаменитейшее творение людей, и проходит она по лесам на протяжении нескольких дней пути; эти леса были бы непроезжими, если бы не мост Флайана (Аппиева дорога)».

К вопросу о политических образованиях на Апеннинском полуострове Николай обращается дважды. Описав путь по Ломбардии, он указывает ее границы: «Лангбардаландом называется [область, идущая] с юга от Мунбарда (Лигурийские Апеннины), а на север до Мундио (Альп)». Оказавшись к югу от Рима, он отмечает, что река Гарилея (Гарильяно) «отделяет государства Ромверья и Сикилей (Сицилийское королевство), и там к югу расположена Кампания или Пула (Апулия), а Италия — к северу». Таким образом, Николай членит Апеннинский полуостров на три политических образования: Ломбардию на севере, Ромверья (Италию) в центральной части и Сицилию на юге (см. примеч. 100). Это членение полностью отвечает политической ситуации на Апеннинском полуострове времени его поездки. Возникшее в конце XI в. нормандское Сицилийское королевство достигло расцвета в правление Рожера II (1130–1154). В это время Сицилийское королевство включало о. Сицилию, Калабрию и Апулию, т.е. практически всю Южную Италию, что и отмечает Николай.

Эти сведения были неизвестны авторам исландских географических трактатов или неточно ими поняты. Древнескандинавские описания Земли, древнейшее из которых датируется 1190-ми годами («Описание Земли I»)[16], неплохо знакомы с этой частью ойкумены. Исландские книжники знают отдельные исторические области на Апеннинском полуострове: Апулию (*Pul*, *Pula*, *Pulsland*), Кампанию (*Campania*), Италию, собственно Римскую область (*Rómverja*, *Rómverjaland*), а название Ломбардии (*Langbarđaland*) встречается уже в шведских рунических надписях XI в.[17]. Однако перечни стран в трактатах носят «вневременной» характер[18], даже если указаны конкретные реалии: «Сицилия — большое государство, и находится она в той части мира, которая называется Европой. Италией называется то государство, которое лежит к югу от того горного хребта, который называется Мундио (Альпы). К востоку от Италии находится Апулия, которую норманны называют Пульсланд. Посреди Италии стоит Ромаборг. В северной части Италии находится Лангбардия, которую мы

---

[16] *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 72–75.

[17] *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи.

[18] Так, в одном ряду упоминаются и давно исчезнувшие с карты Европы, и существующие политические образования и народы: «В той части мира находится Европа, и самая восточная [ее часть] — Великая Свитьод... Около Гардарики (Руси. — *Е.М.*) лежат такие земли: кирьялы... Вирланд, Эстланд, Ливланд, Курланд, Эрмланд (Вармия. — *Е.М.*), Пулиналанд (Польша. — *Е.М.*), Виндланд (земля вендов. — *Е.М.*) — самый западный перед Данией. А на восток от Полены находится Рейдготаланд («Земля славных готов». — *Е.М.*), а затем Хунланд (земля гуннов. — *Е.М.*)» (Какие земли лежат в мире // *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 65).

называем Лангбардаланд»[19] В этом наиболее подробном описании Апеннинского полуострова под Италией понимаются все области к югу от Альп (включая Ломбардию), но выделяется Апулия. Упоминание же Сицилийского королевства — единственное в географической литературе — помещено отдельно; из текста не ясно, относит ли его составитель трактата к Италии: из последовательности перечисления стран явствует только, что оно должно находиться в Южной Европе. Тем более не связывается оно с Апулией или иными областями на Апеннинском полуострове.

Приводимая Николаем информация об Апеннинском полуострове оригинальна и не связана с исландской географической литературой. Вероятнее всего, сведения были получены им во время поездки. Об этом же источнике информации, а также об использовании собственных наблюдений говорят и конкретные описания, например песков у города Луни и особенно перечень иноземных торговых кораблей, стоящих в гавани Пизы. Николай пишет, что в ней «чинят корабли торговцы из Грикланда (Византии) и с Сикилей (Сицилии), жители Египталанда, сирийцы и африканцы». Видимо, Николая поразило обилие купцов из дальних стран, о которых он, возможно, читал (отсюда и традиционные для скандинавской географии формы наименований *Egiptaland*, *Affrika*).

Второй комплекс оригинальных географических сведений, также почерпнутых во время пути, содержит характеристику других возможных маршрутов и мест встречи паломников из различных областей. Николай называет два маршрута из Норвегии (Бергена?) до Майнца: через Данию (от Ольборга), Шлезвиг и Центральную Германию — путь, которым ехал он сам, — и через Фризию от Девентера через Утрехт и Кёльн (в отличие от описания остальных альтернативных маршрутов, Николай указывает длительность пути от Утрехта до Кёльна и от Кёльна до Майнца). Центральногерманский отрезок маршрута также может, согласно Николаю, иметь два варианта: от Штаде почти строго на юг через Падерборн (как ехал он сам) или немного восточнее — через Ганновер и Хильдесхейм. Как замечает Николай, большинство скандинавов следуют одним из этих маршрутов[20]

Важнейшим пунктом, где сходятся оба пути, является Майнц. Следующее перекрестие путей — город Вивис на Женевском озере, где, по словам Николая, встречаются «люди, которые едут на юг через горы Мундио (Альпы): франки, флеминги (фламандцы), валы (жители

---

[19] Описание Земли 1 // *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 78.

[20] *Nilsson-Tannér P.* De norrländska pilgrimsvägarna. S. 29–49.

южной Франции), англы, саксы (немцы) и норманны»[21] Наконец, уже в Италии, южнее Пьяченцы, сюда вплетается некий «путь Илианса» (возможно, ведший с одного из более восточных, нежели Сен-Бернар, перевалов, вероятно Сен-Готарда: см. примеч. 45), а в Луни к потоку паломников из Центральной и Северо-Западной Европы присоединяются испанцы и те, кто посещал Сантьяго-де-Компостелла, одну из наиболее почитаемых в христианском мире святынь. Кроме названных, Николай указывает еще две дороги: ответвление на Милан от Верчелли и альтернативный маршрут из Рима в Капую.

Таким образом, Николай не только описывает свой собственный маршрут, но рисует разветвленную сеть дорог, которыми следовали паломники в Рим из разных стран. Надо, однако, отметить, что Николай знает лишь один альпийский перевал, через который переходил он сам, — Сен-Бернар, хотя в его время использовались по крайней мере еще два других перевала[22] Приводимые им сведения о маршрутах существенно различаются: для альтернативных путей он, как правило, не приводит расстояний между пунктами и не указывает христианские святыни.

Проявляя большую наблюдательность и редкий для средневекового паломника интерес к местам, которые он проезжает, аббат Николай постоянно обнаруживает свою культурную и языковую принадлежность. Это проявляется, с одной стороны, в нередких переосмыслениях наименований городов и селений, которые он этимологизирует из скандинавских языков. Так, в наименовании странноприимного дома на перевале Сен-Бернар имя *Bernard* он передает как *Biarnardz*, возводя его к распространенному скандинавскому имени *Björn*. Название города Этрубль он воспринимает как *Þrela-þorp* от *þræll* «раб», добавляя скандинавский географический термин *þorp* «поселение», Иври — как *Iofor-ey* от *jǫfurr* «вождь, воин» и *ey* «остров», Верчелли — как *Friðsala* от *friðr* «мир» и *sæla* «счастье, радость» (см. также примеч. 12, 13, 19, 21, 40 и др.).

С другой стороны, очевиден (и это не раз отмечалось) его особый интерес и пристальное внимание к следам скандинавов на путях паломников. «Скандинавизмы» образуют второй обширный комплекс оригинальной информации в его сочинении. Эти интересы Николая воплощались в различных формах: в сопоставлении встречаемых явлений со скандинавскими (в Сицилии «исходит [на поверхность]

---

[21] Одним из следов скандинавских паломников, которые останавливались в германских монастырях, являются скандинавские имена в «Книге братьев» швабского монастыря Райхенау. См.: *Finnur Jónsson, Jørgensen E.* Nordiske Pilgrimsnavne i Broderskabsbogen fra Reichenau // Aarbøger for nordisk oldkyndighet og historie. 1923. S. 1–54.

[22] См.: *Oehlmann E.* Die Alpenpässe.

огонь земли и кипящая вода, как в Исландии»), в «скандинавском» отсчете времени (на перевале в Альпах «в день св. Олава летом лежит снег на скалах и лед на озере»), в попытках «перевода» иноязычных названий (селение *Mala mulier — þat kollum ver illa konu* — «его мы называем „Дурная женщина“»; залив Анталья «норманны называют Атальс-фьорд, а греки — *Gallus Satalie*»; Антиохийский залив, «который мы называем Антекьо-фьорд»). Но в первую очередь его культурные традиции воплощаются в насыщении европейского пространства скандинавским прошлым, как эпическим, так и историческим.

События эпической истории связываются аббатом Николаем с местами, которые он проезжает, в четырех случаях, причем три сюжета восходят к общегерманскому эпосу, а один является собственно скандинавским.

Первый — один из наиболее распространенных и популярных в Скандинавии, в том числе и в XI–XII вв., сюжет об убийстве дракона Фафнира, охраняющего сокровища нифлунгов на Гнитахейде, эпическим героем Сигурдом из рода Вёлсунгов[23] Этот сюжет принадлежит к древнейшему, общегерманскому эпическому пласту и составляет один из узловых моментов обширного цикла сказаний о нифлунгах (в средневековой немецкой традиции нибелунгах): добытое Сигурдом золото, проклятое карликом Андвари, несет смерть и Сигурду, и другим героям сказания.

Николай сообщает, что в четырех днях пути от Падерборна, между селениями Хорус и Килианд, «расположен Гнитахейд (*Gnitaheiðr*, букв. „Галечная пустошь“[24]. — *E.M.*), где Сигурд сразил Фафнира». Отсутствие каких-либо оговорок и пояснений указывает на то, что аббат Николай счел эту идентификацию эпического локуса (с его точки зрения, расположенного в реальном пространстве) достоверной и не вызывающей сомнений. Вероятным основанием для локализации здесь Гнитахейда послужило наименование округи *Niddagau*, которое, как указал Фр.Мэгаун, в XII в. произносилось как *Nitahe* или *Nitehe*[25], т.е. было созвучно эпическому локусу. Был ли автором этой локализации сам Николай или такова была местная традиция?

Л.Лённрут согласен с обоими предположениями. Отмечая хорошее знакомство аббата Николая с немецкой культурой (Николай пишет о

---

[23] Этот сюжет был хорошо известен скальдам и составителям саг вплоть до XIV в., широко представлен он и в изобразительном искусстве Скандинавских стран XI–XIII вв.: на рунических камнях, на резных дверях церквей и др. (см.: *Düwel K.* Zur Ikonographie und Ikonologie der Sigurddarstellungen // Zum Problem der Deutung frühmittelalterliche Bildinhalte / H.Roth. Sigmaringen, 1986; *Liepe L.* Sigurdssagan i bild // Fv. 1989. Årg. 84. S. 1–11).

[24] *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1977. S. 180.

[25] См.: *Magoun Fr. P., Jr.* The Pilgrim Diary. P. 324.

«куртуазности» немцев и о том, что «норманны многое перенимают [у немцев] для подражания»), а также якобы очевидную для скандинавов локализацию сказания о Сигурде в Германии, шведский ученый полагает, что наименование *Nitahe* или *Nitehe* «могло быть интерпретировано путешествующим пилигримом из Скандинавии как *Gnitaheiðr*». Одновременно он считает, что, возможно, некоторые из жителей этих мест, «особенно трактирщики или монахи одного из местных монастырей, нашли выгодный способ привлечь пилигримов, показывая им некое подходящее романтическое место в долине, где, как предполагается, дракон охранял свои сокровища до того дня, как Сигурд убил его»[26] Действительно, сказания о Зигфриде бытовали в Германии и во времена поездки Николая: в начале XIII в. была написана — уже не без влияний куртуазного романа — «Песнь о нибелунгах». Представляется, однако, что помещение Гнитахейда в долину р. Нидд скорее принадлежит самому Николаю. В тех случаях, когда он получал некую информацию со стороны, он нередко вводил ее выражениями «Как говорят...» (*Sva telja...*), «Говорят, что...» (*Sva er sagt, ath...*), в особо важном случае — «считают некоторые люди» (*kalla sumir menn*; см. ниже). Здесь же его сообщение определенно: он как бы говорит об установленном и не подлежащем сомнению факте, не требующем ссылок на источник информации. Именно так в текст инкорпорируется следующий квазиисторический сюжет, привязка которого к обозначенной Николаем местности может принадлежать только ему самому, и основанием для этой привязки также служит созвучие топонимов.

В связи с упоминанием города Вифлисбург (совр. Аванш в Швейцарии) Николай сообщает, что город «был велик до того, как сыновья Лодброка (Рагнара Кожаные Штаны. — *Е.М.*) разрушили его, а теперь он невелик». Название города Николай передает как *Vifilsborg*, очевидным образом связывая его с *Vifilsborg*'ом, городом, названным в «Саге о Рагнаре Кожаные Штаны» по имени его правителя Вифиля (*Vifill*). Сага не дает оснований установить местонахождение *Vifilsborg*'а. По саге, сыновья Рагнара Лодброка долго осаждали город, оказавшийся неприступным, и уже были готовы отказаться от его захвата, но воодушевившиеся горожане стали демонстрировать со стен свои сокровища, и викинги, распалившиеся при виде золота, взяли город штурмом, разграбили и сожгли его[27]

Сыновья Рагнара, по преданиям, воплотившимся позднее в «Саге о Рагнаре Кожаные Штаны» (вторая половина XIII в.) и «Пряди о сы-

---

[26] *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. P 21–22.

[27] Ragnars saga Loðbrókar. Cap. 13 // Vǫlsunga saga ok Ragnars saga Loðbrókar / M.Olsen. København, 1906–1908.

новьях Рагнара» (конец XIII в.), а также по сообщениям франкских анналистов, английских хронистов и мусульманских писателей, были знаменитыми викингами, совершавшими набеги на Англию (Ивар Бескостный начал колонизацию Восточной Англии, где позднее образовалась область Денло), Францию, Испанию и Южную Европу (особенно известен поход конца 850-х — начала 860-х годов Бьёрна Железнобокого). Однако ни один источник не сообщает о проникновении каких-либо викингских отрядов в глубь материка, тем более вплоть до северных склонов Альп. Поэтому никаких местных преданий о нападениях викингов здесь не могло возникнуть; скорее всего, о викингах в этих местах даже не слышали. Сюжеты же о Рагнаре Кожаные Штаны и его сыновьях специфически скандинавские, не имеющие общегерманской подосновы. Таким образом, существование местной традиции, которая могла бы быть использована Николаем, в этом случае исключено. Единственной возможной отправной точкой для отождествления Вифлисбурга и *Vifilsborg*'а является созвучие топонимов, которое и дало Николаю основание локализовать здесь эпическое событие.

Еще один эпический сюжет, входящий в цикл сказаний о нифлунгах, упоминается Николаем в связи с округой г. Луни, где в песках, «как говорят некоторые, находится змеиный ров, куда был брошен Гуннар» («I Lunu-sǫndum kalla sumir menn ormgard, er Gunnar var i settr»). Гуннар, брат Гудрун, жены Сигурда, инициировавший его убийство ради сокровищ, добытых Сигурдом на Гнитахейде, становится следующей жертвой клада нифлунгов: второй муж Гудрун, гуннский король Аттила, приглашает к себе Гуннара, чтобы убить его и овладеть кладом. Предполагая обман, Гуннар перед поездкой бросает золото в воды Рейна. Аттила приказывает связать Гуннара и бросить его в яму со змеями, но змеи не трогают его до тех пор, пока не лопаются струны лиры, на которой он играл пальцами ног[28]

Причины локализации Николаем змеиной ямы, в которой погиб Гуннар, в «песках Луны» неясны. В округе Луни не обнаружено топонимов, которые могли бы быть соотнесены с именем Гуннара или обозначением змеиного рва *ormgarðr* (дословно «змеиный хутор», «змеиный двор») и тем самым сделать возможной ассоциацию с эпическим сюжетом (как в первых двух случаях). В античное время Луни

---

[28] Сюжет также нашел широкое распространение в древнескандинавской словесности (в песнях «Старшей Эдды», «Саге о Тидреке», «Саге о Вёлсунгах» и др.) и в изобразительном искусстве Скандинавских стран (например, в резьбе по дереву); он был разработан и в ряде произведений, не связанных с циклом нибелунгов. Так, в «Саге о Рагнаре Лодброке» герой кончает жизнь в Йорке в змеином рве (Ragnars saga Lodbrókar. Cap. 15).

был крупным портом и центром добычи мрамора и находился на *Via Aurelia*, пути из Рима в Галлию. В средневековье Луни утратил свое значение и превратился в маленький городок. Предполагалось, что карьеры, оставшиеся после добычи мрамора, могли навести Николая на мысль о том, что в одном из них и погиб Гуннар[29] Однако на своем пути Николай мог видеть немало ям, карьеров и т.п., но не связывал их со змеиным рвом Гуннара.

Объяснение причин этой локализации следует скорее искать в услышанных им рассказах и их осмыслении. Николай прямо указывает на местную традицию как на свой источник информации: «некоторые люди говорят», что здесь находится ров Гуннара. Таким образом, вряд ли можно сомневаться, что сведения о змеином рве получены им от местных жителей. В то же время крайне маловероятно, чтобы сказание о смерти Гуннара, да и вообще этот эпический цикл были известны жителям Луни[30] Ф.Рашелла и Л.Лённрут отмечают предположение А.Сольми, что Николай мог отождествить с Гуннаром некоего Гоннарио ди Торрес (*Gonnario di Torres*), сардинского принца, который жил отшельником в Луни в XII в.[31] Однако Л.Лённрут справедливо полагает, что это сопоставление сомнительно: какая-либо связь Гоннарио со змеями или змеиным рвом в преданиях о нем не прослеживается. Надо указать и на близость во времени жизни Гоннарио и путешествия Николая: едва ли почти современные Николаю события могли быть осмыслены им как эпический сюжет о далеком прошлом.

Какие же истории, услышанные Николаем в Луни, могли послужить толчком для их отождествления с преданием о смерти Гуннара? Причем отождествления предположительного: он сам, очевидно, не был твердо уверен в истинности этой локализации. Обычная фраза, которой он вводит достоверную, по его мнению, информацию, — «Говорят, что...» (*Sva er sagt ath...*). Эта фраза употреблена им дважды: при указании на длительность плавания вокруг Исландии и на размеры Рима. В одном случае сходной конструкцией он обозначает и свой источник информации: «Ездившие в Рим сообщают... (*Sva telia Romferlar...*). Сообщения о Гнитахейде и *Vifilsborg*'е, равно как и упоминание «купальни Тидрека» (см. ниже), вообще не сопровождаются какими-либо отсылками как совершенно достоверные. Столь же без-

---

[29] См.: *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. P. 28.

[30] Даже у лангобардов, как кажется, сказания о Сигурде не бытовали.

[31] *Solmi A.* L'itinerario italico dell'abate Nicolo Thingoerense del 1151–54. 1. Da Vevey a Roma // Rendiconti. Reale Istituto Lombardo di Scienze e Lettere. 1933. Ser. II. T. 66/XIX–XX. P. 1207–1222. Цит. по: *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. P. 28. Note 2. См. также: *Raschellà F.* Itinerari italiani.

оговорочно вводит он и сообщения, связанные с историческими событиями (см. ниже). Лишь в случае с локализацией змеиного рва Гуннара он употребляет неопределенную конструкцию «говорят некоторые люди» (*kalla sumir menn*), которая, возможно, должна свидетельствовать о его неуверенности в полученных сведениях: сомнениях в их достоверности или правильности их интерпретации.

Эти рассказы, вероятнее всего, связаны со «скандинавскими» эпизодами истории Луни — единственного из итальянских городов, который оказывается вовлеченным в эпическую историю Скандинавии ранней эпохи викингов. В скандинавской словесности из итальянских городов многократно упоминается лишь Рим; авторы географических трактатов называют также Бриндизи, Бари, Милан. Ни в одном из них не назван Луни. Очевидно, что наименование города не входило в основной фонд географических знаний. Однако Луни был известен скандинавским викингам. С ним связано событие, рассказы о котором дошли до нас в нормандских хрониках Дудо Сен-Квентинского (*Historia Normannorum*, между 1015 и 1030 гг.) и Гийома Жюмьежского (*Gesta Normannorum ducum*, вторая половина XI в.), а также в более позднем переложении у Бенуа де Сен-Мора (*Roman de Troie*, 1184 г.) и — в радикально переработанном и переосмысленном виде — в одной из поздних «викингских» саг — «Саге о Рагнаре Кожаные Штаны». По сообщениям нормандских хронистов, наиболее знаменитым из викингских вождей, свирепствовавших во Франции и Англии в 850–860-е годы был один из сыновей Рагнара Кожаные Штаны по имени Бьёрн Железнобокий. Около 860 г. вместе с викингом по имени Хастинг или Хастейн он совершил беспрецедентный поход на 62 судах в Испанию, Северную Африку и Италию. Именно во время этого похода, как рассказывают хронисты, Хастинг вознамерился разорить Рим, но принял за него Луни, который был захвачен и разорен с помощью военной хитрости: предводитель викингов притворился умирающим и просил епископа Луни похоронить его в соборе. Во время мнимых похорон получившие доступ в город викинги выхватили спрятанные мечи и захватили город. Аналогичный рассказ встречается в «Саге о Харальде Суровом Правителе» у Снорри Стурлусона[32] Находясь на службе в Византии, Харальд с помощью той же военной хитрости захватывает один из четырех итальянских городов (ни один из них не назван в саге) во время сицилийской кампании.

Учитывая раннюю фиксацию этого сюжета в составе рассказов о вполне реальном викингском походе в Южную Европу, который тра-

[32] Haralds saga Harðráda. Cap. 10 // *Snorri Sturluson.* Heimskringla / C.R.Unger. Christiania, 1868. S. 553–554. Ср. также аналогичное предание, героем которого является Роберт Гвискар (см. примеч. 108).

диция приписывает сыновьям Рагнара Кожаные Штаны, причем рассказов англо-нормандских хронистов, пользовавшихся информацией франкских анналов, нет оснований отвергать его изначальную приуроченность к городу Луни. Использование же его — уже в качестве повествовательного мотива — в «Саге о Харальде Суровом Правителе» свидетельствует о его известности и определенной популярности в Исландии в XII в.

В самой же «Саге о Рагнаре Кожаные Штаны» и «Пряди о сыновьях Рагнара Кожаные Штаны» этого мотива нет, однако в саге появляется другой повествовательный мотив, также приуроченный к Луни и содержащий отголоски рассказанной Дудо и Гийомом истории. Опустошив все города и крепости в «Южном государстве» (*í Suðrríki*), в том числе и Луни, сыновья Рагнара хотят завоевать Рим, приплывают к Луни и здесь встречают старика нищего в сношенных железных ботинках и с другой такой же парой за плечами. Они спрашивают у него, далеко ли до Рима, на что старик отвечает, что, выходя из Рима, он надел ту пару, которая у него за плечами, и обе пары были в то время новыми. Услышав это, сыновья Рагнара отказываются от своего намерения[33] В этом эпизоде с отчетливостью проступают элементы более раннего рассказа об осаде Луни: целью похода сыновей Рагнара является Рим, они высаживаются около Луни. Далее сюжет приобретает христианско-морализаторский характер, напоминая средневековые *exempla*. Можно предполагать, что в формировавшейся в XIII в. саге он заменил более ранний рассказ об осаде Луни.

Таким образом, в Исландии и во времена Николая, и в более позднее время сохранялись рассказы о походе в Италию сыновей Рагнара Кожаные Штаны. Хорошо известен был и сам Рагнар, который, как и Гуннар, окончил жизнь в змеином рве (в Йорке, в Англии) и сыновья которого жестоко отомстили англичанам, захватив и разграбив Йорк[34]

Воспоминания об осаде и разграблении города викингами — а насколько опустошительными были подобные набеги и какое впечатление они производили на местных жителей, хорошо известно по истории Гамбурга, Дорестада и других североморских центров — могли сохраняться и в Луни, включая какие-то неизбежно смутные к XII в. сведения о предводителях нападавших. Необычная гибель Рагнара, отца викингских вождей, поражала воображение и имела основания запечатлеться в памяти горожан, возможно, в виде рассказа о смерти одного из вождей нападавших. Не исключено и топографическое при-

[33] Ragnars saga Loðbrókar. Cap. 14.
[34] Ragnars saga Loðbrókar. Cap. 15–17.

урочение легенды к какому-либо месту: формирование подобного типа легенд было весьма распространено.

Для Николая же упоминание о гибели некоего вождя в змеином рве и, возможно, показ места, где этот ров находился, естественнее всего должны были ассоциироваться с Гуннаром — поскольку дело происходило на юге Европы, — а не с Рагнаром, погибшим в Англии, о чем было хорошо известно в Исландии. В обоих сюжетах присутствовали мотивы смерти героя в змеином рве, за смертью героя следовала месть, в захвате как Луни, так и Йорка принимали участие сыновья Рагнара Кожаные Штаны.

Можно предположить, что в Луни Николай услышал рассказы о гибели некоего скандинавского вождя в змеином рве и связал его с именем Гуннара. Сбивчивость рассказа, отсутствие имени погибшего, возможно, место гибели Гуннара в Италии, а не в Германии — все это могло заронить сомнения у Николая и заставить его специально оговорить свой источник информации.

Четвертый сюжет — упоминание о «купальне Тидрека» (*Þiðreksbað*) поблизости от Витербо — восходит к эпической истории остготского короля Теодориха Великого, древнегерманские сказания о котором частично вошли в цикл нифлунгов, а позднее были суммированы и переведены на исландский язык в виде «Саги о Тидреке Бернском». Наименование содержит аллюзию на заключительную часть саги, в которой рассказывается о смерти Тидрека. Собираясь искупаться в месте, названном *Þiðreksbað*, старый король видит огромного оленя, за которым он хочет пуститься в погоню, но не может из-за отсутствия оседланного коня. В это время появляется «черный как ворон» конь, который уносит Тидрека быстрее птицы, и король понимает, что это дьявол, который несет его в ад. Раскаиваясь в грехах, он обращается к Господу и Деве Марии с просьбой об освобождении из ада, которое ему даруется[35] Перевод саги был осуществлен только в середине XIII в., но сюжет о смерти Тидрека был весьма популярен в Скандинавии уже в XII в. Он отражен на нескольких рельефах из церквей Готланда и др.[36] и воспринимался как пример того, что даже самые могущественные правители могут нежданно оказаться в сетях дьявола и что только раскаяние и обращение к Богу может спасти их души.

Поводом для локализации Николаем «купальни Тидрека» стали, вероятно, горячие источники поблизости от Витербо, которые использовались уже в античное время. Остатки древних построек могли быть сопоставлены Николаем, знавшим устные сказания о Тидреке, с местом его смерти.

---

[35] Þiðreks saga af Bern / H.Bertelsen. København, 1905–1911. Cap. 438.

[36] *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. P. 30.

Как видим, эпические сюжеты занимают важное место в «Дорожнике» Николая, и, как справедливо считают его исследователи, их использование проливает свет на особенности мировосприятия средневекового исландца. Их роль в повествовании ранее казалась довольно очевидной — случайные ассоциации, вызванные созвучием топонимов или другими соображениями. В конце 1980-х годов я отметила — на материале «Дорожника» Николая и географических трактатов — актуальность эпической географии (шире — эпической истории) в сознании средневековых скандинавов[37] Новую, христианско-символическую интерпретацию эпических сюжетов в «Дорожнике» предложил позднее Л.Лённрут. По его мнению, все упоминаемые Николаем эпические сюжеты были осмыслены им в духе христианской аллегории; они являлись своего рода *exempla*, которые должны были «постепенно вести пилигрима от языческого мира скандинавского мифа к христианскому миру избранных Христом мучеников и достигать вершины у святых гробниц Рима и Иерусалима. Тем самым *Leiðarvísir* является типичным путеводителем не только в прямом, но и в духовном и теологическом смыслах. По своему замыслу он должен был указать дорогу к спасению»[38] Клад, добытый Сигурдом на Гнитахейде, по мнению Л.Лённрута, символизировал гибельность мирских сокровищ; история осады и завоевания Вифильсборга была своего рода притчей, порицающей гордыню, тогда как рассказ о старце, отвратившем викингов от нападения на Рим, должен был свидетельствовать о благодетельности смирения и скромности. Наконец, уже на подступах к Риму Николай, как считает Л.Лённрут, сказанием о смерти Тидрека напоминает будущему паломнику о ничтожности земных благ, власти и могущества, о необходимости раскаяния и обращения к Богу. Выбор эпических сюжетов поэтому представляется Л.Лённруту не случайным, хотя ученый не оспаривает топонимические привязки сюжетов, а преднамеренным и сделанным Николаем в целях проведения паломника по ступеням христианской морали, последовательность которых обеспечивает постепенное углубление идеи тщетности земных благ.

Предложенная Л.Лённрутом интерпретация героико-эпической сюжетики в «Дорожнике», исходящая из свойственной средневековым книжникам и теологам логики аллегорического толкования всего многообразия явлений жизни и культуры, весьма интересна. Однако она предполагает чрезвычайно высокий софистический уровень Николая.

---

[37] *Мельникова Е.А.* Героико-эпическая и практическая системы географических представлений в средневековой Скандинавии: формы взаимодействия // Средние века. М., 1989. Вып. 52. С. 146–156.

[38] *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. P. 31.

Действительно, как показывает Л.Лённрут, в приведенной Олавом Тордарсоном строфе Николай удачно соединяет два библейских мотива, используя прием уподобления, и обнаруживает тонкость и глубокое понимание метода аллегории, создавая цельный образ искупления через распятие, а затем через святое причастие. Вместе с тем сугубо религиозное содержание поэмы само по себе требовало обращения к специфическим для этого жанра приемам. Более того, Николай использует здесь библейские образы, которые не нуждались в «перекодировании». В других сохранившихся строфах, также религиозного содержания, Николай широко пользуется традиционной скальдической метафорикой: он называет Бога «смелым как сокол конунгом мира и людей» (*hauksnjallr konungr heims ok holda*) и обозначает его тройным кеннингом «вождь моста телеги» (*vagnbryggju tyggi*), где телега — Большая Медведица, мост телеги — небеса, вождь небес — Бог[39] Но этот прием не является особенностью творчества Николая: включение традиционной дохристианской лексики, поэтицизмов и метафорики в раннюю христианскую поэзию — явление, чрезвычайно широко распространенное[40], в том числе и в Скандинавии. Тем не менее бесспорно, что в своих поэтических произведениях Николай обнаруживает и способности, и умение вкладывать религиозное содержание в элементы традиционной скандинавской дохристианской словесности.

Можно ли с уверенностью говорить, что и в «Дорожнике» он использовал аналогичный прием? В тексте «Дорожника» не содержится ни малейших указаний на дидактическое толкование эпических сюжетов. Ни в одном случае Николай не поясняет их аллегорический смысл и не делает ни единого намека на возможность подобной интерпретации. Даже если сам Николай и находил аллегорический смысл в эпических сюжетах, вряд ли он мог рассчитывать на то, что каждый скандинавский пилигрим середины XII в. воспримет эпический сюжет как притчу и поймет скрытую в нем идею. Это тем менее вероятно, что в древнескандинавской литературе при всей многочисленности пересказов героико-эпических сюжетов (кратких и пространных — в виде отдельных саг), ссылок и аллюзий на них, построенных на них скальдических кеннингов и др. их христианско-аллегорические интерпретации отсутствуют. Более того, героико-эпические сказания воспринимаются в скандинавском обществе XII–XIII вв. как неотъемлемая и достоверная часть исторического прошлого, о чем свидетельствует включение этих сюжетов в историографические со-

[39] *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. P. 31–33.

[40] Достаточно вспомнить англо-саксонскую религиозную поэзию: гимн Кэдмона, поэмы Кюневульфа и др.

чинения (например, в «Деяния данов» Саксона Грамматика, начало XIII в.)[41]

Свидетельства же саг о христианских влияниях на эпическую традицию относятся к XIII в., т.е. ко времени не просто более позднему, нежели поездка аббата Николая, но образующему иную культурную эпоху: именно с конца XII в., т.е. через несколько десятилетий после смерти Николая, начинается интенсивный перевод европейских литературных памятников, появляются первые записи сначала королевских, затем родовых и, наконец, викингских саг и саг о древних временах, в некоторых случаях происходит переосмысление сюжетики викингских саг, в которые вводятся христианские мотивы, а героическая фабула наполняется христианским содержанием (что, например, происходит с «Сагой об Ингваре» и «Сагой об Одде Стреле»[42]). Так, сюжет о старце, отвратившем сыновей Рагнара Кожаные Штаны от нападения на Рим, включен в «Сагу о Рагнаре Кожаные Штаны», составленную во второй половине XIII в. Он основан на распространенном фольклорном мотиве (изношенная обувь как показатель длительности пути), который служит в данном случае объяснением, почему сыновья Рагнара отказались от набега на Рим. В тексте нет прямых христианских аллюзий, но замена им рассказа о взятии Луни может иметь христианский подтекст.

Поэтому кажется несколько сомнительным предположение о наличии у Николая строгого и последовательно осуществленного дидактического замысла. Бесспорно, однако, что некоторые героико-эпические сюжеты (в первую очередь легенда о смерти Тидрека, впрочем, сама по себе содержавшая нравоучительные мотивы) могли осмысляться Николаем аллегорически. Вместе с тем представляется, что помещение героико-эпических локусов в реальном пространстве свидетельствует еще об одной стороне менталитета скандинавов XII–XIII вв.

---

[41] Аллегорические интерпретации упомянутых Николаем героико-эпических сюжетов, по мнению Л.Лённрута, были достаточно распространены уже в XII в., и Николай мог рассчитывать на их узнаваемость. Мотивы убийства Фафнира Сигурдом и игры Гуннара на арфе в змеином рве, причем именно совместно, использовались в декоре нескольких норвежских деревянных церквей (панели на входных дверях), что, как полагают, свидетельствует об их наполнении христианским содержанием (*Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. P. 28–29. См. также: *Düwel K.* Zur Ikonographie. S. 264–271). Нельзя, однако, не отметить, что в декоре норвежских *stavkyrkor* присутствует значительное количество и других традиционных и восходящих к язычеству мотивов, например головы драконов, украшающие скаты крыши, и др., христианская интерпретация которых затруднительна.

[42] *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре. Текст, перевод, комментарий. М., 2001 [в печати]; *она же.* От язычества к истинной вере: путь главного героя древнеисландской Саги об Одде Стреле // Церковная археология. СПб., 1995. Ч. 1. С. 85–87.

Эпические сюжеты, локализуемые Николаем в различных пунктах его пути, как видим, принадлежат к двум циклам: общегерманскому, истории клада нифлунгов и соединенному с ней сказанию о Теодорихе Великом, и собственно скандинавскому, восходящему к преданиям о ранних походах викингов. Оба эпических пласта были широко известны в Исландии и породили большое количество разножанровых произведений; восходящие к ним образы и мотивы составляли основу скальдической метафорики. Для исландца XII в. персонажи этих сказаний, события, в которых они участвовали, места, где происходили события, были значащими не как некая условность, а как реальность современного им мира. Не случайно авторы двух географических трактатов («Какие земли лежат в мире» и «Описание Земли III»), сочинений, безусловно ориентированных на отображение реального пространства, включают в перечень стран Европы Страну гуннов (*Hunaland*) и Страну славных готов (*Reiðgotaland*) — территории давно исчезнувших народов, воспоминания о которых сохранились именно в героическом эпосе и его позднейших переработках[43]

Квазиреальность эпического прошлого позволила Николаю с легкостью актуализировать его, находить его приметы в современном ему мире. Созвучие наименований, сходство событий в искаженных длительной передачей легендах порождали ассоциации с эпическими персонажами и сюжетами.

Другим важным для Николая комплексом сведений были известия о пребывании скандинавов в местах, которые он проезжал. Получив подобную информацию или сопоставив названия мест с тем, что ему было известно ранее, Николай не упускает случая рассказать об этом своим читателям. Он отмечает пути, по которым едут в Рим скандинавские паломники (см. выше), указывает на большое значение для Скандинавии немецкой культуры, отдельные элементы которой начинают проникать на север[44]

Особое значение Николай придает паломничеству датского короля Эрика Доброго (*Erik Ejegod*, 1095–1103), о деятельности которого он рассказывает дважды. Четвертый из пяти правивших в Дании сыновей Свена Эстридссена, Эрик воспринял призыв папы Урбана к крестовому походу и отправился в Рим, чтобы присоединиться к крестоносцам. Там он добился двух крайне важных для датской церкви решений курии: канонизации своего брата Кнута II, убитого в 1086 г. мятежным

---

[43] *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 62–65, 94–96, 213–214; *она же.* Героико-эпическая и практическая системы. С. 149–156.

[44] Наиболее сильные немецкие влияния в Скандинавии связываются со становлением Ганзейской лиги немецких городов (с конца XII в.), куда вошли Висбю (о. Готланд) и Берген (Норвегия).

народом в кафедральном соборе св. Альбана в Оденсе, и учреждения архиепископии с центром в Лунде. Кнут II стал первым датским святым, культ которого широко распространился и использовался датскими королями. Создание же архиепископии положило начало самостоятельности скандинавской церкви (вскоре вслед за Лундской были учреждены архиепископии в Швеции и Норвегии), которая до того времени находилась в ведении Гамбургско-Бременского архиепископства. Из Рима Эрик отправился в качестве паломника в Иерусалим, захваченный крестоносцами в 1099 г., — это было первое паломничество скандинавского правителя в Святую Землю. По дороге Эрик останавливался в Константинополе, где уделил специальное внимание вэрингам — скандинавам на службе византийского императора. Король и сопровождавшая его королева Бодиль не доехали до Иерусалима: они умерли от болезни на острове Кипр.

Аббат Николай, во-первых, сообщает о существовании приюта Эрика между Пьяченцей и Борго сан Доннино, когда проезжает это место. Во-вторых, более подробно на судьбе Эрика он останавливается далее, когда описывает Кипр. Здесь он говорит о смерти короля, неких распоряжениях, сделанных им в Лукке, и об основании приюта для скандинавов поблизости от Пьяченцы: «Он оставил в Лукке деньги так, чтобы каждый человек датского языка (скандинав. — *Е.М.*) мог бесплатно пить вино в достаточном количестве, и он велел построить приют в 8 милях к югу от Плазинзоборга (Пьяченцы), где кормят любого человека». О странноприимном доме, основанном Эриком, упоминает также составитель «Саги о Кнютлингах» (XIII в.)[45] По сообщению Э.Верлауфа, среди документов, хранящихся в Лукке, имеется грамота, в которой сообщено, что в 1099 г. король Энрик (*Enricus rex*) подарил церкви св. Фредиана в Лукке два двора с условием ежедневно служить мессу и возжигать по ночам свечи в его память[46]

Но не только богоугодная деятельность датского короля привлекает внимание Николая. В связи с пребыванием на Кипре он отмечает, что в городе Беффа (Пафо) находится гарнизон, состоящий из скандинавских воинов (*par er Véringia seta*). Византийские источники не сообщают о размещении вэрингов на Кипре, и упоминание Николая — единственное свидетельство их пребывания на острове, причем, судя по употреблению глагола *vera* в форме настоящего времени, этот гарнизон стоял на острове во время путешествия Николая.

---

[45] Knýtlinga saga. Kap. 72 // Sǫgur Danakonunga / C.Petersen, E.Olsen. København, 1919–1925.

[46] *Werlauff E.C.* Symbolae ad geographiam medii ævi, ex monumentis islandicis. Hauniae, 1821. S. 51. Ref. 151.

Последний сюжет, связанный с деятельностью скандинавов, касается участия короля Норвегии Сигурда (1103–1130), сына Магнуса Голоногого, в крестоносном движении. Рассказ о походе Сигурда в Йорсалаланд содержится в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого»[47] Согласно саге, Сигурд отправился в поход через четыре года после того, как был избран конунгом, т.е. в 1107 г. В это время ему было около 19 лет. Сигурд плыл Западным путем, останавливаясь, судя по саге, в Англии, Франции, сражаясь с викингами на море, с мусульманами в Испании и на Балеарских о-вах, посетив Рожера II, короля Сицилийского государства с 1130 г., и в конце пути приплыв в Святую Землю[48] В Иерусалиме он был с почетом принят Балдуином, королем государства крестоносцев в Иерусалиме (1100–1118). Вместе с ним, по саге, он участвовал в осаде и взятии Акры (была взята в 1104 г. войском Балдуина Бульонского). Николай же сообщает об участии Сигурда в завоевании Яффы, крупного порта и торгового центра Леванта, которая на самом деле была в руках крестоносцев с 1099 г. И составитель саги, и Николай тем самым неточно освещают деятельность Сигурда Крестоносца. Вместе с тем повествование саги хотя и неточно, но отражает участие Сигурда в борьбе за Акру: в «Истории» Фульхера Шартрского, описывавшего завоевания крестоносцев с 1095 по 1127 г., отмечено прибытие норвежцев на 55 кораблях (по саге — 60) в критический момент осады Акры мусульманами, что вынудило их отступить от стен крепости. Что же касается совместных действий Балдуина и Сигурда, то, по мнению Б.Кедара и К.Вестергорд-Нильссона, норвежский король участвовал в осаде и взятии Сайды (1110 г.), действительно организованных Балдуином, в то время уже королем Иерусалимского королевства[49] В том же году Сигурд отправился в Константинополь и затем вернулся в Норвегию.

Таким образом, аббат Николай с большим вниманием относится к деятельности скандинавских правителей и воинов на юге Европы и в Палестине. Он отмечает связанные с нею места и, в противоположность обычным для него крайне лаконичным упоминаниям христианских памятников и реликвий, германских и скандинавских героико-эпических сюжетов и т.п., дает более или менее пространную характеристику этой деятельности.

Единственной другой темой, пронизывающей сочинение Николая, являются легенды, связанные с именами святых, чтимых в тех местах,

---

[47] *Снорри Стурлусон.* Круг земной. С. 485–487.

[48] См. подробно: *H.R.Ellis Davidson.* The Viking Road to Byzantium. London, 1976. P 259–262.

[49] *Keder B.Z., Westergård-Nielsen C.* Icelanders. P. 198.

которые он проезжал, или находящимися там реликвиями[50] Количество пересказанных им легенд велико — более десяти. К их числу принадлежат биографические сведения о том или ином святом (св. Мартине, св. Николае), включая рассказы о мученичестве святых (апостолов Петра и Павла, св. Маврикия, святых мучеников Иоанна и Павла, дружинников Констанции), следах их пребывания (след ноги св. Кристины на камне) и т.п. Он упоминает, но иногда и рассказывает более подробно об основании церквей, монастырей, странноприимных домов. Представляет интерес, что Николай, за исключением одного случая (распятие *Volto Santo* в Лукке), не рассказывает о чудесах тех или иных святых, хотя, несомненно, слышал о них многое. Значительную часть сведений Николай, вероятно, почерпнул из агиографической литературы, возможно, находясь еще в Исландии. Некоторые же сведения (как, например, сообщение о следе св. Кристины) он мог узнать только во время своего путешествия.

«Дорожник» аббата Николая заметно выделяется не только среди древнескандинавских итинериариев (см. ниже), но и во всей западноевропейской литературе этого жанра. Его отличает живой интерес автора как к христианским реликвиям, так и к особенностям жителей тех или иных областей, через которые он проезжал. Николай проявляет внимание к политической географии Европы и путям паломников в Рим и Святую Землю. Особое значение он придает следам деятельности своих соотечественников, будь то германские эпические герои, датские и норвежские правители или воины на службе в Византии. Благодаря широте кругозора и разнообразию интересов Николая его сочинение охватывает значительно больший круг проблем, нежели основная масса итинериариев.

«Дорожник» аббата Николая сохранился в четырех рукописях, две из которых являются поздними (XVIII в.) списками с более ранних. Полный текст сохранился только в рукописи AM 194,8° (1387 г.). Ни в одной рукописи он не выделен заголовком. Лишь первое слово, *Sva*, начато инициалом. «Дорожнику» предшествуют небольшие географические заметки и пространное описание Земли («Описание Земли I»), которое до 1980-х годов приписывалось Николаю[51] Исследование предшествующих «Дорожнику» текстов показало, что «Описание Земли I» — отдельное сочинение, созданное не ранее 1190-х годов[52]

---

[50] См. обзор христианских легенд у Николая: *Raschellà F.* Devozione cristiana e leggenda germanica nell'«itinerarium» dell'abate Nicola di Munkaþverá // L'immaginario nelle Letterature Germaniche del Medioevo. Milano, 1995. P 257–273.

[51] См., например: *Хеннинг Г* Неведомые земли. М., 1963. Т. 2. С. 333.

[52] См. подробнее: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 72–73.

Таким образом, в сборнике AM 194,8° с именем Николая можно уверенно связывать только описание пути из Исландии в Палестину.

Рукописи[53]:

AM 736 II, 4° — пергамен, 2 л., ок. 1400 г., л. 1r–v, без заголовка.

AM 194, 8° — пергамен, 52 л., 1387 г. (л. 1–34 и 37–52), л. 11–16r, без заголовка.

AM 766 b, 4° — бумага, 39 л., начало XVIII в., копия с AM 194, 4°, выполненная Арни Магнуссоном, л. 18–39v, без заголовка.

NKS 359, 4° — бумага, 13 л., вторая половина XVIII в., копия с AM 736 II, 4°, без заголовка.

Издания:

Werlauff E.C. Symbolae ad geographiam medii ævi, ex monumentis islandicis. Hauniae, 1821. S. 15–32; *Rafn K.* Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhague, 1852. T. II. P. 405–415; Alfræði Íslenzk. Islands encyklopædisk litteratur / K.Kålund. København, 1908. B. I. Cod. Mbr. 194,8°. S. 12–23; Ein isländisches Itinerar für Pilger aus dem 12. Jahrhundert / H.-J.Graf. Kempen, 1973. S. 4–7; Die Waräger. Ausgewählte Texte zu den Fahrten der Wikinger nach Vorderasien / E.Ebel. Tübingen, 1978. S. 103–105 (фрагмент); *Pritsak O.* The Origin of Rus' Cambridge (Mass.), 1981. Vol. 1. Old Scandinavian Sources Other than the Sagas. P. 704–719.

Переводы:

На латинский язык: *Werlauff E.C.* Symbolae ad geographiam medii ævi, ex monumentis islandicis. Hauniae, 1821. S. 15–32; *Rafn K.* Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhague, 1852. T. II. P. 405–415.

На датский язык: *Kålund K.* En Islandsk Vejviser for pilgrimme fra 12. århundrede // Aarbøger for nordisk oldkyndighet og historie. 3 Række. 1913. B. III. H. 2. S. 54–61.

На английский язык: *Magoun Fr.P., Jr.* The Pilgrim Diary of Nikulas of Munkathvera: the Road to Rome // Mediaeval Studies. Toronto, 1944. Vol. VI. P. 347–350; *Pritsak O.* The Origin of Rus' Cambridge (Mass.), 1981. Vol. 1. Old Scandinavian Sources Other than the Sagas. P. 705–719; *Keder B.Z. Westergård-Nielsen C.* Icelanders in the Crusader Kingdom of Jerusalem: a Twelfth-Century Account // Medieval Scandinavia. Odense, 1982. Vol. 11. P. 203–206.

---

[53] Подробнее о рукописях см.: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 21–22.

На немецкий язык: Ein isländische Itinerar für Pilger aus dem 12. Jahrhundert / H.-J.Graf. Kempen, 1973. S. 11–15.

На итальянский язык: *Scovazzi M.* Il viaggio in Italia del monaco islandese Nikolas // Nuova rivista storica. 1967. L. 1. P. 358–362; *Raschellà F.* Itinerari italiani in una miscellanea geografica islandese del XII secolo // Annali Istituto universitario orientale. Sez. Filologia Germanica. 1985–1986. T. 28–29. P. 541–584.

Литература:

Kålund K. Alfræði Íslenzk. B. I. S. XIX–XXV; *Kålund K.* En Islandsk Vejviser for pilgrimme fra 12. århundrede // Aarbøger for nordisk oldkyndighet og historie. 3 Række. 1913. B. III. H. 2. S. 51–105; *Ker W.P.* Abbot Nikolas on the Alps // The Alpine Journal. 1921/1922. Vol. 34. P. 417–425; *Solmi A.* L'itinerario italico dell'abate Nicolò Thingoerense del 1151–54. 1. Da Vevey a Roma // Rendiconti. Reale Istituto Lombardo di Scienze e Lettere. Ser. II. 1933. T. 66/XIX–XX. P. 1207–1222; *Blöndal S.* To syditalienske Valfartssteder og deres forbindelse med Norden // Nordisk tidskrift för vetenskap, konst och industri. 1940. Årg. 16. S. 316–327; *Magoun Fr P., Jr.* The Rome of Two Northern Pilgrims: Archbishop Sigeric of Canterbury and Abbot Nikulás of Munkathverá // Harvard Theological Review. 1940. Vol. 33. P. 267–289; *Vries J. de.* Altnordische Literaturgeschichte. Berlin, 1942. Bd. 2. S. 198–199; *Magoun Fr. P Jr.* Nikulás Bergsson of Munkaþverá and Germanic Heroic Legend // Journal of English and Germanic Philology. 1943. Vol. XLII. P. 210–218; *idem.* The Haddeby and Schleswig of Nikulás of Munkaþverá // Scandinavian Studies. 1943. Vol. 17. P. 167–173; *idem.* The Pilgrim Diary of Nikulas of Munkathvera: the Road to Rome // Mediaeval Studies. Toronto, 1944. Vol. VI. P. 314–354; *Blöndal S.* St. Nikúlas og dýrkun hans, sérstaklega á Íslandi // Skírnir. 1949. B. 124. S. 67–97; *Holtsmark A., Hald K., Odenius O.* Itinerarier // Kulturhistorisk Leksikon for Nordisk Middelalder. København. 1962. B. VII. Sp. 517–520; *Scovazzi M.* Il viaggio in Italia del monaco islandese Nikolás // Nuova rivista storica. 1967. L. 1. P. 358–362; *Lönnroth L.* Nikolás Bergssons vägvisare för pilgrimer som mentalitetshistorisk källa // Symposium om Socialantropologi og Nordisk Middelalder. Aarborg, 1981; *Kedar B.Z., Westergård-Nielsen C.* Icelanders in the Crusader Kingdom of Jerusalem: a Twelfth-Century Account // Medieval Scandinavia. Odense, 1982. Vol. 11. P. 193–211; *Hill J.* From Rome to Jerusalem: an Icelandic Itinerary of the Mid-Twelfth Century // Harvard Theological Review. 1983. Vol. 76. № 2. P. 175–203; *Мельникова Е.А.* Героико-эпическая и практическая системы географических представлений в средневековой Скандинавии: формы взаимодействия // Средние века. 1989. Т. 52. С. 146–156; *Lönnroth L.* A Road Paved with Legends.

The Pilgrim Itinerary of Nikolás Bergsson // *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. Göteborg, 1990. P. 17–34; *Pritsak O.* The Origin of Rus' Cambridge (Mass.), 1981. Vol. 1. Old Scandinavian Sources Other than the Sagas. P. 704–705; *Raschellà F.* Itinerari italiani in una miscellanea geografica islandese del XII secolo // Annali Istituto universitario orientale. Sez. Filologia Germanica. 1985–1986. T. 28–29. P. 541–584; *Simek R., Hermann Pálsson.* Lexikon der altnordischen Literatur. Stuttgart, 1987. S. 257; *Simek R.* Leiđarvísir // Medieval Scandinavia: an Encyclopedia. New York, London, 1993. P. 223; *idem.* Cosmology // Medieval Scandinavia: an Encyclopedia. New York, London, 1993. P. 110–111; *Raschellà F.* Devozione cristiana e leggenda germanica nell'«itinerarium» dell'abate Nicola di Munkaþverá // L'immaginario nelle Letterature Germaniche del Medioevo. Milano, 1995. P. 257–273.

Текст публикуется по изданию Alfræði Íslenzk. B. I. S. 12–23 без разночтений и без обозначения палеографических особенностей; варианты чтений по другим рукописям см. в подстрочных примечаниях к изданию Alfræði Íslenzk. Разбивка текста на абзацы, если не оговорено иное, произведена мною.

Текст

Sva er sagt, at umhverfis Island se vii dœgra sigling ath raudum byr, ok skiptiz, sva sem þarf, þviat eigi ma eitt vedr hafa. Sva ok medal Islands ok Noregs er kallat iamlangt.

Úr Noregi er fyrst at fara til Danmerkr i Ála-borg. Sva telia Romferlar, ath or Ála-borg se ii daga fór til Vebiarga, þa er viku fór til Heida-bėiar, þa er skamt til Sles-vikr, þa dag-fór til Ægis-dyra. Þar mėtazt þessi lond Danmork ok Hollsetu-land, Sax-land ok Vinland.

Þa er dagfor i Heitsinnabė aa Hollsetulandi, þa ferr yfir Saxelfi til Stóduborgar. Aa Saxlandi er þiod kurteisuzt, ok nema þar Nordmenn mart eptir ath breyta. I Stoduborg er biskups-stoll ath Mario kirkiu. Þa er ii daga for til Ferdu-borgar. Þa er skamt til Nyio-borgar. Þa er Mundio-borg, þar er byskups-stoll ath Petrs kirkio. Nu skiptazt tungur. Þa er ii daga for til Póddu-brunna, þar er byskups stoll ath Liborius kirkiu, þar hvilir hann. Þa er iiii daga fór til Meginzo-borgar, þar i milli er þorp, er Horus heitir, annat heitir Kiliandr, ok þar er Gnita-heidr, er Sigurdr va Fabni.

Su er ónnur leid ór Stódu-borg ath fara ith eystra of Saxland til Horsafellz, þaþan til Valfoborgar, þadan til Hana-bruin-borgar, þa til Hilldisheims, þar er byskups stoll, þar hvilir enn helgi Gudhardus, þa til Gandurheims, þa til Fridla, þa til Arins-borgar, þa er eigi langt til

Meginzoborgar sem adr foro ver. Þesar ii þiod-leidir fara Nordmenn, ok kemr saman leidin i Meginzo-borg, ef þessar ero farnar, ok er þat flestra manna for.

Su er ónnur leid til Roms ath fara or Noregi <til Frijslandz — 736 ii> til Deventar eda Trectar, oc taka menn þar staf ok skreppu ok vigslu til Romferdar. Or Trekt er vi daga for til Kolnis-borgar, þar er erkibyskups stoll ath Petrs kirkiu. Af Kolnis byskupi skal keisari taka vigslo i þeiri kirkio er Aquis-grani heitir. Or Kolni ero iii dagleidir upp med Rin til Meginzoborgar, þar er erkibyskups stoll ath kirkiu Petri et Pauli. Þa er dag-for til Spiro, þar er byskups stoll ath Mario kirkiu. Þa er dagfor til Sels-borgar. Þa er dagfor til Strans-borgar, þar er byskups stoll ath Mario kirkiu, þa iii dagleidir til Boslara-borgar.

Þa ferr fra Rin dagfòr til Solatra. Þa er dag-for til Vivilsborgar, hon var mikil, adr Lodbrokar-synir brutu hana, enn nu er hon litil. Þa er dag-for til Fivizu-borgar, hon stendr vid Marteins-vatn, þar koma leidir saman þeira manna, er fara of Mundio-fiall sudr, Frackar, Flèmingiar, Valir, Englar, Saxar, Nordmenn. Þa er dag-for til Mauricius-borgar, þar hvilir hann med allt lid sitt vi þusundir ok vi hundróth ok vi tigir manna ok vi menn. Þar er Petrs-kastali. Fra Mauricius-borg ero ii dagleidir til Biarnardz spitala, hann er kominn aa fiall upp. Aa Mundio uppi er Petrs spitali, þar er opt ath Olafs messo á sumarit snær á grioti ok iss á vatni.

Fyrir sunnan Mundio er Þrela-þorp. Þa er Augusta, god borg, þar er byskups stoll at Ursus kirkiu, þar hvilir hann. Þa er Marteins-kamrar. Þa er Ioforey, þar ero ii dagleidir a millum ok Augusta. Þa er dagfòr til Fridsèlu, þar er byskups stoll ath Eysebius kirkiu, þar hvilir hann. Þa er dagfor austr af Roma-veg til Melans-borgar. Ef þu ferr rettan Roma-veg, þa er dagfor til Papeyiar, þar er keisara-stoll ath Sirus kirkiu, þar hvilir hann, þar ox upp Martinus byskup, ok hann á þar hófut-kirkiu eina. Þa er dagfor til Plazinzo, þar er byskups stoll ath Mario kirkiu. Aa millum Papeyiar ok Plazinzo fellr á mikil, er Padus heitir. Þa kemr til þeirar leidar, er Ilians-veg foro.

Sudr fra Plazinzo er dagfor til Domna-borgar, þar er Eiriks spitali á milli. Þa er á, er Tár heitir, hon er mikith vatn ok skirt, ok saurgaz hon alldri ne blaungaz, þiath þar saukkr til grunna hvert grand ok sauR, er a hana er kastat. Þar er Társ-borg fyrir sunnan. Þa skal fara yfir fiall, er Munbard heitir. Langbardaland heitir sunnan fra Munbardi ok nordr til Mundio. Annar endir Mundiofials kemr til siofar vestr aa Styrio-landi, enn annar austr i Feneyiabotnum. A Munbardi er Crucis-markadr ok Fracka-skáli. Þa er Montreflar. Þa er dagfor til Mario-gilldis.

Þa er Luna, þar ero Luna-sandar hia borginni, þar ero x milur ath fara of þa ena fógru sanda, ok ero óllum megin borgir, ok er þangat vid-synt. Aa millum Mario-gilldis ok Lunu er Stephanus-borg ok Mario-borg. I Lunusóndum kalla sumir menn ormgard, er Gunnar var i settr. Þa er sudr fra Kioformunt. I Lunu koma leidir saman af Spani ok fra Jacobs.

Dagfor or Lunu til Luku, þar er byskups stóll ath Mario kirkiu, þar er roda su, er Nichódemus lèt gera eptir gudi sealfum, hon hefir ii sinnum męllt, annat sinn gaf hon sko sinn aumum manni, en annath sinn bar hon vitni rėgdum manni. Sudr fra Luko er borg su, er heitir Pisis, þangat hallda kaupmenn dromundum af Grick-landi ok Sikil-ey, Egipta-landz menn, syrlendzkir ok Affrikar. Þar fyrir sunnan er þorp, er Arnblackr heiter. Þa er Mattilldar spitali, þi leystiz hon af or Montakassin ath lata reisa spital ok skal hvern mann ala um nott. Þa er Sanctinus-borg. Þa er Martinus-borg. Þa er Semunt. Þa er Langa-syn, god borg, þar er byskups stoll ath Mario kirkiu, þar ero konur vènstar. Þangat ero iii dagleidir or Luku, en dagfor þadan til Klerka-borgar, onnur til Hanganda-borgar. Þa ferr yfer fiall, er Clemunt heitir, þar er kastali aa uppi, sa heitir mála mulier, þat kóllum ver illa konu, þar er en versta þiod. Fyrir sunnan Clemunt er Hanganda-borg. Þadan heitir Ruscia[a] nordr til Munbardz. Þa ero xii milur til Kristino-borgar, þar hvilir hon, ok er þar spor hennar i steini. Þa ero viii milur til Fla<vian>s-borgar. Þa er dagfor til Boternis-borgar, þar er Þidreks-bad. Þaðan ero x milur til Sutarans micla. Þa er dag-for til Sutarans litla, hann er hia Fegins-brecku, hon er vid Roma-borg fyrir nordan.

Sva er sagt, ath Roma se iiii milur aa leingd, en ii aa breidd. Þar ero v byskups stolar. Einn er ath Ions kirkiu baptiste, þar skal eingi messo syngia yfir há-alltari, sa er midr se vigdr en lyd-byskup, þar er páfa stoll, þar er blod Christi ok klèdi Mario ok mikill hlutr beina Iohannis baptiste, þar er umskurdr Christi ok miolk or briosti Mario, af þorn-giord Christz ok af kyrtli hans ok margir adrir helgir dómar vardir i eino gullkeri miclo[b]

Annar byskups stoll er ath Mario kirkiu, þar skal pafi messo syngia iola-dag ok pascha-dag. Þridi er at kirkiu Stephani et Laurenti, þar skal pafi messo syngia enn viii dag iola ok hatidir þeira sealfra. En austr þadan ii milur er Agnesar kirkia, hun er dyrliguzt i allri borginni, hana lèt gera Constantia dottir Constantini konungs, er hon tok fyrri tru en hann, ok bad hon leyfis ath lata gera Agnesar kirkiu, en konungr leyfdi henne utan borgar ath radi Silvestri pafa. Þadan ero iiii milur i borgina austan i hlid þat, er heitir anteportam latinam, þar er kirkia Iohannis postola. Fra kirkiu Iohannis er skamt til hallar þeirar, er atti Deoclecianus konungr. Þa er Mario kirkia. Þa er kirkia Iohannis et Pauli martirum, þeir voro hird-menn Constancie. Þa er allra heilagra kirkia micil ok dyrlig ok er opin ofan sem Pulkro kirkia i Hierusalem. Vestr fra borginni er Pals kirkia, þar er munclifi ok borg um utan, er gengr or Roma. Þar er stadr sa, er heitir catacumbas. Þetta er allt fyrir utan Tifr, hon fellr i gegnum borgina Roma, hon hèt fordum Albana.

Crescencius-kastali er hèstr i borginni fyrir hedan ána hardla rikr. Þa er kaup-hus Petrs postola hardla mikit ok langt. Þa er en gaufga Petrs kirkia

---

[a] Ошибочно вместо *Tuscia*.

[b] Новая строка в рукописи.

hardla mikil ok dyrlig, þar er lausn óll of vandredi manna of allan heim, ok skal austan ganga i Petrs kirkio, ok alltari i midri kirkio, þar er Petrs órk undir alltara, ok þar var hann i myrkvastofu[c] Ecclesia Petri ccccIx pedum a foribus longa ad sanctum alltare, sed lata ccxxx pedum, ok þi nær stod cros Petri, þa er hann var pindr, sem nu er ha-alltare. I þeim ero half bein Petri et Pauli guds postola, ok half hvortveggi ero i Pals kirkiu. I ha-alltara ero folgin xxv beina lęrisveina Christz þeira er Petro fylgdu i Roma-borg. I Petrs kirkiu er alltari Silvestri pape, þar sem hann hvilir, Gregorius alltari er i Petrs kirkiu, þar sem hann hvilir, Petrs nal er hia úti fyrir vestan.

Sva hafa retorder menn sagt, ath eingi se sva frodr, at vist se ath viti allar kirkior i Romaborg. Roma heiter fyrir nordan Tifr, en Latran fyrir sunnan, ok þo allt saman Roma-borg.

Þadan ero x milur til Ti [...] am. Þa er dagfor til Florenciusborgar, ónnur til Separans borgar. Þar fellr áin Garileam, hon skilr Romveria-riki ok Sikileyiar, ok þar er Campania edr Pull fyrir utan, en Italia fyrir nordan. Þa er [...] qvinaborg xii milur fra Separani, þa vi milur til fialls Montekassin, þar er munclifi rikt ok borg um utan ok x kirkiur i, þar er ęzt kirka Benedicti, þar skolo eigi kónur koma i, þar er Martinus kirkia, er Benedictus lęt gera, þar er fingur Mathei postola ok armleggr Martinus byskups, þar er Andreas kirkia ok Mario kirkia, Stephanus kirkia ok Nicholas kirkia. Þa ero ii dagleider til Kapu. Germanus borg er næst Montakassin. Þa ero ii dagleidir til Beneventar, hon er mest borg aa Puli. I útsudr þadan er Salerni-borg, þar ero lęknar beztir. Sepont hon stendr undir Michails-fialli ok er iii milur á breidd, en x á leingd, ok er hon á fiall upp, þar er hellir Michaelis ok silki-dukr, er hann gaf þangat. Þa er dagfor til Barlar, þa vi milur til Traon, þa iiii til Bisseno-borgar, iiii til Malfeta-borgar, iiii til Ivent, þa vi Nicholaus i Bár, þar hviler hann.

Su er ónnur ferd ith vestra til Kapu or Roma-borg til Albanus-borgar, þadan ferr til Flaians-bruar[d], hon er iii vikna for ath endi-langri ger um fen ok skoga, ok er þat eth agietazta mannvirki, ok ferr of skoga fulla dagleid ok hvert. fęt ófært nema ath Flaians-bru[e] Þa er Terentiana, hana brutu Romveriar, ok er hon nu litil. Þa er Fundiana. Þa er Gaida. Þa er ii daga for til Kapu. Þa ferr til Beneventar. Ut fra er Manupl, þa Brandeis. I hafs-botn þadan ero Feneyiar, þar er patriarcha stoll, þar ero helgir domar Marcus ok Lucas. Skamt fra Duracur er Mario-hófn. Þa er Visgardz-hófn. Þa er Engilsnes. Þa er skamt til eyiar Paciencia eda Sikileyiar, þar er iardelldr ok votn vellandi sem á Islandi. Þa er borg, er Martini heitir, hon er aa Bolgara-landi.

Þa er at sigla til eyiar, er Ku heitir, þar koma leidir saman af Pula ok af Mikla-gardi, verdr til land-nordrs á Pul, en ut i haf til Kritar. Ut fra Ku er

---

[c] Новая строка в рукописи.

[d] Ошибочно вместо *Traians*.

[e] Ошибочно вместо *Traians*.

ey, er Roda heitir. Þa er ath sigla yfir til Griklandz ok til Rauda-kastala. Þa er Patera. Þar var Nicholaus byskup fèddr, ok stendr þar enn skoli hans. Þa er MiRea-borg, þar var hann byskup. Þa er skamt til Ialanda-nes aa Tyrklandi. Þa er ii degra haf til Kiprar. Þar gengr hafs-botn, er Nordmenn kalla Átals-fiord, enn Grickir kalla Gullus[f] Satalie.

I Kipr er borg, er Beffa[g] heitir, þar er Vèringia seta, þar andadiz Eirikr Dana konungr Sveins son brodir Knutz ens helga. Hann lagdi fe til i Luku, ath hverr madr skylldi drecka vin okeypis ath èrnu af danskri tungu, ok hann lèt gera spital viii milum sudr fra Plazinzo-borg, þar er hverr madr fèddr. Honum veitti Paschalis papa ath fèra erchistól af Saxlandi i Danmork.

Fra Kipr er II dègra haf til Acrs-borgar, hon er a Iorsala-landi. Þa er Chafarnaum, hon het fordum Þolomaida. Þa Cesarea. Þa er Iaffa, hana kristnadi Baldvini Iorsala konungr ok Sigurdr konungr Magnus son Noregs konungr. Þa er Askalon, hon stendr aa Serklandi ok er heidin. En austr fra Acrs-borg er Syr, þa Seth, þa Tripulis, þa Lic. Þar gengr inn hafs-botn, þann kóllum ver Anþekio-fiord. Þar er Anthiochia i botninum, þar setti Petr postoli patriarchia stol sinn. Þessar borgir allar standa aa Syrlandi.

Galilea-herath er upp aa land fra Akrs-borg. Þar er fiall mikit, er Tabor heitir, þar syndiz postolom Moyses ok Helias. Þa er Nazaret, þar kom Gabriel engill til motz vid Mario, ok þar var Cristr fèddur iii vetr of xx. Þa er þorp, er heitir Gilin. Þa er Iohannis-kastali, er fordum hèt Samaria, þar fanzt heilagr domr Iohannis baptista, þar er Iacobs brunr, er Cristr bat conuna gefa ser ath drecka af. Þa er Nepl micil borg. Þa er borg, er heitir Casal. Þa er Maka Maria.

Þa er upp til Iorsala-borgar, hon er agièzt borga allra i hemi, of hana er hvervetna sungit um alla kristni, þviat þar ser enn stormerki pislar Cristz. Þar er kirkia su, er gróf drottins er i, ok stadr sa, er cross drottins stod, þar ser glógt blod Christz á steini, sem ny-blètt sé, ok sva mun æ vera til doms-dags, þar na menn liosi a pascha aptan or himni ofan, hon heitir Pulkro kirkia, hon er opin ofan yfir grofinni. Þar er midr heimr, þar skinn sol iamt or himni ofan of Iohannis messo. Þar er spitali Iohannis baptista, sa er rikaztr i óllum heimi. Þa er Davids tiorn[h] I Hierusalem er templum domini ok Salomons musteri[i].

I ut-sudr fra Iorsala-borg er fiall þat, er heitir Synai[j], þar kom enn helgi andi yfir postola, ok þar matadiz Cristr skirdags aptan, ok stendr þar enn bord þat, er hann matadiz á. Fiorar milur sudr fra er Bethleem, litil borg ok

---

[f] Ошибочно вместо *Gulfus*.
[g] Ошибочно вместо *Baffa*.
[h] Ошибочно вместо *turn*.
[i] Новая строка в рукописи.
[j] Ошибочно вместо *Syon*.

fógr, þar var Cristr borinn. Þadan er skamt til Bethania kastala, þar reisti Cristr Lazarum af dauda. I land-sudr fra Iorsala-borg er vátn þat, er heitir dauda-sioR, þar sókdi gud nidr borgum ii Sodoma fyrir handan, en Gomorram fyrir hedan, þar fellr Iordan i gegnum ok blendz ecki vid vótnin, þviat hon er helgazt vatn. Austr fra borginni er fiall, er heitir mons oliveti, þar ste Cristr upp till himna. Aa medal fiallzins olivéti ok Iorsala-borgar er dalr sa, er heitir vallis Iosaphat, þar er grof Mario drotningar. Þa er long stund til Querencium fiallz, þar fastadi gud, ok þar freistadi diofull hans. Þar er Abrahams kastali. Þar stod Hiericho. Þar ero Abrahams-veller. Þa er skamt til Iordanar, er Cristr var skirdr, hon fellr or landnordri i út-sudr. Þar fyrir utan ána er Rabita-land, enn fyrir hedan Iorsalaland, er þeir kalla Syrland. Aa árbackanum stendr ein litil kapella, þar for Cristr af klédum sinum, ok er þvi kapellan ger til vitnis þes stadar sidan. Ut vid Iordan, ef madr liggr opinn á slettum velli ok setr kne sitt upp ok hnefa á ofan ok reisir þumal-fingr af hnefanum upp, þa leiþar-stiarna þar yfir ath sea iafn-ha en eigi hèra[k]

Utan fra Iordán er v daga fór mikil til Akrs-borgar, en þadan xiiii dęgra haf á Pul, þat er xviii hundruth milna, enn xiiii daga ganga ór Baar i Roma-borg, litil vi vikna for sunnann til Mundio, enn iii nordr i Heida-bé. Enn ith eystra[l]. Ilians-veg er ix vikna fór. Siau daga for or Heida-bé i Vebiorg. Þa er Scódu-borgar-aa á midmunda. Ór Vebiorgum er ii daga for til Álaþorgar.

Leidarvisir sea ok borga-skiptan ok allr þessi frodleikr er ritinn ath fyrir-sogn Nicholas abota, er bédi var vitr of vidfregr, minnigr ok margfrodr, rádvis ok rettordr, ok lykr þar þessi frasogn[m]

Перевод

Говорят[1], что вокруг Исландии семь дней плавания при сильном попутном ветре, при том, что он меняется, как необходимо, потому что пользоваться только одним ветром невозможно. И считается, что расстояние между Исландией и Норвегией столь же велико.

Из Норвегии[2] сначала надо ехать в Данию в Алаборг (Ольборг)[3] Ездившие в Рим[4] сообщают, что от Алаборга два дня езды до Вебьярга (г. Виборг), затем неделя езды до Хейдабэ (Хедебю), затем недалеко до Слезвика (г. Шлезвиг)[5], затем день езды до реки Эгисдюр (р. Эйдер)[6] Там соприкасаются такие земли: Данморк (Дания) и Хольсетуланд (Гольштейн), Саксланд[7] и Виндланд[8]

---

[k] Новая строка в рукописи.

[l] Ошибочно вместо *vestra*.

[m] Далее с новой строки следует текст, начинающийся словами «Roma-borg er yfir ollum borgom» и выделяемый в качестве самостоятельного сочинения с условным названием «Перечень городов и мест упокоения святых». См. ниже.

Ольборг
Виборг
Шлезвиг
Хедебю
Итцехо
Гаде
Харсефельд
Девентер
Утрехт
Ферден
Нимбург
Вальсроде
Минден
Ганновер
Лахен
Кельн
Хильдисхейм
Гандерхейм
Падерборн
Фритцлар
Майнц
Аренсбург
Шпейер
Зельц
Страсбург
Базель
Золотурн
Аванш
Женевское оз.
Вивис
Сен-Морис
Сен-Бернар
Этрубль
Ивреа
Милан
Лоста
Павия
Верчелли
Пьяченца
Борго сан Доннино
Таро
Понтремоли
Луни
Лукка
Пиза
Поггибонзи
Сиена
Сан Квирико
Аквапендент
Больсена
Витербо
Сутри
Манфредония
Барлетта
Дуррес
Рим
Фонди
Трани
Террачина
Беневенто
Мольфетта
Гаэта
Бари
Монополи
Капуя
Бриндизи
С. Мария дель Кассоно
Салерно
Константинополь
Гискардо
о. Сицилия
о. Кос
Миррей
Патара
зал. Адалия
м.Гелидонья
Лаодикия
Триполис
о.Родос
о. Кастелоризон
Пафос
о.Кипр
Сайда
Тир
Каперна
Акко
Назарет
Цезарея
Яффа
Иерусалим
Аскалон
Иордан
Мертвое море
м.Малея
о.Крит
Литохия
р. Эльба
Рейн

Затем день пути до Хейтсиннабэ (Итцехо) в Хольсетуланде, затем пересекают Саксэльв (р. Эльба)[9] в Стодуборг (г. Штаде). В Саксланде народ самый куртуазный, и там норманны многое перенимают для подражания[10] В Стодуборге в церкви св. Марии[11] находится епископская кафедра. Затем два дня пути до Фердуборга[12] Затем недалеко до Нюйоборга[13] Затем — Мундиоборг[14], там в церкви св. Петра находится епископская кафедра. Здесь язык меняется[15] Затем два дня пути до Поддубрунна (г. Падерборн), там в церкви св. Либория[16], где он покоится, находится епископская кафедра. Затем четыре дня пути до Мегинзоборга (г. Майнц), там посереди между селениями, которые называются Хорус и Килиан[17], там расположен Гнитахейд, где Сигурд сразил Фафнира[18]

Таков второй путь из Стодуборга: [надо] ехать восточнее, через Саксланд до Хорсафель[19] (г. Харсефельд), оттуда до Фальфоборга (г. Вальсроде), оттуда до Ханабруинборга (г. Ганновер). Затем до Хильдисхейма, там епископская кафедра, где покоится св. Гудхард[20], затем до Гандурхейма (г. Гандерхейм), затем до Фридлы[21], затем до Аринсборга[22], затем недалеко до Мегинзоборга (г. Майнц), куда мы ранее приехали. Норманны ездят этими двумя путями и сходятся в Мегинзоборге, если едут по ним; а так ездит большинство людей.

Таков другой путь в Рим из Норвегии: через Фризию в Девентар (г. Девентер) или Трект (г. Утрехт), и там они получают посох и суму и благословение на паломничество в Рим. Из Тректа шесть дней пути в Колнисборг (г. Кёльн), там архиепископская кафедра в церкви св. Петра[23] У кёльнского епископа император должен получить благословение в той церкви, которая находится [в городе], называемом Аквис-Грани (Аахен)[24] Из Кёльна три дня пути вверх по Рейну в Мегинзоборг. Там находится епископская кафедра в церкви свв. Петра и Павла. Затем день пути до Спиро (г. Шпейер), там находится епископская кафедра в церкви св. Марии. Затем день пути до Сельсборга (г. Зельц). Затем день езды до Странсборга (г. Страсбург), там находится епископская кафедра в церкви св. Марии. Затем три дня пути до Босараборга (г. Базель).

Затем едут день от Рейна до Солатро (г. Золотурн). Затем день пути до Вивильсборга (г. Вифлисбург, совр. Аванш), он был велик до того, как сыновья [Рагнара] Лодброка разрушили его[25], а теперь он невелик. Затем день езды до Фивизуборга (г. Вивис), который стоит у озера Мартейн (Женевское озеро)[26]; там сходятся пути тех людей, которые едут на юг через горы Мундио (Альпы)[27]: франки, флеминги (фламандцы), валы (жители Южной Франции), англы, саксы, норманны. Затем день пути до Маурициусборга (г. Сен-Морис д'Агон), где [св. Маврикий] покоится со всем своим воинством в 6666 человек[28]

Там находится замок св. Петра[29] Из Маурициусборга два дня надо идти до приюта св. Бьярнарда[30]; он находится на вершине горы[31] На вершине Мундио расположен приют св. Петра[32], там часто в день св. Олава[33] летом лежит снег на скалах и лед на озере.

К югу от Мундио находится Трелаторп (г. Этрубль)[34] Затем Августа (г. Аоста), хороший город, там есть епископская кафедра в церкви св. Орсо[35], где он покоится. Затем идет *Martein-kamrar*[36] Затем Йофорей[37] (г. Ивреа), между которым и Августой два дня пути. Затем день пути до *Fridsėla*[38], там епископская кафедра в церкви св. Евсевия[39], где он покоится. Затем день пути на восток от пути в Рим к Меланборгу (г. Милан). Если ты едешь прямо путем на Рим, то день езды до Папей[40], где императорский трон[41] в церкви св. Сируса[42], там он покоится. Там вырос епископ Мартин[43], и там ему посвящен собор. До Плазинзо (г. Пьяченца) день езды, там находится епископская кафедра в церкви св. Марии. Между Папей и Плазинзо течет большая река, которая называется Падус (р. По)[44] Затем те, кто идет по Илиансвег[45], выходят на эту дорогу.

Южнее Плазинзо день пути до Домнаборга (г. Борго сан Доннино), там между ними находится приют Эрика[46] Затем встречается река, которая называется Тар (р. Таро), она многоводна и чиста и никогда не замутняется и не загрязняется, потому что[47] весь мусор и грязь, которые сбрасываются в нее, опускаются на дно[48] К югу [от реки] находится Тарсборг (г. Борго-Валь-ди-Таро, или Борготаро). Затем надо переехать через горы, которые называются Мунбард[49] (Лигурийские Аппенины). Лангбардаландом (Ломбардия)[50] называется [область, идущая] с юга от Мунбарда, а на север до Мундио. Один конец гор Мундио идет на запад до моря в Стюриоланде[51], а другой на востоке — до залива Фенейя (Венецианский залив). В горах Мунбарда находятся *Crucis-markadr*[52] и *Fracka-skáli*[53] Затем идет Монтревлар (г. Понтремоли). Затем день пути до гильдии св. Марии[54]

Затем Луна (г. Луни), там у города находятся «пески Луны», там можно пройти 10 миль по прекрасному песку[55], и повсюду расположены города, и оттуда открывается широкий вид. Между гильдией св. Марии и Луной находится Стефанусборг (г. Борго Сан Стефано) и Мариоборг[56] В песках Луны, как говорят некоторые, находится змеиный ров, куда был брошен Гуннар[57] Затем к югу находится Кьёформунт[58] В Луне сходятся пути из Испании и от св. Якоба[59]

От Луны день пути до Лукки, там в церкви св. Марии[60] находится епископская кафедра; там хранится то распятие, которое изготовил Никодим по образу самого Бога; оно дважды заговорило: в первый раз оно дало свой башмак бедняку, второй раз оно свидетельствовало в пользу оклеветанного человека. К югу от Лукки находится тот город,

который называется Пизой, там чинят корабли торговцы из Грикланда (Византия)[61] и с Сикилей[62], жители Египталанда (Египет), сирийцы и африканцы. Оттуда к югу есть селение, которое называется Арнблаккр[63], затем идет приют св. Матильды[64]; так она исполнила обет, [данный] в Монтакассин[65], основать приют, и в нем должны принимать на ночь любого человека. Затем идет Санктинусборг[66]. Затем Мартинусборг[67] Затем Семунт (г. Сиена)[68] Затем Лангасюн[69], хороший город, там находится епископская кафедра в церкви св. Марии; там женщины очень красивы. Оттуда три дня пути из Лукки и день до Клеркаборга[70], еще один — до Хангандаборга (г. Аквапендент)[71] Затем переезжают через горы, которые называются Клемунт[72], там наверху есть замок, который называется *Mala Mulier*[73], а мы называем «Дурная женщина», там плохой народ. Хангандаборг находится к югу от Клемунта. Оттуда на север до Мунбарда лежит Тусция (Тоскана). Затем 12 миль до Кристиноборга, где покоится св. Кристина и где имеется ее след на камне[74] Затем 8 миль до Флавиансборга[75] Затем день пути до Ботернисборга (г. Витербо), где находится купальня Тидрека[76] Оттуда 10 миль до Сутарана Великого (г. Сутри). Затем день пути до Сутарана Малого[77], он находится у *Feginsbrecka*[78], к северу от Ромаборга (Рима)[79]

Говорят, что Рим имеет 4 мили в длину и 2 мили в ширину. Там находится 5 епископских кафедр. Одна — в церкви св. Йона Крестителя[80], там служить мессу перед высоким алтарем не должен никто, посвященный в сан меньший, чем викарный епископ; там находится папский престол; там хранится кровь Христова, и одежды Марии, и много костей св. Иоанна Крестителя; там находится крайняя плоть Христа и молоко из груди Марии, [части] тернового венца Христа, и его плащ, и много других реликвий, хранящихся в золотом ларце.

Вторая епископская кафедра находится в церкви св. Марии[81], там служить мессу на Рождество и Пасху должен папа. Третья находится в церкви свв. Стефана и Лаврентия[82], там папа должен служить мессу восемь дней на Рождество и на праздники этих святых. В двух милях на восток оттуда находится церковь св. Агнессы, она самая великолепная во всем городе; ее велела построить Констанция, дочь конунга Константина, принявшая веру до него, и она просила разрешить ей возвести церковь св. Агнессы, и конунг разрешил ей [построить церковь] вне города по совету папы Сильвестра[83] Оттуда по городу 4 мили на восток до тех ворот, которые называются Латинскими воротами[84]; там находится церковь Иоанна апостола[85] От церкви Иоанна недалеко до тех палат, которыми владел конунг Диоклетиан[86] Там церковь св. Марии[87] Затем церковь свв. мучеников Иоанна и Павла, они были дружинниками Констанции[88]. Затем идет большая и величе-

ственная церковь Всех Святых, и она открыта вверху, как церковь Св. Гроба в Иерусалиме[89] На запад от города находится церковь св. Павла[90], там есть монастырь и укрепление вокруг, которое идет от Рима. Там находится то место, которое называется катакомбами[91] Все это находится за Тибром[92], он течет через город Рим, в древности он назывался Альбана[93]

Замок Кресценциус[94] самый высокий в городе по эту сторону реки и очень богатый. Затем идет очень большое и длинное торжище апостола Петра[95] Затем — очень большая и великолепная церковь, посвященная св. Петру[96]; там люди со всего мира освобождаются от горестей, и надо входить в церковь св. Петра с востока, а алтарь — посереди церкви; там под алтарем находится гробница св. Петра, и там он был заключен в темницу. Церковь св. Петра 460 шагов в длину до святого алтаря и 230 шагов в ширину, и около [того места], где он был распят, стоял крест св. Петра, там, где теперь высокий алтарь. В ней находится половина костей Петра и Павла, апостолов Бога, а другая половина — в церкви св. Павла[97] В высоком алтаре хранятся 25 костей учеников Христа, которые последовали за Петром в Ромаборг. В церкви св. Петра находится алтарь папы Сильвестра, где он покоится, алтарь [папы] Григория находится в церкви св. Петра, там он покоится; рядом [с церковью], к западу, снаружи стоит обелиск св. Петра.

Как сказали правдивые люди, нет никого столь мудрого, чтобы [он мог] быть уверен, что знает в Ромаборге все церкви. «Ромом» называется [часть] к северу от Тибра, «Латраном» — к югу, а все вместе зовется Ромаборгом[98]

Оттуда 10 миль до Ту... (Тускулум, совр. г. Фраскати?). Затем день пути до Флоренциусборга (г. Ферентино), еще один — до Сепарансборга (г. Сепрано). Там течет река Гарилея (р. Гарильяно)[99], она отделяет государства Ромверья и Сикилей (Сицилийское королевство)[100], и там к югу расположена Кампания, или Пулл, а Италия — к северу. Затем идет (?)борг (г. Аквино?), в 12 милях от Сепарани, а затем 6 миль до гор Монтекассино, там находится богатый монастырь[101], и укрепления вокруг, и 10 церквей внутри, там находится главная церковь св. Бенедикта, туда не должны входить женщины; там находится церковь св. Мартина, которую велел воздвигнуть св. Бенедикт; там есть палец апостола Матфея и рука епископа Мартина; там находится церковь св. Андрея, церковь св. Марии, церковь св. Стефана и церковь св. Николая. Затем два дня пути до Капы (г. Капуя). Германусборг (г. Сан-Германо) — следующий за Монтекассино. Затем два дня пути до Беневенто, это самый большой город в Пуле. На юго-запад оттуда находится Салерниборг (г. Салерно), там

наилучшие лекари[102] Сепонт стоит под горой Михаила и [занимает] 3 мили в ширину и 10 [миль] в длину на вершине горы; там есть пещера Михаила и носовой платок, который он подарил этому месту[103] Затем день пути до Барла (г. Барлетта), затем 10 миль до Траона (г. Трани), затем 4 мили до Биссеноборга (г. Биселья), 4 — до Мальфетаборга (г. Мольфетта), 4 — до Ивента (г. Джовинацио), затем 6 — до места упокоения Николая в Бари[104]

Таков другой путь, западнее, в Капу или Ромаборг: до Альбанусборга (г. Албано), затем мостом Флайана[105], это трехнедельная поездка туда и обратно, и проходит она через топи и леса, и это знаменитейшее творение людей, и проходит она по лесам на протяжении нескольких дней пути; [эти] леса были бы непроезжими, если бы не мост Флайана. Там находится Теренциана (г. Террачина), она была разрушена римлянами, и теперь она мала. Затем идет Фундиана (г. Фонди). Затем Гайда (г. Гаэта), затем два дня пути до Капы. Затем едут до Беневента. Следующим идет Манупль (г. Монополи), затем Брандеис (г. Бриндизи).

Там в глубине залива находится Фенейа (г. Венеция), где есть патриаршая кафедра, там хранятся святые реликвии свв. Марка и Луки[106] Недалеко от Дурака (г. Дуррес) находится гавань св. Марии[107] Затем идет гавань Висгарда[108] Затем мыс Энгильс[109] Затем недалеко до острова Пациенция (о. Сапиенция) или [до] Сикилей, там исходит [на поверхность] огонь земли и кипящая вода, как в Исландии[110] Там есть город, который называется Мартини[111], он находится в Болгараланде[112]

Затем надо плыть к острову, который называется Ку[113], там сходятся пути из Пулы и Миклагарда[114]; на северо-запад оттуда — Пула, а в море — Крит. За Ку находится остров, который называется Рода (о. Родос). Затем надо плыть вплоть до Грикланда[115] и замка Рауд (на о. Кастелоризон). Затем идет Патера (г. Патара). Там родился епископ Николай, и там находится его школа. Затем идет Мирeаборг (г. Миррей), там он был епископом[116] Затем недалеко до мыса Йаланда (мыс Гелидонья) в Тюркланде[117] Затем два дня [пути] по морю до Кипра. Там есть морской залив, который норманны называют Атальс-фьорд (залив Анталья), а греки *Gallus Satalie*.

На Кипре есть город, который называется Беффа (г. Пафо), там находится отряд вэрингов[118], там умер Эрик Свенссон[119], конунг данов, брат Кнута Святого. Он оставил в Лукке деньги так, чтобы каждый человек датского языка мог бесплатно пить вино в достаточном количестве, и он велел построить приют в 8 милях к югу от Плазинзоборга, где кормят любого человека. Папа Пасхалий позволил ему перенести архиепископию из Саксланда в Данмарк[120].

От Кипра два дня морского пути до Акрсборга (Акра, совр. Акко), он находится в Йорсалаланде[121] Далее идет Кафарнаум (библ. Капернаум, совр. Атлит), раньше он назывался Толомаида (Птолемаида)[122] Затем Кесарея[123], затем Яффа, обращенная в христианство Балдуином[124], конунгом Йорсала, и конунгом Сигурдом, сыном Магнуса, норвежского конунга[125] Затем Аскалон, он стоит в Серкланде[126] и [остается] языческим[127] А на восток[128] от Акрсборга находится Сюр (Сур, совр. Тир), затем Сет (Сидон, совр. Сайда), затем Трипулис (Триполис), затем Лик (Лаодикия). Там есть морской залив, который мы называем Антекьо-фьорд (залив Искандерон). Там в глубине залива находится Антиохия, там апостол Петр основал патриаршую кафедру[129] Все эти города находятся в Сюрланде (Сирия).

Область Галилея находится дальше в глубь суши от Акрсборга. Там есть большая гора, которая называется Табор, там Моисей и Илья явились апостолам[130] Затем идет Назарет, там архангел Гавриил посетил Марию и там рос Христос до 23 лет. Затем идет селение, которое называется Гилин[131] Затем замок Иоанна[132], который раньше назывался Самарией, там были найдены святые реликвии Иоанна Крестителя, там находится колодец Иакова, у которого Христос попросил женщин дать ему напиться. Затем идет Непл (Наблус, совр. Сихем), большой город. Затем город, который называется Касал (г. Салемия)[133] Затем — Мака Мария (г. Эль Бирек, Бира)[134]

Затем вверх к Йорсалаборгу (г. Иерусалим), он самый знаменитый из всех городов мира; он превозносится всеми христианами, потому что там [можно] увидеть многие свидетельства страстей Христовых. Там есть та церковь, в которой находится гроб Господень[135], и то место, где стоял крест Господень, там ясно видна кровь Христа на камне, которая выглядит недавно пролитой, и так она останется до Судного дня; там обретают огонь сверху с небес в пасхальный вечер; церковь называется Пулькро[136] (Храм Гроба Господня), она открыта вверху над гробницей. Там находится середина мира; там в праздник св. Иоанна[137] солнце светит с небес [прямо] вниз. Там есть приют Иоанна Крестителя, самый богатый в мире[138] Затем есть башня Давида. В Иерусалиме находится храм Господень и собор Соломона.

К юго-востоку от Иерусалима находится та гора, которая называется Синай[139], там Святой Дух сошел на апостолов и там ужинал Христос в Великий четверг, и стоит там тот стол, за которым он ел[140] В 4 милях к югу оттуда находится Вифлеем, город маленький и красивый, там родился Христос. Оттуда недалеко до замка Бетания (Вифания), где Христос воскресил Лазаря из мертвых. К юго-востоку от Йорсалаборга находится озеро, которое называется Мертвым морем. На его дно Бог опустил два города: Содом на той стороне и Го-

морру на этой; через него течет Иордан и не смешивается с [водой] озера, потому что это самая священная вода. На восток от города есть гора, которая называется горой Олив, там Христос вознесся на небо. Между горой Олив и Йорсалаборгом находится та долина, которая называется долиной Иосафата, в которой находится гробница Госпожи Марии. Затем на большом расстоянии находится гора Кверенция (Кварантана), там Бог постился и там дьявол искушал его. Там находится замок Авраама. Там стоял Иерихон. Там есть долина Авраама. Затем неподалеку находится Иордан, в котором Христос был крещен; он течет с северо-востока на юго-запад[141] По ту сторону реки лежит Рабиталанд (Аравия), а по эту — Йорсалаланд, который называется Сюрландом[142] На берегу реки стоит маленькая часовня, где Христос раздевался, потому и была построена часовня, чтобы отметить это место. У Иордана, если человек ляжет на землю на спину и поднимет колено вверх и положит сверху кулак и поднимет большой палец к небу, то Полярная звезда окажется как раз над [пальцем], именно так, и не выше[143]

Обратно от Иордана пять дней быстрой езды до Акрсборга, а оттуда 14 дней морского пути до Пулы, это 1800 миль, и 14 дней пути от Бара в Ромаборг; 6 недель медленной езды с юга до Мундио и 3 [недели] на север в Хейдабэ. А более восточный путь, Илиансвег, [занимает] 9 недель. От Хейдабэ в Виборг семь дней езды. Между ними протекает река Скадуборг (*Skodborgå*, совр. Kongeåen). Из Виборга два дня пути до Алаборга.

Это описание пути и перечень городов, и все эти сведения записаны под диктовку[144] аббата Николая, который был и мудрым, и знаменитым, и памятливым, и многознающим, рассудительным и правдивым; и тут кончается это повествование.

Примечания

[1] Выражение *Sva er sagt* — традиционный для аббата Николая и для всей повествовательной литературы способ введения информации.

[2] Исходный пункт в Норвегии не указан. Вероятнее всего, это Берген. Ср.: *Magoun Fr., Jr.* The Pilgrim Diary. P. 316.

[3] В скобках указаны современные названия указанных Николаем городов, рек и пр.

[4] Уже в рунических надписях XI в., а затем в сагах и других нарративных текстах распространенные обозначения людей, совершивших поездки в дальние страны, строились по модели X–*fari* от глагола *fara* «ездить»: *Englandfari, Grikklandfari* и др. Выражение *Rómferill*, кажется, впервые появляется в сочинении Николая специально для обозначения паломников в Рим. Ниже Николай использует обозначение паломничества в Рим — *Rómferð*.

[5] Поселение Шлезвиг возникло на северном берегу Хедебю-Нор незадолго до гибели Хедебю. Этот крупнейший центр североморско-балтийской торговли, доминировавший в Западной Балтике в IX–X вв., был разрушен в начале XI в. Его функции, а также роль административного центра округи стал выполнять Шлезвиг (Sliesvik). Если сами поселения фактически сменили одно другое, то их названия сосуществовали и, видимо, были связаны с разными этнокультурными традициями. В скандинавских источниках, начиная с датских рунических надписей X в., используется наименование *Heđeby, Haiþabu*. Наименование *Sliesvik* (*Sliestorp, Slieswick*) появляется во франкских и немецких латиноязычных источниках уже в IX в. (впервые — под 804 г.), т.е. тогда, когда поселения на месте современного Шлезвига еще не существовало, и топоним мог относиться только к Хедебю. Ко времени поездки Николая, в середине XII в., Хедебю, судя по археологическим данным, практически перестало существовать. См. подробнее: *Jankuhn H.* Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster, 1956; *Ramskou T.* Hedeby. Vikingetidens international handelsby. København, 1962. Фр.Мэгаун справедливо указал, что порядок топонимов здесь изменен: поскольку Николай ехал с севера на юг, сначала должен был быть назван Шлезвиг на северном берегу Хедебю-Нор, а затем Хедебю, расположенный на южном берегу залива (*Magoun Fr.P., Jr.* The Haddeby and Schleswig of Nikulás of Munkaþverá // Scandinavian Studies. 1943. Vol. 17. P. 167–173). Возможно, эта неточность, в принципе несвойственная Николаю, отражает отсутствие реального поселения на месте Хедебю, которое бы Николай мог осмотреть.

[6] Наименование р. Эйдер *Ægis-dyrr* (от *dyrr* «дверь») может быть интерпретировано как «устье Эйдера» (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 65). Эйдер издавна служил границей между Данией и немецкими землями. Именно вдоль Эйдера правителями Хедебю была построена оборонительная линия Danevirke (древнейшие укрепления датируются 737 г.). См.: *Andersen H.H.* Danevirke. København, 1976. B. 1–3.

[7] Хоронимом *Saxland* в исландской литературе обозначалась как собственно Саксония, так и нередко Германия в целом (*Metzenthin E.* Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941. S. 91–93). В данном случае Николай имеет в виду Германию вообще.

[8] Земля вендов (ободритов), славянского племени в западной части Поморья (*Metzenthin E.* Die Länder- und Völkernamen. S. 119–120).

[9] После пересечения Эльбы Николай оказывается собственно в Германии.

[10] Тесные связи скандинавских стран с Германией установились уже в период миссионерской деятельности Гамбургско-Бременского архиепископства, которое получило в X в. церковную юрисдикцию над всей Скандинавией. Лишь в начале XII в., после учреждения Лундской архиепископии (см. ниже, примеч. 120), скандинавская церковь приобретает самостоятельность. В XII в. церковные контакты продолжаются, но связи с Германией приобретают новое качество. С одной стороны, в результате начавшегося объединения немецких торговых городов (позднее оформившегося в виде Ганзейской лиги) укрепились торговые отношения немецких и скандинавских городов. С другой — нарастают культурные связи, благодаря которым из Германии на север приходит куртуазная культура, в скандинавских языках появляются многочисленные лексические заимствования из немецкого языка и пр.

[11] Предполагается, что Штаде входил в Бременский диоцез и не имел собственной епископской кафедры. Нет и свидетельств существования в нем церкви

Девы Марии. Возможно, Николай спутал Штаде с Ферденом, где действительно находился кафедральный собор, посвященный Деве Марии (*Magoun Fr.P Jr.* The Pilgrim Diary. P. 320).

[12] Совр. г Ферден. Возможно, что Николай осмысляет топоним как производный от *ferd* «поездка».

[13] Город Нинбург. Возможно, что Николай связывает первую основу с прилагательным *nýr* «новый» (ср. осмысление гидронима *Нева* как *Nýia* в географических трактатах: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 154–157, 212).

[14] Город Минден. Николай передает название композитом, первая часть которого совпадает с традиционным в древнескандинавской литературе обозначением Альп — *Mundio*. Вторая основа — обычный в названиях городов топографический термин *borg*.

[15] Очевидно, Николай имеет в виду границу между диалектными ареалами нижне- и верхненемецкого языков, которая действительно проходила южнее Миндена.

[16] Св. Либорий, еп. Манса, ум. ок. 400 г. В IX в. его мощи с большими почестями были перенесены в Падерборн.

[17] *Horhús* может быть отождествлен с современными деревнями Horhausen am der Diemel в Вестфалии, *Kiljandr* — с Kilianstäden, расположенными поблизости одна от другой (*Magoun Fr. P., Jr.* The Pilgrim Diary. P 323). Х.-Й.Граф повторяет локализацию Килианда, предложенную еще Э.Верлауфом: Kaldern на р. Лан поблизости от Марбурга (*Werlauff E.C.* Symbolae. P. 37. Ref. 34; Ein isländisches Itinerar / *H.-J.Graf.* S. 17. Anm. 12), что кажется маловероятным из-за большой удаленности этих мест.

[18] Поводом для отождествления местности между селениями Хорус и Килианд (см. примеч. 17) с эпическим локусом *Gnitaheiðr*, где разворачивается один из центральных эпизодов сказания о нифлунгах (нибелунгах), видимо, послужило созвучие эпического топонима и названия этой местности, Niddagau, которое, по мнению Фр.Мэгауна, произносилось как *Nitahe*, *Nitehe* (*Magoun Fr.P Jr* The Pilgrim Diary. P 324). Чрезвычайный интерес представляет актуальность древнегерманского эпического пространства для аббата Николая и стремление наложить его на реальное географическое пространство. См. подробнее: *Мельникова Е.А.* Героико-эпическая и практическая системы. С. 146–156 в преамбуле к настоящей публикации «Дорожника».

[19] Николай этимологизирует название из др.-исл. *Horsi*, мужское имя, и *fell* «холм, гора», т.е. Холм Хорси.

[20] Св. Готтхард (*Gotthard, Godohard*), еп. в Хильдисхейме, ум. в 1038 г., канонизирован в 1131 г.

[21] Совр. г. Фритцлар. Его название Николай передает как *fridla* «наложница».

[22] Вероятно, имеется в виду цистерцианский монастырь Arnsburg между Лихом и Мюнценбергом в Гессене.

[23] Кафедральный собор св. Петра в Кёльне был перестроен в 1248 г.

[24] Церемония коронации императоров Священной Римской империи должна была происходить в соборе в Аахене, бывшем некогда столицей Карла Великого. Поскольку Аахен принадлежал к Кёльнскому архиепископству, то церемонию осуществлял архиепископ Кёльна.

[25] Николай отождествляет по созвучию Вифлисбург с легендарным городом Вивильсборг, который был разрушен сыновьями Рагнара Кожаные Штаны

(Ragnars saga Loðbrókar. Cap. 13 // Vǫlsunga saga og Ragnars saga Loðbrókar / E.Olsen. København, 1906–1908). Подробнее см. преамбулу к «Дорожнику».

[26] Наименование *Marteins-vatn* восходит к посвященной св. Мартину церкви в Вивис (*Riant P.* Expéditions et pèlerinage des Scandinaves en Terre Sainte. Paris, 1965).

[27] *Mundio* (< франц. *Montgiu*, лат. *Mons Jovis*) — традиционное в древнескандинавской литературе, в том числе географической, название Альп. См.: *Meissner R.* Der isländische Name der Alpen // Zeitschrift für deutsches Altertum. 1904. Bd. 47.

[28] Согласно житию св. Маврикия, император Максимилиан в 302 г. приказал убить 6666 солдат-христиан Фиванского легиона, восставших под руководством св. Маврикия против тирана-императора. См.: *Raschellà F.* Devozione cristiana. P 260–261. Легенда о св. Маврикии была рано переведена на древнеисландский язык, возможно, благодаря ее героическому содержанию, которое должно было отвечать вкусам скандинавской аудитории. См.: Mauritius saga // Heilagra manna sögur / C.R.Unger. Kristiania, 1877. S. 643–658.

[29] Это может быть замок у города, который контролировал вход в долину Роны. Однако он не носил имени св. Петра. Вторая и более вероятная локализация замка — деревня Bourg St. Pierre на северном склоне Альп под Большим Сен-Бернаром (в 48 км от Сен-Морис д'Агон и 13 км от приюта Сен-Бернар), которая в английском итинерарии 990 г. названа *Petres-castel* (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 68).

[30] Николай «скандинавизирует» имя *Bernard*, передавая его первую часть как *Bjarn-* (от распространенного имени *Björn*). Приют св. Бернара находился в начале перевала Сен-Бернар, основного, который использовали паломники из Центральной Европы. Здесь в XI в. св. Бернар Ментонский основал августинский странноприимный дом, патроном которого был св. Николай Мирликийский. В «Дорожнике» Николая впервые называется новое имя приюта. См.: *Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 68–69; *Donnet A.* Saint Bernard et les origines de l'hospice du Mont-Joux. St. Moritz, 1942.

[31] Grand Combin.

[32] Приют св. Петра на перевале Сен-Бернар. См. о нем: *Meissner R.* Der isländische Name; *Oehlmann E.* Die Alpenpässe.

[33] День поминовения св. Олава, конунга Норвегии, погибшего в битве при Стикластадире 30 июля 1030 г., — 29 июля.

[34] Николай этимологизирует наименование из др.-исл. *þræll* «раб» и *þorp* «поселение».

[35] Св. Орсо (*Ursus*), спутник св. Албана (V в.), был убит арианами.

[36] После Аосты дорога шла вдоль р. Дора Балтеа, на которой находилась теснина, называвшаяся Camera, и поселение Pont St. Martin, объединенные Николаем в единый топоним. См.: *Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 69; *Magoun Fr. P., Jr.* The Pilgrim Diary. P. 47.

[37] Николай переосмысляет наименование *Ivrea*, этимологизируя его из др.-исл. *jǫfurr* «вождь» и *ey* «остров».

[38] Совр. г. Верчелли. Николай осмысляет название как *Friðsala* от *friðr* «мир» и *sæla* «счастье, радость».

[39] Св. Евсевий, епископ Верчелли, ум. в 371 г. Из-за преследований арианами признан святым мучеником.

[40] Город Павия. Николай осмысляет название как композит со второй частью *eyjar*, мн. ч. от *ey* «остров».

[41] В Павии проходила коронация итальянских королей знаменитой железной короной лангобардских правителей.

[42] Св. Сирус (*Cyrus*), ум. в 96 г., первый епископ Павии, святой патрон города.

[43] Имеется в виду св. Мартин, ум. 8.11.397, еп. Турский, святой патрон франкских королей Меровингов. Согласно его житию, он ребенком пришел из Паннонии в Павию, где и вырос. См. о нем: *Bernoulli C.A.* Die Heilligen der Merowinger. 1900; *Babut E.Ch.* St. Martin de Tours. 1912.

[44] Латинизированное название р. По.

[45] Наименование *Iliansvegr* оформлено скандинавским топографическим термином *vegr* «путь»: так Николай обозначает дорогу паломников в Рим, которая соединяется с той дорогой, которой ехал он сам. Он упоминает Илиансвег дважды — здесь и в конце сочинения, говоря об обратной дороге. Происхождение наименования и его атрибуция неясны. См.: *Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 89–91; *Magoun Fr. P., Jr.* The Pilgrim Diary. P 54; Ein isländisches Itinerar / *H.-J.Graf.* Anm. 28.

[46] Приют, основанный, по преданию, датским королем Эриком Добрым (1095–1103), Николай упоминает дважды. Во втором случае Николай указывает, что приют находится в 8 милях к югу от Пьяченцы. Основание Эриком странноприимного дома упоминается также в «Саге о Кнютлингах» (Knýtlinga saga. Kap. 72 // Sǫgur Danakonunga / C.Petersen, E.Olsen. København, 1919–1925). См. преамбулу к «Дорожнику».

[47] Фраза «и чиста...потому что» отсутствует в рукописи AM 736.

[48] Л.Лённрут интерпретирует описание р. Таро как христианскую аллегорию: приближаясь к Риму, паломник должен оставить все греховные мысли и чувства как грязь, опускающуюся на дно реки, и очиститься как ее воды (*Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. P. 26).

[49] Образовано от средневекового наименования хребта Mons Bardonis.

[50] Традиционное наименование Ломбардии в древнескандинавской литературе, встречающееся уже в шведских рунических надписях XI в.

[51] По убедительному мнению К.Колунда, первая основа топонима *Styrio-land* восходит к названию стекающей с Приморских Альп р. Стурия/Стура (Sturia/Stura), притока р. Танаро, впадающей в р. По. Топоним, таким образом, обозначает долину р. Стуры (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 71).

[52] Топонимы *Crucis-markadr* и *Fracka-skáli*, очевидно, отмечают места остановок паломников на отрезке между Таро и Понтремоли (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 71). В первом топониме Николай соединяет латинское слово *Crux* (в форме род. п. *Crucis*) и скандинавское *markadr*, прич. м. р. от глагола *marka* «отмечать», и его можно перевести как «Отмеченный крестом». Очевидно, что речь идет о каком-то поселении, где имелась церковь Св. Креста (Santa Croce), но установить, какое именно, невозможно. К.Колунд указывает также, что Николай мог иметь в виду оживленный перевал Cento Croci в Апеннинах. Именно эту идентификацию предлагает Х.-Й.Граф: Ein isländisches Itinerar / *H.-J.Graf.* S. 19. Anm. 32.

[53] Топоним *Fracka-skáli* является переводом названия деревни Villa Franca, расположенной немного к югу от Понтремоли. Он образован от отэтнонимического прилагательного *Frakkr* «французский» и *skáli* «зал, палата» (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 71; Ein isländisches Itinerar / *H.-J.Graf.* S. 19. Anm. 33).

[54] Идентификация топонима затруднительна. К.Колунд указывает несколько возможностей. Во-первых, это может быть крепость г. Специя с церковью Санта

Мария Ассунта. Во-вторых, в военной гавани Специи находился форт св. Марии. В-третьих, в итинерарии французского короля Филиппа Августа (1180–1223) ближайшим к Луни местом остановки названа Santa Maria de Sardena. Наконец, в путеводителе по Италии 1640 г. между *Porto Venere* и Специей указано укрепление Santa Maria della Suorte (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 71 и примеч. 3). Х.-Й.Граф отмечает две последние возможности (Ein isländisches Itinerar / *H.-J.Graf.* S. 19. Anm. 34).

[55] Плодородные и красивые земли тянутся от р. Магра через Понтремоли к побережью и далее на юг к Луни.

[56] Вероятно, г. Сарзана с кафедральным собором св. Марии (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 72).

[57] Николай отсылает читателя к сюжету сказания о нифлунгах: гибели бургундского короля Гуннара, брата Гудрун, жены Сигурда, а затем Атли (Аттилы): связанный, он был брошен в ров со змеями, где погиб от укусов змей, после того как порвались струны лиры, на которой он играл пальцами ног. Как и в случае с Гнитахейдом, Николай воспринимает эпическое пространство как реальное. Подробнее см. преамбулу к «Дорожнику».

[58] Судя по названию, этот топоним должен обозначать гору или холм (*munt* < *mons, montis*). Первая основа не имеет очевидных параллелей в древнеисландском языке и потому, вероятно, передает местное название. П.Риан предполагает, что этим топонимом Николай мог обозначить Monte Corbolo (*Riant P* Expéditions). Однако это место лежит в стороне от маршрута Николая. К.Колунд отмечает, что в итинерарии Филиппа Августа между Луккой и Луни есть гора Mont Cheverol (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 72), название которой созвучно приведенному Николаем.

[59] Св. Якоб — одно из наиболее популярных в средневековье мест паломничества Сантьяго-де-Компостелла. В Луни и в гавань современной Специи прибывали корабли с паломниками из Испании и Галисии.

[60] Вероятно, церковь св. Мартина, поскольку именно в ней хранилось чудотворное распятие (Volto Santo) — главная святыня Лукки (*Werlauff E.C.* Symbolae. P 42. Ref. 77).

[61] *Grik(k)land* — традиционное название Византии в древнескандинавской литературе. См.: *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. М., 2001. С. 67–69.

[62] Может означать как о. Сицилия, так и норманнское Сицилийское королевство (см. ниже примеч. 100), территория которого в период расцвета (середина XII в.) включала значительную часть Апеннинского полуострова (см. также преамбулу к «Дорожнику»).

[63] Топоним соединяет название р. Арно (*Arn*) и др.-исл. прилагательное *blakkr* «черный». Вероятно, это какое-то селение (Fucecchio?) у места слияния Arno bianco и Arno nero, образующих р. Арно, где ок. 1200 г. госпитальеры построили мост (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 73).

[64] Св. Матильда, маркграфиня Тосканская, ум. в 1115 г. Приют, известный еще в X в., в XI в. принадлежал госпитальерам и находился рядом с принадлежавшим Матильде замком в Altopascio. Поскольку она покровительствовала монастырю, его нередко называли ее именем.

[65] См. примеч. 101.

[66] В топониме соединены латинская основа *sanctus* «святой» и чрезвычайно распространенный скандинавский топографический термин *borg* «город». Воз-

можно, г. Сан Миниато к югу от Fucecchio или, что К.Колунд считает более вероятным, Borgo San Ginesio, примерно в 3 км к северо-востоку от Сан Миниато, процветавший в VIII–XIII вв. (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 73).

[67] Совр. г. Поггибонас, ранее назывался Borgo di Marturi. Часть города издревле носила имя св. Мартина из Лукки.

[68] Топоним образован от др.-исл. слова *sær* «море» и *-munt* (< лат. *mons, montis*) «гора» со значением «Гора у моря, приморская гора». Местонахождение не установлено.

[69] Совр. г. Сиена. Древнеисландское название, данное городу Николаем, является, по сути, его определением: от *langr* «протяженный, длинный» и *sýni* «вид», т.е. «Широкий вид».

[70] Город Сан Квирико, который носил также название S. Clerico. Отсюда осмысление топонима Николаем как «Города клириков».

[71] Два последних города, очевидно, расположены у горы Клемунт (см. примеч. 72) с замком *Mala mulier*; здесь проходит граница Тосканы.

[72] Топоним *Klemunt*, видимо, восходит к наименованию замка Montechiello (Monticlum), на вершине горы Radicofani; под замком проходила древняя дорога на Рим (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 74).

[73] На южном склоне горы Radicofani у дороги на Рим находилось селение *Callemala* (Callis malus), название которого может соответствовать топониму *Mala Mulier* Николая (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 74).

[74] Совр. г. Больсена. Николай называет его городом св. Кристины, потому что здесь находились реликвии св. Кристины, в первую очередь камень, который был привязан к ней, чтобы она утонула, и на котором остался след ее ступни.

[75] Совр. г. Монтефьясконе, Borgo S. Flaviano, где находилась церковь св. Флавиана.

[76] Распространенное в древнеисландской литературе (начиная с надписи на Рёкском камне. IX в.) наименование Теодориха Великого (ум. в 525 г.), короля остготов, основавшего государство в Северной Италии с центром в Равенне. О легенде о смерти Тидрека, аллюзия на которую содержится в упоминании Николаем купальни Тидрека, см. преамбулу к «Дорожнику».

[77] Возможно, г. Сторта, немного к северу от Рима.

[78] Вероятно, Monte Mario, холм, с которого открывается вид на город. Николай дает ему собственное название от др.-исл. *feginn* «радость» и *brekka* «склон» (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 75). Вероятно, этимологизация имеет христианско-символический смысл: это последняя остановка Николая перед прибытием в Рим, откуда паломник мог видеть город, отчего он и назвал его «холмом радости» (*Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. P. 26).

[79] Традиционное в древнескандинавской литературе наименование Рима.

[80] Церковь Иоанна Крестителя в Латеране. Как отмечалось в преамбуле к «Дорожнику», Николай непоследователен в передаче библейских и вообще христианских имен: он приводит то их древнеисландскую форму, в данном случае *Jón*, то латинскую — *Iohannes*.

[81] Церковь S. Maria Maggiore к северу от Латерана.

[82] Церковь S. Lorenzo fuori le mura в северо-восточной части города, примерно в 1 км от городских стен.

[83] Церковь S. Agnessa, примерно в 2,5 км от S. Lorenzo, за городскими стенами. Рассказ о Констанции и основании церкви неизвестен по другим источникам, но, вероятно, восходит к преданиям данной церкви.

[84] Porto latina в южной части Рима, откуда начиналась Via latina.

[85] Церковь S. Giovanni a Porta latina.

[86] Поблизости от Porta latina находятся термы Каракаллы (и термы Антония), а не Диоклетиана, которые расположены в северной части города. Видимо, Николай спутал эти названия.

[87] Поблизости от терм Каракаллы находится церковь S. Maria in Domnica.

[88] Церковь S. Giovanni e Paolo. Святые мученики Иоанн и Павел, согласно традиции, были придворными Констанции, убитыми за веру при римском императоре Юлиане Отступнике (361–363).

[89] Имеется в виду Пантеон, находящийся в центре города и посвященный Деве Марии и Всем Святым.

[90] Церковь и бенедиктинский монастырь S. Paolo fuori le mura. Находились на Via Ostia в 2 км от городских стен. Николай передает имя *Paulus* как *Pal.*

[91] Группа катакомбных церквей на Via Appia, главной среди которых считалась церковь св. Себастьяна.

[92] Николай делит Рим на две части: восточную (по определению Николая — южную), «за Тибром», которую он далее называет Латраном (*Lateran*), и западную (по его определению — северную), «по эту сторону» Тибра, которую он называет собственно Римом (*Róm*). Таким образом, для него центром ориентации является собор св. Петра и папская резиденция.

[93] Происхождение названия неясно. Учитывая дефект рукописи в этом месте, возможно, что Николай передает древнее название Тибра *Albula* (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 77).

[94] Мавзолей Адриана, ныне замок Сан-Анджело (Castello S. Angelo). Средневековое его наименование Castellum Crescentii восходит к имени приближенного императора Оттона III, убитого при штурме замка в 998 г.

[95] «Kaup-hus Petrs postola hardla mikit ok langt». Вероятно, Николай имеет в виду так называемый Borgo — территорию между замком Сан-Анджело и собором св. Петра, где в средние века располагались кварталы иностранцев и находилась галерея, ведшая к собору св. Петра и называвшаяся Porticus S. Petri (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 78).

[96] Собор св. Петра.

[97] Имя *Paulus* передано здесь в древнеисландском варианте *Pal.*

[98] См. выше примеч. 92.

[99] В названии реки *Garileam* Николай сохраняет латинскую форму вин. п., что может служить указанием на использование им какого-то письменного латиноязычного источника.

[100] Николай точно определяет политическое членение Апеннинского полуострова: Ломбардия на севере, «Италия» с центром в Риме, откуда и происходят древнеисландские наименования *Rómverjar* (собственно «жители Рима»), *Rómariki*, *Rómverjaríki* («государство Рим») (см.: *Metzenthin E.* Die Länder- und Völkernamen. S. 87–88), и области Центральной и Южной Италии, находившиеся под властью Сицилийского королевства, включая Кампанию и Апулию. Подробнее см. преамбулу к «Дорожнику».

[101] Бенедиктинский укрепленный монастырь в Монтекассино поблизости от Сепрано был одним из наиболее известных в Европе. В нем имелось несколько церквей, шесть из которых упоминает Николай. Описание монастыря и принятых в нем обычаев (например, запрет женщинам входить в церковь св. Бенедикта) свидетельствует о личных наблюдениях Николая.

[102] Медицинская школа Салерно в XI–XIII вв. была наиболее знаменитым учебным заведением Европы, в 1150 г. она была преобразована в университет, однако медицинский факультет оставался главным.

[103] В XIII в. Сепонт потерял свое значение и уступил место находившемуся рядом г. Манфредония. Он располагался у подножия горы, на вершине которой был построен монастырь Монтегаргано с церковью, часто посещавшейся паломниками уже с XI в. Среди паломников, очевидно, было много выходцев из Англии и Северной Европы. На стенах монастырских построек сохранились многочисленные рунические граффити XI–XII вв., оставленные по преимуществу англичанами (*Derolez R., Schwab U.* The Runic Inscriptions of Monte S. Angelo (Gargano) // Academia analecta. 1983. T. 45. F. 1. S. 97–130; *Acramone M.G.* Una nuova iscrizione runica da Monte Sant Angelo // Vetera Christianorum. 1992. T. 29. P. 405–410).

[104] Имеется в виду погребение св. Николая Мирликийского, останки которого были привезены в Бари в 1087 г.

[105] Ошибочное написание вместо *Trajans-bro*. Имеется в виду Аппиева дорога (Via Appia), первоначально соединявшая Рим и Капую, а затем продленная до Беневента и Бриндизи. Она проходила по западному побережью Апеннинского полуострова. Ее отрезок, пролегавший через болота на юге Лацио, был расширен и укреплен императором Траяном, откуда и название этой части пути. Упоминание о том, что Аппиева дорога начинается от Албано, видимо, вызвано ее запустением и плохим состоянием в северной части (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 80–81).

[106] Отсюда Николай перечисляет ряд городов, находившихся на побережье Адриатического моря от Венеции до мыса Малея и часто посещавшихся паломниками. Чрезвычайно интересно его определение церковного диоцеза в Венеции как патриархии: *patriarcha stoll* (так же он определяет и церковную принадлежность Антиохии: см. ниже примеч. 129), т.е. он относит его к восточно-христианской (византийской) церкви. Реликвии св. Марка (патрона Венеции) находились в соборе св. Марка. Относительно же реликвий св. Луки Николай, видимо, ошибся: они попали в Венецию только в XV в. (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 81).

[107] Под гаванью св. Марии — местом остановки паломников, следующих морским путем, очевидно, понимается порт Кассопо на северном берегу о. Корфу, где находилась церковь S. Maria del Kassopo.

[108] Порт Гвискара (Porto Guiskardo) находится на о. Кефалиния. Название гавани содержит прозвище одного из создателей норманнского Сицилийского королевства, Роберта (ок. 1015–1085), *Guiscard* — «Лукавый» (по преданию, он захватил некий укрепленный город, притворившись умершим: перед смертью он якобы высказал желание быть похороненным в городской церкви; пропущенные с гробом своего предводителя нормандцы вытащили из гроба мечи и захватили город). Николай понимает имя как топоним и производит его, видимо, от *víss* «известный, определенный» и *garðr* «поселение, хутор».

[109] Мыс Малея на полуострове Морея, крайняя точка полуострова Пелопоннес. Николай называет его *Engils-nes* «Мыс ангела», следуя его средневековому итальянскому обозначению Capo S. Angelo.

[110] Имеется в виду вулкан Этна, однако остров, находящийся поблизости от мыса Малея, — не Сицилия, а Cerigotto, греческое название которого Sescilio созвучно Sicilia. На о. Чериготто находилась стоянка для паломников, следующих в Святую Землю. Очевидно, Николай принял этот островок за Сицилию и поместил на нем Этну (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 81–82).

[111] Идентификация города неясна. К.Колунд отмечает несколько возможностей: San Martino de Laconie (Riant), Martin Carabo между мысом Малея и Мальвазией (указан на венецианском портолане 1490 г., где обозначена удобная якорная стоянка).

[112] Видимо, здесь — обозначение южнославянских земель, а не только Болгарии, поскольку территория Болгарии не распространялась до побережья Эгейского моря.

[113] Остров Кос у восточного побережья Малой Азии севернее о. Родос.

[114] *Miklagarðr*, дословно «Большой, Великий город» — Константинополь, совр. Стамбул. Вероятно, наименование *Miklagarðr* является калькой древнерусского *Царьградъ* (*Джаксон Т.Н., Молчанов А.А.* Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // Вспомогательные исторические дисциплины. 1989. Вып. XXI. С. 226–238).

[115] *Grik(k)land* — в данном случае имеются в виду подвластные Византии территории Малой Азии (ср. примеч. 61).

[116] Св. Николай Мирликийский (290–343), по преданию, епископ г. Миры в Ликии.

[117] Николай употребляет хороним, традиционное значение которого в древнескандинавской литературе «земля тюрок» (кочевников Северного Причерноморья). В «Дорожнике» топоним обозначает, несомненно, территории, подвластные сельджукидам в Малой Азии (*Metzenthin E.* Die Länder- und Völkernamen. S. 110–111).

[118] Это единственное упоминание о пребывании варяжского гарнизона на Кипре. См.: *Kedar B.Z., Westergård-Nielsen C.* Icelanders. P. 197. Ср.: Knytlinga saga.

[119] Датский король Эрик Добрый совершил поездку в Рим и намеревался вместе с женой посетить Святую Землю, но оба они умерли на Кипре в 1103 г. О приюте, основанном Эриком, см. в преамбуле к «Дорожнику». См.: *Fellman A.* Voyage en Orient du roi Erik Ejegod et sa mort à Paphos. Helsinki, 1938.

[120] Разрешение на основание собственной архиепископии в Скандинавии было дано папой Урбаном II, официальное учреждение архиепископской кафедры в Лунде произошло в 1104 г., при папе Пасхалии II.

[121] Хороним образован от названия Иерусалима *Jórsalir* с помощью топографического термина *land*. Традиционное для исландской литературы название Святой Земли (*Metzenthin E.* Die Länder- und Völkernamen. S. 51). Акра и перечисляемые далее города Николай относит к Йорсалаланду, т.е. Иерусалимскому королевству, государству крестоносцев с центром в Иерусалиме. Акра была завоевана крестоносцами в 1104 г.

[122] В эпоху Птолемеев название Птолемаида носила Акра, а не Капернаум. Возможно, ошибка в атрибуции названия вызвана внесением писцом маргиналии в неверное место текста (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 84).

[123] Кесария, совр. Цезарея. Захвачена крестоносцами в 1101 г.

[124] На территории совр. Тель-Авива. Яффа была покинута мусульманами в 1099 г., за год до коронации Балдуина.

[125] Сигурд, сын Магнуса Голоногого, ставший королем Норвегии в 1103 г., через четыре года отправился с войском в Святую Землю, за что получил прозвище Крестоносца. Его деятельность в Палестине описана с большим количеством фантастических подробностей в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» в составе «Круга земного» Снорри Стурлусона. Участвовать в завоевании Яффы крестоносцами он не мог, поскольку она была взята несколькими годами ранее, но, по сообщению Фульхера Шартрского, прибытие норвежцев сыграло большую роль в

снятии осады Акры мусульманами. Город, который завоевали Балдуин и Сигурд вместе, — Сайда (библ. Сидон), занятая крестоносцами в 1110 г. См.: *Kedar B.Z., Westergård-Nielsen C.* Icelanders. P. 198.

[126] О топониме Серкланд см.: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 216.

[127] Крепость Аскалон (совр. Ашкелон) была взята крестоносцами 12 августа 1153 г. Упоминание Николаем того, что Аскалон находится в руках мусульман, служит показателем времени, до которого Николай оставался в Святой Земле.

[128] Точнее, на север.

[129] Николай называет антиохийскую кафедру, как и венецианскую, патриархией, т.е. относит ее к юрисдикции византийской церкви.

[130] Гора Фавор, совр. Джебел-эт-Тур в Галилее. Легенда, упоминаемая Николаем, не связывается в памятниках, вошедших в Новый Завет, с горой Фавор. (*Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 85).

[131] Совр. Дженин, в XI в. носил название Gallina maior.

[132] Храм Иоанна Крестителя в Самарии. Неизвестно, когда храм был построен, но к 1123 г. он существует и подчинен епископу монастыря Иосафата. С храмом связана легенда об обнаружении здесь головы Иоанна Крестителя, но мусульмане полагали, что найденная голова принадлежит внуку Магомета — Хусайну.

[133] Салемия. Б.Кедар и К.Вестергорд-Нильсен предполагают, что, возможно, под этим названием скрывается Casal Dere, совр. Kh. Ras ad-Deir между Наблусом и Magna Mahomaria (*Kedar B.Z., Westergård-Nielsen C.* Icelanders. P. 200. Note 26).

[134] La Mahomerie, Magna Mahomeria. Граф Гуго Яффский в 1123 г. использовал этот пункт, принадлежавший королевскому домену Иерусалима, как центр для дальнейшей колонизации.

[135] Храм Гроба Господня.

[136] От лат. *sepulcrum*.

[137] 24 июня.

[138] Странноприимный дом иоаннитов, процветавший в XII в.

[139] Ошибочно вместо Сион (гора Синай находится на Синайском полуострове), самый высокий холм в Иерусалиме; иногда название Сион относилось ко всему Иерусалиму.

[140] Тайная вечеря происходила в доме некоего жителя Иерусалима, после нее Христос вместе с учениками поднялся на гору Елеонскую. Видимо, Николай пересказывает какое-то неканоническое местное предание.

[141] Иордан течет практически строго с севера на юг.

[142] Традиционное в древнескандинавской литературе название Сирии (*Metzenthin E.* Die Länder- und Völkernamen. S. 106–107).

[143] См.: *Kålund K.* En Islandsk Vejviser. S. 87; Ein isländisches Itinerar / *H.-J.Graf.* S. 20. Anm. 54.

[144] Выражение *fyrir-sǫgn* означает как диктовку, так и наставление, указание. Обычно эта фраза понимается как указание на то, что Николай продиктовал писцу свои воспоминания о поездке. Не исключено, однако, что писец имел некие заметки Николая, сделанные в пути, или записал основные сведения со слов Николая, а затем отредактировал текст. На возможность редактирования (или сведéния записей) сочинения указывает внесение маргиналии в неправильное место (см. примеч. 122), неверное наименование горы Сион (что вряд ли мог сделать человек, сам побывавший в Иерусалиме).

ПЕРЕЧЕНЬ ГОРОДОВ И МЕСТ УПОКОЕНИЯ СВЯТЫХ

Древнеисландское сочинение посвящено описанию святынь городов, лежащих на пути пилигримов от Рима до Иерусалима через Константинополь. Сведения о Риме и городах Италии не отличаются оригинальностью и во многом сходны с сообщениями аббата Николая (см. выше), текстуальные совпадения, однако, отсутствуют. Столь же традиционна для этого жанра и информация (довольно краткая по сравнению с западноевропейскими сочинениями) о Палестине. Значительно более подробно описание Константинополя, не имеющее параллелей в древнескандинавской литературе[1] Не установлен и его источник, так же как и источники описания Палестины и Иерусалима, хотя Святая Земля и Иерусалим не раз упоминаются и описываются в сагах и итинерариях (см. «Дорожник» аббата Николая), в *Kirjalax saga* содержится близкое к публикуемому описание Иерусалима, равно как и в рукописи AM 736 I, 4°; краткое перечисление святынь Иерусалима представлено в «Дорожнике» аббата Николая, а в рукописях AM 544, 4° и AM 736 I, 4° имеется его схематический план. Можно предполагать, как и в случаях с итинерариями, что сочинение основано на воспоминаниях скандинавского паломника, побывавшего в Риме, Константинополе и Иерусалиме.

Рукописи:

AM 194, 8° — пергамен, 52 л., 1387 г., л. 16r—19r, без заголовка.

AM 544, 4° — пергамен, 107 л., между 1320–1334 гг., л. 14r, конец сочинения попадает на лакуну. Заголовок: Um borga skiptan oc legstaðe heilagra manna. Далее нв.

AM 736 I, 4° — пергамен, 2 л., около 1300 г., л. 2v, без заголовка, содержит только описание Иерусалима.

---

[1] См.: *Merkati S.G.* Sanktuari e reliquie Constantinopolitane secondo il codice ottoboniano latino 169 prima della conquista latina (1204) // Rendiconti della Pontificia Romana di Archeologia. 1936. Vol. XII; La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. Paris, 1953; *Janin R.* Constantinople Byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. Paris, 1950.

Издания:

Werlauff E.C. Symbolae ad geographiam medii ævi, ex monumentis islandicis. Hauniae, 1821. S. 56–59; *Rafn K.* Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhague, 1852. T. II. P. 416–420; Alfræði Íslenzk. Islands encyklopædisk litteratur / K.Kålund. København, 1908. B. I. Cod. Mbr. 194,8°. S. 23–31; Hauksbók / Eirikur Jónsson, Finnur Jónsson. København, 1892–1896. S. 176–177.

Переводы:

На английский язык: *Kedar B.Z. Westergård-Nielsen C.* Icelanders in the Crusader Kingdom of Jerusalem: a Twelfth-Century Account // Medieval Scandinavia. Odense, 1982. Vol. 11. P. 206–209.

Литература:

F.Jónsson // Hauksbók / Finnur Jónsson. København, 1892–1896. S. CXVII–CXVIII; *Kålund K.* // Alfræði Íslenzk. Islands encyklopædisk litteratur. København, 1908. B. I. Cod. Mbr. 194,8° / K.Kålund. S. XXI; *Rafn K.* Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhague, 1852. T. II. P. 415–416; *Kedar B.Z. Westergård-Nielsen C.* Icelanders in the Crusader Kingdom of Jerusalem: a Twelfth-Century Account // Medieval Scandinavia. Odense, 1982. Vol. II. P. 193–211.

Текст публикуется по изданию Alfræði Íslenzk. B. I. S. 23–31 с вариантами по Hb. S. 176–177.

Текст

Um borga skiptan oc legstaðe heilagra manna

Roma-borg er yfir ollum borgum, ok hia henne ero allar borgir ath virda sva sem þorp, þviat iord ok steinar ok stręti ǫll ero rodin i blodi heilagra manna. Þar ero enir ęztu hǫfdingiar Petrus ok Paulus ok Laurencius ok heilagr domr sancti Andrez apostoli, hann var pindr i borg þeiri á Griklandi, er Patras heitir. I Roma-borg ero V yfir-musteri, i þeira hverio ero VII kardinales. Eth ęzta þessara mustera er þar, er þeir Petrus ok Paulus hvila. Annath er ath M[ar]io-[mu]steri. Þridia er þar, sem er hǫfut sancti Pauli apostoli, þar er via ostensi, et fiorda sancti Laurencii[a] et fimta i

[a] Laurencii vttan borgar.

Latrani[b], sancti Iohannis [haptista], þar er heimile pape, þar ero kardinales episcopi, [ok] skal engi messo syng[ia] midr vigdr en byskup, þi ath þar er blod Christz[c] ok klędi Mario ok miok sva oll bein Iohannis baptista.

I Beneventi hvilir sanctus Bartholomeus[d] hafidr af hino yzta Indialandi. I Salerne hvilir sanctus Matheus ewangelista[e] færdr af Blalandi. I Pul er Sipunt ok Monta-gargan, þar er hellir sancti Michaelis archangeli[f] ok Monte-cassin, þar var Benedictus aboti ok Skolastika systir hans, þar hvilir hon, en Benedictus fyrir nordan fiall a[g] Fraklandi i Floriacus. I Baar hvilir sanctus Nicholaus, enn alinn i borg þeiri, er Patera heitir, episkopus var hann i Mirrea, þadan hofo kaupmenn hann i Baar ok komo þar VI nottum eptir [cross]-messo [á] vórit med [hel]gan dom hans. I Pul er Traon, þar hvila þeir Simon ok Iudas. Þar er borg, er heitir Kapa, er h[vi]ler Thomas apostolus hafidr af Syrlandi. I Feneyium hvilir M[ar]cus ewangelista hafidr Egiptalandi ór Alexandria. A Spanialandi hvilir Vincencius. I Galizo hvilir Iacobus brodir Ions[h] postola. Martinus episcopus hvilir i Turons. Egidius hvilir i Provincia. I Paris hvilir Dionisius episcopus. I Reins-borg hvilir sanctus Remigius.

I Mikla-gardi [er?] kirkia er heitir Ægisif, i þeiri kirkiu er cross drottins, sa er Elena drottning hafdi þangat. I borg þeiri hvila þeir Philippus ok Iacobus, Luc[a]s ok Timoth[eus] ok en hegri hond sancti Stephani, kyrtill drottins vars, hǫfut Iohannis baptiste of hǫFut AbraHams, Isaacs, Iacobs, eta su er drottinn var i lagidr. A Asialandi er Effesus, þar er leidi Iohannis ewangelista. I Mikla-gardi i pollutum enum fornum er rit þat, er drottinn vár reit sealfr sinum[i] hǫndum[j], spiot ok naglar, þorngerd, mauttull, svipa, kér, kyrtill, skonudr, steinn er undir hǫfdi drottins var i leidi, ok likblęior med sveita-duk ok blodi Christz, munlaug su er hann þo i fętr postola sinna, ok dukur sa er hann þerdi medr, gyrdill sancte Marie med staf hennar, hofut Iohannis b[aptiste ok ar]mlegr med hendi, vǫndr Moysi, kofl [hins] hel[ga Elias propheta[k], armlegr] sancti Andree apostoli ok hǫnd [sancti Pauli apostoli?], hǫ[fut] Luce ewangeliste, hǫFut Theodori martiris[l], hǫfut [Thom]e apostoli med fingri hans, hofut Gregorie erchibyskups ens mikla Ermlandz, hár Gregorie Nazianzeni, klędi Demetri martiris, stoll Davids

---

[b] Latrani, þar er cross Iohannis baptista.
[c] Christz i allteri.
[d] Bartholomeus postole.
[e] отсутствует.
[f] отсутствует.
[g] a Vest.
[h] Iohannis.
[i] sinum bleszadom.
[j] hondom koeyri sprote.
[k] propheta, horn er smurdir voro konongar gydinga med.
[l] отсутствует.

konungs, beisl Constantini konungs[m], blod Pantaleonis martiris med miolk er or sarino rann, er hann var hǫggvinn, af hondum[n] sancti Petri nockur hlutr, silfr-kros iafnlangr likama Christz, eirblastrar-horn III þau er Iosue let þiota VII daga fyrr [e]nn felli borg[i]n Hiericho, steinn sa er la yfer brunni, þa er drottinn mællti vid samverska konu, silfr-kros gylldr med [g]im-steinum. Þann kros lét Constantinus konungr gera i liking þess kross, er hann sa i himni, likneski sancte Marie med Iesu Christo syni hennar, þat liknesk[i] stack nockur gydingr med knifi i barkann ok ran[n] or blod. Þar hvilir ok Iacobr brodir drottins ok Simeon, er bar Crist til alltiris med fornum, Zacarias fader Iohannis baptiste, ok XII vanhdlaupar er postolar baru, aux Noa er hann smidadi med ǫrkina, hófut Mathie apostoli. Þar hvilir Constantinus konungr hinn micli ok Helena modir hans ok margir adrir keisarar. I Micla-gardi ero reifar þœr, er Christus var vafidr i, ok gull þat er enir fiolkyngu fęrdu, ok marg[sky]ns heilagr domr annar. Sunnan ero dyR a kirkiu þeiri er stendr i calvarie loco, ok er inn kemr er til h[e]gri hand[ar] stuka, er blodit kom nidr af k[ro]si drottins, ok ser en a blodit. Austr af stukunni er berg, ok nordan vid bergith er vindr upp ath ganga XIX pallar á bergit. Þa er fadms austr fra þar er stód cross drotins, þa er hann var pindr, þar er rauf aa bergino, ok kom þar ofan blodit i stukuna. Sudr fra þi er fadms til bergrifo þeirar, er sprack bergit fyrir, er drottin skaut af ser cross-trenu þvi [er] hann var krossfestr [á] sidan. [Þ]ar sudr fra þi vid veggin er alltari sancti Simeonis, þar kom ofan brefit gull-ritn[a]. Vestr fra kirkiu-dyrum er stuka út i veGinn, ok er þar hǫnd heolagrar Anastasie med heilu liki hia alltari. I midiu musterinu stendr Pulcro kirkia yfir grog drottins ok gylltir allir turnar. Austan skal i hana ganga, ok er þa fadms til bergs þess er vellt var af leidis munnanum, ok ma ganga vmhverbis. Fadms vęstr fra er berg þat, er grof drottins er i. Þá er inn kemr i grofina, er til hęgri handar steinþro ok marmara steinn yfir. Sudr skal ganga or Pulcro kirkiu. Opit er ofan musterith yfir kirkiunni, þar kemr þan lios pascha aptan, ef kristnir menn hafa borgina, á kerti þau er þar standa fyrir. Þar syngia fyrir annan hvern dag þeir, sem hafa ebr[es]ka tida-gerd ok alla sidu, lof gudi. Nordr fra Pulcro kirkiu i musteris veggin er stuka, þar ero enn iarn-vidiar, er drottinn varr var bunndinn med. Austr fra Pulcro kirkiu er IIII-a fadma til kors utanverdz, hann er gioR af steini. Þar er ha-alltari i kornum of dyR vestan aa ok gengit umbergis. Fra horni korsins þi, ere til Indsudrs veit, er nidr ath ganga i iord XI pallar ok XX til s[udr]s, þar er kapella, þar fanzt cross drottins, ok ero þar markaðir krossarnir a golfinu á marmara steini sem krossarnir lagu. Suðr fra k[o]rnum er stuka sudr i vegginn austr fra berginu þi, er hann var pindr á, i þeiri stendr stolpi sa, er hann var bundinn vid ok bardr, adr enn hann vęri pindr ok crossfestr. I kornum [aa] bak ha-alltari er

---

[m] konungs, oc Elenas modor hanns.

[n] Здесь заканчивается текст в AM 544,4°.

sęti þat, er menn segia ath drottinn hafi setit i, þa er þorn-giordin var dregin á hǫfut honum, adr enn hann væri crossfestr. DuR ero aa musterino będi austan ok vestan. Vestr fra musterino er kapella, þar hvilir sancta Karitas med heilu liki. Templum domini stendr i hafum stat austar enn i midri Iorsala-borg. I midio musterino stendr berg fadms haatt enn margra fadma vidt, þar segia menn, ath AbraHam hafi færdann son sinn Ysaak i forn gudi, iarn-grinndum er giort umhverfis bergit. I musterino er inn stǫlpar af steini będi hvitum ok svǫrtum, raudum ok blám ok grenum. Austr fra Iorsalaborg er mons oliveti. Aa fiallino, þar er hęst er, stendr Michaels kirkia. I þeiri stendr berg haatt, þar liggr i steinninn sa er drottinn ste aa, þa er hann ste upp til himna, ok ser spor hins vinstra fotar hans, sem hann hafi berum fęti i leir stigit, XIIII þumlunga langt. Milli fiallsins ok Hierusalem er Iosafad[s]dalr. Þar er Mario kirkia. Sunnan ero dyR á henne ok IIII pallar ok XL nidr ath ganga i iord aa kirkio-golfit. I utanverdri kirkiu stendr alltari, ok skamt fra er stein-þro Marie ok hvalf yfir af steini. Þar er Mario-klaustr. Nordr fra kirkiu er hús, þar hondlǫdu Gydingar drottinn, ok ser þar enn fingra-stadinn i berggino, sem hann stakk vid hǫndunum, þa illmennin hliopo ath honum. Bethania-kastali er sunnan undir oliveti, þar er nunnu klaustr. Ath þeiri kirkiu er leidi Lazari. Fra Hierusalem ero II milur til Bethania, þadan XII milur til Rauda-kasyala, þadan II milur til Hiericho, [þadan] II til Iordanar.

Перевод

Перечень городов и мест упокоения святых

Ромаборг (Рим)[1] превыше всех городов, и по сравнению с ним все города [могут] считаться как бы селениями, потому что земля, и камни, и все улицы его красны от крови святых людей. Там были знаменитейшие хёвдинги, Петр и Павел, и Лаврентий, и святые реликвии святого апостола Андрея, который был распят в том городе в Грикланде (Византия), который называется Патера. В Ромаборге пять больших монастырей, в каждом из которых семь кардиналов. Знаменитейший из этих монастырей тот, в котором покоятся Петр и Павел. Другой — монастырь св. Марии. Третий — тот, где находится голова св. Павла, и там находится Остийская дорога (Via Ostensi). Четвертый — св. Лаврентия <вне города>[2], пятый в Лат[е]ране, св. Иоанна Крестителя, <там находится крест Иоанна Крестителя>, и там владение папы, там епископом кардинал, и не может там отправлять службу никто, имеющий сан ниже епископа, потому что там находится кровь Христова <в алтаре>, и одежды Марии, и многие из костей Иоанна Крестителя.

В Беневенто покоится св. <апостол> Бартоломей, привезенный из Дальнего Индиаланда[3]. В Салерно покоится св. Матфей <евангелист>, приехавший из Блаланда (Эфиопия?). В Пуле (Апулия) находится Сипунт (Манфредония) и Монте Гаргано, там покоится св. Михаил <архангел>, и Монте Кассино, там был аббатом Бенедикт и Схоластика, сестра его; там она покоится, а Бенедикт — за горами на севере в <западном> Фракланде, в Флориаке. В Бари покоится св. Николай, выросший в том городе, который называется Патара, он был епископом в Миррее, оттуда купцы привезли его в Бари, и приехали [они] через шесть ночей после весеннего праздника поклонения кресту с его святыми останками. В Пуле находится Траон (Трани), там покоятся Симеон и Иуда. Там есть город, который называется Капа (Капуя), там покоится апостол Фома, привезенный из Сюрланда (Сирия). В Фенейе (Венеции) покоится евангелист Марк, привезенный из Египталанда, из Александрии. В Спаниаланде (Испания) покоится Винсент. В Галиции покоится Иаков, брат апостола Иона. Епископ Мартин покоится в Туре. Эгидий покоится в Провансе. В Париже покоится епископ Дионисий. В Рейнсборге (Реймс) покоится св. Ремигий.

В Миклагарде (Константинополе) есть церковь, которая называется Эгисив (Агио-София), в этой церкви находится крест Господень, который привезла туда госпожа Елена. В этом городе покоятся Филипп и Иаков, Лука и Тимофей и правая рука св. Стефана, плащ Господа нашего, голова Иоанна Крестителя и головы Авраама, Исаака, Иакова, там находится и колыбель, в которую был положен Господь наш. В Азиаланде находится Эфес, там гробница Иоанна евангелиста. В Миклагарде в одном древнем Полоте (императорский дворец) находится писание, которое Господь наш написал сам своей <благословенной> рукой, копье и гвозди, терновый венец, накидка, капюшон, кнут, плащ, туфли, камень, который лежал в гробу под головой Господа нашего, и саван с платком и кровью Христовой, сосуд для омовения и тот плат, которым он утерся, пояс св. Марии с ее посохом, голова Иоанна Крестителя и рука с кистью, жезл Моисея, одеяние святого пророка Илии <, рог, из которого помазывали иудейских королей>, рука святого апостола Андрея и кисть руки святого апостола Павла, голова евангелиста Луки, голова <мученика> Феодора, голова апостола Фомы и его пальцы, голова Григория, архиепископа Эрмланда Великого (Великой Армении), волосы Григория Назианзина, одежды мученика Димитрия, трон конунга Давида, упряжь [, принадлежавшая] конунгу Константину <и его матери Елене>, кровь мученика Пантелеимона с молоком, которое текло из раны, когда он был четвертован, часть руки[4] св. Петра, серебряный крест, равный по дли-

не телу Христову, три медных трубы, в которые велел трубить Иешуа семь дней, прежде чем пал город Иерихон, тот камень, который лежал у колодца, где Господь разговаривал с самаритянками, серебряный крест, выложенный драгоценными камнями. Этот крест конунг Константин сделал по подобию того креста, который он видел в небе вместе с образами св. Марии и Иисуса Христа, ее сына; этот образ был пронзен неким иудеем ножом в горло и кровоточил. Там покоится и Иаков, брат Господа, и Симеон, который привел Христа к алтарю древних, Захарий, отец Иоанна Крестителя, и 12 жезлов, которые носили апостолы, топор Ноя, которым он строил ковчег, голова апостола Матфея. Там покоится конунг Константин Великий и Елена, его мать, и многие другие императоры. В Миклагарде находятся те пелены, в которые заворачивали Христа, и то золото, которое изготовил некий чудодей, и множество других святых реликвий.[5]

С юга находится дверь в той церкви, которая стоит на Голгофе, и когда входят [в нее], то по правую сторону есть часовня, где по кресту Господа стекает кровь, и ее можно видеть. На восток от этой часовни находится скала, а к северу от скалы — винтовая лестница из 19 ступеней, по которой [можно] подняться наверх на скалу. Затем в фадме на восток от этого места стоял крест Господень, на котором он был распят; там есть пещера в скале, и там в часовне часто проступает кровь. В фадме к югу отсюда есть трещина в скале, где скала раскололась, когда Господь сбросил с себя крестное древо, на котором он потом был распят. Там к югу от этого места у стены есть алтарь св. Симеона, там часто появляется надпись, начертанная золотом. На запад от церковных дверей находится часовня в стене, и в ней хранится кисть руки св. Анастасии со всей плотью у алтаря. В середине храма стоит церковь Святого Гроба Господня над гробницей Господа, и все башни его позолочены. Входить в нее надо с востока, и от нее фадм до той скалы, которую откатили от входа в гробницу, и можно обойти ее кругом. В фадме на запад от этой скалы находится Гроб Господень. Затем, когда входят в гробницу, то по правую руку находится каменный гроб и на нем мраморная плита. Выходить из церкви Гроба Господня надо на юг. Храм над церковью открыт, там часто на те свечи, которые там поставлены, исходит свет в вечер пасхи, если в городе христиане. Там служат каждый второй день те, кто придерживается еврейского богослужения и всех обрядов, восхваляя Бога. На север от церкви Гроба Господня в стене храма находится часовня, в ней хранятся железные узы, которыми был связан наш Господь. К востоку от церкви Гроба Господня 4 фадма до внешних хоров, и [они] сделаны из камня. Там находится высокий алтарь на хорах, и дверь на западной стороне, и проход вокруг. От угла этих хоров, кото-

рый расположен на юго-востоке, спускаются вниз под землю на 11 ступеней и на 20 ступеней к югу; там есть часовня, где был найден крест Господень и помечены там кресты на полу из мрамора, как кресты лежали. К югу от хоров расположена часовня в стене на восток от той скалы, на которой Он был распят; в ней стоит тот столп, к которому Он был привязан и избит бичом, прежде чем Он был распят и прибит к кресту. На хорах позади высокого алтаря находится то сиденье, на котором, как говорят, Господь восседал, когда терновый венец был надет Ему на голову, прежде чем Он был прибит к кресту. В храме есть двери и на восток, и на запад. На запад от храма находится капелла, где покоится тело св. Харита во плоти. Храм Господень стоит немного восточнее середины Йорсалаборга. В середине храма лежит камень высотой в фадм и шириной во много фадмов; говорят, что на нем Авраам принес в жертву Богу сына своего Исаака; вокруг камня сделана железная решетка. В храме находятся колонны из камня, белого и черного, красного и синего, и зеленого. К востоку от Йорсалаборга находится гора Олив. На горе, там, где выше всего, стоит церковь св. Михаила. В ней находится высокая скала, на которой лежал камень, на который встал Господь, когда Он возносился на небо, и виден отпечаток Его левой ступни, как если бы босыми ногами наступил на глину, 14 тумлингов в длину. Между горой и Иерусалимом находится долина Иосафата. Там стоит церковь св. Марии. С юга в нее ведет дверь, и 44 ступени ведут вниз под землю на пол церкви. В наружной [части] церкви стоит алтарь, а неподалеку от него находится каменный гроб Марии и каменный свод над ним. Там находится монастырь Марии. К северу от церкви находится дом, где иудеи схватили Господа, и видны там отпечатки пальцев на скале, где Он уперся руками, когда злодеи набросились на него. Город Вифания находится к югу под горой Олив. Там женский монастырь. В этой церкви находится могила Лазаря. Из Иерусалима две мили до Вифании, оттуда 12 миль до Красного замка, оттуда 2 мили до Иерихона, оттуда 2 [мили] до Иордана.

Примечания

[1] В круглых скобках указаны современные названия городов, областей и пр.

[2] В угловых скобках приведены варианты по рукописи Hb.

[3] О средневековых представлениях об Индии см.: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1986. С. 79, 207–208.

[4] Здесь заканчивается текст в AM 544,4°

[5] Далее начинается описание святынь Иерусалима.

ПУТИ

Сочинение, характеризующее в самых общих чертах наиболее распространенные маршруты паломничеств в Иерусалим, видимо, основано на местной традиции или личных воспоминаниях автора трактата. Исходной точкой для него является Норвегия: от нее лежат пути на север — в Исландию, на восток — в Швецию (дальнейшая дорога на восток не обозначена), на юг — сухопутьем — в Рим. Автор весьма внимателен к плаванию в Исландию: он не только указывает путь до ближайшей к средней части Норвегии (возможно, Тронхейму или Бергену, с которым Исландию связывали тесные торговые отношения) точки Исландии, но и перечисляет важнейшие пункты при плавании вокруг Исландии и определяет время пути между ними (в основном это однодневные отрезки пути).

Особый интерес представляет то обстоятельство, что автор «Путей» не говорит о водном пути на Русь и в Константинополь (через Балтийское море и речные системы Восточно-Европейской равнины). Он называет лишь сухопутный маршрут через Германию и Венгрию, что, вероятно, указывает на составление заметки в то время, когда Восточный путь практически перестал функционировать из-за завоевания немецкими и датскими крестоносцами Восточной Прибалтики, шведских крестовых походов в Финляндию, сильно осложнивших отношения скандинавских стран с Северной Русью, и монголо-татарского нашествия.

Исходя поэтому из общеисторических соображений, можно предполагать, что составлена эта заметка была в XIII, возможно, во второй половине XIII в.

Рукописи:

AM 194,8° — пергамен, 52 л., 1387 г., л. 27v. Заголовок Leiðir.

AM 281,4° — бумага, 107 л., конец XVII в., л. 95r (фрагмент), без заголовка.

AM 597b,4° — бумага, 60 л., вторая половина XVII в., л. 43v, без заголовка.

Издания:

Alfræði Íslenzk. Islands encyklopædisk litteratur / K.Kålund. København, 1908. B. I. Cod. Mbr. 194,8°. S. 44–45; *Pritsak O.* The Origin of

Rus' Cambridge (Mass.), 1981. Vol. 1. Old Scandinavian Sources Other than the Sagas. P. 720–721; *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 186–187.

Литература:

Pritsak O. The Origin of Rus' Cambridge (Mass.), 1981. Vol. 1. Old Scandinavian Sources Other than the Sagas. P. 720; *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 185–186.

Текст публикуется по изданию Alfræði Íslenzk. B. I. S. 44–45 с вариантами по всем рукописям.

Текст

Leiðir

Ór Noregi fra Stadi er iiii dęgra sigling til Fęreyia, enn þadan þrigia til Islandz i aust-fiordu til Horns, degr sigling[a] [b]fra Horni til Hiorléfs-haufda[b], ǫnnur til Reykianes, þridia til Bardz, fiorda til Horns hins vestra, fimta til Skaga, setta til Langanes, siaunda til Horns. [c]Um endilangt Island ero taldar XX dagleidir á sumars degi, enn IIII um þvert[c] Siau dęgra sogling er fra Islandi til Noregs mids, en ór Noregi er farit fęti austr um Gautland ok upp i Sviþiod, en þadan i Danmork á Skaney. Eyrar-sund er aa milli Skaneyiar ok Selunz, enn Bellti er á milli Selunz ok Fions, en Medal-farar-sund er a milli Fions ok Iotalandz. Af Iotalandi er fęti farith um Saxland ok Frackland, um Langbarda-land til Roma-borgar. Af Saxlandi er farit fęti til Ungaralandz ok þadan hvort er fara vill i Garda austr eda út i Grikland til Mikla-gardz borga ok sva til Iorsala. Roma-borg heitir Roma, enn Micla-gardr Constantinopolis, enn Iorsala-borg Hierusalem.

Перевод

Пути

Из Норвегии от Стада (Стадсбюгд) четыре дня плавания до Фарёрских островов, а оттуда три дня до Исландии, до Хорна в восточной четверти, один день плавания от Хорна до мыса Хьёрлейва, еще один до

---

[a] Здесь начинается текст в рукописях AM 281,4° и AM 597b,4°

[b] Fra Horni er talen 2 dægr sigling til Hiorleifshofða.

[c] og tvær tilfler I dægr sigling. Здесь кончается текст в рукописях AM 281,4° и AM 597b,4°.

Рейкьянеса, третий — до Барда, четвертый — до Западного Хорна, пятый — до Скаги, шестой — до Длинного мыса, седьмой — до Хорна[1] Как считается, Исландию из конца в конец можно проехать за 20 дней летом и за четыре дня — поперек. Семь дней плавания отделяют Исландию от середины Норвегии (юго-западное побережье Норвегии)[2], а из Норвегии сушей ездят на восток в Гаутланд и далее в Швецию, а оттуда в Данию — в Сконе. Эйрарсунд отделяет Сконе от Зеланда, а Бельт (Большой Бельт) — Зеланд от Фюна, а Медальфарарсунд (Малый Бельт) — Фюн от Ютландии. Из Ютландии сушей ездят в Саксланд (Германия) и Фракланд (Франция), в Лангбардаланд (Ломбардия) до Ромаборга (Рим)[3] Из Саксланда сушей ездят в Унгараланд (Венгрия), а оттуда можно ехать и в Гарды[4] на восток, и в Грикланд[5] вплоть до Миклагарда[6], и дальше до Иерусалима[7] Ромаборг называется Римом, а Миклагард — Константинополем, а Йорсалаборг — Иерусалимом.

Примечания

[1] Подробный перечень фьордов в Исландии см.: *Мельникова Е.А.* Древнеисландские географические сочинения. С. 161–164.

[2] В скобках приведены современные названия указанных городов, островов, областей и пр.

[3] Различные пути от Ютландии до Рима подробно описаны в «Дорожнике» аббата Николая и в «Путях в Рим».

[4] *Garðar* «Гарды» — традиционное для ранней древнеисландской литературы обозначение Руси. В записях саг и других сочинений, в том числе географических трактатов, используется хороним *Garðariki*, образованный от корня *Garðar* с термином *riki* «государство». См.: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские топонимы с корнем *-garðr* в древнескандинавской письменности // СС.Таллинн, 1977. Вып. XXII. С. 199–210; *Джаксон Т.Н.* О названии Руси *Garðr* // Scando-Slavica. 1984. Т. 30. С. 133–143. Представляет интерес, что в этом достаточно позднем произведении использована форма, встречающаяся в скальдической поэзии X–XI вв., в рунических надписях XI в., в самых ранних, XII в., сборниках саг.

[5] Топонимом *Grik(k)land* в древнескандинавской письменности традиционно обозначается Византия. См.: *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001. С. 67–69.

[6] Наименование «Великий город», вероятно, является калькой древнерусского *Царьградъ*. См.: *Джаксон Т.Н., Молчанов А.А.* Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // Вспомогательные исторические дисциплины. 1989. Вып. XXI. С. 226–238.

[7] Еще и в XII в., судя по сообщениям саг, путь в Византию и Палестину пролегал через Восточно-Европейскую равнину, по «Восточному пути». Путь через Венгрию на Русь ранее не упоминался, нет ссылок на него и в других памятниках древнескандинавской литературы.

Итинерарий содержит перечень городов и расстояний между ними от Любека до Рима, по важнейшему пути из Скандинавии на юг через Центральную Европу. Этим путем пользовались скандинавские как купцы, так и паломники. Расстояние между городами исчисляется в немецких милях до Больцано и в галльских милях от Больцано до Рима.

Рукописи:

AM 281,4° — бумага, 107 л., конец XVII в. Написана Сигурдом Йонссоном из Кнэра (*Sigurđur Jónsson på Knör*). Копия рукописи AM 544,4° (Hauksbók), хотя отдельные сочинения приведены в другой последовательности. Публикуемое сочинение находится на л. 94v. Заголовок: Wegur til Róms.

AM 597b,4° — бумага, 60 л., вторая половина XVII в. Содержит те же сочинения, что и AM 281,4°. Публикуемое сочинение находится на л. 43. Заголовок: Wegur til Róms.

Издания:

Hauksbók / Eirikur Jónsson, Finnur Jónsson. København, 1892–1896; *Springer O.* Medieval Pilgrim Routes from Scandinavia to Rome // Medieval Studies. Toronto, 1950. Vol. 12. P. 104; *Pritsak O.* The Origin of Rus' P. 719–720.

Литература:

Springer O. Medieval Pilgrim Routes. P. 92–122; *Pritsak O.* The Origin of Rus' P. 719.

Текст публикуется по рукописи AM 281,4°

Текст

Wegur til Róms

Af Lubiku til Mylnu 4. mijlur, til Tertinborgar 5. mijlur, til Lyneborgar 2 mijlur, til Súdborgar 5 mijlur, til Brunsvijkur xi. mijlur, til Gozler 6. mijlur, til Austur ródu 4 mijlur, til Dudurstad 3. mijlur, til Mioluhús 5.

Любек
Мольна
Альтленбург
Люнебург
Зудербург
Брауншвейг
Гослар
Остерроде
Дудерштадт
Мюльхаузен
Эйзенах
Брейтунген
Мейнинген
Мельрихштадт
Нёйштадт
Мюннерштадт
Вюрцбург
Оксенфурт
Ротенбург
Динкельсбюль
Донауворт?
Аугсбург
Ландсберг
Шонау
перевал Бреннер
Пантенкирхен
Инсбрук
Матрей
Бриксен
Штерцинг
Больцано
Клаузен
Тренто
Бренер Клаузе
Болонья
Флоренция
Сиена
Рим

mijlur, til Ismak 3 mijlur, til Breiding 3. mijlur, til Meining 11 mijlur, til Mióle stad 2. mijlur, til Hijiastad 2 mijlur, til Meningstad mijla, til Virzinborgar 8. mijlur, til Oxenport 3 mijlur, til Rotinnborgar 5. mijlur, til Þeingilsbij 5. mijlur, til Nyiasstad 5. mijlur, til Austborgar 6. mijlur, til Blankabergs 6. mijlur, til Svanga 4. mijlur, ok taka þa til Trentu Daler, til Bardar kijrkiu 6. mijlur, til Isinbriggiu 8. mijlur, til Matran III mijlur, til Sterting i. mijla, til Brigdz 4 mijlur, til Kluz 2. mijlur, til Boz 4. mijlur, til Trentar 2 mijlur valskar og 30, til Bernar klutz 2. mijlur fátt j 40, til Bernar 12. mijlur, til Fera 2. mijlur fátt j 50, til Bolonia 30 mijlur, til Florens umm munca ferla 6. mijlur og 50, til Sena 8 mijlur og 20, til Roma Borgar 40 mijlur, vt vm sialfa Róm og Latran 4. mijlur, til S:Páls kirkiu 4 mijlur.

Перевод

Путь в Рим

От Лубику (Любека)[1] до Мюльни (Мольна) 4 мили, до Тертинборга (Альтленбург) 5 миль, до Люнеборга (Люнебург) 2 мили, до Судборга (Зудербург) 5 миль, до Врунсвика (Брауншвейга) 11 миль, до Гослера (Гослар) 6 миль, до Аустур Роду (Остерроде) 4 мили, до Дудерстада (Дудуршадт) 3 мили, до Мьолухуса (Мюльхаузен) 5 миль, до Исмака (Эйзенах) 3 мили, до Брейдинга (Брейтунген) 3 мили, до Мейнинга (Мейнинген) 11 миль, до Миолестада (Мельрихштадт) 2 мили, до Хийястада (Нёйштадт) 2 мили, до Менингстада (Мюннерштадт) миля, до Вирцинборга (Вюрцбург) 8 миль, до Оксенпорта (Оксенфурт) 3 мили, до Роттинборга (Ротенбург) 5 миль, до Тенгильсбий (Динкельсбюль) 5 миль, до Нюйастада (Доннауворт?) 5 миль, до Аугсборга (Аугсбург) 6 миль, до Бланкаберга (Ландсберг) 6 миль, до Сванга (Шонау) 4 мили, держаться так до долины Трента (перевала Бреннер в Альпах), до церкви Бардар (Пантенкирхен) 6 миль, до Исинбриггью (Инсбрук) 8 миль, до Матрана (Матрей) 3 мили, до Стертинга (Штерцинг) 1 миля, до Бригдса (Бриксен) 4 мили, до Клюца (Клаузен) 2 мили, до Боца (Больцано) 4 мили, до Тренто 32 галльские мили, до Бернар Клюца (Бренер Клаузе) 40 миль без двух, до Бернара 12 миль, до Феры (Феррары) 50 миль без двух, до Болоньи 30 миль, до Флоренции по пути монахов 56 миль, до Сены (Сиена) 28 миль, до Ромаборга (Рима) 40 миль, а вокруг самого Рима и Латрана 4 мили, до церкви св. Петра 4 мили.

[1] В скобках указаны современные названия указанных городов и пр. Приводятся идентификации О.Спрингера.

Данный итинерарий — единственный из сохранившихся, который описывает морской путь из Скандинавии в Палестину вокруг Западной Европы. Начало сочинения утеряно, и в сохранившейся рукописи мы застаем путешественников уже у южного побережья Испании перед входом в Гибралтарский пролив. Вторая лакуна в рукописи приходится на описание пути от Сардинии до Палестины.

В конце текста находится традиционное для средневековых памятников обращение автора к читателям с просьбой молиться за него. Автор называет себя братом Маврикием из ордена миноритов.

На основании датировки рукописи временем ок. 1300 г., описания маршрута, сообщений в тексте о взятии султаном крепости Крак в 1271 г., о других христианских крепостях в Палестине Г.Сторм, издатель текста, заключил, что итинерарий описывает путь скандинавов, принявших участие в восьмом крестовом походе под предводительством Людовика IX (1226–1270). Это предположение Г.Сторм аргументирует и тем, что Маврикий просит читателя помянуть Андерса Николая (Николассона), который известен по другим источникам: это барон Андерс Николассон (или Нильссон), отправившийся 17 января 1270 г. в Палестину и умерший, по сообщению исландских анналов, в «Иерусалимском море» в 1273 г.[1] Те же источники упоминают клирика Маврикия, сопровождавшего барона.

Восьмой крестовый поход (1270 г.) имел целью, однако, не Палестину, а Тунис и закончился поражением крестоносцев. Впрочем, скандинавы могли или отказаться от нападения на Тунис после встречи с войском крестоносцев (в Марселе — месте общего сбора) и отправиться в Палестину, или оказаться там после завершения крестового похода вместе с войском Эдуарда Английского.

Итинерарий, очевидно, был написан братом Маврикием вскоре после возвращения в Норвегию (1274 г.?). Сведения о Маврикии вновь появляются в 1281 г., когда он был послан норвежским королем в Шотландию.

В отличие от предшествующих публикуемых здесь итинериариев, дорожник брата Маврикия написан на латинском, а не на исландском языке.

---

[1] Gottskalks Annalern // Islandske annaler. S. 331.

Рукописи:

28,8° — Государственный архив Норвегии, 5 л., ок. 1300 г., л. 139г–144, лакуны в начале и середине текста. Без заголовка.

Издания:

Monumenta Historiae Norvegiae / G.Storm. Kristiania, 1880. S. 165–168.

Литература:

Munch P.A. Levninger av norsk Oldlitteratur, nylig opdagede i det norske Rigsarkiv (1847) // *Munch P.A.* Samlede afhandlinger. Christiania, 1873. B. I. S. 288–290; *Storm G.* Indledning // Monumenta Historiae Norvegiae. Kristiania, 1880. S. XXXXVII–XXXXIX.

Текст

...dicitur Tarfalgurfa, Hispanice vero Cabo sant Vincent, eo quod ibi corpus sancti Vincenti fuit inventum in littore.

De isto loco usque ad Kartaginem iter semper dirigitur versus orientem, et habetur Hispania ad lævam, Affrica vero ad dexteram.

Post Cabo sant Vincent venitur ad nasum, qui dicitur Trafanaban, deinde est civitas Silvestris, castrum Albuier, sancta Maria de Pharan; postea Gades, Herculis insula videlicet, quæ alio nomine vocatur Kadis. Hic intratur versus Hispalensem civitatem, quæ alio nomine Sibilia vocatur. Usque ad hunc introitum sive ad hanc insulam durat Algarbia. In hac insula est statua Herculis, tenens clavem et clavam in manibus verso vultu ad Affricam, dans intelligi, quod Gades insula sit clavis Hispaniæ ex illa parte. In hac insula sæpe facta est magna strages hominum tam christianæ gentis quam et Sarracenicæ, eo quod vicissim ex utraque parte occupabatur; nunc vero per Alfonsum regem Castellæ ejectis inde Sarracenis firma et bene murata civitas est ædificata, episcopo de ordine fratrum minorum ibidem constituto.

De isto loco incipit terra, quæ Beata dicitur secundum antiquos, secundum vero modernos vocatur et Frontarea, eo quod frons est christianitatis ibidem contra infideles et ibi oporteat dura fronte barbaricis agminibus viriliter obviare.

Hic primo venitur ad nasum, qui Hispanice dicitur Cabo de Beta, postea ad alium, qui dicitur Cabo de Plata, deinde ad tertium, qui Sarracenice vocatur Tarfalaga, cui ex opposito — hoc est ad meridiem — in Affrica est mons altissimus, qui dicitur Cabo de Spartel. Ex isto loco sunt Sarraceni ex utraque parte, regnum Granatæ ad sinistram in Hispania, vero ad dexteram Affrica.

Modo inchoatur strictus Marrochitanus, ubi ad sinistram in Granata est castrum, quod dicitur Calcadara, ex opposito in Affrica mons maximus super Ceptam; deinde in Granata ad lævam in ipso strictu civitas magna, quæ Iazer-aterfa vocatur, ex opposito ad dexteram in Affrica Ceptensis civitas famosissima.

Usque ad istum locum de Ulixibona, hoc est ad strictum marrochitanum, est iter duorum dierum et duarum noctium, cum ventus ad libitum habetur, et possunt æstimari quadringenta et XL miliaria.

Post modicum spatium jacet in strictus exitu ex parte sinistra in Granata castrum maximum et fortissimum, quod dicitur Gibeltare, alio nomine Vulan; dicitur et quod tota Hispania quondam, cum esset christianorum, tempore Rodici regis inde perdita fuit. Hic et projecit Karolus magnus lanceam suam in mare acquisita tota Hispania, cum propter mare ulterius progredi non posset.

De strictu Marrochitano jacet rectum iter continue juxta Granatam usque Kartaginem. De isto strictu incipit mare mediterraneum primo angustum, sed cito versus barbariam ad meridiem ampliatur. Istud regnum Granatæ durat per quingenta miliaria juxta mare, ac deinceps — hoc est, de strictu — est istud totum mare per milliaria distinctum. De strictu ad civitatem Malaga sunt centum miliaria. De Malaga ad Muletam ducenta miliaria. De istis duabus civitatibus asportantur meliores ficus, qui ad christianorum terras adveniunt. De Muleta ad Almariam civitatem antiquitus famosissimam LX miliaria. De Almaria ad Kartagenam ducenta et XL miliaria. Usque huc regnum Granatæ. Credo firmiter hanc terram fore altissimam omnium terrarum juxta mare, eujus montium cacumina nubes penetraverant nobis videntibus.

De Kartagena esset compendiosius iter recto tramite versus orientem ad Sardiniam per quingenta miliaria et L, Majoricam insulam reliquendo ad dexteram; nos vero eundo Massiliam deviavimus. Nam ad aquilonem directe tendebamus et sicut prius habuimus regnum Castellæ ex altera parte Hispaniæ ad sinistram velificando inter meridiem et occidentem, sic et postea habuimus similiter eandem terram ad sinistram velificando inter orientem et aquilonem. De Kartagena itaque juxta regnum Mursiæ et Castellæ usque ad locum, qui dicitur Alachant in Aragonia, centum L miliaria; item tantum ad insulam, quæ dicitur Euisa, ad cujus plagam meridianam jacet Majorica insula supradicta. De Euisa vero ad Massiliam quingenta et quinquaginta miliaria. In summa de strictu ad Massiliam miliaria mille trecenta et quinquaginta.

De Massilia in Sardiniam est iter inter orientem et meridiem et sunt hic quingenta miliaria. Proximus locus vocatur insula sancti Petri, quæ jacet fere contigua Sardiniæ. Istud mare est pessimum in toto itinere de Massilia in Acon. Sardinia est maxima insula et pertinet pro majori parte ad Pisanos, qui tenet ibidem duos comites. Kalie dicitur fortissimum castrum insulæ.

Terra hæc in armentis et blado opulentissima, vini nescia et supra modum infirma. Gens levis cursu, rudis et... <лакуна>

...[duo castra] valde nobilia, Iubeltare videlicet, quod erat principis Antiocheni, et Cracum, quod fuerat hospitalis. Cracum dicitur esse melius castrum totius mundi propter incrdibiles reditus ipsius. Hoc castrum expugnavit soldanus circa annum domini millesimum ducentesimum septuagesimum unum, quindecim milibus christiąnorum intus pro defensione ipsius existentibus.

In Antrodo itaque intus in ecclesia majori est capella virginis gloriosæ, miræ quidem pulchritudinis, licet parva, in qua non licet alienigenis celebrare nisi episcopis et fratribus minoribus et prædicatoribus tantum. Hic propter frequentiam miraculorum magna est peregrinatio. Dicitur sanctum Petrum in fabrica istius capellæ laborasse propriis manibus. Alia capella est intus in ipso castro, et asseritur, quod beata virgo et ipsa suis manibus in fabrica ipsius laborabat; sciens vero, quod futurum esset ibi castrum, commutavit ipsam cum sancto Petro in capellam supradictam, eo quod peregrini liberius haberent illuc ingressum, sicut patet in præsenti.

Huc usque maritima Syriæ perlustravimus, nec est ultra christianitas nisi in Margato ad VI leucas, donec perveniatur in Armeniam. De Margato in Laodiciam sunt IX leucæ. De Laodicia in Antiochia sunt L leucæ. De Antiochia in Armeniam sunt totidem leucæ, videlicet L. Nos vero de Antrodo revertebamur via, qua venimus, in Accon.

Ante Antrodum est insula parva, in cujus scopulis mater sancti Clementis naufragium patiebatur, duobus filiis suis Faustino et Fausto (alio nomine Nicea et Aquila) ab ipsa in eodem naufragio separatis, quos submersos credidit, quosque in eodem loco veniente illuc Petro non solum illos duos filios, verum etiam Clementem, quem domi cum patre reliquerat, simul cum patre ipsorum, suo videlicet marito, divina dispensante gratia miraculo mirabili sanos insimul repererit, sicut in itinerario ipsius Clementis istud idem lucidius declaratur.

Quicunque ex isto breui itinerario sive per memorata loca peregrinando seu et ipsum legendo aliquid solatii nostro mediante labore acceperit, quæso ut animam felicis recordationis domini Andreæ Nicholai recommendatam habeat coram deo meque pauperem fratrem Mauricium nihilominus divinæ pietati devotius recommendet.

Перевод

...называется Тарфальгурфа, по-испански же Кабо Сент-Винсент (мыс Сан-Винсенти), потому что там на берегу было найдено тело св. Винсента.

От этого места до Картахены путь постоянно идет на восток, Испания находится слева, а Африка — справа.

После Кабо Сент-Винсент приходят к мысу, который называется Тарфанабан, затем город Сильвестра (Сильвес), крепость Альбуйер (Альбуфейра), св. Мария из Фару (Фару). Затем — Гадес, очевидно, острова Геркулеса, который иначе называется Кадис. Здесь вступают в государство Испания, которое иначе зовется Сибилия (Севилья). Вплоть до этого входа или до этого острова продолжается [область] Альгарбия (Алгарви в Португалии). На этом острове есть статуя Геркулеса, держащая в руках ключ и палицу, обращенные к Африке, дающая понять, что остров Гадес с этой стороны является ключом к Испании. На этом острове часто совершалось много человекоубийств, как христианского рода, так и сарацинского, поскольку [остров] был занят и теми и другими попеременно. Теперь же Альфонс, король Кастеллы (Кастилии), после изгнания оттуда сарацин укрепил город прочными и хорошо укрепленными стенами; там поставлен епископ из ордена младших братьев (миноритов).

От этого места начинается земля, которая, согласно древним [писателям], называется Блаженная, согласно же современным [писателям], она называется Передняя, поскольку там проходит передняя линия христианства против неверных и там надлежит твердыми рядами противостоять варварским войскам.

Здесь впервые приходят к мысу, который по-испански называется Кабо де Бета, затем к другому, который называется Кабо де Плата, затем к третьему, который по-сарацински называется Тарфалага (мыс Трафальгар), против которого на той стороне, то есть на юге, в Африке, находится высочайшая гора, которая называется Кабо де Спартель (мыс Эспартель). От этого места находятся сарацины по обе стороны [Гибралтара]; королевство Граната (Гренада) слева в Испании, а справа — в Африке.

Вскоре начинается Маррохитанский (Гибралтарский) пролив, где налево в Гранате есть крепость, которая называется Калкадара (Гибралтар), с противоположной стороны, в Африке, — величайшая гора над Цептой (Сеута). Затем в Гранате слева, в самом проливе, находится большой город, который называется Язер-Атерфа (Тарифа), а на противоположном [берегу] справа, в Африке, — знаменитейший город Цептейский.

От Уликсибоны (Лиссабон), что у Маррохитанского пролива, до этого места два дня и две ночи пути, если ветер благоприятен, миль же насчитывается 440.

Через небольшое время у выхода из пролива на левой стороне в Гранате [стоит] большая и очень хорошо укрепленная крепость, которая называется Гибелтар (Гибралтар), иначе Вулан. Говорят, что некогда и вся Испания, бывшая христианской, была погублена во времена

короля Рожера. Здесь и Карл Великий бросил свое копье в море, завоевав всю Испанию, поскольку море не дало ему идти дальше.

От Маррохитанского пролива лежит прямой путь все время вдоль Гранаты до Картахены. От этого пролива начинается Средиземное море, сначала узкое, но постепенно расширяющееся в сторону страны варваров, к югу. Это королевство Гранаты продолжается вдоль моря на 500 миль, а затем, то есть до пролива, все это море разделено на мили. От пролива до города Малаги — 100 миль. От Малаги до Мулеты (Альмерия) — 200 миль. Из этих двух городов вывозят самые лучшие смоквы [те], кто приезжает в земли христиан. От Мулеты до города Алмария (Альмерия), прославленного в древности, 60 миль. От Алмарии до Картахены — 240 миль. До сих пор [продолжается] царство Гранаты. Я твердо уверен, что эта земля самая высокая из всех земель у моря, ибо мы видели, что вершины ее гор проникали в облака.

Из Картахены был более выгоден путь прямо на восток к Сардинии в 550 миль, если оставить остров Майорку (Мальорка) справа. Мы же уклонились в сторону по пути к Массилии (Марсель), ибо спешили прямо на север, и подобно тому, как прежде имели королевство Кастеллы из другой части Испании слева, распустив паруса между югом и западом, так и потом равным образом имели ту же землю слева, распустив паруса между востоком и севером. Итак, из Картахены близ королевств Мурсия и Кастелла до места, которое называется Алахант (Аликанте) в Арагоне, 150 миль, столько же до того острова, что называется Эвиза (Ивиса), от которого к югу остров Майорка, о котором говорилось выше. От Эвизы же до Массилии 550 миль. В целом от пролива до Массилии 1350 миль.

От Массилии в Сардинию путь [проходит] между востоком и югом, и [расстояние] тут 500 миль. Ближайшая местность называется островом св. Петра (Сан-Пьетро), который лежит почти вплотную к Сардинии. Это море — наихудшее на всем пути из Массилии в Акон (Акра). Сардиния — крупнейший остров и принадлежит большей частью пизанцам, которые держат там двух графов. Калие (Кальяри), говорят, наиболее укрепленная крепость острова. Земля эта, изобилующая крупным скотом, не знает вина и чрезмерно слаба. Народ легок в беге, груб и... <лакуна>.

...две крепости, очень знаменитые, а именно: Юбельтаре, которая принадлежала Антиохийскому княжеству, и Крак (Крак-де-Шевалье), которая прежде была дружественной. Говорят, что Крак — лучшая крепость во всем свете благодаря своим необычайным доходам. Эту крепость завоевал солданус (султан) около 1271 года от Рождества Христова, хотя в ней находилось 15 000 христиан для ее защиты.

Итак, в Антроде внутри большой церкви есть капелла Славной Девы удивительной красоты, хотя и небольшая, которую не дозволено

посещать иноземцам, за исключением только епископов, миноритов и проповедников. Сюда из-за часто происходящих чудес совершается много паломничеств. Говорят, что св. Петр собственными руками строил эту капеллу. Внутри самой крепости есть другая капелла, и считается, что Благая Дева сама своими руками работала на ее строительстве; зная же, что там будет крепость, Она превратила ее вместе со св. Петром в вышеназванную капеллу, чтобы паломники имели туда более свободный доступ, как это существует и ныне.

До сих пор мы осматривали приморье Сирии; далее христианства нет, кроме как в Маргате (Мараш?) в 6 галльских милях, до тех пор пока [путник] не дойдет до Армении. От Маргата до Лаодикии 9 галльских миль. От Лаодикии до Антиохии — 50 галльских миль. От Антиохии до Армении столько же галльских миль, очевидно 50. Мы же от Антрода свернули с пути, которым шли в Аккон.

Перед Антродом расположен небольшой остров, в чьих скалах мать св. Климента потерпела кораблекрушение, причем два ее сына, Фаустин и Фауст, называемые иначе Никей и Аквила, были разлучены с ней кораблекрушением; она сочла их утонувшими, но пришедший туда на это место Петр, благодаря Господней воле и чуду, нашел невредимыми не только их, но и Климента, которого она оставила дома с отцом, то есть их отцом, очевидно своим мужем, как это излагается в итинерарии самого Климента.

И того, кто в этом кратком итинерарии, или совершая паломничество по памятным местам, или читая его, получил утешение от нашего посредственного труда, прошу, чтобы он обратил душу к счастливым воспоминаниям Андерса Николая перед Богом и чтобы он благочестиво вверил все же и меня, бедного брата Маврикия, Господней справедливости.

ПРЯДЬ О ТОРДЕ ЗОЛОТОЙ АСЫ*

В дни правления конунга Эйстейна, сына Магнуса Голоногого[1], приехал из Исландии человек по имени Торд. Он был родом с Восточных Фьордов[2] и беден. Человек он был многообещающий и превзошел своего отца. Был он не из тех, кто отступал перед равными. Торд был хороший скальд.

Когда он прибыл в город[3], у него было совсем немного денег, чтобы платить за постой. Вечером он зашел в усадьбу к одной женщине по имени Аса. Она была родовита и очень богата. Ближайшими ее родичами были люди с Бьяркей[4] — Видкунн, сын Йона[5], а также другие из этого рода. Она пустила к себе Торда на время. Тот знал толк в развлечениях и умел угодить Асе. Дела шли хорошо, и он провел там зиму и пользовался тем бóльшим почетом и любовью, чем дольше там оставался, и многие поговаривали, что между ними самая что ни на есть близкая дружба. Они подолгу сидели и беседовали с глазу на глаз. Аса была немолода.

Весной она сказала Торду, что он пришелся ей по душе.

— И я могу дать тебе денег для торговой поездки в Англию, а после поделим поровну барыши.

Он так и делает. Поездка удалась, и осенью он возвращается домой и проводит там зиму. Так продолжается несколько лет кряду. Их дела идут как нельзя лучше, и чем дольше он живет у Асы, тем больше к нему уважения. Теперь его называют Тордом Золотой Асы. Ее родичи считали это бесчестьем и отзывались о Торде неприязненно, однако он делал вид, что не слышит, что о нем говорят.

Однажды Аса пришла поговорить с Тордом и сказала:

— Сюда должен прибыть Видкунн, мой родич. Я хочу, чтобы ты отнесся к нему со всем возможным почтением. Сдается мне, что тебе следовало бы сложить драпу[6] в его честь и исполнить ее прежде, чем он уедет. И мой тебе совет: не скупись в этой песни на хвалы, потому что большинству хёвдингов по вкусу, когда их прославляют[7], а нам нужно устроить так, чтобы он остался всем доволен, да и тебе несколько слов могут сослужить неплохую службу. Если ты сумеешь

---

* Перевод с древнеисландского, комментарии и статья Е.А.Гуревич (Москва).

© Е.А.Гуревич, 2001

завоевать его дружбу, то сможешь рассчитывать на поддержку, с кем бы тебе ни пришлось мериться силами здесь в Норвегии.

Торд отвечает, что рискнет, и сочиняет песнь. После этого приезжает Видкунн, а с ним множество народу, и останавливается там.

Как-то раз Торд подходит к Видкунну, приветствует его и говорит:

— Мне бы хотелось преподнести вам небольшую песнь, которую я сложил, и прошу вас выслушать ее[8]

— Быть посему, — говорит Видкунн. — Ты первый, кто сложил обо мне песнь[9] И для тебя, Торд, будет кое-что значить, как я отнесусь к этой песни, а я ее внимательно выслушаю, потому что я вовсе не испытываю к тебе такого расположения, как моя родственница Аса.

Тот начинает свою песнь, и это драпа в пятьдесят вис, и в ней был такой стев[10]:

Рьяно в ливне лучном[11]
Хильд кропит лучину[12]
Корень рода Йонов[13]
Рдяной, ражий, кровью.

Когда песнь была окончена, многие принялись расхваливать ее, а Видкунн горячо поблагодарил Торда и сразу же изменил свое мнение о нем. Он дал ему золотое запястье весом в одну марку, однако Торд попросил взамен золота его поддержки[14], и Видкунн обещал ему впредь свою дружбу. На прощание они дали ему богатые подарки.

Проходит некоторое время. Однажды летом, когда Торд возвратился из Англии, он привел свой корабль в устье реки Нид[15] и пристал к берегу. Эйстейн конунг был тогда в городе, а с ним многие знатные люди. Был там Сигурд, сын Храни[16], и Видкунн, сын Йона, и Ингимар из Аска[17], самый могущественный и властный из мужей. Он успел бросить якорь прежде, чем подошел Торд. Люди советовали Торду подыскать более подходящее место для стоянки, он же отвечал, что и здесь неплохо, и велел им успокоиться. Однако пока они совещались и разгружали товары, Торд хватился корабельного навеса[18] Он идет на корабль Ингимара и видит, что один из его слуг прячет под одеждой парусину. Торд забирает его вместе с краденым, ведет в свою усадьбу и там возвращает себе свое добро. Весть об этом вскоре доходит до Ингимара. Тот в сильном гневе отправляется к дому Торда и требует тотчас же выдать ему его человека.

Торд отвечает на это:

— Не годится освобождать вора, — говорит он, — хотя бы он и был человеком Ингимара.

Ингимар сказал:

— Недолго удастся тебе, Торд Золотой Асы, удерживать моих людей и обвинять их в воровстве. Не зваться мне лендрманном[19], если я позволю какому-то бродяге захватить моего человека.

Торд отвечает:

Тщетно нас стращает,
Горазд на угрозы,
Со двора мне вора
Велит, властный, выдать.
Сладу нет со славным.
Податель полатей
Змейных[20], знай, с поличным
Захвачен грабитель.

Ингимар уходит, сильно разгневанный.

Аса просит Торда послать за Видкунном и проверить, помнит ли тот, что обещал ему свою дружбу в обмен на хвалебную песнь, — «потому что нелегко вести борьбу, когда в дело замешан Ингимар».

Торд так и делает, и Видкунн сразу же откликается, признает свои обязательства и спешит к дому, который занимал Торд, захватив с собой множество людей. Спустя недолгое время они слышат сильный шум, и туда является Ингимар и требует, чтобы Торд отпустил его человека, а не то грозится напасть на него.

Тогда Видкунн сказал:

— Следовало бы передать это дело лагману[21], чтобы он рассудил, однако Торд действовал по праву, когда связал того, кто совершил кражу. Не поступи он так, он и сам был бы осужден[22]

Ингимар сказал:

— «Воткни-ка меня в землю», как сказала лопата, стоя одна-одинешенька. Сюда пожаловал Видкунн! Нам с тобой больше пристало держаться друг друга, чем тебе поддерживать твоего свояка Торда. Похоже, однако, что ты вознамерился расплатиться с ним за ту песенку, в которой он тебя осмеивает, — и с этими словами повернул назад.

Тогда Видкунн сказал:

— Нужно послать кого-нибудь к Сигурду, сыну Храни, моему другу, и просить его прийти сюда, а если он станет отказываться, напомнить ему, кто пришел к нему на подмогу, когда финны захватили его усадьбу на Бьяркей[23]

Те отправляются к нему и передают просьбу Видкунна.

Сигурд отвечает, что нет ничего плохого в том, чтобы они с Ингимаром померились силами, — «потому что каждый из них считает себя сильнейшим».

Тогда они напомнили ему о том, о чем им велел Видкунн.

Сигурд отвечает:

— И то правда, что никто не оказал мне большей поддержки, и раз он считает мое присутствие необходимым, мы сразу же встаем и отправляемся к нему.

После этого они пошли к Торду. Спустя немного времени на улицах стали собираться толпы, потому что люди Ингимара были рассеяны по всему городу. К дому Торда стеклось великое множество народу.

Ингимар сказал:

— На этот раз, Видкунн, если нам не выдадут моего человека, мы сами его поищем. Отступаться я не намерен.

Сигурд сказал:

— Давай действовать разумно, Ингимар. Будет большим беззаконием, если ты обрушишь на нас этот дом и разоришь его, чтобы забрать пленника, который принадлежит конунгу. Ведь от тебя ожидают, что ты станешь поступать по справедливости, хоть ты и великий герой.

Ингимар сказал:

— Петух не лучше защищен, коли щит держит курица. Однако вы двое немало приобрели, объединившись против меня одного, поскольку оба вы — могущественные лендрманны. Я ухожу опять, с тем чтобы вернуться в третий раз.

После этого Сигурд посылает людей к Эйстейну конунгу и просит его прийти к ним — «и скажите ему, что, сдается мне, я до конца оставался с его отцом на западе в Ирландии»[24]

Они идут и передают конунгу просьбу Сигурда, однако тот отвечает, что таким видным мужам вдвоем достанет силы одолеть Ингимара. Тогда они пересказывают конунгу все, что сказал Сигурд.

Конунг говорит:

— Раз ему кажется, что мне следует прийти, пусть так и будет.

Затем конунг направляется туда со множеством народа и встречается с Сигурдом. Спустя некоторое время появляется Ингимар и приводит с собой четыре сотни человек. Он говорит, что если его слуга не будет отпущен на свободу, им едва ли удастся избежать столкновения.

Конунг говорит на это:

— Не подобает тебе, Ингимар, устраивать волнение в городе или созывать такое большое войско и подымать мятеж в стране. Но мы не сдадимся, не испытав, на чьей стороне сила.

Ингимар отвечает:

— «Железо дает блеск», как сказала старуха, у которой не резал нож. Какое событие! Сам конунг пожаловал сюда нас разнимать, так что мне опять придется удалиться, — и так и делает.

После этого конунг велит созвать тинг, и туда приводят вора, привязав ему на спину краденое. Он был осужден и затем повешен на Эйраре[25]

Конунг спросил:

— Как ты считаешь, Ингимар, какое наказание получит вор?

— Хочется думать, — отвечает Ингимар, — что воздастся человеку, убитому из-за безделицы.

— Нет, — говорит конунг, — он попадет в ад.

Ингимар сказал:

— Ты не на то употребил силу, конунг, когда принял сторону этого салоеда[26] и унизил своих людей. Лучше было бы тебе собраться с духом и отомстить за собственного отца, который был убит в Ирландии, как собака, застигнутая на мертвом теле. Уж он-то, я думаю, точно находится в аду, потому что отправился завоевывать то, что ему не принадлежало.

Потом он возвращается к своим кораблям, отправляется на восток и убивает в Вике[27] троих людей конунга. Затем он отплыл в Данию и там обосновался[28]

Рассказывают, что Торд после этого по совету Видкунна и конунга женился на Асе. Он считался храбрейшим человеком и оставался в Норвегии до самой своей смерти.

И здесь кончается прядь о Торде Золотой Асы.

КОММЕНТАРИИ

«Прядь о Торде Золотой Асы» (*Gull-Ásu-Þórðar þáttr*) сохранилась в двух редакциях: 1) в составе «Саги о Сигурде Крестоносце» в «Гнилой Коже» (*Morkinskinna*, последняя четверть XIII в.), одном из главных собраний саг о норвежских королях, а также в основанной на восходящей к началу XIII в. более ранней, не дошедшей до нас рукописной версии этого кодекса (так называемой «Старшей Гнилой Коже»), позднейшей компиляции, обычно именуемой *Hulda* (вторая половина XIV в.); 2) в качестве отдельного рассказа в нескольких бумажных списках, самый ранний из которых (AM 518 4to) относится к XVII в. Этот дошедший лишь в поздних рукописях отдельный рассказ считается, однако, наиболее ранней и оригинальной версией пряди, и именно он был переведен в настоящем издании. На основании сопоставления этих разных редакций прядь принято датировать началом XIII в.

Со времени первого издания отдельной версии «Пряди о Торде Золотой Асы», предпринятого в середине прошлого столетия Йоуном Торкельссоном (Sex sögubáttum. Reykjavík, 1855), обе ее редакции не-

однократно публиковались в собраниях прядей (Fjörutíu Íslendinga þættir / Þorleifur Jónsson. Reykjavík, 1904; Íslendinga þættir / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1935), королевских саг (первое издание: Morkinskinna / C.R.Unger. Christiania, 1867) и саг об исландцах (наиболее авторитетное издание: Austfirðinga sǫgur. Reykjavík, 1950 (ÍF. B. 11). Bl. 337–349; см. также предисловие: bl. CXIV–CXVII). Прядь переведена на латинский, датский, норвежский, немецкий и английский языки. На русском публикуется впервые.

Перевод выполнен по изданию: Íslendinga sögur og þættir / Bragi Halldórsson et al. (Svart á hvítu). Reykjavík, 1987. B. III. Bl. 2128–2131.

[1] *конунга Эйстейна, сына Магнуса Голоногого* — Магнус Голоногий (*Magnús berfœttr*, здесь его прозвище дается в необычной форме *berbeinn*) правил Норвегией в 1093–1103 гг. После его гибели власть перешла к его сыновьям — Эйстейну (1103–1123), которому принадлежала северная часть страны, Сигурду Крестоносцу (1103–1130), к которому отошла Южная Норвегия, и малолетнему Олаву (1103–1115), за которого правили старшие братья. (Об этих конунгах см.: Сага о сыновьях Магнуса Голоногого // Круг Земной / Изд. подг. А.Я.Гуревич, Ю.К.Кузьменко, О.А.Смирницкая, М.И.Стеблин-Каменский. М., 1980.)

[2] *Восточные Фьорды* — местность в Исландии.

[3] *прибыл в город* — имеется в виду город Нидарос на северо-западе Норвегии (современный Тронхейм), обычно — резиденция норвежского конунга.

[4] *Бьяркей* — остров в Халогаланде в Северной Норвегии.

[5] *Видкунн, сын Йона* — Видкунн неоднократно упоминается в «Круге Земном», где он назван то «сыном Йоана», то «сыном Йона с Бьяркей». Из «Саги о Магнусе Голоногом» следует, что Видкунн воевал вместе с этим норвежским правителем в Ирландии и после гибели конунга сразил его убийцу, а также отнес на корабль его меч Ногорез и стяг. По этой причине, говорится в саге, сыновья Магнуса очень его любили, а Сигурд даже отдал ему на воспитание своего сына, впоследствии норвежского конунга Магнуса Слепого (1130–1135).

[6] Драпой называли парадную хвалебную скальдическую песнь, средняя часть которой была пронизана рефреном («стевом»), обычно повторяющимся через равное число строф четверостишием или двустишием. Известны и более изощренные формы стева.

[7] *большинству хёвдингов по вкусу, когда их прославляют* — *höfðingi* — букв. «главарь», предводитель, вождь; так называли всех могущественных людей, возглавлявших местное население. Вопреки сказанному здесь, сочинение хвалебной песни в честь знатного мужа не было вполне обычным делом: как правило, скальды складывали такие песни о конунгах и ярлах. Преподнося Видкунну панегирик, Торд, таким образом, оказывает ему небывалые почести.

[8] *преподнести вам небольшую песнь, которую я сложил, и прошу вас выслушать ее.* — Сочинявшиеся устно хвалебные песни было принято произносить прилюдно, в пиршественной палате перед почетным сиденьем, на котором восседал прославляемый, причем скальд мог приступить к декламации не раньше чем испрашивал и получал от адресата стихов разрешение исполнить песнь.

[9] *Ты первый, кто сложил обо мне песнь.* — См. примеч. 7.

[10] *драпа в пятьдесят вис, и в ней был такой стев* — «небольшая песнь» Торда, таким образом, на поверку оказывается полноценной драпой. Как и во множестве аналогичных случаев, эта хвалебная песнь представлена в пряди только рефреном (стевом), прославляющим воинские доблести Видкунна.

[11] *ливень лучный* — кеннинг битвы (кеннинги — составные метафоры, зашифровывающие ключевые понятия скальдической поэзии; подобные иносказания бывают как двучленными, так и многочленными).

[12] *лучина Хильд* — кеннинг меча; *Хильд* — имя валькирии.

[13] *Корень рода Йонов* — Видкунн.

[14] *Он дал ему золотое запястье весом в одну марку, однако Торд попросил взамен золота его поддержки* — хвалебная песнь непременно предполагала щедрое вознаграждение (так называемый *bragarlaun* — «плата за поэзию»). Таким ответным даром обычно служили драгоценные предметы, серебро или золото (марка — весовая единица, составлявшая около 215 г), оружие, заморское платье и даже корабли, груженные товарами. Отказ от традиционной в таких случаях платы или просьба заменить материальное вознаграждение чем-то более выгодным с точки зрения самого скальда, но чрезмерным в глазах окружающих — поведение весьма необычное. Сходным образом ведет себя герой другой пряди — «Сон Одди Звездочета»: отказавшись от золота, он в конце концов получает в награду конунгову дочь и половину королевства.

[15] *Нид* — река в Нидаросе, давшая название городу.

[16] *Сигурд, сын Храни* — знатный человек; был женат на единоутробной сестре Магнуса Голоногого. Сведения о нем в королевских сагах весьма противоречивы. См. примеч. 24.

[17] *Ингимар из Аска* — Ингимар был родом из Хрингарики, области на юго-востоке Норвегии.

[18] *хватился корабельного навеса* — укрытие (навес или палатка), которое ставили на носу или на корме.

[19] *лендрманн* — *lendr maðr* — знатный человек, предводитель местного населения, принесший присягу верности конунгу. Во многих случаях лендрманн получал от конунга земельное пожалование и «кормление» (так называемую вейцлу — буквально «пир»), т.е. право на сбор с жителей подвластного ему округа предназначавшегося для конунга, а также для него самого продовольствия и угощения. В руках лендрманнов было сосредоточено все управление на местах, и они лишь отчасти зависели от конунга, поскольку, помимо полученных от него пожалований, обладали собственными наследственными владениями и располагали дружинами и слугами.

[20] *Податель змейных полатей* = муж (*змейные полати* = золото).

[21] *передать это дело лагману* — первоначально норвежские лагманы (*lögmaðr* от *lög* «право») возглавляли местные тинги (судебные собрания) и, как предполагается, исполняли функции, сходные с теми, которые выполняли исландские законоговорители, — хранили и возглашали законы. Ко времени записи пряди лагманы превратились в служилых людей, поставленных конунгом над определенной местностью, на которых помимо прочих возлагались судейские обязанности.

[22] *Не поступи он так, он и сам был бы осужден.* — Здесь и в дальнейшем обращение с вором соответствует нормам скандинавского обычного права.

[23] *финны захватили его усадьбу на Бьяркей.* — Расположенный вблизи границы с Финнмёрком остров Бьяркей подвергался нападениям со стороны финнов

(саамов), однако, как следует из других источников, Сигурд, в отличие от самого Видкунна, не был жителем Бьяркей. В версии пряди в «Гнилой Коже» название местности, в которой проживал Сигурд, опущено. См. примеч. 24.

[24] *я до конца оставался с его отцом на западе в Ирландии.* — Согласно части источников и среди них «Кругу Земному», Сигурд, как и Видкунн, участвовал в походе конунга Магнуса Голоногого в Ирландию и был одним из тех, кто последним оставил поле боя. Однако то обстоятельство, что в более ранних жизнеописаниях правителей Норвегии — составленных во второй половине и в конце XII в. «Истории древнейших норвежских королей» монаха Теодорика и «Обзоре» (*Ágrip*) саг о норвежских конунгах — Сигурд вообще не упоминается среди участников ирландского похода Магнуса Голоногого, дает основание считать, что эта информация была почерпнута авторами королевских саг непосредственно из пряди. Согласно этим ранним источникам, последним, кто покинул конунга, был Видкунн. В варианте рассказа о Торде в «Гнилой Коже» явно предпринимается попытка примирить эти разные версии. Так, на обращенный к нему вопрос-напоминание посланца Сигурда: «Государь, кто до самого конца оставался с твоим отцом в Ирландии?» — конунг отвечает: «Сигурд и Видкунн...» Не исключено, что автор пряди смешивает заслуги этих двух лендрманнов, подобно тому как он спутал их местожительство, поселив Сигурда на Бьяркей. См. примеч. 23.

[25] *Эйрар* — берег в устье реки Нид, где обычно совершались казни.

[26] *когда принял сторону этого салоеда* — распространенная в Норвегии уничижительная кличка исландца, особенно часто встречающаяся в прядях.

[27] *Вик* — область в Юго-Восточной Норвегии.

[28] *Затем он отплыл в Данию и там обосновался.* — Ингимар из Аска, сын Свейна, впоследствии примкнул к Харальду Гилли (правил Норвегией в 1130–1136 гг.), незаконнорожденному сыну Магнуса Голоногого.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН
ДРЕВНЕИСЛАНДСКАЯ «ПРЯДЬ О ТОРДЕ ЗОЛОТОЙ АСЫ»

...И здесь кончается прядь о Торде Золотой Асы». Нам остается лишь строить догадки о том, какой смысл вкладывал в слово *páttr* — «прядь» — автор (или, вернее сказать, «редактор») истории о Торде, выводя заключительную фразу этого короткого рассказа. Другая версия той же истории, изложенная с небольшими изменениями (в первую очередь — сокращениями, о характере которых будет сказано ниже) в королевской саге, вышедшей из-под пера исландского переписчика несколькими веками ранее — в последние десятилетия XIII в., имеет другую концовку: «И здесь заканчивается этот рассказ (*frásögn*)».

Исландское *páttr* (множественное число *þættir*), со временем превратившееся в жанровую номинацию древнеисландского рассказа, как правило отличающегося от саги не только своим объемом, но прежде всего выбором главного героя, нарративной структурой и, наконец, кругом сюжетов и основных тем, в средние века обычно применялось

для обозначения любой части от целого — раздела (например, законодательного уложения), главы или даже одной из сюжетных нитей сагового повествования. В то же время «прядями», вплетенными в жизнеописания правителей Норвегии, а подчас и переплетающимися, подобно скрученным веревкам, из которых плели корабельные канаты (основное и первоначальное значение слова *þáttr*), с главным действием, развертывающимся в этих исторических сочинениях, оказывались и вполне самостоятельные произведения, которые не утрачивали своей отдельности в составе той или иной королевской саги. Это могли быть как целые саги об исландцах (примером может служить «Сага о Халльфреде», которая была «впрядена» — разбита на части и инкорпорирована — в жизнеописание Олава Трюгтвасона в самом значительном собрании королевских саг XIV в., «Книге с Плоского Острова»), чьи герои какое-то время находились на службе у норвежских государей, что, видимо, и служило основанием для включения этих историй в саги о конунгах, так и короткие рассказы о приезжих чужестранцах, в первую очередь все тех же исландцах, то и дело появлявшихся в Норвегии, где они вольно или невольно вступали в соприкосновение с конунгом и зачастую возвышались, сумев, благодаря проявленным ими доблести, уму и талантам, завоевать расположение государя и получить почетное место в королевской дружине. То, что эти последние истории, ныне именуемые прядями, назывались внутри подобных компиляций то *frásögn*, то *saga*, то *þáttr*, то *ævintýr* («рассказ»), а то и вовсе никак не назывались и вводились заголовками *Frá...* («О <таком-то>») и завершались фразами: «Здесь заканчивается рассказ о...», не должно никак влиять ни на возможность их трактовки как отдельных и самостоятельных произведений (а не частей и глав тех или иных королевских саг, хотя, разумеется, известно немало далеко не очевидных, пограничных случаев), ни на их жанровую атрибуцию.

История о Торде Золотой Асы принадлежит к числу прядей об исландцах, чьи самодостаточность и отдельность не только удостоверяются качествами самого рассказа, но и находят подтверждение в его рукописной традиции. Существование двух редакций пряди, из которых одна — и притом именно та, которую мы находим в составе саги о сыновьях Магнуса Голоногого, — содержит явные следы переработки текста, отмеченной стремлением приспособить его к новому и более широкому контексту королевского жизнеописания, не оставляет места для сомнений в изначальной самостоятельности рассказа о Торде. Хотя включение пряди в «Гнилую Кожу» не повлекло за собой сколько-нибудь существенной ее деформации, некоторые из произведенных в ней изменений весьма симптоматичны. Так, наибольшим сокращениям подверглись начальные эпизоды пряди, в которых рас-

сказывалось о том, как Торду удалось преодолеть неприязнь Видкунна и заручиться его поддержкой на будущее.

Судя по всему, в глазах редактора и составителя компиляции подробное и обстоятельное представление сцен, предваряющих основное действие рассказа, а именно конфликт Торда с Ингимаром, в который оказались вовлечены самые могущественные люди Норвегии, а под конец и ее правитель — конунг Эйстейн, лишь замедляло его течение, отодвигая переход к центральной части повествования. В результате довольно пространная речь Асы, в которой она исподволь наставляла Торда, как следует действовать, дабы завоевать дружбу Видкунна, подменяется коротким и прямолинейным сообщением некоего безымянного «человека», объявлявшего о скором прибытии знатного родича и только что не требовавшего от Торда сложить песнь в его честь. При этом в качестве мотива создания драпы выдвигалась необходимость примириться с Видкунном, поскольку тот, как утверждал собеседник Торда, относился к нему с «пренебрежением». Сцена исполнения хвалебных стихов также оказалась сведенной к нескольким фразам, изложенным в «телеграфном» стиле, причем из нее исчезли вовсе: 1) поэтическая цитата; 2) заявление Торда о том, что он сочинил «небольшую» песнь, и просьба выслушать ее; 3) реакция Видкунна на желание Торда произнести драпу.

Центральная часть рассказа, главными действующими лицами которой были лендрманны и сам конунг Эйстейн, напротив, не подверглась сколько-нибудь существенным изменениям. Единственная заметная утрата здесь — последняя, третья по счету саркастическая «сентенция» Ингимара, произнесенная им по случаю прибытия конунга. В этой части пряди есть, впрочем, и одно приобретение, несомненно обусловленное включением ее в историю норвежских государей: к концовке последнего эпизода, сообщающей об отбытии Ингимара из Нидароса, прибавлено, что «Эйстейн конунг не стал препятствовать его отъезду и не придал никакого значения тем глупым словам, которые он произнес, сочтя для себя более достойным проявить милосердие и мудрость, как он всегда делал». Рассказ о Торде, таким образом, приводится в саге не только ради «забавы» (*skemtan*) — в качестве занимательной истории, приключившейся во времена правления Эйстейна Магнуссона (действие в пряди принято относить к 1112 г.), но одновременно используется в ней как пример, демонстрирующий выдержку, верность принятым на себя обязательствам, справедливость и мудрость этого конунга.

Рассказ о Торде Золотой Асы, несомненно, должен быть причислен к довольно обширной группе прядей об исландцах, обычно именуемых «прядями о поездках из страны» (*útanferðar þættir*)[1]. Первое, что

объединяет подобные истории, это то, что основное действие в них разворачивается за пределами Исландии, прежде всего в Норвегии. В отличие от заглавных героев саг об исландцах, как правило людей родовитых, нередко представителей славных и могущественных семейств, герой таких историй — в большинстве случаев человек незначительный, а зачастую, вероятно, и попросту вымышленный персонаж. Таков был, по всей видимости, и Торд. Напомним, что в пряди не приведено даже имени его отца (сказано лишь, что Торд «превзошел» его, иными словами, сумел добиться большего, чем он), не говоря уже о прочих родичах. Правда, Торд Золотой Асы упоминается в средневековом исландском «Перечне скальдов» (*Skáldatal*), где записаны имена всех скандинавских поэтов, когда-либо складывавших хвалебные песни в честь правителей и знатных людей, однако нельзя исключить, что имя Торда попало в этот список прямиком из одноименной пряди; как бы то ни было, ни о Торде, ни об Асе нет сведений ни в одном другом из известных источников.

Большинство прядей о поездках из страны строится по единому «сценарию». Оставив по тем или иным причинам родные края, герой таких рассказов отправлялся в Норвегию, где его, как правило, ожидали серьезные испытания. Вследствие совершенного им, а порой и мнимого проступка (убийства, нарушения королевского запрета, оговора и т.п.) он вступал в конфликт с конунгом или замещающим его знатным человеком, во власти которого он оказывался. Этот конфликт обычно разрешался в пользу исландца, которому, благодаря проявленным им мужеству и находчивости, а нередко и умелому посредничеству помощников, удавалось в конце концов достигнуть мира с могущественным противником, завоевать его расположение, а вместе с ним и положение в чужой стране (чаще всего — сделаться королевским дружинником). В заключении таких историй герой, существенно повысив свой социальный статус, навсегда оставался в Норвегии либо же возвращался восвояси и становился большим человеком у себя дома, в Исландии.

В «Пряди о Торде Золотой Асы» эта общая нарративная схема получает своеобразное преломление. В роли нарушителя общественного спокойствия и мира, вопреки обыкновению, выступает не исландец — герой пряди, но его контрагент — знатный лендрманн, чьи противоправные действия и служат причиной конфликта, образующего ядро повествования. Соответственно, изменяется и роль высокопоставленных помощников, чье участие в деле на стороне протагониста, как это нередко бывает в прядях, способствует конечной победе исландца. Тогда как в традиционном для историй этого жанра противостоянии «конунг—исландец» их вмешательство, как правило, было направлено

на то, чтобы добиться прощения главного героя и примирить враждующие стороны, в рассказе о Торде поддержка, оказываемая ими исландцу, не в последнюю очередь имеет своей целью осадить зарвавшегося смутьяна, попирающего закон, и одновременно выяснить, на чьей стороне сила. Самая же главная особенность этой пряди — то, что в числе могущественных помощников, защищающих Торда от произвола Ингимара, оказывается и сам конунг. Следует, наконец, отметить и еще одно отступление нашего рассказа от стандартной повествовательной структуры прядей о поездках из страны: описанный в нем конфликт между главными действующими лицами так и остается неурегулированным.

И тем не менее, при всех отклонениях от привычных сюжетных стереотипов прядей о поездках из страны, главная тема рассказа о Торде Золотой Асы — та же, что и в подавляющем большинстве историй, принадлежащих к этой группе: безвестный выходец из Исландии (безродный «бродяга», «салоед», как именует Торда его противник) добивается богатства, почета и всеобщего уважения и приобретает славу «храбрейшего человека». Торд — типичный герой прядей, достигающий всего исключительно благодаря своим личным достоинствам и умениям. Явившись в Норвегию едва ли не без гроша в кармане, не имея там ни родичей, ни друзей, Торд сам устанавливает все необходимые социальные связи: сперва ему удается войти в доверие и завоевать благосклонность богатой женщины, другом и торговым компаньоном которой он становится, затем, воспользовавшись ее советом, заручиться поддержкой одного из самых могущественных людей в стране, после чего он уже может смело «мериться силами» с кем угодно. Случай, разумеется, не мог не представиться, и Торд, бросив вызов Ингимару и не отступив, несмотря на грозившую ему опасность, показал себя достойным и храбрым человеком. Кроме того, он сумел привлечь на свою сторону самых именитых людей, заставив их принять деятельное участие в своей судьбе.

В качестве главного механизма, продвигающего вперед действие пряди и в конечном счете приводящего к возвышению героя, выступает процесс обмена дарами и обязательствами, неотвратимость исполнения которых — своего рода стержень общественных отношений в средневековой Скандинавии[2]. «Прядь о Торде Золотой Асы» — яркий пример, демонстрирующий действие лежащего в основании этих отношений принципа взаимности: долг платежом красен. Преподнеся хвалебную песнь Видкунну и отказавшись от традиционного в таких случаях «отдарка» — золота, которое он обменивает на обещание дружбы, Торд делает знатного лендрманна своим должником. Позднее, когда приходит время, он требует от Видкунна возвратить

долг — поддержать его в противостоянии Ингимару. Тот незамедлительно признает связывающие его обязательства и приходит на помощь к исландцу. На этом видимая активность главного героя заканчивается, и он, как это нередко бывает в прядях при появлении помощников, по сути дела, выпадает из фокуса повествования, превращаясь в бессловесного созерцателя происходящего, к которому рассказчик возвращается лишь в заключении своей истории. Вместо него на авансцену один за другим, повинуясь долгу, выступают могущественнейшие мужи Норвегии и, наконец, тот, кого никто не может превзойти силой, — сам конунг Эйстейн. Как выясняется, каждый из поспешивших на подмогу герою пряди знатных мужей связан со своим предшественником оказанной ему в прошлом услугой, напоминание о которой заставляет его, пусть и вопреки его желанию, не откладывая отправиться на помощь к призвавшему его другу. Так в результате «сложения» сил двух лендрманнов и одного конунга удается отстоять правоту Торда, погасить возникшее было в городе волнение и привести в исполнение закон.

Хотя одержанная героем победа — прежде всего заслуга его помощников и в первую очередь конунга Эйстейна, роль Торда в исходе дела тем не менее ничуть не умаляется: это он умело запустил и поставил себе на службу безотказно работающий механизм взаимопомощи. Как и в других прядях о поездках из страны, в рассказе о Торде Золотой Асы главное внимание рассказчика принадлежит не правителю Норвегии, в жизнеописание которого была вставлена прядь, но предприимчивому исландцу, собственными усилиями выстраивающему свою судьбу.

Примечания

[1] См.: *Harris J.C.* Genre and Narrative Structure in Some *islendinga þættir* // Scandinavian Studies. 1972. Vol. 44. P. 1–27.

[2] Тема дарения — основа сюжета не одной пряди об исландцах. См. об этом в нашей публикации двух прядей в журнале: Одиссей–1997. М., 1998.

LIVLĀNDISCHE REIMCHRONIK. ATSKAŅU HRONIKA / V.BISENIEKA ATDZEJOJUMS NO VĀCU VĀLODAS, Ē.MUGURĒVIČA PRIEKŠVĀRDS. Ē.MUGURĒVIČA, K.KĻAVIŅA KOMENTĀRI. RĪGA, ZINĀTNE, 1998

(Рифмованная хроника.
Перевод с немецкого В.Бисениекса,
предисловие Э. Мугуревича,
комментарии Э.Мугуревича и К.Клявиньша)

Публикация источников, как нарративных, так и актовых, имеет давние традиции в странах Балтии. Удачным продолжением этой традиции можно назвать появление в Латвии в последнее десятилетие новых научных изданий двух основных нарративных памятников по истории крестовых войн в Восточной Прибалтике в XIII в. Первый — «Хроника Ливонии» Генриха, публикация которой уже получила оценку в России (см.: Средние века. 1997. Вып. 59). Ниже речь пойдет об издании «Рифмованной хроники», известной также как «Старшая Рифмованная хроника». Хроника написана в конце XIII в. и в настоящее время считается большинством историков анонимной, хотя часть исследователей приписывала ее авторство некоему Дитлебу фон Альнпеке. Хроника — стихотворное произведение, написанное в стиле средневековой рыцарской поэмы. Язык хроники — средненижненемецкий. Впервые издание хроники было осуществлено в самом начале XIX в. С тех пор она неоднократно издавалась с переводами на современный немецкий, латышский и английский языки. Отдельные фрагменты были изданы с переводом на русский язык.

Авторы нынешней публикации, использовав достижения своих предшественников, внесли значительные улучшения как в перевод, так и в исследовательскую часть издания. Немецкий текст и латышский перевод печатаются параллельно, что облегчает непосредственную работу читателя с источником. Текст хроники предваряется рядом научных заметок, написанных известным латышским археологом и историком Э.Мугуревичом: об исторической ситуации в Европе периода крестовых войн, о распространении христианства в Восточной Прибалтике в XI–XII вв., об истории завоевания региона кресто-

© Е.Л.Назарова, 2001

носцами, о многолетней национально-освободительной борьбе местных народов и о создании здесь конгломерата феодально-духовных государств. Таким образом, хроника как бы помещается в эпоху ее создания. Помимо этого, в книге дается достаточно подробное источниковедческое описание хроники — с указанием сохранившихся рукописей, истории их публикации; приводятся рассуждения о предполагаемом авторстве хроники, о возможных источниках, которыми пользовался ее автор, а также о достоверности ее как исторического источника, значительно повлиявшего на прибалтийскую историографическую традицию вплоть до второй половины — конца XVIII в. Эта ранняя историографическая традиция восприняла ошибочную хронологию начального периода завоевания региона, присутствующую в «Рифмованной хронике».

Лучшему пониманию хроники помогают также замечания об идеологии и ментальности орденских братьев. Подчеркивается, что хроника написана в орденской среде и отражает сочетание духовной и военной миссий крестоносцев в Восточной Прибалтике. Соответствующим образом характеризуются рыцари Ордена, и в первую очередь магистры с их преданностью Господу и рыцарскими доблестями, причем их отваге в значительной мере противопоставлены нерешительность и даже трусость представителей ливонского духовенства, поведение которых хронист описывает весьма критически.

Очень интересным представляется «Предисловие переводчика». Стихотворный памятник, отдаленный от нашего времени многими столетиями, чрезвычайно сложен для адекватного перевода. Немногие авторы предшествующих изданий хроники, в том числе и немецких, решались на поэтический перевод источника. Переводчик нынешнего издания В.Бисениекс знакомит читателя со сложностями работы над стихотворным переводом текста, при которой приходилось учитывать как фонетические особенности немецкого и латышского языков, так и тонкости в передаче некоторых терминов, значение которых могло измениться в наше время. Из-за отличий в фонетической структуре двух языков было невозможно повторить при переводе тот же размер стихотворной строфы, в котором написана хроника. Чтобы воспроизвести поэтическую атмосферу хроники и как можно точнее передать ее содержание, переводчик работал сразу с целым законченным эпизодом, стараясь сохранить его стиль и звучание. При этом дословно переводились те строки, в которых заключалась основная мысль эпизода. Таким образом наиболее полно достигалось сочетание поэтического настроя и точности содержания. Более широкое знакомство с языком и литературой эпохи позволило автору перевода уловить некоторые смысловые оттенки в тексте и правильнее отразить их в латышском переводе.

Переводчик подмечает тонкую иронию автора хроники, проявляющуюся в игре слов, а также передаваемую другими литературными приемами. Например, эффективным средством выражения хронистом своего отношения к событиям Бисениекс считает частые повторы — характеристики разных лиц (магистров и других рыцарей) одними и теми же хвалебными эпитетами, отчего создавалось впечатление их безликости. Отметим, однако, что если он видит в этом юмор или даже сатиру автора, то другие исследователи, наоборот, объясняют повторы скудостью литературного языка хрониста. Кстати сказать, о небольшом литературном таланте автора хроники говорится и в заметке «О языке хроники» в первой части предисловия в рецензируемом издании. Думается, что с этим мнением исследователей необходимо хотя бы отчасти согласиться, поскольку трудно допустить, чтобы хронист из среды рыцарей позволил бы себе с юмором характеризовать магистров Ордена. Вместе с тем представляется вполне правомерным мнение Бисениекса о том, что повторы в ряде случаев были связаны со стилем произведения, задуманного автором как устный рассказ знатока истории войны в Ливонии и очевидца многих событий собравшимся вокруг него слушателям.

Весьма интересны комментарии к тексту хроники. Бóльшая часть комментариев написана Э.Мугуревичом. К.Клявиньш — автор комментариев, касающихся идеологии и менталитета Тевтонского ордена. Комментарии включают результаты археологических и исторических исследований, биографические, географические и топографические справки, наблюдения лингвистов. В комментариях приводятся различные историографические мнения по спорным вопросам; в ряде случаев по новым данным уточняются уже имеющиеся в литературе заключения. Вместе с тем в комментариях есть досадные ошибки и неточности. Так, в XIII в. Суздальское княжество не было крупнейшим государственным образованием Северо-Восточной Руси. Здесь автор комментария идет на поводу у автора хроники, который из всех городов Северо-Восточной Руси знает только Суздаль. Упоминание в хронике Суздаля как главного города Северо-Восточной Руси, судя по всему, традиция, сохранившаяся с XII в. В XIII в. Суздальское княжество было одним из рядовых княжеств региона. Следует говорить не о Суздальском княжестве, а о Владимирском великом княжении. С 40-х гг. XIII в., после установления господства Золотой Орды, между владимирскими и тверскими князьями шла борьба за получение из рук хана ярлыка на великое княжение. Князь, получивший титул великого князя Владимирского, считался главным не только в Северо-Восточной Руси, но и во всех русских землях, на которые распространялась зависимость от Орды. С 1256 г. имевший титул великого князя

Александр Ярославич Невский сидел во Владимире, а не в Суздале. Родовой резиденцией Александра был Переславль-Залесский. Вопрос же о том, почему в хронике упоминается именно Суздаль, безусловно, нуждается в специальном изучении.

Вызывают также сомнение рассуждения о возможности представителей местной прибалтийской знати войти в число рыцарей Ордена. Согласно имеющимся источникам, местные нобили могли получать статус ленников Ордена, рижского епископа (архиепископа) и других епископов Ливонии по местному (ливскому, куршскому и т.д.) или немецкому (в Пруссии) ленному праву. Будучи ленниками, они участвовали в походах вместе со своими сеньорами, как и немецкие ленники — вассалы Ордена, но не рыцари (т.е. непосредственно члены) Ордена. Тем более нет упоминаний о нобилях местных народов среди братьев — рыцарей Ордена.

В комментариях есть и другие спорные моменты. Тем не менее нельзя не оценить огромной работы, проделанной авторами рецензируемого труда, и его значимости не только для исторической науки Латвии, но и для исследователей, не владеющих латышским языком. Для последних, помимо современного издания текста памятника, большой интерес может представить полный перечень публикаций хроники, а также обширный список источников и литературы по истории изучения хроники и по истории Восточной Прибалтики в целом. Отметим, кроме того, большое количество карт, схем и другого иллюстративного материала, помещенного в издании, полезного для работы с хроникой.

Е.Л.Назарова (Москва)

РАННЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ НА СТРАНИЦАХ ДВУХ ЮБИЛЕЙНЫХ СБОРНИКОВ

В конце 1999 г. в Польше и Литве вышли из печати юбилейные сборники в честь выдающихся современных ученых-историков Зенона Новака и Эдвардаса Гудавичюса. Поскольку участвующие в них авторы являются представителями разных национальных исторических школ, то в этих изданиях отразилось многообразие проблем, выдвигаемых и решаемых в современной исторической науке, в том числе и в медиевистике. В данной рецензии мы обратимся к работам по истории европейского средневековья, опубликованным в этих сборниках.

I

Пруссия—Польша—Европа. Исследования по истории средневековья и раннего нового времени. Prusy—Polska—Europa. Studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych / A.Radźimiński, J.Tandecki. Toruń, 1999. 359 s.

Издание было приурочено к 65-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности выдающегося польского историка Зенона Хуберта Новака (1934–1999). В научном творчестве профессора Университета Николая Коперника (Торунь) З.Новака нашла отражение необычайная широта его научных интересов, но особенно выделяются три аспекта: 1) история Северной и Восточно-Центральной Европы (политическая и дипломатическая роль Сигизмунда Люксембургского, польских и литовских князей, польско-литовская и Кальмарская унии, Тевтонский орден и его владения в Прибалтике); 2) культура Пруссии и ее связи с общеевропейской культурой (просвещение, школьное и университетское образование, связь с европейскими университетами); 3) история европейских городов, в частности ганзейских, а также история евреев (последняя — вплоть до XX в.). З.Новак получил международную известность не только своими научными трудами, но и как организатор науки. С 1981 г. по его инициативе в Торуне проходит цикл международных научных конференций

© В.И.Матузова, 2001

«Ordines militares. Colloquia Torunensia Historica», в рамках которого поднимаются ключевые проблемы истории духовно-рыцарских орденов и связанные с ними вопросы и темы, выводящие историков на общеевропейский уровень. Доклады конференций публиковались в одноименном серийном издании. Скоропостижная кончина в декабре 1999 г. оборвала деятельность Зенона Новака, талантливейшего ученого и прекрасного человека.

Рецензируемый сборник состоит из четырех разделов, каждый из которых представляет одну из сторон исторических интересов З.Новака: Европа, Польша, Тевтонский орден, города.

Книга открывается статьей М.Дыго (Варшава) «К вопросу о хозяйственных основах племенных германских королевств раннего средневековья (проблема сокровища)»[1] Непредвзятое отношение к источнику и тонкая наблюдательность, присущие этому польскому исследователю, позволяют ему зачастую по-новому осветить, казалось бы, давно известные факты и сделать это в лаконичной и отточенной форме.

В данном случае М.Дыго обращается к ранней истории лангобардов (визиготов). Используя данные хроник Иоанна из Бикларо и Павла Диакона, а также данные современной археологии, он делает вывод, что отдельные германские племена имели племенное сокровище, утрата которого вела к распаду политического единства племени; захват племенного сокровища был условием подчинения такого племени. Племенное сокровище не подлежало распределению между членами племени. Его наличие было гарантией существования племени с королем во главе.

В племенном сознании скандинавов и германцев бытовало представление, что золото приносит счастье. В племенном сокровище нашло отражение представление о превосходстве племенного союза над королем. Утрата племенного сокровища у лангобардов привела к кризису племенного союза и к упадку былой королевской власти. Лишь христианизация германцев возродила королевскую власть, но в новых общественных условиях места для племенного сокровища уже не было.

Статья немецкого историка Ю.Митке (Гейдельберг) возвращает нас к вопросу о критике крестовых походов Тевтонского ордена в Прибалтику английским ученым, монахом-францисканцем Роджером Бэконом[2] В общих чертах разделы «Великого сочинения» Роджера

[1] *Dygo M.* Ze studiów nad podstawami gospodarczymi germańskich królestw plemennych wczesnego średniowiecza (problem skarbu) (s. 31–34).

[2] *Miethke J.* Die Kritik des Franziskaners Roger Bacon an der Schwertmission des Deutschen Ordens (s. 45–55).

Бэкона, в которых сообщаются сведения о Пруссии, Ливонии и Тевтонском ордене и которые использует в своей работе Ю.Митке, нередко приводятся в научной литературе. Автор статьи обращает внимание на не слишком броскую, но представляющую интерес деталь: Роджер Бэкон проводил критику Тевтонского ордена, сообразуясь не с официально принятой точкой зрения правящей верхушки нищенствующих орденов, а разделяя мнение того круга францисканцев и доминиканцев, которые в XIII в. внедрились в Парижский университет. В этом — новизна раскрытия указанной темы.

Один из старейших и известнейших польских историков С.Травковский (Варшава) в статье «Болеслав Храбрый и еремиты»[3] обращается к событиям начала XI в., частично описанным Бруно Кверфуртским и связанным с миссионерской деятельностью католических монахов в Пруссии и на Поморье. Автор прослеживает обстоятельства основания отшельнического скита близ Казимежа для прибывших с миссией итальянских монахов Бенедикта и Иоанна, погибших в 1009 г. вместе с Бруно Кверфуртским на прусско-ятвяжско-русском пограничье.

В разделе «Тевтонский орден» к интересующему нас периоду относится материал статьи К.Милитцера (Германия) «Из Кёльна в Пруссию. Сыновья кёльнских бюргеров в Тевтонском ордене в Пруссии»[4] Статья вписывается в ряд работ немецких ученых, посвященных персоналиям рыцарей Тевтонского ордена[5] Она представляет интерес для изучения социального состава Тевтонского ордена. На раннем этапе существования Ордена его членами были выходцы из мелких земельных феодалов. Они занимали почти все административные должности: от комтура до великого магистра. Используя информацию «Хроники» Петра из Дусбурга, К.Милитцер констатирует, что в XIII в. лишь единичные рыцари Ордена происходили из городского патрициата. Об этом же свидетельствуют и изыскания Д.Войтецкого[6] Выходцы из Кёльна появляются в Пруссии лишь после 1309 г. Их присутствие в этом регионе до указанной даты остается гипотетичным, так как ни до ни после 1309 г. ни один из них не занимал высокого положения.

---

[3] *Trawkowski S.* Bolesław Chrobry i eremici (s. 163–171).

[4] *Militzer K.* Von Köln nach Preußen. Kölner Bürgersöhne im preußischen Zweig des Deutschen Ordens (s. 199–210).

[5] *Maschke E.* Deutschordensbrüder aus dem städtischen Patriziat // Preußenland und Deutscher Orden. Zeitschrift für Kurt Forstreuter zur Vollendung seines 60. Lebensjahres. Würzburg, 1958. S. 249–277; *Wojtecki D.* Studien zur Personengeschichte des Deutschen Ordens im 13. Jahrhundert. Wiesbaden, 1971 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 3); *Planta P.C. von.* Adel, Deutscher Orden und Königtum im Elsaß des 13. Jahrhunderts. Frankfurt a. M., 1997 (Freiburger Beiträge zur mittelalterlichen Geschichte 8).

[6] *Wojtecki D.* Studien zur Personengeschichte.

Тема статьи эстонского историка Энна Тарвела — «Генезис ливонского города в XIII веке»[7] Критически оценивая решение проблемы генезиса городов Древней Руси в советской исторической науке, автор пересматривает данную проблему применительно к ливонским городам. Он отмечает, что в трудах таких русских советских историков, как Б.Д.Греков и М.Н.Тихомиров, уровень развития древнерусских городов завышался, равно как преувеличивалось их количество. Подобная тенденция прослеживалась и в историографии прибалтийских республик СССР (Х.Моора, В.В.Дорошенко). Эта концепция, пишет автор, «совпадает с националистической романтической концепцией, с тенденцией восславлять и романтизировать все свое, пренебрегая исторической правдой и верифицированными историческими источниками».

Реминисценции былых концепций генезиса ливонского города до сих пор встречаются в исторической литературе, и потому данная проблема актуальна по сей день.

Э.Тарвел обращает внимание на пестроту терминологии, мешающую выработать строгое определение понятия «город». Предлагая в качестве одного из критериев города тип его населения, автор формулирует следующее определение раннесредневекового города: «крупное компактное поселение, жители которого не были заняты преимущественно сельским хозяйством и которое было экономическим центром окружающих его деревень (а возможно, также политическим, административным, культурным и идеологическим центром)». В таком случае укрепленное поселение, в котором отсутствовало торговое и ремесленное население, не являлось экономическим центром и потому не может классифицироваться как город.

Вблизи Ливонии, в бассейне Северного и Балтийского морей, в VI–XI вв. существовало немало торговых и ремесленных поселений, которые Э.Тарвел относит к поселениям городского типа (Бирка, Хедебю). Напротив, говоря о древнерусских городах Новгороде и Пскове, ученый считает завышенной их оценку в современной историографии[8], так как, в частности, во Пскове не меньшее развитие, чем ремесло, получили земледелие и скотоводство, охота и рыболовство. Во многом сходная ситуация наблюдалась и в Старой Ладоге.

В то же время в Ливонии X–XIII вв. уже существовали первые города. Среди них — Таллинн, гипотеза о раннем генезисе которого в настоящее время широко распространена. Однако автор признает, что в социально-экономическом отношении Ливония отставала от своих

[7] *Tarvel E.* Genesis of the Livonian town in the 13th century (p. 287–301).

[8] Следует отметить, что используемые в статье работы русских советских историков появились не позднее 1976 г.

соседей (Руси, Скандинавии и Литвы). Городские поселения в Ливонии не прослеживаются по письменным источникам до XIII в. Основной из них — «Хроника Ливонии» Генриха, но она не содержит упоминаний городских поселений племен ливов, эстов и латов. Городами в ней названы Ерсика (административно-политический и церковный центр) и Рига. Систематизированных археологических данных о поселениях городского типа в Ливонии тоже нет.

Многие города нынешних Эстонии и Латвии берут начало с военных укреплений, но не все фортификационные сооружения развились в города. Городская сеть в Ливонии XIII в. возникла на основе сети *hill-forts,* основанных еще до появления немцев и датчан; развитие городов в средневековой Ливонии было продолжением более раннего социально-экономического и политического развития.

Призывая к критическому подходу к источникам, Э.Тарвел делает вывод, что о собственно городах в Ливонии можно говорить только после немецко-датского завоевания.

II

Между историей и бытием. Сборник научных статей к 70-летию профессора Эдвардаса Гудавичюса. Tarp istorijos ir būtovės. Studios prof. Edvardo Gudavičius 70-mečiui. AIDAI, 1999. 518 p.

70-летнему юбилею выдающегося литовского ученого-историка, профессора, члена-корреспондента Литовской АН Э.Гудавичюса посвящен сборник, в котором собраны статьи по разнообразным проблемам истории XI–XVIII вв., что, несомненно, отражает и широту научных интересов самого юбиляра (Э.Гудавичюсу принадлежит более 900 работ преимущественно по проблемам истории Литвы эпохи средневековья)[9]

В сборнике приняли участие ученые многих европейских стран: Англии, Германии, Литвы, Польши, России и Эстонии, что, безусловно, свидетельствует о международном признании научной деятельности юбиляра.

В небольшой источниковедческой работе И.Леонавичюте (Вильнюс) ставится вопрос о количестве версий источников, повествующих о миссии Бруно Кверфуртского в Пруссию[10] В международной исто-

[9] Недавно Э.Гудавичюс выступил с двумя крупными монографиями: *Gudavičius E.* Mindaugas. Vilnius, 1998; *idem.* Lietuvos istorija. I tomas. Nuo seniasių laikų iki 1569 metų. Vilnius, 1999.

[10] *Leonavičiūtė I.* Trys ar keturios šv. Brunono misijų šaltinių versijos? (p. 19–25).

риографии известны три такие версии: саксонская, представленная Кведлинбургскими анналами и «Хроникой» Титмара Мерзебургского; баварская, взятая за основу в «Реляции» Виперта; итальянская, к которой относится «Житие св. Ромуальда» Петра Дамиани. Прочие сочинения лишь повторяют информацию названных источников. Исключение представляет поздняя интерполяция в «Исторические книги» Адемара Шабанского. В работе И.Леонавичюте проведен анализ трех ошибок, допущенных в интерполяции, что позволяет предположить существование четвертой (французской) версии.

Со статьей «Разрушение Сигтуны в 1187 г.» выступил Э.Тарвел[11], предложив одно из возможных решений вопроса, кто напал на Сигтуну. (В XII в. Сигтуна наряду с Висбю, Скарой, Гамлой и Лёдёзе претендовала называться городом. В конце X в. она стала местом кафедры епископа.) Историк учитывает две гипотезы, существующие в современной исторической науке. Согласно первой из них, основанной на «Хронике Эрика», древнейшем источнике, в котором повествуется о данном событии (финские ученые К.О.Линдеквист, Я.Яаккола, С.Суванто, Х.Киркинен и датский исследователь Д.Г.Линд), Сигтуна была разрушена карелами. Сторонником этой гипотезы был И.П.Шаскольский, считавший веским доводом в ее пользу врата Сигтуны в новгородском Софийском соборе (что, как доказали шведские и польские ученые, на самом деле не соответствует историческим фактам).

Согласно второй гипотезе, Сигтуну разорили эсты, но об этом впервые говорят шведские хронисты XVI в.: Олаус и Лаврентий Петри и Иоханнес Великий (Магнус).

Обе гипотезы остаются спорными, если не выйти за рамки источников, непосредственно повествующих об этом событии. Информации в пользу карельской версии, как утверждает Э.Тарвел, нет. Зато гипотеза об эстах находит подтверждение во многих источниках, главные из которых: «Хроника Ливонии» Генриха, «Деяния данов» Саксона Грамматика и даже «Хроника Эрика». Э.Тарвел делает вывод, что карельская гипотеза не отвечает исторической реальности, а эстонская более вероятна.

В обоих сборниках опубликованы также работы многих других ведущих европейских ученых, относящиеся к более поздним периодам европейской истории — вплоть до XVIII в.

В.И.Матузова (Москва)

---

[11] *Tarvel E.* Die Zerstörung von Sigtuna im Jahre 1187 (s. 27–35).

НАТАЛИЯ ИВАНОВНА ЩАВЕЛЕВА
(1946–2001)
(Памяти коллеги и друга)

Рано утром 28 апреля 2001 г. после мучительной болезни и все же совершенно неожиданно для всех безвременно ушла из жизни Наталия Ивановна Щавелева, известный медиевист, человек исключительных душевных дарований, самоотверженный, творческий, жизнеутверждающий, человек, ясный образ которого трудно, непосильно соединить со смертью.

Наталия Ивановна Щавелева, в девичестве Владимирова, родилась 16 июня 1946 г. в высокоинтеллигентной семье морского офицера и врача. В 1964 г., поступая на филологический факультет Московского государственного университета, Наталия Ивановна избрала кафедру классической филологии, одну из самых «элитных», но и самых сложных — и этот выбор, как и всё, что делала Наталия Ивановна, оказался на всю жизнь: любовь и деятельный интерес к античной культуре в ее бесчисленных преломлениях Наталия Ивановна сохраняла всегда. Наталия Ивановна была одной из последних, кому посчастливилось застать среди преподавателей факультета профессоров старого склада, выпестованных еще в эпоху расцвета классического образования в дореволюционной России. Так, древнегреческий язык она начинала изучать у Александра Николаевича Попова (память о котором неразрывно связана со знаменитой «Поповской» классической гимназией в Москве), а курсы введения в классическую филологию и древнегреческой литературы слушала у Сергея Ивановича Радцига, под чьим руководством писала и свои первые курсовые работы. Благодаря им, равно как и другим своим учителям, Наталия Ивановна не только овладела конкретным знанием, но и — что, пожалуй, еще важнее — причастилась духу классической филологии, главными составляющими которого являются универсализм и строгая научность. Эти черты в полной мере проявились уже в дипломной работе Наталии Ивановны о языке греческих рукописей южноитальянского происхождения из собраний Государственного Исторического музея. Исследование на тему, по своей сложности далеко выходившую за рамки обычного дипломного сочинения, было с успехом выполнено под научным руководством замечательных специалистов — А.П.Каждана и Б.Л.Фонкича.

данию Свода древнейших источников по истории Восточной Европы, возглавленной Е.А.Мельниковой, а последние годы — в только что организованном Центре по истории религии и церкви, куда ее пригласил руководитель Центра Я.Н.Щапов.

Главные научные интересы Наталии Ивановны всегда концентрировались в области медиевистики и главным образом — истории русско-польских взаимоотношений. Классическое образование — необходимый фундамент всякой историко-филологической науки (эта некогда азбучная истина ныне осознается, увы, немногими) — позволило ей быть на уровне чрезвычайно деликатной проблематики взаимодействия двух, казалось бы, столь непохожих друг на друга и даже конфронтирующих культурных традиций, которые в своей основе тем не менее восходят к единому корню христианской античности. Много труда Наталия Ивановна посвятила изучению польской средневековой хронистики, прежде всего Винцента Кадлубка (ее давнему замыслу о создании полного «русского» Кадлубка, увы, не суждено было осуществиться), Великопольской хроники, хроники Яна Длугоша. Промежуточным итогом этих трудов стал собранный и прокомментированный Наталией Ивановной корпус известий о домонгольской Руси в польской историографии, увидевший свет в 1990 г. На рабочем столе исследовательницы осталась близкая к завершению книга о «русских» известиях Яна Длугоша, которая была призвана суммировать разыскания длинной череды как русских (в том числе и самой Наталии Ивановны), так и польских историков на тему, источниковедчески крайне сложную и продолжающую вызывать споры. В последние годы внимание Наталии Ивановны было привлечено также к уникальному памятнику XI в. — латинскому молитвеннику Гертруды, польской жены киевского князя Изяслава Ярославича. Этому остающемуся во многом загадочным тексту исследовательница посвятила ряд этюдов, но задуманного ею обобщающего труда нам уже не дано увидеть (снова и снова приходится с болью повторять: не успела, не довелось, было не суждено...).

Говоря о той стороне научной биографии Наталии Ивановны, которая была связана с Польшей, нельзя не упомянуть о ее многолетней бессменной до последнего дня деятельности в качестве ученого секретаря Российско-польской комиссии историков — одной из немногих международных двусторонних исторических комиссий РАН, которые не свернули своей работы в смятенные 90-е годы, — далеко не в последнюю очередь благодаря усилиям Наталии Ивановны, пользовавшейся неизменным уважением со стороны своих польских коллег, в том числе таких признанных мэтров исторической науки, как А.Гейштор, Ю.Бардах, Е.Вырозумский и многих, многих других.

Еще одной неотъемлемой частью творческой личности Наталии Ивановны был неугасавший интерес к античной культуре, особенно к ее судьбам в наши дни. Именно здесь проявился незаурядный дар Наталии Ивановны как педагога. Неизменная чуткость, благожелательная ровность, внимательность к собеседнику, умение не только говорить, но и слушать делали ее прирожденным учителем. В течение ряда лет она преподавала латынь на кафедре древних языков исторического факультета МГУ, возглавлявшейся А.Ч.Козаржевским, и на аналогичной кафедре (руководитель — В.Н.Ярхо) в Институте иностранных языков им. М.Тореза (ныне Московский государственный лингвистический университет). Преподавание латинского языка в известной в Москве Билингвальной гимназии (директор А.С.Бубман) вылилось в создание (совместно с А.В.Подосиновым) учебного пособия по латыни и античной культуре (1993–1994 гг.), ставшего в настоящее время, пожалуй, наиболее популярным в средних учебных заведениях гуманитарного профиля.

Где бы и чем бы ни занималась Наталия Ивановна, она делала это с любовью, на совесть, не унывая от неизбежных в науке неудач и «околонаучных» невзгод. Незабываема атмосфера мягкого света и почти домашнего уюта, которую создавала вокруг себя Наталия Ивановна, ее неизменная готовность прийти на помощь, ее доходившая до щепетильности деликатность, заставлявшая таить в себе свои скорби и недуги, и как следствие — ее ранимость, обостренная чувствительность к болям и бедам других, к неудачам общего дела. Есть какая-то скорбная закономерность в том, что из «птенцов Пашутина гнезда» именно Наталия Ивановна ушла первой.

Requiescat in pace.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ТРУДЫ НАТАЛИИ ИВАНОВНЫ ЩАВЕЛЕВОЙ*

1. Известия о Руси в польской хронике магистра Винцента (XII в.) // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. М., 1975. С. 138–144.
2. Послание епископа краковского Матвея Бернарду Клервоскому об «обращении русских» // ДГ, 1976 год. М., 1976. С. 102–112.
3. Древнерусские известия Великопольской хроники // Летописи и хроники, 1976 г.: М.Н.Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 54–66.

* Список носит предварительный характер.

4. Древняя Русь в польской латинской хронографии. Автореф. канд. дис. М., 1976.
5. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винцента Кадлубка) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 154–165.
6. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // ВЕДС: Сб. статей [к 60-летию В.Т.Пашуто]. М., 1978. С. 307–314.
7. Киевская миссия польских доминиканцев // ДГ, 1982 год. М., 1984. С. 139–151.
8. Комментарий в кн.: *Булвер-Литтон Э.* Последние дни Помпей. М., 1985. С. 330–348.
9. О княжеских воспитателях в средневековой Польше // ДГ, 1985 год. М., 1986. С. 123–130.
10. Идея славянского и общепольского единства в хронике Великой Польши (XIII–XIV вв.) // Идеология и общественно-политическая мысль в странах Центральной и Восточной Европы периода средневековья: Сб. материалов и тезисов IV Чтений памяти В.Д.Королюка. М., 1986. С. 38–39.
11. Комментарий в кн.: Поэзия народов мира (от древнейших времен до рубежа XIX–XX веков). М., 1986. С. 627–631.
12. Вступ. статья и комментарий в кн.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 5–50, 203–250.
13. К вопросу о языческих верованиях западных славян // Всесоюзная конференция «Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры (к 175-летию со дня рождения акад. И.И.Срезневского)». Л., 1988. С. 70–72.
14. Русские княгини в Польше // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные [II] чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. М., 1988. С. 117–121.
15. К вопросу о переводе латиноязычных документов «Литовской метрики» // «Литовская метрика»: Тез. докл. межреспубликанской научной конференции. Вильнюс, 1988. С. 51–52.
16. Польки — жены русских князей (XI — середина XIII в.) // ДГ, 1987 год. М., 1989. С. 50–57.
17. Русь в донесениях польских путешественников XIII в. // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 30–31.
18. Польские латинские средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990 (Древнейшие источники по истории народов СССР).
19. Происхождение и ранняя история славянских народов // Преподавание истории в школе. М., 1990. № 1. С. 20–31.

20. Верования древних славян // Преподавание истории в школе. М., 1990. № 2. С. 12–17.
21. К изучению молитвенника Гертруды // ВЕДС: Проблемы источниковедения ([III] Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто). М., 1990. С. 147–151.
22. Составление и комментарий в кн.: Лирика Древней Эллады и Рима. М., 1990.
23. Sprawa pruska w polityce Daniela Halickiego // Ekspansja niemieckich zakonyw rycerskich w strefie Bałtyku od połowy XVI wieku. Toruń, 1990. S. 51–60.
24. Нищенствующие ордена как политические посредники между Орденом, Польшей и Русью // Славяне и их соседи: Католичество и православие в средние века. М., 1991. С. 18–19.
25. Поучения против язычества // Древнерусские письменные источники X–XIII вв. [Каталог]. М., 1991. С. 15–16.
26. Латынь и культура // Классическое наследие и современность: Материалы и тезисы конференции. СПб., 1992. С. 92–93.
27. Проблемы исследования латинской агиографии средневековой Польши // ВЕДС: Спорные проблемы истории ([V] Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто). М., 1993. С. 81–83.
28. К вопросу о языческих верованиях западных славян // Славянские языки, письменность и культура. Киев, 1993. С. 101–107.
29. Прусский вопрос в политике Даниила Галицкого // ДГ, 1991 год. М., 1994. С. 251–258.
30. Астрологическое зерцало в молитвеннике XI в. // На рубежах познания Вселенной: Историко-астрономические исследования, 1992 год. М., 1994. С. 244–252.
31. Латинский молитвенник — памятник древнерусской истории XI в. // ВЕДС: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей ([VI] Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто). М., 1994. С. 72–74.
32. Lingua Latina: Введение в латинский язык и античную культуру (Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем). М., 1993–1994. Ч. 1–3 (в соавт. с А.В.Подосиновым).
33. Реликты языческих верований в «Истории» Яна Длугоша // ВЕДС: Язычество, христианство, церковь ([VII] Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто). М., 1995. С. 84–85.
34. Молитвы русской княгини как памятник древнерусской истории XI в. // Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.) — Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.). [Warszawa], 1997. С. 29–33.
35. Князь Даниил Галицкий и культурно-исторические традиции Польши и России // Культурные связи России и Польши X–XI вв. —

Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w. M., 1998. С. 27–38.

36. Князь Ярополк Изяславич и христианская церковь XI в. // ВЕДС (X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто). М., 1998. С. 132–136.
37. Приватные молитвы жены князя Изяслава // Церковь в истории России. М., 1999. Сб. 3. С. 4–20.
38. Русь и русские в «Анналах» XV в. Иоанна Длугоша // ВЕДС: Историческая память и формы ее воплощения (XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто). М., 2000. С. 173–179.
39. Rus w chronice Jana Długosza // Wykłady naszych obcych collegów. Poznań, 2000.
40. Донесение католического миссионера XIII в. о путешествии через Русь к татарам // От Руси к новой России. М., 2000. С. 19–27.
41. Древняя Русь: Учебное пособие для начальной школы. СПб., 2000. Ч. 1. (в соавт. с Т.С.Голубевой).
42. Древняя Русь: Учебное пособие для начальной школы. СПб., «Специальная литература». Ч. 2 [в печати].
43. Родная старина: Книга для чтения. М., «РОСПЭН» [в печати].
44. Publikacja źródeł i rosyjsko-polskie stosunki we wczesnym średniowieczu w najnowszej historiografii // Сб. материалов конференции Российско-польской комиссии историков, состоявшейся в Варшаве 28–29 сентября 1999 г. [в печати].

ВОЛЬФ МЕНДЕЛЕВИЧ БЕЙЛИС
(1923–2001)

Вольф Менделевич Бейлис — тонкий знаток и интерпретатор средневековых арабских текстов — был одним из тех, кто стоял у истоков создававшегося усилиями В.Т.Пашуто, Я.Н.Щапова, А.П.Новосельцева нового для советской историографии направления — зарубежного источниковедения истории Древней Руси.

Поступив в 1940 г. в Киевский университет, В.М.Бейлис прервал учебу в 1941 г. и до 1946 г. находился в действующей армии, был четырежды ранен, награжден правительственными наградами. Лишь в 1950 г. он окончил Киевский государственный университет, после чего начал работать учителем средней школы в г. Чернобыле, совмещая работу с обучением в аспирантуре Института истории СССР Академии наук СССР, которое завершилось в 1963 г. защитой кандидатской диссертации по арабистике. Именно в эти годы завязывается его дружба с А.П.Новосельцевым и тесные связи с другими сотрудниками сектора феодализма Института.

С 1964 г. и до конца своей жизни В.М.Бейлис работал в Луганском педагогическом институте (ныне университет), где защитил докторскую диссертацию, в 1968 г. получил звание профессора по кафедре общей истории, в 1978–1989 гг. был заведующим этой кафедры, воспитал десятки историков и арабистов, плодотворно работающих ныне в педагогических и научных учреждениях Украины.

Он осуществил исследование и издание факсимиле уникальной рукописи — сборника рассказов, писем и стихов выдающегося арабского писателя и политического деятеля XII в. Мас'уда ибн Намдара (в серии «Памятники письменности Востока»), редактировал переводы и исследования сочинений аз-Захрави, Джалал ад-Дина Манкбурны, Ибн Хордадбеха и др.

Сотрудничество В.М.Бейлиса с «сектором Пашуто» — сектором «Истории древнейших государств на территории СССР» Института истории СССР Академии наук СССР началось в 1970-е годы и продолжалось до самых последних дней Вольфа Менделевича, невзирая на все политические катаклизмы и организационные перемены.

В 1970-е годы вместе с А.П.Новосельцевым он разрабатывал состав источников, которые должны были быть включены в «восточ-

ную» часть свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» (ныне «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»), издание которого в Институте истории СССР началось в 1977 г., а теперь продолжается в Институте всеобщей истории РАН. Ему принадлежит серия исследований сведений арабских авторов о народах Восточной Европы, публиковавшаяся в ежегоднике «Древнейшие государства на территории СССР» (ныне «Древнейшие государства Восточной Европы»). Это крайне ценные наблюдения о восприятии арабскими писателями географических и исторических реалий Восточной Европы, о степени их информированности об этой периферии средневековой ойкумены, о способах и формах передачи исторической информации об этом регионе. Рассматривавшиеся им сообщения, даже небольшие по объему, пополнили знания о народах Восточной Европы и Древней Руси.

Вольфу Менделевичу, человеку незаурядному и глубоко эрудированному, были присущи редкая скромность, деликатность и внимательность к мнениям других людей, в том числе молодых, начинающих ученых. Неудивительно, что к нему часто и охотно обращались за советами и консультациями востоковеды, работающие в секторе, другие сотрудники. Его присутствие на проводимых сектором конференциях повышало их научный уровень, но — главное — способствовало созданию на них атмосферы доброжелательности и заинтересованности. На его суд посылались близкие к завершению исследования — и не было случая, чтобы Вольф Менделевич, уже тяжело больной, с интересом и вниманием не откликнулся на просьбу и не помог своим авторитетным суждением.

Мы потеряли не только крупного ученого, но и истинного друга. С любовью и благодарностью мы всегда будем вспоминать Вольфа Менделевича Бейлиса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БВЛ	—	Библиотека всемирной литературы
ВВ	—	Византийский временник
ВДИ		Вестник древней истории
ВЕДС		Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М.
ВИ	—	Вопросы истории
ВПЛ	—	Вологодско-Пермская летопись. ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26
ДГ	—	Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования — с 1975 по 1993 г. Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования — с 1994 г.
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей
ИСССР	—	История СССР (ныне — Отечественная история)
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии
ЛОИА	—	Ленинградское отделение Института археологии
МАР	—	Материалы по археологии России
МИА	—	Материалы и исследования по археологии
НК		Новгородская Карамзинская летопись
НПЛ	—	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (репринт: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3)
НЧЛ	—	Новгородская четвертая летопись. 2-е изд. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1; Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2; Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3
ПВЛ	—	1. Повесть временных лет; 2. Повесть временных лет / В.П.Адрианова-Перетц. СПб., 1996. 2-е изд., испр. и доп.
ПСРЛ		Полное собрание русских летописей
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	—	Российская государственная библиотека
РНБ	—	Российская Национальная Библиотека (прежде ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина)
СА		Советская археология
СПЛ	—	Софийская первая летопись. СПб., 1851. Т. 5–6 (репринт: М., 2000)
СС	—	Скандинавский сборник. Таллинн
ТОДРЛ	—	Труды отдела древнерусской литературы
Am.	—	Atlamál in grœnlenzka
ANF	—	Arkiv för nordisk filologi
AS	—	Anglo-Saxon
ASB	—	Altnordische Saga-Bibliothek. Halle (Saale), 1892–1929. Bd. 1–18
ASJ	—	Aslak Bolts Jordebog: fortegnelse og andre heligheder tillhören de erkibiskopstollen i Nidaros, affatet ved Erkibiskop Aslak Bolts

		foranstaltning mellem aarene 1432 og 1449 / P.A.Munch. Christiania, 1852
BGA	—	Bibliotheca geographorum arabicorum. Leiden
BHL		Bibliotheca Hagiographica Latina. Bruxelles, 1898–1901. B. I–II
Bps.		Biskupa sögur. Kaupmannahöfn, 1858–1878. B. I–II
DN		Diplomatarium Norvegicum. Kristiania, 1849–1913. B. I–XXI
Fask.		Fagrskinna / Finnur Jónsson // Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. København, 1902–1903. B. XXX
Flat.		Flateyarbók. Christiania, 1860–1868. B. I–III
Gr.		Grágas
Háv.	—	Hávamál
Hb.	—	Hauksbók
HH II.	—	Helgakviða Hundingsbana II
Hkr.		Heimskringla / Finnur Jónsson // Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. København, 1893–1901. B. XXIII. I–IV
ÍF		Íslenzk Fornrit. Reykjavík
Ísl.		Ares Isländerbuch / W.Golther // Altnordische Saga-Bibliothek. Halle, 1923. H. 1
JbGOE	—	Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München; Wiesbaden
JEGP		Journal of English and Germanic Philology
KLNM	—	Kulturhistorisk Leksikon for nordisk Middelalder fra vikingetid til reformationstid
LDNH	—	Latinske Dokument til Norsk Historie fram til år 1204 / E.Vandvik. Oslo, 1959
LECUB	—	Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch
MGH		Monumenta Germaniae Historia
MHG	—	Middle High German
MHN	—	Monumenta Historica Norvegiae. Latinske kildeskrifter til Noregs historie i middelalderen / G.Storm. Kristiania, 1880
(N)HT		Historisk Tidskrift udgitt av Den norske historiske forening. Kristiania /Oslo
NL	—	Necrologium Lundense (Lunds Domkyrkas Nekrologium) / Lauritz Weibull. Monumenta Scaniae Historica. Lund, 1923
NGL	—	Norges gamle Love indtil 1387. Christiania, 1846–1895. B. I–V
Nj.		Njála / Udg. af det kongelige Nordiske Oldskrift Selskab. København, 1875–1889. B. I–II
NVAOA		Avhandlinger utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo
NVAOS	—	Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo
OHG		Old High German
ON	—	Old Norse
Peo	—	Pre-publications of the English Department of Odense University
SFSS	—	Samlingar utgivna av Svenska fornskriftssällskapet
SOKK		Suomen ortodoksinen kirkko museo
Sturl.		Sturlungasaga / G.Vigfusson. Oxford, 1878. Vol. I–II
Sturl. 1906–1911	—	Sturlunga saga efter membranen Kryksfjarðarbók udfyldt efter Reykjarfjarðarbók. København; Kristiania, 1906–1911. B. I–II
SUGNL	—	[Skrifter udgivet af] Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. København, 1880 ff.
TKUA		Tyske Kancelli, Udenlandsk afdeling
ZfdA	—	Zeitschrift für deutsche Alterthum

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии 3

Р.Зимек. Викинги: миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов 9

С.Чернер. Происхождение и развитие государственной системы на острове Готланд в средние века 26

Л.С.Чекин. Первые карты Скандинавского полуострова 44

А.В.Бусыгин. Монах Теодорик и его «История о древних норвежских королях» (Проблемы источниковедения) 86

А.Стальсберг. Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и Древней Русью в эпоху викингов: возможности и ограничения археологического изучения 93

И.Янссон. К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов 116

В.Я.Петрухин. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии 127

Г.В.Глазырина. Правители Руси (Обзор древнескандинавских источников) 143

С.Л.Никольский. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) 160

И.Г.Коновалова. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. 169

Т.М.Калинина. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. 190

Дж.Х.Линд. Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля свейского Магнуша» по шведским и русским источникам 211

А.Д.Щеглов. Олаус Магнус о России и русских (К вопросу об интерпретации образа) 230

А.О.Амелькин. «Знаки Рюриковичей» на стенах гробницы Царского кургана под Керчью 239

Г.Шрамм. Роль города Коростеня в ранней истории Руси. Этимологические подходы к историческим проблемам 255

Ф.Б.Успенский. Варяжское имя в русском языковом обиходе (К этимологии слова «олух») 263

О.А.Смирницкая. Софья Свириденко и ее «Эдда» 281

Р.Кук. Искусство и история в исландских родовых сагах 299

И.Г.Матюшина. О жанровой эволюции рыцарской саги 309

Публикации источников

Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую Землю (Вступительные статьи, публикация текстов, переводы с древнеисландского и латинского, примечания Е.А.Мельниковой) 363
«Дорожник» аббата Николая 369
Перечень городов и мест упокоения святых 416
Пути 424
Путь в Рим 427
Путешествие в Святую Землю 430
Прядь о Торде Золотой Асы (Перевод с древнеисландского, комментарии и статья Е.А.Гуревич) 437

Рецензии

Е.Л.Назарова. Рец. на кн.: Livländische Reimchronik. Atskaņu Hronika / V.Bisenieka atdzejojums no vācu vālodas, Ē.Mugurēviča priekšvārds. Ē.Mugurēviča, K.Kļaviņa komentāri. Rīga, Zinātne, 1998 (Рифмованная хроника. Пер. с нем. В.Бисениекса, предисл. Э.Мугуревича, коммент. Э.Мугуревича и К.Кляviньша) 450
В.И.Матузова. Раннее европейское средневековье на страницах двух юбилейных сборников 454

In memoriam

Наталия Ивановна Щавелева (1946–2001) (Памяти коллеги и друга) 460
Вольф Менделевич Бейлис (1923–2001) 467

Список сокращений 469

Научное издание
ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
1999 г

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории РАН

Редактор *М.А.Жданов.* Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова.* Корректоры *Е.В.Карюкина, И.Г.Ким*
Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

ЛР № 020297 от 23.06.97 Подписано к печати 05.03.02. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Печать офсетная Усл. п. л. 29,5. Усл. кр.-отт. 29,9. Уч.-изд. л. 32,4. Тираж 1000 экз. Изд. № 7967 Зак. 5804

Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6